

Джеймс Поттер

и Золотая Персепедия
Старейших

Д. Норман Липперт

История о приключениях сына
Гарри Поттера.

Annotation

Когда старший сын Гарри Поттера, Джеймс Сириус, прибывает в Хогвартс, в котором царят напряжение и разногласия, то сразу попадает в центр событий. Готовится заговор с целью начать войну в мире волшебников и магглов, и только Джеймс со своими новыми друзьями, Ральфом и Зейном, могут решить эту проблему, пока не стало слишком поздно... Не просто фанфик, официально выпущенная в Америке книга, одобренная самой мамой Ро. История о приключениях сына Гарри Поттера, Джеймса, написанная в лучших традициях фэнтези. В книге так же участвуют известное трио: повзрослевшие Гарри, Рон и Гермиона, наблюдающие за первым годом своих деток, которые явно пошли в родителей.

- [Джордж Норман Липперт](#)
  - [ПРОЛОГ](#)
  - [Глава 1. Тень легенды](#)
  - [Глава 2. Гости из Альма Алерона](#)
  - [Глава 3. Призрак и Незванный Гость](#)
  - [Глава 4. Прогрессивный Элемент](#)
  - [Глава 5. Книга Астромаддукса](#)
  - [Глава 6. Ночная встреча Гарри](#)
  - [Глава 7. Потерянная привязанность](#)
  - [Глава 8. Пещерная Цитадель](#)
  - [Глава 9. Вероломные дебаты](#)
  - [Глава 10. Каникулы на Площади Гриммо](#)
  - [Глава 11. Три реликвии](#)
  - [Глава 12. Визиум-Инептио](#)
  - [Глава 13. Скрытая сила мантии](#)
  - [Глава 14. Зал Пересечения Старейших](#)
  - [Глава 15. Шпион из мира маглов](#)
  - [Глава 16. Разрушительный посох Мерлина](#)
  - [Глава 17. Ночь возвращения](#)
  - [Глава 18. Башня Ассамблея](#)

- [Глава 19. Тайна раскрыта](#)
  - [Глава 20. Рассказ о предателе](#)
  - [Глава 21. Дар зеленого ларца](#)
  - [notes](#)
    - [1](#)
    - [2](#)
    - [3](#)
    - [4](#)
    - [5](#)
    - [6](#)
-

**Джордж Норман Липперт
Джеймс Поттер и Зал Пересечения Старейших
(основано на персонажах и мире Джоан
Роулинг)**

*Тогда у меня был стул из слоновой кости,
высокий, чтобы сидеть сверху,
Почти как на стуле моего отца, который был
троном из слоновой кости;
Там я сидела, высоко подняв голову, там я сидела
одна.*

Кристина Россетти.

ПРОЛОГ

Мистер Грей заглянул за угол и обследовал коридор.

Он был затянут бесконечной дымкой, с вкраплениями шаровидных серебристых огоньков.

Ему говорили, что эти огоньки являются болотными огнями, помещенными в чары временной петли, чтобы они не погасли.

Он никогда даже не слышал о болотных огнях, не то что про чары временной петли, но, в то же время, мистер Грей никогда не был в месте похожем на Зал Тайн.

Он вздрогнул.

- Я никого не вижу — прошептал он двум фигурам позади него.

- Ни ворот, ни замков, вообще ничего.

- Вы думаете, они используют невидимые барьеры или что-то в этом роде?

- Не-а, — ответил серьезный голос. — Нам точно указали, где были размещены сигнальные огни, не так ли? В этой секции все чисто. Мы должны бояться только часового. Если не видишь его, тогда входи.

Мистер Грей пошаркал ногами:

- Я знаю, что нам сказали, но не думаю, что это правильно, Бистл. У меня есть предчувствие. Мне мама так всегда говорила.

- Не называй меня Бистл, ты, недоумок, — проскрипел голос, который принадлежал чрезвычайно седому гоблину в черной рубашке и штанах. — На работе меня зовут мистер Шафрон, и только. И будь проклято твое шестое чувство. Ты ведешь себя как трус, когда попадаешь в незнакомое место. Чем быстрее мы войдем, тем быстрее все это закончится и мы вернемся в хижину, праздновать.

Третьим был высокий, пожилой мужчина с острой белой козлиной бородкой. Он обошел мистера Шафрона и пошел по

коридору, попутно изучая двери.

- Видите, как легко мистер Пинк^[1] сделал это? — спросил мистер Сафрон, подходя поближе и оглядываясь вокруг. — Он знает, что нашей информации можно верить. Нет охраны, нет проблем. Правда, мистер Пинк?

Мистер Грей последовал за мистером Шафроном, хмурая брови и наблюдая за таинственными дверьми. Здесь были сотни, а может быть и тысячи — дверей вдоль бесконечного коридора. Все без названий или каких-либо табличек. Было слышно, как идущий первым мистер Пинк шепотом считает.

- Почему я должен быть мистером Греем? — с раздражением спросил он. — Никому не нравится серый. Его цветом-то с трудом назвать можно.

Гоблин проигнорировал его. Через пару минут мистер Пинк приостановился, мистер Сафрон и мистер Грей замерли позади него, хмуро оглядывая коридор.

- Это не может быть то место, мистер Пинк, — сказал гоблин. — В этой секции вообще нету дверей. Вы уверены, что правильно посчитали?

- Я правильно посчитал, — отрезал мистер Пинк. Он посмотрел на пол, а затем на носочках пошел по мраморным плитам. Угол одной из них был обломан. Мистер Пинк хмыкнул и опустился на колени. Он потрогал пальцем обломанный уголок. Затем кивнул в ответ на какие-то свои мысли, засунул пальцы в дыру и потянул. Прямоугольная часть пола начала подниматься вверх, открытая пальцем мистера Пинка. Он потянул сильнее и прямоугольный кусок пола выдвинулся, как длинный, вертикальный ящик стола. Он поднимался со скрежетом и грохотом, пока не достиг потолка. Послышался щелчок, будто он вернулся на свое место. Он был таким же высоким и широким как дверь, но всего пару дюймов в глубину. Мистер Грей обошел вокруг него и увидел бесконечный коридор Отдела Тайн, тянувшегося позади.

- Как ты узнал, что он здесь? — потребовал ответа мистер Шафрон, подняв глаза на мистера Пинка. — Она сказала

мне. — ответил мистер Пинк, пожав плечами.

- Она сказала, неужели? Может, ты знаешь еще что-то, о чем до сих пор не рассказал нам?

- Достаточно, для того чтобы довести нас сюда, — сурово ответил мистер Пинк. — ты-взломщик, мистер Грей — вышибала, а я — картограф. Каждый знает то, что ему нужно, и ничего лишнего.

- Да, да, я помню, — проворчал гоблин. — Тогда будь любезен, дай мне ознакомиться с ним, ага?

Мистер Пинк уступил ему дорогу и тот приблизился к загадочной каменной пластине. Гоблин аккуратно изучал ее, что-то бормоча себе под нос и щурясь. Он прислонил к ней свое ухо, и постучал по разным местам. В конце концов, он полез в карман своей черной рубашки и достал какой-то сложный механизм, сделанный из десятка медных петель. Он развернул одну из них и поглядел сквозь нее на каменную плиту.

- Честно говоря, едва ли он стоит наших усилий, — пробормотал он. — Это замок-гомункул. Открывается только при определенных условиях. Например, рыжей девушкой, поющей национальный гимн Атлантиды в три часа во вторник. Или когда разбитое зеркало отражает луч заходящего солнца на глаз козы. Или когда мистер Грей охотится на привидение верхом на пурпурном тритоне. На своем веку, я успел повидать несколько хороших замков-гомункулов, ага.

- А этот хороший? — Спросил Мистер Грей, голосом, полным надежды.

Гоблин оскалится, показывая множество мелких острых зубов.

- Как там говорил мистер Пинк? Каждый знает то, что ему нужно, чтобы выполнить свою работу, — он начал рыться в другом кармане и достал маленькую стеклянную бутылочку, заполненную красным порошком. Мистер Шафрон аккуратно поддел пробку от бутылочки и высыпал ее содержимое на пол перед каменной панелью. Порошок закружился вихрем, и падая, образовал неестественно правильный рисунок. Мистер

Грей присел и увидел, что он представлял из себя форму руки скелета, один палец которой указывал на плиту.

Мистер Шафрон достал крошечный медный инструмент и пробормотал «Аккумулямос». Узкий луч зеленого света засветился на конце его волшебной палочки. Гоблин сел на корточки и осторожно положил ее поперек костлявой руки, так, чтобы свет смотрел точно под тем углом, на который указывал палец скелета.

Мистер Грей открыл рот и сделал шаг назад. В аккуратном свете инструмента мистера Шафрона было видно, что неровная каменная поверхность плиты не была случайной. Игра света и тени показала витиеватую гравюру улыбающегося скелета, окруженного танцующими, злобными фигурами. Правая рука скелета была протянута, образуя подобие дверной ручки. Левая рука отсутствовала, и мистер Пинк содрогнулся снова, представив что она — это фигура из красного порошка на полу.

- Это Ужасный танец! — сказал мистер Шафрон, изучая гравюру. — Танец смерти. Открытый с помощью порошка драконьей крови и пещерного света. Да, это хороший замок, мистер Грей.

- Тогда, теперь он открылся? — оживленно спросил мистер Пинк.

- Он никогда и не был закрыт, — ответил гоблин. — Просто нужно знать, куда поднажать. Чувствуй себя как дома, мистер Пинк.

Высокий мужчина осторожно, чтобы не пересечь зеленый свет приблизился к плите. Он вышел вперед и обхватил рукой запястье выгравированного скелета. Он повернул его, при этом послышался низкий скрежещущий щелчок. Гравированная дверь открылась внутрь, показывая большое, темное пространство и отдаленный звук капающей воды. Из отверстия пошел холодный воздух, наполнивший коридор и играющий с черной рубахой мистера Шафрона. Мистер Грей вздрогнул, когда пот на его лбу похолодел.

- Куда она ведет? Это пространство даже не здесь, если

ты понимаешь о чем я.

- Конечно, оно не здесь. — ворчливо ответил мистер Шафрон, но его тоже трясло. — Это скрытая сокровищница. Нам говорили об этом, как и обо всем остальном. Там этот сундук. Пошли, у нас мало времени.

Мистер Пинк провел их через проход, нагнувшись, чтобы пролезть в него. Стало ясно по запаху и эху их шагов, что они находится глубоко в пещере. Мистер Пинк достал волшебную палочку и зажег ее, но она осветила не более чем блестящие, влажные камни под ногами. Чернота поглощала свет, и мистер Грей ощутил, что они находятся так глубоко, что здесь никогда не было солнечного света. На коже ощущался холодный, сырой туман, охлаждающий их после теплого коридора. Мистер Грей оглянулся, но смог увидеть только очертания двери, ведущей назад. Она светилась столбом серебристого огня словно мираж.

- Г-где мы сейчас находимся, как вы думаете? — спросил он.

- Воздушная дыра в пещере под Атлантическим океаном — ответил мистер Пинк, на ходу.

- Под... — начал говорить ослабшим голосом мистер Грей и сглотнул. — У меня плохое предчувствие. Действительно плохое. Я хочу вернуться назад, Бистл.

- Не зови меня Бистл, — не задумываясь ответил гоблин.

- А все-таки, что в этом сундуке? — простонал мистер Грей. — Надеюсь, там что-то действительно стоящее. Не могу представить то, ради чего стоило прийти в такое место.

- Не думай об этом, — грубо ответил мистер Сафрон. — Там больше всего, о чем ты когда-либо мечтал. Нам больше никогда не придется работать. Больше никакой мелочевки и налетов посреди ночи. Как только мы возьмем сундук, наши дела наладятся.

- Но что там? — настаивал мистер Грей. — Что в сундуке?

- Ну, подожди и увидишь.

Мистер Грей остановился:

- Ты не знаешь, не так ли?

Мистер Шафрон зашипел:

- Не имеет значения что там, тупица. Нам сказали, что там больше, чем все о чем мы когда-либо мечтали, разве нет? Все, что нам надо сделать, это украсть коробку и отдать двадцать процентов нашему информатору. Они вряд ли помогли бы нам проникнуть в Министерство Магии, если бы не рассчитывали на хороший кусок добычи, не так ли?

И кстати, почему бы тебе не спросить у мистера Пинка? Он знает.

- Я тоже не знаю, — задумчиво сказал мистер Пинк.

Последовала долгая пауза. Мистер Грей слышал шум капель воды, эхом отдающихся в темноте.

Наконец-то, мистер Шафрон сказал:

- И ты тоже не знаешь?

Мистер Пинк медленно покачал головой, едва заметно, в свете собственной палочки.

Гоблин нахмурился:

- Каждый из нас знает только то, что ему нужно знать, не так ли?

- Все, что нам нужно знать, это только куда идти, — начал мистер Пинк. — как только мы доберемся до места, мы узнаем, что делать.

Гоблин кивнул, вспоминая:

- Тогда ладно. Пойдемте, мистер Пинк. Вы наш проводник.

- Мы на месте, — ответил он. — Теперь очередь Грея работать.

Он развернулся и осветил палочкой перед собой. Ужасное, чудовищное лицо сверкнуло в темноте, освещенное слабым серебристым светом. У мистера Грея подогнулись колени.

- Это просто статуя, ты, простофиля, — прорычал мистер Сафрон. — Это же та самая голова дракона, о которой нас предупреждали. Идти вперед и открой ее. Отработай свою долю, мистер Грей.

- Ненавижу это имя, — сказал мистер Грей, проходя мимо статуи. Она была больше него, и сделана из сталактитов и сталагмитов на стене пещеры. — Я хочу быть мистером Пурплом^[2]. Мне нравится фиолетовый.

Он припал к земле и просунул руки между корявыми зубами дракона. Мистер Грей был необычайно силён, но чтобы поднять челюсть дракону ему понадобились вся его огромная сила. От напряжения пот стекал по его лицу и шее, но статуя не пошевелилась. Наконец, когда мистер Грей понял, что оторвал мускулы от костей, послышался звук бьющегося стекла и челюсть открылась. Сталактиты, которые образовывали сочленение челюсти, сломались. Мистер Грей приподнял челюсть, чтобы остальные смогли пробраться внутрь.

- Быстрее! — приказал он, сквозь сжатые зубы.

- Не брось эту проклятую штуку на нас — прохныкал мистер Шафрон, пока мистер Пинк нырял в раскрытую пасть дракона.

Отверстие за драконьей головой было низким и практически круглым. Сталактиты и сталагмиты окружали пространство, словно колонны, поддерживающие ровный куполообразный потолок. Каменный пол, устроенный в виде террасы, вел вниз в центр, где в темноте находилось что-то, непонятной формы.

- Это не сундук. — уныло пробормотал мистер Пинк.

- Не сундук, — согласился мистер Сафрон. — Но здесь ведь только одна вещь? Думаешь, мы сможем ее вытащить?

Мистер Пинк сошел с террасы, оставив гоблина карабкаться позади него. Они осматривали объект некоторое время, потом мистер Пинк засунул свою палочку между зубами. Он наклонился, хватая объект, и кивнул гоблину, чтобы тот схватил его с другой стороны. Он был удивительно легкий, несмотря на то, что покрыт кальцием и минералами. Они неуклюже тащили объект между собой, поднимая его вверх по террасе. Палочка мистера Пинка светилась, качалась

и дергалась, отчего их тени дико скакали по стенам и потолку.

Наконец они перетащили объект через открытую челюсть статуи дракона. Мистер Грей сильно вспотел, его колени стали ватными. Когда он увидел, что все его компаньоны вышли, он отпустил верхнюю челюсть. Она захлопнулась и раскололась, произведя облако песчаной пыли и оглушительный треск. Мистер Грей упал на каменный пол пещеры, потеряв равновесие от напряжения.

- Так, что это? — спросил мистер Шафрон, игнорируя тяжелое дыхание мистера Грея. — Не похоже, что это стоит целое состояние.

- Я никогда не говорил, что оно стоит состояние — сказал голос из темноты позади них. — Я только сказал, что его хватило бы на всю вашу жизнь. Забавно, как много значений может иметь фраза, подобная этой, не так ли?

Мистер Шафрон стал крутиться вокруг, в поисках источника голоса, но мистер Пинк повернулся очень медленно, словно ожидал этого. Из тьмы появилась фигура в черной мантии. Лицо было скрыто за ужасной блестящей маской. Еще две похожих фигуры появились из темноты.

- Я узнаю твой голос — сказал мистер Пинк. — Я должен был догадаться.

- Да, — согласился голос. — Должны были, мистер Флетчер, но не сделали этого. Годы твоего опыта не сравнятся с природной жадностью. Но теперь уже слишком поздно.

- Подождите, — крикнул мистер Шафрон, выбрасывая вперед руки. — Вы наняли нас. Вы не можете этого сделать! У нас соглашение!

- Да, у нас соглашение, мой дорогой гоблин. Большое спасибо за услугу. Вот твоя доля.

Вспышка оранжевого света выскочила от одной из фигур, ударив мистера Шафрона в лицо. Он запнулся и схватился за горло, издавая звук, как будто задыхается. Он, все еще корчась, повалился на спину.

Мистер Грей стоял на трясущихся ногах.

- Это неправильно. Вы не должны были так поступать с

Бистлом. Он всего лишь делал так, как вы просили.

- И он получил то, что мы обещали, — любезно ответил голос под маской. Снова вспыхнула струя оранжевого света и мистер Грей упал.

Три фигуры в масках приблизились, окружая мистера Пинка. Он безнадежно смотрел на них.

- Хотя бы скажите мне, что это, — попросил он. — Скажите мне, что за штуку мы достали для вас, и почему вы наняли нас, а не сделали этого сами.

- Боюсь, твой последний вопрос, не твое дело, мистер Флетчер — сказал голос, окружая его. — Как говорится: если мы скажем тебе, нам придется убить тебя. Это приведет к тому, что к концу нашей сделки не останется выживших. Мы обещали заботиться о тебе всю жизнь, и мы намерены выполнить обещание. Может это не та жизнь, о которой ты мечтал, но нищий не выбирает.

Палочка направила мистеру Пинку в лицо. Он не использовал имя Флетчер долгие годы. Он оставил его, когда перестал быть жуликом. Он так старался быть честным и хорошим. Но потом получил эту работу: в Министерстве Магии, такую замечательную, высокооплачиваемую, и просто не смог отказаться. Конечно, его старые друзья из Ордена разочаруются в нем, но большинство из них уже мертвы. Больше никто не знает его настоящего имени. Или он так думал. По видимому, эти люди все время знали — кто он. Они использовали его, и теперь собирались ликвидировать. С одной стороны справедливо. Он тяжело вздохнул.

Голос продолжал:

- Что касается твоего первого вопроса, думаю мы можем ответить. Это, кажется, будет честно. Кто, после сегодняшнего, сможет это рассказать? Ты искал сундук с сокровищем, потому что ты человек с небольшими запросами. Мы не такие мелочные, мистер Флетчер. Наши цели великие. И благодаря тебе, и твоей группе, теперь у нас есть все для ее достижения. Наша цель — власть, и то что ты видишь здесь — средство получить ее. То, что ты видишь, мистер Флетчер...

это просто конец твоего мира.

Безнадежность охватила Наземникуса Флетчера и он упал на колени. Когда струя оранжевого света ударила его, пытаясь удушить, охватывая тьмой, он приветствовал ее. С раскрытыми объятиями.

Глава 1. Тень легенды

Джеймс Поттер медленно продвигался по узкому коридору поезда, как можно небрежнее заглядывая в каждое купе. Для тех, кто внутри, он, вероятно, выглядел так, словно ищет кого-то из друзей или группу ребят, с кем можно было бы скоротать время поездки, и это было сделано намеренно. Последнее, чего бы хотелось Джеймсу, это чтобы кто-либо заметил, как он нервничает, несмотря на бравату, которую он продемонстрировал своему младшему брату Альбусу на платформе. Его желудок скручивало узлом и мутило, словно он откусил половину блевательного батончика дяди Рона и Джорджа. Он открыл раздвижную дверь в конце пассажирского вагона и осторожно перешагнул в следующий. Первое купе было заполнено девочками. Они оживленно разговаривали друг с другом, словно лучшие подруги, не смотря на тот факт, что, скорее всего, только что познакомились. Одна из них подняла глаза и увидела, что Джеймс смотрит. Он поспешно отвел взгляд, делая вид, что рассматривает окно позади них на станцию, где все еще царила оживленная деятельность. Чувствуя, что его щеки немного покраснели, он вернулся в коридор. Если бы только Роуз была на год старше, она была бы здесь, с ним. Она была девчонкой, но по совместительству

двоюродной сестрой, и они росли вместе. Было бы неплохо иметь хоть одно знакомое лицо рядом с собой.

Конечно, Тед и Виктория тоже были в поезде. Тед, семикурсник, так быстро слился с шумной толпой возвращающихся друзей и однокурсников, что едва успел махнуть и подмигнуть Джеймсу, прежде чем исчезнуть в переполненном купе, из которого доносились удары рок-музыки по новой беспроводной связи. Виктория, которая была на пять лет старше его, пригласила Джеймса сесть с ней во время поездки, но он не чувствовал себя с ней так же комфортно, как с Роуз. Его не привлекала идея слушать болтовню её и еще четверых девчонок из купе о пикси-пудре и заклинаниях по уходу за волосами. Будучи частично вейлой, у Виктории никогда не возникало проблем заводить друзей обоих полов, быстро и без особых усилий. Кроме того, Джеймс почему-то чувствовал, что ему необходимо сразу утвердить себя как личность, несмотря на то, что даже эта мысль заставляла его нервничать.

Не то чтобы он беспокоился из-за поездки в Хогвартс. Он с нетерпением ждал этого дня большую часть своей жизни, с тех пор как достаточно повзрослел, чтобы понять, что значит быть волшебником, с тех пор, как мама рассказала ему о школе, в которой однажды училась, о таинственной школе для ведьм и волшебников, изучающих магию. Он прямо зудел в предвкушении своего первого курса, обучения по использованию своей новенькой волшебной палочкой, которую с гордостью носил в своем рюкзаке. Больше всего на свете, он с нетерпением жаждал увидеть Квиддич на поле Хогвартса, получить свою первую настоящую метлу, пройти отбор в команду, возможно, только возможно...

На этом его волнение переходило в холодную тревогу. Его отец был Ловцом Гриффиндора, самым молодым в истории Хогвартса. Лучшее, на что он, Джеймс, мог рассчитывать — соответствовать этому рекорду. Этому все ожидали от него, первенца, сына знаменитого героя. Он помнил историю, рассказанную ему десятки раз (но никогда своим собственным отцом) о том, как молодой Гарри Поттер выиграл свой первый Золотой Снитч, совершив мастерский прыжок с метлы, поймав золотой мячик ртом и едва не проглотив его. Рассказчики истории всегда смеялись шумно, радостно, и если отец был там, он смущенно улыбался, когда они хлопали его по спине. Когда Джеймсу было

четыре, он нашел знаменитый Снитч в обувной коробке на нижней полке буфета в обеденном зале. Его мама сказала что это подарок папе от старого директора школы. Крошечные крылья уже не работали, а мячик покрывал тонкий слой пыли и потускнел от этого, но Джеймс был заморожен им. Это был первый снитч который он видел так близко. Мяч выглядел больше и меньше, чем он представлял себе, и маленький вес в его руке казался удивительным. Это знаменитый Снитч, благоговейно думал Джеймс, из истории, тот самый что поймал мой отец. Он спросил отца, если он хранит Снитч в обувной коробке, то не мог бы он дать ему поиграть им в свой комнате. Отец, к счастью, легко согласился, и Джеймс перетащил обувную коробку с нижней полки в изголовье своей кровати, рядом со своей игрушечной метлой. Он притворялся что темный угол в изголовье был его Квиддичным шкафчиком. Он провел много часов, воображая жужжание и крутые повороты на лужайке для Квиддича, в погоне за легендарным Снитчем, и, в конце концов, ловя его в фантастическом вираже, вскакивая, запятив Снитч своего отца под рев воображаемой толпы.

Но что если Джеймс не сможет поймать Снитч, как его отец? Что если он не так хорош на метле? Дядя Рон говорил, что полеты на метле в крови у Поттеров, как огненное дыхание у драконов, но что если Джеймс докажет, что он неправ? Что если он будет недостаточно проворен, или неуклюж, или вообще упадет? Что если он даже не сможет попасть в команду? Для других первогодок это стало бы легким разочарованием. Хотя правила насчет них были пересмотрены, ничтожное количество первокурсников попадало в факультетские команды. Но для Джеймса, тем не менее, это бы означало не оправдать ожиданий. Он бы с самого начала провалился в попытке сравниться с величием Гарри Поттера. И, если он даже не сможет преуспеть в чем-то элементарном, вроде Квиддича, то какие могут быть надежды на легендарную славу мальчика, победившего Василиска, выигравшего Турнир Трех Волшебников, собравшего Дары Смерти и, ну да, избавившего землю от старого Молди-Волди, самого темного и опасного волшебника всех времен и народов?

Поезд шумно и лениво тронулся вперед. Снаружи голос старой проводницы, магически усиленный, объявил о закрытии дверей. Джеймс остановился в коридоре, внезапно охваченный холодной

уверенностью в том, что худшее уже произошло, что он потерпел жалкую неудачу, даже ничего не начав. Он почувствовал глубокую, вдруг пронзившую его тоску по дому, моргнул, сдерживая слезы, и быстро перевел взгляд на следующее купе. Там было два мальчика, оба молчали и смотрели в окно, за которым Платформа Девять и Три Четверти начала медленно уезжать назад. Джеймс открыл дверь и поспешно ввалился внутрь, в надежде увидеть свою семью за окном, чувствуя невероятную потребность встретиться с ними взглядом, пока еще не слишком поздно. Его собственное отражение в стекле от яркого утреннего солнца размывало толпу за окном. Там было столько народу; он никогда не сможет отыскать их в этой кутерьме. Он все равно отчаянно прочесывал толпу взглядом. И они были там. Они были именно там, где он их оставил, небольшая кучка людей стоящих среди размытых лиц, как камни в ручье. Они не видели его, не знали в какой части поезда он находится. Дядя Билл и тетя Флер махали куда-то в заднюю часть поезда, и, видимо, кричали слова прощания Виктории. Папа и мама стояли, задумчиво улыбаясь поезду, скользя взглядами по окнам. Альбус стоял рядом с папой, а Лили держала мамину руку, замороженная гигантским алым двигателем, который выбрасывал большие клубы пара, шипел и звенел, набирая скорость. И вот мамин взгляд поймал Джеймса, и ее лицо просияло. Она сказала что-то, и папа повернулся, вгляделся и отыскал его. Они начали махать руками, гордо улыбаясь. Мама утерла уголок глаза одной рукой, а другой, взяв руку Лили, махала Джеймсу. Джеймс не улыбнулся в ответ, но смотрел на них и все равно чувствовал себя немного лучше. Они уехали назад, будто на конвейере с улыбающимися лицами, машущими руками и размытыми телами между ними. Джеймс смотрел, пока они не исчезли за стеной в конце платформы, потом глубоко вздохнул, скинул свой рюкзак на пол и рухнул на сиденье.

Несколько минут прошли в тишине, пока Джеймс смотрел на проплывающий за окном Лондон. Город постепенно превратился в пригород и промышленную зону, такую занятую и важную в лучах утреннего солнца. Он задумался, как с ним часто бывало о том, как живут неволшебники, и в первый раз завидовал им, с их обычными, не такими страшными (так он полагал) школами и работами. Наконец, он решил обратить внимание на двух других мальчиков в купе. Один сидел

на том же сидении, что и он, но ближе к двери. Он был большим, с квадратной головой и короткими черными волосами. Он жадно листал иллюстрированный буклет «Элементарная Магия: Все, что нужно знать начинающей ведьме или волшебнику». Джеймс видел, как они продавались у небольшой стойки на платформе. На обложке красивый волшебник подросток в школьной мантии подмигивал, призывая разные вещи из чемодана. Он только вырастил дерево с чизбургерами на ветвях, как мальчик завернул обложку назад, чтобы прочитать одну из статей. Джеймс переключился на мальчика сидящего напротив, который не стесняясь смотрел на него и улыбался.

— У меня есть кот, — неожиданно заявил он. Джеймс взглянул на него и заметил коробку на сидении рядом с мальчиком. У нее была дверь-решетка, сквозь которую можно было увидеть развалившегося черно-белого кота, вылизывающего лапу.

— У тебя ведь нет аллергии на кошек, а? — серьезно спросил мальчик Джеймса.

— О. Нет, — ответил Джеймс. — Не думаю. У нас есть собака, но у моей тети Гермiony есть большой старый обшарпанный кот. У меня с ним никогда не возникало проблем.

— Это хорошо, — невозмутимо продолжал мальчик. У него был американский акцент, что немало удивило Джеймса.

— Мои мама и папа — аллергики, так что у нас никогда не было кота, но мне они нравятся. Когда я узнал, что можно привезти кота, я понял что это то, что мне нужно. Это Пальчик. У него лишние на лапках, видишь? По одному на каждой. Он не то чтобы волшебный, но мне кажется, что это делает его интересным. А у тебя кто?

— У меня филин. Он живет у нас в семье пару лет. Большой, старый, амбарный филин, налетал кучу миль. Я хотел жабу, но папа сказал, что в начале школы у мальчика должна быть сова. Он сказал, что полезней животного для первокурсника нету, но я думаю, что он просто хочет этого, потому что у самого была сова.

Мальчик радостно расплылся в улыбке.

— Значит, твой отец тоже волшебник? Мой нет. И мама тоже. Я первый в семье. Мы узнали о волшебном мире только в прошлом году. Я так вообще поверить не мог! Думал магия это то, что случается только на праздновании дня рождения у маленьких детей. Ну знаешь,

парни в цилиндрах вытаскивающие доллар из-за уха. Ну или типа того. Вау! А ты всю жизнь знал, что ты волшебник?

— Вроде того. Сложно проморгать это, если твои первые воспоминания — это прибытие бабушки с дедушкой из камина Рождественским утром, — отвечал Джеймс, наблюдая, как глаза мальчика становятся все шире. — Конечно, это совсем не казалось мне странным, понимаешь? Просто жизнь.

Мальчик многозначительно присвистнул.

— Ну ничего себе! Вот тебе повезло! Ладно, меня зовут Зейн Уолкер, и я из Штатов, если ты еще не догадался. Мой отец работает в Англии уже как год. Снимает фильмы, что, правда, не так интересно, как звучит. Скорее всего в следующем году я пойду в школу волшебства в Америке, но пока что я зачислен в Хогвартс, что вполне круто, если только они не попытаются дать мне еще почек или рыбы на завтрак, а то боюсь понадобятся бумажные пакеты. Приятно познакомиться. — он поспешно закончил и потянулся через купе пожать Джеймсу руку так бесхитростно и отточенно, что Джеймс чуть не рассмеялся.

Он с радостью пожал руку Зейну, почувствовав облегчение от такого быстрого знакомства.

— Мне тоже приятно познакомиться, Зейн. Меня зовут Поттер. Джеймс Поттер.

Зейн откинулся на спинку сидения и с любопытством наклонил голову.

— Поттер. Джеймс Поттер? — повторил он. Джеймс почувствовал небольшой, знакомый всплеск гордости и удовлетворения. Он привык, что его узнают, даже если убеждал себя, что ему это не всегда нравится. Зейн выдал некий загадочный полу-вздых, полу-усмешку.

— Где Кью, Ноль-ноль-семь?

Джеймс поперхнулся.

— Не понял?

— Что? Ой, прости, — сказал Зейн, выражение лица которого стало смущенным. — Думал ты пародируешь Джеймса Бонда. Сложно понять из-за акцента.

— Джеймс кто? — переспросил Джеймс, чувствуя, что нить разговора куда-то ускользает. — А что такого с акцентом? Вообще-то,

это у тебя акцент!

— Твоя фамилия Поттер? — подал голос третий мальчик в купе. Он слегка опустил буклет.

— Да. Джеймс Поттер.

— Поттер! — сказал Зейн в достаточно смешной попытке изобразить английский акцент. — Джеймс Поттер!

Он поднял кулак к своему лицу, направив указательный палец в потолок, изображая пистолет.

— А ты случайно не связан с этим парнем Гарри Поттером? — спросил крупный мальчик, игнорируя Зейна. — Я просто читаю про него в статье «Краткая история Волшебного Мира». Он вроде как большая шишка.

— Он уже давно не парень, — засмеялся Джеймс, — Он мой отец. И он выглядит не такой уж большой шишкой, когда ты видишь его в трусах уплетающего хлопья каждое утро.

Технически, это не было правдой, но людям было комфортнее представлять великого Гарри Поттера в таком бесхитростном виде. Крупный мальчик приподнял брови, слегка нахмурившись.

— Оу. Прикольно. Здесь пишут он победил самого злого волшебника всех времен. Его звали, мм-м... — он взглянул в буклет, ища имя. — Это где-то здесь. Волде-что-то-там, не помню.

— Да, это правда, — сказал Джеймс. — Но сейчас он просто мой папа. Это все было очень давно.

Теперь другой мальчик смотрел на Зейна.

— Ты тоже маглорожденный? — спросил он. Пару секунд Зейн выглядел сбитым с толку.

— Что? Я кторожденный?

— Родители не волшебники. Как у меня, — сказал большой мальчик серьезно. — Я стараюсь выучить термины. Мой отец говорит, что очень важно крепко усвоить основы. Он магл, но уже прочитал «Историю Хогвартса» от корки до корки. Он мне по ней тест устроил, пока мы ехали сюда. Вот задайте мне вопрос. Что угодно.

Он переводил взгляд с Зейна на Джеймса и обратно.

Джеймс вопросительно поглядел на Зейна, который нахмурился и качнул головой.

— Хм. Сколько будет семь умножить на сорок три?

Большой мальчик закатил глаза и рухнул на сиденье.

— Я имел в виду Хогвартс и волшебный мир.

— А у меня новая палочка, — заявил Зейн, и, забыв о крупном мальчике, стал копаться в своем рюкзаке. — Она сделана из березы, а внутри хвост единорога, или что-то вроде того. Пока не могу заставить ее работать. Но это точно не из-за того, что плохо стараюсь, уж поверь.

Он повернулся, взмахнув палочкой, обернутой в желтую ткань.

— Кстати, я Ральф, — сказал крупный мальчик, откладывая буклет. — Ральф Дидл. Я вчера получил палочку. Она сделана из ивы с сердечником из уса гималайского йети.

Джеймс уставился на него. — С чем?

— Ус гималайского йети. Очень редкий, так сказал человек, у которого мы ее купили. Это стоило отцу двадцать галеонов. Что, помоему, немало, — он внимательно посмотрел на лица Зейна и Джеймса. — Э... Что?

Джеймс приподнял брови.

— Да ничего, просто я никогда не слышал о гималайских йети.

Ральф пересел и возбужденно наклонился вперед.

— Естественно! Знаешь, как это бывает. Я всегда думал что все это выдумка. Но потом, на мой день рождения я и отец узнаем, что я волшебник, а я всегда думал, что волшебники тоже вымысел! Я до сих пор узнаю о куче безумных вещей, которых я считал выдумкой, а они оказались правдой, — он подобрал буклет и листал страницы одной рукой, активно жестикулируя другой.

— Просто из любопытства, — осторожно начал Джеймс, — скажи, где ты купил эту палочку?

Ральф усмехнулся.

— Да, мы думали это будет тяжело. То есть, не то чтобы продавцы волшебных палочек были на каждом углу там, откуда мы приехали, в Сюррее. Вот мы и приехали сюда пораньше и вышли на этот Косой Переулок. Никаких проблем! И там, прямо на улице стоял человек с небольшим стендом.

Зейн с интересом смотрел на Ральфа.

— Небольшой стенд, — пробормотал Джеймс.

— Да! Конечно, у него не было палочек прямо на нем. Он продавал карты. Отец купил одну и спросил дорогу к лучшему изготовителю

палочек в городе. Мой отец разрабатывает охранные программы. Для компьютеров. Я вам говорил? Ну, в общем спросил о самом лучшем в этом деле, в изготовлении палочек. Оказалось, этот человек сам эксперт по палочкам. Делает несколько штук в год, но придерживает их для людей, которые знают, что ищут. Ну и отец купил лучшую палочку, что у него была.

Джеймс изо всех сил старался не дрогнуть лицом.

— Лучшую палочку, что у него была, — повторил он.

— Да, — подтвердил Ральф. Он покопался в рюкзаке и извлек нечто размером со скалку, завернутое в коричневую бумагу.

— Ту самую, с сердечником из йети, — уточнил Джеймс.

Ральф внезапно посмотрел на него, развернув сверток, что он достал из рюкзака, лишь наполовину.

— Знаешь, это как-то глупо звучит, после того как ты повторил, да? — спросил он немного угрюмо. — Вот черт.

Он сорвал коричневую бумагу. Она была длиной дюймов восемнадцать и толщиной с метлу. Конец был грубо выструган и раскрашен в ярко-зеленый цвет. Все уставились на нее. Спустя несколько мгновений Ральф в отчаянии посмотрел на Джеймса:

— Она ни для чего волшебного не годится, так ведь?

Джеймс накренил голову.

— Ну, для убийства вампиров идеально, я думаю.

— Правда? — Ральф немного повеселел.

Зейн выпрямился и указал на дверь купе.

— Ву! Еда! Слушай, Джеймс, у тебя нету этих чокнутых волшебных денег? Я йети готов съесть.

Старенькая ведьма с тележкой еды посмотрела в открытую дверь купе.

— Чего-нибудь желаете, дорогие мои?

Зейн подскочил и стал разглядывать ее товары, серьезно и критически их изучая. Он выжидающе посмотрел на Джеймса.

— Ну давай, Поттер, вот твой шанс угостить нас, маглорожденных, со всей щедростью волшебников. У меня есть только десять американских долларов, — он повернулся к ведьме. — Вы ведь не принимаете американские зеленые, не так ли?

Она выглядела слегка ошеломленной.

— Американские зеленые... Простите?

— Вот ведь дрянь. Так и знал, — сказал Зейн, протягивая ладонь Джеймсу.

Джеймс рылся в карманах джинсов, ошеломленный и пораженный таким нахальством.

— Волшебные деньги это не игрушка, если что, — сказал он укоризненно, но с улыбкой в голосе.

Ральф, моргая, вынырнул из своего буклета.

— Он только что сказал «дрянь»?

— Ооо! Ты только погляди! — радостно завопил Зейн. — Сладкие Котелки! И Лакричные Палочки! Вы, волшебники, действительно знаете толк в метафорах. То есть, мы, волшебники. Ха!

Джеймс заплатил ведьмочке и Зейн плюхнулся обратно на сиденье, открывая коробку Лакричных Палочек. Разноцветные палочки лежали в аккуратных формочках. Зейн достал красную, помахал ею, и направил в сторону Ральфа. Прозвучал хлопок и дождь из крохотных фиолетовых цветов посыпался на его футболку. Ральф уставился на них.

— Пока лучше, чем то, что получалось с моей палочкой, — резюмировал Зейн, с удовольствием откусывая кончик палочки.

Джеймс был приятно удивлен тем, что он больше не нервничал, по крайней мере, не так сильно.

Он открыл свою коробку с Шоколадной Лягушкой, поймал беглянку в воздухе, когда она попыталась ускакать, и откусил голову. Посмотрел на дно коробочки и увидел лицо отца, смотрящее на него. «Гарри Поттер, Мальчик, Который Выжил» — значилось внизу карточки. Он вынул карточку из коробки и протянул Ральфу.

— Вот. Небольшой подарок для моего нового маглорожденного друга, — сказал он, когда Ральф взял карточку. Но Ральф не особо обратил на него внимания. Он жевал, держа в руках один из тех маленьких фиолетовых цветов.

— Я точно не уверен, — сказал он, задумчиво просмотрев на них, — но думаю, что они сделаны из меренгой.

После отправной атмосферы волнения и беспокойства, а затем и круговорота новых знакомств, остаток поездки казался удивительно

обыденным. Джеймс то становился туристическим гидом для двух своих новых друзей, то сам выслушивал их объяснения касательно магловской жизни. Он нашел весьма удивительным тот факт, что они проводили большую часть своей жизни смотря телевизор. А если они его не смотрели, то играли с друзьями в игры, представляя себя то гонщиками, то искателями приключений, то спортсменами.

Джеймс, конечно, слышал о телевидении и видеоиграх, но, так как у него были в основном друзья-волшебники, он думал, что магловские дети занимаются этим только когда больше совсем нечего делать. Когда он спросил Ральфа, почему он проводит столько времени играя в спортивные игры вместо того, чтобы заняться ими на самом деле, Ральф просто закатил глаза, издал какой-то сердитый звук и в поисках помощи посмотрел на Зейна. Тот похлопал Джеймса по спине:

— Джеймс, дружище, это магловские штучки. Тебе не понять.

Джеймс, в свою очередь, как мог рассказывал о Хогвартсе и волшебном мире. Он рассказал им о неуловимости замка, о том что его нельзя найти на карте никому, кто не знает о его расположении. Он рассказал о факультетах школы и объяснил систему очков, о которой ему рассказали папа с мамой. Он попытался как можно лучше описать Квиддич, но они оба мало что поняли и, что расстроило Джеймса, совсем не вдохновились. У Зейна было забавное убеждение, что только ведьмы летают на метлах, видимо основанное на фильме «Волшебник Страны Оз». Джеймс старался как можно более терпеливо объяснить, что и волшебники, и ведьмы летают на метлах и в этом нет ничего «девчачьего». Зейн, ни в какую не принимая идущие вразрез факты, продолжал настаивать на том, что у всех ведьм должна быть зеленая кожа и бородавки на носах, поэтому беседа быстро сошла на нет.

Как только вечер начал окрашивать небо и силуэты деревьев за окном в бледно-сиреневый цвет, высокий старшекурсник звонко постучал в дверь купе.

— Скоро Станция Хогсמיד, — сказал он, наклоняясь к ним и подбадривая. — Действительно, пора бы вам надеть школьные мантии.

Зейн нахмурился и уставился на парня.

— Пора бы, да ну? — спросил он. — Уже почти семь вечера. Ты действительно так уверен?

Он произнес «действительно» с издевательским английским

акцентом. Старший парень слегка нахмурил лоб.

— Мое имя Стивен Мецкер. Пятый курс. Староста. А ты кто такой?

Зейн вскочил и протянул ему руку пародируя то, как он приветствовал Джеймса в начале поездки.

— Зейн. Зейн Уолкер. Приятно познакомиться, мистер Староста.

Стивен бросил взгляд на протянутую руку и затем решил, на что явно понадобились все его усилия, пожать ее. Он заговорил, не обращаясь ни к кому конкретно.

— В Большом Зале будет ужин сразу после вашего прибытия в школу. Школьные мантии — в обязательном порядке. Я полагаю по вашему акценту, мистер Уолкер, — сказал он, убирая руку и внимательно глядя на Зейна. — что вечерняя одежда для ужина для вас совершенно новая концепция. Но не сомневаюсь, что вы справитесь.

Он поймал взгляд Джеймса, подмигнул ему и прошел дальше по коридору.

— Не сомневайтесь, справлюсь, — жизнерадостно прокричал Зейн ему в след.

Джеймс помог Ральфу и Зейну разобраться с их мантиями. Ральф сначала одел ее задом наперед, и стал выглядеть как молодой священник. Зейну это понравилось, и он специально надел свою так же, заявляя, что если это еще не стильно, то скоро будет самый писк. Только после того как Джеймс настоял на том, что это будет неуважение к школе и учителям, Зейн нехотя согласился надеть ее нормально.

Джеймсу много раз рассказывали в мельчайших деталях, что произойдет, когда они прибудут на место. Он все знал о Хогсמידской Станции, даже был здесь несколько раз еще маленьким, правда не сохранил об этом воспоминаний. Он знал о лодках на которых их будут переправлять через озеро и видел множество изображений замка. Но тем не менее, ничто из этого не могло его подготовить к величию и торжественности того, что он увидел. Пока небольшие лодки рассекали гладь озера, Джеймс смотрел во все глаза с восхищением, возможно превосходящим то, которое испытывали те, кто не знали, чего ждать.

Громада замка, слипшаяся на вершине скалистого холма, просто поразила его. Она взмывала вверх орудийными башнями и крепостными валами, каждая деталь играла двумя цветами: синим из-за близящейся

ночи и золотистым со стороны заходящего солнца. Целая галактика из светящихся теплым желтым светом окон раскинулась на стенах замка, вспыхивая огнем маленьких солнц. Массивность и величие вида буквально давили на Джеймса, вызывая благоговение, и пронизывали его насквозь, уходя в собственное отражение в озере.

Однако существовал один нюанс, которого он не ожидал.

На полпути через озеро, когда разговор начал снова завязываться среди новых студентов, и они стали взволнованно окликать и звать друг друга через воду, Джеймс заметил другую лодку на озере.

В отличие от тех лодок, на которых плыли он и его приятели первокурсники, эта не освещалась фонарем. И не направлялась к замку. Она находилась вдали от огней Хогвартса, и была больше чем лодка, на которой плыл он, но все же достаточно мала, чтобы укрыться в тусклой тени на краю озера. В ней был один человек, долговязый и худой, похожий на паука.

Джеймс подумал, что это скорее всего женщина. Как только он уже собирался отвернуться и забыть ничем не примечательный вид, фигура неожиданно посмотрела на него, как будто почувствовав его любопытство. В угасающем свете, он был почти уверен, что их глаза встретились, и совершенно неожиданно его обдало холодом.

Это действительно была женщина.

Ее кожа была темной, а лицо худощавое, жесткое, с высокими скулами и острым подбородком.

Платок аккуратно подвязанный на голове, покрывал большую часть ее волос. Посмотрев ей в лицо раз уж она наблюдала за ним, он не увидел на нем страха или злости. Её лицо фактически вообще ничего не выражало.

А затем она исчезла. Джеймс моргнул от удивления, прежде чем мгновение спустя понял, что она не исчезла, на самом деле, а просто скрылась за изгородью из тростника и камышей, так как их лодки находились на расстоянии. Он покачал головой, улыбнувшись про себя, что было характерно для нервного первокурсника, и вернулся к созерцанию предстоящего пути.

Гогот первокурсников наполнил внутренний двор вместе с хором из непрерывной болтовни. Джеймс совсем растерялся в толпе, обнаружив себя где то на ее задворках, пока они поднимались по

лестнице к залитому светом коридору. Там стоял мистер Филч, которого Джеймс узнал по его волосам, мрачному виду и кошке, миссис Норрис, которую он баюкал на изгибе своей руки. А вот и зачарованные лестницы, даже сейчас передвигающиеся в новые положения, к радости и смутному беспокойству новых учеников.

И вот, наконец, двери в Большой Зал, насыщенно блестящие в свете свечей. Когда ученики собрались здесь, все разговоры затихли. Зейн, стоящий плечом к плечу с Ральфом, который был чуть ли не самым высоким среди первокурсников, повернулся и посмотрел через его плечо на Джеймса, усмехаясь и виляя бровями.

Двери скрипнули и открылись вовнутрь, выпуская свет и звуки, и Большой Зал открылся им во всей красе. Четыре стола факультетов были полны учеников, сотни людей улыбались, смеялись, болтали и дурачились. Джеймс стал искать Теда, но не смог найти его в этой кутерьме.

Высокий, немного неуклюжий учитель, который вел их к дверям развернулся к ним лицом, обезоруживающе улыбаясь.

— Добро пожаловать в Хогвартс, первокурсники! — заговорил он сквозь шум Зала. — Меня зовут профессор Долгопупс. Вскоре вас распределят по факультетам. Как только с этим будет покончено, вы сядете за свои столы и будет подан ужин. Прошу следовать за мной.

Он повернулся, махнув мантией, и быстро пошел в центр Большого Зала. Первокурсники, нервничая, последовали за ним, сначала сумбурно, затем уже рысью, стараясь поспевать. Джеймс увидел запрокинутые назад головы Ральфа и Зейна, которые смотрели подбородками ввысь. Он почти и забыл уже про зачарованный свод зала. Он и сам посмотрел, лишь чуть-чуть, стараясь казаться не слишком впечатленным. Чем выше он смотрел, тем более прозрачными становились стены и альковы свода, обнаруживая потрясающее изображение неба снаружи. Холодные, хрупкие звезды блестели как серебряная пыль на ювелирном вельвете, а справа, прямо над Гриффиндорским столом, был виден полумесяц, чей лик был одновременно весел и безумен.

— Он сказал, его зовут Долгопупс? — Зейн спросил Джеймса уголком рта.

— Да. Невилл Долгопупс.

— Ух, — выдохнул Зейн. — Вам британцам надо бы подумать об изяществе. В таком имени можно спокойно потеряться.

Ральф шикнул на него, так как толпа начала затихать, заметив первокурсников выстроившихся посреди зала.

Джеймс посмотрел на стол на возвышении, стараясь выцепить взглядом учителей, про которых он знал. Там сидел профессор Слизнорт, выглядевший именно таким толстым и уморительно вычурным, как описывали его родители. Слизнорт, как вспомнил Джеймс, пришел как временный учитель во времена его отца, и судя по всему неохотно, но потом решил никуда не уходить. Рядом с ним был призрак профессора Биннса, затем профессор Трелони, моргая по-совиному за своими гигантскими очками. Далее за столом, легко узнаваемый благодаря размеру (Джеймс увидел, что он взгромоздился на три огромных фолианта), сидел профессор Флитвик. Некоторых, сидевших среди преподавателей, Джеймс не узнал — это были новые преподаватели, пришедшие после времен его отца, и поэтому незнакомые. Никаких признаков Хагрида видно не было, но Джеймс знал, что тот сейчас среди великанов с Гроххом, и не вернется раньше завтрашнего дня. И наконец, из-за середины стола встала и подняла руки в приветствии Минерва МакГонагалл, директор.

— Добро пожаловать старым ученикам, и добро пожаловать новым, — произнесла она пронизывающим, хоть и неровным голосом, — на первый банкет нового учебного года в Хогвартсе, Школе Чародейства и Волшебства.

Счастливым гулом одобрения донесся от учеников, сидевших за спиной Джеймса. Он оглянулся через плечо, посмотрев на толпу. Он увидел сидящего Теда, гудящего в сложенные рупором руки, окруженного компанией удивительно красивых старшекурсниц и старшекурсников за Гриффиндорским столом. Джеймс попытался улыбнуться ему, но Тед не заметил.

Когда возгласы утихли, профессор МакГонагалл продолжила:

— Мне приятно видеть, что вы так же рады быть здесь, как и ваши учителя, и весь персонал школы. Давайте будем надеяться, что пронесем дух взаимопонимания и единства через весь школьный год.

Она посмотрела на собравшихся, останавливая свой взгляд на некоторых чуть дальше положенного. Джеймс услышал нестройное

шарканье и заметил несколько подозрительно виноватых улыбок.

— А сейчас, — продолжила директор, поворачиваясь посмотреть, как два старшекурсника несут в центр зала стул. Джеймс узнал в одном из них Стивена Мецкера, старосту с которым они встретились в поезде. — по нашей доброй традиции первой встречи в году, посмотрим же за Распределением новых учеников по их факультетам. Первокурсники, не подойдете ли вы ближе к платформе? Я буду называть ваши имена по одному. Вы будете подходить к платформе и садиться...

Остальное Джеймс пропустил мимо ушей. Он прекрасно знал всю церемонию, так как бесконечно мучил родителей вопросами про нее. В былые дни он с нетерпением ожидал Распределения больше чем чего-либо еще. Но, по правде говоря, сейчас он понимал, что под этим нетерпением маскировался парализующий, кошмарный страх. Распределяющая Шляпа была первым испытанием в череде тех, которые ему предстояло пройти, чтобы доказать, что он именно такой, каким его ожидают увидеть родители и весь остальной волшебный мир.

Но полностью добила его статья опубликованная в Ежедневном Пророке несколькими неделями ранее. Это была ничего не значащая, веселая, маленькая статья светской хроники «с-кем-что-случилось» таких множество, но почему то она наполнила Джеймса каким-то холодным, липким страхом. В статье была представлена биография Гарри Поттера, который теперь женат на своей школьной возлюбленной, Джинни Уизли, и объявлялось, что старший сын Гарри и Джинни Поттер, будет зачислен на первый курс в Хогвартс. Особенно Джеймса напрягало то о чем говорилось в конце статьи. Он мог повторить слово в слово: «Мы в Ежедневном Пророке, наряду с остальным волшебным миром, желаем юному мистеру Поттеру всего наилучшего, чтобы он выполнил свои обязательства и, возможно даже, превзошел наши ожидания, возложенные на сына столь любимой и легендарной фигуры.»

Что Ежедневный Пророк и остальной волшебный мир подумает о сыне той самой любимой и легендарной личности, если он сядет на стул и Распределяющая Шляпа объявит что-либо кроме Гриффиндора?

Тогда, на платформе Девять и Три Четверти, Джеймс поведал о своих страхах отцу.

— Нет никакой особой магии в том, чтобы быть Гриффиндорцем, как и в том, чтобы быть в Пуффендуе, Когтевране или Слизерине, Джеймс, — сказал Гарри Поттер, присев и положив руку на плечо мальчика. Джеймс лишь сжал свои губы, зная, что отец ответит что-то такое.

— А это успокоило бы тебя тогда, когда ты готовился сесть на стул и надеть шляпу? — спросил он низким, серьезным голосом.

Его отец не ответил, только сжал губы, печально улыбнулся и отрицательно повертел головой.

— Но я был обеспокоенным, предвзятым, маленьким оболтусом тогда, Джеймс, мой мальчик. Постарайся не быть таким же, о'кей? Мы знаем прекрасных ведьм и волшебников со всех факультетов. Я буду горд и посчитаю за честь, что мой сын зачислен на любой из них.

Джеймс кивнул, но это его не успокоило. Он знал, чего его отец на самом деле хотел и ожидал, несмотря на весь этот разговор. Джеймс должен был стать Гриффиндорцем, как мама и папа, так же как его дяди и тетя, как все герои и легендарные личности, про которых он слышал еще будучи ребенком, вплоть до самого Годрика Гриффиндора, величайшего из основателей Хогвартса.

И вот он стоял, смотря как Распределяющую Шляпу вносит на своих тонких руках директор МакГонагалл, и чувствовал что все его страхи в волнения странным образом улетучились. Виной всему была идея, пришедшая ему буквально пару часов назад. А теперь она целиком завладела его разумом. Он все время полагал, что не было никакого выбора, кроме как пытаться идти по великим стопам отца. Его постоянным внутренним ужасом было не справиться с поставленной задачей, потерпеть поражение. Но что если есть другой вариант? Что если он просто не будет пытаться?

Джеймс смотрел вперед остекленевшим взглядом, пока первые студенты вызывались к стулу и Шляпу надевали им на голову, почти закрывая их любопытствующие глаза. Он выглядел как статуя — статуя маленького мальчика с непослушными волосами отца и материнским носом и выразительными губами. Что если он просто не будет пытаться

жить в гигантской тени своего отца?

Не то чтобы он не будет велик по-своему. Просто это будет действительно другой путь. Осознанно выбранный, решительно другой путь. И что если он начинается здесь? Прямо здесь на возвышении, в его первый день, попав в... ну, что-то другое нежели Гриффиндор. Это будет единственное что важно. Если только...

— Джеймс Поттер, — прозвенел голос директора, подчеркнув «р» в конце фамилии.

Он вздрогнул, посмотрел на нее как будто уже успел забыть обо всем. Она смотрелась на сотню футов выше, стоя на платформе, и держа на выпрямленных над стулом руках Сортировочную шляпу, которая отбрасывала на стул треугольную тень. Он уже почти пошел вперед и хотел взобраться по небольшому пролету ступеней, ведущих к платформе, когда позади него раздался шум. Он абсурдно испугался, что каким-то образом его выдали собственные мысли, и что этот шум идет от стола Гриффиндорцев и они стоят и освистывают его. Но это был не свист. Это были вежливые и длительные аплодисменты, вызванные его именем. Джеймс повернулся к столу гриффиндорцев, благодарно улыбаясь и уже светясь от счастья. Но они не аплодировали, а сидели скорее безучастные. В основном их головы были повернуты к источнику звука. Джеймс повернулся, следуя за их взглядами. Это был стол Слизеринцев. Джеймс почувствовал, что прирос к месту. Весь стол смотрел на него мило улыбаясь, и все до единого открыто и счастливо аплодировали. Одна из студенток, высокая, очень привлекательная девочка с вьющимися темными волосами и сияющими глазами, стояла. Она хлопала легко и уверенно, улыбаясь Джеймсу. Наконец, и другие столы начали присоединяться, сначала невпопад, а потом подкрепляя, скорее недоуменную овацию.

— Да. Да, спасибо — старалась перекричать аплодисменты директор Макгонагалл. — Достаточно. Мы все счастливы, что в этом году у нас учится юный мистер Поттер. А теперь, пожалуйста, займите свои места...

Джеймс начал подниматься на платформу, только тогда

аплодисменты прекратились. Когда он повернулся и сел на стул, то услышал бормотание директора:

— Может мы уже закончим это и поужинаем еще до следующего равноденствия — Джеймс повернулся, чтобы посмотреть на нее, но увидел только лишь темные внутренности Распределяющей Шляпы, которая опустилась на его макушку. Он крепко закрыл глаза и почувствовал мягкую прохладу шляпы покрывающую его голову, и опускающуюся на его брови.

Все остальные звуки тотчас прекратились. Джеймс был в разуме шляпы, или может быть это было что-то другое.

Она говорила, но не с ним.

— Джеймс Поттер, да я ждала его. Третий Поттер под моими полями. Как всегда с ними трудно, — размышляла она сама с собой, как будто наслаждаясь проблемой.

— Отвага, да, как всегда, но в молодости отвага немногого стоит. Все еще хороший член для Гриффиндора, как и все Поттеры до него.

Сердце Джеймса сделало сальто, но потом он вспомнил свои мысли, перед платформой и пришел в нерешительность.

— Я не должен играть в эту игру, — думал он. — Я не обязан быть в Гриффиндоре.

Он подумал об аплодисментах со стола Слизеринцев, вспомнил лицо симпатичной девочки с длинными, вьющимися волосами, стоявшей под зеленым с серебром знаменем.

— Слизерин, думает он! — Обдумывала шляпа в его голове. — Да, это также возможно как всегда. Как и отец. Он мог быть великим Слизеринцем, но не захотел. Хмм, этот очень неуверенный в себе, это впервые у Поттеров. Недосток уверенности это черта ни для Гриффиндора ни для Слизерина. Может быть Пуффендуй подойдет ему лучше...

— Нет только не Пуффендуй, — думал Джеймс В его голове стали появляться лица: Мама и Папа, Дядя Рон, тетя Гермиона, все гриффиндорцы. Но потом все они ушли и он увидел девочку за Слизеринским столом, улыбающуюся, хлопающую. Он понял, что думает, как минутой ранее, я могу стать великим по-другому, намеренно по другому...

— Не Пуффендуй, хм? Может ты и прав. Да, теперь я вижу. Может

ты смущен, но мои первоначальные инстинкты как всегда верны, — и потом уже вслух Сортировочная шляпа выкрикнула имя его факультета.

Шляпа ушла из его головы и Джеймс на самом деле подумал, что слышал как слово «Слизерин» все еще эхом отражается от стен, и с внезапным ужасом посмотрел на серебристо-зеленый стол, чтобы увидеть аплодисменты, но тут понял что сейчас подскочил и аплодирует стол под алым львом. Гриффиндорский стол громко и хрипло приветствовал его, и Джеймс понял, что это понравилось ему намного больше, чем вежливые, практичные аплодисменты ранее. Он спрыгнул со стула, сбежал по ступеням, и его окружили приветственные возгласы. Руки хлопали его по спине, жали ему руку и давали пять. Для него освободили место, недалеко от торса, и когда приветствия поутихли, кто-то сказал ему в ухо:

— Никогда не сомневался, ни на минуту, друг — счастливо прошептал голос. Джеймс повернулся и увидел как Тед одобрительно кивнул ему, перед тем как сесть обратно на свое место. Повернувшись, чтобы посмотреть окончание сортировочной церемонии, Джеймс внезапно почувствовал, что полностью счастлив. Он думал что собственные мысли разорвут его пополам. Он не должен идти по стопам отца, но он может начать действовать умышленно по-другому завтра. А сейчас он гордился знанием, о том как мама и папа будут в восторге, узнав что он, как и они, Гриффиндорец.

Когда назвали имя Зейна, он быстро поднялся по ступеням и плюхнулся на стул, как будто собирался прокатиться на американских горках. Он улыбнулся в тени шляпы которая упала ему на голову и вскоре шляпа выкрикнула: «Когтевран!»

Зейн поднял брови и качнул головой назад и вперед так счастливо, что из толпы послышался смех, даже сквозь приветствия Когтеврана, приглашавших его к своему столу. Остальные первокурсники прошли по помосту и столы заметно пополнились. Ральф Дидл был последним, кто взобрался на стул. Он казалось съежился под шляпой, а она думала удивительно долго. Потом махнув своим кончиком, провозгласила: «Слизерин!»

Джеймс остолбенел. Он был уверен, что по крайней мере один, если не оба новых друга будут сидеть рядом с ним за Гриффиндорским столом. Но никто из них не присоединился к нему, хуже того, один от

которого меньше всего можно было этого ожидать, стал Слизеринцем. Конечно, он забыл, что сам почти преуспел, в том, чтобы там сидеть. Но Ральф? Разве там когда-либо мог оказаться маглорожденный? Он повернулся и увидел, как Ральф садится за стол на дальнем конце зала, и его хлопают по плечу новые товарищи. Та девочка с сияющими глазами и вьющимися черными волосами снова улыбалась, любезно и приветливо. Может факультет Слизерина изменился, подумал он. Папа и мама вряд ли в это поверят.

Наконец, директор МакГонагалл отложила сортировочную шляпу.

— Первокурсники! — позвала она.

— Ваш новый факультет — это ваш дом, но все мы ваша семья. Давайте наслаждаться соревнованиями, там где можно, но никогда не будем забывать кому истинно преданны.

— А теперь, она надвинула очки на нос и обратилась к толпе:

— Объявления. Как всегда, Запретный лес под запретом для студентов во все времена. Пожалуйста, будьте уверены, что это не просто учебное предпочтение. Первокурсники могут спросить у любого старшего студента, за исключением мистера Теда Люпина и мистера Ноя Мецкера, чьих советов вы могли бы пожелать избежать по этому вопросу — что их ожидает, если они предпочтут игнорировать это правило. — Джеймс пропустил остальные объявления, изучая лица в толпе. Зейн, за столом Когтеврана, решительно притянул к себе миску с орехами. В другом конце помещения, Ральф встретился с Джеймсом взглядом и с удивлением указал жестом на себя и своих новых соседей, как бы спрашивая Джеймса, нормально ли это.

Тот пожал плечами и лишь уклончиво кивнул.

— Последний пункт в повестке дня, — в заключение сообщила директор, под несколько приветственных хлопков. — Некоторые из вас могли заметить один пустующий стул среди ваших учителей здесь, за этим столом. Будьте уверены, что у вас будет профессор по защите от Темных Искусств и что он несомненно один из немногих, знающих в этом толк и талантливый специалист по данному вопросу. Он прибудет завтра днем, наряду с дополнительным составом учителей, студентов и членами ассоциации ежегодного международного саммита между нашими школами. Я буду ждать всех вас завтра днем на главном дворе для встречи представителей из Альма Алерон и Соединенных Штатов

Департамента Магической Администрации.

Звуки смешались, волнение и насмешки расходились по залу, когда студенты принялись обсуждать этот довольно удивительный поворот событий со своими товарищами. Джеймс слышал как Тед сказал:

— Что такого собираются рассказать эти старые янки о темных искусствах? На каком канале их показывают?

Вопрос сопровождал хор смешков. Джеймс оглянулся в поисках Зейна. Он нашел его, поймал его взгляд, указал на него, и пожимая плечами. К нам приедут ваши люди сказал он одними губами. Зейн одной рукой хлопнул по сердцу, а другой поприветствовал его.

В разгар дискуссии на длинных столах появился праздничный ужин, и Джеймс вместе с другими обитателями Хогвартса приступил к еде. Было около полуночи, когда Джеймс отправился к портрету Полной Дамы, маскирующей вход в общую гостиную Гриффиндора.

— Пароль, — нараспев спросила она.

Джеймс остановился как вкопанный, его зеленый рюкзак соскользнул с плеча и глухо ударился о пол. Никто не говорил ему пароля.

— Я еще не знаю пароль. Я первокурсник. Ну... Я Гриффиндорец, — неуверенно добавил он.

— Может быть ты и Гриффиндорец, — сказала Полная Дама, посмотрев на него сверху вниз, с вежливым терпением. — Но нет пароля — нет прохода.

— Может быть вы могли бы дать мне небольшую подсказку на этот раз? — спросил Джеймс, стараясь приветливо улыбаться.

— Кажется вы имеете неверное представление о природе термина «пароль», мой дорогой, — заметила Полная Дама, смотря на него свысока.

Рядом послышался шум передвижной лестницы. Она качнулась и слегка покачиваясь, расположилась, в конце лестничной площадки. Группа старшекурсников поднималась, смеясь и шикая друг на друга. Среди них был Тед.

— Тед, — с облегчением позвал Джеймс, — Мне нужен пароль. Не сможешь?

Тед увидел Джеймса, когда он и остальные старшеклассники поднялись наверх.

— Генизоларис, — сказал он и обратился к одной девочке из группы, — Поспешив наверх, Петра, не позволяй братцу Ноя увидеть тебя.

Она кивнула, проشمыгнув мимо Джеймса, когда портрет Полной Дамы качнулся, открывая взору мерцание камина освещающего общую гостиную. Джеймс собрался последовать за ней, когда Тед схватил его рукой за плечо, разворачивая и выводя обратно на лестничную площадку.

— Мой дорогой Джеймс, ты же не думал, что мы позволим тебе пойти спать в такую рань, не так ли? Нужно помнить о традициях Гриффиндора, Мерлин тебя заколдует.

— Что? Джеймс запнулся.

— Сейчас полночь. Ты знаешь это, не так ли?

— Обычно известная в мире маглов как Колдовской Час, — Сказал Тед, поучительно.

— Неправильно конечно, но «Час Околдовывающих и Волшебных Уловок и Надувательства Ничего не Подозревающих Сельских Маглов» — просто это слишком длинное название, чтобы запомнить. Нам нравится называть его, просто: «Запуск Старелки».

Тед привел Джеймса обратно к лестнице, вместе с тремя другими Гриффиндорцами.

— Что? — Переспросил Джеймс, стараясь не отставать.

— Мальчик не знает про Старелку, — печально сказал Тед остальной группе. — А еще сын владельца знаменитой Карты Мародеров. Только подумайте, насколько было бы лучше, если мы смогли бы заполучить в свои руки это небольшое надувательство.

— Джеймс, позволь мне представить тебя остальными Гремлинам, группе, к которой ты возможно захочешь присоединиться, в зависимости конечно от того, как все пройдет сегодня вечером. — Тед остановился, обернулся и указал на трех других подростков, крадущихся вместе с ними. — Мой номер один, Ной Мецкер, единственный недостаток которого это его невольное родство с его пятикурсником братом-старостой.

Ной усмехаясь, коротко поклонился в пояс.

— Наш казначей, — продолжал Тед. — Если нам когда-нибудь повезет приобрести на какую-нибудь монету, Сабрина Хильдегард.

Приятная девушка с россыпью веснушек на лице и пером, застрывшим в ее густых рыжих волосах, кивнула Джеймсу.

— Наш козел отпущения, если такие услуги когда-нибудь понадобятся, юный Дамьян Дамаскус, — Тед схватил за плечо тучного мальчика в очках с толстыми стеклами и лицом похожим на тыкву, который скривился и зарычал.

— И, наконец, моё алиби, мой идеальный фон, всеобщая, особенно учительская любимица, Мисс Петра Моргенштерн! — Тед ласково указал на девушку, которая как раз возвращалась от портретного проема, засовывая что-то маленькое в карман её джинсов. Джеймс заметил, что все, кроме него сменили свои мантии на джинсы и темные толстовки.

— Все чисто для взлета? — спросил Тед Петру, когда они встретились с ней.

— Абсолютно. Все системы готовы, мой капитан, — ответила она, и послышался смешок Дамьяна. Все они повернулись и стали спускаться по лестнице, во главе с Тедом направляющего Джеймса вместе с ними.

— Мне нужно пойти переодеться или как? — спросил он трясущимся голосом, пока они спускались вниз по лестнице.

Тед бросил на него оценивающий взгляд.

— Нет, я не думаю, что это необходимо в твоем случае. Расслабься, приятель. Ты сегодня будешь уходить в отрыв, так сказать. Теперь просто прыгай здесь... Замечу, ты бы не хотел СЮДА наступать.

Джеймс подскочил, его рюкзак, качающийся на плече, потянуло вперед, частично энтузиазмом группы, но в основном хваткой Теда, на своем локте. Он приземлился на пол длинного освещенного факелом коридора и вскочил на ноги чтобы не отставать. В конце зала, группа встретила еще трех студентов, стоящих в тени, отбрасываемой статуей гигантского, горбатого мага, на котором красовалась очень высокая шляпа.

— Добрый вечер, уважаемые Гремлины, — прошептал Тед, когда все в месте они собрались в тени статуи. — Встречайте Джеймса, сына моего крестного отца, одного парня по имени Гарри Поттер.

Джеймс застенчиво улыбнуться новым лицам, а затем снова

посмотрел на третье лицо в группе.

— Джеймс, познакомься с нашим филиалом из Когтеврана: Гораций, Дженнифер, и юный какегозовут.

Он повернулся к Дженнифер.

— Как его зовут? — спросил он, указывая на мальчика в конце.

— Зейн, — сказала Дженнифер, обхватывая рукой младшего мальчика, который улыбнулся и дал себя игриво потрясти. — Познакомились с ним только сегодня вечером, но есть в нем кое-что, что присуще Гремлинам, по моему скромному мнению. Я думаю, в его роду был какой-то чертенок.

— Мы собираемся играть в Охоту на Старелку! — сказал Зейн Джеймсу театральным шепотом, который разнесся по всему коридору. — Звучит сомнительно, но если это сделает нас крутыми, ну, в общем, я полагаю, что мы можем сразу пробиться тут!

Джеймс не мог понять, шутит ли Зейн, но затем он сообразил, что на самом деле это не имеет значения.

— Запуск Старелки, — поправил Ной.

Джеймс решил, на этот раз, самому вмешаться в разговор.

— Так где же эта Старелка? И почему мы все теснимся в углу за этой статуей?

— Это не простая старая статуя, — ответила Петра так как Тед замешкался между статуей и стеной и по-видимому что-то искал.

— Это Святой Локимагус Постоянно Продуктивный. Мы лишь в прошлом году изучали его историю, и это привело нас к весьма удивительному открытию.

— Привело тебя, ты имеешь ввиду, — поправил Тед, приглушенным голосом.

Петра задумалась и кивнула.

— Справедливо, — согласилась она как ни в чем не бывало.

— Во времена твоего отца, — начал Ной, в то время как Тед искал что-то сзади статуи, — существовало шесть тайных ходов из Хогвартса. Но это было до битвы. После нее, большая часть замка была реконструирована, и все старые потайные ходы навсегда запечатаны. Забавно, все-таки, это волшебный замок. И, кажется, появляются новые секретные ходы. Мы нашли только два, и то только потому, что Петра и наши друзья из Когтеврана здесь. Святой Локимагус Постоянно

Продуктивный был одним из них.

— Все дело в его слогане. — Ной указал на слова, выгравированные у основания статуи:

Lgitur Qui Moveo, Qui et Movea.

Тед торжественно крикнул и раздался громкий щелчок.

— Вы ни за что не догадаетесь, где он был на этот раз, — пропыхтел он из под статуи. Камень со скрипом сдвинулся и статуя Святого Локимагуса распрямилась настолько, насколько позволяла его горбатая спина, осторожно шагнул с цоколя, а затем отошел в коридор слегка косолапой походкой. Он скрылся за дверью напротив, которая как увидел Джеймс была ванной комнатой для мальчиков.

— Что означает этот слоган? — спросил Джеймс, когда Гремлины гуськом потянулись в низкую дверь за цоколем Святого Локимагуса. Ной улыбнулся и пожал плечами.

— Когда нужно сходить, ты должен идти.

Проход привел к низкой лестнице с закругленными каменными ступеньками. Гремлины громко топая поднялись наверх, а потом оказавшись около двери зашикали друг на друга. Тед со скрипом приоткрыл дверь, заглядывая в проём. В следующий момент, он толкнул дверь и жестом пригласил остальных следовать за ним на улицу.

Дверь открылась, необъяснимым образом ведя через маленький сарайчик близ того, в чем Джеймс узнал поле для квидичча. Высокие трибуны поднимались в лунном свете и выглядели суровыми, производя впечатление своим безмолвием.

— Переход работает только в одну сторону, — объяснила Сабрина Джеймсу и Зейну, когда группа легко побежала через поле для Квидичча к холму напротив. — Если вы пройдете сквозь туннель Святого Локимагуса, то сперва вы попадете в сарай со снаряжением. Довольно удобно, так как, если нас поймают, никто не сможет преследовать нас через туннель.

— А вас еще не ловили? — тяжело дыша, от быстрого бега рядом с ней, поинтересовался Джеймс.

— Нет, но это первый раз, когда мы пытаемся воспользоваться им.

Мы обнаружили его лишь в конце прошлого года. — Она пожала плечами, как бы говоря, поживем-увидим когда будем возвращаться, не так ли? Голос Зейна долетел из темноты впереди Джеймса, легко и непринужденно.

— А что если Святой Магический Зад вернется из уборной до того как мы все пройдем сквозь дыру?

Джеймс содрогнулся когда Зейн сказал эту фразу, но восхитился его логикой. Этот вопрос, который стоит задать.

— Определенно это вопрос достойный Когтеврана, — сказал позади Ной так тихо, как только мог, но никто не ответил.

Спустя десять минут достигнув границы чахлой, залитой лунным светом рощи, группа перелезла через проволоку в заборе, и оказалась в поле. Тед достал волшебную палочку из заднего кармана, когда проходил мимо беспорядочно разросшихся кустарников и сорняков. Джеймс проследовал за ним и увидел маленький сарайчик спрятанный среди растений. Он был ветхий, искривленный и заросший ползучими растениями.

— Алохомора, — произнес Тед, направляя палочку на большой ржавый замок, висящий на двери. Появилась вспышка желтого света. Она выступила на поверхности замка, а затем, превратилась в ярко светящуюся, призрачную руку, которая извиваясь, появилась из замочной скважины. Рука оканчивалась сжатым кулаком, с вытянутым указательным пальцем. Она с упреком покачала пальцем из стороны в сторону, а затем исчезла.

— Значит защитные чары в порядке, — обрадовался Тед. Он повернулся к Петре, которая вышла вперед, доставая что-то из кармана её джинсов. Джеймс увидел ржавый ключ, с черепом.

— Это была идея Дженнифер, — гордо сказал Гораций, который тоже был из Когтеврана. — Хотя, я бы предпочел, чтобы бы ключ имел немного другую форму.

— Было бы намного приятнее прикоснуться — согласился Зейн.

— Мы придумали это, чтобы волшебники не додумались как проникнуть сюда, они не ожидают, такой банальной защиты, как ключ, — объяснил Ной. — Мы хотели установить Чары Разочарования, чтобы держать маглов подальше отсюда, но они и так сюда не придут, так что мы отказались от этого. Петра повернула ключ, и сняла замок с

двери. Дверь старого сарая распахнулась с удивительной тишиной.

— Скрипучие двери для новичков, — сказал Дамьян, самодовольно вздернув свой курносый нос.

Джеймс заглянул внутрь. Там в тени стояло что-то большое, оно занимало всю заднюю часть сарая. Он едва различал его форму. Больше всего, оно было похоже на некую устаревшую идею о летающей тарелке.

— Круто! — счастливо крикнул Зейн, он начал понимать. — Запуск Старелки!. Ты прав Джеймс! В «Волшебнике страны Оз» не было ничего подобного!

— Волшебник чего? — спросил Тед у Джеймса уголком губ.

— Это магловские штуки, — ответил Джеймс. — Нам не понять.

Френк Тоттингтон внезапно проснулся, уверенный что слышал что-то в своем саду. Он немедленно был встревожен и разозлен, одновременно, сбросил с постели одеяло, и взмахнул ногами так, словно полностью ожидал неприятности такого рода.

— Ммм, что? — пробормотала его жена, сонно поднимая голову.

— Это проклятые дети Гриндла в нашем саду, — объявил Френк Грубо, впихивая ноги в свои клетчатые тапки.

— Не говори мне, что они ночью, тайком пробираются, растаптывают мои бегонии и воруют мои помидоры?

— Детвора! — Он сплюнул и пожал плечами в своем старом, поношенном рубище. Спускаясь по лестнице, он ударился голенью и, схватив ружье, как сумасшедший помчался через черный ход.

Дверь со скрипом открылась, и хлопнула по внешней стороне стены, когда Фрэнк высунул ствол наружу.

— Ну ладно, хулиганьё! Брось эти помидоры и выходи на свет, чтобы я мог видеть тебя! — он поднял ружье, и предостерегающе направил его в звездное небо.

Что-то над его головой, засветилось белым, ослепительным лучом, который, казалось, слабо гудел. Фрэнк замер. Ствол его ружья все еще был поднят вверх, направленный прямо на луч света. Фрэнк очень медленно, прищурившись, поднял голову, его небритый подбородок отбрасывал длинную тень на одежду. Там было что-то и оно парило над ним. Трудно было судить о его размере. Оно было черным, округлой

формы, с тусклым светом по краям, а еще, оно медленно поворачивалось, и кажется, снижалось. Фрэнк ахнул, споткнулся и чуть не выронил ружье. Он обрел равновесие и быстро попятился прочь, не отрывая глаз от тихо жужжащего объекта. Он медленно снижался, словно пружиня на луче света, и неподвижно завис, но его гул еще больше усилился, ритмично пульсируя.

Фрэнк задрожал, его узловатые колени согнулись в своего рода аварийном поклоне. Он беспокожно жевал свои зубные протезы.

Затем, со взрывом пара и шипения, на объекте появилась призрачная дверь. Она была обрисована в общих чертах, после чего рядом сформировался короткий трап. Существо как будто было соткано из света. Фрэнк чуть не задохнулся, и поднял свое ружье, прижав его к его плечу. Вспышка красного света, и Фрэнк подскочил. Он попытался нажать на курок, но ничего не произошло. Спусковой механизм изменился, стал маленькой кнопкой вместо утешительной петли металла. Он мельком взглянул на ружье, и в шоке протянул его перед собой. Это вообще было не ружье. Это был маленький, жалкий зонтик с поддельной деревянной ручкой. Он никогда не видел его прежде. В понимание того, что Фрэнк является свидетелем потустороннего явления, он уронил зонтик и упал на колени. Существо в дверном проеме было небольшим и тонким. Его кожа была багрянисто-зеленая, невыразительно большая голова с огромными миндалевыми глазами, едва видимых в ярком свете открытого люка. Оно начало спускаться к Фрэнку по трапу, и его шаги казались необычайно осторожными, почти неуклюжими. Он немного пригнулся, чтобы не удариться о дверь, а потом вдруг споткнулся о край люка. Оно покачнулось вперед, и казалось, что вот-вот бросится на Фрэнка. Он взобрался назад отчаянно перепуганный. Маленькая фигура повалилась вперед, его непропорционально большая голова, изменяющая, свои размеры, заполняла видение Фрэнка.

Прежде, чем Фрэнк потерял сознание, он был отвлечен, довольно странным фактом, что фигура, казалось, не иначе как носила довольно обычный темно-зеленый рюкзак на плечах. Фрэнк упал в обморок с видом довольно взволнованного беспорядка на лице.

Джеймс проснулся следующим утром. Он открыл глаза, заметив незнакомое окружение. Он был в постели под балдахинном в большой,

круглой комнате с низким потолком. Солнечный свет радостно сиял, освещая кровати, большинство из которых были взъерошены и пусты. Медленно, как совы, усаживающиеся на насест, он вспомнил предыдущую ночь: Распределяющая Шляпа, как он стоял перед портретом Полной Дамы, не зная пароля, и наконец встреча с Тедом, и остальными Гремлинами.

Он сел на кровать, протер щеки, лоб, протер глаза, и затем с облегчением вздохнул. Все, казалось, стало нормальным. Что-то шлепнулось рядом с ним на кровать. Джеймс сразу не сообразил, что это газета. На первой странице красовался заголовок: «Старый Фермер рассказывает о краже его помидор Летающей Тарелкой».

Джеймс поднял голову. Ной Мецкер стоял у ног его кровати и, весело кривляясь, смотрел на его лицо.

— Они снова написали «Старелка»^[3] с орфографическими ошибками, — усмехнулся он.

Глава 2. Гости из Альма Алерона

К тому времени, когда Джеймс оделся и спустился в Большой Зал на завтрак, было уже почти десять часов. Десятки студентов продвигались в утренней спешке. В дальнем углу стола Слизерина, сидел Зейн, сгорбившись и щурясь от лучей солнечного света. Напротив него находился Ральф, который увидел Джеймса на входе и помахал ему рукой.

Когда Джеймс продвигался по залу, четыре или пять домовых эльфов, каждый из них носил большую льняную скатерть с гербом Хогwartса, вышитым на них, сновали между столами по, на первый взгляд, абсолютно хаотичным маршрутам. Иногда один из них исчезал под поверхностью стола, а затем появлялся вновь, бросая на стол вилку или половину печенья, образуя огромный беспорядок. Мимо Джеймса прошел один из этих эльфов, он выпрямился, поднял свои тонкие руки, а затем опустил их. Содержимое стола перед ним, закружилось, как будто попало в миниатюрный циклон. С громким звоном посуды и столового серебра, углы скатерти подлетели кверху и завязались, вокруг кучи остатков от завтрака, создавая огромный мешок мусора парящий над столом. Домовой Эльф подскочил с пола на скамейку, оттуда на столешницу, а затем подпрыгнул, сделав в воздухе сальто, и

ловко схватился за искривленную вершину сумки, держа узел так, как если бы это были поводья и повернул сумку, направляя её к гигантским служебным дверям в конце Зала. Джеймс пригнулся когда мешок пролетал над его головой.

— Уф, — выдохнул Зейн, когда Джеймс плюхнулся рядом и потянулся за последним кусочком тоста. — Эти ваши маленькие официанты может быть и выглядят странно, но они знают как приготовить чашку хорошего кофе.

— Они не официанты, они домовые эльфы. Я вчера читал о них, — сказал Ральф, с удовольствием жуя половинку сосиски. Вторая половинка была нанизана на кончик вилки, которую он использовал как указку, направляя её на эльфов.

— Они работают внизу. Похожи на эльфов из детских сказок. Те, что приходили ночью, и делали за сапожника всю работу.

— Кого? — переспросил Зейн, выглядывая из-за кружки с кофе.

— Парня который делает обувь. У него было много незаконченной обуви, которая беспорядочно валялась вокруг, а он очень устал от всей этой работы. Вы знаете эту историю, не так ли? В общем, он засыпает, и тут внезапно появляются маленькие эльфы, хватают свои молоточки и умело чинят за него всю обувь. Он проснулся, и бам, все хорошо, — Ральф снял остаток сосиски с вилки и прожевал ее, оглядываясь вокруг.

— Однако, я никогда не представлял себе их одетыми в скатерти.

— Эй, инопланетный мальчик, я вижу твое лицо вернулось к норме, — сказал Зейн, критически рассматривая Джеймса.

— Я полагаю, что не понимал что происходило — признался Джеймс.

— А тебе было больно, когда Сабрина била тебя током?

— Нет, — ответил Джеймс. — Это было странно. Действительно странно. Но не больно. А за ночь все просто вернулось в норму.

— Она должна стать художницей. Ты выглядел просто великолепно, с этими перепончатыми лапами.

— О чем вы двое говорите? — спросил Ральф, смотря поочередно то на одного, то на другого. Они рассказали ему все о предыдущей ночи: о запуске Старелки и фермере, который упал в обморок, когда Джеймс, этот маленький инопланетянин, споткнулся и полетел на него.

— Я прятался в дальнем углу двора, возле сарая, и старался не

надорвать животик от смеха, когда ты занялся им. «Нападение Марсианских недотеп!» — он расхохотался, и через мгновение, Джеймс присоединился к нему.

— А где они достали космический корабль? — спросил Ральф после нового приступа смеха.

— Это просто куча мелкой проволочной сетки и папье-маше, — сказал Зейн, допивая свой кофе и ставя кружку на стол. Он поднял руку и дважды щелкнул пальцами. — Сабрина и Гораций сделали эту штуку в прошлом году как часть платформы для Рождественского парада в Хогсмиде. Это было гигантским котлом. Теперь же, с помощью краски и того, что Дженнифер называет заклинанием «Визиум Инептио», это — Пассажирский Лайнер Старелка.

Очень маленький домовый эльф подошел к Зейну, и нахмурился.

— Вы, э-э, щелкнули, молодой хозяин? — голос эльфа был скрипучий и глубокий, несмотря на его размер.

— Вот, приятель, — сказал Зейн, вручая эльфу пустую кружку из под кофе. — Хорошая работа. Продолжайте в том же духе. Это вам.

Зейн протянул ему бумажную купюру. Эльф искоса взглянул на неё, и поднял глаза.

— Спасибо, молодой хозяин. Может быть, э-э, что-нибудь еще?

Зейн освобождаяще махнул рукой.

— Нет, спасибо. Идите немного поспите, или что-то в этом роде. Вы выглядите усталыми.

Эльф посмотрел на Ральфа, затем на Джеймса, который пожал плечами и попытался улыбнуться. С едва заметным поклоном глаз, эльф подвернул пятидолларовую банкноту в свою прокладку и исчез под столом.

Зейн выглядел задумчиво.

— Думаю, я могу к этому привыкнуть.

— Я не думаю, что дома ты даешь чаевые домовым эльфам, — осторожно сказал Ральф.

— Я не понимаю, почему бы и нет, — небрежно потягиваясь сказал Зейн. — Мой папа всем дает советы, во время путешествий. Он говорит, что это часть местной экономики, и способствует хорошему обслуживанию.

— И ты не можешь просто сказать домовому эльфу пойти поспать

некоторое время, — сказал Джеймс, внезапно понимая что, только что произошло.

— Какого черта нет?

— Поскольку он должен будет пойти и сделать это! — раздраженно ответил Джеймс. Он думал о семейном эльфе Поттеров, грустном небольшом похожем на мопса эльфе, угрюмость которого была возмещена его чистым жестоким намерением сделать точно, так, как его попросили. Джеймсу не нравился Кикимер. Это было просто, вы должны были выучить, как именно нужно спрашивать Кикимера. — Домовые Эльфы обязаны делать то, что требуют их владельцы. Это просто в их природе. Сейчас он, вероятно, возвращается к своему шкафу или полке, или везде, где он спит, и пытается решить, как ему заснуть в середине утра.

Джеймс покачал головой, и затем понял, что это наверное забавно. Он попытался не улыбнуться, но Зейн увидел это, и указал на него.

— Ха-ха! Ты тоже думаешь, что это смешно! — захохотал он.

— Я не могу предположить, что они обязаны сделать все, о чем мы попросим их, — сказал Ральф, наморщив лоб. — Мы — просто студенты. Мы не владеем школой или чем-либо еще. И к тому же, мы — только первогодки.

— Ты запомнил название заклинания, с помощью которого Сабрина раньше заставляла Старелку быть похожей на летающую тарелку? — спросил Джеймс, поворачиваясь к Зейну.

— «Визиум Инептио», — сказал Зейн, тщательно смакуя каждое слово. — Это означает что-то вроде «одурачивание глаза». Если ты знаешь латынь, то можно перевести. Гораций говорит, что это просто помогает людям видеть то, что они думают, что собираются увидеть.

Джеймс нахмурился: — Так значит, когда луч света спустился с небес на этого фермера, он, вроде как, ожидал увидеть корабль пришельцев?

— Конечно. Всем известно, что луч света, появляющийся ночью, чёрт знает откуда — верный признак приближения зелёных человечков.

— Ты странный парень, Зейн, — сказал Ральф не без признательности.

Именно тогда, Джеймс почувствовал, что кто-то стоит за его спиной. Все трое круто обернулись. Это была девочка из Слизерина, с

предыдущей ночи, та, которая громко аплодировала Джеймсу, перед его Распределением. Она смотрела на него с приятным, неопределенно снисходительным выражением. Она была в сопровождении ещё двух Слизеринцев: мальчика, с миловидными, но резкими чертами лица, чья улыбка обнажила чудовищное количество зубов; и девочки, которая совсем не улыбалась. Жар бросился к щекам Джеймса, когда он вспомнил, что сидел за столом Слизерина. Прежде, чем он мог о чем либо подумать, он вылез из-за стола, придерживая кусок тоста, который все еще торчал из его рта.

— Нет, нет! — сказала симпатичная девочка из Слизерина, поднимая руку в его сторону ладонью наружу, и останавливая его, как будто она использовала волшебство. — Постой. Я счастлива видеть, что ты чувствуешь себя достаточно комфортно, чтобы сидеть за столом Слизерина с нами. Сейчас совсем другие времена, нежели те, времена твоего отца... Мистер Дидл, пожалуйста, ты не представишь меня своим друзьям?

Ральф смущенно откашлялся.

— Мм, это — мой друг, Джеймс Поттер. И это — Зейн. Я к сожалению постоянно забываю его фамилию, — сказал он. Зейн, пожал плечами, усмехнулся Ральфу, затем вскочил на ноги и через стол пожал Слизеринке руку.

— Уолкер. Зейн Уолкер. Это — отличное и сердечное удовольствие познакомиться с вами, мисс...

Улыбка девушки чуть-чуть расширилась, и она склонила голову, по-прежнему смотря на Ральфа.

— О! — воскликнул Ральф, немного подпрыгнув. — Да. Это — гм, Табита Корсика. Она — староста Слизерина, шестой курс, я думаю. Капитан Команды Слизерина по квиддичу. И, гм ... у нее действительно крутая метла.

Истоцив весь свой запас фактов о ней, Ральф резко плюхнулся на лавку, как будто опустошенный.

Табита наконец приняла руку Зейна, слегка пожала, а затем выпустила её.

— Я рада нашему официальному знакомству. Мистер Поттер, или я могу назвать тебя Джеймсом? — спросила она, поворачиваясь к нему. Ее голос походил на серебряные колокольчики, бархатистый, ниже, чем

голос Джеймса, и более красивый. Он понял, что она задала ему вопрос, затем встряхнулся и ответил.

— Да. Конечно. Джеймс.

— И я была бы рада, если ты будешь звать меня Табитой, — сказала она, улыбаясь, как будто этот жест дружеских отношений очень ей понравился. — Я просто хотела бы сказать, от имени Факультета Слизерин, что мы рады, что ты среди нас, и мы искренне надеемся, что любые оставшиеся, — она поглядела вверх, — предубеждения останутся в прошлом, и буду погребены в нём навек.

Она повернулась налево и направо, обхватывая двоих Слизеринцев рядом с нею.

— Все мы испытываем только высочайшее уважение и, да, почтение к тебе и твоему отцу. Можем ли мы, я надеюсь, ожидать дружбы со всеми вами?

Мальчик справа от Табиты продолжал улыбаться Джеймсу. Девочка с левой стороны от неё изучала пятно на столе где-то между ними, ее лицо ничего не выражало.

— К-Конечно. Друзья. Конечно, — Джеймс запнулся. Тишина остальной части зала казалась огромной. Она проглотила его голос, сделала его тоненьким, как у ребёнка.

Улыбка Табиты стала еще теплее. Её зеленые глаза мерцали.

— Я рада, что ты согласен. А теперь мы оставим тебя, чтобы закончить твой, э-э, завтрак. Том? Филия?

Троица развернулась на месте и спустилась вниз по проходу.

— На что ты только что подписался? — спросил Ральф, когда они встали и последовали за слизеринцами на безопасном расстоянии.

— Я думаю, что у Джеймса теперь есть либо великолепный друг, или знойный враг, — сказал Зейн, наблюдая за махом и драпировкой одежды Табиты, пока она не повернула за угол. — Я не могу сказать наверняка.

Джеймс тщательно обдумывал. Все конечно сильно изменилось со времен папы и мамы. Он просто не мог вполне фактически сказать, были ли они действительно лучше.

Троица провела остаток утра за изучением территории школы. Они побывали на стадионе для квиддича, который для Зейна и Джеймса значительно отличался при свете дня от того, каким они его увидели в

темноте. Зейн раскрыл рот от удивления, когда увидел группу старшеклассников, играющих импровизированный матч по Квиддичу трое-натрое. Игроки летали в построении и по-отдельности, едва не задевая друг друга, комментируя игру и выкрикивая ругательства.

— Свирепо! — счастливо провозгласил Зейн, когда один из игроков нанёс удар бладжером в голову оппонента, заставив того вращаться вокруг своей метлы. — А я был на матче по регби.

Они прошли мимо коттеджа Хагрида, который выглядел пустым и темным, без дыма над трубой, с плотно закрытыми дверьми. Вскоре после этого, они наткнулись на Теда Люпина и Ноя Мецкера, которые привел их к краю Запретного леса. Гигантские, старинные ивы преобладали на краю поляны. Тед протянул руку, останавливая Ральфа, когда тот двинулся к одной из них.

— Слишком близко, приятель, — предостерёг он. — Будь осторожен.

Тед ослабил горловину большой сумки для белья, которую он тянул за собой. Из неё он вытащил объект, по форме напоминающий четвероногое животное с крыльями и клювом. Предмет был весь покрыт разноцветными клочками бумаги, цвета изменялись и кружились от лёгкого ветерка.

— Нет! Это пиньята! — воскликнул Зейн. — Она в форме...этого... не подсказывайте мне! Сфинксораптора!

— Это гиппогриф, — смеясь поправил его Джеймс.

— Мне его вариант больше понравился, — сказал Ральф.

— И мне! — добавил Ной.

— Тишина! — сказал Тед, поднимая руку. Он взял пиньяту в другую руку, взвесил ее, а затем швырнул так сильно, как только мог, в завесу ветвей ивы. Она исчезла в густой листве, и одно мгновение, ничего не происходило. Потом среди нитевидных ветвей раздался шорох. Ветви принялись извиваться, как будто что-то большое двигалась под ними. Внезапно дерево взорвалось шквалом порывистых движений. Его ветви бешено взметались, лупили, стонали и скрипели. Шум от дерева напоминал локализованную бурю. Через несколько секунд все заметили пиньяту среди ветвей. Дерево приняло ее дюжиной извивающихся, злобных кнутов, а затем все ветви сразу потянулись к ней, словно бы пиньята была сброшена в блендер. Клочки разноцветной

бумаги и волшебных конфет взорвались, когда сработало баллистическое заклинание внутри пиньяты. Конфетти и сладости засыпали дерево и прилегающую поляну. Дерево забило в очевидном раздражении от внезапного красочного беспорядка в своих ветвях, а затем, казалось, сдалось и приняло свою первоначальную форму.

Тед и Ноа расхохотались.

— Узрите смерть Сфинксораптора! — провозгласил Ной. Джеймс был наслышан о Гремучей Иве, но его всё равно впечатлила злоба дерева и небрежная беспечность остальных гриффиндорцев относительно всего этого. Зейн и Ральф просто таращились, разинув рты. Не глядя, Ральф вытащил Всекусный Боб из своих волос и сунул в рот. Он жевал задумчиво, с минуту, а затем взглянул на Джеймса. — На вкус как тако! Круто!

Попозже Джеймс отделился от группы и пошел вверх по лестнице на площадку за пределами гостиной Гриффиндора.

— Пароль, — пропела Полная Дама, когда он приблизился ко входу.

— Генисолярис, — ответил он, надеясь, что пароль не успел измениться.

— Принято, — ответила картина, открывая вход.

В общей комнате было пусто, камин погас. Джеймс поднялся в спальню и направился к своей постели. Он проникся теплым чувством «домашности» этой комнаты, даже не взирая на её дремотную полуденную пустоту. Кровати были аккуратно заправлены. Нобби, огромный коричневый амбарный филин, спал в своей клетке, спрятав голову под крыло. Джеймс плюхнулся на кровать, взял связку пергамента и перо, и начал писать, соблюдая осторожность, чтобы не пролить чернила на одеяла.

Дорогие мама и папа,

Добрался вчера без проблем. Уже подружился с клёвыми ребятами.

Ральфа распределили в Слизерин, вот уж чего бы я никогда не подумал. Зейн в Когтевране, и он, похоже так же безумен, как дядя Джордж. Они оба маглы, так что я многое узнаю, хотя занятия ещё не начались. С их помощью,

Магловедение будет даваться легко.

Тед показал нам Гремучую Иву, но мы не подходили слишком близко, мам.

Здесь появились новые учителя. Вчера я видел Невилла, но не успел передать ему ваш привет.

О, сегодня прибывает делегация американских волшебников.

Должно быть интересно, потому что Зейн сам из Америки. Долгая история. Подробности опишу попозже.

Ваш сын, Джеймс.

P.S. Я в Гриффиндоре!

Джеймс гордо улыбнулся, складывая и запечатывая письмо. Он придумывал наилучший способ объявить о своем факультете маме и папе (и всем остальным, так как они все желают услышать об этом от его родителей), и решил, что просто сообщить об этом будет лучше всего. Все остальное показалось бы либо слишком обыденным или излишне пафосным.

— Эй, Нобби, — прошептал Джеймс. Птица приподняла голову, открывая один огромный оранжевый глаз. — Есть работа для тебя — доставить сообщение. Как насчет слетать домой, а?

Нобби потянулся, взъерошил перья, так что на мгновение показалось, он вырос вдвое, а затем высунул одну лапку. Джеймс открыл клетку Нобби и прикрепил к лапке письмо. Филин бочком, осторожно придвинулся к окну, развернул крылья, ссутулился, а затем легко бросился из окна в яркий дневной свет. Джеймс, чувствуя себя до нелепого счастливым, наблюдал, пока Нобби не превратился в пятнышко между далекими синими вершинами гор. Насвистывая, он повернулся и шумно побежал вниз по лестнице.

Он пообедал за столом Гриффиндора в Большом Зале, а после встретился с Зейном и Ральфом, когда все учащиеся школы начали собираться в главном дворе. Небольшой ученический оркестр собрался, чтобы сыграть национальный гимн Америки в честь прибытия делегации из Соединенных Штатов. Какофония во время настройки их инструментов была оглушительной. Зейн признался, что впервые слышал, чтобы Звездно-Полосатое Знамя исполняли на волынках и

аккордеоне. Ученики мельтешили и суетились, заполняя двор. Наконец, профессор Долгопупс, и ещё один профессор, которого Джеймс пока не знал, начали продвигаться в толпе, выставляя учеников упорядоченными группами вдоль стен. Джеймс, Зейн, и Ральф оказались рядом с большими парадными воротами, ожидая прихода американцев с растущим нетерпением. Джеймс вспомнил истории его родителей о прибытии делегаций из школ Шармбатона и Дурмстранга, когда в Хогвартсе проводился Турнир Трёх Волшебников: гигантские лошади и летающие повозки одних и таинственный галеон подводных лодок других. Любопытство съело его: какой же способ появления выберут американцы.

Собралась толпа. Все смотрели и ждали, голоса замолкли. Студенческий оркестр стоял на небольших многоуровневых трибунах, инструменты были наготове и мерцали в туманном вечернем свете. Директор МакГонагалл и остальная часть преподавательского состава стояли, вдоль портика, который вел в большой зал, и наблюдали за небом.

Наконец, кто-то указал на небо и голоса закричали. Все напряжённо обратили взоры вверх. Джеймс прищурился, вглядываясь в золотую дымку над дальними горными вершинами. Точка распадалась на части, становилась больше по мере приближения. Пока он смотрел, появились ещё две точки, следовавшие близко к первой. Звуки, хлынувшие во двор, очевидно исходили от приближающихся объектов. Джеймс взглянул на Зейна, который пожал плечами, явно озадаченный. Звук был низким, быстро разрастающимся, гудящим ревом. Объекты, вероятно, передвигались с огромной скоростью, потому что некоторые уже готовились приземляться, обретая форму по мере приближения к двору. Их звуки стали низкими, вибрирующими, бречащими, похожими на звук крыльев гигантского насекомого. Джеймс наблюдал, как объекты замедлялись и приземлялись на собственные тени на газоне.

— Круто! — Закричал Зейн, перебивая шум. — Это автомобили!

Джеймс уже раньше слышал о заколдованном Форде Англия его дедушки Уизли, на котором однажды его отец и дядя Рон прилетели в Хогвартс, а потом автомобиль скрылся в Запретном Лесу и никогда его

с тех пор видел. Эти же были совсем другими. Разница была в том, что, в отличие от фотографий, на которых Джеймс видел Форд Англию, эти автомобили были блестящими и безукоризненными, с хромированными деталями, отбрасывающими солнечные лучики по всему двору. Другое отличие, которое вызвало долгий вздох одобрения и восхищения у собравшихся Хогвартцев, были крылья, укрепленные на задней половине каждого автомобиля. Они походили на гигантские крылья насекомых, громко брэнчащие, отражающие солнечный свет дрожащими радужными лопастями.

— Это Додж Шершень! — выкрикнул Зейн, указывая на первый приземлившийся автомобиль. Его передние колеса коснулись земли и прокатились немного вперед, пока остальная часть автомобиля только приземлялась. У машины, окрашенной в ярсто-жёлтый цвет, было две двери и длинные осиные крылья. Вторым автомобилем, если верить Зейну, который, казалось, был экспертом по данному вопросу, был Статц Стрекоза. Автомобиль был бутылочно-зеленого цвета, низкий и длинный, с парящей крыльями и хромированными трубами, скрученными под его заостренным капотом. Его крылья были также длинными и заостренными, они издавали глубокое, равномерное жужжание, их вибрации Джеймс чувствовал у себя в груди. Наконец, приземлился последний автомобиль, и Джеймсу не нужна была помощь Зейна, чтобы идентифицировать его. Даже он знал, что такое Фольксваген Жук. Луковицеобразный корпус раскачивался взад и вперед, пока огненно-красный автомобиль опускался на землю, его короткие крылья брэнчали под двумя жесткими внешними крыльями, раскрытыми в задней части автомобиля, как у настоящего жука. Он приземлился на колеса, как на шасси, его крылья остановились, сложились аккуратно и исчезли под жесткими внешним крыльями, которые сомкнулись сверху.

Хогвартцы разразились приветственными возгласами, и в тот же момент оркестр заиграл гимн. Позади Джеймса, девчачий голос глумился над «американцами и их машинами».

Зейн повернулся к ней.

— Последний автомобиль был немецким. Мне казалось, ты должна была это знать.

Он ухмыльнулся и повернулся обратно, наслаждаясь

аплодисментами.

Когда музыканты Хогвартса закончили с гимном, двери машин открылись, и американская делегация начала появляться. Три одинаково одетых взрослых волшебника вышли первыми, по одному из каждого автомобиля. Они были одеты в темные, длиной по бёдра серо-зеленые плащи, черные жилеты, заканчивающиеся высокими белыми воротничками, и свободные серые брюки, собранные чуть выше их белых носков и блестящих черных туфель. Волшебники стояли с полминуты, щурясь и морщась в их сторону, словно оценивая толпу. Видимо удовлетворенные уровнем безопасности на внутреннем дворе, они отошли от открытых дверей своих транспортных средств и заняли оборонительные позиции поблизости. Джеймс мог кое-что видеть сквозь открытую дверь ближайшего автомобиля, Жука, и не был удивлен непропорционально большому и роскошному интерьеру. Внутри передвигались фигуры, а затем вид оказался заблокирован выходящими из машины.

Число фигур, вышедших из автомобилей, удивило даже Джеймса, который располагался лагерем, внутри волшебных палаток множество раз, и знал, какими гибкими, могли быть волшебные места. Швейцары в бордовых плащах и серых ботинках, двигались в каждом транспортном средстве, создавая маленькие плоские тележки и разгружая неисчислимыя груды вещей.

Молодые волшебники и ведьмы в удивительно повседневных одеждах, некоторых даже в поношенных джинсах и темных очках, начали наполнять центр внутреннего двора. Официально выглядящие взрослые ведьмы и волшебники последовали за ними, их светло-серые плащи и темно-серые туники, идентифицирующих их как членов американского Отдела Волшебного правительства. Они стремительно улыбались, и протягивали руки, к портику, где директор Макгонагалл и штат спускались, чтобы встретить их.

Последними из автомобилей также выходили взрослые, хотя их разнообразная одежда и возраст подразумевали, что они не были ни чиновниками, ни студентами. Джеймс догадался: это были учителя Альма Алерона, школы американских волшебников. Их было по одному возле каждой машины. Ближайший к ним, из Жука, был толстым, как бочка, с длинными седыми волосами, аккуратно обрамлявшими его

приятное, массивное лицо. Он носил крошечные, квадратные очки и улыбался Хогвартцам с неясной высокомерной доброжелательностью. Что-то в его облике пробудило память Джеймса, но он не мог понять, что именно. Джеймс повернулся, чтобы взглянуть на второго профессора, тот как раз выходил из Статц Стрекозы. Он был очень высоким, беловолосым, с вытянутым серым лицом, не улыбочивый и суровый. Он оглядывал толпу, и его густые черные брови шевелились на лбу, как пара гусениц. Рядом с ним появился носильщик, и протянул ему черный кожаный саквояж. Не глядя, профессор схватил саквояж за ручки своими большими руками с узловатыми костяшками, и двинулся вперед, направляясь к галерее, как корабль на всех парусах.

— Я напишу новогоднее обещание, не иметь никаких дел с этим парнем, — серьезно сказал Зейн. Ральф и Джеймс согласно кивнули.

Джеймс увидел третьего профессора из Альма Алерон тогда, когда она как раз медленно и властно выходила из Додж Шершень. Она приподнялась в полный рост и медленно повернула голову, как будто изучая каждое Лицо в толпе. Джеймс ахнул, и, не задумываясь, нырнул за громоздким Ральфом, поскольку, её пристальный взгляд все еще сверлил толпу. Он осторожно выглянул, через его плечо.

— Что ты делаешь? — Напряженно спросил Ральф, пытаясь увидеть Джеймса уголком его глаза.

Джеймс прищурился сквозь толпу через плечо Ральфа. Женщина совсем не глядела на него. Она, кажется, не приглядывалась ни к чему вокруг, несмотря на изучающее выражение своего лица.

— Та высокая дама. С шарфом, обвязанным вокруг её головы. Я видел ее на днях вечером на озере!

Зейн стоял на цыпочках.

— Вон та, которая выглядит как цыганская мумия?

— Да, — сказал Джеймс, внезапно почувствовав себя глупо. Дама в шарфе выглядела намного старше, чем он её помнил. Ее глаза были матово-серого цвета, ее темное лицо было угловатым и морщинистым. Носильщик вручил ей большую деревянную трость, которую она приняла с поклоном. Дама двинулась через переполненный двор медленно, постукивая тростью перед собой, как будто проверяя путь.

— Смотрит на меня, будто она слепа, как пресловутая летучая мышь, — с сомнением произнёс Зейн. — Может быть, ты видел в озере

аллигатора, а не её. Тут несложно ошибиться.

— Ребята, вы знаете, кто тот, другой учитель? — вдруг вмешался Ральф низким, благоговейным голосом, указывая на толстого человека в квадратных очках. — Он!.. это... Он пять... нет! Подождите, пятьдесят...! — пролепетал он.

Зейн, нахмурившись, взглянул в сторону галереи: — Маленький пижон с очками как у Джона Леннона и дурацким гофрированным воротником?

— Да! — Ральф прохрипел взволнованно, кивком подзывая Зейна, как будто пытаюсь вытащить имя этого человека из головы. — Это... ох... тот самый! Это парень на 100 баксов!

— Не ожидал, что ты умеешь так понтово выражаться, Ральф, — сказал Зейн, похлопав Ральфа на спине.

Именно тогда, профессор МакГонагалл коснулась своей волшебной палочкой горла и заговорила, повышая голос так, что он разнёсся эхом над всем двором.

Ученики, преподаватели и сотрудники Хогвартса, пожалуйста, давайте поприветствуем представителей Альма Алерон и Департамент Соединенных Штатов Магический Администрации.

Ещё один всплеск формальных аплодисментов заполнил двор. Кто-то в студенческом оркестре, приняв объявление, за сигнал, снова заиграл американский гимн. Три или четыре других музыканта присоединились к нему, поспешно пытаюсь подхватить мелодию, прежде чем они были остановлены неистовыми взмахами профессора Флитвика.

— Уважаемые гости Хогвартса, — продолжила директор, кивая толпе приезжих. — спасибо за то, что присоединились к нам. Мы все с удовольствием предвкушаем год взаимного обучения и культурного обмена с такими давними и стойкими союзниками, как наши друзья из Соединенных Штатов. А теперь, представители Альма Алерона, будьте так любезны сделать шаг вперед, чтобы мы смогли познакомить вас с вашим новым ученикам.

Джеймс предполагал, что высокий профессор со стальными чертами лица будет лидером, но это оказалось не так. Толстый волшебник с квадратными очками приблизился к галерее и галантно поклонился директорисе. Он повернулся и обратился к толпе, не

используя палочку, чистым, хорошо поставленным тенором, как будто публичные выступления были для него делом привычным.

— Студенты Хогвартса, преподаватели и друзья, благодарю Вас за такой теплый прием. Мы и не ожидали меньшего, хотя я вас уверяю, что мы не требуем столь многого, — Он улыбнулся и подмигнул толпе. — Мы очень рады быть частью вашего учебного процесса в этом году, и позвольте мне заверить вас, что обучение, конечно, будет идти в обоих направлениях. Я мог бы сейчас стоять на солнце и угощать вас бесконечно впечатляющими историями всех сортов о сходствах и различиях между европейским и американским волшебными мирами, и я обещаю, что эта обличительная речь показалась бы вам бесконечно занимательной... — вновь улыбка, словно от безмолвной, рассказанной им самому себе, шутки. — Но, как я вижу, моя делегация студентов как можно скорее стремится освободиться из под нашего руководства, и я могу только предположить, что того же хотят и наши новые друзья из Хогвартса. Таким образом, я просто проведу необходимые ознакомления, чтобы вы знали, кто и что будет преподавать, а затем я отпущу вас заниматься своими делами.

— Мне уже нравится этот парень, — услышал Джеймс голос Теда откуда-то сзади.

— В свободном порядке, — выкрикнул тучный волшебник. — позвольте мне представить мистера Теодора Хёршелла Джексона, профессора Техномантии и Прикладной Магии. Он также является трехзвездочным генералом Добровольной Милиции Салем Диргуса, поэтому я бы посоветовал всем называть его «сэр» столько раз, сколько возможно, когда вы обращаетесь к нему.

Лицо профессора Джексона оставалось бесстрастным, как гранит, он как будто уже давно стал непроницаемым для шуток своего коллеги. Он поклонился медленно и грациозно, с приподнятым подбородком и темными глазами, парящими где-то над толпой.

— Рядом с ним, — полный профессор продолжал, экспансивно указывая одной рукой. — профессор Гадания, Продвинутых Заклинаний и Дистанционной Парапсихологии, Дездемона Делакура. Кроме того, она готовит... зээ... пугающе вкусный суп гумбо, и я назову вас везунчиками, если вам разрешат его попробовать.

Темная женщина с шарфом на волосах улыбнулась говорящему, и

улыбка преобразила ее лицо из скелетообразной ведьмы в подобие высохшей, но приятной озорной бабушки. Она повернулась и ее слепые, расфокусированные глаза блуждали над толпой, обрастая морщинками, когда она улыбалась. Джеймс задавался вопросом, как он мог подумать, что слепой, белесоватый взгляд был тем же самым, который буравил его в темноте через озеро накануне вечером. «Кроме того, она только что приехала», — рассуждал он. — «Она не могла даже быть там накануне вечером.»

— И, наконец, — произнёс тучный профессор. — последним по очерёдности и, вполне возможно, по значимости, позвольте мне представить самого себя. Ваш новый учитель Защиты от Темных Искусств, руководитель дискуссионной команды Альма Алерона, и неофициальный, но всегда готовый к игре, соперник в магических шахматах, Бенджамин Амадеус Франклин, к вашим услугам, — он низко поклонился, раскинув руки, потряхнув густыми седыми волосами.

— Вот чьё имя я пытался вспомнить! — порывисто прошептал Ральф. — Он на твоих деньгах, ты болван! — он ткнул локтем Зейна под рёбра, чуть не сбив меньшего мальчика с ног.

Несколько минут спустя Джеймс, Зейн, и Ральф бежали вверх по лестнице к общей гостиной Когтеврана.

— Бенджамин Франклин? — повторил Зейн недоверчиво. — Это не может быть настоящий Бен Франклин. Ему было бы... — он на мгновение задумался, нахмурившись. — Ну, я не знаю, сколько, но он был бы очень, очень старым. Безумно старым. Старше даже МакГонагалл. Не может такого быть.

Ральф пыхтел, стараясь не отставать:

— Говорю вам, я думаю, что волшебники, такие как этот, обладают способностью невероятного долголетия. И вот ещё что удивительно. Бен Франклин почти походит на волшебника, когда вы читаете о нем в магловских книгах по истории. Я имею в виду...парень поймал молнию при помощи ключа на веревочке от воздушного змея.

Джеймс задумался.

— Я помню, моя тетя Гермиона рассказывала мне о волшебниках древности, которых они изучали в свой первый учебный год...Николас Фланнель, или вроде того. Он изобрёл своего рода камень, который позволял ему жить вечно...или почти вечно. Конечно, это была такая

штука, которая всегда попадала не в те руки, поэтому в конце концов ему пришлось уничтожить камень, и в конечном итоге он умер, как и все остальные. Тем не менее, я думаю, что ведьмы и колдуны знают много способов продлевать свои жизни на долгие-долгие годы, даже без камня Фланнеля.

— Может быть, тебе попросить его поставить свой автограф на одной из сто долларовых купюр, — мечтательно сказал Ральф Зейну.

— У меня не осталось сотен. Я отдал свои последние пять тому эльфу, швейцару внизу. Это все что у меня было.

— Он не швейцар! — Джеймс вновь попытался убедить Зейна.

— Неужели? Но он открыл нам дверь, — спокойно ответил Зейн.

— Ральф сбил его с ног, когда толкнул дверь! Он даже не пытался открывать ее для нас!

— В любом случае, денег у меня нет. Надеюсь, конечно, что он не пострадал.

Зейн остановился перед дверью общей комнаты Когтеврана. Дверной молоток в виде орла произнёс высокой трелью: — Каково значение шляпы в магическом мастерстве?

— Эх... да что ж такое... Я думал, вопросы будут полегче, — жалобно проныл Зейн.

— Ты уверен, что нам можно заходить туда? — спросил Ральф, шаркая ногами. — Есть правила, запрещающие околачиваться в общих комнатах чужих факультетов?

— По этому поводу нет правил, о которых бы я знал, — сказал Джеймс. — Я просто не думаю, что такое часто происходит. Но легче у Ральфа на душе не стало и он нервозно озирался по коридору.

— Шляпа... шляпа... — бормотал Зейн, уставившись на свои ботинки. — Шляпа, шляпа, шляпа. Кролик из шляпы. Можно вытянуть вещи из шляпы. Это, наверное, метафора или что-то вроде. Шляпу носят на голове... а в голове мозг, голова под шляпой. Мммм...

Он щелкнул пальцами и посмотрел на орла на дверном молотке.

— Вы не можете вытащить из шляпы ничего, чего бы не было в вашей голове?

— Сыровато, но достаточно близко, — отвечал дверной молоток. Дверь щелкнула и открылась.

— Ух ты! — воскликнул Джеймс, следуя за Зейном в общую

комнату. — И твои родители — маглы?

— Ну, как я уже говорил, мой папа снимает фильмы, а у моей мамы шестое чувство по поводу всего, что я пытаюсь от неё утаить, таким образом, я считаю себя необычайно подготовленным для магического мира, — отвечал Зейн небрежно. — Итак, это общая комната Когтеврана. Никакого электричества или машины с Кока-Колой в поле зрения. Правда, у нас есть действительно клёвая статуя и говорящий камин. Общался с отцом по нему прошлой ночью. На мой взгляд, он адаптируется ко всем этим магическим штукам чересчур хорошо.

Зейн повёл их по комнатам Когтеврана, очевидно, додумывая детали там, где он чего-то не знал. Ральф и Зейн пытались научить Джеймса игре в кункен с колодой магловских игральных карт, но Джеймса не интересовали Король, Дама и Валет, которые даже не нападали друг на друга. Когда игра наскучила всем, Ральф отвёл их в общую комнату Слизерина, пробираясь по лабиринту тёмных, освещённых факелами ходов подвала. Они остановились у большой двери, занимающей конец коридора. В центре двери располагалась медная скульптура свернувшейся клубком змеи, её клиновидная голова грозно выступала вперёд с открытым ртом.

— Ах, да, — пробормотал Ральф. Он встряхнул рукавом, обнажив новый перстень на правой руке. Кольцо было украшено крупным зелёным изумрудом в форме глаза с узким зрачком. Ральф тщательно вдавил его в одну из глазниц змеи. Вторая глазница злобно глядела на мир, сверкая зеленью.

— Кто ищщщет вход? — проговорила змеиная голова высоким шипящим голосом.

— Я. Ральф Дидл. Слизерин, первый курс.

Пылающие зелёные глаза осветили Джеймса и Зейна.

— А кто ещщщё здессссь?

— Мои друзья. Я..эм...Я могу за них поручиться.

Светящийся глаз изучал Зейна и Джеймса вызывающе долго, но наконец померк. Серия из сложных скрипов, щелчков и бряцанья раздалась изнутри двери. Она тяжело распахнулась настежь.

Комнаты Слизерина занимали большую отделанную в готическом стиле пещеру под озером. Толстые витражи в арочных сводах смотрели сквозь глубины озера, заставляя отфильтрованный солнечный свет

зеленовато мерцать на стекле портретов Салазара Слизерина и его последователей. Даже Ральфу было не по себе, когда он показывал им все это. В гостиной было совсем немного учеников, которые вальяжно развалились на мебели в какой-то экстравагантной праздности. Они провожали Зейна и Джеймса взглядами, загадочно улыбаясь, но, судя по всему, без злого умысла. Ральф сухо бормотал приветствия.

Спальни слизеринцев показались Джеймсу местом, где мог бы спать богатый пират, не лишенный изысканного вкуса. Комнаты были широкими, с впалым полом и низкими сводами, с которых свисали лампы в виде голов гаргулий. Большие кровати красного дерева с огромными квадратными подушками по углам. Герб Слизерина был на шторах в изголовье каждой кровати. Три мальчика взгромоздились на шикарную постель Ральфа.

— Эти парни довольно суровы, — заметил Ральф низким голосом, подразумевая владельцев остальных кроватей. — По правде говоря, я тут чувствую себя не в своей тарелке. Комнаты Когтеврана мне нравятся больше.

— Ну не знаю, — сказал Зейн, восхищенно осматривая комнату. — У них точно есть талант к декору. Правда, наверно сложно спать со всеми этими головами животных на стенах. Это что, драконья?

— Да, — ответил Ральф, его голос был сдавлен и напряжен. — Эти парни привезли их из дома. У них семьи, которые действительно охотятся на драконов.

Джеймс нахмурился.

— Я думал, охота на драконов незаконна.

— Ну да, — с нажимом прошептал Ральф. — Только вот в чем штука. Семьи этих ребят имеют свои охотничьи угодья, на которых могут творить, что пожелают! Вон там — череп единорога. По прежнему с рогом, но они сказали, что это не настоящий. Настоящий слишком ценен в магическом плане, чтобы оставлять его висеть на стене. А эта штукovina за кроватью Тома — голова домового эльфа! Они их обезглавливают и вешают на стенку! И, клянусь, она на меня иногда таращится! — Ральф вздрогнул и затем видимо решил, что рассказал больше чем требовалось. Он сжал губы в тонкую линию и переводил взгляд с Джеймса на Зейна и обратно.

— Мда, это довольно жутко, — согласился Джеймс, дав себе зарок

не рассказывать Ральфу ничего из того, что он слышал о жизни слизеринских семейств. — Но, я думаю, все это по большей части показуха.

— Что это? — оживился Зейн, ринувшись к кровати. — Это что, GameDeck? Так и есть! И беспроводная линия связи для онлайн-игр, и всего такого! — он залез в сумку у кровати Ральфа, вытаскивая маленький черный ящичек размером и формой как колода карт, в которые они недавно играли. У ящичка был встроенный крошечный экран с ошеломляющим множеством кнопок внизу. — Какие у тебя игры? Есть Armageddon Master Three?

— Нет! — прохрипел Ральф, выхватывая крошечный механизм из рук Зейна. — Нельзя чтобы кто-либо увидел! Они бесятся от подобных вещей.

Зейн отреагировал скептически.

— Почему это?

— Откуда мне знать? Что такого стряслось между волшебниками и электронными приборами? — Ральф адресовал вопрос Джеймсу, который нахмурился и пожал плечами.

— Я не знаю. По большому счёту, они нам и не нужны. Вся эта электроника: компьютеры и телефоны — только для маглов. Мы справляемся со всем при помощи магии. Думаю, в этом всё дело.

Ральф покачал головой.

— Нет, эти ребята реагирую совсем иначе. Как будто я привёз в школу нечто совершенно отвратительное. Сказали мне, если я действительно хочу быть настоящим Слизеринцем, я должен забросить всю эту ложную магию и эти машины.

— Ложная магия? — спросил Зейн, взглянув на Джеймса.

— Да, — вздохнул он. — это то, как некоторые волшебные семейства называют магловскую электронику и технику. Они говорят, эти вещи просто дешёвые подделки на то, что должны делать настоящие волшебники. А волшебника, пользующегося маггловскими механизмами, они считают предателем своего магического наследия, или вроде того.

— Да, примерно так они мне и сказали, — кивнул Ральф. — Да так разъярённо, что я сразу же попрятал все свои механизмы. Собираюсь отдать их папе на ближайших каникулах.

Зейн низко присвистнул.

— Бьюсь об заклад, твоим ортодоксальным вошебникам не понравились те ребята, которые приземлились сегодня на своих железных птицах. Вряд ли есть что-то более техническое, чем Додж Шершень.

Джеймс задумался.

— Да, возможно, это им и не нравится, но есть разница между электроникой и механизмами. Они думают, что автомобили — это просто набор винтиков и поршней. В них не так много ложной магии, как например в излишне сложных инструментах, вроде компьютеров, которые они действительно ненавидят.

— Послушайте, я... — Ральф посмотрел вниз, на его приставку, а затем положил её обратно, в спортивную сумку. Он вздохнул. — Давайте выбираться отсюда. Скоро обед, и я проголодался.

— Ты когда-либо наедаешься, Ральф? — спросил Зейн, когда они спрыгнули с кровати.

— Я ширококостный, — сказал Ральф автоматически, как будто он часто это повторяет. — Это — проблема с железами. Заткнись.

— Просто спросил, — сказал Зейн, поднимая руки. — Откровенно говоря, в таком месте мне нравится иметь друга с габаритами мусорного бачка.

На ужин, троица сидела вместе, за столом Гриффиндора. Джеймс немного волновался по этому поводу, пока не появился Тед, и легонько похлопал Зейна по спине.

— Наш небольшой импорт из Когтеврана. Как жизнь во втором лучшем доме, в школе? — после этого Джеймс заметил, что Зейн и Ральф были не единственными студентами, сидевшими не за своими столами.

После обеда они обсудили расписание на следующий день. Зейн присоединится к Джеймсу на уроке Техномантии с профессором Джексонном, а Ральф будет с ним на защите от Темных Искусств. Ребята изучили библиотеку, даже некоторое время находились в запретной секции, пока библиотекарь не прогнал их прочь, с грозным предупреждением. Наконец, они пожелали друг другу спокойной ночи, и разошлись в разные стороны.

— Увидимся завтра, на уроке профессора Камнелица! —

выкрикнул Зейн, который имел уникальную предрасположенность к обзыванию учителей придуманными кличками, и побежал по лестнице в гостиную Когтеврана.

Войдя в его собственную комнату, Джеймс увидел Теда, сидящего на его кушетке, небрежно обнимающего Петру рукой. Сабрина и Демиан сидели за соседним столом, и спорили из-за какого то хлама между ними.

— Готов к завтрашним занятиям, салага? — прогремел Тед, когда Джеймс приблизился.

— Да! Я думаю, что готов.

— Ты справишься, — заверил его Тед. — Первый год — это, в основном, махание волшебной палочкой, и сплошная теория. Подожди-ка четвёртого курса, с профессором Трелони.

— По крайней мере, теперь мы получили новый мешок с костями из Штатов, чтобы разбавить Трелони, — сказала Петра.

Джеймс приподнял брови.

— Что ты имеешь ввиду?

— Похоже, что они будут делить между собой занятия, — ответил Тед. — В прошлом году это были Трелони и Кентавр Флоренц, но он в этом году он вернулся с кентаврами долины в Серое Убежище. Так что, в этом году, у нас будет Трелони и Королева Вуду, мадам Делакруа.

— Я думаю, они будут лучшими друзьями, — философски объявил Дамьян. — Как горох в стручке. Как порошкообразная яичная скорлупа дракона и сок Мандрагоры.

Джеймс моргнул, но прежде чем он успел спросить, Дамьяна, что тот имел в виду, Тед покачал головой, злобно ухмыляясь.

— Используй свое воображение, приятель.

Несколько минут спустя, Джеймс отделился от группы и поднялся в спальню. Он ощутил приятную смесь нервозности и возбуждения, предвкушая следующий день. Краткие секунды он просто стоял в залитой лунным светом комнате, впитывая острые ощущения осознания себя Гриффиндорцем, начинающим своё обучение. Его охватило головокружительное предчувствие приключений и проблем, ожидающих его в ближайшие годы. И в этот момент ему захотелось поскорее запрыгнуть вперед во времени, чтобы испытать всё и сразу.

Ной появился из крошечной уборной. Он взглянул на Джеймса,

прежде чем шлёпнуться на свою кровать.

— Все мы порой ощущаем подобное, — сказал он, как будто прочитав мысли Джеймса. — Дождись завтрашнего вечера, и ты вернёшься в норму. Хорошая доза лекций и домашних заданий проделывала это с лучшими из нас.

И он задул свечу у своей кровати.

Глава 3. Призрак и Незванный Гость

Джеймс проснулся рано. В комнате было тихо, за исключением дыхания его одноклассников гриффиндорцев и свистящего храпа Ноа за пару кроватей от него. Комната была освещена лишь едва светлее, чем ночью, своеобразным жемчужно-розовым оттенком. Джеймс попытался вновь заснуть, но его ум был слишком занят предвкушением всего неизвестного, что непременно ожидало его в ближайшие двенадцать часов. Через несколько минут, он опустил ноги с кровати и начал одеваться.

Залы Хогвартса, с одной стороны относительно тихие и пустые, казались оживленными абсолютно разными способами этим ранним утром. Влажная прохлада и утренние тени заполнили пространство, но был намек на волнение из-за летающих лестниц внизу позади незаметных дверей. Когда Джеймс передвигался по коридорам мимо пустых классных комнат, которые позже будут заполнены

деятельностью, он уловил второстепенные признаки работы эльфа, которая была в самом разгаре в утренние часы: ведро и швабра, с которой еще стекала вода, стояли возле открытой двери в ванную; аромат сдобного хлеба и звон от грохота горшков и кастрюль гулял по лестничному пролету; ряд окон стоял с гобеленами, тщательно задрапированными для проветривания.

Джеймс шел в Большой Зал, но нашел его тихим и пустым, бледно-розовый потолок показывал, что небо за ним поглотило свет восхода солнца. Джеймс моргнул и посмотрел снова. Что-то перемещалось среди полупрозрачных стропил и балок. Серая фигура мелькала, напевая довольно раздражающую песенку. Джеймс смотрел, пытаясь разобрать, кто это был. Казалось, это был маленький, толстый человечек, с радостно озорным выражением концентрации. Против всякой логики, фигура, казалось, уравнивала какие-то предметы на краях некоторых стропил. Джеймс заметил, что эти предметы находились прямо над столами факультетов, между ними были промежутки, и балансировали они так изящно, что упали бы при малейшем ветерке.

— Фи! — вдруг закричала фигура, так, что Джеймс аж подпрыгнул. Она увидела, и налетела на него так быстро, что Джеймс чуть не выронил свои книги.

— Кто шпионит за шпионом, когда тот планирует свои утренние приколы!? — пропела фигура, радость и раздражение смешивались в его голосе.

— О, — вздохнул Джеймс. — Я знаю тебя. Мама и папа рассказывали мне о тебе, Пивз.

— И я знаю тебя, маленькая пышка! — весело объявил Пивз, покрутившись вокруг Джеймса. — Маленький мальчик Джеймс Поттер! Оооо! Крадущийся рано-рано, в отличие от папочки! Он предпочитал ночь! Ищем место для завтрака, не так ли? О, как жаль, все маленькие эльфы-шмелфы все еще готовят его в подвалах. В такую рань, Хогвартс находится исключительно в распоряжении Пивза. Не желаешь ли Перуанских баллистических бобов?

Пивз протянул свои тонкие руки к лицу Джеймса. Крошечные предметы в руке Пивза выглядели как сушеная зеленая фасоль.

— Нет! Спасибо! Я... я пожалуй пойду, — Джеймс скинул его

пальцы с плеча и начал отступать.

— Ммм! Бобы, бобы, музыкальный фрукт! — Пивз отпустил Джеймса и улетел назад к стропилам. — Чем больше я сею, тем больше я свищу! Возможно, свистящие фрукты в тыквенном соке маленького Поттера! — прокудахтал он весело.

Джеймс блуждал, пока не оказался вне пределов слышимости пения Пивза. Через несколько минут он оказался на длинном уставленном колонными балконе с видом на территорию школы. Туман поднялся от озера к большому золотому облаку, сгоравшему на солнце.

Джеймс прислонился к перилам, испытывая счастье и возбуждение от начала своего первого учебного дня.

Что-то шевельнулось в тишине. Джеймс взглянул туда. Это было на краю леса, возле хижины Хагрида. Возможно, Хагрид вернулся. Джеймс осмотрел хижину. По-прежнему не было дыма в дымоходе. Двор выглядел без присмотра и зарос. Джеймс слегка нахмурился. Почему Хагрид еще не вернулся? Он знал, что полугигант помешан на зверях и монстрах, и он беспокоился вместе с родителями, что это в конечном итоге может его уничтожить.

Может быть союз с гигантами, предварительно направленный в лучшую сторону, давно развалился. Может быть, они напали на Хагрида и Грохха или заключили их в тюрьму каким-то образом. Возможно...

Джеймс снова заметил движение. За стопкой дров около хижины мелькнули вспышки и что-то цветное. Джеймс прищурился, опираясь на перила балкона так далеко, как только мог. Вот опять. Он всмотрелся в дрова. В отдалении Джеймс увидел только, что это был мужчина примерно возраста его отца. Мужчина, казалось, изучал почву, а затем медленно встал и поднял камеру. Вновь вспышка, и человек сфотографировал замок.

Джеймс собирался пойти, рассказать кому-то об этом странном событии, учителю, или даже домовому эльфу, когда что-то внезапно пролетело мимо него. Джеймс отскочил в сторону, теперь уже точно роняя книги. Фигура была белой, полупрозрачной, и совершенно тихой. Она протекла мимо него и рванулась к земле, стремясь к разрушителю с камерой. Призрачная фигура была неясна в проясняющемся солнечном свете, но разрушитель увидел, что он прибыл, как будто ожидал этого.

Человек исторгнул вопль ужаса, но не побежал, несмотря на то, что, по крайней мере, часть его, казалось, хотела рвануться с места. Он снова поднял камеру и сделал несколько быстрых снимков призрачной формы, поскольку она понеслась к нему. Наконец, когда форма уже собиралась настигнуть его, человек круто развернулся на пятках и неуклюже убежал за черту лесов, исчезающих в темноте.

Призрак остановился у края леса, как собака на конце поводка. Он заглянул внутрь, затем беспокойно прошелся взад и вперед. Через минуту он повернулся и начал возвращаться в замок. Как увидел Джеймс, он начал становиться несколько более плотной фигурой. К тому времени, когда рисунок вернулся на землю перед балконом, он выглядел как молодой человек. Призрачный человек ходил с определенной, хотя и довольно унылой походкой, опустив голову вниз. Потом он посмотрел вверх и увидел Джеймса, и остановился. Наступила длительная, совершенная тишина, в которой человек уставился на Джеймса, его прозрачное лицо ничего не выражало. Потом фигура просто испарилась, быстро и полностью.

Джеймс уставился на то место, где был призрак. Он знал, что ему не показалось. Призраки были такой же частью Хогвартса, как палочки и движущиеся картины. Он видел призрака Когтеврана, Серую Леди, днем раньше, скользящую вниз по коридору и выглядящую необычайно угрюмо. Он хотел встретиться с Почти Безголовым Ником, призраком Гриффиндора. Но этот призрак был новым для него. Конечно, его родители не могли бы рассказать ему о каждой мельчайшей подробности жизни в Хогвартсе. Многие были для него в новинку.

Однако, призрак ворчал на него, так же, как и на человека с камерой, снимающего тайком. Он, возможно, был работником одного из волшебных таблоидов? Не Придиры, конечно. Джеймс знал людей, которые управляли этим журналом, и они не стали бы интересоваться утренней жизнью Хогвартса. Однако, было много вшивых волшебных журналов, всегда заинтересованных воображаемыми грязными маленькими секретами Хогвартса, Министерства, и даже папы Джеймса.

Направляясь в гостиную, где он надеялся найти Теда или одного из Гремлинов перед завтраком, Джеймс вспомнил, что он еще не

приветствовал Профессора Долгопупса по просьбе родителей. Он решил сделать это за завтраком и воспользоваться случаем, чтобы спросить Невилла о призраках и человеке с камерой.

Однако, в Большом Зале Невилла нигде не было видно. Длинные столы были сейчас переполнены студентами в их школьных мантиях.

— Итак, ты увидел, как какой-то парень делал снимки на лужайке? — переспросил Ральф, с набитым французским тостом ртом. — Что ты обо всем этом думаешь?

— Я больше интересуюсь призраком, — решительно сказал Зейн. — Интересно, как он был убит. Призраки ведь возвращаются только тогда, когда они были убиты действительно грязным способом?

Джеймс пожал плечами.

— Я не знаю. Задай этот вопрос одному из парней постарше. Впрочем, можешь так же спросить Ника, когда увидишь его рядом.

— Почти Безголовый Ник? — спросила Сабрина из-за дальнего конца стола.

— Ага, где он? У нас есть к нему вопрос.

— Ушел, — сказала Сабрина, трясая своей головой так, что перо в ее волосах заболталось. — Его не было с нами с нашего первого года. После всех этих лет его приняли в Безголовую охоту. У нас была вечеринка в его честь, и затем он ушел. Он не возвращался. Должно быть, было то, из-за чего он смог двигаться дальше. Хорошо для него, конечно. Но печально.

— Безголовый... — неуверенно пробормотал Ральф, словно он не знал, хочет ли он услышать объяснение.

— Он не вернулся? — повторил Джеймс. — Но он ведь был призраком Гриффиндора! Тогда, кто же наш призрак сейчас?

Сабрина снова покачала головой.

— Никто, на данный момент. Некоторые из нас думали, что это будет старый Дамблдор, но не повезло.

— Но... — сказал Джеймс, но не знал как продолжить. Каждый факультет имел призрака, верно? Он вспоминал как тонкие очертания превратились в тихого молодого человека на лужайке перед замком.

— Почта! — вскрикнул Зейн. Все посмотрели вверх, как совы влетали в высокие окна. Воздух стал наполняться звуком машущих крыльев и падающими письмами и посылками. Глаза Джеймса

расширились, когда он вспомнил странный проект Пивза с раннего утра. Прежде чем он успел что-либо сказать, первый громкий хлопок раздался и девушка вскрикнула от удивления и гнева. Она встала из-за ближайшего столика, вся ее одежда была забрызгана желтым.

— Мои яйца взорвались! — воскликнула она.

Больше криков раздалось в зале, когда совы накренились среди стропил. Зейн и Ральф дико озирались вокруг, пытаясь увидеть то, что произойдет дальше.

— Пора валить, товарищи! — позвал Джеймс, стараясь не смеяться. Пока он говорил, Перуанский баллистический боб упал со стропила поблизости, попал в наполовину пустую чашку и взорвался громким хлопком. Сок выплеснулся из чашки, словно из маленького вулкана. Когда Джеймс, Зейн и Ральф выбежали из взрывающегося хаоса, Пивз спикировал и нырнул в Большой Зал, радостно смеясь и распевая песни о музыкальных фруктах.

Урок Техномантии проводился в одной из классных комнат меньшего размера на уровнях выше главного зала. В нем было одно окно прямо за столом учителя, и утреннее солнце светило непосредственно через него, из-за этого казалось, что у мистера Джексона на голове корона отсвечивающая золотом. Он склонился над столом, царапая что-то пером на пергаменте, в то время как Зейн и Джеймс вошли. Они нашли места в неудобной тишине комнаты, стараясь не нарушить молчание, чистя свои стулья. Постепенно, комната заполнилась шумом студентов которые посмели заговорить, но, все же никакой шум нельзя было услышать кроме скрипа преподавательского пера. Наконец, он спросил время у часов на своем столе и встал, разглаживая складки на его темно-серой мантии.

— Добро пожаловать, студенты. Мое имя, как вы возможно знаете, Теодор Джексон. Я буду инструктировать Вас в этом году в исследовании Техномантии. Я считаю, что большую роль играет чтение, но также я посвящу много времени на прослушивание лекций. Вы сделаете большую часть из обоих в моем классе, — его голос был спокойным и уравновешенным, более утонченным, чем Джеймс ожидал. Его волосы с проседью были расчесаны с военной опрятностью. Его густые черные брови были сведены вместе в ровную линию, как по линейке.

— Как уже было сказано, — продолжил Джексон, медленно передвигаясь по комнате. — нет такого понятия как «глупые вопросы». И никаких сомнений в том, что вы сами себе это говорили. Полагаю, вопросы — признак пытливого ума.

Он остановился, критически их разглядывая.

— С другой стороны, вопросы выдают и невнимательного ученика.

Зейн толкнул Джеймса локтем. Джеймс посмотрел на него, потом на его пергамент. Зейн уже нарисовал простую, но удивительно точную карикатуру на профессора. Джеймс подавил смешок, так как рисунок Зейна был весьма дерзок.

Джексон продолжил:

— Будьте внимательны в классе. Делайте заметки. Читайте назначенный текст. Если вы можете выполнить эти вещи, у вас не будет большой необходимости задавать вопросы. Имейте в виду, я не запрещаю задавать вопросы. Я просто предупреждаю, что прежде чем задать вопрос, подумайте требует ли он моего повторения самого себя. Если нет, я похвалю вас. Если да, то я..., - он остановился, позволив своему взгляду побродить по комнате. — напомню вам об этом разговоре.

Джексон завершил свой обход комнаты. Он повернулся к доске рядом с окном. Взяв палочку из чехла в рукаве, он взмахнул ею, в сторону доски.

— Кто, молитесь, мог бы сказать мне, что влечет за собой изучение Техномантии? — появились на доске слова, изложенные в опрятной, косой скорописи. Последовала долгая, неловкая пауза. Наконец, девушка осторожно подняла руку.

Джексон указал на нее.

— Отвечайте, мисс, э-э ... простите меня, я изучу все ваши имена в свое время. Гэллоус, не так ли?

— Сэр, — сказала девушка тихим голосом, по-видимому думая о вчерашней консультации Франклина. — Я верю, что Техномантия — это изучение магии с научной точки зрения?

— Вы из Когтеврана, мисс Гэллоус? — спросил Джексон, следя за нею. Она кивнула. — Чтож, пять очков для Когтеврана, хотя я не одобряю слово «верить» в моем классе. У веры и знания есть мало чего общего, по крайней мере вместе. В этом классе мы применим вас к

знанию. Наука. Факты. Если Вы захотите веру, то класс госпожи Делакура будет открыт для всех вас в зал в следующий час. — указал он, и впервые было всплытие чего-то вроде юмора в каменном фасаде. Несколько студентов смели улыбаться и спокойно смеяться. Джексон повернулся и снова взмахнул палочкой, в сторону доски.

— Да, это наука о волшебстве. Это — общее и печальное недоразумение, что волшебство — мистическое или неестественное занятие тех, кто верят — и здесь я использую термин «верят» преднамеренно — те, которые полагают, что волшебство просто мистическое, также склонны верить в такие вещи, как судьба, удача и американская команда по квиддичу. Короче говоря, пропащее дело, без клочка эмпирического доказательства, чтобы поддержать их, — больше улыбок появилось в комнате. Очевидно, профессор Джексон был не так прост, как казался на первый взгляд.

— Магия, — продолжал он, между тем, как доска начала строчить свои примечания. — не нарушает, я повторяю, не нарушает законов природы и науки. Она использует только те законы, которые имеют очень специфичные и творческие методы. Мистер Уолкер.

Зейн подскочил в кресле, отрываясь от рисования над которым он работал, пока другие набрасывали заметки в тетрадь. Джексон по-прежнему стоял у доски, спиной к Зейну.

— Мне нужен доброволец, мистер Уолкер. Я мог бы одолжить ваш пергамент? — Это была не просьба. В то время как он говорил, он взмахнул палочкой, и пергамент Зейна взлетел и направился к передней части комнаты. Джексон ловко его поймал поднятой рукой. Он медленно повернулся, держа пергамент вверху, не глядя на него. Класс молча посмотрел на довольно хорошую карикатуру Джексона, которую нарисовал Зейн. Зейн начал медленно сползать в его кресле, как, если бы он пытался растопиться под столом.

— Может быть, это магия пробуждает рисунок истинного волшебника к жизни? — спросил Джексон. Пока он говорил, рисунок на пергаменте двинулся. Выражение карикатурных стальных глаз изменилось из строгости в мультяшный гнев. Перспектива немного отодвинулась, и теперь перед рисованным Джексоном оказалась парта. Крошечная мультяшная версия Зейна съежилась за партой. Нарисованный Джексон достал гигантский планшет с надписью С.О.В.

и начал рисовать красные чёрточки. Мультяшный Зейн упал на колени, неслышно умоляя карикатуру Джексона, которая властно покачивала головой. Мультяшный Зейн зарыдал, изогнув рот гигантским бумерангом горя, комичные слёзы хлынули из его глаз.

Джексон повернул свою голову и наконец посмотрел на пергамент в его руке, поскольку класс разразился бурями смеха. Он улыбнулся маленькой, но искренней улыбкой.

— К сожалению, Мистер Уолкер, Ваши вычтенные пять очков, уравновешивают заработанные мисс Гэллоус пять очков. Такова жизнь.

Он вновь прошёлся по комнате, на ходу аккуратно возвращая рисунок на стол Зейна.

— Нет, магия в действительности не является просто волшебным словом. На самом деле, истинный волшебник учится отражать свою личность на бумаге используя вовсе не перо. Ничего противоестественного. Существует просто другие способы выражения. Магия использует законы природы, но она не нарушает их. Иными словами, магия вовсе не противоестественна, она сверхъестественна. Она находится над естественным, но не за его пределами. Другой пример. Мистер... мм...

Джексон указал на мальчика рядом с ним, который внезапно наклонился на спинку стула, косо глядя на указательный палец.

— Мердок, сэр, — сказал мальчик.

— Мердок. Ты уже достаточного возраста, чтобы вообще трансгрессировать, я прав?

— Ох! Да, сэр, — сказал Мердок с видимым облегчением.

— Опишите её для нас, ладно?

Мердок пребывал в недоумении.

— Ну, это же весьма примитивно? То есть, ты просто создаешь в голове четкий образ места, закрываешь глаза и представляешь это самое место. Потом бац, и ты уже там.

— Бац, вы говорите? — сказал Джексон с непроницаемым лицом.

Мердок покраснел.

— Ну, Да, более или менее. Вы просто оказываетесь там. Именно так.

— То есть, это мгновенно, вы имеете в виду?

— Да. Скорее всего, я бы так сказал.

Джексон приподнял бровь.

— Скорее всего?

Мердок заерзал, глядя на сидящих рядом с ним, ожидая помощи, со стороны их.

— Э-ээ. Нет, я имею в виду, да. Определенно. Как вы сказали.

— Как вы сказали, мистер Мердок, — мягко поправил Джексон. Он снова пошел назад, к передней части комнаты. Он коснулся другого студента по плечу, когда проходил мимо. — Мисс?

— Сабрина Хильдегард, сэр, — сказала Сабрина так чисто и вежливо, как только могла.

— Не будете ли вы так добры, выполнить для нас небольшую просьбу, мисс Хильдегард? Нам нужно воспользоваться двадцати секундным таймером, из кабинета зелий профессора Слизнорта. Помоему, вторая дверь слева. Большое спасибо.

Сабрина поспешила, а Джексон снова встал, у классной доски.

— Мистер Мердок, вы хоть понимаете, что именно происходит, когда вы трансгрессируете?

Мердок, очевидно, решил, что презренное невежество было его безопасным путем. Он решительно покачал головой.

Джексон, казалось, одобрил.

— Давайте рассмотрим это так. Кто может сказать мне, где найти исчезнувшие предметы?

На этот раз Петра Моргенштерн подняла руку.

— Сэр. Исчезнувшая объекты нигде, то есть, они находятся повсюду.

Джексон кивнул.

— Ответ по учебнику, мисс, но пустой. Материя не может быть в двух местах одновременно, и не может быть одновременно везде и нигде. Я сэкономлю наше время, больше не облагая налогом невежества тему для этого класса. Это — часть, где вы слушаете, а я говорю.

По всей комнате перья были обмакнуты в чернила и застыли наготове. Джексон начал снова вышагивать.

— Материя, как даже вы наверно знаете, по большей части состоит из пустоты. Атомы располагаются в пространстве, придавая форму тому, что с нашей точки зрения является цельными объектами. Вот этот подсвечник, — Джексон положил свою ладонь на латунный подсвечник

на своем столе, — выглядит для нас совершенно цельным и одиночным объектом, но, на самом деле, является триллионами мельчайших частичек парящих в достаточной близости друг от друга, чтобы создать форму и вес для нашей неуклюжей перспективы. Когда мы заставляем его исчезнуть, — Джексон небрежно взмахнул своей палочкой на подсвечник и он исчез с еле слышимым хлопком. — мы не перемещаем подсвечник, или уничтожаем его, или заставляем составляющую его материю завершить свое существование. Не так ли?

Пронзительный взгляд Джексона бродил по комнате, прыгая с лица на лицо, поскольку студенты прекратили писать, в ожидании продолжения.

— Нет. Вместо этого, мы изменили расположение пространства между этими атомами, — сказал он многозначительно. — Мы расширили расстояние от точки к точке, может быть, на тысячу, может быть на миллион. Умножение этих пространств, расширяет подсвечник в почти планетарном масштабе. Результатом является то, что мы действительно можем пройти через него, через промежутки между его атомами, даже не замечая этого! Одним словом, подсвечник все еще здесь. Он просто был расширен так сильно, разбавлен до такого эфемерного уровня, что стал физически несущественными. Это, по сути, везде и нигде.

Сабрина вернулась с таймерами, кладя их на стол Джексона.

— Ах, спасибо, Мисс Хильдегард. Мердок.

Мердок снова подпрыгнул. Из класса, раздалось хихиканье.

— Сэр?

— Не бойся, мой храбрый друг. Я бы хотел, чтобы ты выполнил то, что, подозреваю, для тебя будет простой задачей! Я хочу, чтобы ты трансгрессировал для нас!

Мердок выглядел потрясенным.

— Трансгрессировать? Но... но никто не может трансгрессировать на территории школы, сэр.

— Правда. Странное и чисто символическое ограничение, но, тем не менее — ограничение. К счастью для нас, я организовал временные образовательные послабления, которые позволят вам, мистер Мердок, трансгрессировать отсюда, — Джексон прошествовал в передний угол комнаты и указал на пол, — прямо сюда.

Мердок стоял и немного покачивался от того что попросил профессор.

— Вы хотите чтобы я трансгрессировал из этой комнаты... в эту комнату?

— Оттуда, где ты находишься, сюда. В этот угол, если можешь. Я не думаю что это будет большим испытанием для тебя. И ещё, я хочу, чтобы ты перенес и это.

Джексон взял небольшие песочные часы, которые принесла Сабрина.

— Переверни их именно в тот момент, когда ты трансгрессируешь. Понял?

Мердок кивнул с облегчением.

— Нет проблем, сэр. Я могу сделать это с завязанными глазами.

— Не думаю, что это необходимо, — сказал Джексон, протягивая Мердоку часы. Он вернулся к доске, подобрав второй таймер.

— На счет «три», мистер Мердок. Раз... два... три!

Мердок и Джексон одновременно перевернули часы. Долей секунды позже Мердок исчез с громким треском. Все глаза в комнате устремились в угол в передней части класса.

Джексон держал часы, смотря как тихо течет песок сквозь тонкое стекло. Он немного вздохнул, потом позволил себе немного прилечь на стол. Затем лениво повернулся и посмотрел в угол в передней части зала.

Прозвучал второй щелчок, когда Мердок появился. Одним удивительно неуловимым движением Джексон взял часы Мердока из его рук и поставил их вместе со своими на центр стола. Он отошел, сурово глядя на оба таймера. Песок в часах Джексона был почти поровну разделен между половинками часов. В часах Мердока большая часть песка оставалась в верхней части.

— Я боюсь, мистер Мердок, — сказал Джексон, не отрывая взгляда от часов, — что ваша гипотеза была опровергнута. Возвращайтесь на свое место, и спасибо вам.

Джексон посмотрел на класс и указал на часы.

— Разница в четыре секунды, плюс-минус несколько десятых. Выходит, что трансгрессия, по существу, не мгновенна. Но и это весьма занимательная часть — она мгновенна для трансгрессирующего. Что

может Техномантия рассказать нам об этом? Это риторический вопрос. Я отвечу.

Джексон продолжил свое шествование по комнате, а слова начали снова появляться на доске. По всему классу ученики склонились над своими пергаменами.

— Трансгрессия использует тот же самый метод, что и исчезновение объектов. Трансгрессирующий увеличивает расстояние между своими собственными атомами, расширяя себя до такой степени, что он становится физически неосязаемым, невидимым, неизмеримым и находится, грубо говоря, везде. Добившись своей вездесущности, трансгрессирующий затем автоматически уменьшает расстояние между своими атомами, но с центром в новой точке, которую он мысленно себе назначил до трансгрессии. Волшебник находящийся в Лондоне представляет себе Эббетс Филд, трансгрессирует — достигает вездесущности — и возникает в новом центре на Эббетс Филд. Крайне необходимо, чтобы волшебник определил точку назначения перед трансгрессией. Может ли кто-нибудь, используя Техномантию, сказать почему?

Тишина. Девочка по имени Гэллоус снова подняла руку.

— Потому, что процесс трансгрессии мгновенен для волшебника?

— Едва не в точку, мисс, — сказал Джексон, почти добро. — В зависимости от расстояния трансгрессия занимает время, как мы только что видели, и время не то чтобы, относительно говоря, пластично. Нет, причина того что волшебник должен четко указать свой пункт назначения до трансгрессии в том, что в состоянии вездесущности его разум находится в состоянии полного бездействия. Время необходимое для трансгрессии не протекает мгновенно, но из-за того, что разум волшебника бездействует во время процесса, он кажется ему мгновенным. Так как волшебник не может думать и чувствовать во время трансгрессии, волшебник, который не назначил себе точку назначения перед трансгрессией... вообще никогда не трансгрессирует до конца.

Джексон вздохнул и оглядел класс, ища признаки того, что они ухватили мысль. Через несколько секунд медленно поднялась рука. Это был Мердок. Его лицо было покрыто пеленой страдания, так как он, судя по всему, пытался уложить эти пугающие концепции у себя в

голове. Густые черные брови Джексона медленно поднялись.

— Да, мистер Мердок?

— Вопрос, сэр. Извините. А где... — он кашлянул, прочищая горло, и облизал губы. — Где находится Эббетс Филд?

Джеймс встретил Зейна и Ральфа после обеда, у всех троих был небольшой перерыв.

Имея слишком много времени, чтобы просто пойти на следующие уроки, и слишком мало, чтобы пойти в общие гостиные, они бесцельно слонялись по заполненным залам возле внутреннего двора, стараясь не попадаться на пути старших учеников, и обсуждали свои утренние занятия.

— Я тебе говорю, у старины Камнелица какой-то чокнутый волшебный эффект на течение времени! — страстно рассказывал Ральфу Зейн. — Я клянусь, однажды я видел, как часы действительно шли назад.

— Ну, мне нравится мой преподаватель. Профессор Флитвик. Ты уже виделся с ним, — сказал Ральф, меняя тему.

Но Зейна было не остановить.

— У парня будто глаза на затылке, или что-то такое. Кто бы мог подумать, что школа волшебства будет такой жесткой?

— Профессор Флитвик учит базовым заклинаниям и тому, как управляться с палочкой, не так ли? — спросил Джеймс у Ральфа.

— Да! Это было невероятно! Полагаю, одно дело — это читать о магии, но совсем другое — видеть ее. Он заставил свой стул, книги, совершенно все — парить!

— Книги? — прервал Зейн.

— Да, ты видел ту гору книг, которые он держит у себя на стуле, чтобы видеть поверх стола? Должно быть, они весят сотни фунтов. Он заставил стул плыть над полом вместе с книгами на нем, просто используя палочку!

Ну а ты как справляешься? — спросил Зейн. Джеймс поежился, вспомнив никудышную палочку Ральфа.

— Совсем неплохо, по правде говоря, — мягко сказал Ральф. Повисла пауза во время которой Зейн и Джеймс замерли, уставившись на него.

— Правда. Совсем неплохо, — повторил Ральф. — То есть, мы не поднимали стульев или что-то такое. Просто перья. Флитвик сказал, что не ожидал от нас успеха в первый раз. Но, я справился так же, как и другие, — Ральф выглядел задумчивым. — Может даже чуть лучше. Флитвик выглядел очень радостным. Сказал, что я прирожденный заклинатель.

— Ты заставил перо парить при помощи этой идиотской деревяшки с усом йети? — недоверчиво спросил Зейн.

Ральф выглядел оскорбленным.

— Да. И к твоему сведению, Флитвик сказал, что палочка — лишь инструмент. Это волшебник творит магию. Может я талантлив. Тебе такое в голову не приходило, мистер Внезапно-Эксперт-По-Палочкам?

— Эй-эй, прости, — промямлил Зейн. — Только не направляй эту чертову деревяшку снежного человека на меня. Я хочу сохранить то же количество рук и ног.

— Забудьте, — Джеймс успокоился, когда они продолжили идти. — Флитвик прав. Да какая разница, откуда у тебя палочка? Ты и вправду заставил перо левитировать?

Ральф позволил себе небольшую гордую ухмылку.

— Прямо под потолок. Оно до сих пор там! Оно застряло в стропилах.

— Клево, — одобряюще кивнул Джеймс.

Парень постарше с зеленым галстуком врезался в Джеймса, сбив его с пути в траву внутреннего двора. Он также врезался в Ральфа, но Ральф был того же роста, и гораздо шире. Парень отскочил от Ральфа, который не сдвинулся ни на дюйм.

— Простите, — пробормотал Ральф, когда парень замер, буравя его взглядом.

— Смотрите, куда прете, первокурсники, — сказал парень холодно, глядя то на Джеймса, то на Ральфа. — И думаю, тебе стоит быть избирательнее с тем, с кем ты позволяешь себя видеть, Дидл.

Он обошел Ральфа, не дожидаясь ответа.

— Вот это в духе того Слизерина, о котором ты говорил мне в поезде, — сказал Зейн. — Прямо-таки «Я думаю, мы все будем друзьями».

— Это был Трент, — угрюмо сказал Ральф, провожая мальчика

взглядом. — Это он сказал мне, что GameDeck — это оскорбление моей крови волшебника. Что, однако, не помешало ему взять его в скором времени.

Джеймс едва ли слушал. Его вниманием завладела вещь, которую носил парень.

— Что написано на этом значке?

— О, они все начали носить их, — сказал Ральф. — Табита Корсика раздавала их всем в гостиной сегодня утром. Вот.

Ральф пошарил в глубинах своей мантии и вытащил похожий значок.

— Я забыл свой надеть.

Джеймс взглянул на значок. Белые буквы на темно-синем фоне гласили: «Прогрессивные Волшебники Против Ложной Истории». Большие красные кресты перечеркивали слова «Ложной Истории» то исчезая, то появляясь вновь.

— Они не все такие, — сказал Ральф убирая значок назад. — На некоторых написано «Историю Пишут Победители». На других более длинные высказывания, которые я лично не понимаю. А кто такие Авроры?

Зейн встрял:

— Моему отцу однажды звонили по поводу какого-то «Долга Авроры». Но он отказался, потому, что снимал в Новой Зеландии. Сказал, что если «Аврорам» заплатят больше, то критики лучше отзовутся.

Ральф озадаченно смотрел на Зейна. Джеймс вздохнул.

— Авроры, или мракоборцы, — сказал он медленно и осторожно. — это ведьмы и волшебники, которые ищут и ловят темных ведьм и волшебников. Они что-то вроде волшебной полиции, наверно. Мой отец — мракоборец.

— Глава Отдела Мракоборцев, ты хотел сказать, — послышался голос из проходящей мимо группы. Табита Корсика была во главе этой группы и смотрела на Джеймса оглянувшись. — Простите за вмешательство.

Остальная часть группы смотрела на Джеймса с непроницаемыми улыбками. Все они носили синие значки.

— Да, сказал Джеймс громко, но слегка неуверенно. — так и есть.

— Твой отец глава волшебной полиции? — спросил Зейн, переводя взгляд с удаляющихся Слизеринцев на Джеймса. Джеймс скривился и кивнул. Ему удалось прочитать еще один значок. Он гласил: «Скажи Нет Лжи Мракоборцев; Скажи Да Свободе Самовыражения Волшебников». Джеймс понятия не имел, что все это значит, но у него было очень плохое предчувствие насчет этого.

Зейн внезапно повернулся и ткнул Ральфа локтем в бок.

— Лучше надень этот значок, приятель, а то твои друзья с факультета подумают, что ты поддался Ложной Истории и Аврорам-Империалистам, или как-там.

Джеймс моргнул, внезапно вспомнив о том, о чем Ральф говорил минуту назад.

— Ты сказал, твой сосед по камнате взял этот твой GameDeck?

Ральф улыбнулся без следа веселья.

— Ну, может и не он. Но кто-то взял его. Не так уж много людей о нем знали. Если они только не говорили о нем за моей спиной. Все что я знаю — он пропал после того как я вам его показывал. Подозреваю, что ребята с факультета просто зачищали комнату от контрафактной магии.

Он вздохнул.

Джеймс не мог отделаться от отвратительного чувства, которое холодело внутри него. Оно было завернуто в обертку из приторной миролюбивости некоторых слизеринцев и этих странных значков. А теперь один из них украл странное магловское устройство Ральфа. Почему?

Они шли мимо Зала Наград Хогвартса, когда Зейн, забежавший вперед, позвал их.

— Эй, тут списки клубов. Давайте займемся чем-нибудь внеклассным, — он наклонился, изучая один из листов. — «Читайте Руны! Предсказывайте свою Судьбу и Судьбы ваших Друзей! Изучите Язык самих Звезд.» Бла-бла. «Клуб Созвездий. Встречаемся в одиннадцать по вторникам на вершине Западной Башни.» Звучит как клевая отмазка для опозданий. Я в игре, — он схватил перо, которое было прикреплено к полочке длинным шнурком, театрально пожевал его и накорябал свое имя на листе.

Джеймс и Ральф подошли к нему. Ральф наклонился и стал вслух зачитывать заголовки объявлений.

— Клуб Дебатов, Клуб Волшебных Шахмат, Факультетские Команды по Квиддичу.

— Что? Где? — заволновался Зейн, все еще держа в руке перо, будто он хотел что-то им проткнуть. Он нашел пергамент для желающих попасть на пробы в Когтевранскую Команду по Квиддичу и начал вписывать свое имя.

— Надо бы раздобыть одну из этих метел. Какие у меня шансы, как думаешь, Джеймс?

Джеймс взял перо у Зейна, качая головой в волнении.

— Все может быть. Мой отец стал Ловцом Гриффиндора в свой первый год. Самый молодой Ловец в истории команды. Из-за него даже поменяли правила. Раньше первокурсники не могли попасть в команду. Теперь это разрешено, но бывает очень-очень редко, — Джеймс написал свое имя внизу объявления Гриффиндорской Команды по Квиддичу. Пробы, он посмотрел, проводились завтра после уроков.

— Ральф, а ты не запишешься за Слизера? Давай! Все твои друзья уже сделали это! — Зейн набросился на крупного мальчика.

— Неа, у меня никогда не ладилось со спортом.

— У тебя? — искренне воскликнул Зейн, неуклюже кладя руку на плечо Ральфа. — Да ты крепче кирпичной стены! Все, что тебе нужно, — навестись на цель, и вся их защита будет снесена напрочь! Осталось только найти метлу, которая тебя выдержит, мой ширококостный крепыш.

— Заткнись! — сказал Ральф, выкручиваясь из хватки Зейна, но улыбаясь и заливаясь красным. — Вообще-то, я думал о вступлении в Клуб Дебатов. Табита думает, что я в этом буду хорош.

Джеймс заморгал.

— Табита Корсика попросила тебя вступить в Клуб Дебатов Слизера?

— Вообще-то, — сказал Зейн, глядя на объявление Клуба Дебатов. — команды не разделены по факультетам. Просто есть некие команды А и Б. И люди из разных факультетов есть в каждой команде. Там даже есть некоторые из приехавших учеников Альма Алерон.

— Так почему бы тебе не пойти и подписаться, Ральф? — спросил Джеймс. Ральф, судя по всему, очень даже хотел.

— Я не знаю. Может и попробую.

— О, смотрите, Петра Моргенштерн в Команде А, — сказал Зейн. Он начал вписывать свое имя.

Джеймс вздохнул.

— Ты вступаешь в Команду Дебатов только потому, что там есть Петра Моргенштерн?

— А ты можешь придумать причину получше?

— Знаешь, — сказал Джеймс, посмеиваясь. — Петра встречается с Тедом, мне кажется.

— Мой отец говорит, что девушки не могут сказать, что любят мороженое, пока не попробовали всех сортов, — мудро заявил Зейн, вставляя перо в держатель.

Ральф нахмурил брови.

— А это еще что значит?

— Это значит, что Зейн думает, что может дать Теду фору в вопросах романтики, — сказал Джеймс. Он одновременно восхищался и сильно беспокоился насчет полного отсутствия тормозов у Зейна.

— Это значит, — ответил Зейн. — что Петра не может узнать, что ей нужно в мужчине, пока у нее не будет шанса узнать их как можно больше. Я думаю исключительно в ее интересах.

Ральф некоторое время пялился на Зейна.

— Ты ведь в курсе, что тебе одиннадцать, так?

Джеймс остановился, а Зейн и Ральф пошли дальше. Его взгляд привлекла фотография в одном шкафу с трофеями. Он наклонился и сложил ладони чашечкой вокруг лица, чтобы не мешали блики солнца на стекле. Фотография была черно-белой, живой, как и все волшебные фотографии. Это был его отец, молодой, худощавый, его дикие, непослушные черные волосы нависали над знаменитым шрамом. Он нервно улыбался в камеру, а его глаза будто пытались избежать встретиться с кем-то за пределами обзора камеры. Рядом с фотографией в рамке стоял большой трофей из серебра и какого-то синего кристалла, который светился переменчивым и закрученным светом. Джеймс прочитал табличку под кубком.

Кубок Трех Волшебников.

Совместная награда Гарри Поттера и Седрика Диггори, учеников факультетов Гриффиндор и Пуффендуй школы

Хогвартс, за победу в Турнире Трех Волшебников, которых проходил в этих землях при содействии представителей из Института Дурмстранг и Академии Магии Шармбатон.

Там было продолжение, но Джеймс не стал читать. Он знал эту историю. Имя Гарри Поттера было выбрано участником из-за подлога, совершенного темным волшебником по имени Крауч. Это привело к тому, что Гарри и Диггори были отправлены через портал в логово Волан-де-Морта, и злой маг вновь обрел свое тело. Неудивительно, что его отец выглядит таким напряженным на фотографии. Он не проходил в турнир по возрасту, но был выбран дополнительным четвертым участником в Турнире Трех Волшебников. Он находился в комнате полной людей, которые подозревали его в жульничестве и темной магии в лучшем случае.

Джеймс посмотрел на фотографию с другой стороны кубка, ту, на которой был Диггори. Его улыбка была искренней и сердечной, в отличие от отцовской. Джеймс никогда раньше не видел фотографии Диггори, но он каким-то образом казался ему знакомым. Он знал, что произошло с Диггори, знал, что отец был рядом в момент его смерти на том кладбище, куда их отправили, что он был убит по команде Волан-де-Морта. Его отец редко говорил о той ночи, и Джеймс понимал почему или, по крайней мере, думал, что понимал.

Он вздохнул и побежал догонять Зейна и Ральфа.

Позже в этот день, когда Джеймс заглянул в свою комнату, чтобы взять книги по защите от Темных Искусств, он увидел ждущего его Нобби, нетерпеливо скребущего подоконник. Джеймс снял свиток пергамента с ноги Нобби, развернул его и стал читать.

Дорогой Джеймс,

Твой отец и я были в восторге услышать, что ты прекрасно устроился, как мы и не сомневались. Твой дядя Рон шлет поздравления с вступлением в Гриффиндор, и мы присоединяемся. Не могу дождаться услышать о том, как прошел твой первый день. Еще, я надеюсь, что ты получишь эти вести первым: твоего отца пригласили в Хогвартс на встречу с американскими волшебниками по вопросам

международной безопасности и других «общих интересов». Я должна остаться дома с Альбусом и Лили, но твой отец точно захочет увидеть тебя на следующей неделе. Следи за тем, чтобы есть что-то кроме сладостей и мясных пирогов и стирать свои мантии и мыться хотя бы раз в неделю. (Это была шутка. Хотя, если подумать, наверно нет, не была.)

Люблю и целую, Мама.

Джеймс сложил письмо в книгу, которую нес, и побежал вниз по лестнице. Новости о том, что он увидится с отцом, вызывали весьма смешанные чувства. Конечно же, ему не терпелось его увидеть и представить своим новым друзьям. Но, тем не менее, он боялся, что ему будет сложнее выйти из тени своего знаменитого отца, когда тот придет. У него было мимолетное чувство благодарности, что Зейн и Ральф — маглорожденные, и относительно холодно относятся к шумихе вокруг его легендарного отца.

Когда он присоединился к толпе учеников заполнявшей класс Защиты от Темных Искусств, Джеймс увидел еще один значок на слизеринской мантии. «Прогрессивные Волшебники Против Магической Дискриминации» — было написано на нем. Джеймс ощутил приступ безотчетного, щемящего чувства, и затем увидел газету, прикрепленную к стене возле двери. «Гарри Поттер Присоединится к Международному Саммиту Волшебников» — гласил заголовок. Ниже, более мелким шрифтом было написано «Главный Аврор Встретится с Представителями Соединенных Штатов во Время Мероприятия в Хогвартсе. Главная Тема — Вопросы Безопасности». К газете так, чтобы закрывать фотографию улыбающегося взрослого Гарри Поттера, был прилеплен еще один из синих значков. Он мерцал надписью «Историю Пишут Победители».

— Пошли уже, — поторопил Ральф, подходя к Джеймсу. — Мы опоздаем.

Пробираясь через полную народу комнату, они нашли два свободных места спереди, Ральф наклонился к Джеймсу.

— Это твой отец на первой странице газеты?

Джеймс думал, что Ральф этого не заметил. Он поглядел на Ральфа, когда они сели.

— Да. Мама недавно написала мне об этом. Он приедет в начале следующей недели. Встреча на высоком уровне с американцами, я полагаю.

Ральф ничего не ответил, но выглядел обеспокоенным.

— Ты уже об этом знал, не так ли? — прошептал Джеймс, так как класс уже начал затихать.

— Нет, — пробормотал Ральф. — то есть я не специально. Просто ребята с факультета говорили о каком-то протесте весь день. Видимо, это связано с твоим отцом.

Джеймс смотрел на Ральфа, слегка приоткрыв рот. Так вот что замышляли Табита Корсика и ее слизеринцы, за всеми этими дружелюбными улыбками и речами. Тактика слизеринцев безусловно поменялась, но не их цели. Джеймс плотно сжал губы в тонкую линию и повернулся к передней части комнаты, когда профессор Франклин направился к главной доске. За ним следовал профессор Джексон со своим кожаным саквояжем, тихо ведя с ним разговор.

— Приветствую, ученики, — твердым голосом сказал Франклин. — Я думаю многие из вас уже знакомы с профессором Джексоном. Прошу простить за небольшую задержку.

Джексон глядел на сидящих учеников через его плечо, с лицом, будто высеченным из гранита. Джеймсу пришло в голову, что придуманное Зейном прозвище подошло как нельзя лучше. Франклин повернулся обратно к Джексону и заговорил приглушенным голосом. Джексону, судя по всему, не нравилось то, что говорил Франклин. Он поставил свой саквояж рядом, чтобы освободить руку для жестикуляции.

Джеймс посмотрел на саквояж. Он стоял всего в футах или двух от того места в первом ряду, где он сидел. Джексон никогда не расставался со своим саквояжем, что не так бы бросалось в глаза, если бы он не охранял его столь ревностно. Джеймс старался не прислушиваться к разговору профессоров, который, очевидно, был не для чужих ушей. Но, конечно же, это только добавляло интриги. Он услышал слова «грот» и «Мерлин». Затем третий голос пронзил комнату.

— Профессор Джексон, — сказал голос, и хотя он не был громким, он прозвенел в воздухе с невероятной внутренней силой.

Джеймс обернулся посмотреть, кто говорил. Мадам Делакура

стояла в дверном проеме, ее слепой взгляд был направлен куда-то поверх голов присутствующих.

— Я думаю, вы бы хотели узнать, что ваш класс с нетерпением ждет вас. Вы обычно такой... — она будто и искала в воздухе подходящее слово. — Терпеливец пунктуальности.

В ее голосе прослеживалась нарочитая медлительность сочетавшая французский и южноамериканский акценты. Она странным образом улыбнулась, развернулась, громыхая тростью по полу, и ушла дальше по коридору.

Лицо Джексона стало еще более жестким, чем обычно, когда он смотрел на опустевший дверной проем. Он с выражением посмотрел на Франклина, затем опустил взгляд, ища свой саквояж. Он замер на половине движения, и Джеймс смог удержаться от того, чтобы посмотреть под ноги профессора. Черный кожаный саквояж видимо слегка приоткрылся, когда он поставил его на пол. Его латунные застежки поблескивали. Никто больше этого не заметил, кроме Джеймса и профессора Джексона. Джексон продолжил свое движение, медленно закрывая саквояж своей большой узловатой рукой. Джеймсу удалось лишь на мгновение заглянуть внутрь саквояжа. Он был набит какой-то сложенной богатой одеждой темного цвета. Джексон выпрямился, подбирая саквояж, и поглядел на Джеймса своим каменным лицом. Джеймс попытался отвести взгляд, но было уже поздно. Джексон понял, что он успел заглянуть, даже если смог понять, что это было.

Не говоря ни слова, Джексона прошел между рядами, двигаясь с целеустремленностью и неудержимостью старого боевого корабля под всеми парусами, и свернул в холл не оглядываясь назад.

— Спасибо за ваше терпение, — сказал Франклин классу, надевая очки. — Добро пожаловать на урок Защиты от Темных Искусств. К этому моменту, большинство из вас уже знает мое имя, и, я полагаю, многие знают кое-что из моей истории. Чтобы сразу избавиться от очевидных и неминуемых вопросов: Да, я тот самый Бенджамин Франклин. Нет, я не изобретал электричество для маглов, просто дал им небольшую подсказку в верном направлении. Да, я был членом Американского Континентального Конгресса, но, по объективным причинам, я не был в числе подписавших Декларацию Независимости.

В то время я использовал два различных написания моего имени, только одно из которых было известно магловскому миру, что позволяло мне легко определять, какую почту вскрывать первой.

Да, я понимаю, что мое лицо украшает американскую купюру в сто долларов. Нет, вопреки распространенному мифу, я не таскаю с собой неразрезанные банкноты, чтобы подписывать и раздавать поклонникам. Да, я действительно очень стар, и да, это достигнуто при помощи магических средств, хотя должен вас заверить, что эти средства куда более просты и прозаичны, чем многие полагают. И очевидно, что нет, я не бессмертен. Я очень, очень старый человек, которому удалось весьма неплохо сохраниться с небольшой помощью. Это отвечает на большинство неизбежных вопросов? — Франклин закончил с кривой улыбкой, осматривая полностью заполненную классную комнату.

— Отлично. Тогда давайте двигаться вперед и дальше. И пожалуйста, — продолжил Франклин, открывая большую книгу у себя на столе. — давайте будем избегать всех этих шуток «все дело в Бенджаминах»^[4]. Они не были смешными две сотни лет назад и сейчас они еще менее забавны, спасибо вам.

Пересекая земли замка по пути на ужин в Большом Зале, Джеймс и Ральф проходили мимо хижины Хагрида, когда заметили полоску дыма, выходящую из печной турбы. Джеймс моментально расплылся в улыбке, сказал Ральфу догнать, и помчался к входной двери.

— Джеймс! — взревел Хагрид, открывая дверь. Он сомкнул свои руки вокруг мальчика, полностью похоронив его в объятиях. Глаза Ральфа расширились и он попятился назад, осматривая Хагрида снизу доверху.

— Как хорошо, что в школе снова есть Поттер. Как там твои мам и пап, да Альбус с Лили?

— У всех все хорошо, Хагрид. Где ты пропадал?

Хагрид вышел и закрыл за собой дверь. Они следовали за ним, по дороге к замку.

— В горах, встречался с великанами, вот где. Грохх и я, мы туда наведываемся какждый год, ясно? Распространяем слова доброй воли, чтобы держать их в рамках приличий, чего бы это ни стоило. В этом году задержались немного дольше потому, что малыш Грохх нашел себе

подружку. А кто твой приятель, а, Джеймс?

Джеймс, отвлеченный мыслями о сводном братишке Хагрида, который был настоящим великаном, строящим любовные отношения с горной великаншей, совсем позабыл о Ральфе.

— Ой! Это мой новый друг, Ральф Дидл. Он первокурсник, как и я. Хагрид, ты говоришь, Грохх влюбился?

Хагрид неясно и загадочно заулыбался.

— А-ах, так славно видеть моего парнишку и его подружку вместе. Они оба счастливы, будто парочка гиппогрифов в курятнике. Брачные вопросы у великанов — штука деликатная, знаешь ли.

У Ральфа возникали некие трудности в понимании разговора.

— Грохх, ваш брат, он великан?

— Ну да, — счастливо прогудел Хагрид. — Только он маленький. Шестнадцать футов или около того. Ты бы посмотрел на его подружку. Она из племени Крест-Двеллер, двадцать два фута ростом, ровно до дюйма. Не мой тип девушек, конечно, но Грохха она прямо-таки поразила. Что не удивительно, правда, учитывая, что первый шаг в отношениях великанов — это огреть возлюбленного здоровенной дубиной из ствола дерева. Она вырубил парня одним ударом на добрую половину дня. Потом, как он очнулся, то глаз с нее не сводил как щенок.

Джеймс боялся спрашивать, так как подозревал, что знает ответ.

— А Грохх привез свою подружку с собой домой?

Хагрид выглядел застигнутым врасплох.

— Ну, конечно он привез. Тут же его дом теперь, так? Она станет ему хорошей женой, когда они закончат все эти шуры-муры. Она сделала себе отличную небольшую хижину в холмах за лесом. Грохх теперь там, помогает ей освоиться, я думаю.

Джеймс попытался представить Грохха помогающим двадцатидвух-футовой великанше «освоиться», но его истощенное воображение отключилось. Он потряс головой, пытаясь ее прочистить.

— Я слышал, твой папа приезжает на встречу на следующей неделе, Джеймс, — сказал Хагрид, когда они вошли в тень главных ворот. — Встреча умов с этими проходимцами с другой стороны пруда?

Джеймс слегка растерялся от терминологии Хагрида.

— Ну что-то вроде того.

— Ах, было бы хорошо, если бы он снова заглянул на чай, как в старые добрые времена. Только без всей этой секретности и приключений. Я тебе рассказывал как твой папа, Рон и Гермиона помогли спасти моего Норберта?

— Всего лишь сотню раз, Хагрид, — засмеялся Джеймс открывая дверь в Большой Зал. — Но не волнуйся, в ней каждый раз появляется что-то новое, когда я ее слышу.

Позже, когда ужин был почти закончен, Джеймс подошел к Хагриду для того, чтобы поговорить по душам.

— Хагрид, можно тебе задать нечто вроде, э-э, официального вопроса?

— Ну конечно можно. Я не гарантирую, что знаю ответ, но сделаю все что в моих силах.

Джеймс оглянулся и увидел Ральфа сидящего за столом Слизерина рядом с компанией Табиты Корсики. Она что-то серьезно говорила, ее красивое лицо было освещено светом свечей и меркнувшего закатного света с потолка.

— А люди иногда, я не знаю, распределяются неверно? Может ли быть такое, что Шляпа допустила ошибку и отправила кого-то на неправильный факультет?

Хагрид тяжело уселся на скамью рядом, заставив ее пронзительно заскрипеть.

— Ну, не могу сказать чтобы слышал о подобном, — сказал он. — Некоторым может не нравится, куда их направили, но это не значит, что место им не подходит. Это может значить то, что они не очень довольны тем, кем на самом деле являются. Ты об этом волнуешься, Джеймс?

— О, это я вовсе не про себя, — поспешно сказал Джеймс, отводя взгляд от Ральфа, чтобы не выдать его. — Это так, знаешь, общий вопрос. Мне просто было любопытно.

Хагрид криво усмехнулся и хлопнул Джеймса по спине, заставив его пошатнуться.

— Прямо как твой отец, точно. Всегда смотрел за другими людьми, когда стоило о себе позаботиться. Так можно легко попасть в неприятности, если не будешь осторожным, как с ним всегда и происходило! — Он захихикал, произведя звук похожий на стук камней

в быстрой реке. Эта мысль, видимо, принесла Хагриду большое удовольствие. — Неа, Сортировочная Шляпа знает что делает, это точно. Все встанет на свои места. Просто подожди, и увидишь.

Но когда Джеймс пошел к своему столу, он встретился взглядом с Ральфом на мгновение, проходя мимо стола Слизерина, и все равно не смог успокоиться.

Глава 4. Прогрессивный Элемент

Джеймс Поттер сидел в кровати, стараясь дышать как можно тише. Он очень внимательно прислушивался, пристально всматриваясь в темноту спальни. Вокруг раздавалось тихое сопенье спящих гриффиндорцев. Тед лежал на животе и храпел, бормоча во сне. Джеймс задержал дыхание. Он проснулся несколько минут назад от звуков собственного имени в ушах. Это был словно голос из сна: потусторонний шепот, будто веяние тумана в длинном и темном туннеле. Он уже успел убедить себя в том, что это был лишь отголосок сна, и собирался вновь заснуть, как услышал его снова. Он будто шел из самих стен, отдаленный звук, но каким-то образом он был рядом, похожий на хор из шепота, произносящего его имя.

Очень тихо Джеймс выскользнул из кровати и закутался пижаму. Каменный пол заставлял его ноги мерзнуть, пока он стоял и слушал, тряся головой. Он медленно повернулся, и, когда посмотрел на дверь, находящаяся там фигура двинулась с места. Он не видел, как она появилась, она уже парила там, где раньше была лишь темнота. Джеймса охватил ужас и он попятился к кровати, чуть не упав на нее. Он узнал эту призрачную сущность. Это была та же тонкая белая фигура, которая преследовала незваного гостя на землях замка, призрак, который выглядел как молодой парень, когда он вернулся к замку.

В темноте дверного проема, привидение выглядело гораздо ярче и четче, чем в свете утреннего солнца. Оно выглядело тонким и переливчатым, обладая лишь едва уловимым сходством с человеческой фигурой. Оно вновь заговорило, не двигаясь.

— Джеймс Поттер...

Потом развернулось и поплыло вниз по лестнице. Джеймс сомневался лишь секунду, потом закутался в пижаму потеплее и последовал за фигурой, шлепая босыми ногами по каменным ступеням. Он достиг пустой общей гостиной как раз к тому моменту, когда призрачная фигура плыла в сторону портретного проема, просачиваясь насквозь через внутреннюю сторону портрета Полной Дамы.

Джеймс поспешил проследовать за ней.

Он думал, что ему сейчас крепко попадет от Полной Дамы, когда он пробирался через портретный проем, но она преспокойно спала глубоким сном в своей раме, которую он аккуратно закрыл.

Она похрапывала очень тихим, достойным леди храпом, и Джеймсу стало интересно, а не была ли она зачарована этой призрачной фигурой.

Залы были темны и беззвучны, как и положено им быть в самый разгар ночи. Серебристо-голубой лунный свет пробивался через некоторые окна. Джеймс пожалел что не взял палочку. Он немного мог ей делать, но уже знал простейшее Иллюминационное Заклинание. Он оглядывался вокруг, ища в лучах лунного света своего призрачного спутника. Его нигде не было видно. Тогда он выбрал случайное направление и рысью побежал туда.

Несколько поворотов спустя, Джеймс уже почти отчаялся. Он даже не был уверен, что знает обратную дорогу в гостиную Гриффиндора. Коридор здесь был высокий и узкий, без окон, только один факел, пылающий красноватым светом рядом с аркой, мимо которой, он прошел.

Закрытые двери выстроились вдоль коридора с обеих сторон, каждая из толстого дерева и закреплённая железными прутьями. Позади одной из них, порыв ночного ветра заставил что-то скрипеть, низко и долго, как стон спящего гиганта.

Общий эффект был довольно пугающим, но Джеймс не мог, заставить себя повернуть назад. Он медленно шел по коридору, факел создал тень, мерцающую на участке впереди него.

— Здравствуйте? — тихо сказал он, его голос был хриплым, чуть громче шепота. — Вы все еще там? Я не вижу вас!

Ответа не последовало. Коридор становится все холоднее. Джеймс остановился, безнадежно вглядываясь в тени, а затем обернулся. Что-то мелькнуло в коридоре, в нескольких дюймах от его лица, и он подскочил. Призрак просочился через одну из дверей, и Джеймс увидел, что та дверь не была полностью закрыта.

Синий лунный свет заполнил пространство, которое он видел сквозь трещины. Дрожая, Джеймс толкнул дверь, и она со скрипом отворилась. Почти сразу же дверь зацепилась за что-то, что и создало, этот раздражающий скрип. На полу лежали сломанные куски железа, а рядом что-то длинное и черное с крючком на конце. Это был лом. Джеймс оттолкнул его ногой в сторону, и продвинулся дальше, вступая, в открытую дверь.

Комната была длинная и пыльная, загромождена сломанными столами и стульями, очевидно, когда-то здесь собирались делать ремонт, но надолго о нем забыли. Потолок опускался к задней стене, где четыре окна пылали лунным светом. Самое дальнее окно справа, было разбито. Стекло блестело на полу и на одном из покачивающихся зеркал, подвешенных криво, как сломанное крыло летучей мыши.

Призрачная фигура стояла там, смотря вниз, на битое стекло, а затем обернулась через плечо, лицом к Джеймсу. Оно приняло свою

человеческую форму, и Джеймс ахнул, когда увидел лицо этого молодого человека.

Тогда две вещи произошли одновременно. Призрачная форма испарилась в пучке серебристого дыма, и послышался треск и грохот, из коридора снаружи. Джеймс подскочил и развернулся на месте, всматриваясь в пространство за дверью. Он ничего не видел, но все еще слышал отзывающийся эхом грохот из темноты. Джеймс прислонился к внутренней части двери, его сердце, колотилось так быстро, что он видел тускло-зеленые вспышки перед собой. Он оглядел комнату, но в ней было абсолютно темно и пусто, за исключением затянутой паутиной мебели и разбитого окна.

Призрачный человек исчез. Джеймс глубоко вздохнул, затем обернулся и снова прошагал в коридор. Был слышен еще один, тихий цокот. Джеймс мог с уверенностью сказать, что этот звук исходил из самого конца коридора, прямо из темноты. Через некоторое время цокот повторился снова, словно некто неизвестный перешел из одного конца комнаты в другой. И снова Джеймс начал ругать себя за то, что забыл взять с собой палочку.

На цыпочках, мальчик решительно шагнул в темноту. Спустя мгновение, которое, казалось, длилось целую вечность, он нашел еще одну открытую дверь. Джеймс провел рукой по каменной кладке дверного проема и заглянул внутрь комнаты. Парень смутно смог опознать незнакомое помещение как склад для хранения зелий. И в нем кто-то был. Мужчина, одетый в черные джинсы и такую же черную рубашку. Джеймс с легкостью узнал того самого человека, которого видел утром на краю Запретного Леса, когда тайком делал фотографии. Мужчина стоял на невысоком табурете, рассматривая содержимое полка с небольшим фонариком в руке. На полу рядом с табуретом валялись осколки различных флаконов.

В то время, как Джеймс молча наблюдал за незнакомцем, мужчина осторожно зажал фонарик между зубов и нашарил на верхней полке какую-то банку, неустойчиво опираясь на другую полку свободной рукой.

«Heritah Herung» — прочел мужчина, проводя шеей в сторону, чтобы направить лучи света на банку.

— Что это за чертовщина? — тихо, почти благоговейно пробормотал незнакомец.

А затем взгляд его глаз встретился с взглядом Джеймса. Парень был уверен, что незнакомец нападет на него. Мужчина явно был вором, а Джеймс поймал его на горячем. Он попытался повернуться на пятках и убежать прочь из комнаты, но, казалось, его мозг не собирался координировать движения нижних конечностей. Он просто стоял и смотрел на незнакомца, ухватившись руками за дверной проем, словно собирался в любую секунду взобраться по ней.

И именно в этот момент мужчина сделал последнее, что Джеймс вообще мог от него ожидать. Он попросту развернулся и бросился бежать. Незнакомец исчез прежде, чем парень понял, как ему это удалось. Занавески на задней стене кладовой по-прежнему мерно покачивались, будто человек скрылся за ними. К своему громадному удивлению, Джеймс проследовал за мужчиной. Пройдя по небольшому коридорчику, он оказался в кабинете Зелий. Длинные, высокие столы стояли в темноте, а под них были задвинуты стулья. Парень замер и поднял голову кверху. Шаги гулким эхом отдавались уже где-то в коридоре. Его собственные ноги издавали небольшой гул, ступая по каменному полу, когда он быстро обогнул столы и выбежал в коридор вслед за мужчиной.

Мужчина застыл в нерешительности на месте, где пересекаются два коридора. Он в отчаянии посмотрел вперед, затем назад, а потом заметил Джеймса.

Человек испустил такой протяжный, на высоких нотах крик, какой Джеймс уже слышал ранее — однажды, преследуя призрака. Незнакомец неуклюже поскользнулся на камнях, его ноги, казалось, готовы были разорвать тело на три части и понести его в трех различных направлениях, а когда мужчина, наконец, смог ими овладеть, то еще более неуклюже потрусил вниз, по самому широкому из коридоров.

Теперь Джеймс знал, куда ему стоит идти. Незнакомый ночной

посетитель держал курс в зал движущихся лестниц.

Пока Джеймс думал, как ему быстрее всего догнать незнакомца, он услышал удивленный вскрик прямо у себя за спиной. Хотя, конечно же, это было всего-навсего эхо. Решение пришло в голову мгновенно. Мальчик усмехался, продолжая бежать по коридору. Он добежал до небольшой впадины в перилах между очередным лестничным пролетом, и затих, пристально вглядываясь в темноту нижних этажей.

Сперва была слышна лишь возня, а потом до слуха Джеймса долетел неясный, едва различимый топот ботинок. Он был там! Незнакомец бежал, не разбирая дороги, то и дело спотыкаясь, вцепившись в перила с таким рвением, словно от них зависела вся его жизнь. На очередном повороте мужчину сильно занесло вбок, и он едва смог устоять на ногах.

Джеймс поколебался на мгновение, а потом сделал то, что всегда мечтал осуществить, но на что так никогда и не решался — он взобрался на перила ближайшей лестницы, «оседлал» их, а потом быстро и легко начал спускаться вниз. Толстые деревянные перила, отполированные поколениями домовых эльфов, проскальзывали под тяжестью тела Джеймса словно льдинки — так легко и гладко было спускаться по ним. На несколько секунд он притормозил, задержавшись ногами об перекладину, и оглянулся по сторонам, чтобы понять свое местоположение. Его волосы — аккуратно зачесанные еще пару минут назад, сейчас были взъерошены.

Приближаясь к основанию, он снова обхватил перила руками и ногами, замедлился, а затем слегка подпрыгнул, оттолкнувшись от пола. Он оглянулся вокруг, глядя на этого человека, и увидел, что тот карабкается к другой площадке. Отец рассказывал ему о движущихся лестницах, и объяснил секрет их движения.

Джеймс осмотрел движущийся лабиринт, и затем выбрал другую лестницу, как только она начала поворачивать. Он вскочил на перила и поехал, так быстро, как будто они были смазаны жиром. На одной стороне была колеблющаяся пропасть площадок, лестниц и залов; на другой размытые из-за скорости лестницы картины. Джеймс стиснул

зубы и вытянул шею, чтобы снова наблюдать за ним.

Мужчина споткнулся и был не смог понять где он, так как падал по лестнице, а потом увидел как Джеймс взлетел на него. Джеймс ударил мужчину на полной скорости и отскочил от него. Человек закричал в третий раз, на этот раз он испытывал одновременно разочарование и удивление, как будто сила полностью сбила его с ног. Послышался пронзительный громкий треск, после чего звон стекла. Джеймс инстинктивно закрыл лицо руками. Когда снова наступила тишина, Джеймс поглядел сквозь пальцы. Он увидел очень большую, примерно размером с человека дыру в окне.

Через нее тонкие черные пальцы деревьев качались в ночном бризе, дружелюбно царапая усеянное звездами небо.

— Что там происходит? — скрипучий голос вибрировал от ярости. Джеймс поднялся на ноги, стараясь не наступить на битое стекло босыми ногами. Осторожно, он продвинулся так близко к отверстию, как только мог и всмотрелся вниз. Трудно было сказать, насколько высоко находилось окно. Не слышалось никакого шума, кроме шипения ветра в верхушках деревьев. Кошка — Миссис Норрис мрачно пересекла соседнюю лестницу, она стрельнула своими пристальными, оранжевыми глазами по окну, битому стеклу, а затем Джеймсу. Мистер Филч следовал за ней, пыхтя и проклиная все на свете, пока поднимался.

— О! — сказал он, его голос, был полон сарказма. — Это сын Поттера. Почему, ну почему, я не удивлен?

— О чем вы думали, Поттер, преследуя неизвестное лицо, по замку, ночью, один? — Директор школы МакГонагалл стояла за своим столом, опершись на него обеими руками, она вытянулась в струну и казалась еще выше. В ее глазах было сомнение, она хмурилась.

— Я... — начал Джеймс, но она подняла руку, останавливая его.

— Не отвечай. У меня не хватает терпения на это сегодня утром. — она вздохнула и выпрямилась, поправляя очки.

— Я слышала достаточно объяснений, на протяжении многих лет,

чтобы так или иначе знать их общую форму, Поттер.

Филч стоял рядом, выступающие челюсти и блеск глаз, показывали его удовольствие, при поимке Поттера-нарушителя, так скоро. Миссис Норрис мурлыкала на его руках, как маленький, пушистый двигатель.

Джеймс рискнул осмотреть кабинет директрисы. В комнате находились еще тусклые, с самого раннего утра тени. Портреты всех предыдущих директоров и директрис дремали в своих рамах. Джеймс мог видеть только портрет тезки своего брата — Альбуса Дамблдора. Дамблдор сидел, его подбородок уткнулся в грудь, а шляпа застилала глаза. Его губы шевелились в беззвучном храпе.

МакГонагалл опустилась на стул:

— Мистер Поттер, хотите сказать, что не знали правил, касающихся того, что школьникам нельзя бродить по школе в ночное время суток.

— Нет, — быстро сказал Джеймс. — То есть, да, я знаю правила, но... Призрак...

МакГонагалл взмахом руки прервала парня:

— Да, призрак, я знаю.

Все в ее тоне свидетельствовало о том, что преподаватель не поверила ни единому его слову.

— Но, мистер Поттер, вы понимаете, что даже если призрак появился в студенческой спальне, это не дает студентам права ходить ночью по школе и нарушать любые правила, которые он считает временно неудобными.

Мистер Филч шевельнулся, казалось, решил, что сейчас самое время, настаивать на наказании.

— Он уничтожил окно Геракла, Директриса. Окно бесценной работы. Мы не найдем соответствующую ему замену, держу пари.

Он усмехнулся, глядя снизу вверх на Джеймса, а затем закончил.

— Окно это одно, мистер Филч, сказала МакГонагалл, не глядя на него, но злоумышленники находящиеся на территории школы это совсем другое. Я предполагаю, что вы уже организовали осмотр территории школы, начиная с места за окном Геракла?

— Да, мэм, и мы ничего не нашли. Сад Роз Венеры сразу под этим окном. Там небольшой беспорядок, везде битое стекло, но нет никаких признаков нарушителя. У нас только слова этого мальчика, что когда-либо был такой злоумышленник, директриса.

— Да, — ответила МакГонагалл. — И, к сожалению, в данном случае, я склонна ему доверять. Кто-то очевидно, прошел через это окно, если вы не предполагаете, что мистер Поттер сам сделал это.

Филч стиснул зубы и посмотрел на Джеймса, как будто он очень хотел, чтобы была такая возможность.

— Но он был в комнате зельеварения, мэм! — настаивал Джеймс.

— Он разбил несколько флаконов! Они должны еще быть там. И он вышел через окно не далеко оттуда. Я видел это. Призрак привел меня туда.

МакГонагалл осторожно изучала Джеймса. «Мистер Поттер, я верю, что вы видели кого-то, но вероятность того, что человек проник в территорию школы крайне мала. Вы знаете, что Хогвартс защищен лучшими мерами безопасности. Ни ведьма или волшебник, независимо от их навыков, не могут забрать из этих залов какие-то вещи, если даже они и окажутся здесь».

— В том-то и дело, мэм, — сказал Джеймс серьезно. — Я не думаю, что он был волшебником. Я думаю, что это был маг!

Он ожидал возгласы удивления от директрисы и от Филча, но их не было. Директриса просто смотрела на него, неизменной выражением ее лица.

Филч взглянул с нее на Джеймса и обратно, а затем выдохнул в неприятном смехе:

— Вы должны отдать им должное, директриса. Они становятся все более изобретательнее, с каждым годом.

— Джеймс — сказала МакГонагалл, на этот раз, более мягко.

— Неуловимые чары наложены на школу, а также бесчисленные Заклинания разочарования, которые покрывают всю территорию

школы, делает её действительно невидимой для любого маггла, не имеет значения, насколько он стойкий, чтобы когда-нибудь найти путь сюда. Вы знаете это, не так ли?

Джеймс вздохнул и старался не закатывать глаза.

— Да. Но это не меняет того, что я видел. Это был магл, мэм. Он использовал лом, и фонарик. Не палочку.

МакГонагалл внимательно на него посмотрела, но потом вернула свой деловой стиль.

— Ну, мистер Поттер, если вы правы, то ситуация в наших руках, и безусловно, требует устранения. Вы можете поверить, что мы будем рассматривать этот вопрос.

Однако, все же, существует еще проблема нарушения комендантского часа, и разбитое окно. В этих условиях, я не буду винить вас за последнее, но вы все равно должны столкнуться с последствиями за первое нарушение. Вы будете помогать мистеру Филчу два часа с момента задержания в эту субботу вечером.

— Но... — начал Джеймс, и тут рука Филча опустилась на его плечо.

— Я позабочусь об этом парне, Директриса, — проворчал он. Еще не слишком поздно, чтобы спасти их, когда ловишь рано. Так ведь, мальчик?

— Поттер, — МакГонагалл сказала, видимо, переходя к другим вопросам, — вместе с мистером Филчем дойдите до Хранилища с Зельями и до разбитого окна, хорошо? И постарайтесь убрать все до начала занятий, если сможете. Доброго вам утра, джентльмены.

Джеймс выглядел угрюмо и Филч повел его к двери, положив большую, мозолистую ладонь на его плечо.

— Пойдем, мой мальчик. Мы должны исправить результат этого хулиганства, не так ли?

На выходе, Джеймс увидел, что один из портретов директоров не спал. Глаза, директора школы были черные, как и длинные волосы, которые обрамляли белое лицо. Северус Снейп изучал Джеймс

спокойно, только его глаза перемещались и следили, когда Филч выводил его из кабинета.

Тина Карри, профессор магловеденья (исследования маглов), руководила классом, и быстро вывела класс на лужайку.

День, который начинался ярко был теперь серым и ветреным. Порывы ветра шумели и разведали края спортивного плаща профессора Карри и сеть Хагрида, которую он пытался повесить на деревянной раме и только что закончил это делать.

— Мастерски сделано, Хагрид, — сказала Карри, как только она подошла. Класс бежал за ней рысью, чтобы не отстать.

— Крепкий, как амбар, я думаю. — Хагрид поднял глаза, забыв о сетке и снова попытался ее поймать. — Благодарю вас, мисс Карри. Думаю, что для вас не составит труда провести занятие на этой территории школы, которая, возможно, уже заросла травой.

Его творением был простой деревянный каркас, приблизительно прямоугольной формы. Был еще один такой же, на расстоянии нескольких дюжин ярдов, туго натянутая сетка шуршала под порывами ветра.

— Карри только пришла в этом году, если вы еще не догадались, — Тед заметил Джеймса, когда они собрались. — У нее довольно бредовые идеи о том, как изучать магглов. Сказал парень, жалея о том, что выбрал этот предмет в свой последний год обучения.

— Эта одежда ужасна — мрачно буркнул Демьян, глядя вниз, на свои шорты и носки. Каждый четверг, на уроке магловедения (магловского исследования) класс должен был одеваться в шорты, спортивную обувь, и в один из двух цветов Хогвартса. Половина класса была одета в бордовый, а другая половина, в золотой.

— Ты не выглядел бы настолько, э-э, интересно, Демьян, если бы не надел белые носки, — Сабрина сказала это так дипломатично, как только могла.

Демьян бросил ей взгляд «скажи-мне-то-чего-я-не-знаю».

— Спасибо, милая. Скажи маме, чтобы в следующий раз, она пошла за покупками в Кровавый магазин в Косом переулке — сказал

Демьян.

Зейн был в очень хорошем настроении, очевидно, ему было более удобно в этой одежде, чем всем остальным.

— У меня хорошее предчувствие. Ветер поможет вам разогреть кровь. Расслабься.

Демьян нацелил большой палец на Зейна.

— Почему он вообще находится в этом классе?

— Он прав, Демьян, — добродушно сказал Тед.

— Почему бы не тряхнуть стариной, не так ли?

— Хорошо, класс, — позвала Керри, хлопая в ладоши, чтобы привлечь внимание.

— Давайте будем соблюдать дисциплину, хорошо? Сформируйте две линии, пожалуйста. Бордовый здесь, золото там. Так, очень хорошо. — Когда линии сформировались, профессор Карри извлекла из воздуха небольшую корзину.

Она шагнула к началу бордовой линии.

— Вынули палочки-, - сказала профессор. Каждый ученик достал свою палочку, чтобы в любой момент быть готовыми совершить что-то волшебное, некоторые из первокурсников обернулись вокруг, чтобы убедиться, что они всё делают правильно. Джеймс увидел, как Зейн украдкой взглянул на Теда и переместил палочку из правой руки в левую.

— Превосходно, — сказала Карри, придерживая корзину, — Сюда, пожалуйста.

Она пошла вдоль линии, наблюдая за учениками, которые неохотно складывали свои палочки в корзину. Среди собравшихся явно слышался гул неодобрения.

— Все вы, позже, сможете забрать их обратно. Скорее, скорее. Если мы хотим узнать что-то о мире маглов, мы должны думать как они. Это, естественно, означает: никаких палочек. Спасибо мистер Мецкер, мистер Люпин, мисс Хильдегард. И вам спасибо, мисс Макмиллан. Так... все сдали?

Ребята ответили сдержанно и без особого энтузиазма.

— Ну, ну, ученики — прощбетала Карри и поставила корзину, полную палочек:— Вы хотите сказать, что настолько сильно зависите от магии, что совсем не способны поиграть в простую, очень простую игру? А? — она посмотрела на класс, её острый нос был высоко поднят: — Надеюсь, что нет. Но, прежде, чем мы начнём, давайте немного поговорим о том, насколько важным для нас является изучение магловского мира. Есть желающие?

Джеймс постарался избежать взгляда Карри, когда она осмотрела класс. Наступила тишина, слышно было только порывы ветра и хлопанье флагов над замком.

— Мы изучаем маглов и поэтому знаем, что не смотря на миллионы различий, все мы люди — прощбетала Карри: — Когда мы забываем наши основные сходства, мы забываем, как это — быть в хороших отношениях друг с другом и это ведёт к предубеждениям, установлением различий, и, как очевидно, к конфликту.

Она позволила эху своих слов затихнуть и добавила: — Кроме того, немагическая природа наших друзей-маглов вынудила их быть более изобретательными в таких областях, которые не доступны магам. Как результат, ученики, их игры настолько элегантны, что не требуют мётел, волшебных снитчей и летающих бладзеров. Единственное, что они используют — это две сетки и один единственный мяч.

— Прекрасно! — иронично заметил Зейн, осматривая мяч, который Карри держала в руке. — Я приехал в школу магии, чтобы играть в футбол.

Мадам Карри — послышался приятный голос. Джеймс обернулся, Табита Корсика стояла рядом вместе с противоположной командой. На ней была чёрная спортивная мантия, крепко стянутая на шее.

Рядом с ней стояла группа слизеринцев, на их лицах явно читалась неприязнь.

— Почему нам так необходимо знать об этом магловском... эммм... виде спорта? Неужели недостаточно просто изучать их

историю, ну и... стиль жизни? В конце концов, даже если бы ведьмы и волшебники захотели, то согласно международному магическому законодательству, им бы не позволили участвовать в магловских спортивных соревнованиях. Я права?

— Конечно вы правы, мисс Корсика — быстро ответила Карри.

— Ну и почему же мы должны это делать? — Табита изогнула бровь и вежливо улыбнулась: Я уверена, что не должна, мэм.

Здесь и кроется ответ на ваш вопрос, мисс Корсика — ответила Карри, отворачиваясь от Табиты. — Ещё вопросы?

Мальчик, в котором Джеймс узнал третьекурсника из Пуффендуя, поднял руку:

— Мэм?

Я думаю, это потому, что если бы волшебники использовали магию то они бы сбросили баланс конкуренции.

Карри жестом показала ему, чтобы уточнить:

— Продолжайте, мистер Террелл.

— Ну, моя мама работает в Министерстве, и она говорит, что есть международные законы которые удерживают волшебников использовать магию, чтобы выиграть в магловских спортивных играх, лотереях или конкурсах и т. д.

Если бы ведьмы и волшебники участвовали в спорте маглов и использовали какое-либо волшебство, то они могли бы водить за нос любого магла, не так ли?

— Вы говорите о Международном Отделе для Предотвращения Незаслуженного преимущества, мистер Террель, и вы более или менее, правы.

Карри уронила мяч на землю, и слегка его пнула. Он прокатился несколько ярдов по траве.

— Честно говоря, некорректно говорить, что ведьмам и волшебникам запрещают конкуренцию на магловских спортивных состязаниях. Есть пособия для людей волшебников, которые действительно хотят конкурировать. Однако, они должны согласиться с

определенными правилами, которые выполняют специальные чиновники мира волшебства. Они временно аннулируют твои волшебные способности. Иначе бы...

Профессор Карри достала свою палочку из внутреннего кармана плаща и направила ее на мяч.

— *Velocito Expendum*, — пропела она. Потом положила ее в карман и пошла к мячу. Она пнула его небрежно.

Мяч практически взорвался от ее касания. Он бешено оттолкнулся от травы и ударил прямо в сетку ворот с резким звуком, прорвав сетку насквозь. Это было похоже на то, как если бы мячом выстрелили из пушки.

— Ну, вы поняли, сказала Карри, обращаясь к студентам.

«Волшебно-маггловская Спортивная Программа, как вы можете себе представить, отвратительна настолько, что практически не колдуны или ведьмы не принимают участия в ней. Это не означает, однако, что многие колдуны и ведьмы не пытались обойти эти законы, каждый год, нарушая справедливость в спортивном мире магглов».

— Мадам Карри? — Табита снова сказала, подняв руку. — Значит, это правда, что в Министерстве, и международном магическом сообществе, считают, что магглы не в состоянии справиться с навыками в волшебного мира, и, что ведьмы и колдуны, должны поддаться, чтобы быть наравне с ними?

В первый раз, профессор Карри казалась раздраженной.

— Мисс Корсика, это вряд ли подходит для обсуждения в нашем классе. Если вы хотите обсудить политические махинации, то...

— Простите, мадам, Карри, — сказала Табита, обезоруживающе улыбаясь. — Мне было просто любопытно. Это класс, посвященных изучению магглов, я подумала, что мы могли бы обсудить явное неуважение к миру магглов, что и показало магическое сообщество, считая, что они слишком слабы, чтобы справиться с тем, если узнают о нашем существовании. Пожалуйста, простите, что прервала вас, давайте продолжим.

— Значит я могу продолжать? — сказал она, сквозь стиснутые зубы. — Или может отпустить вас прямо сейчас?

Карри посмотрела на Табита, она явно злилась, но ущерб уже был нанесен. Джеймс посмотрел и услышал шепот вокруг, и кивки согласия. Он заметил, что студенты Слизерина все еще носили синие Значки Победителей, приколов их на золотые футболки.

— Да-, сказала Карри коротко.

— Ну, тогда. Начнем?

В течение последующих сорока минут, она провела с ними тренировку и обучение приемам работы с мячом. Сначала Джеймс был в восторге от этого, но стал уставать и перешел к упрощенным упражнениям.

Помимо запрета на волшебные палочки, футбол по-видимому требовал не использовать и руки. Эта глупость чистой воды интриговала и забавляла Джеймса. Мало кто из студентов видел в этом спорте что-то хорошее, что позволило бы им приблизиться к нему, не боясь что это будет не правильно. Зейн, конечно, уже играл в футбол, хотя и утверждал что навыков у него мало. Конечно же Джеймс заметил что Зейн бежит по полю с мячом гораздо лучше чем кто-либо другой.

Джеймс наблюдал как Зейн, споткнувшись ногой о мяч, упал на него. Мяч вылетел из-под него и Зейн просто лежал, глядя в облака с мрачным выражением лица.

Табита Корсика и её друзья Слизеринцы пренебрежительно ютились в углу поля, один из футбольных мячей сиротливо лежал на траве около них. Они не предприняли никаких попыток, чтобы практиковать упражнения, и Карри, посчитала разумным отпустить их, и не тратить своё время у ворот, где студенты пытались попасть мячом в ворота.

Джеймс обнаружил, что ему это нравится. Он был наготове, посмотрел на мяч, лежащий в двадцати футах от него, а затем атаковал его. Он пробежал осторожно, приостановился рядом с мячом и пнул его

левой ногой хорошенько в правую сторону.

Пнуть мяч ногой было на удивление приятно. Мяч описал дугу и пролетел мимо протянутых рук профессора Карри, которая была вратарем. За этим последовал глухой удар, что означало, что мяч попал в ворота.

— Очень хорошо, мистер Поттер, — сказала Карри, тяжело дыша.

Ее волосы растрепались и свисали завитками вокруг ее тонкого лица.

Она закатала рукава и нагнулась, чтобы поднять мяч.

— Действительно, очень хорошо.

Джеймс улыбнулся, про себя, и бросился обратно к линии.

— Учительский любимчик — пробормотал Зейн, когда Джеймс прошел мимо него.

— Отличный удар, Поттер, — сказал Тед.

Прозвонил звонок и класс отправился обратно в замок.

— Мы должны сделать очень много скучной работы. Думаю, Сабрина, что мы сможем что-то сделать. Может изобразим пришельцев с огромными высокими ногами с планеты Галатрон или что-то в этом роде. Хорошо?

— Да, да, — сказала Сабрина, салютуя, и вошла в ворота замка.

— Кстати, капитан, у вас пятна от травы на вашей заднице. Отличная работа!

После обеда Джеймс и Зейн присоединились к Ральфу в библиотеке для подготовки домашнего задания. Когда они вытащили свои книги и разложили их по всему столу, Ральф казался еще печальнее, чем обычно.

— Что происходит, Ральф? — Зейн старался говорить шепотом, чтобы не привлекать внимания профессора Слизворта, который наблюдал за библиотекой в этот период времени.

— Твои приятели из Слизерина сказали, что твое нижнее белье не является магическим в должной степени, что ли?

Ральф осторожно огляделся.

— У меня были неприятности этим утром с профессором

Слизнортом.

— Похоже он обходит библиотеку-сказал Джеймс.

— Я провел все утро в кабинете профессора МакГонагалл и получил наказание.

— МакГонагалл? — воскликнули Ральф и Зейн.

— Ты первый из всех, Джеймс. МакГонагалл опередила Слизнорта — сказал Ральф.

Джеймс рассказал о призраке накануне, и о том, что он привел его к нарушителю из магглов, и о погоне, которая за этим последовала.

— Так это был ты? — сомневаясь, спросил Ральф — Мы все видели разбитое окно, когда шли вниз, на завтрак. Филч прикрывал его холстом, что-то бормоча себе под нос. Он посмотрел на нас, как будто хотел, чтобы мы спросили у него о том, что случилось, чтобы он мог немного поворчать.

— Как ты думаешь, кто это был? — Зейн ткнул Джеймса.

— Я не знаю, знаю лишь то, что это был тот же парень, которого я видел, когда он скрылся в лесу прошлым утром. И мне кажется, что он маггл.

— Ну и что? — сказал Зейн, пожимая плечами. Я — маггл, Ральф-маггл

— «Нет, это не так. Вы маглорожденные, но вы оба волшебники. А этот парень был просто обычный старый маггл. Хотя, по словам МакГонагалл, это невозможно. Не один маггл не может пройти мимо в школы волшебства.

— Почему нет?

— Что происходит? - спросил Ральф.

Ну с одной стороны, как я уже сказал в поезде, Хогвартс невидим. Он не может быть увиден. Кроме того, ни один маггл никогда не слышал о нем. И, даже если некоторые магглы будут просто оказываться рядом, защитные чары будут воздействовать на них так, что они даже не будут знать, что проходят мимо нас. Если бы они попытались пройти через Защитные чары, они бы просто не поняли, где находятся и начали сомневаться в себе.

Их компасы работали бы неправильно и в конечном итоге, они поворачиваются и уходят обратно, даже не зная об этом. Вы просто не можете проложить свой путь через такое количество чар. Весь смысл в том, чтобы отвлечь тех, кто не должен находиться здесь, и заставить уйти их, когда они ничего не подозревают.

Зейн нахмурился.

— Как же тогда любой из нас смог войти?

— Ну мы все по сути Хранители Секрета, не так ли? — сказал Джеймс, а затем он посчитал нужным объяснить кто такие Хранители Секретов, о том, что только Хранитель Секрета может найти тайное место или привести туда других.

Конечно, это становится более безопасным для многих из нас. Вот почему существует закон, чтобы родители Магглорожденных не рассказывали никому.

— Да, мои родители должны были подписать какое-то большое соглашение о неразглашении информации обо мне-сказал Зейн, сказал так, как будто это была самая тайная вещь, которую он когда-либо слышал. — Там говорилось, что любым «привилегированным магглам» таким, как мои родители не разрешалось разговаривать с другими магглами о Хогвартсе или магическом сообществе. Если бы они это сделали, контракт будет расторгнут и их языки свернутся в трубку, до того момента, как не придет человек из Министерства, чтобы освободить их от заклинания. Отлично.

— Да-сказал Джеймс, — Тед рассказывал мне о магглорожденной девушке, с которой познакомился на третьем курсе. Ее родители случайно упомянули Хогвартс на званом ужине и хозяевам ужина пришлось вызывать маггловского доктора, потому что они подумали, что у них случился странный приступ в одно и то же время. Министерство вынуждено было стереть память всем. Было много хлопот, но вышло довольно забавно.

— Круто — сказал Ральф задумчиво-Эх, я должен был использовать одну из тех Защитных чар на свой чемодан с вещами. Это

могло бы спасти меня от некоторых проблем.

Зейн повернулся к нему.

— Так в чем же дело, Ральфи? Что за проблемы у тебя сейчас?

— Это не у меня! — воспротивился Ральф, а потом понизил голос, глядя в сторону стойки регистрации. Слизнорт развалился за ней, всматриваясь в гигантскую книгу через пару крошечных очков и пил что-то из керамической кружки. Ральф поморщился и вздохнул.

— Слизнорт нашел мою электронную приставку сегодня утром. Он сказал, что я оставил ее в общей гостиной. Он выглядел спокойно, но сказал мне, чтобы я был осторожнее с такими вещами. Сказал, что я должен был оставить свои маггловские игрушки дома.

Джеймс нахмурился:

— Разве ты не сказал, что она пропала несколько дней назад?

Ральф оживился.

— Да, это так! Именно это я и имею в виду! Я не оставлял ее в комнате отдыха! Я собирался выбросить эту глупую вещь в туалет, но кто-то взял ее из моей сумки и оставил ее там, чтобы Слизнорт нашел. Я ненавижу этих ребят! — голос Ральфа опустился до хриплого шепота. Он быстро огляделся, как будто джал, что его соседи по комнате, выпрыгнут из-за ближайшего книжного шкафа.

Зейн задумался.

— Ты не знаешь, кто взял его?

— Нет — сказал Ральф с сарказмом — Я уверен, что в этом и был смысл.

«Она у тебя?» — Да, — сказал Ральф, немного грустно.

— Я не выпущу ее из виду, до тех пор пока не смогу избавиться от нее. Так или иначе, она все равно не работает здесь нормально. Слишком много магии в воздухе или что-то еще. Он вытащил игровую приставку из рюкзака и передал ее Зейну под столом. Джеймс наблюдал, как Зейн быстро нажал несколько кнопок и экран ожил.

— Если кто-нибудь увидит тебя с этой штукой, то она твоя. Счастливого Рождества.

Зейн плавно нажимал кнопки и экран периодически вспыхивал.

— Я просто проверяю, если тот, кто взял ее, играл на ней, то он

должен был создать профиль.

— Что такое профиль? — спросил Джеймс, наклоняясь, чтобы взглянуть на экран.

Зейн отмахнулся от него, не поднимая глаз.

— Не смотри, Слизнорт увидит. Ральф, расскажи Мистеру Волшебнику, что такое игровой профиль

— «Это просто способ отслеживать вашу игру,» сказал Ральф шепотом.

— «Прежде чем начать играть, необходимо создать профиль с именем и прочее. Тогда ты играешь и в игре записан под этим профилем. Потом ты просто можешь придти и продолжить играть где остановился.»

— Ты Ральфинатор? — спросил Зейн, еще работая на игровой приставке.

— Я не собираюсь отвечать на этот вопрос. — категорически ответил Ральф.

— Тогда вот... — сказал Зейн, показав пальцем на экран — Имя «Астромаддукс» говорит тебе о чем-то?

— Нет — сказал Ральф, подняв брови. — Там профиль с таким именем?

— Да, прямо здесь. Дата создания около полуночи после потери. Никакой другой информации и никакого прогресса в игре нет вообще Джеймс моргнул.

— Нет прогресса в игре?

— Нет — сказал Зейн, опуская устройство вниз и передавая его под столом обратно Ральфу.

— Уйма времени потрачено на вход, но не на игру. Наверное, он не смог понять, что кнопки нужны для супер-атаки. Новички.

Джеймс закатил глаза.

— Так что же это значит, кто этот Астра-как — его-там?

— Это просто случайно составленное имя, как я уже сказал. — сказал Ральф, убирая игровую приставку в самый низ своего рюкзака.

— Это ведь ничего не значит, верно? — сказал Ральф после Зейна, который сидел на другом конце стола и почти комично задумался. Его голова была наклонена, брови нахмурены, и один уголок рта приподнят, морща его щеку. Через некоторое время, он покачал головой.

— Я не знаю. Это знакомо. Кажется, как будто кто-то упоминал это имя, но я не могу вспомнить его.

Что ж, это все, что я знаю-сказал Ральф, подперев рукой подбородок, это я сделал сброс данных со своим папой. Прости, что я когда-либо видел.

— Мистер Поттер-голос внезапно прогремел неподалеку. Все трое вскочили. Это был профессор Слизнорт. Он подошел к столу, и вдруг остановился за стулом Джеймса.

— Я надеялся застать вас. Так приятно видеть тебя, мой мальчик. Это так хорошо.

Джеймс заставил себя улыбнуться, когда Слизнорт похлопал его по спине.

— Спасибо, сэр.

— Знаете, я ведь знаком с вашим отцом. Встретил его, когда он еще был здесь студентом и еще не известным мракоборцем, в отличии от его нынешнего положения, конечно. — Слизнорт понимающе кивнул, подмигнув, как будто Гарри Поттер не был известным до того, как стал главой Мракоборцев.

— Не сомневаюсь, он упоминал обо мне. Мы были очень близки в то время. Конечно, мы не так тесно общаемся, как в годы его обучения, но я превращался в старика, а он женился, сделал блестящую карьеру, и произвел на свет отличных людей, как и он сам. — Слизнорт игриво ткнул Джеймса в плечо — Я с нетерпением жду его приближающегося визита, чтобы вспомнить прошлое. Ты ведь скажешь ему, где меня искать, не так ли?

— Я постараюсь, сэр, — сказал Джеймс, потирая плечо.

Хорошо, хорошо. Ну я оставляю вас с мальчиками за выполнением домашнего задания. Продолжайте, э-э, ребята, — сказал Слизнорт,

взглянув на Ральфа и Зейна без особого интереса, несмотря на то, что он разговаривал с Ральфом этим утром.

— Ох, профессор Слизнорт, могу я вас спросить? — это был Зейн. Слизнорт обернулся, подняв брови.

— Ну конечно, мистер э-э...?

— Уолкер, сэр. Это был ваш класс с Зельями, я полагаю. Вы упомянули некий Астромаддукс?

— Ах да, мистер Уолкер. Это было в среду днем? Что-то припоминаю... — Слизнорт рассеянно посмотрел на стойку регистрации. — Да, на самом деле, это не связано с Зельями, но его имя было упомянуто. Астромаддукс был историком и Провидцем в далеком прошлом. Его произведения считаются, ну, в лучшем случае апокрифическими. Я считаю это маленькой шуткой, мистер Уолкер.

— О, что ж, спасибо, сэр, — ответил Зейн.

— Никаких проблем, мой мальчик. — заверил его Слизнорт, оглядывая библиотеку. — И теперь, я должен вернуться к своим обязанностям. Не буду больше вас отвлекать.

— Это было больше, чем совпадение — прошептал Ральф, склонившись над столом, когда Слизнорт отошел подальше.

— Нереальное совпадение — рассуждал Зейн-он упомянул Астромаддукса в классе вшутку. Теперь я вспомнил. Это была ссылка на источник, не внушающая доверия.

То, на что мы могли бы сослаться по практике или теории заговора или сто-то в этом роде. Слизнорт-декан факультета Слизерин, так что он, вероятно дает те же источники и остальным слизеринцам. Так они бы не знали его. Вот почему, тот, кто сделал это с твоей игровой приставкой, знал имя.

— Это маловероятно — сказал Ральф с сомнением.

— Но почему? — спросил Джеймс-зачем использовать имя, которое означает «не доверяйте мне, я ненормальный»?

— Кто знает, что скрывают сердца Слизеринцев?
Зейн отмахнулся.

— Это просто не имеет смысла! — настаивал Джеймс. — Слизеринцы, как правило, стараются выразить себя. Они любят плащи и кинжалы с головами драконов и секретные пароли. Я просто не понимаю, зачем один из них будет использовать имя, которое их деканом упоминается в шутку.

— Все равно-сказал Ральф — У меня есть домашняя работа, так что если вы не против...

Все они провели следующие полчаса, выполняя домашнее задание. Когда пришло время собираться, Зейн повернулся к Джеймсу:

— Отборочные в команду по Квиддичу сегодня вечером, не так ли?

— У меня, да. И у тебя тоже?

Зейн кивнул.

— Похоже, мы разделим поле. Удачи, приятель. — Зейн пожал Джеймсу руку, Джеймса удивительно это тронуло.

— Спасибо, и тебе!

Конечно! Ты погибнешь, как только поднимешься вверх-беззаботно произнес Зейн. — Мне повезет, если я останусь на метле. А как давно ты летал?

— Я летал вокруг дома, только когда у меня была игрушечная метла, тогда я был еще маленьким. — сказал Джеймс-Законы позволяют летать на метлах.

Было ограничение высоты и расстояния для несовершеннолетних, но в большинстве случаев, можно летать в любом возрасте, только нужно быть осторожным, чтобы не увидели магглы. Тогда, во времена Папы, он получил почетный диплом из Хогвартса, и несколько подростков Напились Огненного виски и попытались поиграть в квиддич на Трафальгарской площади. С тех пор законы были ужесточены. Теперь это почти то же самое, что и получение водительских прав у магглов. Мы должны брать специальные уроки и пройти сертификацию, прежде чем мы сможем летать на законных основаниях. Некоторые волшебные семьи по-прежнему позволяют их детям подниматься в воздух на метле на заднем дворе, просто для практики. Но мой отец-мракоборец.

Твои папа и мама оба были классными игроками в квиддич, я угадал? — Спросил Зейн, подталкивая Джеймса локтем, и ухмыляясь.

— Даже если ты не знаешь, какой конец метлы сверху, ты все еще будешь убийцей на нем, как только окажешься на поле. Метафорически, конечно. — Джеймс неловко улыбнулся. Они направились каждый по своим классам. Джеймс не мог избавиться от ощущения, что нервничал. Он почти забыл о том, что это будет всего лишь пробная тренировка.

Осознание того, что он будет там в течение нескольких часов, попав в одну из команд по квиддичу в первый раз и пытаясь быть одним из немногих первоодков, которые хотят попасть в команду Гриффиндора, все это заставило его смутно чувствовать себя неважно. Он думал о снитче. Он вырос, играя с знаменитым первым снитчем своего знаменитого отца. В те времена, он никогда не сомневался, относительно своего будущего.

Пускай дядя Рон уже говорил об этом, но это было так просто попасть в команду Гриффиндора по квиддичу в свой первый год, и Джеймс никогда не сомневался в этом. Но теперь, когда все стало неизбежным, он боялся. Боялся так же, как и во время церемонии распределения, и этот страх вернулся. Но тогда все было хорошо, напомнил он себе. Он так беспокоился об этом, он вспомнил, что Распределяющая Шляпа чуть не отправила его в Слизерин вместе с Ральфом, и он знал теперь, что это была бы ошибка.

Был повод, чтобы расслабиться. Квиддич, как и Гриффиндор, был у него в крови. Он просто должен был позволить этому случиться, и не волноваться... К обеду, он вынужден был признать, что его план не работает. Он едва мог есть.

— Это нормально, Поттер, — Ной кивнул, посмотрев на нетронутую еду Джеймса.

— Чем меньше ты съешь, тем меньше тебе придется вырвать, когда будешь в воздухе. Конечно, некоторые из нас выглядят немного лучше, но это лишь их защита ото всех. У тебя уже был первый урок с метлой с профессором Ридкалл, верно?

Джеймс опустил глаза:

— Нет, его еще не было. Первый урок в понедельник.

Ной стал серьезным на мгновение, и пожал плечами:

— Эх, ты справишься. Метлы-это легко. Наклонись вперед, чтобы лететь и отклонись назад, чтобы остановиться. Влево и вправо на поворотах. Кусок пирога?

— Да, — согласился Тед — И все же из-за дождя и ветра лучше не будет. Ты наверное, даже не сможешь увидеть землю, очень туманно. Проще довериться своим кишкам.

— До тех пор, пока они будут внутри — кто-то сказал за столом. И грохот смеха прокатился по всему Большому Залу.

Джеймс скрестил руки и положил на них голову.

Поле для Квиддича было мокрым и грязным. Дождь лил как из ведра так, что землю под ногами не было видно, казалось, что туман окутал все. Джеймс промок в считанные минуты.

Джастин Кенелли, капитан Гриффиндора, входит на поле вместе со своей командой, перекрикиваясь между собой, стараясь крикнуть как можно громче через нескончаемую стену дождя.

— Квиддич не отменяется из-за дождя — заорал он — Некоторые матчи по Квиддичу происходили в такую погоду, и даже в погоду, которая была во много раз хуже.

Вы знаете, что в 1984 году Чемпионат Мира по Квиддичу был проведен во время тайфуна у берегов Японии. Ловцы пролетели 60 миль в погоне за снитчем через ураганные ветра. По сравнению с ними, жтот дождь — маленький ручеек. Идеальная погода для пробных испытаний.

Кенелли остановился и повернулся к центру поля, дождь стекал с кончика носа, и лился по подбородку.

У его ног стоял огромный чемодан для игры в Квиддич, и длинная вереница метел, аккуратно лежащих на мокрой траве. Джеймс увидел, что большинство всех метел были Нимбусы 2000, на которых еще можно было летать, но это были устаревшие модели. Летать на них

было немного легче. Но, если бы ему сказали лететь на новой Молнии, то он был уверен, что врезался бы в дерево на скорости 100 миль.

На противоположном конце поля Джеймс увидел сборную команды Когтеврана. Он не мог узнать никого из них через непроницаемую стену дождя и тумана.

— Ну хорошо-закричал Кенелли — Первый курс — вы будете первыми. Мне сказали, что у некоторых из вас еще не было первого урока полетов на метле, но благодаря новым правилам, нет никаких причин, по которым вы не можете поднять руку над метлой и сказать ей «вверх». Давайте посмотрим, на что вы способны, прежде чем мы приступим к отбору в команду. Не думайте о трюках и переворотках, давайте мы просто посмотрим, можете ли вы перемещаться в воздухе, не врезаясь друг в друга.

Джейм почувствовал напряжение в желудке. Он надеялся, что сначала посмотрит за тренировкой старших школьников. Теперь, когда он собирался подняться на свою первую метлу, он пожалел, что не уделял должного внимания действиям и перемещениям игроков во время матча, вместо этого, он наблюдал за эффектными трюками и уворотами от Бладжера.

Остальные первокурсники уже робко шли вперед, вставали рядом с метлами, протягивали руки, чтобы вызвать их. Джеймс заставил себя присоединиться к ним.

Он остановился рядом с метлой и уставился на нее. Сначала, она выглядела как кусок дерева с непонятной кистью на конце, но никак не на предмет, с помощью которого можно летать. Дождь стекал с промокшего наконечника.

Джеймс поднял руку над метлой.

— Вверх! — сказал он. Его голос казался таким тихим и невзрачным. Ничего не произошло. Он нервно сглотнул, вернулось все, чего он боялся, в горле застрял ком.

— Вверх! — приказал он снова.

Метла немного поднялась, а затем опустилась на траву с глухим

стуком.

Джеймс оглянулся на других первогодок. Никто из них, казалось, не продвинулся дальше, чем он. Только одному из них улыбнулась удача.

Игроки постарше с интересом наблюдали, посмеиваясь и подталкивая друг друга. Ной поймал взгляд Джеймса и показал ему большой палец, ободряюще кивнув.

— Вверх! — в который раз сказал Джеймс, собрав всю свою волю в кулак. Метла снова поднялась и Джеймс поймал ее прежде, чем она снова упала на землю.

Довольно неплохо, подумал он. Он сделал большой вздох и перекинул ногу через метлу. Она плыла под ним неуверенно, едва поддерживая собственный вес.

Что-то пролетело мимо него.

— Так держать! — могло покааться, что Тед плакал, но это был дождь. Девочка, тоже первокурсница, по имени Батист немного пролетела вверх, но ее метла колебалась.

Затем, еще два первокурсника смогли подняться вверх. Один из них поскользнулся, когда садился на метлу, и оказался на метле вниз головой. Так он висел секунду или две, потом его руки соскользнули с мокрой метлы и он упал на землю. За этим последовал дружеский смех.

— По крайней мере, тебе удалось подняться, Кляйн! — сказал кто-то.

Джеймс сжал губы. Он схватил метлу настолько крепко, что костяшки пальцев побелели, затем он оттолкнулся от земли. Метла подпрыгивала и Джеймс увидел, как трава проносится под ним, тогда он снова стал снижаться. Его ноги не слушались и он старался сидеть ровно, снова пытаясь подняться. Метла описала дугу и летела вверх, набирая скорость, но Джеймс никак не мог сдерживать ее на одной высоте и лететь прямо. Его снова занесло, и поток воздуха от его метлы создал волну мутной воды. Крики одобрения раздалась за его спиной. Он сосредоточился еще больше, затаил дыхание, он будто был одним целым с метлой и направился в сторону когтевранцев, которые наблюдали за ним.

«Вверх! — отчаянно думал он — вверх, вверх, вверх!»

И тут, он вспомнил совет Ноя за ужином: наклониться вперед, чтобы лететь, отклониться назад, чтобы затормозить. Он понял, что делать с метлой, пытаясь сделать ее сговорчивей, но он не знал как. Если он наклонится вперед, здравый смысл подсказывал ему, что он вспашет носом землю. Когтевранцы начали разбегаться, когда увидели, как он приближается. Их вех оповестили о непредвиденных обстоятельствах. Но это никак не могло помочь Джеймсу. Наконец, отчаявшись, Джеймс поступил вопреки собственной логике, поднял ноги и наклонился вперед, как только мог.

Чувство скорости было шокирующим, когда метла полетела вперед. Туман и дождь жалили лицо Джеймса, словно рой пчел, трава под ним стала размытым грязно-зеленым пятном. Но он не летел вверх, он летел вниз, к земле. Он услышал крики и возгласы, когда он летел мимо Когтевранцев. Они разбежались, чтобы скрыться с его пути.

Джеймс все еще набирал скорость, когда наклонился вперед. Впереди он увидел трибуны, которые заполнили собой все, что он смог бы увидеть, они были слишком близко. Джеймс попытался увернуться, направив метлу в сторону. Он почувствовал себя немного лучше, но этого было недостаточно.

«Вверх!» — думал он, яростно, ему срочно нужно было подняться!

Наконец, за неимением лучшей идеи, он откинулся назад, потянув метлу на себя так сильно, как только мог. Метла ответил мгновенно и с огромной силой совершила крутой подъем. Трибуны остались позади. Ряды сидений и вывески мерцали сзади, и уступили место огромному, серому небу. Казалось, что время остановилось, несмотря на воздух и дождь, который резал его. Джеймс рискнул повернуться и посмотреть, что творится за его спиной. Поле для Квиддича было похоже на почтовую марку, еле заметную через гущу облаков и тумана.

Джеймс ахнул, вдыхая ветер и дождь, паника охватила его, словно когти гигантского чудовища. Он все еще был наверху. Большие серые плиты облаков давили на него, пугали шокирующей темнотой и холодом.

Джеймс толкнул вниз метлу снова, стиснув зубы, подавляя крик ужаса. Он почувствовал, что метла дернулась, до тошноты, почти отбросив его прочь. Он, казалось, не мог заставить ее делать что-нибудь другое, чем заставить резко менять высоту. Джеймс потерял ориентацию в пространстве. Вокруг были плотные облака и лил дождь. Попасть с первого раза в гриффиндорскую команду по квиддичу, казалось, гораздо менее важно, чем просто спуститься обеими ногами обратно на землю. Он не мог оценить, как быстро он летит и в каком направлении. Ветер и туман, били ему в лицо, его глаза слезились. Вдруг, появились другие фигуры.

Они вокруг него. Он услышал отдаленные крики. Одна из фигур подлетела под углом к нему, и Джеймс был потрясен, увидев Зейна на метле, его лицо было как мел белым, а его светлые волосы трепал ветер. Он махнул Джеймсу рукой, но Джеймс не мог понять смысл его жестов.

— Следуйте за мной!» прокричал Зейн сквозь ветер, когда он проносился мимо него.

Остальные с тревого смотрели на Джеймса. Он увидел Теда и Дженифер, из Когтеврана. Они наблюдали за ним. Тед звал на помощь, указывая на Джеймса, но никто не мог разобрать его знаков. Он сосредоточился на направлении, в котором летел Зейн. Дождь снова будто разрезал его лицо, и Джеймс потерял Зейна из виду. Он был шокирован ударами холодного воздуха, не понимал, куда летит, а затем земля разверзлась под Джеймсом...

Поле для Квиддича несло ему навстречу, вместе с его мокрой травой, ужас окутал Джеймса. Зейн летел впереди Джеймса, но старался затормозить, откинув одну руку в сторону. Джеймсу удалось взобраться на свою метлу, и он попытался делать как Зейн, но это было не так-то просто, потому что ветер не давал выпрямить руку. Он боролся, поворачивал мелу так, чтобы пролететь через ветер, он боялся, что метла разлетится на мелкие кусочки прямо под ним. И тут, его руки соскользнули, и он перевернулся, он летел так, что метлу сжимали только его ноги. Метла начала сильно крутиться. Джеймс услышал голос Зейна, Зейн старался перекричать рев ветра. Земля приближалась,

стремилась, ждала, что он упадет, и Джеймс услышал это, дикий, сильный рев, который становился все громче и громче, пока...

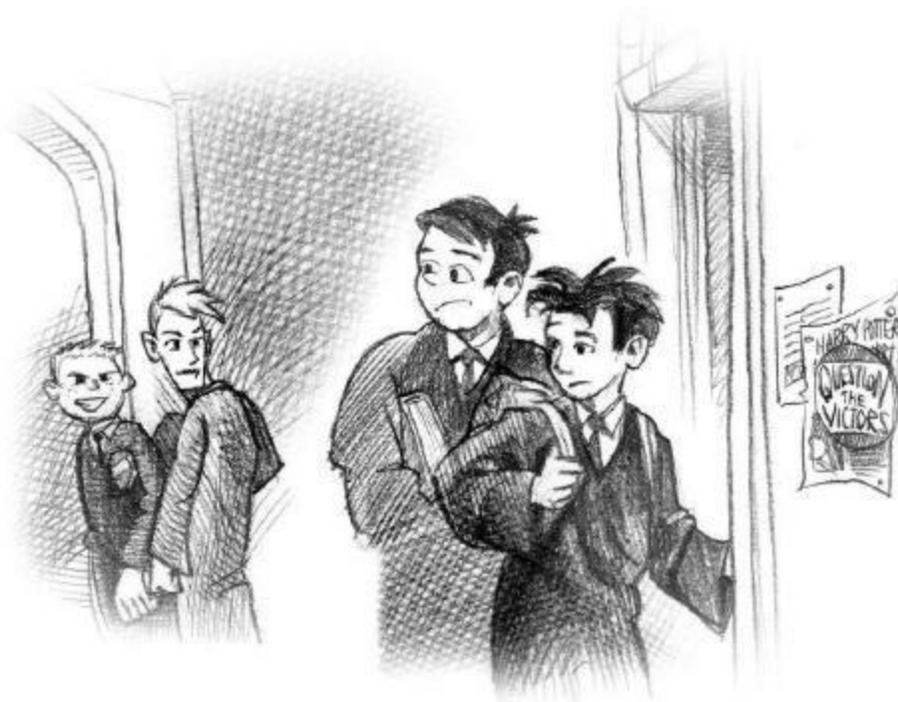
Там его ждало ужасное потрясение. Джеймс крепко зажмурил глаза, и стараясь не услышать звука своего падающего тела на землю. Не было слышно ни звука.

Он рискнул открыть глаза чуть-чуть, а потом посмотрел вокруг с облегчением и удивлением. Он парил на пять футов выше центра поля, оседлав метлу, и не держась. Дождь шипел вокруг него, когтевранцы и гриффиндорцы уставились на него. Зейна, Тед, и Дженнифер пролетели вокруг Джеймса, таращась на него. Потом Тед обернулся. Джеймс проследил за его взглядом.

Ральф стоял на краю поля, его одежда насквозь промокла и прилипла к его телу, зонтик лежал брошенный на краю трибуны. Каждый мускул в теле Ральфа казалось, напрягся, и кажется он находил это смешным, направляя огромную палочку прямо на Джеймса. Он заметно дрожал.

Дождь струился по его лицу, его волосы на голове потемнели.

Глава 5. Книга Астромаддукса

— Не думай, что это похоже на досадную ошибку на метле-сказал Зейн позже, когда они сидели в общей гостиной Когтеврана. — Думай об этом, как о маленьком триумфе Ральфа, с этой стороны все выглядит замечательно!

Джеймс ничего не ответил. Он сидел в углу дивана, положив голову на его спинку.

— Кроме того, я не думаю, что смог бы понять, что произошло с моей метлой. Это происходило само собой, я ничего не мог контролировать. В любом случае, это все уже неважно.

— Ты творил невообразимые вещи, Уолкер! — сказал старшекурсник, проходивший мимо их дивана, и невзначай взъерошил волосы Зейна.

— Да, — сказал другой, с другого конца комнаты, — Как правило, первогодки выпускаются на поле только для смеха, но с вами мы и посмеялись и усвоили несколько навыков.

За этим последовал взрыв аплодисментов и смеха. Зейн выглядел

довольным и наслаждался этим.

А, если серьезно, то... — Ральф сидел на полу, повернувшись спиной к огню как ты это сделал? Полет осваивается очень долго.

— Честно говоря, я не знаю — ответил Зейн. — Я видел, что Джеймс падает, и мне пришлось лететь за ним. Я не знал, что я делал почти до самого конца, пока не осознал, что я могу врезаться прямо в поле. Я остановился в последнюю секунду, как будто я был одной из торпед и в этот момент я думал: «Посмотрите на меня! Я лечу!» Может быть это все влияние гоночных игр, в которые я играл со своим папой, но я чувствовал, что это важно для меня.

И вдруг Зейн понял, что совсем не поднимает настроение Джеймсу, а делает только хуже:

— Но довольно обо мне и о моей метле. Как насчет тебя, Ральфи?

Ральф задумчиво моргнул, а затем поднял палочку со своей мокрой мантии. Она казалась такой огромной и в то же время нелепой, особенно с концом, окрашенным в зеленый, но никто над ней больше не смеялся.

— Я не знаю. Это то же самое, о чем говорил ты. Я не думал об этом. Я видел падение Джеймса и вдруг подумал о пере в классе Флитвика. Помните? Которое мы поднимали... Так вот, следующее мое воспоминание, это только то, как я направил свою палочку на Джеймса и крикнул...

Несколько студентов, в том числе и Зейн, сделали выпад и крикнули, как Ральф, когда он взмахнул палочкой. Ральф смущенно улыбнулся:

— Возьмите себя в руки. Я не собирался говорить об этом.

— Ральф, ты действительно молодец, приятель — сказал Зейн, останавливаясь. — Ты проделал путь от плавающих перьев до человеческого организма в первый год обучения! У моего мальчика талант!

Джеймс пошевелился:

— Если вы двое закончили поздравлять друг друга, тогда я пойду найду дыру и буду жить в ней до конца года.

— Эй, держу пари, что у подружки Гравса есть комната в ее пещере. — сказал Ральф. И Зейн дружески подтолкнул Ральфа.

— Что? — сказал Ральф. — Это сохранит ему время на поиски.

— Он шутит, — сказал Зейн, взглянув на Джеймса. — Я не мог сказать это первым.

— Поздравляю, ты нашел единомышленника — сказал Джеймс тихо, снимая свой плащ с вешалки у огня.

— Ну перестань! — Зейну стало неловко — На самом деле, мне жаль, что все так вышло. Я не знал, что это так важно для тебя. Правда.

Джеймс остановился на несколько секунд, глядя на пламя огня. Сожаление и искренность Зейна глубоко его задела. Он чувствовал себя ужасно. Его лицо напряглось, а в глазах появился блеск. Он моргнул и отвернулся.

— Это все было не то, что важно для меня. — сказал он — Это было самой важной вещью в моей жизни!.

Когда дверь закрылась за Джеймсом, он услышал, как Ральф сказал:

— Так КТО же важен для тебя тогда?

Джеймс шел медленно, опустив голову. Его одежда была еще мокрой, и все тело болело от заклинания Ральфа, но он почти не замечал всего этого. Он потерпел неудачу. После победного зачисления в Гриффиндор, он был уверен, что и с Квиддичем все будет также легко. Вместо этого, он стал посмешищем перед Гриффиндором и Когтевраном. Вместо захватывающих трюков, которые выполнял его отец, Джеймсу пришлось спасти себя от смерти. Ему невозможно было

вынести своего провала. Он никогда этого не переживет.

Никто не смеялся над ним сейчас, по крайней мере не выговаривали ему этого в лицо, но что они скажут в следующем году, когда он снова появится на пробных?

Он даже не мог вынести этой мысли.

Как он мог сказать об этом своему отцу? Его папа, который придет в начале следующей недели, чтобы увидеть его и услышать о его первых подвигах. Он, конечно, поймет. Он бы сказал Джеймсу, что Квиддич не имеет никакого значения, что главное для него — это быть собой и получать удовольствие. И он сам бы верил в это. И все же, зная то, что скажет отец, не повысило Джеймсу настроения.

Зейн попал в команду Когтеврана. Джеймс почувствовал легкий укол зависти, услышав это. Он почувствовал сожаление, ое действительно жалел, но вместе с этим у Джеймса родилось некое чувство ревности. Зейн был магглорожденным. И, к тому же, американцем! Квиддич должен быть для него чем-то непонятным, тайной, скрытой за семью печатями, а у Джеймса это в крови быть игроком и героем.

Как же случилось, что все пошло не так?

Когда он дошел до гостиной Гриффиндора, то старался идти по краю, боясь попасться на глаза сидевших там студентов. Одни смеялись с друзьями, другие слушали музыку, третьи обсуждали домашнее задание, а некоторые целовались на диване.

Он нырнул вверх по лестнице, и вошел в спальню. Там было темно и тихо...

Со времен отца многое изменилось, теперь в общей спальни могли жить ученики с разных курсов. И сейчас Джеймс был рад, что жил с несколькими ребятами со старших курсов. Они давали уверенность в том, что Джеймс доживет до старших курсов.

Ему нужна была уверенность сейчас, чтобы кто-то понял и поддержал его. Поверил в него...

Джеймс глубоко вздохнул в пустой комнате.

Джеймс вымылся в маленькой ванной, переоделся, и сел на кровать, смотря на ночные башни замка. Нобби наблюдал за ним из клетки у окна, щелкая клювом время от времени, желая расправить крылья и принести парочку мышей, но Джеймс не замечал ее.

Дождь заканчивался. Облака расходились, открывая взору большую серебристую луну. Джеймс смотрел на нее долгое время, сам не зная, чего он действительно ждал. В конце концов, ничего так и не произошло. Никто не поднялся, ничего не случилось. Джеймс слышал голоса из гостиной. Это было в пятницу вечером. Никто не собирался ложиться спать рано. Он чувствовал себя совершенно одиноким и вымотанным. Он скользнул под одеяло и снова стал смотреть на луну.

Вскоре, он заснул.

Джеймс провел большую часть выходных в гостиной Гриффиндора. Он знал, что ни Ральф, ни Зейн не могли попасть в общую гостиную без пароля, и у него не было настроения встречаться сейчас с кем-либо. Он читал главы, заданные ему на уроках, практиковал некоторые простейшие заклинания. Он был особенно раздражен, когда обнаружил, что не может поднять в воздух перо, и крутился вокруг стола, как только мог, чтобы заставить его летать. Через двадцать минут он не выдержал и выругался так, что его мать даже не знала, что он владеет такими словами. И в сердцах бросил палочку на стол, она тут же выстрелила потоком фиолетовых искр, будто удивляясь тому, как с ней обращаются.

Наступила суббота, а это значило, что Джеймсу пришлось отрабатывать наказание вместе с Аргусом Филчем. Джеймс следовал за Филчем по коридорам, держа в руках ведро и щетку с гигантской жесткой щетиной. Иногда Филя останавливался и, не поворачиваясь, указывал на место на полу, на стене или статуе. Чаще всего это были небольшие рисунки или грязные места на полу, протоптанные учениками. Джеймс тяжело вздыхал, окунал щетку в ведро и начинал тереть обеими руками. Филч привередливо рассматривал Джеймса, как будто он был лично ответственен за каждый испорченный участок замка. Пока Джеймс работал, Филч бормотал и причитал о том, что

раньше наказания были намного суровее. В скором времени, Джеймсу был разрешено вернуться в свою комнату, его пальцы были холодными, красными, жутко болели и, к тому же, пахли ужасным коричневым мылом Филча.

В воскресенье днем, Джеймс бесцельно блуждал по территории замка и столкнулся с Тедом и Петрой, которые валялись на одеяле, якобы рисуя астрономические карты на пергаменте.

— Теперь, когда Трелони, преподавателя Прорицаний, заменила мадам Делакруа, у нас появилось фактическое домашнее задание. — Пожаловался Тед — Предмет, на котором просто смотришь на чайники и произносишь пессимистичные прогнозы, был довольно забавным, на самом деле.

Петра сидела, прислонившись к дереву, и разбирала схемы карт на коленях, сравнивая их с огромной книгой созвездий, лежащей открытой на одеяле.

— В отличие от Трелони, у Делакруа, кажется, есть представления о том, что астрология-жесткая наука. — Сказала она, качая головой от отвращения. — Как будто камни, которые крутятся во Вселенной, знают о моем будущем намного больше, чем я.

Тед попросил Джеймса остаться, и подержать карты, так как их становилось слишком много. Чувствуя, что он не помешал ничему личному, и, что ни Тед, ни Петра не собираются воспитывать Джеймса «ужасными пробными испытаниями по Квиддичу», Джеймс плюхнулся на одеяло и посмотрел в книгу со звездными картами. Черно-белые рисунки планет, каждая из которых имела имя, иллюстрации мифических существ, планеты кружились и медленно поворачивались на страницах, их орбиты обозначались в виде красного эллипса.

— Какая из этих планет называется Вокет? — спросил Джеймс сухо.

Петра перевернул страницу.

— Харди-Хар.

Джеймс перевернул страницу с созвездиями этой огромной книги, наблюдая за перемещением планет и потусторонними астрологическими объектами.

— Итак, как тогда ладят профессор Трелони и мадам Делакруа? — Спросил Джеймс через минуту. Он вспомнил, что Демьян подозревал о каких-то разногласиях между ними.

— Так же, как масло и вода, — ответил Тед, — Трелони пытается найти общий язык, но она, скорее всего, ненавидит королеву вуду. Что насчет Делакруа, так она даже не притворяется дружелюбной. Они из разных миров, во всех смыслах этого слова.

— Мне больше нравятся уроки Трелони. — Пробормотала Петра, что-то быстро зарисовывая на своем пергаменте.

— Мы все знаем, что ты думаешь, дорогая. — Успокоил ее Тед. Он повернулся к Джеймсу. — Петра любит Трелони, потому что она знает, что гадание представляет собой набор случайных знаков, символов, который мы используем, чтобы разгадать смысл. Трелони конечно же думает, что этим руководит магия, но все же она понимает, что это лишь набор безделушек вперемешку с субъективным мнением. Петра любит факты, так что, если Трелони все же пытается внести какую-то серьезность в предсказание, она не делает уроки жестокими.

Петра вздохнула и закрыла огромный фолиант на замок.

— Гадание-это не наука, это психология. По крайней мере, Трелони получает предсказание и верит в него. Делакруа... — И тут она бросила книгу на кучу пергаментов рядом с ней и закатила глаза.

— У нас контрольная на этой неделе, — Сказал Тед печально. — Контрольная по гаданиям. И она будет состоять из того, какие события произойдут в этом году, расположение планет, сфер и все в этом духе.

Джеймс посмотрел насмешливо:

— Расположение планет?

— Выравнивание планет, становление их в одну линию. — Ответила Петра терпеливо. — На самом деле, это очень серьезно. Это происходит только раз в несколько сотен лет. Это наука. Это знание того, какое мифическое существо отображает каждая планета, причисляли ли его к божеству и что обозначает «гармония астрологической матрицы предвидения».

Тед посмотрел на Джеймса и нахмурился:

— Когда-нибудь мы покажем Петре, что на самом деле думаем по этому поводу.

Петра ударила его по голове одной из больших карт звездного неба.

Позже, за обедом, Джеймс увидел Ральфа и Зейна, сидевших за столом Когтеврана. Он увидел, что Зейн один раз взглянул на него и был рад, что тот не попытался с ним поговорить. Он знал, что это очень маленький проступок, но все же был полон зависти и стыдился этого. Он быстро поел, и затем вышел из Большого зала, совершенно не представляя, куда идти.

Вечером было свежо и прохладно, как только солнце скрылось за горами. Джеймс исследовал территорию замка, слушал скрежет сверчков, бросал камешки в озеро. Он отправился в сторону хижины Хагрида, но, когда он подошел, увидел, что к двери прикреплена записка, написанная большими, корявыми буквами. В записки говорилось, что Хагрид в лесу и не вернется до утра понедельника. Скорее всего он проводит время со своей подружкой и Гроххом, понял Джеймс.

Стало смеркаться. И Джеймс уныло побрел к замку.

Он был на пути в общую гостиную, когда решил свернуть в сторону. Ему вдруг что-то стало интересно.

Трофейные стеллажи были освещены рядом фонарей, так, что

чаши, таблички с именами и статуи ярко блестели. Джеймс шел медленно, просматривая каждую фотографию команды по Квиддичу, фотографии потускнели от времени, но улыбки игроков и выражение триумфа на лице остались неизменными.

Здесь были золотые и бронзовые кубки, антикварные снитчи, игровые бладжеры, пристегнутые ремнями к полкам, но все же еще шевелившиеся, когда чувствовали, что он проходил мимо.

Джеймс остановился в конце и посмотрел на фотографию рядом с Кубком Турнира Трех Волшебников. Его отец улыбался той же неловкой улыбкой, и выглядел таким молодым и своевольным. Джеймс наклонился и посмотрел на фотографию по другую сторону Кубка, это была фотография Седрика Диггори. Мальчик на фото был красив, с тем же открытым, бесхитростным выражением лица, которое он видел на многочисленных фотографиях команд по Квиддичу. Тогда Джеймс понял, что время не властно над честностью и доверием. Джеймс внимательно изучал фото. Чувство привязанности возникло у Джеймса, хотя он в первый раз увидел фото.

— Это был ты, не так ли? — Прошептал Джеймс, всматриваясь в лицо Седрика. Вопрос вырвался случайно.

Мальчик на фото улыбнулся своей искренней улыбкой, слегка кивая, как бы в знак согласия.

Джеймс не ожидал ответа, но, когда он стал выпрямляться, что-то изменилось на мемориальной табличке ниже Кубка Трех Волшебников. Слова, которые были выгравированы, разгладились, будто утонули в серебре, а затем, через некоторое время, появились новые слова. Они писались на ходу, бесшумно...

«Джеймс Поттер».

Сын Гарри.

Мурашки пробежали по спине Джеймса. Он кивнул.

— Да — Прошептал мальчик.

Слова снова исчезли. Прошло несколько секунд и появились новые.

«Как давно».

«Это было».

Сначала Джеймс не понял вопроса. Он слегка покачал головой:

— Я...мне очень жаль. Сколько времени прошло с тех пор, или что?

Буквы исчезли и появились другие. Они писались так долго, как если бы требовали еще больше усилий.

«С моей смерти».

Джеймс сглотнул:

— Я точно не знаю. Думаю 17–18 лет.

Буквы исчезали очень медленно. Новые проступали через серебро почти минуту.

«Время так странно идет здесь».

«Как будто оно растягивается».

«А иногда идет очень быстро».

Джеймс не знал, что сказать. Чувства одиночества и печали прокрались в коридор, заполняя все пространство, а Джеймс выглядел мрачным.

— Мой... — Голос Джеймса прервался. Он кашлянул и попытался снова. — Мои папа и мама, Джинни, раньше была Уизли... Они рассказывают о вас. Время от времени. Они... Они помнят вас. Ведь они

так вас любили.

Буквы исчезли и появились другие.

«Джинни и Гарри».

«Я всегда знал».

«Что они будут вместе».

Призрак Седрика, казалось, ускользал, чувствовалось как легкий ветерок удалялся дальше по коридору. Буквы исчезали медленно. Джеймс хотел задать больше вопросов, о маггловском нарушителе, как он смог войти или что-нибудь другое, хоть что-нибудь, но теперь это казалось неважным.

Он просто хотел говорить с кем-то, чтобы уменьшить груз печали, и он почувствовал поддержку Седрика.

Вдруг буквы снова проступили, на этот раз еще более медленно.

«Они счастливы?»

Джеймс прочитал вопрос и кивнул:

— Да Седрик. Они. Счастливы.

Буквы испарились, как только Джеймс сказал и казалось, что воздух вокруг него перестал существовать, в нем не было силы.

Когда все было кончено, Джеймс оглядел коридор. И снова почувствовал себя одиноким. Он снова посмотрел на пластину с надписью на Кубке Трех Волшебников, но на ней уже были написаны прежние слова. Джеймс вздрогнул, обхватил себя руками, потом повернулся и пошел обратно к Главному Залу.

Призрак наконец заговорил и это был призрак Седрика Диггори.

Я действительно счастлив, подумал Джеймс. Когда он поднялся по ступенькам в гостиную, он понял, что не врет себе. Он чувствовал, что глупо было проводить все выходные, сучая и обижаясь на Зейна из-за

того, что тот попал в команду. На данный момент все это казалось неважным. Он просто рад быть здесь, в Хогвартсе, с новыми друзьями, с некоторыми трудностями и бесконечными приключениями.

Он побежал по коридору, к портрету Полной Дамы, ничего так сильно не желая, как провести последнюю пару часов, что остались от выходных, с огромным удовольствием, смеясь, забыв о маленьком глупом провале на квиддиче. Он осознал, что эта ситуация оказалась даже немного смешной.

Когда он вошел в общую комнату, он остановился и огляделся. Ральф и Зейн были там, сидя с остальными Гремлинами за столом у окна. Все обернулись в его сторону.

— Вот и наш маленький пришелец! — Зейн выглядел счастливым. — Мы пытаемся разработать новые трюки с метлой. Что ты думаешь о своей маленькой аварии и представлении Ральфа? Ральф сделал все, что только мог, чтобы спасти тебя.

Ральф пошевелил палочкой и смущенно улыбнулся. Джеймс закатил глаза и решил к ним присоединиться.

Когда Джеймс проснулся а понедельник, было уже позднее утро. Он вбежал в Большой зал, надеясь взять кусочек тоста до начала урока по Трансфигурации и встретил Ральфа и Зейна, которые только что вышли.

— Нет времени, приятель, — сказал Ральф, схватив его руку и быстро развернув Джеймса. — Мы не можем опоздать на первый урок. Я слышал, что Мак Гонагалл строго наказывает студентов, которые задерживаются.

Джеймс вздохнул и побежал вместе с ними по оживленным коридорам замка.

— Я хотя бы надеюсь на то, что она ничего не делает со студентами, чьи желудки урчат от голода во время ее урока.

Зейн что-то отдал Джеймсу в руки, когда они шли в класс.

— Посмотри, это наш шанс. Я уже показал ее Ральфу, и он был в полном восторге. Я положил закладку для тебя.

Это была толстая, потрепанная книга. Переплет был из цельной, но уже потертой ткани, которая когда-то, скорее всего, была красной. Страницы пожелтели от времени и казалось, могли выпасть или рассыпаться, если их возьмешь в руки..

— Что это? — спросил Джеймс, когда не смог прочитать буквы, потускневшие от времени. — У меня есть, что почитать из-за Джексона и Флитвика. Так что, я освобожусь нескоро.

— Тебе будет интересно это посмотреть, поверь мне. Эта книга по предмету Истории Параллельных миров, том 7.-сказал Зейн. — Мне ее дали из библиотеки Когтеврана. Просто прочитай раздел, на который я указал.

— У Когтеврана есть своя библиотека? — спросил Ральф, изо всех сил запихая свой учебник по трансфигурации в рюкзак.

— Ну, а у Слизера висят головы драконов на стенах. — Пожал плечами Зейн. — Каждому свое.

Когда они подошли к классу Трансфигурации, им пришлось пройти через толпу студентов, столпившихся рядом с дверью. Некоторые из них все еще носили те самые синие значки «победителей». Казалось, все больше и больше студентов стали носить их. Значки имели надпись «Прогрессивные элемент» и Джеймс был встревожен тем, что уже не только слизеринцы носили их.

— Твой отец придет сегодня, да, Поттер? — Один из старшекурсников ткнул его, криво улыбаясь. — Решил встретиться со своими друзьями из Штатов?

Джеймс остановился и посмотрел на говорившего.

— Да, он приезжает сегодня. — И его щеки покраснели. — Но я не

понимаю, что ты имеешь в виду, когда говорил о его «дружках». Он даже не встречался с американцами раньше. Знаешь ли, иногда следует почитать, прежде чем открывать рот.

— Оо, мы читали, уж поверь мне. — Ответил мальчик и его улыбка исчезла. — Больше, чем ты и твой отец можете себе представить. Ваша семья и весь ваш род не сможет долго скрывать правду.

— Скрывать правду? — Гнев Джеймса нарастал. — Что ты несешь?!

— Читай надпись на значках, Поттер. Ты точно знаешь, о чем мы говорим. — Ответил мальчик, резко поднял свой рюкзак и отошел со своими друзьями дальше по коридору. — И, если ты не понимаешь, тогда ты еще глупее, чем кажешься. — Он повернулся к Джеймсу спиной.

Джеймс моргнул от гнева и изумления:

— Что все это значит?

Ральф вздохнул:

— Давай сядем на место. Я вам расскажу все, что знаю, хотя знаю немного.

Но у них не хватило времени, чтобы обсудить все перед уроком. Директриса МакГонагалл, которая еще обучала Трансфигурации маму и папу Джеймса, вошла в класс с тем же деловым спокойствием, что и раньше.

Она объяснила основные движения палочкой и заклинания, помогающие превратить книгу в бутерброд с рыбой. Она даже попросила одного из студентов, мальчика по имени Карсон, чтобы тот откусил бутерброд. Потом, она превратила бутерброд обратно в книгу и все увидели, что на переплете следы от зубов Карсона. Гул восхищения пронесся по классу..

Карсон посмотрел на след от укуса и прижал руку к животу, с тревогой на лице. Ближе к концу урока, МакГонагалл попросила

студентов достать свои палочки и попрактиковать движения и заклинания на бананах, которые они должны были превратить в персик.

— Персика Алтерамус, акцент только на первом слоге. Не ждите, что у вас все получится с первого раза. — Сказала она, когда наблюдала за попытками студентов. — Если у вас получится банан с намеком на пух персика, будем считать, что вам повезло сегодня. Аккуратнее, мисс Маярис! Небольшие круговые движения, не нужно размахивать палочкой в разные стороны.

Зейн яростно посмотрел на свой банан и взмахнул палочкой:

— Персико Алтерамус! — Но ничего не произошло. Он сжал губы. — Давай, Джеймс, теперь ты.

Пожав плечами, Джеймс поднял палочку и направил ее, сказав заклинание. Банан перевернулся, но так и остался бананом.

— Может быть он изменился внутри? — С надеждой сказал Зейн — Возможно, мы должны очистить его и посмотреть, может там внутри мякоть персика, а?

Джеймс думал об этом, а затем покачал головой. Они оба попытались снова. Ральф наблюдал:

— Больше движений кистью руки. Вы, ребята, так это делаете, как будто показываете азбуку моряков.

— Критиковать легко, но сделать трудно. — Сказал Зейн между попытками. — Посмотрим как ты это сделаешь, Ральфинатор.

Ральф, казалось, хотел попробовать. Он перебирал свою палочку в руках, держа ее под столом.

— Давай же, Ральф. — Сказал Джеймс — Ты отлично справился с летающими чарами. Что не так?

— Ничего, — сказал Ральф, немного скованно. — Я не знаю.

— Вот черт! — закричал Зейн, опустив руку с палочкой и схватив банан другой. Он бросил палочку на стол и указал на нее бананом. — Может быть, если я буду так делать, станет лучше, как вы думаете?

Джеймс и Ральф уставился на него. Он закатил глаза.

— О, неважно, давай Ральф. Сделай его персиком. Ты знаешь, что можешь это сделать. Чего ты ждешь?

Ральф поморщился, потом вздохнул и поднял гигантскую палочку. Он коснулся ею слегка своего банана и сказал заклинание так неуверенно, как будто знал, что ничего не получится. Сверкнула вспышка и звук, похожий на взрыв Летучего пороха в камине. Весь класс услышал это и повернулся в сторону Ральфа. Дым окутал их стол, Ральф сидел с широко открытыми глазами, совершенно не понимая, что происходит. Когда дым рассеялся, Джеймс наклонился над бананом Ральфа, он все еще лежал там, совершенно нетронутый.

— Что ж, — сказал Зейн в тишине, которая наступила после взрыва.

Тихий, мягкий шум раздался из банана Ральфа. Кожура раскрывалась медленно и начала отделяться, открываясь как мясистый желтый цветок. Вздох прокатился по классу, когда зеленый завиток вырос из центра банана. Казалось, он дышал, когда он рос, скручивался и удлинялся, как виноградная лоза. Усик начала выправляться, когда он вырос, извилистой линией. Другие усики появились из банана. Они распространялись вдоль поверхности в разные стороны, по краям стола, они обхватывали весь стол, плотно его сжимая. Ростки начали отделяться от основного стебля, как только он вырос, утолщения и превращения были легче, пока он еще не был твердым, и таким желтовато-серым. Листья, вышедшая из отростков разрасталась нежными побегами в полный лист в считанные секунды. Наконец, когда дерево достигло высоты около четырех футов, начали появляться плоды. Полдюжины персиков образовались на концах нижних ветвей, утяжеляя их. Каждый из них был сочным, пухлым, и зрелым.

Джеймс оторвал взгляд от дерева и оглядел комнату. Все глаза были на прекрасном персиковом деревце Ральфа, рты у все были открыты, руки с палочками все еще замерли в воздухе. Директриса МакГонагалл смотрела на дерево пристально, рот открылся в полной неожиданности. Тогда движение вернулось в комнату. Каждый выдохнул и спонтанные, благоговейные аплодисменты наполнили класс.

— Это мой мальчик! — Сказал Зейн и положил руку на плечо Ральфа. — Я увидел его первым!

Ральф отвернулся от дерева, посмотрел на Зейна и смущенно улыбнулся. Но Джеймс вспомнил выражение на лице Ральфа, в то время, как росло дерево и тогда он не улыбался.

Спустя несколько мгновений, в коридоре, Зейн, с полным ртом персиков, спросил у Ральфа:

— Серьезно, Ральф. Ты меня удивляешь. Как так происходит, что у тебя все волшебные заклинания получаются с первого раза. В чем дело?

Ральф улыбнулся своей неопределенной, взволнованной улыбкой снова.

— Ну, на самом деле...

Джеймс посмотрел на Ральфа:

— Что? Скажи, Ральф!

— Ну хорошо, — сказал он, останавливаясь и втягивая их за собой за угол, — Но это пока еще неточно, ладно?

Джеймс и Зейн с энтузиазмом кивнули, жестом Ральф показал им идти дальше.

— Я много занимаюсь с некоторыми слизеринцами в ночное время, — Объяснил Ральф, — Просто основной материал. Они научили меня нескольким вещам. Ну, например, снятие заклинаний и теперь я знаю несколько трюков, чтобы победить своих врагов.

— Что за враги у тебя появились, Ральф? — Спросил Зейн недоверчиво, облизывая пальцы, липкие от персикового сока.

Ральф отмахнулся от него.

— Ну понимаешь, просто враги. В любом случае, так говорят ребята из моей комнаты. Они говорят, что я лучше, чем просто волшебник среднего сорта. Они думают, что я не простой маггловский ребенок, который случайно оказался волшебником. Они полагают, что возможно, один из моих родителей потомок великой волшебной семьи и я просто не знал об этом.

— Это слишком важная вещь, чтобы ее не знать, я думаю... — Сказал Джеймс с сомнением. — Ты же говорил, что твой папа разрабатывает маггловские компьютеры, не так ли?

— Ну да, так и есть, — махнул рукой Ральф, а потом понизил голос. — Но моя мама, я ведь не говорил вам, что она умерла, не так ли? Нет, не говорил-ответил он сам себе. — Конечно, нет. Но вот так случилось. Она умерла, когда я был очень маленьким. Я даже не знал ее. А вдруг, она была ведьмой? Я имею в виду, что, если она была бы из одной из великих старейших чистокровных семей и папа даже не знал об этом, а что? Бывает и такое. Маги, влюбившиеся в магглов никогда не могут раскрыть им свою тайну. Чистокровным такое бы не понравилось, я думаю, но так уж вышло.

Он замолчали посмотрел на Зейна и Джеймса.

— Хорошо... — сказал Джеймс медленно. Конечно, я думаю, что это возможно. Но все так странно.

Зейн поднял брови:

— Ну хотя бы это многое объясняет, не так ли? Может быть ты, кто-то вроде принца. А вдруг, ты наследник сказочного богатства, власти и возможностей!

Ральф закатил глаза:

— Давайте не увлекаться. Я уже сказал, что это всего лишь

предположение.

Джеймс прогуливался с Зейном и Ральфом, пока не пришло время следующего урока. Следующей была сдвоенная Травология, и он побежал к теплицам, надеясь увидеть друзей позднее.

Профессор Долгопупс приветствовал Джеймса по имени, когда он вошел, тепло улыбаясь. Джеймс всегда любил Невилла, хотя он был более спокойным и вдумчивым, чем его отец или дядя Рон.

Джеймс знал историю о том, как Невилл воевал во время своего последнего года в школе, когда Волан-де-Морт захватил Министерство Магии и Хогвартс был под его контролем. В конце концов, Невилл был тем, кто отрезал голову гигантской змеи, Нагайны, которая была последним крестражем Волан-де-Морта.

Но это все трудно было представить, в то время, как довольно неуклюжий профессор расставлял кастрюли и горшки на столе в передней части теплицы.

— Травология-это... — начал Невилл, но случайно опрокинул один из горшков. Он прервался, быстро поставил горшок на место, просыпав грязь на свои бумаги. Он поднял голову, смущенно улыбаясь.

— Травология-это изучение... Нууу, трав, конечно. Как вы видите. — Он показал в сторону растений, которых в теплице находилось великое множество, деревьев, растущих в самых причудливых формах.

Джеймс подумал, что профессора Долгопупса, вероятно, заинтересует персиковое дерево, которое все еще находилось в классе Трансфигурации.

— Травы являются основанием, э-э... так сказать, многих магических дисциплин. Они нужны для зелий, медицины, создания палочек, и многого другого. Все эти науки полагаются на магические растения, и их переработку. В этом классе мы будем изучать огромное количество свойств и применений некоторых, наиболее важных для нас растительных ресурсов, начиная с таких как Бубонтубер, и заканчивая редким Мимбулусом Миблетония.

Краем глаза Джеймс увидел, как что-то движется. Одна из виноградных плетей тянулась к девушке-первокурснице, которая яростно писала имена знаменитых ученых, изучавших Травологию, которые диктовал Невилл. Виноградная лоза отделилась от подоконника, и слегка постукивала по ее спине, затем обернулась вокруг ее сережек. Глаза девушки расширились и она уронила перо, когда почувствовала, как ее что-то тянуло.

— Ой! Ой-ой-ой! — Воскликнула она, с трудом поднимаясь со стула и хлопая рукой по уху. Невилл оглянулся, увидел девушку и побежал помогать им.

— Да, схватите лозу, мисс Патони. Все правильно. — Он подбежал к ней и стал осторожно извлекать лозу из сережки. Она крутилась медленно, пока он не закончил. — Вы только что нашли наш Лигулос Вороватый, точнее это он нашел вас. Я прошу прощения, что не предупредил вас, до начала занятия. Один пират, несколько сотен лет назад из-за своего врожденного влечения к блестящим вещам, которые он использовал для увеличения количества солнечного света, был похоронен там, где в последствии и вырос этот виноград. Этот вид практически исчез, но нам удалось спасти небольшой побег. — Невилл аккуратно схватил виноградное дерево за ствол и завернул лозы вокруг него, прижав их кончики в горшок, к огромному бриллианту.

Патони потеряла ухо и уставилась на виноградное дерево, как будто она жалела, что весь этот вид не был сожжен.

Невилл вернулся за рабочий стол и стал рассказывать о растениях, которые разместились в длинный ряд перед классом. Джеймс зевнул. От тепла, которое наполняло все помещение, хотелось спать. Чтобы хоть как-то развеять сонливость, Джеймс попытался достать перо и пергамент из рюкзака. Его рука нащупала книгу, которую дал ему Зейн. Он вытащил ее вместе с пергаментом и разместил ее на коленях.

Когда он понял, что Невилл углубился в рассказ о своем любимом предмете так сильно, что уже ничего не замечал вокруг себя, Джеймс открыл книгу, где была закладка. Его внимание сразу же было

приковано к заголовку в верхней части страницы: Феодре Астромаддукс. Он наклонился над книгой и стал быстро читать.

«Сторонник Обратного Предвиденья, или искусство написания истории через хронологию гаданий, провидец и историк Астромаддукс остается известным миру волшебства главным образом за его фантастический расчеты последних дней Мэрина Амвросия, легендарного колдуна и основателя Ордена Мерлина. Расчеты Астромаддукса, которые записаны в полном объеме в его знаменитой Параллельной истории Магического Мира (см. главу 12), отображают его знакомство с Мерлином в конце карьеры последнего, на должности специального магического регента Королей Европы. Растущая коррупция магического мира разочаровала его, волшебный мир перенял это у знатных королей и вельмож, тогда-то Мерлин и объявил о своем намерении «уйти из земного мира». Кроме того, он утверждал, что вернется к людям, столетие или даже тысячелетие спустя, когда баланс между магическим миром и миром магглов практически нарушится. Эти предсказания были включены во многие заговоры и источники, так как многие считают, что возвращение Мерлина в мир, будет сопровождаться войной между двумя мирами, с целью волшебников подчинить магглов.»

Джеймс перестал читать. Его мозг работал с невероятной скоростью, он задумывался о последствиях того, что он только что прочитал. Он знал о Мерлине всю свою жизнь, во многом таким же образом, как маггловские дети знали о Святом Николае: не как об исторической личности, но как своего рода о мифическом персонаже. Джеймсу никогда не приходило в голову сомневаться в том, что Мерлин был реальным человеком, но он никогда не задавался вопросом, кто такой Мерлин, что он за человек.

Он вырос на глупых выражениях, типа «Клянись бородой Мерлина» или «Мерлиновы кальсоны», но это вообще ничего не говорило о характере колдуна.

Согласно Астромаддуксу, Мерлин был что-то вроде советника маггловских королей и вождей. Возможно ли, что во времена Мерлина, ведьмы и колдуны открыто жили в мире магглов, без законов о

секретности, ничего не скрывая?! И если это так, то что Мерлин имел в виду, когда говорил о том, что волшебники «заразились» от магглов? Более того, что за жуткое предсказание о том, что он вернется, когда «мир созреет для служения ему»? Это неудивительно, что темные маги в истории пытались сделать так, чтобы предсказание Мерлина сбылось, чтобы снова привести великого мага в этот мир.

Темные маги всегда стремились править миром магглов, и, видимо, было некоторое основание считать, что Мерлин, величайший и самый могущественный волшебник всех времен, поможет им добиться этого.

Внезапная мысль пришла в голову Джеймса, и его глаза расширились. Он впервые услышал имя Астромаддукса через профиль, созданный Слизеринном. Слизерин всегда считался факультетом с темными волшебниками, презирающих мир магглов. Что если упоминание об Астромаддуксе, не было случайным совпадением? Что если это было предостережение об опасности? Что если Слизеринец, который создал профиль специально сделал это так, с целью приближения даты предсказания о возвращении Мерлина, который будет руководить войной против мира магглов?

Джеймс медленно закрыл книгу и стиснул зубы. Так или иначе, его размышления по этому поводу казались верными. Это объясняет, почему ученик Слизерина использовал именно это имя, которое даже Деканом Факультета упомянулось в шутку. Ученик знал, что это не шутка, что скоро все узнают об этом.

Сердце Джеймса колотилось, он сидел и думал. Кому он мог бы об этом рассказать? Конечно, Зейну и Ральфу. Они наверное, уже думали об этом. Своему отцу? Джеймс решил, что он не может... Пока не сможет. Джеймс был уже достаточно большим, чтобы знать, что большинство взрослых не поверит истории ребенка, даже если он предоставит фотографии в доказательство своей правоты.

Джеймс не знал точно, что он мог сделать, чтобы остановить все это, но он знал, что ему делать дальше. Он должен был выяснить, кто из Слизерина это был, кто мог взять игровую приставку Ральфа. Он должен найти слизеринца, который использовал имя Астромаддукса.

С этим в памяти, Джеймс убежал из оранжереи, как только урок был окончен, полностью забыв, что сегодня вечером, ближе ночи, его папа, Гарри Поттер, прибывал на встречу с американцами.

Как только Джеймс оказался у входа в замок, он услышал отдаленный шум толпы. Он замедлил шаг, прислушиваясь. Крики и возгласы смешались в один общий хриплый гогот. Когда он завернул за угол, во двор, шум стал намного громче. Толпа студентов высыпала во двор, увеличиваясь с каждой секундой, все наблюдали также, как и Джеймс. Большинство просто глазело на происходящее вокруг, но в центре была особо активная группа, они скандировали лозунги, некоторые из них держали в руках большие плакаты.

Джеймс увидел надпись на одном из плакатов, когда сравнялся с толпой, и его сердце упало. Он прочитал: «Конец фашизму Мракоборцев в Министерстве!», на другом плакате было написано: «Расскажи правду, Гарри Поттер!»

Джеймс перебегал с места на место, стараясь казаться незаметным. В нескольких шагах от Главного входа Табита Корсика давала интервью женщине с яркими фиолетовыми очками и чрезмерно внимательным выражением лица.

С растущим беспокойством, Джеймс узнал в ней Риту Скитер, лидера журналистских расследований из газеты Ежедневный Пророк, и, естественно, она была одной из наименее любимых людей его отца.

Когда он проходил мимо, Табита искоса взглянула на него и пожала плечами, как бы говоря: мне очень жаль, но это трудные времена, и мы делаем все, что только можем...

В то время, как Джеймс собирался подняться по ступеням в Главный зал, там появилась директриса, целенаправленно встав на более освещенное место с мрачным выражением лица. Она направила палочку на горло и заговорила с верхней ступеньки, ее голос разносился эхом по всему двору, заглушая шум толпы.

— Я не собираюсь разбираться в том, что здесь происходит, все до глупости очевидно. — Строго сказала она, и Джеймс, который знал Минерву МакГонагалл большую часть своей жизни, понял, что никогда еще не видел ее в таком гневе. Ее лицо было мертвенно-бледным, даже не было намека на румянец на щеках. Ее голос раздавался эхом во всех закоулках замка, он буквально звенел у каждого в ушах... — Я не могу запрещать вам деятельность, какой вы занимаетесь, ваши кружки, группы, собрания, но в политику этой школы не входит то, что студенты могут оскорблять уважаемых гостей.

Эхо стихало, но еще звенело в ушах. Джеймс увидел, что Рита Скитер устала на директрису с выражением голодного волнения на лице, она только и ждала сенсации, ее самопишущее перо уже что-то быстро строчило в блокноте.

МакГонагалл вздохнула, собирая все свое самообладание:

— Как вы можете себе представить, есть специальные службы, и вы можете им выразить свое несогласие с чем-либо. Этот митинг не является ни целесообразным, ни необходимым. Я надеюсь, что вы все меня поняли и немедленно разойдетесь, зная, что у вас, наверняка, есть... — она посмотрела на Риту Скитер, — неотложные дела.

— Мадам Директриса? — послышался голос, и Джеймсу не нужно было поворачиваться, чтобы понять, что это была Табита Корсика. Весь двор затаил дыхание. Джеймс даже слышал, как скрипит перо Риты Скитер.

МакГонагалл остановилась, внимательно посмотрев на Табиту:

— Да, мисс Корсика?

— К сожалению я не могу с вами согласиться, мэм. — сказала Корсика приторно, ее сладкий голосок раздавался эхом по всему двору. — Я лично надеюсь на то, что мы сможем продолжить решение этих вопросов в более соответствующей обстановке. Может быть, для этого еще слишком рано, но мы предлагаем сделать на основе этой проблемы общешкольную дискуссию. Это позволит нам подойти к такому деликатному вопросу более тщательно, с должным уважением, я

уверена, вы согласитесь со мной.

МакГонагалл сильно сжала зубы, во время того, когда слушала Корсику. Пауза была такой долгой, и в конце концов Табита отвернулась. Она оглядела двор, ее контроль над собой значительно уменьшился. Самопишущееся перо парило над пергаментом, ожидая продолжения.

— Я ценю ваше предложение, мисс Корсика, — сказала МакГонаналл категорически, — но для этого нет ни места, ни времени, ни тем более группы для обсуждения. И теперь, — она окинула двор строгим взглядом, — Я считаю вопрос закрытым. Каждый, кто хочет продолжить это обсуждение, может сделать это в более комфортной обстановке у себя в комнате. На сегодня я бы посоветовала вам отправляться по своим делам, пока я не попросила Мистера Филча записать ваши имена.

Толпа начала расходиться. МакГонагалл увидела Джеймса, и выражение ее лица изменилось.

— Пойдемте, Поттер, — сказала она, подзывая его с нетерпением.

Джеймс поднялся по ступеням и последовал за ней в конец зала. МакГонагалл что-то сердито бормотала себе под нос, когда они свернули в боковой коридор. Она даже не оборачивалась на Джеймса, но он по-прежнему шел за ней.

— Глупые подстрекатели, пропагандисты, — негодовала она, идя впереди Джеймса. — Джеймс, мне очень жаль, что ты увидел это. Но мне еще больше жаль, что эти уродливые слухи нашли свое начало в стенах Хогвартса.

МакГонагалл повернулась и открыла дверь, не замедляя шага. Джеймс оказался в большой комнате, полной диванами и креслами, столиками и книжными полками, все было понаставлено случайно, в хаотичном порядке вокруг огромного мраморного камина. И там, стоял, чтобы поприветствовать его, и улыбался его папа. Джеймс с радостным криком пробежал мимо МакГонагалл.

— Джеймс, — Гарри Поттер обрадовался, заключив мальчика в сильные объятия и потрепал его волосы. — Мой мальчик. Я так рад тебя видеть, сынок. Как школа?

Джеймс пожал плечами, счастливо улыбаясь, но внезапно почувствовав себя смущенно. В комнате были еще несколько человек, их он не узнал, все они смотрели на него, когда он стоял с отцом.

— Вы все знаете моего сына Джеймса, — сказал Гарри, сжимая плечо Джеймса, — Джеймс, это лишь некоторые представители Министерства, которые приехали вместе со мной. Ты помнишь Тита Хардкасла, не так ли? А это мистер Рекрент и мисс Сакарина. Они оба работают в департаменте Международных отношений.

Джеймс послушно пожал руки. Он помнил Тита Хардкасла, один из командующих мракоборцами, он был приземистый и толстый, с квадратной головой и очень выдержанной манерой поведения. Господин Рекрент был высокий и худой, одетый в довольно странный костюм в тонкую полоску и в черные дерби (спец. ботинки) Его рукопожатие было быстрым и свободным. Мисс Сакарина, однако, не стала пожимать руки. Она присела около Джеймса на корточки и рассматривала его сверху вниз.

— В вас очень много родительских особенностей. — Сказала она, наклоня голову в дружелюбной манере. — Такие перспективы и большой потенциал. Я надеюсь, что вечером вы к нам присоединитесь.

В ответ, Джеймс посмотрел на своего папу. Гарри улыбнулся и положил обе руки на плечи Джеймса.

— У нас обед сегодня вечером с Альма Алеронс. Хочешь со мной? Судя по всему мы будем есть истинную американскую еду, которая может означать все, что угодно, от гамбургеров до...нуу, чизбургеров, насколько я могу догадываться.

— Конечно! — Джеймс сказал, улыбаясь. Гарри Поттер улыбнулся

и подмигнул.

— Ну во-первых, — сказал он, обращаясь к остальной части группы, — мы присоединимся к нашим друзьям из Альма Алерона, чтобы взглянуть на некоторые особенности их магии. Мы должны встретиться с ними через 10 минут и я попрошу присоединиться к нам. — сказал он, обращаясь к МакГонагалл.

— Боюсь, что не смогу присоединиться к вам. — сказала МакГонагалл оживленно. — У меня появились некоторые дела, касающиеся свободного времени студентов, проживающих в замке, мистер Поттер, прошу прощения.

— Я понял вас, Минерва. — сказал Гарри. Это прозвучало так странно для Джеймса, что его папа назвал директрису по имени, но казалось, что она и ждала этого. — Делайте то, что вам необходимо, но не беспокойтесь о каждом маленьком происшествии. Оно того не стоит.

— Не уверена, что согласна с вами по этому поводу, Гарри, но я и не говорю о том, чтобы в школе был идеальный порядок. Увидимся вечером. — С этими словами директриса резко повернулась и вышла из комнаты.

— Мы должны что-то сделать? — спросила мисс Сакарина. Группа пошла в сторону двери в противоположной стороне комнаты. Пока они шли, Гарри наклонился к сыну и прошептал:

— Я рад, что мы будем вместе на ужине сегодня вечером. Сакарина и Рекрент не самые приятные собеседники, но приедет Перси, я попросил его. Я боюсь, что весь разговор уйдет в политику.

Джеймс кивнул, он не понимал, что все это значит, но был рад оправдать доверие своего отца.

— А как вы прибыли сюда?

— Через каминную сеть. — Ответил Гарри. — Мы не хотели демонстративно появляться в замке, так как Минерва предупредила нас,

о митинге, который устроил ПЭ.

Джеймсу потребовалось время, чтобы понять, что его отец Говорил о Прогрессивном Элементе.

— Она знает об этих ребятах?

Его отец приложил палец к губам, слегка согнув палец и кивнув в сторону Сакарины и Рекрента, которые шли перед ними и говорили вполголоса, пока они шли.

— Позже-. Произнес Гарри одними губами.

Через несколько поворотов, Господин Рекрент открыл большую дверь и вышел на солнечный свет, остальные последовали за ним. Они спустились по широкой каменной лестнице, которая вела на лужайку перед Запретным лесом, с другой стороны была низкая каменная стена. Невилл Долгопупс и профессор Слизнорт стояли у стены и разговаривали. Они оба ждали, пока группа подойдет.

— Привет, Гарри, — сказал Невилл, улыбаясь и идя вперед, чтобы поприветствовать его. — Спасибо, что пригласил меня и Горация вместе с вами. Мне было очень любопытно с тех пор, как американцы оказались здесь.

— Гарри Поттер, кого я вижу! — сказал Слизнорт тепло, сердечно пожав Гарри руку. — Очень хорошо, что вы согласились приехать к нам. Вы знаете, я всегда интересовался новыми разработками в Международном Магическом сообществе.

Гарри привел группу к воротам за каменной стеной. Они открылись, и перед путниками возник аккуратная дорожка, вымощенная каменными плитами, которые вели в сторону озера.

— Не нужно благодарить меня, никому из вас. Я попросил прийти вас обоих, чтобы вы сами задали все необходимые вопросы и сами увидели то, что они хотят показать нам.

Слизнорт снисходительно посмеялся, но Невилл лишь улыбнулся.

Джеймс понял, что его папа сказал только часть правды, и Невилл знал это.

Группа подошла к большой брезентовой палатке, которая была расположена около воды. Американский флаг развевался перед входом, на флаге был нарисован герб Альма Алерон. Пара американских студентов стояла и разговаривала неподалеку. Один из студентов увидел группу и поприветствовал их легким кивком.

Он крикнул в сторону палатки:

— Профессор Франклин!

Через некоторое время из палатки появился Франклин, вытирая руки о большой платок.

— Ах! Приветствую своих посетителей, — сказал он любезно. — Спасибо, что пришли.

Гарри пожал протянутую руку Франклина. Было очевидно, что они уже встречались ранее и организовали эту встречу. Гарри повернулся и представил всех, заканчивая Джеймсом.

— Конечно, конечно, — Франклин сказал, сияя, увидев Джеймса. — Молодой мистер Поттер находится в моем классе. Как вы сегодня себя чувствуете, Джеймс?

— Хорошо, сэр, — ответил Джеймс, улыбаясь.

— Сегодня очень хороший день, — сказал Франклин серьезно, одобрительно кивая. — И теперь, отложим шутки в сторону. Гарри, ты хотел узнать, как мы перемещаемся ведь так?

— Именно так, — сказал Гарри. — Меня не было здесь, чтобы посмотреть на то, как вы прибыли, но я уже слышан о ваших интересных летательных аппаратах. Я очень хочу увидеть их, а также посмотреть на ваше хранилище. Я слышал о многих махинациях по этому поводу, хотя признаю, что знаю очень мало.

— Наш транспортный гараж, да. Практически никто из нас не знает много об этом, — с сомнением сказал Франклин. — На самом деле, если бы речь не шла о нашем техническом эксперте, Теодоре Джексоне, никто из нас не имеет ни малейшего представления о том, как они работают. Кстати говоря, он извиняется за то, что не смог присутствовать здесь. Он присоединится к нам вечером и будет рад обсудить это с вами, если, конечно же, у вас возникнут вопросы.

— Я уверен, что они возникнут. — Сказал своим низким скрипучим голосом Тит Хардкасл.

Джеймс последовал за своим отцом ко входу в палатку, заходя туда он чуть не споткнулся, когда оказался внутри. Палатка была довольно большой, со сложными деревянными перегородками и поддерживающими перекладинами. Все три летательных аппарата Альма Алерона были припаркованы внутри, оставляя достаточно места для других вещей, сундуков, запчастей. Несколько человек свободно расхаживали около автомобилей, проверяя их надежность. Самым странным в палатке было то, что выход, точнее сама завеса палатки практически исчезла. Там, где, Джеймс был уверен, видел холст, было что-то вроде окна, и он смотрел на территорию Хогвартса. Аккуратные стены из красного кирпича, вековые деревья можно было увидеть вместо отсутствующего выхода. Еще более странным было то, что освещение изменилось, это была не территория Хогвартса в яркий солнечный день, а нечто иное. Казалось, все было освещено бледно-розовым светом, огромные, пушистые облака отливали золотом. Деревья и трава как будто сверкали, покрывшись утренней росой. Один из рабочих кивнул Франклину, затем повернулся и подошел к странной сцене, вытирая руки о комбинезон.

— Добро пожаловать! Вот это еще один магический метод передвижения. — Франклин сказал, с гордостью указывая рукой в сторону машин. — Наш гараж, который одновременно является и помещением для машин, и нашим временным домом на территории Хогвартса, а не его постоянное место на востоке в нашем Альма Алероне, университете, который находится в Филадельфии в США.

— Это просто восхитительно, — сказал Слизнорт, медленно шагнув вперед. — Я читал о таких вещах, но никогда не думал, что доживу до хотя бы одного из них. Это получилось в естественных условиях или они подверглись специальным заклинаниям и разработкам?

— Вот почему я пригласил вас, профессор, — сказал Гарри, улыбаясь и изучая внутреннюю часть палатки.

— Мы приложили к этому усилия, — сказал Франклин, становясь между Додж Корнетом и Жуком, чтобы освободить место для вошедших. — Это одно из трех известных измерений пространства. Это означает то, что в палатке существует некое измерение, помогающее быть в двух местах одновременно. Таким образом мы видим Хогвартс в полдень, хотя сейчас практически вечер. — Он указал на вход в палатку — То, где мы находимся, это двусторонний пространственный пузырь. А с другой стороны — он указал на заднюю часть шатра, — это знаменитый университет Альма Алерон, Познакомьтесь с господином Питером Грэмом, нашим главным механиком.

Человек выпрямился, оторвавшись от открытого капота Стутс Стрекозы. Улыбнулся и помахал рукой:

— Рад познакомиться, леди и джентльмены.

— Взаимно, — сказал Невилл, так как был ближе всех.

— Господин Грэм и его люди находятся, так сказать, в американской половине пузыря, — Объяснил Франклин. — Увидев, как они хорошо работают над нашими машинами, мы полагаем, что было бы лучше, чтобы они всегда находились рядом, даже, когда мы путешествуем. Как вы можете догадаться, технически они приехали не с нами. Ну смотрите... — Франклин протянул руку к одному из рабочих, который сидел на корточках рядом с Хорнетом. Рука Франклина прошла сквозь человека, как если бы он был призраком. Рабочий будто и не заметил.

— Так, — сказал Гарри, слегка нахмурившись, — Они могут услышат нас и мы можем слышать их тоже, они видят нас и мы тоже видим их, но тем не менее они еще там, в Америке, а мы здесь, в Хогвартсе. Поэтому мы не можем прикоснуться к ним?

— Точно. — сказал Франклин.

Джеймс заговорил:

— Тогда, как же мы и ваши механики можем касаться автомобилей?

— Отличный вопрос, мой мальчик, — Слизнорт похлопал Джеймса по спине.

— Да, это так. — согласился Франклин. — Все это становится немного сложным, квантовым. Простой ответ заключается в том, что автомобили в отличии от нас, многомерны. Думаю, вы все слышали, что существуют еще измерения, не считая четырех уже знакомых нам?

Несколько кивков послужили ответом. Джеймс не слышал о такой теории, но он думал, что понял саму суть идеи.

Франклин продолжил:

— Теория говорит, что есть дополнительные измерения, которые не может обнаружить ни одно из наших чувств. Профессор Джексон наложил заклинание на эти автомобили, которое помогает им существовать одновременно в двух местах в любое время, находясь внутри стен этого гаража. Пока они стоят здесь, они находятся в пузыре и существуют в обоих местах одновременно.

— Замечательно, — сказал Слизнорт, проводя рукой вдоль крыла Хорнета. — Таким образом, ваша команда может чинить транспортные средства независимо от того, где они находятся, и вы можете перемещаться на них, узнав их состояние у рабочих.

— Совершенно верно, — согласился Франклин. — Это действительно очень удобно и всегда качественное обслуживание.

Невилл заинтересовали сами автомобили.

— Они сами по себе проявили эти свойства или это просто воздействие заклинаний?

Джеймс потерял интерес, когда Франклин стал подробно объяснять устройство машин. Подойдя к другой стороне палатки, он увидел вход в американскую школу. Солнце только что вышло из-за красной стены здания, отбрасывая розовый свет на башню с часами.

Там было чуть больше шести утра. Так совершенно странно и удивительно, подумал Джеймс.

Он протянул руку, было бы любопытно почувствовать прохладу утреннего воздуха совершенно в другом месте. Он чувствовал себя странно, приятное покалывание на кончиках пальцев. Но к сожалению, он так и не смог почувствовать воздух этого места.

— Жаль, что ты не сможешь туда пройти, друг, — чей-то голос прозвучал рядом. Джеймс поднял голову. Главный механик стоял, прислонившись к крылу жука и улыбался, — Это почти время завтрака и сегодня у них грибной омлет.

Джеймс усмехнулся:

— Звучит неплохо, а у нас в Хогвартсе уже время обеда..

— профессор Франклин, — Джеймс услышал голос мистера Рекрента, он говорил довольно громко. — Эти...ээ...изобретения соответствуют правилам о запрете Международной Магической Коалиции о недоказанных объектах и наложенных на них темной магии? Будучи практически единственными в своем роде, казалось бы трудно установить безопасны они или нет.

Да, вы совершенно правы, — Согласился Франклин, пристально смотря на мистера Рекрента. — Нам очень повезло, что не возникло проблем с Коалицией и, можно сказать, мы остались незамеченными. В

любом случае было бы трудно доказать угрозу опасности. Даже, если бы каким-то образом заклинания профессора Джексона перестали действовать, то в худшем случае мы взяли бы такси и поехали домой.

— Простите, — Оживилась мисс Сакарина, изобразив довольно натянутую улыбку, — О чем вы?

— Мне очень жаль, мисс, — сказал Франклин — Такси, это маггловские автомобили, которые заказывают по телефону или просто ловят на улице. Но я, конечно же, пошутил.

Сакарина улыбнулась еще сильнее:

— Ах, да, конечно. Я забыла о маггловских увлечениях американского мастера. Даже не могу себе представить, как это выскользнуло у меня из головы.

Франклин, казалось, не обращал внимания на ее сарказм:

— Не буду говорить за моих соотечественников, но признаю, что действительно люблю мастерить. Часть моей любви к гаражу заключается в том, что я могу контролировать состояние моих машин. Я никогда не устаю, выясняя, как все это работает и пытаюсь заставить работать их намного лучше.

— Угу — Сакарина чопорно кивнула, оглядываясь на автомобили.

Один из механиков коснулся провода под капотом Стутз Стрекозы и оттуда вылетел фонтан голубых искр. Быстрым рывком скрипучие крылья машины развернулись, несколько раз помахали ими в воздухе, прежде чем снова сложиться. Невилл отпрыгнул назад, прежде чем крылья заденут его.

— Хорошая реакция, Невилл, — сказал Гарри — Хотя, это было бы первым случаем, когда стрекоза прихлопнула человека.

Невилл посмотрел на Гарри и увидел, что тот улыбается.

Хардкасл откашлялся:

— Мы должны идти дальше, дамы и господа.

— Конечно, — согласился Гарри. — Господин Франклин.

Франклин поднял руку:

— Я настаиваю на том, чтобы вы называли меня Беном. Я трехсотлетний человек и слова «господин» только и делает, что напоминает мне об этом. Будете ли вы работать со мной дальше?

Гарри усмелся:

— Конечно, Бен. Я с нетерпением буду ждать встречи с вами на ужине сегодня вечером. Большое спасибо, что показали нам ваш замечательный гараж.

— Это честь для меня. — сказал Франклин с гордостью. — У меня есть интересные наброски, касающиеся автоматической типографии, я бы хотел показать их вам, когда вы приедете к нам в гости в США. Я бы показал вам колокол со времен создания нашей страны, но он взорвался и мне не разрешают его починить.

— Не слушайте его, — крикнул Грэм, старший механик им вслед. — Или придется вам поверить в то, что он подделал медь для Статуи Свободы!

Все остальные засмеялись.

Франклин скорчил гримасу, а затем помахал Гарри и остальным:

— Сегодня, друзья мои. Захватите свой аппетит. И нескончаемый шарм. Как я полагаю, мадам Делакура будет готовить гамбо.

Глава 6. Ночная встреча Гарри

После занятий Джеймс поспешил обратно в гостиную Гриффиндора, быстро стянув с себя школьную мантию, когда вбежал по ступенькам в спальню. Он переоделся в парадный костюм, быстро пригладил волосы водой, нахмурился, критически разглядывая себя в зеркало, а затем побежал обратно вниз, перепрыгивая через две ступеньки, чтобы встретиться со своим отцом.

Гарри ждал его вместе с Невиллом у портрета Сэра Кэдогана.

— Хорошая была драка! — сказал Кэдоган, беспечно прислонившись к одной из сторон рамы и демонстративно размахивая мечом. Он говорил это Невиллу, который чувствовал себя несколько неловко. — Я все это видел. Битва состоялась прямо здесь. Боллокс Хамфрис было его имя, и он сражался как одержимый. Конечно, забыв о благородстве, но как и тысяча королей. Кстати, его внутренности вывалились там, где вы стоите. Эх... хороший был человек. Галантный!

— Эй, Джеймс, мы здесь! — громко позвал Невилл. Гарри и Сэр

Кэдоган посмотрели в его сторону. Гарри улыбнулся, глядя на сына.

— Твоя мама будет рада узнать, что ты надевал этот костюм.

— Честно говоря, это в первый раз, я только что достал его из чемодана. — Признался Джеймс, смущенно улыбаясь.

Гарри кивнул:

— И она окажется снова в чемодане после сегодняшнего вечера, не так ли?

— Гарантирую.

— Вот и умница, — признал Гарри, и они с Джеймсом направились к лестнице.

— Подождите! — закричал Кэдоган, пряча меч и пытаясь хоть как-то приблизиться к ним. — Говорил ли я вам о битве Красных магов? Бойни кровавей эти стены еще не видели! Это случилось как раз у подножия этой лестницы! Обязательно расскажу в следующий раз! Удачи вам!

— Кто это? — спросил Джеймс, оглядываясь через плечо.

— Ты не знаешь его? — спросил Невилл. — Наслаждайся своим невежеством, пока еще можно.

Пока они шли, Джеймс слушал, как его отец рассказывал Невиллу о текущих событиях в Министерстве. Там были арестованы несколько лиц, участвующих в операции поддельных портключей. Большое количество троллей были найдены в предгорьях, и министерство усилило патрули, чтобы держать глупых созданий подальше от маггловских территорий. Новый министр, Локатиус Кнапп, готовился выступить с речью для расширения торговли с азиатскими волшебными общинами, в том числе снятие запрета на коврах-самолетах и на то, что называется «оттенками».

— Другими словами, — сказал Гарри, вздохнув, — Все более или менее нормально, как и должно быть. Маленькие прорывы и небольшие заговоры и склоки. Политика и документы.

— Ты так говоришь... — сказал Невилл, криво улыбаясь, — как будто этот мир — довольно скучная вещь для мракоборца.

Гарри усмехнулся:

— Я думаю, ты прав. Я должен быть благодарен своей работе, но не более. По крайней мере я добился того, что провел большинство ночей с Джинни, Лили и Альбусом. — Он посмотрел на Джеймса. — И должность международного посла предоставила мне возможность увидеть своего мальчика во время его первой недели в Хогвартсе.

— Я понимаю, да и вообще он был в кабинете МакГонагалл только один раз-Сказал Невилл мягко.

— Да? — Сказал Гарри, по-прежнему глядя на Джеймса. — И из-за чего?

Невилл поднял брови на Джеймса, как бы говоря «тебе слово».

— Я...ээ... Разбил окно.

Улыбка Гарри была едва заметной:

— Я с нетерпением жду историю о том, как это произошло, — сказал он задумчиво.

Джеймс почувствовал взгляд своего отца, казалось он был и довольным, и сердитым одновременно.

Они подошли к огромному входу, двери были уже открыты. Вкусные ароматы всевозможных блюд доносились отовсюду.

— Вот и мы, — сказал Невилл, пропуская Гарри и Джеймса вперед. — Американцы живут здесь. Мы дали им большую часть юго-западной башни. Здесь для них временно оборудована зона отдыха,

кухня, небольшая библиотека и работает обслуживающий персонал.

— Звучит красиво, — сказал Гарри, рассматривая пространство.

Комната отдыха была, по сути, довольно маленькой, с круглыми стенами, высокими, грубыми потолочными балками, с небольшим каменным камином, и только с двумя очень высокими узкими окнами.

Американцы, однако, были очень заняты. На полу были ковры из медвежьей шкуры, ярко цветные гобелены висели на стенах, и были расположены над каменной лестницей, которая вилась спиралью в центре комнаты. Трехэтажный книжный шкаф был забит огромным количеством книг, которые можно было достать лишь с помощью шаткой деревянной лестницы. Самой удивительной деталью однако, было умопомрачительно сложные устройства из латуни, различные механизмы, и зеркальные линзы, которые свисали с потолка и двигались очень медленно, заполняя верхнюю часть комнаты. Джеймс смотрел на это, и был одновременно рад и поражен. Механизмы вдруг издали слабый щелчок и прокрутились дальше.

— Вы обнаружили мое летнее изобретение, мой мальчик. — Сказал Бен Франклин, выходя из большого арочного проема под винтовой лестницей. — Это одно из изобретений, которое абсолютно необходимо мне всякий раз, когда я путешествую в течение длительного времени, несмотря на то, что он довольно большой, чтобы каждый раз собирать и разбирать его.

— Это замечательно, — сказал Невилл, также смерив взглядом медленно углубляющую сеть зеркал и колес. — Что оно делает?

— Позвольте мне продемонстрировать, — Франклин сказал с нетерпением. — Она лучше всего работает при дневном свете, конечно, но даже звезды и луна яркая ночь может обеспечить неплохой свет. Вечер, такой как этот должен оказаться самым хорошим. Позвольте мне посмотреть ...

Он подошел к потрепанному кожаному креслу с высокой спинкой, осторожно сел, а затем обратился к табло на стене:

— Третье сентября, да... Луна находится в четвертом доме, как я думаю... И это позволит мне увидеть ее около 7:15. Юпитер приближается к заключительному этапу... ммм...

Пока Франклин бормотал, он достал свою палочку и начал указывать ею на части Устройства. Механизмы начали вращаться, поскольку части Устройства возвращались к жизни. Части устройства развернулись, так как другие части переместились, создавая место. Зеркала начали скользить, оказываясь сзади групп линз, которые увеличили их. Механизмы щелкали и пульсировали. Все устройство, казалось, медленно танцевало в своих пределах, поскольку Франклин направил его своей палочкой, очевидно делая вычисления в своей голове, когда он двигался. И поскольку это переместилось, что-то начало формироваться в его границах. Призрачные лучи привлекательного света начали появляться между зеркалами, тонкий карандашом, превращая пятнышки пыли в крошечные пятнышки огня. Были десятки лучей, вспышки, вращения и в конечном счете формирования сложного геометрического узора. И затем, в центре узора, формы встали на место. Джеймс повернулся на месте, смотря увлечено, поскольку крошечные планеты соединились, сформированные из цветного света. Они вращались и двигались по кругу, оставляя слабые дуги позади них. Две больших формы, сжатые в самом центре и Джеймс, узнал в них солнце и луну. Солнце было шаром розового цвета, его ореол, распространялся на несколько футов вокруг. Луна, меньше по размеру, но более твердая, походила на серебряный квоффл, одинаково разделенный между его светлой и темной сторонами, медленно крутился. Все созвездие переплеталось и величественно вращалось, резко освещая медное Устройство и проливая восхитительные образы света по всей комнате.

— Ничто так не радует, как естественный свет, — сказал Франклин. — Собранный здесь, через окна и сконденсированный в тщательно продуманную сеть зеркал и линз, как вы и можете видеть. Свет фильтруется при помощи специально наложенных мною заклинаний, чтобы он был более ясным. Конечный результат перед вами. Отлично подходит для чтения и для сохранения здоровья в целом.

— Это и есть тайна вашего долголетия? — Сросил Гарри, затаив дыхание.

— Это лишь небольшая часть, — Отмахнулся Франклин. — В основном, я просто использую его, чтобы читать ночью. Ведь его использовать намного интереснее, чем свет факелов. — Он поймал взгляд Джеймса и подмигнул.

Профессор Джексон вошел в комнату. Джеймс увидел его отражение в одном из зеркал Франклина, у Джексона на лице выразилось презрение.

— Ужин уже подают, как мне сказали. Может все-таки пройдем в столовую, или мне самому принести его сюда?

Вместе с Гарри, Джеймсом, Невиллом, и представителями министерства, присутствовала большая часть преподавательского состава Хогвартса, в том числе и профессор Карри. Джеймс был в ужасе, когда Карри сказала Гарри все о навыках Джеймса на футбольном поле, уверяя, что она будет работать, над их развитием.

Вопреки подозрениям своего отца, еда была удивительно разнообразной и приятной. Гамбо мадам Делакруа было первым блюдом... Она легко отнесла его к столу, не проронив ни капли, несмотря на свою слепоту. Дальше было интереснее, она направляла половник палочкой, и он аккуратно разлил содержимое по тарелкам.

Блюдо было действительно очень острым, густым, с кусочками креветок и колбасы, но Джеймсу оно понравилось. Затем появились булочки и несколько видов джемов, один из них был липким, коричневого цвета, и Джексон сказал, что это яблочное повидло. Джеймс аккуратно намазал его на краешек хлеба, попробовал, а затем, намазал еще целую ложку.

Основным блюдом было каре ягненка с мятой и желе.

Джеймс не считал это типичной американской едой и тут же высказался.

— Нет такого понятия, как американская еда, Джеймс, — сказал Джексон. — Наша кухня, как и наши люди, просто совокупность различных культур мира, которые пришли к нам.

— Это не совсем верно, — вставил Франклин. — Я уверен, что бесспорно нашими можно считать пряные крылышки Буффало.

— Мы их попробуем сегодня вечером? — с надеждой спросил Джеймс.

— Приношу свои извинения, — сказал Франклин, — Довольно трудно собрать ингредиенты для таких вещей, ели у вас нет способностей мадам Делакура в магии вуду.

— Это действительно так? — поинтересовался Невилл, справляясь с большой порцией желе, — Что же это за магия, которой вы владеете, Мадам?

Мадам Делакура взяла себя в руки и с пренебрежением посмотрела в сторону Франклина, хотя она и была слепа:

— Старик просто не знает, что говорит. Я лишь знаю об источниках, с которыми он не так хорошо знаком, собирая свои изобретения.

В первый раз за все время улыбка Франклина казалась ледяной.

— Мадам Делакура просто скромничает. Она, вы уже знаете, является одним из ведущих экспертов нашей страны по Созданию Удаленных Фантомов. Вы ведь знаете, что это такое, Джеймс?

Джеймс не имел ни малейшего представления, и все же молочно-белые глаза мадам Делакура говорили сами за себя. Франклин участливо смотрел на него, ожидая ответа. Наконец, Джеймс покачал головой. Франклин хотел объяснить, но тут заговорил Гарри.

— Это просто означает, что у Мадам есть, скажем, различные

средства для того, чтобы передвигаться.

— Различное средство, — повторил Франклин и захихикал.

Джеймс чувствовал себя неловко, слыша то хихиканье. Было что-то противное в нем. Он заметил, что Франклин пил вероятно уже третий стакан вина.

— Подумайте об этом, Джеймс. Создание Удаленных Фантомов, фантомов на расстоянии, если вам угодно. Знаете, что значит вынести свое тело из границ? Это означает, что бедная старая слепая мадам Делакура может спроектировать себя, отослать свою версию в большой мир, собрать все необходимое, и даже вернуться вместе с этим. И как правило она создает красивую версию себя, не бедную или старую, или даже слепую. Я прав, Мадам?

Делакура смотрела на место прямо за плечом Франклина, выражение ее лица скрывало сильный гнев. Потом она улыбнулась и, Джеймс увидел, что улыбка преобразила ее лицо, так же, как и в день прибытия.

— О, мой дорогой профессор Франклин, вы рассказываете такие сказки, сказала она с более сильным акцентом, чем обычно. — Мои способности никогда не были настолько великими, как вы их описываете, и они гораздо слабее теперь, когда вы видите перед собой старуху. Если бы я действительно могла сделать такое, то я бы никогда не появлялась в том виде, в котором сейчас перед вами.

С ее словами напряженность в комнате исчезла и раздался смех. Франклин улыбнулся немного жестко, но позволил себе забыть об инциденте.

После десерта, Гарри, Джеймс, и остальные снова удалились в комнату отдыха, Франклин включил свое светосберегающее устройство и оно воспроизвело сжатую и мерцающую версию Млечного Пути. Появление серебристого света привело Джеймса в восторг и ему показалось, что он даже может чувствовать его.

Джексон уже был в крошечных очках и предложил взрослым коктейли после ужина. Невилл едва коснулся его. Мисс Сакарина и

мистер Рекрент сделали несколько крошечных глотков и стояли с напряженными улыбками. Гарри, поднес бокал к свету, напиток оказался янтарного цвета, он выпил свой коктейль одним глотком. Гарри прищурился и покачал головой, а затем вопросительно посмотрел на Джексона, не в состоянии говорить.

Просто немного самого прекрасного Теннесси, с небольшой порцией Афтербернера, — объяснил Джексон.

Наконец, Гарри поблагодарил американцев и пожелал им спокойной ночи. И в то время, как они шли по затемненным коридорам, он держал руку на плече Джеймса.

— Хочешь остаться со мной в гостевом крыле, Джеймс? — спросил он. — Я не могу гарантировать, что смогу увидеть тебя завтра. Я буду занят весь день, встреча с американцами., чтобы наши друзья из Департамента Международных отношений уладили этот «международный инцидент», а затем, я снова уезжаю домой.

— Конечно хочу! — Согласился Джеймс мгновенно. — Где находится это крыло?

Гарри улыбнулся:

— Посмотри сюда, — сказал он тихо, останавливаясь в середине зала.

Он развернулся и стал прохаживаться взад и вперед, задумчиво глядя вверх на потолок:

— Мне нужно...прохладное помещение с несколькими кроватями, для меня и моего сына.

Джеймс насмешливо посмотрел на своего папу.

Несколько секунд прошло с тех пор, как Гарри начал ходить. Казалось, он чего-то ждал. Джеймсу хотелось спросить его, что все это значит, но тут он услышал внезапный шум. Мелкая рябь прошла по стене за его спиной. Джеймс обернулся как раз вовремя, чтобы увидеть как камни передвигались, образуя огромную дверь, которой не было

здесь мгновением раньше. Гарри посмотрел на сына, понимающе улыбнулся, а затем подошел и открыл дверь.

Внутри была огромная комната, с несколькими задрапированными двухъярусными кроватями, цвета Гриффиндора, плакаты на стенах, шкаф с одеждой для Гарри и Джеймса, просторная ванная. Джеймс стоял в дверях, открывая и закрывая рот, потеряв дар речи.

— Это Выручай-комната, — Объяснил Гарри, шлепаясь на низкое мягкое кресло, — Не могу поверить, что никогда не говорил тебе о ней.

Джеймс готовился ко сну, но его папа просто умылся и переоделся в свитер и джинсы.

— Мне нужно выйти на некоторое время, — сказал он Джеймсу. — После сегодняшнего ужина профессор Франклин попросил меня встретится с ним. Он хотел обсудить несколько вещей перед завтрашними официальными переговорами. — В любом случае Джеймс всегда знал, что его отец предпочтет неофициальный разговор официальной встрече. — Я не буду долго, и просто буду этажом ниже, в той части замка, где поселили американцев.

Джеймс радостно кивнул. Он все еще не решился сказать отцу о его полном провале на квиддиче, и он был счастлив откладывать эту новость как можно дольше.

Когда Гарри ушел, Джеймс лежал на втором этаже двухъярусной кровати, думая об ужине с американцами. Он вспомнила внезапную злость Франклина, которая удивила его. Это была почти такая же большая перемена характера, какая случилась с королевой вуду, мадам Делакруа, когда она улыбнулась. Джеймс думал о мадам Делакруа, о том, как ей удалось принести свое блюда, не пролив ни капли, о том, как она направляла половник своей жуткой черной палочкой.

Джеймс понял, что он был слишком переполнен впечатлениями, чтобы уснуть. Он выполз из кровати и стал беспокойно ходить по

комнате. Нижняя часть шкафа его отца оказалась открытой. Джеймс мельком это заметил, но потом подошел и посмотрел внимательнее. Он знал, что это было, когда он увидел ее, но был удивлен, что папа привез ее с собой. Для чего он взял ее? Подумал Джеймс. Наконец, он взял ее, взял мантию-невидимку своего отца, разворачивая ее во всю длину.

Сколько раз молодой Гарри Поттер исследовал территорию замка, безопасно спрятавшись под этим плащом? Джеймс слышал много рассказов от отца, дяди Рона и тети Гермионы, чтобы понять, что это была возможность, которую нельзя упустить.

Джеймс на мгновение задумался, а потом улыбнулся озорной улыбкой. Он накрыл себя мантией, так, как она делал это раньше, когда Гарри позволял ему играть с ней. Джеймс исчез.

Мгновение спустя, дверь в Выручай-комнате, казалось, открылась сама по себе, медленно покачиваясь на огромных петлях. Тихо вздохнув, он закрыл ее.

На цыпочках Джеймс отправился в направлении комнат Альма Алерона.

Джеймс прошел лишь половину коридора, когда увидел мерцание. Миссис Норрис, ужасная кошка Филча, бежала по коридору в двадцати футах от мальчика. Джеймс остановился, у него перехватило дыхание.

— Разве ты уже не должна быть мертва, образец старого, дырявого ковра? — Прошептал он, проклиная свою удачу. Затем, стало только хуже, неподалеку послышался голос Филча.

— Вот и все, дорогая, — сказал он нараспев. — Небольшая прогулка никогда не помешает. Нужно преподать им урок, чтобы они потом дрожали от страха.

Тень Филча приближалась.

Джеймс знал, что он был невидим, но он не мог избавиться от ощущения, что лучше переждать, сидя у стены. Он скользнул в узкое пространство между дверью и рыцарскими доспехами, стараясь дышать

как можно тише. Он выглянул из-за доспехов.

Филч вышел из-за угла, сильно покачиваясь.

— Где наш тайник, золотце? — Спросил он у миссис Норрис. Он сунул руку в плащ и вынул оттуда серебряную фляжку. Он сделал глоток, вытер рот рукавом, а затем снова убрал. — Они где-то рядом, моя дорогая. Ищи их.

Две мышки бегали вдоль стены, когда оказались у ног Филча. Миссис Норрис набросилась на них, но мыши сумели убежать и бросились в ту сторону, где прятался Джеймс.

Миссис Норрис, рыча, побежала за ними. К огромному сожалению Джеймса, мыши бегали вокруг доспехов и задевали края мантии. Их лапки касались босых ног Джеймса, затем они остановились и принюхались, будто кого-то почувствовав. Джеймс попытался оттолкнуть их пальцами ног, но они отказывались убежать.

Миссис Норрис кралась по коридору, пристально всматриваясь в темноту, ее усы подергивались. Она принюхалась около доспехов, ее лапа резко царапнула воздух в дюйме от мантии-невидимки. Она посмотрела вокруг, сверкнув глазами, чувствуя, что мыши были рядом, но она не могла увидеть их.

— Только не говори, что эти глупые животные смогли превзойти тебя, дорогая. — Сказал Филч, проходя дальше по коридору.

Джеймс наблюдал за миссис Норрис. Она впервые столкнулась с мантией-невидимкой много лет назад... Джеймс знал эти истории, рассказанные ему тетей Гермионой и дядей Роном... Может быть, кошка учуяла ее запах. А может быть чувствовала Джеймса, его тепло или стук сердца. Она подняла глаза, прищурилась, как будто знала, что он там, и очень старалась увидеть его.

— Не волнуйся, милая миссис Норрис, — Филч подошел ближе. Он был настолько близко, что, если бы он случайно протянул руку, то коснулся бы Джеймса. — Если им удалось сбежать, то они уже

рассказывают своим друзьям — грызунам о вас. Ты победила в любом случае, милая.

Миссис Норрис медленно приближалась. Мыши у ног Джеймса нервничали. Они пытались спрятаться друг за другом, бегали вокруг ног Джеймса. Миссис Норрис подняла лапу. К ужасу Джеймса, она задела и мантию-невидимку. Кошка зашипела.

Мыши, услышав шипение, запаниковали. Они выскочили из-под мантии, бросаясь прямо между ног миссис Норрис. Она вскочила и помчалась за ними далеко по коридору. Филч хрипло рассмеялся.

— Они испарились, моя хорошая! Я никогда не мог этого ожидать. Вот они, лови!

Но миссис Норрис повернулась в сторону Джеймса, ее зловещие оранжевые глаза сузились. Она снова подняла лапу.

— Беги, миссис Норрис, беги! — практически кричал Филч, он выглядел уже раздраженным. Он оттолкнул ее ногой от Джеймса в ту сторону, куда побежали мыши. Нога Филча задела край мантии, потянув ее и открывая ноги Джеймса. Он почувствовал холод.

Миссис Норрис оглянулась и снова зашипела на Джеймса. Филч, однако, был слишком пьян, чтобы прислушиваться.

— Они побежали туда, слепая старая кошелка. Я бы никогда не подумал, что пара немых животных может вас перехитрить. Пойдем, пойдем. Скорее всего они рядом с кухней.

Он побрел дальше в темноту коридора и в конце концов миссис Норрис последовала за ним, бросив взгляд раздражения в сторону Джеймса.

Когда они завернули за угол, он выдохнул дрожащим голосом, взял себя в руки, и пошел дальше по коридору, чувствуя, что ему очень повезло.

Когда он дошел до двери американцев, она был закрыт на засов. В темноте, Джеймс мог слышать голоса своего папы и Франклина, но они были приглушенными и непонятными. Он собирался уже уходить, думая, что он, быть может, снова встретит призрак Седрика, или даже маггловского злоумышленника, когда голоса за дверью становились все громче. Засов отодвинулся и Джеймс отскочил, забыв на мгновение, что он прятался под мантией. Он прижался к стене на противоположной стороне коридора в то же мгновение, как скрипнула дверь.

Франклин появился первым, они тихо разговаривали. Гарри следовал за ним, закрывая дверь множеством заклинаний, известным любому хорошему мракоборцу.

— Практиковаться в заклинаниях всегда нужно, не задумываясь. — Гарри всегда говорил это своему сыну.

— Мне кажется, что более безопасно передвигаться во время разговора, — объяснил Франклин. — Даже в наших собственных комнатах могут оказаться те, кто подслушивает, чьи философские взгляды отличаются от моих собственных. По крайней мере, таким образом нежелательные люди не смогут слышать весь наш разговор полностью.

— Забавно, — сказал Гарри, — Я провел очень много времени в этих залах и коридорах, когда был студентом, что даже будучи взрослым трудно избежать инстинкта прятаться и красться, опасаясь, что могу попасться.

Они шли медленно, без какого-то направления. Джеймс следовал за ними на безопасном расстоянии, стараясь не дышать слишком громко и случайно не задеть какую-нибудь статую или рыцарские доспехи, которые стояли вдоль каменных стен.

— Ситуация не изменилась, и ты это знаешь, — сказал Франклин, — Однако теперь, у нас есть вещи и похуже этого.

— Я не знаю, — сказал Гарри, и Джеймс услышал улыбку в его голосе. — У меня было несколько довольно серьезных задержаний.

— Ммм... — пробормотал Франклин, — История обеих наших школ очень насыщена и у вас, как и у нас были безобразия. Ваша Амбридж и наш профессор Магнуссен. Ван Волан-де-Морт и наш... Ну, честно говоря, у нас нет никого, чтобы сравнить с ним. В самом деле, он был страшной угрозой для всех нас в свое время. Наша обязанность состоит в том, чтобы такого больше не повторилось.

— Могу ли я предположить, что наша встреча, это возможность выявить эти угрозы? — Спросил Гарри серьезно.

Франклин вздохнул.

— У человека никогда не бывает слишком много друзей и слишком много источников, мистер Поттер. Я не мракоборец, и у меня нет никакого официального органа власти или полицейской юрисдикции даже в мое стране. Я просто старый учитель. Старые учителя, однако, часто недооцениваются, как вы, думаю, знаете. И они замечают довольно много.

— У вас есть что-то похожее на Прогрессивный Элемент в Альма Алероне?

— К сожалению, нет. Для большинства наших студентов и персонала ужасы, которые творил Волан-де-Морт и его Пожиратели смерти, лишь догадки. Просто невероятно, как мало времени должно пройти, прежде чем люди почувствуют безопасность.

— Прогрессивный элемент знает, что им нужно быть более осторожными, — сказал Гарри, понизив голос. — Достаточно людей еще живы, кто помнит Волан-де-Морта и его злодеяния. Многие потеряли родных, близких и друзей, благодаря Пожирателям Смерти. Тем не менее, соблазн бросить вызов, проявить себя, силен в молодости. Это естественно, но быстро проходит. Истории не утаишь, как говорят они.

— История-это глупость. — сказал Франклин с отвращением. — Я должен сказать вам, что жил довольно долго и иногда образовывается

целая пропасть между истиной и тем, как ее исказили.

— Я надеюсь, что это исключение из правил, — заявил Гарри.

Франклин вздохнул, когда они повернули за угол.

— Я полагаю, дело в том, что, если дать Прогрессивному элементу все необходимое, то они взорвут магический мир! История Волан-де-Морта и его приход к власти, как мы знаем, не соответствует их целям. Таким образом, они будут прикрываться им, сея сомнения среди учеников.

— Думаю, вы правы, — сказал Гарри, понизив голос. — У вас есть хорошая идея по поводу того, что они замышляют?

— Конечно, знаю, как и вы, мистер Поттер. Эта цель не меняется уже около тысячи лет.

— О чем вы?

— Гарри Поттер, — Франклин остановился в темноте коридора, смотря на Гарри. — Даже сейчас, значительное меньшинство в нашей стране считают, что Лорд Том Реддл, так как они сейчас его называют, был несправедливо убит вами, хотя все не так. Они предпочитают верить, что Волан-де-Морт был героем, свежим мыслителем, чьи убеждения были слишком резкими на тот момент. Они думают, что он был уничтожен из-за того, что хотел сделать мир лучше, а не хуже, но к нему никто не прислушался.

Джеймс остановился в нескольких футах от них, скрытый под мантией, мог видеть, как отец его напрягся, когда говорил Франклин. Но когда Гарри ответил, его голос остался спокойным и размеренным.

— Вы ведь считаете это ложью, всего лишь искаженной историей, я полагаю.

— Конечно я так считаю, — сказал Франклин, пренебрежительно махнув рукой. — Но дело не в том, что ложь является привлекательной

для человека. Те, кто распространяет эти истории знают, как управлять эмоциями населения. Они считают, что истина в подчинении их воле. Вот их главная цель на данный момент.

Гарри оставался неподвижным.

— И их целью, как вы думаете, является порабощение маггловского мира?

Франклин жестко посмеялся и Джеймс подумал, что это был такой же противный смешок, как и вечером за ужином.

— Я не могу утверждать этого. Они довольно хитры. Они утверждают, что все не так, что все наоборот. Их лозунгом является абсолютное равенство между магическим и маггловским мирами. Полное раскрытие, отмена всех законов о секретности. Они говорят о несправедливом отношении к магглам, будто магический мир как-то оскорбляет их, ущемляет права.

Гарри мрачно кивнул.

— Как мы видим. Конечно, это палка о двух концах. Предубеждение и равенство в одном и том же лозунге.

— Конечно, — Франклин пошел дальше по коридору. — В Америке нам приходилось видеть возрождение истории о поимке маггловских ученых, ведьм и колдунов, их пытки, истязания в попытке, чтобы они раскрыли нам секрет их магии.

— Возвращение к старым Салемским ведьмам? — спросил Гарри.

Франклин рассмеялся, и на этот раз не было ни намека на злость в смехе.

— Вряд ли, этот были старые добрые времена. Конечно, ведьмы были преданы суду, и множество из них были сожжены, но как вы знаете настоящей ведьме с палочкой маггловский костер не страшен. Она стояла в огне, кричала некоторое время, только для того, чтобы развлечь магглов, затем трансгрессировала прямо из костра в собственный камин. Это было только начало разработки каминной сети.

Нет, в наши дни, рассказы про ведьм и колдунов, про пытки над ними — это чистые домыслы. Это не имеет значения. У Прогрессивного элемента система страхов и предрассудков работает бок о бок с миссией, назовем ее, «равенство». Полное раскрытие волшебного мира, утверждают они, принесет в только свободу всем. Продолжая скрываться от магглов, может привести лишь к увеличению нападений на них.

Гарри остановился у окна.

— И как они смогут осуществить свою цель, когда магглы узнают о волшебном мире?

— Есть ведь только один выход, верно? — ответил Франклин.

Лицо Гарри выглядело задумчивым.

— Магглы и волшебники будут соревноваться между собой за место под солнцем, как это было раньше. Темные маги хотят этого. Сначала все будет выглядеть, как небольшие волнения среди народа. Законы будут говорить о равенстве между двумя мирами, но послужат лишь причиной для новых раздоров. Волшебники бы просили себе места в администрации городов. И если бы им удалось, то они бы стали оказывать давление на население, получили бы больше власти. Они начнут использовать маггловских правителей, давая им обещания где только возможно, но, если те не согласятся, заклятье Империиус заставит их согласиться. В конце концов, будет война. — Голос Гарри был мягким. Он повернулся к Франклину, который смотрел на него, его лицо было спокойным, но в глазах стоял ужас. — И это то, что они хотят? Войну в мире магглов.

— Это то, что они всегда хотели, — согласился Франклин, — Война никогда не прекращается, у нее есть лишь отдельные главы.

— И кто же участвует? — спросил Гарри просто.

Франклин тяжело вздохнул, и потер глаза.

— Это не так просто. Практически невозможно сказать, у

зачинщиков всегда есть последователи. Есть только люди, к которым следует присмотреться внимательнее, и только.

— Мадам Делакруа.

Франклин взглянул вверх, изучая лицо Гарри.

— И профессор Джексон.

Джеймс ахнул, а потом быстро прижал руку ко рту.

Его папа и профессор Франклин стояли неподвижно. Джеймс был уверен, что они его слышали.

Затем Гарри заговорил снова.

— Кто-то еще?

Франклин медленно кивнул.

— Конечно. Но тогда придется наблюдать практически за всеми. Это как нашествие тараканов в станах дома. Вы можете замазать трещины или же сжечь дом. Можно выбрать.

Джеймс осторожно попятился, а затем, когда он почувствовал себя в безопасности, он повернулся и побежал к комнатам американцев. Его сердце билось так сильно, что он был уверен — папа или профессор Франклин услышали его.

Он знал, что люди из Прогрессивного элемента не были хорошими, но теперь он знал, что скорее всего они планируют возвращение Мерлина, полагая, что он поможет им достигнуть этого ложного равенства, которое неизбежно приведет к войне.

Мерлин говорил, что вернется, когда мир магглов и волшебников «созреет для его служения». Что бы это могло значить? Он был не удивлен, когда узнал, что мадам Делакруа могла быть вовлечена в это. Но профессор Джексон? Джеймс видел в нем спокойного профессора с твердым характером. Вряд ли он мог бы себе представить, что Джексон способен вступить в заговор против мира магглов. Франклин был неправильного мнения о нем.

Джеймс пробежал мимо комнат американцев, глядя на дверь гостевой комнаты. Его охватил внезапный страх, ведь дверь в комнате исчезла, когда он вышел. Как он сможет вернуться?

Он должен быть в комнате, спящим, к тому времени, как его отец вернется.

Он остановился в коридоре, и был совсем не уверен в том, что дверь все же появится. Он обследовал стену, надеясь, что найдет секретный замок или что-то в этом роде.

Как же папа назвал ее... Выручай-комната? Джеймс вспомнил о своей палочке, которую на этот раз взял с собой. Он достал ее и начал перебирать варианты, направляя палочку на стену.

— Ээ... — прошептал он, указывая палочкой на стену. — Номер, который требовал папа, откройся!

Конечно же, ничего не случилось. И в тот момент Джеймс услышал шум. Его чувства обострились, он весь превратился в слух. Мальчик слушал, широко раскрыв глаза. Голоса.

Франклин и его отец уже возвращались. Должно быть, они пошли обратно тогда, когда и он, но немного медленнее. Он слышал, как они говорили вполголоса, вероятно, они стояли у комнаты Франклина. Его отец вернется в считанные секунды.

Джеймс яростно думал. Что сделал его отец, чтобы открыть комнату?

Он просто стоял и вдруг появилась дверь?

Нет. Джеймс вспомнил, что он что-то говорил. И сам стал перебирать все возможные варианты. Он пытался вспомнить, что говорил отец, но слишком волновался.

Отблеск света появился в конце коридора. Шаг приближались. Джеймс в отчаянии посмотрел в темноту коридора. Его отец приближался, палочка светилась, но очень тускло, он шел, опустив голову. Джеймс вспомнил, что его палочка будто висит в воздухе и

быстро сунул ее под мантию.

Все было безнадежно. Его отец сейчас войдет в комнату и увидит, что Джеймс не было. Джеймс, конечно, мог зайти вместе с ним и сказать, что был в общей гостиной, чтобы взять учебники на завтра. Но он всегда плохо врал. Кроме того, мантия-невидимка была у него. Он чуть не застонал вслух.

Гарри Поттер остановился в коридоре. Он держал палочку и посмотрел на стену.

— Мне нужно попасть в комнату, где спит мой сын.

Ничего не произошло. Гарри не удивился.

— Хм, — сказал он, по-видимому сам себе. — Я удивляюсь, почему дверь не открывается. Скорее всего..., - он посмотрел вокруг себя, подняв брови и улыбаясь, — Потому что мой сын не спит в Выручай-комнате, а стоит здесь со мной в коридоре, под моей мантией-невидимкой, сильно стараясь вспомнить, что же я говорил, чтобы открыть дверь. Правда, Джеймс?

Джеймс шумно выдохнул и сорвал с себя мантию.

— Ты все это время знал, да?

— Я предполагал, что слышал именно тебя. Я не знал это наверняка, до тех пор, пока дверь не открылась. Давай, зайдём внутрь. — Гарри устало усмехнулся. Он прошелся мимо три раза и произнес слова, которыми открыл Выручай-комнату и они вошли.

Когда они оба были в кроватях, Джеймс лежал на втором ярусе, глядя на темный потолок, Гарри заговорил.

— Ты не должен ходить за мной по пятам, Джеймс. Я надеюсь, ты это понимаешь.

Джеймс молчал, он не знал, как реагировать. Он слушал и ждал.

— Ты был там сегодня вечером, так что ты слышал профессора

Франклина. — Продолжил Гарри. — Я хочу, чтобы ты помнил то, что он сказал. Всегда есть люди, идущие против общества. Война-это всегда то же самое, просто говорится разными словами. Это не твоя задача, спасти мир, сынок. Даже, если ты это сделаешь, придет новая, и с ней другая, еще, еще и еще. Такова природа вещей.

Гарри замолчал и Джеймс слышал, как он тихо смеется.

— Я знаю, каково это, большой груз ответственности и пьянящая вера в то, что я единственный, кто может остановить зло, чтобы выиграть войну, сражаясь за высшее благо. Но Джеймс, это не было моей обязанностью. Я не один боролся со всем этим. Это была борьба каждого. Всех, пожертвовавших собой. И были те, чья жертва была намного больше моей. Один человек не обязан спасти мир, и, уж тем более, это не входит в обязанности маленького мальчика, который даже не может понять, как открывается Выручай-комната.

Джеймс услышал скрип нижней кровати. Отец встал и смотрел на него, опустив голову. В темноте, он не мог разглядеть его выражение лица, но он знал, что папа имеет в виду. Его отец улыбался кривой, понимающей улыбкой. Его отец все это знал. Его отец был Гарри Поттер.

— Что ты думаешь сынок?

Джеймс глубоко вздохнул. Он хотел рассказать отцу обо всем, что видел и слышал. Все это было на кончике языка: рассказ о маггловском злоумышленнике, и призраке Седрика Диггори, и секрет Астромаддукса, замысел вернуть Мерлина с целью начать войну с миром магглов. Но в конце концов, он решил не делать этого. Он улыбнулся своему папе.

— Я знаю, пап. Не беспокойся обо мне. Если я решу спасти мир в одиночку, я пришлю вам с мамой сову.

Гари усмехнулся и покачал головой, на самом деле, он никак не мог воздействовать на сына, не было смысла давить на него. Он лег обратно

в постель.

Пять минут спустя, Джеймс заговорил в темноте.

— Пап, а ты не мог бы мне оставить свою мантию-невидимку на время учебного года?

— Нет, мой мальчик. Она на всех. — сказал Гарри сонно, но Джеймс услышал. Через несколько минут оба спали.

Когда на следующее утро Джеймс и Гарри вошли в Большой зал, Джеймс почувствовал себя неловко. Он привык к реакции людей, когда он появлялся с отцом, но сейчас она была другой. Вместо того, чтобы смотреть на них, люди стали перешептываться и отворачиваться. Разговоры стихли. Люди искоса смотрели на них, когда они проходили мимо. Джеймс почувствовал прилив гнева.

Кто были эти люди? Большинство из них хорошие ведьмы и колдуны, от таких же хороших родителей, которые всегда поддерживали Гарри Поттера, сначала, как мальчика-который-выжил, потом, как молодого человека, который помог добиться падения Волан-де-Морта, и, наконец, как человека, который был главой мракоборцев.

И теперь, только потому, что кучка сплетников распустила ложные слухи, они боялись смотреть на него.

Даже Джеймс подумал, что, однако, он увидел, что был неправ. Когда Гарри и Джеймс сели в конце стола Гриффиндора (James умолял своего папу не садиться за учительским столом на возвышении), там было несколько улабок и сердечных приветствий. Тед увидел Гарри, вылез из-за стола, и побежал к ним, обмениваясь с Гарри сложным рукопожатием, которое включало много соприкосаний кулаками, всевозможных выкрутасов и наконец, объятия, что было завершающей частью приветствия.

Гарр рухнул на скамейку, смеясь.

— Тед, ты хочешь вытрясти из меня все кишки?

— Да, крестный, абсолютно все. — сказал Тед, как будто Гарри

еще легко отделался. — Ты знаком с Ноем, Гарри? Он тоже Гремлин, как я и Петра.

Гарри пожал Ною руку.

— Я думаю, мы встречались на прошлогоднем Чемпионате по квиддичу, да?

— Конечно, — сказал Ной, — Это ведь было тогда, когда Тед забил победный гол, правда в ворота нашей команды. И как я мог забыть?

— Технически, это получилось случайно, — сказал Тед чопорно. — Мне передали квоффл и я просто целился в ложу прессы.

— Прерву вас, ребята, если не возражаете, мы с Джеймсом хотели бы позавтракать, пока все не исчезло. — сказал Гарри, указывая на стол.

— Так и быть, — великодушно разрешил Тед. — И, если любой из этих балбесов с недовольным видом создаст тебе проблемы, просто дай мне знать. Сегодня квиддич и мы все немного враждуем. — Он окинул взглядом Большой Зал, мрачно ухмыльнулся и оставил их.

— Я бы сказал ему, чтобы он не волновался, но это было бы не так весело. — сказал Гарри, наблюдая за уходящим Тедом.

Джеймс усмехнулся и они оба наконец-то приступили к завтраку. В это время в зал вошли Ральф и Зейн. Он помахал им с энтузиазмом.

— Пап, это мои друзья, Зейн и Ральф, — сказал Джеймс, когда они сели на скамейки. — Зейн блондин, а Ральф рыжий.

— Рад вас видеть, Зейн, Ральф, — сказал Гарри. — Джеймс рассказывал много хорошего о вас.

— Я читал о вас, — сказал Ральф, глядя на Гарри, — Неужели вы действительно все это совершили?

Гарри рассмеялся.

— Честный парень, не так ли? — сказал он, поднимая бровь, взглянув на Джеймса. — В основном, конечно, это правда. Хотя, тогда, много лет назад, все казалось менее героическим. Главным образом, меня и моих друзей заботило то, как бы сохранить себе жизнь, не взорваться, не быть съеденным или проклятым.

Зейн был тихим, что совсем не характерно для него.

— В чем дело? — Спросил Джеймс, подталкивая его, — Ты, видимо, не так хорошо знаком со всем этим, с рассказами о Великом Гарри Поттере.

Зейн поморщился, а затем вытащил копию Ежедневного Пророка из своего рюкзака.

— Вот, — сказал он и бросил газету на стол, — Ты бы все равно это увидел рано или поздно.

Джеймс наклонился над газетой.

«Демонстрация против мракоборцев затмила народный саммит в Хогвартсе», гласил заголовок.

Ниже, более мелким шрифтом: «Посещение Гарри Поттера Выявило Протест Всей школы, поскольку Волшебное Сообщество Переоценивает политику Мракоборцев».

Джеймс почувствовал, что его глаза покраснели от гнева. Прежде чем он успел ответить, его отец положил руку ему на плечо.

— Хм... — сказал Гарри мягко, — Работа Риты Скитер, что ж, это в ее стиле.

Зейн нахмурился и посмотрел на Гарри с недоумением, затем снова посмотрел на газету:

— Вы можете назвать автора статьи, только увидев название заголовка?

— Нет, — рассмеялся Гарри, отложив газету и перебирая ломтики французского тоста. — Там внизу подпись. Тем не менее, да, это что-то вроде ее фирменного знака. Но это не имеет значения. Мир забудет об

этом к началу следующей недели.

Джеймс читал первый абзац, нахмутив яростно брови:

— Она пишет, что большая часть учеников была там, протестовала и кричала. Это полная чушь! Я все видел, и, если там было больше ста человек, я поцелую Соплохвоста! Кроме того, большинство студентов просто смотрели на демонстрацию. Только пятнадцать или двадцать человек стояли с лозунгами и что-то выкрикивали.

Гарри вздохнул.

— Это просто история, Джеймс. Она печаталась не для того, чтобы быть правдой, а для того, чтобы ее продали.

— Но почему ты так говоришь? Ведь даже профессор Франклин беспокоится об этом.

Взгляд Гарри помешал ему говорить дальше. Через секунду выражение его лица смягчилось.

— Я знаю, что тебя беспокоит, Джеймс, и не виню тебя. Но иногда нужно игнорировать такие вещи, и один из таких способов — не спорить с людьми, как Рита Скитер.

— Ты говоришь, как МакГонагалл, — сказал Джеймс, и ткнул вилкой в кусок колбасы.

— Я должен, — Гарри ответил быстро, — Она ведь преподавала у меня. И я думаю, что для тебя это Директриса МакГонагалл.

Джеймс посмотрел угрюмо в свою тарелку. Он больше не хотел читать содержание статьи и грубо засунул газету в рюкзак.

— Первая игра сезон по квиддичу сегодня вечером, не так ли? — спросил Гарри, жестикулируя вилкой.

— Когтевран против Гриффиндора! — объявил Зейн. — Моя первая игра! Не могу дождаться.

Джеймс поднял голову и увидел, как его отец улыбается Зейну.

— Ты попал в команду Когтеврана! Это очень здорово. Если я смогу закончить пораньше, то обязательно приду. Я с нетерпением хочу увидеть, как ты летаешь. Кто ты в команде?

— Загонщик, — сказал Зейн, изображая вилкой удар по бладжеру.

— Он очень хорош, мистер Поттер. — серьезно сказал Ральф. — Я видел его первый полет. Он чуть не разбился на середине поля, и смог остановиться в последнюю секунду.

— В такой момент нужно очень контролировать себя. — признал Гарри, изучая лицо Зейна. — У тебя были уроки полетов?

— Ни одного! — отвечал за него Ральф, будто он бы его агентом. — Это удивительно, не так ли?

Джеймс посмотрел на Ральфа, его лицо было мрачным, он попытался поймать взгляд Ральфа, чтобы тот не развивал тему, но было уже поздно.

— Он, даже не осознавал, что делает. — продолжал Ральф. — Когда ринулся спасать Джеймса, который потерял контроль над метлой. Ральф корчился на скамейке, изображая первый полет Джеймса.

— Но вы, конечно, будете поддерживать Гриффиндор. — прервал его Зейн, подтолкнув.

Гарри посмотрел на стол, доедая свой тост, на его лице была улыбка.

— Ээ... Ну да, конечно. — Признался он, переводя взгляд от одного мальчика к другому.

— Да, это круто. Я понимаю вас. — Быстро сказал Зейн, сделав знак бровями все еще ничего не понимающему Ральфу — Быть верным

своему факультету и все такое. О-о-о, сколько уже времени, вставай, Ральфинатор, нам еще нужно добраться до класса.

— У меня свободный урок сейчас и к тому же, я еще не позавтракал. — протестовал Ральф.

— Идем, болван! — Настаивал Зейн, выходя из-за стола и хватая Ральфа за локоть. Зейн мог только дернуть Ральфа, но Ральф позволил ему потянуть себя вперед.

— Что? — Сказал Ральф громко, хмурясь, не обращая внимания на многозначительный взгляд Зейна. — Что я сделал? Я сказал только то, что было на самом деле. — Он вдруг замолчал. Его брови приподнялись и он повернулся к Джеймсу, смотря на него виноватым взглядом. — Ох. Ау... — сказал он, когда Зейн потянул его к выходу.

Когда они завернули за угол, Джеймс слышал, как Ральф сказал:
— Я просто полный идиот, да?

Джеймс вздохнул.

— Думаю ты уже понял, я провалился на отборочных.

Гарри внимательно смотрел на Джеймса.

— Было плохо, не так ли?

Джеймс кивнул.

— Я знаю, — сказал он. — Это на так уж и важно. Это просто квиддич. Там будут отборочные и в следующем году. Мне не нужно делать это только потому, что ты это сделал. Я знаю, я знаю. Можешь не говорить мне.

Гарри продолжал смотреть на Джеймса, его губы немного шевелились, как если бы он думал. Наконец, он откинулся на спинку стула и взял свой тыквенный сок.

— Ну, ты снял этот груз с моей груди. Похоже, ты сделали мою работу за меня.

Джеймс посмотрел на своего папу. Гарри посмотрел на него, медленно потягивая свой тыквенный сок. Он, казалось, улыбался, пряча улыбку за стеклом.

Джеймс старался не смеяться. Это серьезно, сказал он себе. Это не смешно. Это ведь квиддич. Он больше не мог себя сдерживать и улыбнулся, затем попытался прикрыть улыбку рукой, но от этого стало только смешнее.

Гарри поставил стакан и усмехнулся, медленно качая головой.

— Ты действительно был сильно обеспокоен этим, не так ли, Джеймс?

Улыбка Джеймса снова появилась, он сглотнул.

— Да пап. Конечно. Это ведь квиддич. Это семейный спорт, и твой, и дедушкин. Я Джеймс Поттер. Я должен отлично летать на метле. Не представляя опасности для своей жизни и для всех окружающих.

Гарри наклонился вперед, поставив свой стакан и, глядя Джеймсу в глаза.

— Ты все равно сможешь отлично летать на метле, Джеймс. Борода Мерлина, сынок, это твоя первая неделя в школе и у тебя даже не было урока полетов на метле. Правда, когда я учился здесь, мы даже не могли сесть на метлу без контроля учителя, и тем более, попробовать свои силы на отборочных в команды.

— Но, если бы вам разрешили, — прервал его Джеймс, — Ты бы справился и без уроков.

— Это не то, к чему нужно стремиться, сын. Ты так беспокоишься о том, чтобы достигнуть того, чего добился я, что не даешь себе возможности быть еще лучше. Убери этот барьер, прежде чем начать. Разве ты не видишь этого? Никто не может конкурировать с легендой. Даже я хочу, чтобы все это было хотя бы в половину меньше того, как есть на самом деле. Каждый день я смотрю в зеркало и говорю себе, что я знаменитый Гарри Поттер, но на самом деле, я просто хочу расслабиться и позволить себе быть вашим отцом, и мужем твоей мамы,

и лучшим из мракоборцев. Ты должен перестать думать о себе, как о сыне Гарри Поттера... — Гарри остановился, видя, что Джеймс действительно слышал, все это впервые. Он слегка улыбнулся снова. — И дай мне возможность думать о себе просто как о папе Джеймса Поттера. Из всех вещей, которые я сделал в своей жизни, выше всех стоите вы: ты, Альбус, и Лили, и я горжусь этим. Ты меня понимаешь?

Джеймс снова легко улыбнулся. Он не знал этого, но это была та самая улыбка, которую он часто видел на лице своего отца.

— Все в порядке, пап. Я постараюсь. Но это будет трудно.

Гарри понимающе кивнул и откинулся на спинку стула. Через некоторое время, он сказал:

— Я всегда такой предсказуемый?

Джеймс рассмеялся.

— Всегда. И ты, и мама, вы оба. «Ты что, пошел на улицу, Джеймс?»»

Гарри рассмеялся над тем, как Джеймс изображал Джинни.

Джеймс продолжил:

— Там очень холодно, надень свитер! Прекрати упираться, а то узнает бабушка. И хватит играть с садовыми гномами или у тебя будут огромные зеленые пальцы!

Гарри смеялся до слез, потом они попрощались, пообещав друг другу, что встретятся на матче по квиддичу.

Глава 7. Потерянная привязанность

По иронии судьбы, первое занятие Джеймса было посвящено полету на метлах. Преподаватель был довольно массивным мужчиной по имени Габриэль Ридкули. Он был одет в желто-коричневый плащ с нашивкой мастера полетов на метле.

— Доброе утро, первогодки! — прогремел он, и Джеймс догадался, что Габриэль Ридкули был одним из величайших людей, по крайней мере, этим утром. — Добро пожаловать на занятия с метлой. Большинство из вас знает меня, когда-то я играл в команде на чемпионатах и турнирах. В этом году у нас по плану знакомство с основным управлением метлой. Я считаю, что лучше практический подход, поэтому мы сразу перейдем к необходимым действиям. Подойдите к вашим метлам, пожалуйста.

Джеймс боялся снова возвращаться к метле, но вместе с классом, он обнаружил, что под хорошим руководством, он был в состоянии управлять метлой, подниматься и опускаться на землю и даже контролировать скорость.

Он понял, что есть тонкая грань, чтобы метла поняла то, что он

хочет сделать в зависимости от скорости и наклона. Метла будто была живой и все понимала, чувствовала. Джеймс понял, что малейшая паника с его стороны передастся метле, и он потеряет над ней контроль, так же, как это случилось на отборочных испытаниях.

Джеймс был счастлив чувствовать, что он впервые контролирует метлу, но он все еще немного завидовал Зейну, тому, как он легко управлял метлой в сложных погодных условиях.

— Не нужно лишней саморекламы, мистер Уолкер, — укоризненно сказал Ридкули, и Джеймс почувствовал легкую волну наслаждения. — Оставьте ее для сегодняшнего матча.

Все тело Ральфа напряглось, когда он изо всех сил старался как-то повлиять на метлу. Она просто плавала в воздухе на расстоянии четырех футов от земли и, казалось, застряла там.

— Как мне спуститься вниз? — Спросил он, наблюдая за Зейном.

Джеймс покачал головой.

— Я бы просто беспокоился о том, как бы мне полететь, если бы был тобой.

Остальные уроки были менее интересными, только Основные заклинания и древние руны.

На обед Джеймс рассказал Ральфу и Зейну о событиях прошлой ночи. Он поведал им о световом устройстве Франклина, ужине, о разговоре Франклина и мадам Делакура. Наконец, он рассказал о беседе отца и профессора Франклина, и как она соприкасается с пророчеством о возвращении Мерлина.

— Так, — сказал Зейн, прищурившись и задумчиво смотря на стену сзади Джеймса. — Я правильно понимаю, у твоего папы есть мантия, которая делает своего обладателя невидимым?

Джеймс уже выглядел раздраженным.

— Да! Но сейчас не об этом.

— Ой, ну прекрати. Я имею в виду, это же так здорово. Только подумайте, что парень мог бы сделать с мантией-невидимкой. А она пар не пропускает, как думаешь?

Джеймс закатил глаза.

— Я не думаю, что волшебник, который посвятил всю свою жизнь созданию самой совершенной невидимой мантии в мире, сделал ее для того, чтобы подсматривать в душе за девочками.

— Так и скажи, что не знаешь. — сказал Зейн, смущаясь.

Ральф медленно жевал, размышляя:

— Таким образом, Франклин сказал твоему отцу, что есть волшебники, которые заодно с Прогрессивным Элементом? Равенство магглов и волшебников и все такое?

Джеймс кивнул.

— Да, но это всего лишь прикрытие. Я имею в виду, с каких это пор слизеринцы действительно хотели чего-то хорошего для мира магглов? Все чистокровные семьи слизеринцев всегда старались быть на публике, но именно так они и могут захватить управление миром магглов в свои руки.

Ральф посмотрел обеспокоенно.

— Ну, может быть. Я не знаю. Большинство людей, стоящих тогда во дворе, не были слизеринцами. Вы заметили это?

На самом деле, Джеймс не заметил.

— Это не имеет значения. Все началось со слизеринцев, которые провозглашали лозунги, носили значки. Ты сам так сказал, Ральф. Табита Корсика раздавала значки всем слизеринцам. Она стоит за всем этим.

— Я не думаю, что все так, как ты думаешь. — сказал Ральф, — То, что Мерлин вернется и все такое. Она просто считает, что мы должны

справедливо относиться к магглам. Она совсем не собирается начинать войну. Я считаю несправедливым то, что мы не можем работать в мире магглов. Конкурировать с ними в маггловских играх спорта, просто потому, что мы волшебники.

Если мы владеем магией, то это не дает права быть изгоями.

— Ты говоришь, как один из них, — сказал Джеймс сердито.

— Ну и что? — сказал вдруг Ральф, покраснев. — Я один из них, если вы не заметили. И мне не нравится то, что вы так говорите о моем факультете. Все стало совсем другим, с тех пор, как твой папа здесь учился. Если ты так беспокоишься о правде, то ты должен сделать все для дискуссии на эту тему. Может быть, Табита права насчет тебя!

Джеймс откинулся на спинку стула, его рот открылся сам собой.

Ральф опустил глаза.

— Она хочет, чтобы я принимал участие в дебатах, в ее команде. Я думаю, ты знаешь, о чем они будут. Они назвали это «Переоценкой Предположений прошлого: правда или заговор?»

— И ты собираешься быть в команде? Ты будешь утверждать, что мой папа и его союзники сочинили историю о Волан-де-Морте, чтобы напугать людей и сохранить в секрете магический мир?

Ральф выглядел несчастным.

— Никто не верит, что твой отец сделал это, но...

Казалось, что он не знает, как закончить фразу.

— Отлично! — Джеймс пожал плечами, — Это прекрасный аргумент! У меня нет слов! Табита будет самым лучшим партнером для тебя.

— Но ведь возможно, что твой отец не был на хорошей стороне! — горячо сказал Ральф. — Тебе когда-нибудь такое приходило в голову? Да, люди были убиты. Это была война. Но почему, когда убивали людей Волан-де-Морта, это было хорошо, а когда люди умирали на стороне твоего отца, то это считалось злодеянием? Победители пишут историю,

ты знаешь. Может быть, вся правда была исковеркана? Откуда ты можешь знать? Ты тогда даже не родился!

Джеймс бросил вилку на стол.

— Я знаю своего отца! — крикнул он. — Он никого не убивал! Он был на правой стороне, потому что мой папа хороший человек! Волан-де-Морт был кровожадным чудовищем, жаждущим власти, и был готов убить любого, кто бы встал у него на пути, даже, если то был друг. Ты должен помнить, что именно такие, как вы, слизеринцы, выбрали сторону людей таких, как он!

Ральф посмотрел на Джеймса и сглотнул.

Джеймс знал в глубине своего сознания, что погорячился. Ральф был магглорожденным и все, что он знал о Волан-де-Морте и Гарри Поттере прочитал только в последние две недели. Кроме того, все это Ральфу рассказали его соседи по комнате, с которыми он отчаянно пытался найти общий язык. Тем не менее, Джеймс был в ярости, желая ударить его, в основном только за то, что не мог подойти и ударить хотя бы одного слизеринца, кто действительно поддерживал этот заговор, кто лгал о его отце.

Джеймс отвел взгляд. Он слышал, как Ральф собирал учебники в рюкзак. — Хорошо, — сказал Зейн, — Я собирался встретиться с Гремлинами, выпить сливочного пива, после матча, но, может в другой раз?

Ни Ральф, ни Джеймс ничего не сказали. Мгновение спустя, Ральф ушел.

— Твои слова были ужасными, знаешь... — сказал Зейн размеренно.

— Мои?! — воскликнул Джеймс.

— Конечно же, ты говорил за своего отца. — Зейн поднял руку в примирительном жесте, — Дай мне договорить, ты прав. Конечно, вся эта куча дерьма. Но это Ральф. Он просто пытался с ними подружиться. Понимаешь?

— Нет, — сказал Джеймс категорически. — «Дружить» не означает, обливать грязью моего отца.

— Он не знает, что это ложь. — сказал Зейн, стараясь подобрать слова. — Он просто парень, услышавший это в первый раз. Ему хочется верить тебе, но он также хочет вписаться в компанию своего факультета. Жаль, что для него это по-особому трудно, что он не может разобраться в этом, так как ему постоянно пытаются засунуть в голову эту ложь.

Джеймс чувствовал себя немного успокоившимся.

Он знал, что Зейн был прав, но он еще не мог пересилить свое состояние по отношению к Ральфу.

— Ну и что? Ты тоже обычный парень, который услышал это впервые. Только ты не стараешься примкнуть к Прогрессивному Элементу и не рвешься выкрикивать лозунги.

— Это так, к счастью для тебя. — сказал Зейн, приблизившись к Джеймсу. — Я поговорил с когтевранцами, и все они ненавидят старика Волди так же, как и гриффиндорцы. Кроме того... — Он выглядел слегка задумчивым. — Я, иногда, думаю, что Петра Моргенштерн намного инициативнее Табиты Корсики.

Джеймс толкнул Зейна, Зейн застонал.

Как оказалось, один из обвиняемых, который был Гоблином, Господином Фиклисом Бистлом из Сассекса, стал реагировать на контр-заклятия во время прошлых выходных.

— Он издавал звуки, похожие на похрюкивание, но они были похожи на слова. — сообщила одна из медсестер, пожелавшая остаться неизвестной.

Вскоре после этого, на рассвете, господин Бистл был найден мертвым в своей комнате, по-видимому став жертвой не того лекарства, которое принесли ему по ошибке.

Это вызвало множество сплетен и слухов, в результате чего, расследование возобновилось.

Цитирование слов Карин Грин, ведущего следователя по происшествию:

— Сейчас мы заинтересованы больше всего в том, каким образом эти три человека были в состоянии проникнуть в Министерство. Это

волшебники среднего класса, не имеющие серьезного темного прошлого. Мы не можем исключать вероятности постороннего вмешательства, или, возможно, своего человека в Министерстве. Смерть господина Бистла выглядит подозрительно, но все же считается несчастным случаем. Мы можем только предполагать.

Госпожа Грин добавила, что вора́м, видимо, ничего не удалось, так как ничего не пропало.

— Пойдем, — Прошептал Зейн Джеймсу, отрывая его от чтения. — Я собираюсь улизнуть пораньше, чтобы немного попрактиковаться на метле. Хочешь со мной? Я мог бы использовать удачу Поттеров.

Джеймс решил, что это было бы неплохо, чтобы забыть все свои обиды на Зейна. Он даже подумал над тем, чтобы немного самому полетать на метле. Он свернул газету и убрал в рюкзак.

— Думаю, ты сможешь показать мне, тот трюк, когда ты резко выпрямил метлу и я видел, что тебя пригласили в Основной класс по обучению полетам сегодня? — Спросил Джеймс Зейна, когда они побежали переодеваться.

— Конечно, приятель, — уверенно согласился Зейн. — Только не говори об этом Ральфу, пока он не научится контролировать свою метлу, чтобы та не застревала в воздухе.

Джеймс почувствовал себя неприятно, когда Зейн упомянул имя Ральфа, но вскоре забыл про это. Через несколько минут, переодевшись в джинсы и футболки, они оба побежали по солнечным коридорам замка, направляясь в поле для квиддича.

Джеймс провел весь день на поле с Зейном, немного практикуя навыки полета, но в основном просто наблюдая за командами Когтеврана и Гриффиндора которые собрались на тренировку, и выпустили снитч. В то время, как Зейн присоединился к своей команде, чтобы немного поужинать и сдружиться с ними, Джеймс сопровождал Теда и гриффиндорцев обратно в общую гостиную, когда они изменили направление, и спустились на ужин. Атмосфера перед первым матчем

сезона всегда сопровождалась волнением. Большой зал был шумел от добродушных шуток, криков и вспышек, создаваемых учениками факультетов.

Во время десерта, Ной, Тед, Петра, и Сабрина, все одеты в форму для квиддича, выстроились перед столом Гриффиндора, взявшись за руки и улыбаясь, как будто собирались спеть песню. В унисон, они топали ногами на каменном полу, привлекая к себе внимание всего зала, а затем пустились в пляс, с энтузиазмом танцуя ирландскую джигу, напевая песню Демьяна, написанную для них ранее в тот день:

Мы из Гриффиндора, шутим и веселимся,
Но квиддич у нас в крови,
Для смелой и сильной игры
Мы были рождены.
И Когтевран узнает,
Что же бывает,
Когда Гриффиндорский лев
С небес нападает.
Игра будет жесткой,
Проверит наш дух,
А ловец Когтеврана —
Просто лопух.
Мы соберемся все вместе,
И каждый рад,
Что наша команда,
Пнет вас в...

Последние слова потонули в реве криков гриффиндорцем и когтевранцев. Гремлины низко поклонились, очевидно довольные собой, а затем присоединились к своим товарищам по команде, когда они заканчивали последние приготовления для матча.

Первый и последний матчи года были самыми захватывающими, по мнению Джеймса. В конце года, в течение финальных игр, все знали, что от очков, набранных командой, зависит ее рейтинг. В начале года

все были взволнованы и рассчитывали на силы игроков команды своего факультета.

Большинство болельщиков были учениками и преподавателями, которые были одеты в соответствующие цвета своего факультета, некоторые даже размахивали флажками и криками поддерживали команды.

Когда Джеймс поднялся на трибуну, он увидел, что его папа сидит рядом со специальной ложей в окружении сотрудников министерства и волшебников из Альма Алерона. Гарри увидел его и улыбаясь помахал. Когда Джеймс подошел, его отец немного подвинулся, как и все остальные, освобождая место для мальчика. Джеймс тихо извинился, но все же увидел гримасу раздражения на лице мисс Сакарины, скрытую за ее вездесущей натянутой улыбкой.

— Как я уже говорил, у нас тоже в Штатах тоже есть квиддич, — сказал профессор Франклин, его голос был еле слышен на фоне рева толпы. — но по некоторым причинам, это не так популярно, как здесь. У нас особое внимание уделяется играм с волшебными перчатками, грангеболу или метлам. На этом чемпионате мира, как мне сказали, наша команда подает неплохие надежды. Но я настроен скептически.

Джеймс посмотрел на американцев. Любопытно было видеть их в реальной жизни, когда они не исполняли своих служебных обязанностей. Интересно, что же они думали о матче? Мадам Делакура сидела в конце ряда, ее лицо ничего не выражало, руки лежали на коленях и были сильно напряжены, так, что выделялись суставы. Профессор Джексон взглянул на Джеймса и кивнул в знак приветствия. Поттер-младший увидел небольшой черный сверток у него на коленях, он даже не представлял, что-же там внутри.

Профессор Франклин был одет в парадную мантию, с высоким белым воротником, свет отражался в его квадратных очках.

— А где же Ральф? — спросил Гарри у Джеймса. — Я думал, что сегодня вечером увижу его с тобой.

Джеймс пожал плечами, избегая взгляда отца.

— Ах! Вот и наши! — объявил Франклин, выпрямляясь, чтобы увидеть команду. Команда Гриффиндора появилась из ворот между трибунами, их красные плащи раздувал ветер.

— Команда Гриффиндора во главе со своим капитаном Джастином

Кенелли, которые выходят первыми! — голос Демьяна Дамаски громко раздавался по всем полю.

Команда приветствовала своих болельщиков, оглядываясь и улыбаясь, затем они сели на метлы и поднялись в воздух, пролетев пару кругов. В Воздухе они образовали букву «Г» перед Гриффиндорскими трибунами, быстро разлетелись, и вот уже перед болельщиками мерцала буква «Р». После нескольких умопомрачительных трюков игроки ровно сели на метлах и салютовали, широко улыбаясь. Трибуны Гриффиндора дико аплодировали, Джеймс видел десятки улыбающихся лиц и повернулся, чтобы посмотреть реакцию Гарри. Он тоже махал рукой и одобрительно кивал.

— А теперь на поле выходят Когтевранцы — объявил Демьян, и его голос прокатился эхом по всему полю. — Во главе с капитаном Дженнифер Теллос, одержавшей победу в прошлом году!

Команда Когтеврана вылетела из ворот напротив, будто фейерверк, пролетая так стремительно, умудряясь перебрасывать друг другу квоффл с огромной скоростью. Затем змейкой пролетели мимо трибун и остановились около болельщиков своего факультета. Каждый поднял вверх правую руку и Дженнифер, застывшая в центре тоже сделала так, победно поднимая квоффл над головой. Аплодисменты тут же раздались им в ответ.

Наконец, Дженнифер и Джастин заняли свои позиции в центре поля, кивая в знак приветствия. Под ними в центре стоял официальный судья, Габриэль Ридкулли. Он держал квоффл под мышкой, одну ногу поставив на чемодан, в котором хранились остальные мячи.

— Я хочу видеть честную игру. — Прокричал он игрокам. — Капитаны готовы? Игроки, внимание! Иииии... — Он поднял квоффл, и бросил его со всей силы. — Квоффл в игре!

В ту же секунду, что бросил мяч, он также убрал ногу с чемодана, который распахнулся, выпуская два бладжера и снитч. Все четыре мяча вошли в игру, сливаясь с игроками, приводя тех в движение. Трибуны разразились аплодисментами и громкими криками.

Джеймс помнил, что Зейна нужно искать в команде Когтеврана. Его светлые волосы нетрудно было найти на фоне синей мантии. Он сделал маневр, развернулся и умудрился выполнить бочку, отбивая бладжер. Тот не смог попасть в ворота лишь потому, что Ной пригнулся

и успел в нужный момент отбить его в другую сторону. Рев восторга и разочарования раздался в толпе.

Вечер был необычайно жарким. Палящее солнце не щадило ни игроков, ни болельщиков. На разных концах поля для обеих команд были приготовлены около десятка ведер с водой, за которыми следили несколько студентов своего факультета. Иногда, по команде капитана или судьи, игроки могли взять тайм-аут и освежиться.

Это выглядело таким образом, что один из студентов с помощью палочки поднимал воду из ведра, образуя нечто вроде водного шара, на высоте 30 футов, игрок специально пролетал под этим шаром и тот взрывался у него над головой. Каждый раз толпа сопровождала это действие восторженными криками, наблюдая как игрок появляется из небольшого водопада, встряхивая мокрыми волосами и снова вступая в игру.

Гриффиндор сразу начал вести счет, но Когтевранцы не уступали, игра продлилась до самого вечера. Солнце уже садилось, Когтевран вел в счете, а Джеймс беспокоился как никогда. Джеймс наблюдал за полем, пытаясь уловить хоть малейший признак появления снитча на поле, но все было безрезультатно. Затем, когда он повернулся, крошечная золотая вспышка пронеслась около трибуны Пуффендуя. Джеймс прищурился, и там действительно порхал снитч. Ловец Когтеврана тоже заметил его. Джеймс крикнул Ною, который был ловцом Гриффиндора, вскочив с места и указывая в направлении крошечного мячика. Ной быстро развернулся на метле, тоже выискивая снитч. Он увидел его, когда мячик пролетал мимо бладжеров.

Ловец Когтеврана сделал выпад, но снитч ускользнул от него. Он чуть не упал с метлы, но сделал петлю и вернулся в игру. Тед, один из загонщиков Гриффиндора, отбил бладжер прямо в ловца Когтеврана, сделав это как можно точнее. Ной приближался с другой стороны, обходя бладжеры и разлетевшиеся по всему полю листовки. Вдруг толпа замерла. Пока один из зрителей не вскочил и не заплодировал. И вот, в самый разгар игры, Джеймс увидел что-то совсем не соответствующее матчу.

Маггловский злоумышленник был на поле, и стоял со стороны трибун Когтеврана. Джеймс едва мог поверить а это, но человек просто стоял, смотря вверх с выражением страха и недоумения на лице. Он что-то держал в руках около своего лица и Джеймс понял, что это маггловская камера. Он снимал матч! Джеймс оторвал взгляд от нарушителя и посмотрел на папу, который стоял рядом с ним, радостно крича в честь победы Гриффиндора. Джеймс дернул отца за мантию и прокричал ему сквозь рев толпы.

— Папа! Папа, там кто-то есть! — Он указал на то место, где стоял маггл.

Гарри все еще смотрел на Джеймса, не понимая, чего он от него хочет.

— Что? — Крикнул он, наклоняясь к Джеймсу.

— Там! — Джеймс снова крикнул, показывая ту же в сторону. — Его не должно быть здесь! Он маггл! Я видел его здесь раньше!

Лицо Гарри мгновенно изменилось. Улыбка исчезла. Гарри поднялся во весь рост и оглядел поле. Джеймс так же оглянулся вниз в поисках маггловского злоумышленника. Он был уверен, что тот ушел, и Джеймс останется выглядеть дураком, но человек был все еще там, уставившись вверх. Джеймс увидел, что тот опустил камеру. Она свисала с правой руки. Джеймс присмотрел и увидел, что у человека была повязка на лице, и бинты поменьше, приклеенные в двух местах. Он получил ущерб, выпрыгнув через окно, но, видимо, не достаточно сильный, чтобы избежать возвращения сюда.

Гарри сумел протолкнуться через делегацию Альма Алерона, вежливо извинившись, уверенно направляясь к лестнице. Джеймс быстро последовал за ним, чтобы не отстать. Вместе они бежали, перескакивая через две ступеньки, направляясь к выходу с трибуны. Джеймс понял, что его папа выполнял сейчас свою работу, работу мракоборца, и был крайне сосредоточен. У него не было никакого чувства паники, беспокойства или гнева, он просто спокойно

направлялся в сторону маггла. Гарри и Джеймс добежали до выхода, когда игра закончилась. Гром оваций прозвучал над стадионом. И игроки бросились к ведрам с водой. Габриэль Ридкулли пересек центральную линию, чтобы палочкой поднять вверх шары с водой.

Не испугавшись этого, Гарри целенаправленно шел к концу поля, где он и Джеймс увидели странного человека, но теперь, когда они оказались внизу, они не смогли его увидеть. Там было слишком много людей, которые постоянно перемещались, создавая шум и невообразимую путаницу. Джеймс знал, что была уже как минимум сотня способов ускользнуть этому магглу.

Гарри не останавливался, пока не оказался на том месте, где стоял человек. Он медленно повернулся, взяв во внимание то, куда тот мог скрыться.

— Там, — сказал он. Джеймс посмотрел и увидел, что его отец указывает на одну из трибун, над воротами Когтеврана, — Или там, или там... — говорил Гарри отчасти себе, отчасти Джеймсу, показывая в сторону трибун Пуффендуя и Слизерина, а затем указывая рукой на сарай с оборудованием для квиддича. — Он не выбрал бы сарай, так как знал, что это вряд ли черный ход. В лучшем случае, это всего лишь укрытие, а он хотел убежать, а не спрятаться. С трибун выхода нет, просто они находятся дальше. Нет, он выбрал бы другой путь. Прошло всего две минуты, Джеймс?

Джеймс посмотрел на папу, с широко раскрытыми глазами:

— Да? Что пап?

— Иди к директрисе и расскажи ей, что мы видели. Пусть Тит встретит меня у входа через пять минут. Не говори ничего посторонним. Мы не знаем, что это, и мы не должны вызывать панику на пустом месте. Просто быстро иди к ним и передай мои слова, хорошо?

Джеймс коротко кивнул и побежал назад. Когда он поднялся по ступенькам, увидел уже удаляющуюся толпу, он даже не знал, кто выиграл матч, но был доволен тем, что папа ему поверил. Какой-то частью себя Джеймс сомневался, что отец поверит ему, и станет сомневаться в его словах. Но Джеймс рассчитывал на то, что знает своего папу лучше и он поверит ему. Гарри сделал именно это, он

остался на поле, чтобы проверить, где же мог скрываться этот человек. В этом и заключалась работа мракоборца. Сначала исследовать место, а потом уже задавать вопросы, если они появятся. Тем не менее, Джеймс был очень рад тому, что его папа доверял ему достаточно для того, чтобы пойти выслеживать человека, основываясь лишь на словах.

Несмотря на свою легкость от ответа отца, Джеймс был разочарован тем, что человек смог так легко скрыться. Так или иначе, он чувствовал, что Гарри и Тит не смогут найти подсказки или признаки того, куда этот маггл мог пойти. Затем, Джеймс вернется туда, откуда начал, но главное, что теперь не только он видел этого нарушителя.

Он наконец-то догнал Тита Хардкасла, который шел с остальной группой. Он передал сообщение Гарри, Тит извинился перед остальными и побежал вниз по лестнице, держа руку в кармане, сжимая палочку. Остальные, Минерва МакГонагалл и мракоборцы, слушали рассказ Джеймса очень внимательно, директриса слушала серьезно, а во взгляде Рекрента и Сакарины было легкое недоумение.

— Вы говорите, что у него в руках было нечто вроде камеры, мой мальчик? — спросила Сакарина мягко.

— Да, я видел такие раньше. С помощью них снимают фильмы. Он снимал матч!

Сакарина посмотрела на Рекрента со странным выражением, которое Джеймс принял за недоверие. Он не удивился, и его это не особо беспокоило. Он был больше занят тем, что МакГонагалл верила ему. Он собирался сказать, что это был тот самый человек, который выпрыгнул тогда в окно, но выражение лица Сакарины убедило его в том, что лучше он расскажет директрисе это наедине.

Внизу раздались шаги, и на площадку поднялась делегация Альма Алерона, Джеймс наконец-то узнал результат матча. Оказалось, что Когтевран выиграл. Джеймсу было досадно знать это, но его утешило то, что у Зейна сегодня будет радостный вечер.

Когда они дошли до тропинки, ведущей к замку, директриса МакГонагалл вышла вперед и сказала:

— Преподаватели и гости, пожалуйста, не стесняйтесь вернуться в замок по своему усмотрению. Я предпочитаю осмотреть эту ситуацию в лицо, — оживленно сказала она и повернулась, чтобы пересечь поле. Джеймс рванул за Директрисой. Когда он поравнялся с ней, та

взглянула на него сверху вниз.

— Я полагаю, мне бессмысленно объяснять, что это дело не для первокурсника, — сказала она, видимо, приняв окончательное решение не отправлять Джеймса в замок. — Ваш отец мракоборец, вероятно, он не зря попросил вас остаться здесь. Можно только гадать, как ему удастся держаться так прямо без мисс Грейнджер.

Джеймсу понадобилось время, чтобы сообразить, что «мисс Грейнджер» это его тетя Гермiona, которая теперь носит фамилию Уизли. Он не смог удержаться от улыбки при мысли, что Директриса все еще воспринимает его дядю, тетю и отца как маленьких детей, как бы это не было забавно.

К тому моменту, когда они подошли к проходу между трибунами Пуффендуя и Слизерина, Гарри и Тит Хардкасл уже вернулись с осмотра местности.

МакГонагалл заговорила первой:

— Вы нашли хоть какие-нибудь следы нарушителя?

— Пока ничего, — сказал резко Хардкасл. — Слишком сухо для следов, и без команды или собаки нам не взять след.

Мадам Директриса, — произнес Гарри, и Джеймсу показалось, что отец все еще в режиме Мракоборца, — разрешите нам провести более придирчивый осмотр? Нам нужна небольшая команда, на ваш выбор.

— Вы считаете, что этот человек может чем-то угрожать нам? — спросила Директриса перед ответом.

Гарри развел руками и пожал плечами.

— Мы не можем этого узнать, слишком мало информации. Но этот человек слишком стар, чтобы быть студентом Хогвартса или кем-нибудь из персонала и учителей. Он был одет в плащ земляного цвета, видимо, хотел замаскироваться, так что он определенно скрывается. И Джеймс говорит, что видел его раньше.

Все посмотрели на Джеймса.

— Это о нем я рассказывал вам тем утром, мэм, — пояснил мальчик директрисе, — я уверен в этом. Еще у него были повязки на руках и голове, он получил травму, когда вылетел в окно.

— Я подозревал, что это будет захватывающая история, — пробормотал Гарри, подавляя улыбку.

— Да, конечно, но мистер Поттер, мистер Хардкасл, — произнесла

Макгонагалл, глядя на взрослых, — я понять не могу, как нарушитель смог пробраться сквозь защитные заклинания по периметру школы. Кого бы вы не видели, у него было какое-то разрешение, иначе...

— Да, Минерва, ты права, — сказал Гарри — Но я бы не сказал, что он имел право здесь находиться. Вопрос в том, кто дал ему разрешение, и как? Я бы очень хотел найти ответы на эти вопросы, но единственный способ осуществить это — немедленно начать поиски.

МакГонагалл встретила взглядом с Гарри, потом неуверенно кивнула.

— Хорошо. Что вам для этого надо?

— Для начала, я бы хотел Хагрида. Никто не знает территорию так хорошо, как знает он, и разумеется, нам нужен Триф. Мы побьемся на три группы: Хагрид с Трифом направятся в Запретный Лес, а вторая команда с Титом во главе осмотрит озеро. Нам нужно больше людей, чтобы искать следы. Эх, жаль Невилла здесь нет сегодня вечером!

— Мы можем вызвать его обратно, — ответил Хардкасл.

Гарри покачал головой.

— Не думаю, что это необходимо. Мы ищем одного человека, возможно маггла. Все что нам нужно — это люди, которые могут распознавать следы. Как насчет Теда Люпина и тебя, Джеймс?

Джеймс старался не выглядеть слишком довольным, но он почувствовал гордость за себя. Он кивнул папе, стараясь выглядеть хладнокровно и уверенно, не выдавая волнения.

— Есть ли сейчас гиппогрифы в школе, мадам? — прогрехотал Тит — Вид сверху здесь то, что надо. Если человек был здесь раньше, он ночует поблизости.

— На данный момент ни одного, мистер Хардкасл. Но у нас есть фестралы.

Гарри покачал головой.

— Не пойдет. Фестралы могут переносить только легкий вес, а тяжелого Тита или меня они не потянут. А Хагрид вообще сломает существо пополам.

Джеймс напряженно думал.

— Насколько высоко вас надо поднять?

Хардкасл покосился на Джеймса.

— Выше человеческого роста. Нам нужно осмотреть территорию с

высоты птичьего полета, чтобы лучше изучить ее. У тебя есть идеи? Выкладывай, сынок.

— А как насчет великанов? — ответил Джеймс после паузы. Он боялся, что идея идиотская. Он очень боялся потерять уважение своего отца и хотел показать ему, что тот не зря взял его с собой. — Там есть Грохх, он выше деревьев, и его девушка. Хагрид рассказывал, что она выше обычных гигантов.

Хардкасл взглянул на Гарри с непроницаемым выражением лица. Отец смотрел оценивающе.

— Насколько быстро Хагрид сможет доставить их сюда? — спросил он у Директрисы.

— Хороший вопрос, — произнесла она немного лукаво. — вообще-то, я понятия не имела, что великаны живут среди нас. Поэтому просить их услуги я пойду лично. — она повернулась к Джеймсу. — Иди и позови мистера Люпина, и никому не говори, зачем. Через пятнадцать минут мы будем ждать вас в сторожке Хагрида, при себе иметь палочку и плащ. А мне надо вернуться в замок, чтобы посмотреть на наших гостей.

— И Джеймсу, — сказал Гарри, криво улыбнувшись, — Ну, беги!

Джеймс запыхался, пока добежал до гостиной. На Теде все еще была форма для квиддича, он сидел в углу и хандрил вместе с другими игроками.

— Тед, иди сюда! — позвал Джеймс, восстанавливая дыхание. — У нас не так много времени.

— Зачем орешь, подойди — сказала Сабрина, оглядываясь на Джеймса через спинку дивана. — А то можно подумать, что ты того.

Я. Мы. — Джеймс наклонился вперед, положил руки на колени. — Но я не могу сказать вам что-нибудь прямо сейчас... Не разрешается... Позже... Но они хотят, чтобы ты, Тед... Мы должны быть в хижине Хагрида в пять минут... Палочка и плащ.

Тед вскочил, видимо он был рад возможности забыть свое первое поражение в сезоне, и вообще он всегда был готов к приключениям.

— Ну, мы все понимали, что этот день придет. Наконец-то, мои уникальные навыки признаны. Мы вам расскажем о приключении, если выживем. Веди, Джеймс.

Тед сунул палочку в карман и перекинул плащ через плечо. Так как

оба мальчика шагнули через отверстие портрета, Джеймс все еще тяжело дыша, Тед напыщенный. Сабрина крикнула им вслед:

— Захватите сливочного пива, когда будете возвращаться!

По дороге Джеймс заметил Зейна. Он шел к ним.

— Эй, Тед, отличная игра!

Тед зарычал от напоминания о провале.

— Куда идете? — спросил Зейн, стараясь идти в ногу с Джеймсом и Тедом.

— На приключения и опасности, я думаю, — ответил Тед. — Хочешь с нами?

— Конечно! Каков план?

— Нет! — воскликнул Джеймс. — Прости. Я не должен никому говорить об этом, но Тед. Мой папа сказал...

Зейн поднял бровь.

— Твой отец? Круто! Серьезные аврорские штучки! Давайте, вы же не можете бежать, навстречу приключениям без вашего приятеля Зейна!

Джеймс остановился в главном холле, раздраженный.

— Хорошо! Ты можешь идти за нами, но если папа скажет, что ты должен вернуться и молчать об этом, ты уйдешь. Идет?

— Юхуу! — заорал Зейн, опередив их, перескакивая через несколько ступенек. — Пошли, ребята, нас жду приключения!

К тому времени, как мальчишки добежали к хижине Хагрида, Тит и Гарри стояли там с зажжёнными палочками.

— Спасибо, что пришел, Тед, — сказал Гарри — и Зейн. Хотя, тебя я не ожидал здесь увидеть.

Гарри, давай его возьмем! — произнес Тед — Он новенький, но он хорош. Я думаю, что он может быть полезным, хотя, в зависимости от того, что вы планируете. — Тед критически осмотрел Зейна. Зейн убрал ухмылку с лица и попытался выглядеть серьезнее, но без особого успеха. Гарри оглядел их обоих.

— Нам, в основном, нужны люди. Зейн, я думаю, сойдет. Давайте просто надеяться, что Минерва не узнает, что я взял еще одного первокурсника в Запретный Лес. Или она найдет способ нас сильно наказать. Джеймс еще не сказал вам, что мы здесь делаем?

Тед покачал головой.

— Но единого слова. Сказал, что это сверхсекретно.

Гарри повернулся к Джеймсу.

— Директриса велела тебе молчать, разве нет?

— Я и не говорил ничего! — запротестовал Джеймс, кинув взгляд на Теда. — Я просто сказал, что мне велели никому рассказывать, что мы делаем!

— Лучший способ заставить людей подозревать что-то, Джеймс, это сказать им, чтобы не спрашивали. — Но Гарри, казалось, не сердился. На самом деле, он казался немного удивленным. — Ладно. Как закончим — сразу обратно в замок к вашим друзьям Гремлинам. Ясно, Тед?

Они, вероятно, лежат в своей кровати, пока мы болтаем, крестный. — сказал Тед чопорно. Гарри закатил глаза.

Джеймс почувствовал, как земля дрожит под ногами. Спустя несколько мгновений, он услышал отдаленный лай Трифа, бульмастифа Хагрида, который уже давно стал преемником его любимого Клыка. Все присутствующие повернулись к лесу, грохот под ногами перерос в ритмичные удары. Через минуту, огромные силуэты выросли в темноте, появились между деревьями, от их шагов тряслась земля. Триф бежал между ног гигантов, по-видимому, не боясь, что он может быть раздавлен, наступил великан на него. Пес на них взволнованно гавкал, его обычно громкий лай теперь заглушался звуком шагов. Хагрид шел следом, изредка призывая Трифа успокоиться, но скорее просто для вида.

— Грохха было легко вытащить, — сказал Хагрид, выйдя из леса. — Он всегда рвется мне помочь, у него большое сердце. А вот его подруга... — Когда Хагрид подошел к Гарри, он понизил голос, будто хотел что-то сказать по секрету ему и только ему. — Она не совсем привыкла к тому, что вокруг Грохха есть люди. Она не очень понимает, что мы говорим. Мне кажется, что лучше держаться от нее подальше, когда разговариваешь. Не стоит с ней торопиться.

Джеймс напомнил себе, что однажды Хагрид для развлечения завел себе милого сопловоста, считая, что основная характеристика драконов это их красота. Никакие предупреждения о характере своих питомцев он не воспринимал всерьез.

Все повернулись, чтобы поприветствовать великанов. Грохх шел впереди, мигая и улыбаясь. Он помахал Гарри рукой размером с

фортепиано.

— Прифед, Гарри, — говорил Грохх низко и медленно. У Джеймса создалось впечатление, что он плохо понимает, что говорит. — Как Гермино... Гермимон...

Гарри остановил Грохха.

— Гермiona отлично, передавала тебе привет. Она сказала бы «привет!», если бы увидела тебя.

Было ощущение, что у Грохха сейчас пойдет дым из ушей от усилий.

— Прифед, Герменимини...

Он продолжал попытки выговорить имя Гермiony, когда из леса появилась еще одна фигура. Джеймс вытянул шею, чтобы посмотреть на великаншу и почувствовал, как по спине бегут мурашки. Она была такая высокая, что макушкой подпирала кроны деревьев. Послушался хруст ломаемых ветвей. Шарик света доставал ей до груди, в то время как он висел над Гроххом. Голова ее скрывалась где-то в небе, поэтому черт лица было не разглядеть. «Гигантша» двигалась медленнее великана, и с каждым шагом с деревьев опадали листья.

— Да она сама скрытность, — усмехнулся Хардкасл, глядя на огромную фигуру.

— Гарри, Тит, Джеймс, Зейн и Тед, — произнес Хагрид медленно. — Встречайте Пречку. Пречка, это друзья.

Пречка немного наклонилась, ее голова встала вровень с плечом Грохха. Она низко вопросительно хрюкнула, в хижине Хагрида звякнули стекла. Гарри поднял палочку и осветил свое лицо.

— Пречка, Грохх, спасибо, что пришли к нам на помощь. Я надеюсь, что мы не задержим вас надолго. Хагрид объяснил вам, зачем вы сюда пришли?

Великан собрался с силами и ответил.

— Гарри хочет скрытно найти человека. Грохх и Пречка помогать.

— Отлично, — сказал Гарри. Он повернулся к группе. — Так, Хагрид. Ты берешь Трифа и пускаешь его по следу. Смотри внимательно, если он приведет тебя к лесу или озеру. Тед, ты будешь со мной и Пречкой в лесу. Зейн, Джеймс, вы присоединяетесь к Грохху и Титу и идете осматривать озеро. Мы возвращаемся назад по следу. Внимательно следите за примятой травой, сломанными ветками. Также смотрите, что мог оставить человек — куски ткани, бумага, мусор, что-то такого рода. Все ясно?

— Да, только... Кого мы ищем, Гарри? — замялся Тед. Гарри уже медленно подходил к Пречке. — Мы узнаем его, когда найдем, так ведь?

Глава 8. Пещерная Цитадель

Зейн, Джеймс и Хардкасл вскарабкались на спину Грохха, для чего великану пришлось присесть на корточки. Джеймс и Зейн вскарабкались ему на плечи, держась для надежности за рваную рубашку Грохха. Хардкасл, вероятно не подумавший, насколько забавно он может выглядеть, оседлал шею Грохха как ребенок на папу. Он поднял вверх зажженную палочку, освещая пространство вокруг них, и направил Грохха к озеру. Когда они ушли, Гарри и Тед все еще пытались найти наиболее успешный способ забраться к Пречке на плечи.

— По-моему, нам нужна лестница, как думаешь? —

поинтересовался Тед.

— Любым способом нужно наклонить ее так, чтобы она касалась руками земли — крикнул Гарри, размахивая руками перед великаншей, которая стала на колени, разрушив при этом сад Хагрида. Она вырвала горсть тыкв вместе с корнем и стала набивать ими свой рот.

— Хорошо, вот умница, — успокаивающе сказал Хагрид, — Просто наклонись сюда еще чуть-чуть. Вот так. Ох!

Раздался резкий хруст, и деревянный заборчик Хагрида распался на кусочки под весом Пречки.

Хагрид похлопал великаншу по локтю, качая головой.

— Зато теперь ты, наконец, сможешь на нее забраться, Гарри. Просто используй то, что осталось от этой стены вместо ступенек, вот и все.

Гарри и Тед только еще вскарабкались на плечи Пречки, когда Грохх уже входил в лесную чащу с западной стороны озера и очертания Хогвартса скрылись из виду за плотными зарослями деревьев.

Грохх был на удивление осторожен, аккуратно разгребая вокруг себя сучья и корни, стараясь не причинить вреда его спутникам. Джеймс чувствовал тяжесть поступи шагов Грохха по земле где-то далеко под собой, но эти ощущения ни в какое сравнение не шли с той тряской и ударами, которые он получал, сидя на его спине. Хардкасл бесшумно направлял Грохха, сидя прямо позади его огромного уха. Он вел его аккуратным зигзагом, приближаясь к озеру, и затем поворачивал обратно в гущу леса, медленно пробираясь по периметру. Их продвижение было медленным и покачивание Грохха во время ходьбы усыпляло Джеймса. Он пытался взбодриться, изучая землю снизу в поисках вещей, которые описывал ему папа. В попытке пробудиться он рассказал Хардкаслу и Зейну как он увидел постороннего человека на поле для квиддича. Он рассказал им про камеру и описал оба раза, когда видел его на территории школы.

— Ты видел его уже три раза? — спросил Хардкасл, его голос был скрипучим и монотонным.

— Да, — кивнул Джеймс.

— Но кроме твоего отца больше никто его не видел до этого?

Джеймс был раздражен этим вопросом, но тем не менее тихо ответил:

— Нет, больше никто не видел.

Некоторое время все молчали. Джеймс предположил, что они преодолели уже треть пути вокруг периметра. Когда они приблизились к берегу, он заметил, что кое-где в окнах замка горят огни, отражаясь в воде. Лес выглядел до раздражения привычно. Сверчки гудели и стрекотали, наполняя воздух своей странной мелодией. Всюду, куда бы ни упал взгляд Джеймса, светлячки разгоняли тени своими огоньками, направляясь по привычным для них ночным делам. Не было ни единого признака того, что кто-нибудь когда-нибудь пробирался сквозь этот лес, по крайней мере, в последнее время.

— Постой, Грохх, — внезапно сказал Хардкасл напряженным голосом.

Грохх послушно остановился и замер на месте. Его массивная голова слегка повернулась, когда он огляделся вокруг. Джеймс выглянул из-за огромного грязного уха, пытаясь понять, что именно услышал или увидел Хардкасл. Медленно прошло полминуты. Джеймс не знал, что и сказать. Сейчас, на близком расстоянии этот звук был четко различим. Словно что-то шершавое сновало поблизости. Что-то невидимое пробиралось сквозь опавшие листья, затем замерло. Хрустнула ветка, кто-то явно наступил на нее. Сердце Джеймса бешено заколотилось. Тем не менее, ни Грохх, ни Хардкасл не двигались. Джеймс заметил только, что Хардкасла тихо повернул голову, пытаясь локализовать источник звука.

Он снова прозвучал, на этот раз еще ближе, но производящий его по-прежнему был неразличим. Шум явно доносился спереди от них, с той стороны деревьев, произраставших на небольшой возвышенности. Джеймс никак не мог отделаться от мысли, что звук этот производится кем-то, далеким от рода человеческого, снующим там между ветвей. От подобных мыслей волосы на его затылке встали дыбом.

Хардкасл легонько потрепал Грохха по затылку и, привлекая таким образом внимание того к себе, сделал знак рукой. Джеймс почувствовал, как гигант пригнулся, его снова поразила эта медленная грациозность движений. Лиственный ковер тихонько хрустнул, когда Грохх опустил руки на землю. Хардкасл молча соскользнул со спины Грохха. Его глаза были устремлены на холмик впереди.

— Оставайся с...

Его речь была прервана громким скребущим звуком. В этот раз он прозвучал ближе, и теперь Джеймс смог разглядеть движение. Сухие листья взметнулись в воздух, когда огромная тень ринулась вперед. Она бросилась из темноты между деревьями, с треском ломая кусты. Количество ее ног явно превышало привычное, а вокруг передней части тела разливалось странное голубоватое сияние. Оно мерцало во время передвижения. Как только тень приблизилась, Хардкасл молниеносно прыгнул вперед, становясь между ней и Гроххом. Он взмахнул палочкой отточенным движением обученного Мракоборца, посылая Разрушающее Заклятие в заросли кустарника. Создание изменило курс, обойдя их по кругу, и исчезло в овраге. Голубоватое мерцание сопровождало его и во время скольжения по поваленным деревьям, и при отступлении в глубь леса.

— Вы двое, оставайтесь с Гроххом! — рявкнул Хардкасл, бросаясь в погоню за существом. — Грохх, если назад вернется что-то другое кроме меня, уничтожь его.

Он двигался с удивительной ловкостью для своих габаритов. Спустя пятнадцать секунд ни его, ни существа не стало ни видно, ни слышно. Оба мальчика спрыгнули с плеч Грохха и посмотрели вниз со склона обрыва.

— Что это было? — спросил Зейн, поперхнувшись.

Джеймс покачал головой.

— Я даже не уверен, что хочу знать. В любом случае, это не тот парень, которого мы ищем.

— Я безумно рад этому, — сказал Зейн убежденным тоном.

Они не сводили взгляда с оврага, в котором исчезли Хардкасл и существо. Лес снова заполнился хором сверчков и мельтешением светлячков, как будто ничего необычного не произошло. Из оврага не доносилось ни звука.

— Да сколько можно его преследовать? — не выдержал наконец Зейн.

Джеймс только пожал плечами.

— Полагаю, столько, сколько нужно для его поимки.

— Для поимки одного из них, — добавил Зейн, вздрогнув. — Знаешь, я чувствовал себя гораздо лучше, пребывая на плечах большого парня.

— Хорошая идея, — согласился Джеймс, поворачиваясь. — эй, Грохх, как насчет...

Он замер. Грохха не было. Несколько секунд Зейн и Джеймс растерянно озирались вокруг, не в силах вымолвить и слова от изумления.

— Вон там! — вдруг сказал Зейн, указывая пальцем в сторону озера. Джеймс взглянул. Грохх как раз завернул за огромный, покрытый мхом валун, медленно и неуклюже продвигаясь вперед.

— Давай за ним! Не дай ему исчезнуть из виду!

Мальчики бросились за гигантом, пробираясь через огромные упавшие деревья и скользя на покрытых листьями камнях. Когда они завернули за валун, размерами превосходящий дом, то легко различили путь, которым пошел Грохх. Сам он виднелся далеко впереди и как раз подныривал под наклонившееся мертвое дерево.

— Куда он собрался? — раздраженно воскликнул Зейн.

— Грохх! — позвал Джеймс, не решаясь кричать слишком громко, чтобы не привлечь внимание еще каких-нибудь чудовищно быстрых созданий. Вокруг потемнело. Тяжелые гряды туч скрыли луну, из-за чего все под деревьями погрузилось во мрак.

— Грохх, вернись! Что ты делаешь?

Несколько минут Зейн и Джеймс следовали за Гроххом, перепрыгивая через ручьи и подныривая под упавшие деревья, для преодоления которых гиганту требовалось просто шагнуть. Наконец они догнали его на краю озера, где группа небольших поросших лесом островов загоразживала вид на реку. Воздух был влажным и доносил до них запах болота, в нем кружились тучи насекомых. Грохх стоял под искривленным деревом и методично срывал с него орехи, отправляя их в рот вместе со скорлупой. Хруст становился все громче по мере приближения запыхавшихся мальчиков.

— Грохх! — крикнул Зейн, пытаясь восстановить дыхание. — Что ты делаешь?

Грохх с недоуменным лицом оглянулся на звук голоса Зейна.

— Грохх голоден, — ответил он. — Грохх почуял запах еды. Грохх ест и ждет. Маленький человек вернется.

— Грохх, мы сейчас потеряемся! Титус даже не будет знать, где мы! — выдохнул Джеймс, пытаясь сдержать гнев. Грохх уставился на

него, продолжая грызть орехи, всем своим видом выражая замешательство.

— Это бесполезно, — сказал Зейн.

— Нужно дать ему сожрать хоть сколько-нибудь орехов, и тогда мы заставим отнести нас обратно тем же путем, которым мы добрались сюда.

Он шлепнулся на ближайший камень и стал исследовать ушибы и царапины, полученные во время преследования. Джеймс раздраженно скривился. Он знал, что спорить с великаном было абсолютно бессмысленно.

— Хорошо, — просто сказал он, — Грохх, просто отнеси нас обратно, когда закончишь, идет?

Грохх выразил согласие, так потянув на себя одну из ветвей огромного дерева, что она зловеще затрещала.

Джеймс уныло слонялся у кромки воды, поросшей травой и кустарником. Озеро здесь больше напоминало ручей с узким протоком мшистой воды между берегами и одним из болотистых островков. Остров был диким, густо покрытым кустарником и деревьями. Казалось, что это место покрыто водой большую часть года. В двадцати шагах несколько деревьев были повалены. Джеймс предположил, что они были оторваны от их водянистых корней во время недавнего шторма. В преддверии темной ночи эта картина выглядела весьма зловеще.

Джеймс только решил возвращаться обратно, беспокоясь, что Хардкасл будет их искать, как выглянула луна. Как только серебристый свет проник сквозь лесную чащу, Джеймс остановился, и медленный пробирающий холод сковал его с головы до ног. Даже сверчки внезапно замолчали, и стало совершенно тихо. Джеймс, полностью замороженный, за исключением разве что глаз, чувствовал себя просто точкой, которая перемещалась между окружающими его деревьями. Внезапная немота сверчков не была единственным изменением. Бесчисленные мириады огоньков от светлячков тоже погасли. Деревья остались разбавлены лишь лунным светом.

— Джеймс? — внезапно раздался голос Зейна, прорвавший тишину, — Разве это... ну, ты знаешь... нормально? — он присоединился к Джеймсу на берегу озера.

— И что за дела творятся с этим местом?

Джеймс взглянул на Зейна.

— С каким местом? — он проследил за взглядом Зейна и резко вдохнул. Остров, который находился рядом с берегом, изменился. Джеймс точно мог бы сказать, что ни одна его часть до этого ни чем не отличалась. То, что минутой раньше выглядело как абсолютно обычные деревья и кусты, теперь, в серебряном свете луны, больше напоминало скрытое древнее строение. Можно было безошибочно угадать в них колонны и ворота, подпорки и горгульи, возникшие из натуральной растительности острова так, словно это было одним из видов невероятно сложной оптической иллюзии.

— Что-то мне не нравится вид этой штуки, — решительно сказал Зейн внезапно севшим голосом.

Джеймс огляделся. Те несколько деревьев, которые были поваленными в воду и соединяли берег с островом, тоже преобразились. Джеймс мог разглядеть некую симметрию в том, как они лежали. Два из них были уложены вместе так, что образовывали что-то вроде моста. Мост даже был стилизован, формированием корней, напоминающим гигантскую голову дракона. Коричневый камень, выступающий меж вывороченных камней служил его глазом. Два других дерева, вырванных лишь наполовину, формировали его верхнюю челюсть, выступающую над мостом так, словно собиралась защелкнуться, как только кто-то приблизится.

Джеймс осторожно направился по направлению к мосту.

— Эй, ты же не собираешься и в самом деле туда отправиться? — спросил Зейн. — Этот островок явно не выглядит безопасным.

— Да ладно тебе, — сказал Джеймс, не оборачиваясь, — Ты же говорил, что хочешь приключений, по-настоящему невероятных происшествий.

— Ну, вообще-то, думаю, что этих самых происшествий я хочу в очень маленьких дозах. Так что было достаточно того безумного монстра, которого мы уже видели, если ты не заметил.

Джеймс пробрался сквозь разросшиеся кусты и скрюченные деревья и оказался у входа на мост. По мере приближения эта идея казалась все менее прекрасной. Там были перила, сформированные сваленными ветками, гладкие и удобные на ощупь, и два дерева,

которые образовывали пол моста, лежали так тесно друг к другу, переплетенные виноградной лозой и утрамбованные листьями в расщелинах между стволами, что пройти по ним было совершенно просто.

— Прекрасно, тогда сиди тут, — сказал Джеймс, шутливо намекая на трусость Зейна. Загадка этого места влекла его. Он сделал первый шаг на мост.

— Аа, чтоб тебя! — простонал Зейн, следуя за ним.

Со стороны острова мост переходил в поросль маленьких деревьев, кое-где переплетенных виноградной лозой, которые формировали высокие узорчатые ворота. За ними наступала непроглядная тьма. Когда Джеймс подобрался поближе, он смог увидеть, что виноградная лоза складывалась в узнаваемые символы, пересекающие ворота.

— По-моему, здесь что-то написано, — почти шепотом произнес он, — Похоже, что это какое-то стихотворение или что-то в этом роде.

Вскоре уже можно различить первые слова, подпрыгивая, чтобы их разглядеть. Ребятам приходилось напрягать глаза, чтобы их разобрать. Они остановились и прочитали вслух:

Когда свет Сульвы засияет,
Найду Пещеры Цитадель.
Пока конец времен не грянет,
Тревожен сон творца теней.
Пока луч солнца не пронзит
Обрывок прошлого, реликт;
Когда-то жизнью напоенный
Обломок Вечности нетленный —
Старейших Пресеченья Зал.

Что-то в этом стихотворении заставило Джеймса вздрогнуть.

— Что это значит? — спросил Зейн, когда они прочли написанное дважды.

Джеймс пожал плечами.

— Сульва — это старое название луны, это все что мне известно. Я думаю, что первая часть означает лишь, что ты можешь найти это место

только когда оно освещается луной. И это очень похоже на правду, потому что когда я увидел все это в первый раз в темноте, то ничего кроме старого уродливого острова не увидел, так что это должно быть «Цитадель пещеры», чем бы она ни была.

Зейн немного наклонился:

— А что насчет этой части? «Пока луч солнца не пронзит...». Звучит так, словно нам следует сюда вернуться, когда взойдет солнце, верно? Я бы даже сказал — неплохо звучит!

Не обращая на Зейна никакого внимания, Джеймс схватился за ворота обоими руками и попытался их открыть. Раздался ужасный деревянный грохот, но они не двинулись с места. Это действие как будто вызвало ответную реакцию острова. Неожиданно, у мальчиков из-под ног раздался шелест. Джеймс глянул вниз и резко отпрыгнул назад, так как один из усиков тернистого винограда вырос из-под моста. Лоза проникла между ворот, потрескивая, как горящая в огне газета. Она была противного фиолетового цвета, словно в ней пульсировал какой-то яд. Она поднялась настолько высоко, что пропала из поля зрения Джеймса. Через минуту она полностью оплела ворота, перекрывая написанное стихотворение и шум от ее роста наконец прекратился.

— Ну что же, это все решает, — сказал Зейн странно высоким голосом. Он оставался позади Джеймса, медленно пятясь назад. — Мне кажется, это место желает остаться в одиночестве, да?

— Я хочу попробовать еще кое-что, — сказал Джеймс, доставая свою палочку из-под мантии. Стараясь не думать, о том что произойдет, он направил свою палочку на ворота.

— Алохомора!

Полоснула золотистая вспышка, результат которой не заставил себя ждать. Заклятие ударило в ворота, отражаясь от них и вспыхнув на весь остров, который угрожающе задрожал. Раздался звук, словно тысячи людей одновременно втянули в себя воздух, и затем зазвучал совершенно нечеловеческий голос, который сказал:

«Убирайтесь...от...сюда!»

Джеймс, ошеломленный такой реакцией, отшатнулся назад, споткнулся об ногу Зейна, и они оба полетели на деревянный пол. Мост под ними задрожал, и Джеймс увидел, как ворота заколебались, наклоняясь к ним. Деревья, которые сплетались в голову дракона,

заскрипели над их головами и их изломанные ветви все больше и больше стали напоминать клыки.

— Убирайтесь...от...сюда! — снова повторил остров. Голос звучал так, словно состоял из миллионов тонких голосов, шипящих и скрипящих в унисон.

Мост прогнулся, оторвавшись от берега. Верхняя челюсть дракона снова затрещала и стала разрушаться, обваливаясь вниз и готовясь поглотить двух мальчиков. Они стали карабкаться назад, перепрыгивая друг через друга, и выскочили на берег в тот самый миг, как мост оторвало от острова.

Земля под ними загрохотала. Корни вылезали из земли, разрывая почву. Джеймс почувствовал, как берег обваливается под ним. Его нога соскользнула в образовавшуюся дыру, он дергал за нее, пытаясь вытащить её из грязи, словно за морковку на грядке. Мальчик пытался выбраться на рушащийся берег, но тот крошился под ним, унося мальчика к кромке воды. На поверхности озера стала возникать рябь, переходящая в водоворот. Ноги мальчика засасывало в грязь, и его тянуло к воронке. Зейн вцепился в берег, вместе с которым медленно оседал в воду. Джеймс пытался найти то, за что можно схватиться, но ему не попадалось ничего твердого. Даже корни деревьев, торчащие из разрушенной земли выскользывали у него из рук, оставляя там только мерзкую слизь.

Затем неожиданно появился Грохх. Он упал на колени, схватился за ствол ближайшего дерева одной рукой, а другую протянул Зейну, который находился к нему ближе. Он выдернул мальчика из тьмы и закинул себе на плечо. Тот схватился за рукав рубашки Грохха, когда Великан ринулся доставать Джеймса, который почти скрылся в потоках воды. Ужасный ворсистый корень потянулся сквозь воду и обвился вокруг лодыжки Джеймса, втягивая его обратно. Он так и завис там, с одной стороны ухваченный Гроххом, а с другой — гадким корнем, и Джеймс был практически уверен, что сейчас просто разорвется пополам. Корень соскользнул по его ноге и сдернул с него ботинок. Джеймс увидел, как корень жадно сомкнулся вокруг ботинка и скрылся с поверхности земли.

Грохх попытался подняться, но из-под земли вокруг него возникло множество корней. Огромные древесные щупальца обвились вокруг

ног. Зеленые лозы росли с невероятной быстротой, вращаясь в ткань его штанов крошечными нитевидными усиками. Грохх взревел и рванулся, разрывая штаны и вытягивая корни из земли, но их было слишком много. Они бросили его на колени, а затем ринулись вверх, оплетая его талию, поднимаясь по спине и плечам. Лозы быстро достигли Джеймса и Зейна, пытавшихся отпихнуть их. Грохх снова взревел, когда одно из растений обвилось его шеей, пригибая к земле, тяня вниз, к провалу.

Когда Джеймс уже ощущал, как его отрывают от плеча Грохха и тянут назад несколько лоз, сдавивших ему ноги, воздух прорезала вспышка цвета. Золотисто-зеленому мерцанию аккомпанировал низкий жужжащий звук. Лозы и корни отпрянули от света. Они ослабили хватку, но упорно не хотели отказываться от своей добычи. Волны света захлестнули их, и каждая волна уменьшала силу захвата до тех пор, пока меньшие лозы омертвев не отпали, а корни с тихим бульканьем не уползли обратно под землю.

Грохх, Джеймс и Зейн почти на коленках выползли на твердую землю. Там они упали, тяжело дыша и переводя дух среди опавших листьев и сломанных ветвей.

Когда Джеймс наконец перевернулся и поднялся на колени, он заметил рядом с ними мерцающую зеленоватым светом фигуру. Точно такой же свет ранее прогнал лозы. Джеймс мог различить сквозь фигуру колеблющиеся тени деревьев, хотя они были странно искаженными и преломленными, словно отражение в капле воды. Фигура была похожа на женщину, очень высокую и стройную, в темно-зеленом платье, которое по-видимому уходило прямо в землю. Ее беловато-зеленые волосы обрамляли голову подобно короне. Она была прекрасна, но выражение ее лица было суровым.

— Джеймс Поттер, Зейн Уолкер, Грохх, сын земли, здесь оставаться вам опасно. Вам необходимо немедленно покинуть сей лес. Не будет безопасности сынам человеческим под сенью его.

Джеймс с трудом поднялся на ноги.

— Кто вы? Что произошло?

— Я — дриада, дух лесной. Смогла я успокоить Голос острова, но нет возможности надолго удержать его. И рост его все беспокойней с каждым днем.

— Дух леса?! — воскликнул Зейн, и сразу же с помощью Грохха

довольно грубо поднялся на ноги. — Неужели у деревьев тоже бывают привидения?

— Дриада я, дух дерева лесного. Любое дерево свой дух имеет, но спали сном мы беспробудным, что длился годы и века, выросли корнями в землю, ослабели, истощились силы наши. До времени недавнего се длилось. Наяды и дриады пробудились, причина этого доселе неизвестна. Двуногие немногие, что с деревом могли общаться как с себе подобными, исчезли и забыты. Остаться в прошлом суждено нам было. Но что-то послужило пробуждением.

— Что пробудило вас? — спросил Джеймс.

— Неведомо нам то, усилья тщетными остались по розыску зовущего. Нет более гармонии под сенью леса. Деревья многие здесь помнят только звон пилы, не руку, их сажавшую. Они стары и гнев велик их, желают одного лишь — вред человеку причинить. Ушли теперь к другим они, и стали жертвой гнева вы их, хотя спастись и удалось вам.

— Погоди-ка, что ты подразумеваешь под словами «ушли к другим»? — спросил Зейн, подходя поближе и украдкой разглядывая красавицу-дриаду. — Речь идет об этом острове? О... Зале Пересечения Старейших?

— Век человека короток, для нас же годы словно дни проходят. Небесные светила неподвижны для людей, но мы же смотрим вверх и видим танец звезд, — произнесла дриада, ее голос смягчился, стал мечтательным. — Но в этом нашем пробужденье несчастье предвещает ритм небес, судьба тяжелая ждет мир людей, все балансирует на кончике ножа. Один лишь путь ведет к спасенью. Все остальные к гибели ведут и рекам крови. Большая скорбь, тьмы времена, наполненные алчностью и войнами, великие тираны, страха власть. Всего произойти должно немало, пока не завершится этот цикл. Деревьям же лишь наблюдать останется доселе, но те из нас, кто остаются верными гармонии меж лесом и людьми, помогут вам, когда придет сей срок.

Джеймс ощущал, как его обволакивает гипнотизирующий голос дриады, в нем отчетливо звучали нотки беспомощности и безнадежности.

— Но ты сказала, есть шанс избежать войны. Что мы можем

сделать? Как помочь миру пойти по одному-единственному пути?

Лицо дриады смягчилось. Ее большие влажные глаза грустно улыбались.

— Нет способа такого, что гарантированно приведет к спасенью. Возможно, то, чем заняты сейчас вы, к миру приведет. Но исключить нельзя и так же, что, хоть стремитесь к миру вы любой ценой, в итоге лишь к войне и разрушениям действия все ваши приведут. Вам нужно делать то, что должно, но с открытым сердцем.

Расхрабренный Зейн так и покатился со смеху.

— Да уж, отличный совет, сенсей.

— Есть большая опасность в полотне судьбы, чем знаешь ты, Джеймс Поттер, — дриада скользнула к Джеймсу, так что блики света заиграли на ее лице. — Враг твоего отца и всех, кому любовь известна, мертв. Но кровь его жива в другого сердце. Кровь вашего великого врага жива доселе.

Джеймс ощутил, как ослабли его колени. Он вздрогнул, затем оперся о ближайшее дерево.

— Вол... Волан-де-морта? — прошептал он.

Дриада кивнула, по-видимому, не желая повторять это имя.

— Его начальный план был сорван навсегда отцом твоим. Но ловок и хитер он был. Остался план второй его — наследник, кровь от крови. И сердце, что наполнено сей кровью, сию секунду бьется не более чем в миле от тебя.

Губы Джеймса задрожали.

— Кто? — спросил он еле слышным голосом. — Кто это?

Но дриада только печально покачала головой.

— Сего нам не дано увидеть ни зреньем внутренним, ни внешним. Деревья те, что перешли к врагу, туманят наше зрение, поддерживают сон всех прочих. Мы можем только знать, что сердце бьется, что недалеко оно, но это все. Ты должен осторожным быть, Джеймс Поттер. Прошли дни твоего отца. Твоя же битва впереди еще.

Дриада начала исчезать. Ее глаза закрылись, она как будто ускользала в небытие, погружаясь в глубокий сон.

Со стороны острова послышался хриплый стон, затем всплеск.

— Ну что ж, — сказал Зейн с преувеличенной готовностью, — что вы думаете насчет того, чтобы запрыгнуть обратно на плечи нашего

гигантского приятеля и унести это местечко в воспоминаниях до того, как от нас останутся только они?

Они встретили Титуса Хардкасла на полпути к месту ожидания. Его лицо было мрачнее грозовой тучи, но единственными словами были:

— Никто не пострадал?

— Более-менее, — откликнулся Зейн с плеча Грохха, — но смею заметить, что мы пристрастнейшим образом провели время.

Грохх наклонился, чтобы Хардкасл смог забраться к нему на спину.

— Странностей здесь более чем достаточно, не так ли? — хмыкнул Хардкасл.

Зейн протянул руку, собираясь помочь Хардкаслу забраться, но вместо этого чуть было сам не плюхнулся на землю.

— Так что это была за штуковина, которую вы преследовали? — спросил он, засопев носом.

— Паук. Один из родственничков старика Арагога, полагаю. Последние поколения были на диво тупы и неразговорчивы, этот, к примеру, сбежал и нашел себе интересную игрушку, — Хардкасл раскрыл ладонь, и Джеймс увидел портативную видеокамеру, похожую на те, которые были у злоумышленника на Поле для квиддича. — Это все еще работало, когда я догнал зверюгу, по крайней мере, экран светился. Жаль, сломалось, когда я... эээ... уничтожил помеху. В любом случае, он хорошо провел свою последнюю трапезу.

Джеймс невольно вздрогнул, когда Грохх начал свой путь через лес.

— Ты правда думаешь, что это... сожрало того парня?

Хардкасл поджал губы.

— Круг жизни, Джеймс. Хотя, строго говоря, пауки не едят людей. Скорее, они сосут их них соки. Не самый лучший способ решения проблем, но, по крайней мере, этот вопрос исчерпан.

Джеймс ничего не ответил, но не мог избавиться от ощущения, что настоящие проблемы только начинаются.

Утром в среду, войдя в Большой Зал, чтобы подкрепиться, Джеймс ощущал себя довольно вялым и раздражительным. Погода снаружи соответствовала настроению — по небу на потолке быстро бежали низкие клочковатые тучи, окна запотели от тумана. Ральф и Зейн сидели

за столом Слизерина, Зейн дул на кофе, который он пил каждое утро, а Ральф яростно атаковал апельсин с помощью ножа для масла, разрезая очищенные дольки на кусочки перед тем, как отправить в рот. Похоже, сейчас они не были склонны общаться между собой. Зейн был явно не из тех, кто радуется возможности встать пораньше, а лег он еще позже, чем Джеймс. Ни Зейн ни Ральф даже не взглянули на него, чему Джеймс был несказанно рад. Он все еще сердился и ощущал легкую неприязнь по отношению к Ральфу. Помимо прочего, ему было больно и грустно от предательства мальчика. Он попытался не обижаться на Зейна за то, что тот сидел рядом с Ральфом, но не стал прилагать к этому слишком много усилий — сложись все по-другому, это не исправило бы его настроения.

Джеймс направился к столу Гриффиндора, по дороге бросив быстрый взгляд на помост для учителей. Ни его отца, ни Титуса Хардкасла не было видно. Он сообразил, что несмотря на насыщенную событиями прошлую ночь они уже давно встали и позавтракали задолго до него, а теперь отправились куда-то по своим утренним делам. При мысли о том, что его папа и Титус уже начали свой день, полный захватывающих событий и интересных встреч, а его, Джеймса, ждут впереди только унылые классные помещения, его охватила настоящая тоска. Он нашел свободное местечко среди беззаботно болтающих гриффиндорцев, плюхнулся на него и без особой радости принялся за свой завтрак.

Накануне вечером после возвращения с озера Джеймс провел почти два часа в компании Титуса Хардкасла, своего отца и директрисы МакГонагалл. Титус при помощи своей палочки как только они дошли до замка подал сигнал, сообщая Гарри, Теду, Пречке и Хагриду об их приходе. Когда они все собрались возле обиталища Хагрида, директриса отпустила Грохха и Пречку, официально объявив им благодарность и наградив их баррелем масляного эля. После чего все прошли в хижину Хагрида, где, собравшись вокруг огромного круглого стола, пили подозрительно мутный чай с явным лекарственным привкусом и старательно избегали даже нюхать предложенное им не слишком свежее печенье.

Хардкасл заговорил первым. Он рассказал всем присутствующим, как почувствовал присутствие паука, как затем начал преследование,

оставив Джеймса и Зейна под защитой Грохха. Гарри беспокойно заерзал на стуле, но воздержался от комментариев. В конце концов, он был одним из тех, кто попросил, чтобы Джеймса взяли в экспедицию, а также весьма неохотно дал согласие на участие Зейна. Директриса и так уже одарила его долгим испепеляющим взглядом, увидев Зейна, входящего в хижину. Теперь же МакГонагалл повернулась к Хардкаслу, расспрашивая его о том, как тому удалось прикончить паука.

Маленькие глазки Хардкасла блеснули, когда он ответил:

— Самый лучший способ убить паука, размеры которого не позволяют вам прихлопнуть его ботинком — это оторвать ему ноги. Это самая сложная часть. Все остальное уже гораздо проще.

Хагрид сокрушенно провел рукой по лицу.

— Бедный старый Арагог. Если бы он был жив и увидел, во что превратились его дети, то это убило бы его. Но они просто следуют своей природе, их нельзя обвинять в этом.

— У паука была камера нарушителя, — сказал Гарри, бросив короткий взгляд на сломанный предмет, лежащий на столе. Объектив треснул, а маленький экран на задней части не подавал признаков жизни. — Итак, мы знаем, что этот человек попытался сбежать в сторону озерного леса.

— Не лучший способ умереть, кто бы он ни был, — сказала МакГонагалл.

На лице Гарри не дрогнул ни единый мускул.

— Мы до сих пор не можем с уверенностью утверждать, что этот человек действительно был схвачен пауком.

— Сомнительно, что эта зверюга попросила у него разрешения воспользоваться камерой, чтобы поснимать своих детишек, не правда ли? — хмыкнул Хардкасл. — Пауки вообще не слишком разговорчивы, гораздо чаще они голодны.

Гарри задумчиво кивнул.

— Наверно, ты прав, Титус. Хотя всегда остается возможность, что нарушитель просто выбросил камеру, а паук нашел ее. Думаю, не помешает повысить уровень безопасности, Минерва. Мы все еще не знаем, как он сюда проник и кто это вообще был. Пока мы изучаем находки, лучше предотвратить возможность нового вторжения.

— Больше всего меня интересует вопрос, как они смогли заставить

камеру работать в данных условиях, — фыркнула Директриса, кладя прибор обратно на стол. — Общеизвестный факт, что маггловские устройства подобного рода не будут работать в магической среде возле Школы.

— Это, конечно, общеизвестно, Госпожа Директриса, — прогрохотал Хагрид, — но малоизученно. Магглы успели изобрести огромное количество различных инструментов. Так что то, что было фактом когда-то, теперь может вовсе не иметь значения. Все мы знаем, что защитные заклинания, возведенные вокруг территории после Битвы, немного менее эффективны, чем те, которые были во времена Дамблдора, упокой Господь его душу.

В голове Джеймса мелькнула мысль о GameDeck'e Ральфа, но он решил не упоминать об этом. Сломанной видеокамеры было вполне достаточно в качестве доказательства существования работающих маггловских приборов на территории школы.

Под конец все внимание обратилось на Джеймса и Зейна. Джеймс рассказал, как Грохх отправился на поиски еды, как они оба преследовали его, как нашли возле озера. Рассказали и о странном топком острове. Зейн в красках описал таинственный остров и мост. Он подробно рассказал о том, что случилось, когда Джеймс попытался открыть ворота с помощью магии, чему Джеймс был несказанно рад, поскольку со стороны это выглядело большой глупостью, и ему вовсе не хотелось говорить об этом самому. Тем не менее, тогда это решение казалось ему таким логичным. Затем они, перебивая друг друга, рассказали о голове дракона, попытавшейся проглотить их, о живых лозах, атаковавших их впоследствии и почти утянувших под землю. Затем Джеймс поведал всем о появлении древесного духа.

— Наяды и дриады? — воскликнул Хагрид. Джеймс и Зейн замерли на полуслове, недоуменно моргая. Хагрид продолжил:

— Но ведь они же не существуют? Это миф, верно?

Последний вопрос был адресован более взрослой части аудитории.

— Озерные леса — это тоже часть Запретного Леса, — сказал Гарри. — Если и есть место, где могут существовать наяды и дриады, то это там. Впрочем, если это правда, то их никто не видел уже сотни лет. Естественно, что мы начали считать их мифом.

— Что ты подразумеваешь под словами «если это правда»? —

спросил Джеймс немного громче, чем собирался. — Мы видели ее. Она говорила с нами.

— Твой отец — Мракоборец, Джеймс, — успокаивающе сказала МакГонагалл — Необходимо рассмотреть все возможности. Вы оба находились под воздействием сильного стресса. Это не значит, что мы не верим вам. Мы просто должны найти наиболее вероятное объяснение произошедшему с вами.

— Для меня самым вероятным объяснением являлось бы то, что все именно так, как она и сказала, — пробормотал Джеймс себе под нос.

Джеймс намеренно не стал рассказывать отцу и остальным обо всем, о чем им поведала дриада, особенно ту часть, где она рассказывала о наследнике, о том, что кровь врага наполняет чье-то живое сердце. Частично причиной его нежелания были рассказы о том, как мир отнесся к его отцу после Турнира Трех Волшебников, с которого он вернулся с вестью о возрождении Волан-де-Морта, как его слова были подвергнуты сомнению, а сам он — осмеянию. Частичной причиной было и то, что, если папа не поверил даже в существование дриады, то с какой стати он поверит в предсказанное ею возвращение Волан-де-морта через кровь, через наследника? Но самой главной из всех были последние слова дриады «Прошли дни твоего отца. Твоя же битва впереди еще».

Беседа окончилась после того, как все детали были описаны и обсуждены, после чего Джеймс заскучал. Он хотел спать больше, чем думать о том, что сказала дриада. Джеймс хотел узнать что-это был за остров, и что за стихотворение было начертано на воротах. Он старался вспомнить его, и жаждал записать, но ничего не удавалось. Джеймс был уверен так или иначе, что все это связано с историей Астромадукса и секретным разговором Слизеринцев возвратить Мерлина, и начать заключительную войну с Миром маглов. Он даже не спрашивал сам себя верно ли это, ведь ответ был ясен. Это должна быть правда, и мальчик был обязан ее предотвратить.

Наконец, взрослые закончили говорить. Они решили, что таинственный остров, был только одной из многих таинственных и необъяснимых опасностей, которые как-раз и сделали Запретный Лес запретным. Первоочередная задача все-еще стояла на том, как злоумышленник вошел, и проверка, что никто больше не сможет этого

сделать снова. На таком решении все разошлись.

Директриса МакГонагалл сопровождала Джеймса, Зейн и Теда назад в замок, приказывая им приложить все усилия, чтобы сохранить эту ночь в тайне.

— Особенно вы, мистер Люпин, — сказала она серьезно, — последняя вещь, в которой мы нуждаемся, это вы и ваша группа хулиганов, убегающих в лес посередине ночи, пытаясь повторить события мистера Поттера и мистера Уолкера.

К счастью, Тед знал достаточно, чтобы не попытаться отрицать эту возможность. Он просто кивнул и сказал, «Да, мэм».

Джеймс видел своего отца только еще один раз в течение всего посещения, это случилось вечером после уроков, как раз тогда, когда Гарри, Титус и сотрудники Министерства готовились отбыть. Невилл вернулся в Хогвартс незадолго до полудня, и он взял Джеймса с собой в кабинет Директрисы, чтобы попрощаться с Гарри и остальными. Группа собиралась использовать камин Директрисы для ухода, поскольку это было безопаснее. Если Невиллу до сих пор и казалось странным, что в кабинете, некогда принадлежавшем Альбусу Дамблдору, теперь обитает профессор МакГонагалл, то он не подал виду. Он только на секунду притормозил возле портрета бывшего директора.

— Его опять нет, верно? — спросил он у Гарри.

— Я вообще думаю, что здесь он только спит. У него достаточно других портретов в иных местах, — Гарри вздохнул. — Не говоря уже о старых карточках от Шоколадных Лягушек. Он по-прежнему показывается в них, просто для веселья. Я держу одну такую в моем бумажнике — просто так, на всякий случай.

Он извлек кошелек и выудил оттуда помятую карточку. Рамка для портрета пустовала. Гарри улыбнулся Невиллу и положил карточку обратно.

Невилл направился к группе людей, собравшихся возле камина, а Гарри присел на корточки рядом с Джеймсом.

— Я хотел бы поблагодарить тебя, Джеймс.

Джеймс ощутил, как его лицо приобретает горделивое выражение, и поспешно стер его.

— Я просто сделал все, как ты и просил.

— Я имею в виду не просто то, что ты пошел с нами и помог

разобраться в случившемся, — сказал Гарри, положив руку Джеймсу на плечо. — Я говорю про то, что заметил пришельца на поле и указал мне на него. И за готовность дать о нем знать при необходимости. У тебя острый глаз и живой ум, сынок. Я не должен был быть удивлен, и я не удивлен.

Джеймс улыбнулся.

— Спасибо, пап.

— Только не забудь, о чем мы говорили той ночью, хорошо?

Джеймс помнил.

«Я не буду спасать мир в одиночку. Со мной хотя-бы будет Зейн» подумал он, но ничего не сказал.

«И возможно, Тед тоже, теперь, когда Ральф бросил меня».

Гарри приобнял своего сына. Они улыбнулись друг другу, и Гарри, положив руку на плечо Джеймса, уже подходил вместе с ним к камину.

— Передай маме, что я хорошо себя веду и кушаю овощи каждый день, — проинструктировал Джеймс своего отца.

— А на самом деле? — Гарри приподнял бровь.

— Ну, и да и нет, — ответил Джеймс, слегка смущенный тем, что все за ними наблюдали.

— Вот когда это будет правдой, тогда и передам, — сказал Гарри, снимая очки и пряча их в складках своей мантии.

Через мгновение комната опустела, в ней остались только Джеймс, Директриса и Невилл.

— Профессор Долгопупс, — произнесла Директриса, — я подозреваю, что сейчас мне лучше всего поведать вам обо всем, что произошло в течение последних двадцати часов.

— Вы имеете в виду нарушителя, Мадам? — спросил Невилл.

Директриса явно казалась слегка удивленной.

— Именно так. Может, чтобы мне не повторяться, вы сначала расскажете, что вам уже известно, Профессор?

— Только то, о чем я уже сказал, мадам. Вчера несколько студентов видели этого человека на поле для Квиддича. Основной теорией среди них является та, что он принадлежит к одному из игорных обществ или тотализаторов, желающих повлиять на исход матча. Все это, конечно, ерунда, но я полагаю, пусть лучше просто треплют языками, чем докопаются до истины.

— Мистер Поттер, несомненно, согласен с вами, — произнесла Директриса многозначительным тоном. — Поскольку мне потребуется ваша помощь в обеспечении безопасности территории, я расскажу вам, что произошло на самом деле. Джеймс, у вас сейчас нет занятий, не так ли? Подождите немного, пожалуйста. Я не задержу профессора надолго, и он проводит вас.

Не дожидаясь ответа, она повернулась к Невиллу и посвятила его в детали произошедшего.

Джеймс, конечно, был в курсе всего произошедшего, но сейчас подумал, что его просто отправили ждать возле двери, чтобы позволить услышать как можно меньше. Это было неудобно и вызывало досаду. Он считал себя связанным с нарушителем, ведь именно он первым заметил его на Поле для Квиддича. Все как обычно: сначала взрослые отрицают все, что утверждает ребенок, потом, когда это оказывается правдой, они берут все на себя и отодвигают ребенка со сцены. Он был рад, что решил сохранить часть информации в тайне, особенно ту, что касалась планов Слизерина относительно Мерлина. Он чувствовал себя увереннее, поскольку вознамерился хранить свой секрет, по крайней мере, до тех времен, пока не найдет доказательств.

Джеймс скрестил руки на груди и угрюмо встал возле двери, время от времени оборачиваясь, чтобы взглянуть на Невилла, сидящего перед столом Директрисы, и на МакГонагалл, вышагивающую с другой стороны стола во время рассказа.

— Что это с тобой, Поттер? — за спиной Джеймса раздался голос, манерно растягивающий слова. От неожиданности мальчик подпрыгнул. Голос продолжил, не давая ему возможности ответить. — Даже не думай спрашивать, кто я и не трать мое время на бессмысленную ложь. Ты знаешь, кем я являюсь. И я тоже знаю, даже больше, чем твой отец, о том, что ты что-то скрываешь.

Это был, конечно же, портрет Северуса Снейпа. Темные глаза холодно смотрели на Джеймса, рот кривился в презрительной усмешке.

— Я... — начал было Джеймс, затем запнулся, понимая, что портрет в любом случае поймает его на лжи. — Я не собираюсь ничего говорить.

— Более честный ответ, чем когда-либо предоставленный твоим отцом, по крайней мере, — протянул Снейп, чтобы не привлекать

внимание МакГонагалл и Невилла. — Печально, что я уже мертв, чтобы быть директором, но я так или иначе найду способ получения всей истории лично от тебя...

— Хорошо, — прошептал Джеймс, чувствуя себя немного храбрее, когда шок прошел.

— Я считаю, что очень хорошо то, что вы больше не директор.

Он подумал, что это было немного чересчур — сказать, что то, что ты мертв, это хорошо. Отец Джеймса очень уважал Северуса Снейпа. Он даже сделал имя Северуса вторым именем Альбуса.

— Не умничай тут, Поттер, — ответил портрет больше устало, чем сердито. — Ты, в отличие от своего отца, знаешь достаточно хорошо, что я был предан Альбусу Дамблдору и хотел падения Волан-де-морта так же, как и он. Твой отец считал, что в одиночку выиграл сражение. Он был безрассудным и заносчивым. Не думай, что я не видел такой же взгляд пять минут назад.

Джеймс не знал что сказать. Он встретился взглядом с темными глазами портрета и упрямо нахмурился.

Снейп театрально вздохнул.

— Будь по-твоему. Каков Поттер, таков и сын. Никогда не усваивает уроки прошлого. Но знай: я буду наблюдать за тобой, как и за твоим отцом. Если ваши неизвестные подозрения против всей вероятности точны, будьте уверены, что я буду работать в том же направлении, что и вы. Старайтесь, Поттер, не повторить тех же ошибок, что и ваш отец. Старайтесь не заставлять других платить за последствия вашего высокомерия.

Это последнее ударило Джеймса до глубины души. Снейп остался, с тем же пронизательным взглядом на лице, читая мысли Джеймса как книгу. Тем не менее, не было ничего особенно злого в этом взгляде, несмотря на колкие слова.

— Хорошо, — сказал Джеймс, наконец, совладев со своим голосом.

— Я буду иметь это в виду.

Это был неубедительный ответ, и он знал это. В конце концов, ему было всего одиннадцать.

— Джеймс? — сказал Невилл за его спиной. Джеймс повернулся и посмотрел на профессора. — Похоже, у вас было бурная ночь вчера

вечером. Мне интересно узнать о виноградных лозах, которые вас атаковали. Мог бы ты рассказать мне о них побольше?

— Конечно, — сказал Джеймс, чувствуя, что его губы онемели. Когда он повернулся к двери, следуя за Невиллом, Снейп на портрете не сдвинулся с места. Его глаза мрачно последовали за ним, когда мальчик вышел из комнаты.

Глава 9. Вероломные дебаты

По мере того, как Джеймс все более и более осваивался со школьной жизнью, время проходило мимо, не оставляя никаких воспоминаний. Зейн продолжал блистать на Квиддичной площадке, вызывая у Джеймса смешанные чувства по поводу этого. Он по-прежнему ощущал уколы ревности, когда слышал, как другие студенты расхваливают на все лады удачно забитые Зейном бладжеры, но не мог не улыбаться при мыслях о том, насколько того захватил спорт, насколько тот радуется каждому матчу и успешной работе в команде. За это время Джеймс успел развить свои навыки полета на метле до вполне приемлемого уровня. Вечерами он тренировался на Квиддичной Площадке вместе с Зейном, не стесняясь просить его совета относительно различных приемов. Зейн же, в свою очередь, был полон энтузиазма и всегда поддерживал Джеймса, постоянно говоря ему о том, что тот наверняка попадет в команду Гриффиндора в следующем году.

— Тогда мне придется прекратить заниматься с тобой и давать тебе советы, как ты знаешь, — сказал Зейн, летя около Джеймса и

перекрикивая рев воздуха: — Это было бы как общение с врагом.

Как обычно, Джеймс не мог сказать, шутит Зейн или нет.

Хотя Джеймс и наслаждался полетами на метле, в то же время, к своему удивлению, он обнаружил, что ему стал нравиться футбол. Тина Карри поделила все свои классы на команды и организовала случайный график игр, так что им частенько приходилось играть друг против друга. Основные правила игры через некоторое время стали понятны практически всем студентам, между ними даже возникло нечто вроде духа соперничества, что сделало матчи еще интереснее. Впрочем, время от времени они забывали о не-магической природе футбола, что приводило к забавным казусам, когда кто-нибудь посреди игры принимался шарить по карманам в поисках волшебной палочки или кричать что-то вроде «Акцио мяч!», в результате чего матч приостанавливался, поскольку игроки не в силах были одновременно играть и хохотать.

Однажды какая-то девочка из Пуффендуя просто схватила мяч обеими руками и бросилась с ним через поле, забыв про все правила, словно решила поиграть в регби. Джеймс обнаружил, впрочем, довольно неохотно, что оценка, данная профессором Карри его навыкам, была довольно точной. У него все получалось автоматически. Легко выходило вести мяч, рывками мчась через поле. Его умение обращаться с мячом было расценено как одно из самых лучших среди новичков, а единственным человеком, попадавшим в ворота чаще его, была пятикурсница Сабрина Хильдегард, которая не только подобно Зейну была магглорожденной, но еще и играла в команде, когда была младше.

Общение между Джеймсом и Ральфом можно было назвать прохладным. Гнев и возмущение Джеймса привели к возникновению отчуждения между ними. Некая разумная часть мальчика сознавала, что ему стоило бы простить Ральфа, может быть, даже извиниться за то, что случилось тогда в Главном Зале. Он понимал, что, держись он тогда достойно, Ральфу было бы проще принять то, что его выбор относительно других слизеринцев был ошибочным.

Ральф чувствовал, что должен поддерживать слизеринцев и «Прогрессивный элемент» со всей искренностью, на которую он способен. Если бы поддержка Ральфа не была такой безвольной и

унылой, Джеймсу было бы легче злиться на него. Ральф носил синие значки и присутствовал на дебатах в библиотеке, но делал это с таким упрямством, что, казалось, оно принесет ему больше вреда, чем пользы. Если кто-нибудь из слизеринцев заговаривал с ним, он вскакивал с места и отвечал с маниакальным рвением, но сдувался, как только они отвлекались на что-то другое. Джеймсу было больно смотреть на это, но не настолько, чтобы изменить свое отношение к Ральфу.

По ночам в своей комнате или углу библиотеки Джеймс изучал стихотворение, которое они с Зейном видели на воротах в Пещерной Цитадели. С помощью Зейна он записал его по памяти и был уверен, что все точно. Тем не менее, это мало ему помогло. Все, что он знал наверняка, это что первые две строки гласят о том, что Цитадель можно найти только при лунном свете. Остальное оставалось загадкой. Он продолжал водить пальцем по строкам и читать «тревожен сон...», задавая себе вопрос, может ли это относиться к Мерлину. Но Мерлин ведь не спал, не так ли?

— Звучит так, будто он Рип Ван Винкль, — однажды прошептал в библиотеке Зейн. — Дрыхнет где-то под деревом несколько сотен лет.

Зейну пришлось рассказать сказку о Рип Ван Винкле, и Джеймс обдумал ее. Он слышал от своего отца, что многое из маггловской мифологии пришло от древних, далеких встреч с ведьмами и колдунами. Истории волшебного мира пробились в маггловские сказки, изменились и переросли в легенды и мифы. Возможно, подумал Джеймс, что эта история о спящем, который проснулся через сотни лет, была отголоском маггловской истории про Мерлина. Тем не менее, это не приблизило Джеймса или Зейна к разгадке того, как Мерлин мог вернуться столько веков спустя, равно как и не было никаких подсказок относительно того, кто может быть замешан в таком заговоре.

Ночью, когда он не мог заснуть, Джеймс часто думал, как ни странно, о разговоре с портретом Северуса Снейпа. Снейп сказал, что будет присматривать за Джеймсом, но Джеймс никак не мог себе представить, каким образом. Насколько Джеймсу было известно, на территории Хогвартса был только один портрет Снейпа, и находился он в кабинете директрисы.

Как Снейп будет присматривать за Джеймсом? По рассказам мамы и папы Снейп был могущественным волшебником и гением

зельеварения, но как это поможет ему видеть за пределами замка? Тем не менее, Джеймс не сомневался в словах Снейпа. Если Снейп сказал, что он наблюдает за ним, то Джеймс был уверен, что, так или иначе, это правда. И только после двух недель размышлений над разговором с бывшим профессором зельеварения, Джеймс понял, что поразило его больше всего. У Снейпа, в отличие от Джеймса и остальной части волшебного мира, было предвзятое мнение, насчет того, что Джеймс такой же как и его отец. «Каков Поттер, таков и сын», — сказал он, насмехаясь. Как это ни странно, для Снейпа, и только для него, это не было похвалой.

Когда листья в Запретном Лесу начали сменять свой привычный зеленый цвет на коричневые и желтые оттенки осени, синие кнопки Прогрессивного Элемента выросли до постеров и огромных баннеров в преддверии Все-школьных дебатов. Как и предсказывал Ральф, темой стало «Переосмысливание прошлого: правда или заговор». И, как будто слов на плакатах было недостаточно, нарисованный символ молнии на них беспрестанно сменялся знаком вопроса. Зейн, который, по словам Петры, был довольно хорош в дискуссиях, сообщил Джеймсу, что комитет школьных дебатов провел немало времени в спорах относительно темы данного мероприятия. Табита Корсика не входила в комитет, но зато председателем там была ее подруга, Филия Гойл.

— Таким образом, — рассказывал он, — команда дебатов оказалась отличным примером демократии в действии: они спорили всю ночь, затем она решила.

Он устало пожал плечами.

Кровь Джеймса кипела при виде всех этих значков и плакатов, особенно тех, на которых была изображена молния. Ральф, вешающий один из них на дверь кабинета Техномантии, стал последней каплей.

— Я поражен, что ты смог подняться так высоко, Ральф, — произнес Джеймс сквозь зубы, — наверно, нежные ручки Табиты Корсики подталкивали тебя под зад.

Зейн, шедший рядом с Джеймсом, вздохнул и нырнул в класс. Ральф не замечал Джеймса, пока тот не заговорил. Он оглянулся с удивленным и обиженным выражением лица.

— О чем ты толкуешь? — спросил он.

— Я имею в виду, что надеялся, что тебе надоест быть

марионеткой-первокурсником к этому времени, — Джеймс пожалел о своих словах при виде явного страдания, отразившегося на бесхитростном лице Ральфа.

Все это Ральф слышал уже не раз.

— Что-то мне подсказывает, что ваши люди тоже не дураки относительно кукловодства, наживаясь на страхах слабаков и тем самым поддерживая дух предрассудков и несправедливости, — ответил он, впрочем, довольно неуверенным тоном.

Джеймс закатил глаза и молча прошел в класс.

Обычное место профессора Джексона за учительским столом еще пустовало. Джеймс сел рядом с Зейном за первую парту. Присев, он почувствовал себя обязанным перекинуться парой шуток с другими гриффиндорцами, чувствуя спиной, что Ральф смотрит на него через дверной проем. Полученное удовольствие было более чем сомнительным и отдавало гнильцой, но оно было лучше, чем ничего.

Когда вокруг воцарилась тишина, Джеймс поднял взгляд и увидел профессора Джексона, входящего в класс. Под мышкой у него был зажат какой-то большой плоский предмет, завернутый в ткань.

— Доброе утро, класс, — сказал он своим обычным грубоватым тоном. — Ваши сочинения, сданные на прошлой неделе, проверены и находятся на моем столе. Мистер Мердок, не могли бы вы их раздать, пожалуйста? В целом я не настолько разочарован, как ожидалось, хотя большинство из вас определенно не способствует тому, чтобы Хогвартс занял достойное место в шкале посреди других Школ Магии.

Джексон аккуратно положил сверток на стол. Когда он развернул обертку, Джеймс увидел, что это стопка небольших картин. У него промелькнула мысль о портрете Северуса Снейпа, и его интерес к изображениям резко возрос.

— Сегодня вам лучше записывать, могу вас уверить, — зловеще сказал Джексон, расположив картины в ряд на доске. Первая из них изображала худого плешивого человека с совиными очками. Он смотрел на класс, щурясь, с легким напряжением, как будто ожидал, что кто-нибудь может вскочить и крикнуть ему «Бу!». На следующей картине не было ничего, кроме банального деревянного фона. На последней же был изображен довольно ужасный клоун с белым лицом и страшно большой красной улыбкой, нарисованной поверх его рта. Он смотрел на класс,

глупо ухмыляясь, и тряс тросточкой с набалдашником. Джеймс с содроганием отметил, что набалдашник представлял собой уменьшенную версию головы клоуна с еще более безумной ухмылкой.

Мердок закончил раздавать работы и скользнул на свое место. Джеймс взглянул на своё сочинение. На первой странице была надпись аккуратным, косым почерком Джексона: «Равнодушно, но фактически убедительно. Необходимо работать надо грамматикой».

— И, как обычно, вопросы относительно ваших оценок должны быть представлены мне в письменной форме. Дальнейшее обсуждение при необходимости будет проходить в мое рабочее время, надеюсь, никому не нужно напоминать, где располагается мой рабочий кабинет. А теперь начнем, — Джексон медленно повернулся к ряду картин, обводя их рукой. — Насколько большинство из вас помнит, во время первого классного занятия у нас произошла небольшая дискуссия, основным участником которой был мистер Уолкер, — он повел своими густыми бровями в направлении Зейна, — относительно природы магического искусства. Я объяснил тогда, что стремление художника запечатлеть что бы то ни было на холсте происходит как магический психо-кинетический процесс, таким образом, создается подобие движения и положения в пространстве. Результатом является рисунок, который движется и меняет выражение лица по прихоти художника. Сегодня мы рассмотрим различные виды искусства, которые по-разному представляют жизнь.

В классе раздался скрип перьев, когда ученики принялись записывать основную часть монолога Джексона. Как обычно, Джексон вышагивал туда-сюда перед классом по мере повествования.

— Существует два вида магической живописи. Первый из них есть улучшенная версия того, что я продемонстрировал в классе, то есть, чистое творение фантазии, воображения художника. Отличается от магловской живописи лишь тем, что в волшебном варианте изображения могут двигаться и проявлять эмоции, основываясь на замысле и ни в коем случае не выходя за рамки воображения художника. Наш друг, мистер Бигглс — тому пример, — Джексон указал рукой на рисунок с клоуном. — Мистер Бигглс, к счастью, никогда не существовал вне воображения художника, изобразившего его.

Клоун отреагировал на проявленное к нему внимание движением — пальцы одной руки в белой перчатке шевелились вверх-вниз, другая рука покачивала тросточку. Маленькая клоунская головка на рукоятке трости высунула язык и свела глаза к переносице. Джексон сердито глянул на рисунок, а затем вздохнул и снова начал ходить взад-вперед.

— Второй вид магической живописи намного более точен. Он зависит также от весьма совершенной работы с заклинаниями и смешанными со специальными зельями красками, все это — чтобы воспроизвести реально существующую личность или создание. Техномантическое название этого вида живописи — Имаго Аэтаспекулум. Может кто-нибудь сказать, что это означает?

Петра подняла свою руку, и Джексон кивком указал на нее.

— Я полагаю, это означает что-то вроде живого зеркального изображения, сэр?

Джексон немного подумал над ее ответом.

— Наполовину верно, мисс Морганстерн. Пять очков Гриффиндору за попытку. Наиболее точное определение этого термина звучит как «волшебная картина, заключившая в себе живой отпечаток личности, на ней изображенной, но ограниченная Аэтас, то есть временными рамками, временным отрезком жизни изображенного». Результат такой живописи есть портрет, который, несмотря на отсутствие какой-либо жизненной субстанции изображенного, отражает каждую эмоциональную и интеллектуальную характеристику этого человека. Увы, тем не менее, портрет не может учиться или эволюционировать после смерти изображенного, но отображает в точности личность человека, сформированную его или ее жизнью. У нас тут есть мистер Корнелиус Ярроу в качестве примера.

Джексон указал на художника, весьма нервного человека на портрете. Ярроу слегка вздрогнул от этого жеста. Мистер Бигглс отчаянно запрыгал в своей раме, желая привлечь внимание.

— Мистер Ярроу, когда вы умерли? — Джексон прошел мимо портрета, снова начиная ходить по классу.

Голос, доносившийся с портрета, оказался таким же тонким, как человек, изображенный на нем, с высоким, гнусавым оттенком.

— Двадцатого сентября 1949 года. Мне было 67 лет и 3 месяца,

если округлить, конечно.

— И чем — как будто нужно об этом спрашивать — вы занимались?

— На протяжении 32 лет я был завхозом в школе Хогвартс, — хмыкнув, ответил портрет.

Обернувшись, Джексон взглянул на картину:

— И чем вы занимаетесь сейчас?

Портрет нервно моргнул:

— Простите?

— Теперь у вас масса свободного времени, не так ли? Я имею в виду, что с 1949-го года прошло уже немало времени. Чем вы занимались, мистер Ярроу? Появились ли у вас какие-нибудь новые увлечения?

Ярроу пожевал губы, казалось, немало обеспокоенный и озадаченный этим вопросом.

— Я... увлечения? У меня нет никаких увлечений. Я... мне всегда нравились цифры. Поэтому обычно я размышлял о моей работе. Вот чем я занимался в промежутках между появлением в книгах. Я размышлял о бюджете, счетах и прорабатывал их в моей голове.

Джексон не сводил глаз с портрета.

— То есть вы по-прежнему думаете о цифрах? Вы проводите время, разрабатывая бюджет для школы, словно она по-прежнему осталась такой, какой была в тысяча девятьсот сорок девятом?

Глаза Ярроу забегали по аудитории. Он, казалось, почувствовал, что попался в ловушку.

— Э-э... Ну да. В общем так. Именно этим я и занимаюсь. Тем, чем занимался всегда. У меня нет причин прекращать это. Я ведь все-таки казначей. То есть, был им, конечно. Был казначеем.

— Благодарю вас, мистер Ярроу. Вы отлично проиллюстрировали ранее высказанную мной точку зрения, — сказал Джексон и начал новый круг по комнате.

— Всегда рад помочь, — ответил Ярроу довольно сухо.

Джексон снова обратился к классу:

— Как некоторые из вас заметили, портрет мистера Ярроу обычно находится в коридоре, ведущем к кабинету Директрисы, среди прочих

портретов сотрудников школы и преподавателей. Однако нам удалось разыскать еще один портрет мистера Ярроу, который висел в доме его семьи. Как вы уже, наверно, догадались, второй портрет сейчас находится здесь в центре доски. Мистер Ярроу, разрешите вас еще побеспокоить? Не могли бы вы... — и Джексон указал рукой на пустую рамку в центре.

Ярроу приподнял брови:

— Хмм? Ах, да, конечно.

Он пошевелился, встал, стряхнув несуществующие пылинки со своей опрятной мантии, и осторожно вышел за пределы портрета. Несколько секунд обе рамки были пусты, затем Ярроу появился в той, что была расположена посередине. На этом портрете он был одет по-другому, а когда сел, то повернулся в профиль.

— Еще раз благодарю вас, мистер Ярроу, — сказал Джексон, прислонившись к столу и скрестив руки на груди. — За редким исключением, портреты становятся активными только после смерти изображенного на них. Это одна из вещей, которые Техномантия до сих пор не может объяснить, но, вероятнее всего, все дело в Законе Сохранения Личности. Другими словами, один мистер Корнелиус Ярроу существует в любой момент, выражаясь космическим языком, в необходимом количестве, — эта реплика вызвала несколько смешков, Ярроу негодуяюще нахмурился, а Джексон продолжил: — Другим фактором, вступающим в действие после смерти изображенного, является связь между портретами. Если существует более одного портрета, на котором субъект изображен более-менее в одинаковый промежуток своего существования, то в результате образуется своего рода один общий портрет, появляющийся между различными рамками. Например, мистер Ярроу может навестить нас в Хогвартсе, а затем преспокойно вернуться к себе домой, если пожелает.

Джеймс старательно записывал лекцию Джексона, зная, что преподаватель любит включать в свои тесты мельчайшие детали. Но затем он отвлекся, задумавшись о портрете Северуса Снейпа. Тут Джеймс осмелился поднять руку.

Джексон заметил его и слегка приподнял брови:

— У вас есть вопросы, мистер Поттер?

— Да, сэр. Возможно ли такое, чтобы портрет покидал пределы

своих рамок? Например, перемещаясь на иное изображение?

Джексон некоторое время рассматривал Джеймса, его брови оставались приподнятыми.

— Хороший вопрос, мистер Поттер. Давайте это выясним. Мистер Ярроу, я могу побеспокоить вас еще раз?

Ярроу смотрел немного в сторону, пытаясь удержать позу второго портрета, прилежную и вдумчивую. Его взгляд скользнул к Джексону:

— Полагаю, да. Чем еще могу быть полезен?

— Знаете ли вы что-нибудь о замечательном изображении мистера Бигглса, расположенном в рамке рядом с вами?

В ответ на упоминание своего имени мистер Бигглс изобразил шок и застенчивость. Он прикрыл рот рукой и захлопал глазами. Крошечная голова клоуна на конце трости вытаращила глаза и издала неприличный звук. Ярроу вздохнул:

— Да, я знаю о картине.

— Не могли бы вы зайти в его картину хоть на мгновение, сэр?

Ярроу повернулся к Джексону: его бесцветные глаза расширились за стеклами очков.

— Даже если бы это было возможно, полагаю, я не смог бы заставить себя присоединиться к нему. Извините.

Джексон кивнул, прикрыв глаза, чтобы выразить почтение:

— Спасибо, да, я вас не виню, мистер Ярроу. Теперь мы видим, что какой бы сильной ни была магия, необходимая для создания Имаго Аэтаспекулум, она не позволяет портретам посещать картины с абсолютно вымышленными персонажами. Как если бы вы, к примеру, попробовали протиснуться в нарисованную дверь. С другой стороны, мистер Бигглс?

Когда вновь упомянули его имя, клоун восторженно подпрыгнул, а затем устался на Джексона, имитируя пристальное внимание. Джексон указал рукой на раму, стоящую посередине:

— Вы можете присоединиться к мистеру Ярроу, не так ли?

Корнелиус Ярроу смотрел с изумлением, а затем с ужасом на то, как клоун, выскочив из собственной картины, влез к нему. Мистер Бигглс приземлился рядом с креслом Ярроу, схватился за него, едва не вытряхнув оттуда владельца. Ярроу что-то невнятно забормотал, когда

Бигглс подался вперед так, что его голова оказалась слева, а голова клоуна с трости — справа от Ярроу, издав неприличный звук прямо на ухо мужчине.

— Профессор Джексон! — воскликнул Ярроу. Его голос стал на октаву выше и дрожал так, что едва можно было понять, о чем он говорит:

— Я настаиваю, чтобы вы удалили это... возбужденное изображение с моего портрета немедленно! Класс взорвался от смеха, когда клоун перескочил через плечо Ярроу и приземлился ему на колени, обхватив обеими руками тощую шею мужчины. Голова клоуна с набалдашника несколько раз поцеловала Ярроу в нос.

— Мистер Бигглс, — громко сказал Джексон. — Достаточно. Пожалуйста, вернитесь в свою картину.

Клоун, казалось, не испытывал ни малейшего желания подчиняться. Он спрыгнул с колен Ярроу и спрятался за спинкой кресла. Бигглс выглянул из-за правого плеча Ярроу, в то время как миниатюрная головка показалась из-за другого его плеча. Ярроу обернулся и ударил клоуна с таким выражением лица, будто ему пришлось голый рукой прихлопнуть паука. Джексон достал свою палочку — длиной двенадцать дюймов и выполненную из древесины гикори^[5] — из своего рукава, затем осторожно направил ее на пустую рамку.

— Похоже, вы хотите, чтобы я слегка видоизменил место вашего обычного пребывания, мистер Бигглс, то, где вы сейчас отсутствуете? Рано или поздно вам придется вернуться туда, но будете ли вы готовы столкнуться с зарослями колючего японского терновника?

Лицо клоуна под его гримом скривилось в недовольной гримасе. Надув губы, он выбрался из портрета Ярроу и снова появился в своей рамке.

— Простое правило, — сказал Джексон, наблюдая за тем, как клоун дарит ему неприязненный взгляд, — одномерные изображения способны проникать к двумерным в их пространства, но не наоборот. Портреты ограничены своими рамками, в то время как выдуманности могут свободно менять свое местоположение на любую картину поблизости. Я ответил на ваш вопрос, мистер Поттер?

— Да, сэр, — ответил Джеймс, затем поспешно добавил: — Хотя еще один вопрос, если можно. Может ли портрет появляться более чем в одной из своих рамок одновременно?

Джексон улыбнулся, одновременно слегка нахмутив брови.

— Ваш интерес к этому вопросу безграничен, мистер Поттер. Действительно, подобное возможно, хотя и является большой редкостью. Величайшие волшебники, с которых было написано бесчисленное количество портретов, способны на своего рода разделение своей личности, тем самым обладая возможностью одновременно появляться в нескольких из своих рамок. Примером может послужить небезызвестный Альбус Дамблдор, как вы уже, возможно, догадывались. Этот феномен довольно сложно объяснить, но, безусловно, подобные способности зависят от мастерства ведьмы или волшебника, изображенного на портрете. Еще вопросы, мистер Поттер?

— Профессор Джексон, сэр? — раздался другой голос. Джеймс обернулся и увидел, что руку подняла Филия Гойл, сидящая недалеко от него.

— Да, мисс Гойл? — отозвался Джексон со вздохом.

— Я правильно поняла, что портрету известно все, что знал изображенный на нем?

— Полагаю, это очевидно, мисс Гойл. Картина отражает индивидуальность, знания и опыт изображенного человека. Ни больше ни меньше.

— Значит, портрет может сделать человека бессмертным? — спросила Филия. Ее лицо, как и всегда, было равнодушным и безразличным.

— Боюсь, вы путаете воображаемое с действительным, мисс Гойл, — Джексон пристально смотрел на Филию. — Самая ужасная ошибка, которую может допустить ведьма. Большая часть магии, как и большая часть жизни в целом, смею добавить, — прежде всего, иллюзия. Умение отличить иллюзию от реальности — одна из фундаментальных основ Техномантии. Нет, портрет — всего лишь проекция некогда живого человека. Не более живая, чем ваша тень, упавшая на землю. никоим образом она не может продлить жизнь умершего. Несмотря ни на что, волшебный портрет — это только рисунок.

Закончив говорить, Джексон повернулся к портрету мистера Бигглса. Быстрым движением он направил палочку на картину, даже не взглянув на нее. Из конца палочки ударила струя прозрачной желтоватой жидкости, забрызгав холст. Краска стала мгновенно растворяться. Мистер Бигглс замер: изображение стало размытым, а затем расплылось по холсту. Комнату наполнил хорошо знакомый запах скипидара. В классе повисла гробовая тишина.

Профессор Джексон медленно вернулся к своему столу.

— Когда я был помоложе, то воображал, что у меня есть талант художника, — сказал он, изучая палочку в своих руках. — Отвратительный мистер Бигглс был одним из лучших моих творений. Вы можете лишь догадываться, какого рода жизненные перипетии привели к созданию подобного изображения, о котором забыл даже я сам. Я считал мистера Бигглса утерянным до тех пор, пока случайно не обнаружил его на дне багажника, упаковывая вещи для путешествия. Я полагаю, — продолжил он, глядя на полосы грязноватой краски, сбегавшей из рамки на пол, — что это достойный конец для него.

Джексон сел за стол, аккуратно положив палочку на листок бумаги перед собой.

— А теперь, класс, какой урок техномантии мы можем извлечь из этого небольшого представления?

Сначала никто не шевелился. Потом очень медленно поднялась одна из рук.

Джексон кивнул:

— Мистер Мердок?

Мердок прочистил горло.

— Не пытаться стать художником, если тебе суждено быть преподавателем Техномантии, сэр?

— Это не совсем то, что я имел в виду, мистер Мердок, хотя вы, бесспорно, правы. Нет, на самом деле я хотел показать, что волшебная картина, портрет и прочее, на самом деле, только рисунок на холсте, — Джексон оглядел класс, его взгляд остановился на Джеймсе. — Только автор может уничтожить свою картину. Никто и ничто более. Можно порвать холст, испортить раму, перерезать крепления, картина все вытерпит. Чтобы с ней ни случилось, даже порванная на сотни кусков, она по-прежнему будет показывать того, кто на ней изображен. И

только автор может разорвать эту связь: раз и навсегда.

После окончания урока Джеймс не смог не замедлить шаг, проходя мимо уничтоженного изображения мистера Бигглса. От лица клоуна осталось только грязное размытое пятно в центре холста. Краска струйками сбежала к нижней части рамки, а часть ее образовала серо-красно-красно-белую лужицу на полу возле доски. Джеймс вздрогнул и пошел дальше. По пути он думал, что теперь никогда не посмотрит ни на какое изображение волшебника прежним взглядом. На своем пути на следующий урок он прошел мимо картины, изображающей несколько волшебников, собравшихся вокруг огромного магического шара. Как ни странно, Джеймс заметил, что один из изображенных, крупный мужчина с черными усами и в очках, внимательно наблюдает за ним. Джеймс остановился и наклонился к картине поближе. Взгляд волшебника потяжелел, его глаза, казалось, видели Джеймса насквозь.

— Тебе не о чем беспокоиться, — тихо сказал Джеймс, — Я вообще не умею рисовать. Это к Зейну.

Нарисованный волшебник состроил раздраженную гримасу, словно Джеймс полностью упустил суть. Он хмыкнул и указал в сторону, как бы говоря «идите-идите, не на что тут смотреть».

Джеймс возобновил свою прогулку к Кабинету Заклинаний, сложив руки и размышляя о волшебнике на картине. Он выглядел знакомым, но Джеймс не мог его вспомнить. К тому времени, когда он вошел в класс профессора Флитвика, Джеймс уже забыл маленького нарисованного волшебника и его пристальный пронизывающий взгляд.

Настал день первых школьных дебатов, вызвавших большой ажиотаж, и Джеймс был удивлен, сколько человек захотели их посетить. Он предполагал, что дебаты, как правило, были нудными мероприятиями, на которые ходили только команды, некоторые учителя и горстка настроенных на учебу студентов. К обеду той пятницы, тем не менее, дебаты создали неистовой силы напряженность, которая сопровождала некоторые матчи Квиддича. Единственной вещью, которая, кажется, отсутствовала, были шутки и насмешки между командами. Благодаря тщательно разработанным баннерам и знакам, рекламирующим дебаты, все студенты распределялись между двумя мировоззрениями, которые, казалось, не могли друг с другом договориться.

В результате место шуток и язвительных замечаний соперников заняла мрачная, напряженная тишина. Раньше Джеймс серьезно не относился к посещению дебатов. Только теперь он осознал, что результат этого события взволнует все сообщество Хогвартса. По этой причине он чувствовал обязанность пойти с возрастающим любопытством. Кроме того, если Зейн будет дискутировать на стороне большей части простых школьников, то отчасти защитит Гарри Поттера. Джеймс знал, как важно быть там, чтобы показать свою поддержку.

После обеда Джеймс присоединился к Теду и остальным Гремлинам, когда они прокладывали себе дорогу на мероприятие сквозь толпу студентов.

Дебаты проходили в Амфитеатре, где иногда случались спектакли и обычно проходили концерты. Джеймс никогда не был здесь прежде. Открытое пространство, заполненное сиденьями, было высечено в склоне холма позади восточной башни и спускалось по отвесному уступу к большой сцене внизу. Протолкавшись сквозь битком набитую арку, Джеймс оказался на верхнем ярусе и увидел, что сцена внизу почти пуста. В центре сцены возвышалось официального вида кресло с высокой спинкой, к нему примыкали две трибуны и два длинных стола с расставленными вдоль них стульями.

Профессор Флитвик был на сцене, развешивая в воздухе светящиеся шары с помощью волшебной палочки так, чтобы они освещали всю сцену. Оркестровую яму закрыли большой деревянной платформой, на которой разместился библиотечный стол и шесть стульев. Зейн пояснил, что здесь будут сидеть судьи. Шум толпы студентов перешел в бормотание, почти стих до обычных вечерних звуков, исходящих от туманных холмов и ближнего леса. Тед, Сабрина и Дамьян прошли вдоль ряда к середине секции, где присоединились к другой группе гриффиндорцев. Ной уже был там. Он помахал Джеймсу, когда они заняли свои места.

— Салют, Гремлин! — сказал Ной, выполняя с серьезным лицом ряд жестов. Он отдал честь, приложив руку ко лбу, поднял кулак, помахал локтями, что выглядело, как цыплячьи танцы, и, наконец, обхватил лицо с двух сторон руками, вытянув мизинцы и большие пальцы, вероятно, имитируя уши гремлина.

Тед кивнул, отвечая только жестом гремлинских ушей, который, по-видимому, был отзывом.

— Наши друзья из тройного В что-нибудь выяснили для нас?..

Ной кивнул.

— Мы провели небольшой тест в контролируемых условиях после обеда. Все выглядело лучше, чем мы надеялись. И, — добавил он, ухмыляясь, — они предоставили свои услуги бесплатно. Джордж прислал письмо с пакетом, просил только рассказать ему, как именно все случится.

— Мы дадим ему полный отчет чуть позже, — невесело улыбнулся Тед.

— Что происходит? — Джеймс ткнул локтем Теда.

— Джеймс, мальчик мой, — сказал Тед, разглядывая толпу, — знаешь ли ты, что означает термин «правдоподобное отрицание»?

— Нет, — покачал головой Джеймс.

— Спроси своего приятеля, Зейна. Это выдумали в Америке. Выражение означает то, что иногда лучше ничего не знать, пока это не станет фактом.

Джеймс пожал плечами. Он сидел достаточно близко, чтобы видеть происходящее, возможно, даже лучше, чем кто-либо из Гремлинов. Рядом кто-то тихо настраивал Волшебную радиосеть. Тихий бормочущий голос говорившего составлял часть общего шума, Джеймс расслышал фразу «битком набитый Амфитеатр». Он посмотрел на группу людей рядом со сценой и увидел то, что искал. Высокий человек в пурпурной шляпе-котелке говорил в кончик своей волшебной палочки.

В ритме с его речью из конца волшебной палочки выплывали небольшие дымные струйки, которые формировали слова, плавающие в воздухе. Рядом с мужчиной, на небольшом столе стоял механизм, напоминающий что-то вроде граммофона старого образца с огромной воронкой. Струйки призрачных слов втягивались в воронку с той же скоростью, с которой они вылетали из палочки. Джеймс никогда прежде не видел магическое радиовещание в действии. Он читал слова волшебника за секунду до того, как они произносились по радио.

— Любопытные и спорщики собрались на дебаты сегодня вечером, — говорил диктор, — иллюстрируя продолжающиеся в

последние дни во всем магическом мире споры, сомнения по поводу политики Министерства и деятельности мракоборцев, относительно новейшей истории магического мира. Этим вечером через специальный радиоэфир Новостного обозрения волшебников мы увидим, что центр магического обучения страны думает об этом спорном вопросе. Я ваш ведущий, Майрон Мадригал, спонсор нашей программы — лак для полировки волшебных палочек Ваймнота, используйте с заклинанием Энчант-Энченсер. Мы вернемся к прямой трансляции после этого важного сообщения.

Ведущий указал пальцем ассистенту, который заткнул воронку большим поршнем, поместив в него устройство записи. Реклама лака для полировки волшебных палочек Ваймнота заиграла из ближайшего радио. Вначале Джеймс обеспокоился из-за трансляции дебатов на весь магический мир, но потом решил, что это лучше, чем обрывочные, перевернутые статьи кого-то типа Риты Скитер. При таком вещании все аргументы будут услышаны наиболее полно. Он только надеялся, что Зейн, Петра и их команда будут более убедительны, чем Табита Корсика и ее программа, сплетенная из осторожных сомнений и полуправды.

Как только реклама по радио закончилась, Бенджамин Франклин подошел к подиуму на сцене с левой стороны. Из радио донесся приглушенный голос ведущего:

— Какой дерзкий поворот событий — ректор американской школы волшебства, Альма Алерон, Бенджамин Амадеус Франклин попросил разрешения судить сегодняшние дебаты. Он подходит к подиуму.

— Добрый вечер, друзья, студенты, гости, — произнес Франклин громким чистым тенором, отказавшись от помощи своей волшебной палочки. — Добро пожаловать на торжественные общешкольные дебаты, проходящие в Хогвартсе. Меня зовут Бенджамин Франклин, и я удостоился чести быть выбранным для представления сегодняшних команд. Займут ли команды А и Б свои места на сцене без дальнейших задержек?

Десять человек поднялись из переднего ряда. Группа разделилась, одна половина поднялась на сцену с правой стороны, а вторая половина — с левой стороны. Все они сели за столы после того, как Франклин их представил. Команда А состояла из Зейна, Петры, Дженнифер Теллус, пуффендуйца Эндрю Хуберта и студента Альма Алерон по имени

Геральд Йонес. Команда Б не стала сюрпризом. Она состояла, по большей части из пятнадцати-семнадцатилетних слизеринцев, включая Табиту Корсику, ее дружка Тома Сквалуса и еще двоих — Хейвера Флэка и Нолана Битлбрика. Из пяти человек за столом только один был моложе пятнадцати — Ральф. Он сидел на своем стуле словно статуя, уставившись на Франклина, как загипнотизированный.

— Речь в сегодняшних дебатах, — продолжил Франклин, поправляя свои квадратные очки, — как уже было освещено в различных СМИ, пойдет о важных вещах, и они будут иметь далеко идущие последствия. Как известно, расхождения во взглядах являются высочайшей степенью проявления свободы, а дебаты и дискуссии помогают населению мыслить разумно, что способствует действиям правительства в правильном направлении. Эти непреложные истины определяют наш путь, и сегодня мы увидим их в действии. Не будем забывать о взаимоуважении и доводах рассудка, даже если мнения оппонентов будут далеки от ваших собственных, таким образом, мы сможем сохранить уважение к этой школе и всему, что случилось в ее стенах. Вне зависимости от исхода дебатов, — на этой фразе Франклин обернулся к командам, сидящим друг напротив друга, — позволим нам всем остаться теми же, кем мы и вошли сюда — друзьями, однокурсниками и товарищами.

Зал разразился аплодисментами, которые, как показалось Джеймсу, благодарности не выражали, скорее, были поверхностными. Франклин достал из своих одежд бумагу и изучил ее.

— Несколько ранее этим вечером с помощью жеребьевки было установлено, — провозгласил он, — что команда В выступит первой с вступительной речью. Полагаю, ее будет представлять Табита Корсика. Мисс Корсика, пожалуйста.

Франклин отступил от трибуны, садясь в кресло, расположенное в самом центре сцены. Табита вышла к подиуму, находящемуся с левой стороны, руки ее были пусты. Она улыбнулась толпе своей восхитительной улыбкой, видимо, чтобы очаровать каждого одного за другим.

— Друзья и одноклассники, учителя и представители прессы, могу ли я взять на себя смелость указать на то, что замечания нашего уважаемого профессора Франклина, фактически, представляют саму

суть ошибки, которая лежит в основе нашей сегодняшней дискуссии?

Толпа испустила что-то вроде совместного вздоха, вздоха ожидания. Табита воспользовалась моментом, чтобы повернуться и улыбнуться Бенджамину Франклину:

— С извинениями и уважением, профессор.

Франклин, казалось, был совершенно невозмутим. Он поднял руку ладонью вверх и кивнул. Этот жест, видимо, говорил «продолжай».

— Конечно, приличие и уважение должны управлять таким днем дискуссий, как этот, — сказала Табита, возвращая свое внимание к аудитории, — в этом отношении мы не могли не согласиться с профессором. Нет, ошибка заключается в последнем предложении профессора Франклина. Он призывает нас, прежде всего, помнить, что все мы, в конце концов, приятели — ведьмы и волшебники. Друзья, разве это является основой нашей идентичности? Если так, то я утверждаю, что мы самые худшие из тиранов, самая низкая форма фанатиков. Ведь разве мы, за всеми палочками и заклинаниями, не являемся людьми больше, чем магами?

Позволить себе прежде всего быть определенным своим волшебством значит отказать человечеству, к которому мы принадлежим вместе с неволшебным миром. Хуже того, это принижает все остальное человечество к статусу более низкому и менее значимому. Я не приписываю эти предубеждения только профессору Франклину. Эти предрассудки закрепились в методах и манерах текущей волшебной политики так же, как волшебство закрепилось в метле. Это не врожденная вера магов, что маггловское человечество уступает нашему, но это — несчастный и неизбежный результат нынешней политики Министерства.

Наш спор сегодня основывается на том, что нынешний правящий класс руководствуется этими предрассудками. Это допущение тройнично. Во-первых — Закон о Секретности — важнейшая мера безопасности против мира магглов, предположительно неспособных принять наше существование. Хотя, возможно, необходимый в прошлом и поддерживаемый сейчас Закон о Секретности устарел, и исходит от отдельного общества, отрицающего, что волшебники и мир магглов могут быть полезны друг другу.

Второе предположение заключается в том, что история

подтверждает мысль, что конгресс волшебников и магглов может только привести к войне. Мы будем настаивать, что это утверждение было организовано из ряда отдельных и несвязанных исторических инцидентов, которые, каждый по-своему, были неудачны и относительно неважны. Призрак всемогущего злого волшебника, жаждущего мирового господства, был наряду с предрассудками слабоумного мира магглов, неспособного принять существование волшебного общества. Понятия обеих этих угроз, мы утверждаем, развивались волшебным правящим классом, чтобы поддержать культуру страха, тем самым скрепив свой собственный план власти и контроля.

И последнее предположение, которое мы хотим поставить под вопрос — это существование так называемой «темной» магии. Мы будем настаивать, что «темное» волшебство — просто форма сложного волшебства, которое считается злым, потому что главным образом использовалось теми, кто когда-то противостоял текущему правящему магическому классу. «Темная» магия — это, короче говоря, изобретение департамента мракоборцев, используемая, чтобы оправдать подавление любого человека или группы, если правящий класс чувствует себя под угрозой.

Мы утверждаем, что все три этих предположения легли в основу политики, основанной на предубеждениях относительно мира магглов. Наша цель — равенство, причем не только для магглов, но и для самих себя. Ведь прежде всего мы не ведьмы или волшебники, магглы или маги, мы — просто люди.

С этим Табита повернулась и направилась к своему месту за столом команды Б. Наступил момент благоговейной тишины, а затем, к ужасу Джеймса, толпа разразилась аплодисментами. Джеймс огляделся. Аплодировал не каждый, но те кто делал это, примерно половина, делали это со злобной силой.

— ...выражение поддержки от собравшихся студентов, — слышен был только голос радио ведущего — в то время, как мисс Корсика, образец спокойствия и уверенности в себе, занимает свое место. А сейчас к трибуне подходит мисс Петра Моргенштерн, капитан команды А...

Когда аплодисменты стихли, Петра положила на трибуну

небольшую стопку карточек с записями и взглянула вверх без улыбки.

— Дамы и господа, одноклассники, приветствую вас, — сказала она, ее голос был четким и громким. — Члены команды Б привели три пункта своей речи, их «три допущения». Команда А докажет, что в действительности, только одно «допущение» имеет силу на сегодняшних дебатах, в то время как два других аргумента полностью зависимы от него. Это «допущение» состоит в том, что история как наука и как предмет исследования не надежна. Команда Б должна убедить нас, что история не заслуживает доверия, будучи полностью сфабрикованной, сплетенной по капризу и умыслу небольшой правящей группы необычайно сильных ведьм и волшебников.

Эти правящие индивиды, должно быть действительно сильны, потому что история, которую она якобы придумали, на самом деле до сих пор в памяти многих, живущих по сей день. Наши родители, наши бабушки и дедушки, наши учителя и да, наши лидеры. Они были там, когда предположительно подделка истории имела место, большая часть прямо здесь, на этой земле. Используя логику команды Б, Битвы за Хогвартс либо никогда не было, либо она происходила настолько по-другому, что это становится совершенно бессмысленным. Если это так, что ж, тогда мы можем согласиться с другими их «допущениями», например с утверждением, что Закон о Секретности не важен и что темная магия — это выдумка Департамента Мракоборцев. Если, тем не менее, исторические записи о возвышении Темного Лорда и его кровавых поисках силы и власти над миром магглов могли быть тщательным спектаклем, тогда остальные утверждения команды Б тоже верны. Таким образом, мы будем тратить нашу энергию на эти аргументы исключительно чтобы оправдать команду Б.

Наступил очередной момент обвиняющей тишины за опрометчивое упоминание Темного лорда, а затем вспышка аплодисментов, равная по силе предыдущим, но разбавленная гиканьем и свистом.

— Краткое, но энергичное заявление от мисс Моргенштерн, — произнес голос диктора. Джеймс увидел человека в пурпурном котелке и стал читать его слова, вылетающие из волшебной палочки в воронку радиовещания. — Очевидно, что на тройничную линию Мисс Корсики брошена тень. Это обещает стать прямым и смелым диалогом, дамы и господа.

В течение следующих сорока минут члены обеих команд занимали трибуны и предлагали аргументы и контраргументы, профессор Франклин контролировал время и судил. Зрителей просили сдерживать аплодисменты, но их было совершенно невозможно предотвратить. Каждый всплеск аплодисментов, звучащий в ответ на аргумент команды, казалось, подавлял сторонников противоположной точки зрения и поддерживал своих. Ночь спустилась на Амфитеатр, зловещая тьма, лишь тонкий серп месяца висел низко над горизонтом. Заколдованные фонари плавали над ступенями и арками, оставляя сидения в тени. В центре сцены было светло, как в полдень, благодаря летающим светящимся шарам профессора Флитвика. Зейн противостоял Хейверу Флэку, споря об утверждении, что историю всегда пишут победители.

— Я из Соединенных Штатов, — говорил Зейн, обращаясь к Хейверу Флэку через сцену, — если ваше заявление правда, то как бы я узнал что-либо об ужасном прошлом моей страны, обхождении с коренными американцами, охоте на салемских ведьм, временах рабства. Если победители пишут историю, то как бы я узнал, что даже Томас Джефферсон имел своих рабов?

Бенджамин Франклин при этом содрогнулся и медленно одобритительно кивнул. Сторонники команды А шумно зааплодировали.

Наконец, с по-прежнему неясным исходом, капитаны обеих команд поднялись к трибунам для финальных речей. Табита Корсика спокойно взяла слово первой.

— Я высоко ценю, — начала она, взглянув на Петру, — что моя противница ограничила дискуссию одним центральным принципом: новейшая история мира магов усовершенствованна и стилизованна так, чтобы внушить ужас перед легендарным чудовищным врагом. Чтобы не быть голословными, они непрерывно возвышают образ «Темного лорда», как они предпочитают его называть. Если мисс Моргенштерн желает избежать обсуждения некоторых обоснованных фактов в сегодняшней дискуссии, я соглашусь. Если она готова обсудить подробно фигуру, вокруг которой все вращается, давайте называть его в нашей дискуссии Лорд Том Реддл.

Ясный вздох удивления и благоговейного страха прокатился по толпе при упоминании имени Воландеморта. Даже Табита Корсика,

подумал Джеймс, произнося имя «Том Реддл» страшно рисковала, пусть оно и составляло суть вопроса. Джеймс подался вперед, его сердце заколотилось.

— «Темный лорд», как Департамент мракоборцев любит называть Тома Реддла, — сказала Табита в молчащую тьму, — был действительно сильным волшебником и, возможно, он заблуждался. Он мог заблуждаться. Но что в действительности мы знаем точно о его планах и методах? Мисс Моргенштерн простодушно говорит вам, что он был злом. Он был «темным» волшебником, говорит она, желавшим только власти и смерти. Но в действительности, существуют ли такие люди? В книжках комиксов, возможно. И в сознании тех, кто порождает страх. Но есть ли кто-то в действительности совершенно и безнадежно злой? Нет, я предполагаю, что, возможно, Том Реддл заблуждался, но исполненный благих намерений волшебник, желающий объединить магглов и волшебников — это слишком радикальное понятие для правящего класса, чтобы позволить ему существовать.

Власть предрержащие провели очень осторожную политическую кампанию из полуправды и откровенной лжи, направленную на то, чтобы дискредитировать идеи Реддла и демонизировать его последователей, которых подконтрольные министерству СМИ окрестили «Пожирателями смерти». Несмотря на это, реформаторы Реддла в конечном итоге сумели получить достаточно доверия, чтобы на короткое время взять под контроль Министерство магии. Только после ожесточенного, кровавого государственного переворота старая власть смогла нанести поражение Реддлу и его реформаторам, Том Реддл погиб в процессе и был оклеветан настолько безжалостно, насколько возможно.

Пока Табита говорила, по собравшейся толпе начал распространяться ропот. Ропот вырос в отдельные оскорбительные выкрики, затем закричали:

— Позвольте ей говорить!

Наконец, после того как она закончила, толпа впала в неистовство, которое Джеймс нашел пугающим. Он быстро огляделся вокруг. Многие студенты вскочили и кричали, сложив руки рупором. Несколько залезли на свои сидения, топая ногами и потрясая кулаками. Джеймс не мог сказать, кто в толпе кричал «за», а кто «против» Табиты.

С возрастающим беспокойством Джеймс смутно ощутил, как Тэд Люпин и Ной Метцкер склонились над чем-то. Внезапно между ними вспыхнул ослепительный свет, превращая их в силуэты. Свет выстрелил вверх, заполняя Амфитеатр своим сиянием. Примерно в сотне футов от земли световой шар взорвался миллионом крошечных огней. Толпа смолкла, сбитая с толку, все взгляды устремились вверх. Крошечные огни слились вместе, образуя очертания легендарной Темной Метки, черепа со змеей, выползающей изо рта. Все вздохнули. Затем, почти мгновенно, фигуру озарило вспышкой молнии. Казалось, что молния поразила череп, расколов змею пополам. Передняя половина змеи свернулась, умирая, ее глаза превратились в маленькие крестики, и затем череп развалился пополам. Светящаяся молния исчезла, а из сломанного черепа выпрыгнули слова:

Ваша голова треснет от смеха
от «Удивительных Ультрафокусов Уизли»!
На Косой Аллее и в Хогсмиде!
Специализируемся на индивидуальных заказах!

Тихий момент полного замешательства длился долго, все в недоумении смотрели на сверкающие буквы. Тогда буквы сломались и упали, красиво осыпая Амфитеатр. Где-то послышалось хихиканье.

— Что ж, — сказал профессор Франклин, вставая и выходя в центр сцены, — это было, я должен признать, прекрасно проведенное время, если бы несколько озадачивающих диверсий.

Послышались отдельные смущенные смешки. Медленно люди начали возвращаться на свои места. Джеймс повернулся к Теду и Ною, которые щурились и выглядели ошеломленными, ослепленные специальным фейерверком братьев Уизли.

— Чертовы Уизли сделали из этого публичную рекламу, — пробормотал Тед.

Ной пожал плечами.

— Я думаю, поэтому это и было бесплатно.

— Леди и джентельмены, — продолжил Франклин, — не спорю, предмет обсуждений вызвал немалые волнения, но мы не можем себе позволить быть унесенными волнами. Некоторые из утверждений мисс

Корсики многим из вас неприятно слышать. Но все же мы на дебатах, и там, откуда я родом, мы не, — он сделал ударение на последнее слово, — заминаем дебаты только по причине использования неприятных аргументов. Я надеюсь, мы завершим дебаты достойно, иначе, и я уверен, что Директриса согласится со мной, отсрочка окончательного суждения будет единственным выходом. Мисс Моргенштерн, ваша очередь выступать.

Франклин снова сел, и Джеймс почувствовал, что тот был намного более рассержен, чем он показывал. Петра, опустив глаза вниз, постояла за подиумом еще несколько секунд. Наконец, она подняла глаза, явно потрясенная.

— Я признаю, что не знаю, с чего начать ответ на откровенно невысказанные гипотезы мисс Корсики. Темный Лорд был злым не просто потому, что тем, кто стоял у власти, было удобно его так называть. Он был известен тем, что свободно использовал и приказывал использовать всем его последователям три Непростительных заклинания. Лорд Воландеморт интересовался магглами не более, чем... чем... — она остановилась и что-то пробормотала. Джеймс яростно сжал губы. Он переживал за нее. Она должна была ответить на огромное количество лжи. Любую ложь, которая ускользнула бы от нее, будут считать правдой, которую она не хочет признавать.

— Мисс Моргенштерн, — умоляюще произнесла Табита, — у вас есть какие-то основания для этих утверждений или вы просто повторяете то, что уже говорили?

Петра взглянула на Табиту, она была бледной и выглядела взбешенной.

— Только все исторические записи и живые воспоминания тех, кто непосредственно в этом участвовал, — выплюнула она. — Это возлагает на тебя, я предполагаю, обязанность обеспечить доказательства ваших утверждений, что лорд Волан-де-морт был чем-то иным, чем то, что все общепринятые записи рассказывают нам о нем.

— Раз уж вы об этом упомянули, — спокойно сказала Табита, — Я полагаю, что здесь сегодня вечером присутствуют люди, которые были непосредственными свидетелями Сражения в Хогвартсе. Мы бы могли рассчитывать прямо сейчас, если бы мы хотели спрашивать у них обо всем лично. Тем не менее, это не зал суда, так что, я спрошу следующее:

может ли кто-нибудь, кто участвовал в битве, отрицать, что Лорд Том Реддл сам заявил во всеуслышание, что он выражает сожаление по поводу пролитой в бою крови? Кто-нибудь может отрицать, что он умолял своих врагов встретиться с их лидером лично, так, чтобы можно было избежать насилия?

Табита обвела взглядом аудиторию. Стояла абсолютная тишина, нарушаемая только далеким гудением сверчков и шелестом ветра в ветвях деревьев Запретного Леса.

— Не слышно возражений. Вероятно, потому, что это правда, — сказала она почти доброжелательно. — Действительно, много людей погибло. Но нельзя отрицать факт, что погибло гораздо больше, нежели хотел бы Лорд Том Реддл. Потому что те, кто выступал против него, заклеямили его безумным убийцей.

Петра немного успокоилась. Сейчас она говорила громко и отчетливо.

— И это, по-вашему, акт миролюбивого реформатора — искать и лично убить семью младенца, затем попытаться убить самого младенца, а?

— Ты говоришь о Гарри Поттере, не так ли? — сказала Табита, не моргнув и глазом. — О человеке, который, между прочим, является действующим главой Департамента Мракоборцев?

— Ты отрицаешь, что это правда?

— О, я ничего не отрицаю. Я просто подвергаю сомнению и оспариваю. Я утверждаю, что истина кроется не там, где мы привыкли ее видеть. Я утверждаю, что данные о хладнокровных убийствах и нападениях на детей являются недоказуемыми и очень хорошо подходят под учение, основанное на страхе, созданное теми, кто правит нами вот уже двадцать лет.

— Как ты смеешь! — Джеймс услышал свой собственный голос прежде, чем понял, что говорит. Он стоял, указывая на Табиту Корсику и дрожа от ярости.

— Как ты смеешь утверждать, что мой отец — лжец? Этот монстр убил его родителей! Он убил моих бабушку и дедушку, а ты стоишь вот там и говоришь всем, что это своего рода выдумка! Как ты смеешь?! — его голос дрогнул.

— Я извиняюсь, — сказала Табита, и на ее лице действительно

отразилась жалость. — Я знаю, ты веришь, что это правда, Джеймс.

Профессор Франклин встал и вышел вперед, но Джеймс закричал прежде, чем Франклин заговорил.

— Мой отец убил твоего великого героя, — выкрикнул он, его зрение туманилось из-за неистовой ярости. — Монстр пытался убить отца дважды, второй раз потому что отец сам отдал ему себя. Ваш великий спаситель был монстром и мой отец окончательно победил его!

— Твой отец, — громко и непреклонно заявила Табита, — был посредственным волшебником с хорошим пиаром в департаменте. Если бы не тот факт, что он был окружен волшебниками более великими, чем он сам, на каждом шагу, мы бы даже не знали его имени на сегодняшний день.

Толпа снова взорвалась, поток злости и криков заполнил пространство, как котел. На сцене грохнуло. Джеймс посмотрел и увидел Ральфа, который еще не говорил, он вскочил, опрокинув свой стул. Табита обернулась и посмотрела на него, их глаза встретились на секунду. «Сядь» произнесла она одними губами, в ее глазах была злость. Ральф вернул ей свирепый взгляд, затем решительно развернулся и покинул сцену. Джеймс видел это, и даже в разгар своих страданий и страха, в почти восставшей толпе, его сердце радовалось.

Не было смысла продолжать дебаты дальше. Директриса МакГонагалл присоединилась к профессору Флитвику на сцене и два вспьшки красного света из их волшебных палочек восстановили порядок в Амфитеатре. Без долгих вступлений директриса велела всем студентам немедленно вернуться в свои общие комнаты. Ее лицо было суровым и очень бледным. Толпа, бормоча и ворча, потянулась через арку обратно к замку. Джеймс увидел Ральфа, пробивающегося к нему через толпу. Он отошел в сторону, чтобы крупный мальчик догнал его.

— Я не могу так больше, — сказал Ральф Джеймсу тихим голосом, опустив глаза. — Прости меня за ее ужасные глупые речи. Можешь продолжать ненавидеть меня, если хочешь, но я больше не могу придерживаться нелепого пути Прогрессивного Элемента. Я действительно ничего не знал о происходящем, за исключением того, что они провели немалую работу, чтобы сделать его таким... таким политическим.

Джеймс не смог удержаться от улыбки.

— Ральф, ты действительно славный парень. Я просто не могу ненавидеть тебя. Я должен извиниться перед тобой.

— Ладно, давай займемся извинениями позже, хорошо? — сказал Ральф, продолжая путь под аркой, в то время как Джеймс последовал за ним. — А сейчас я просто хочу убраться отсюда и побыстрее. Табита Корсика уничтожает меня взглядом с тех пор, как я покинул сцену. Кроме того, Зейн сказал, что Тед пригласил меня перекантоваться в вашей общей гостиной. Ему очень хочется позлорадствовать по поводу того, что мы переманили члена команды Б.

— Это тебя не беспокоит? — спросил Джеймс.

— О нет, — ответил Ральф, пожав плечами, — оно того стоит. У Гриффиндорцев лучше закуски.

Глава 10. Каникулы на Площади Гриммо

На следующий понедельник Джеймс, Зейн и Ральф стояли возле класса Продвинутой Трансфигурации, которую преподавала Директриса МакГонагалл, и ждали, пока последний из студентов не покинет аудиторию, а она не начнет собирать вещи.

— Давайте входите уже, — сказала она, даже не взглянув на мальчиков. — Хватит прятаться за дверью как стервятники. Чем могу помочь?

— Госпожа Директриса, — осторожно проговорил Джеймс, — мы хотели бы поговорить с вами о дебатах.

— Что, прямо сейчас? — спросила она, некоторое время пристально глядя на Джеймса, затем повесила сумку на плечо. — Не могу понять, почему? Чем скорее мы забудем об этом провале, тем лучше.

Мальчики последовали за Директрисой, когда она направилась к

двери.

— Но никто не забыл об этом, Госпожа Директриса, — быстро проговорил Джеймс. — Об этом говорят повсюду вот уже все выходные. Люди действительно взбудоражены. Вчера во дворе дело почти дошло до драки, когда Маструм Джевелл услышал, как Ривис МакМиллан назвал Табиту Корсику лживой идиоткой. Если бы поблизости случайно не проходил Профессор Долгопупс, Маструм, возможно, убил бы Ривиса.

— Это школа, мистер Поттер, и школа, в ее самой простой форме, это место, где собираются молодые люди. Молодые люди время от времени склонны к размолвкам. Именно по этим причинам Хогвартс прибегает к помощи мистера Филча.

— Это была не просто размолвка, — сказал Ральф, выходя в коридор за Директрисой, — они были по-настоящему безумны. Ненормально безумны, если вы понимаете, что я имею в виду. Люди потеряли контроль во всем этом деле.

— Значит, как верно заметил мистер Поттер, счастье, что профессор Долгопупс был неподалеку. Я не понимаю, почему это так вас волнует.

Зейну приходилось бежать, чтобы не отставать от шага директрисы.

— Ну, дело в том, что нам просто интересно, почему вы позволяете всему этому продолжаться? Я имею в виду, вы же были на месте Битвы. Вы знаете, каким был этот парень Волан-де-морт. Вы бы могли просто рассказать об этом, поставив Табиту на свое место — это было бы правильно...

Внезапно МакГонагалл резко остановилась, заставив ребят затормозить возле нее.

— Позвольте спросить, что вы трое хотите, чтобы я сделала? — сказала она, понижая голос и пристально разглядывая каждого из них. — Правда о Темном Лорде и о его последователях была известна в течение тридцати лет с тех пор, как он убил ваших дедушку и бабушку, мистер Поттер. Вы полагаете, что мое повторное заявление развеет ревизионистские взгляды толпы, которые существуют не только в этой школе, но и во всем мире? Ммм?

Ее глаза напоминали бриллиантовые осколки, когда директриса

посмотрела на них. Джеймс вдруг понял, что дебаты взволновали ее намного больше, нежели им показалось.

— И даже если я вызову мисс Корсику в свой кабинет и строжайше запрещу ей распространять эту ложь и перевираание фактов... Неужели вы всерьез предполагаете, что «Прогрессивный Элемент» так просто сдастся? Как вы думаете, сколько времени пройдет до того, как в «Ежедневном Пророке» появится статья о том, что администрация Хогвартса под руководством Департамента Мракоборцев пытается задушить «свободный обмен мнениями на территории школы»?

Джеймс был поражен. Он ведь был убежден, что Директриса просто потакает Табите Корсике по непонятной причине, позволяя той продолжать свою деятельность. Для него стало откровением, что МакГонагалл не могла, по сути, решить эту проблему, не ухудшая ситуации.

— Так что же нам делать, мэм? — спросил Джеймс.

— Нам? — переспросила МакГонагалл, вскинув брови. — Мой дорогой Джеймс, сознаюсь, что вы изумляете и поражаете меня. Несмотря на то, что вам может казаться, будущее магического мира, на самом деле, не лежит на плечах вас и двоих ваших друзей.

Увидев выражение досады на его лице, она подарила ему одну из своих редких улыбок. Она немного наклонилась, чтобы говорить более доверительно, обращаясь ко всем трем мальчикам.

— Оживлять воспоминания о Темном лорде непростое дело для тех из нас, кто хоть раз сталкивался с ним вживую. Это каприз непостоянного мнения простого народа и, как это ни раздражающе, это пройдет. Между тем, вы трое можете посещать лекции, делать домашнее задание и продолжать быть умными и сильными сердцем мальчиками, какими вы, очевидно, являетесь. И если кто-нибудь рядом с вами попытается сказать, что Том Реддл был лучшим человеком, чем Гарри Поттер, у вас есть мое разрешение, даже мой приказ — превратить его тыквенный сок в тухлую воду.

Она серьезно обвела взглядом мальчиков, одного за другим.

— Просто скажите им, что я велела вам практиковать это особое заклинание. Ясно?

Зейн и Ральф ухмыльнулись друг другу. Джеймс вздохнул. МакГонагалл коротко кивнула, выпрямилась и бодро продолжила свой

путь. После пяти шагов она обернулась.

— И, мальчики?

— Да, мэ́м? — сказал Зейн.

— Два резких взмаха и слово «Нургламониас». Акцент на первый и третий слог.

— Да, мэ́м! — ответил Зейн, ухмыляясь.

Учебный год перевалил через осень, приблизились зимние каникулы. Футбольное поле покрылось ковром из листьев, шуршащих и разлетающихся под ногами Маггловской Учебной команды профессора Карри. Неофициальный футбольный турнир закончился победой команды Джеймса. Джеймс лично забил победный гол, третий за день вратарю Хоресу Бирчу, гремлину из Когтеврана. Его команда собралась вокруг Джеймса, прыгая и крича, словно они только что выиграли Кубок школы. На самом деле, команда победившего факультета получала от профессора Карри сто очков, что было лучшим призом, какой она могла предложить. Команда окружила Джеймса, подняла его к себе на плечи и понесла во внутренний двор школы, словно он только что вернулся, одолев дракона. Он широко улыбался, его щеки покраснелись на холодном осеннем ветру, а настроение было лучше, чем в течение всего предыдущего года.

Классное расписание и домашняя работа, которые так пугали в первые недели, стали скучными и предсказуемыми. Профессор Джексон задавал бесконечные устрашающие эссе и проводил внеплановые контрольные на своих занятиях каждые пару недель. Зейн рассказывал Джеймсу и Ральфу забавные истории о столкновениях между профессором Трелони и мадам Делакура на его ночных занятиях по вторникам в Астрономическом клубе, отчасти управляемом обоими профессорами.

Что касается квиддича, Джеймс продолжал осваивать искусство полета на метле с помощью Теда и Зейна, пока не начал ощущать осторожную уверенность в том, что он реально сможет попасть в команду Гриффиндора в следующем году. Он начал мечтать о том, как лучше выступить на отборочных следующей весной, чтобы затмить все воспоминания о попытке своего первого года. Зейн, в свою очередь, продолжал необычайно хорошо летать для Когтеврана. Несмотря на свои маггловские корни, оставаясь уникалом, он изобрел движение,

которое назвал «жужжащая башня», в котором он отбивал бладжер вокруг ложи для журналистов, позволяя тому набрать скорость по окружности, и затем встречал его на другой стороне, отбивая уже с большей силой и немного меняя направление. Используя этот трюк, ему удалось сбить с метел двух игроков, с извинениями отправив их на небольшой визит в больничное крыло.

Жизнь Ральфа на факультете Слизерин какое-то время была унылой. Табита никогда открыто не говорила с ним о его дезертирстве со сцены на дебатах или о несдержанности на встречах Прогрессивного Элемента. Джеймс и Зейн поняли, что она прекратила все отношения с ним, когда он снова стал другом Джеймса. В конечном итоге, старшие Слизеринцы просто забыли про Ральфа, исключая несколько прохладных взглядов и ехидных замечаний в общей комнате Слизерина. Затем, неожиданно, Ральф начал помогать некоторым студентам Слизерина первого и второго года обучения. В отличие от владельцев голубых значков, никто из них, казалось, не был заинтересован в расширении своего кругозора относительно политики и первопричин. Конечно, даже первогодки в Слизерине могли быть изворотливыми обманщиками, но парочка из них, казалось, так искренне полюбили Ральфа, что даже Джеймс решил, что они забавные, в своем роде.

Защита от темных искусств стала любимым предметом Джеймса, Зейна и Ральфа. Профессор Франклин преподавал очень практичный предмет, со множеством волнующих историй и примерами из реальной жизни, из его собственных всевозможных долгих, буйных приключений. Джеймс, что никого не удивило, был очень хорошим дуэлянтом. Он признавался с застенчивой улыбкой, что многим оборонительным позициям научился у своего отца. Никто, тем не менее, включая Джеймса, не хотел выходить на дуэль против Ральфа. Казалось палочка Ральфа проявляла невероятное бессистемное мастерство, когда он применял оборонительные заклинания. На своей первой дуэли Ральф попытался применить простое заклинание Экспеллиармус на Виктории. Он направил на нее свою волшебную палочку, и из ее конца выстрелили голубые молнии, опалив волосы Виктории так, что на макушке образовались проплешины. Ощупала их руками, глаза полу-вейлы почти вылезли из орбит. Она яростно закричала, и лишь три ученика смогли оттащить ее от Ральфа, намного превосходящего ее размерами.

Ральф пятился, усиленно извиняясь, кончик его палочки дымился.

Лишь однажды вечером в общей комнате Когтеврана нашелся тот, кто опрометчиво заговорил о дебатах с Джеймсом, Зейном и Ральфом. Они только закончили свою домашнюю работу, когда высокий четверокурсник по имени Грегори Темплтон сел за стол напротив них.

— Эй, вы двое участвовали в дебатах, так ведь? — спросил он, указывая то на Зейна, то на Ральфа.

— Да, Грегори, — ответил Зейн, запихивая свои книги в сумку, его голос выдавал величайшую нелюбовь к старшему мальчику.

— Ты тот, что был за столом вместе с Корсикой, так? — сказал Грегори, поворачиваясь к Ральфу.

— Ээээ, да, — ответил Ральф — но...

— Ты передай ей от меня, она права в своих замечаниях, да? Я читал книгу, где рассказывается все обо всем этом. Она называется «Замысел Дамблдора», и там все о том, как старик и Гарри Поттер состряпали все это, от начала до конца. Вы знали, что они создали всю историю о Реддле и Крестражах в ночь, когда старик умер? Кое-кто даже говорит, что Гарри Поттер сам убил его после того, как было разработано все это.

Джеймс постарался сдержать свой гнев. Ровным голосом он спросил у Грегори:

— Тебе известно, кто я такой?

Зейн тяжело уставился на бутылку в руке Грегори.

— Эй, — спросил он с вынужденной небрежностью, тайком направляя свою палочку, — что это ты пьешь?

Девяносто секунд спустя Джеймс, Зейн и Ральф выбирались из-за общего стола, который Грегори весь оплевал тухлой водой.

— Практика! — кричал Зейн, уворачиваясь от мокрых цепких рук Грегори. — Я клянусь! Я просто практиковал трансфигурацию! Твое питье случайно попало на дороге! Спроси МакГонагалл!

Трое мальчиков счастливо выскользнули из комнаты, громко смеясь над устроенным хаосом.

На Рождественских каникулах Джеймс собирался отдохнуть. После обеда в последний день семестра он отправился в спальню Гриффиндора, чтобы собрать свои вещи. Небо за окном башни было холодным и серым, заставляя его пожелать немедленно оказаться сейчас

в доме под номером двенадцать на Площади Гриммо с чашкой горячего шоколада Кикимера в руках. Состав напитка был довольно сложным, по последним подсчетам, он включал в себя четырнадцать неизвестных компонентов, в число которых, как он был уверен, входила щепотка настоящего шоколада.

— Эй, Джеймс! — раздался голос Ральфа с лестницы. — Ты там?

— Да, поднимайся, Ральф.

— Спасибо, — Ральф запыхался, поднявшись по лестнице, — я пришел сюда после обеда с Петрой. Она сказала, что ты здесь пакуешь вещи. Умираешь от желания уехать, я так понимаю.

— Еще бы! В этом году мы все собираемся в нашей старой штаб-квартире на праздники. Дяди Джордж и Рон, тети Гермiona и Флер, Тед и его бабушка Виктория, даже Луна Лавгуд, ты ее не знаешь, но она наверняка тебе бы понравилась. Это самая странная взрослая, которую я когда-либо встречал — в хорошем смысле. С большой вероятностью там будут также бабушка и дедушка. В этом году они отправились навестить Чарли и остальных в Праге. Еще, как мне кажется, Невилл тоже будет там. Я имею в виду профессора Долгопупса.

Ральф мрачно кивнул, глядя на чемодан Джеймса.

— Звучит классно. Да, что ж, тогда я надеюсь, у тебя будет счастливое Рождество и все такое.

Джеймс прекратил паковать чемодан, вспомнив, что отец Ральфа уехал по работе на все каникулы.

— Ох, да... Что ты будешь делать, Ральф? Проведешь Рождество со своими бабушкой и дедушкой или как?

— Хм? — сказал Ральф, глядя вверх — О, нет. Все идет к тому, что я зависну здесь на все каникулы. Зейн не уедет до следующей недели, так что, по крайней мере до выходных мы будем торчать тут вместе. После этого... Я буду предоставлен сам себе.

Он вздохнул.

— Ральф, — спросил Джеймс, бросая в чемодан пару не подходящих друг к другу носков, — ты не хочешь поехать и провести Рождество со мной и моей семьей?

Ральф попытался выглядеть удивленным.

— Что? Нет, нет... Я совсем не хочу вклиниваться в ваше большое семейное собрание после всего, ты знаешь... Я не могу. Нет..

Джеймс нахмурился.

— Ральф, ты идиот, если не поедешь со мной на каникулы, я лично применю к тебе случайную трансфигурацию твоей же собственной палочкой. Что насчет этого, ну?

— О, это серьезная угроза! — воскликнул Ральф, затем его лицо озарилось улыбкой. — А твои мама и папа не будут возражать?

— Нет. Сказать по правде, со всеми этими людьми, которые там соберутся, скорее всего, они даже не заметят.

Ральф вытаращил глаза.

— Я имел в виду, я был... ты знаешь, на неверной стороне в дебатах и все такое.

— Они слышали это по радио, Ральф.

— Я знаю!

— И ты не сказал ни слова.

Ральф открыл рот, потом закрыл его. Он задумался на минутку. Наконец, он ухмыльнулся и шлепнулся на кровать Теда.

— Вижу, ты уже все решил. Итак, ты сказал, Виктория будет там?

— Не стоит особо заикливаться на этом. Она же наполовину Вейла, как тебе известно. Это означает, что любой парень, приблизившийся более чем на десять футов, будет без ума от нее.

— Я просто хотел попытаться каким-то образом загладить свою вину перед ней. Ты же знаешь про тот инцидент в Дуэльном кружке.

Джеймс застегнул свой чемодан.

— Ральф, дружище, чем меньше ты будешь говорить об этом, тем лучше.

Следующим утром, во время завтрака Большой зал был почти пуст. Сильный утренний мороз вытравил в углах окон серебряные очертания папоротников, придававшие виду по ту сторону стекла седину и призрачность. Джеймс и Ральф скоро уезжали и разыскали Зейна за столом Когтеврана.

— Тебе реально повезло, Ральф, — сказал Зейн с ухмылкой, сжимая руками свою чашку с кофе. — Я бы отдал все, что угодно, лишь бы узнать, на что похоже волшебное Рождество.

— Сказать по правде, — сказал Джеймс, наливая себе тыквенного сока. — Я сомневаюсь, что оно оправдало бы твои ожидания.

— Возможно, ты прав. Даже в лучшее время я представляю его

немного похожим на здешний Хэллоуин.

— Эй, Ральф, — сказал Джеймс, подталкивая крупного мальчика, — подожди, пока увидишь наш традиционный Рождественский парад привидений! Мы будем есть конфеты в виде летучих мышей и пить горячий шоколад из черепов эльфов!

Ральф заморгал. Зейн кисло посмотрел на них и закатил глаза.

— Да, да, безудержное веселье. Нет.

— Пойдем, — сказал Ральф, наконец, поняв шутку. — У тебя будет великолепное Рождество с твоей семьей. В конце концов, ты увидишь маму и папу.

— Да, конечно. Восемь часов полета до Штатов с моей сестрой Грир, которая весь путь будет расспрашивать про жизнь в сумасшедшей школе волшебства. Она будет разочарована из-за того, что единственный способ, которым я могу воздействовать на вещи своей волшебной палочкой, это толкнуть их ею.

— Нам не позволено применять магию нигде, кроме Хогвартса, — поучительно заметил Ральф.

Зейн проигнорировал его.

— И затем Рождество с бабушками, дедушками и всеми моими кузинами в Огайо. Вы не представляете какое это безумие каждый раз.

Джеймс не мог не спросить:

— Что ты имеешь в виду?

— Представь себе традиционное американское Рождество, словно сошедшее с картины Нормана Роквелла, — сказал Зейн, обводя руками воображаемую рамку. — Распаковываются подарки, разделяется индейка, водятся хороводы вокруг Рождественской елки. Теперь понимаешь?

Ральф и Джеймс кивнули, постаравшись сдержать улыбки от похоронного выражения на лице Зейна.

— Хорошо, — Зейн отошел. — Теперь представьте болотных духов вместо людей. И вы поймете.

Джеймс рассмеялся, Ральф, как обычно, моргал и смотрел то на одного, то на другого мальчика.

— Потрясающе! — воскликнул Джеймс.

Зейн неохотно улыбнулся.

— Да, полагаю, это выглядит довольно весело со стороны. Все эти

визги и царапанья, крошечные обрывки бумаги, летающие повсюду, рано или поздно попадающие в камин и потом догорающие рядом с ним.

— Что такое Болотные огни? — спросил Ральф, старательно сдерживаясь.

— Спроси у Хагрида на следующем уроке по уходу за магическими существами, — ответил Джеймс, все-таки не удержавшись от смеха. — Тогда поймешь.

Позже утром Ральф и Джеймс попрощались с Зейном и вытащили свои чемоданы во внутренний двор. Тед и Виктория уже были там, сидели на своих чемоданах на верхней ступени в обрамлении необычно тихого морозного сада. Волосы Виктории отросли настолько хорошо, насколько возможно стараниями Мадам Карио в госпитальном крыле, но новые волосы заметно отличались по цвету и текстуре. В результате Виктория носила некоторое удивительное разнообразие шляп на голове. Шляпы, при желании, несколько улучшали ее внешность, но она жаловалась на них при каждом удобном случае. Сегодня она надела маленькую горностаевую пилотку, щегольски задранную над ее левой бровью. Она холодно взглянула на Ральфа, когда тот закинул свой чемодан на ступеньку. Спустя несколько минут Хагрид подогнал повозку. Ральф открыл рот, увидев, что повозка едет сама по себе.

— Вы не должны были их увидеть до начала следующего года, честно говоря, — сказал Хагрид Джеймсу и Ральфу. Он нажал на тормозной рычаг и занялся погрузкой их чемоданов в повозку. — Так что не забудьте потом весной сделать удивленные лица, ладно?

— Ох, Хагрид, — заносчивым тоном произнесла Виктория, — если эти ужасные штуковины и вправду выглядят так, как мне мама рассказывала, то я в любом случае рада, что я их не вижу.

Она протянула руку, и Тед помог ей забраться в повозку, хотя, по сути, в этом не было необходимости.

В экипаж втиснулись еще несколько студентов, запоздало отправлявшихся на каникулы. Хагрид отвез их на станцию Хогсмид, где они сели на Хогвартс-экспресс. Поезд был практически пуст по сравнению с их первой поездкой. Вчетвером они нашли купе ближе к концу поезда и приготовились к долгому пути.

— Так Хогсмид — деревня волшебников? — спросил Ральф Теда.

— Так и есть. Родина Трех Метел и Сладкого Королевства — у них лучшие Тараканьи тарталетки в мире, и множество других магазинов. Ты сможешь ходить в Хогсмид на выходные начиная с третьего года обучения.

Ральф выглядел задумчивым, это означало, что его брови сошлись книзу, а нижняя губа выпятилась вверх, сжимая его полное лицо по направлению к носу.

— А как же волшебники охраняют магическую деревню от магглов? Я имею в виду, нет ли там каких-то дорог или чего-нибудь?

— Сложный вопрос, приятель — сказал Тед, ссутуливаясь на сидении и скидывая ботинки.

— Держите свои грязные брыкалки подальше от меня, мистер Люпин, — сморщила носик Виктория.

Тед проигнорировал ее, вытянул ноги через купе и положил на противоположное сидение.

— Я в классе старины Камнелица по Продвинутой Прикладной Техномантии в этом семестре и все, что я могу сказать тебе о местах наподобие Хогсмида, так это что они не просто скрыты, магглы вообще не могут найти к ним дорогу. Это все квантовое. Если бы Петра была здесь, она объяснила бы лучше.

— Что значит квантовые? — заинтересовался Джеймс.

Тед пожал плечами.

— Это шутка в П.П.Т. Если в чем-то сомневаешься, просто скажи «квантовый», — Он покорно вздохнул, собираясь с мыслями. — Хорошо, представьте, что есть места на Земле, которые, как дыры в пространстве, затянутые резиной, понимаете? Вы не можете сказать, чем они отличаются с высоты, но они могут немного отталкивать или что-то такое. Затем, скажем, один волшебник, который действительно понимает в квантовом, проходит мимо. Он говорит: «О, вот место, где мы сможем поставить разбитную волшебную деревушку». Итак, что он делает, он колдует что-то типа огромного весомого колдовства, но на самом деле оно очень тонкое, так? И тяжелые капли падают на резиновую реальность и прогибают ее вниз, вниз, вниз. Хорошо. Таким образом, вес выталкивает резиновую реальность прямо в другое измерение, создавая пространственно-временную воронку.

— Подожди, — сказал Ральф, сосредоточенно насупившись. — Как

это — пространственно-временная?

— Без понятия, — сказал Тед, пренебрежительно отмахиваясь. — Не важно. Это все квантовое. Никого это не волнует кроме старых сварливых пергаментоголовых вроде профессора Джексона. И так, как бы то ни было, это пространственно-временная воронка в месте, где вес давит на резиновую реальность. Понимаете, магглы могут действовать только на поверхности реальности. Они не видят, где воронка погружается в это новое пространственное измерение. Для них там просто ничего нет. Однако, маги могут спускаться по воронке вниз, в основное пространство, если мы знаем, что искать, и владеем секретом. Таким образом мы строим там места типа Хогсмида.

— Так Хогсмид расположен на дне своего рода воронкообразной долины, — задумчиво спросил Ральф.

— Нет, — сказал Тед, снова выпрямляясь. — Это просто метафора, как ты понимаешь. Пейзаж выглядит как обычно, но пространственно он расположен с другой стороны пространства-времени, куда магглы не могут попасть. Большинство волшебных мест построены по этому принципу. Мы сохраняем магических существ в квантовых заповедниках. Все горные пастбища, где живут великаны, спрятаны в квантом и отсутствуют на картах магглов. Их довольно много, это работает как вычеркивание. Так вот просто.

— Просто как что? — спросил Ральф растерянно.

Тед вздохнул.

— Смотри, приятель, это как тараканьи тарталетки в Сладком королевстве. Ты не хочешь знать, как их делают, ты просто хочешь их съесть, ммм.

Ральф обмяк.

— Не уверен, что смог бы так же.

— Этот парень действительно тупой или прикалывается? — спросил Тед Джеймса.

— Но если магглы не могут пройти, — ответил Джеймс, — как тот маггл попал на школьное поле?

— А, да, — сказал Тед, снова откидываясь назад. — Загадочный нарушитель на квиддиче. Что сейчас об этом люди говорят? Он был магглом?

Джеймс и забыл, что не все, что он знал о нарушителе, стало

достоянием общности. Он вспомнил, что Невилл Долгопупс говорил о диких слухах вокруг таинственного человека с поля для квиддича.

— Да, — сказал он, стараясь, чтобы это прозвучало беззаботно. — Я слышал, он мог быть магглом. Я просто немного удивился, как маггл смог войти со всеми этими вещами, ну вы знаете, квантом.

— На самом деле, — сказал Тед, мельком взглянув в окно на сияющий день. — Я предполагаю, даже маггл сможет войти, если его будет сопровождать волшебник или вслед за кем-нибудь. Это не значит, что они не могут войти совсем. Это значит только, что их чувства расстраиваются настолько, что просто не видят вход в пространство. Если волшебник проводит его внутрь, и маггл прорвется сквозь то, что говорят ему чувства... конечно, это возможно, я полагаю. Но кто может быть настолько глуп, чтобы сделать что-то подобное?

Джеймс пожал плечами и посмотрел на Ральфа. На лице Ральфа отражалось то же, что подумал Джеймс. Глупый или нет, кто-то действительно провел маггла на землю Хогвартса. Как и почему оставалось тайной, но Джеймс намеревался сделать все, чтобы выяснить это.

На ланч все четверо ели сэндвичи, завернутые в вощеную бумагу, которые утром прихватили с кухни Хогвартса, а затем ехали в дружеской тишине. День был тяжелым и ярким, солнце сияло как алмаз над границей полей и деревьев. Мороз отступал, оставляя землю серой и серой. Силуэты деревьев врезались в небо, стоя на коврах из мертвых листьев.

Ральф читал и дремал. Виктория пролиставала кипу журналов, а затем побрела искать нескольких друзей, которые, как она подозревала, были в поезде. Тед учил Джеймса играть в игру под названием «Складки и сверла», которая заключалась в том, что бы с помощью волшебных палочек левитировать кусочек пергамента, сложенный в фигуру или толстый треугольник. По словам Теда, оба игрока используют их палочки — складки — одновременно левитируя сложенный пергамент — сверло — каждый старается переместить пергамент в определенное место арены, обычно круг, нарисованный на пергаменте и расположенный рядом с противником. У Джеймса неплохо получалась левитация, но он не мог сравниться с Тедом,

который просто знал как отбивать работу палочки Джеймса, подрезал сверло вне круга и внезапно пикировал на него с оглушительным шлепком.

— Все дело в практике, Джеймс, — сказал Тед. — Я играю в это со своего первого года. Временами у нас бывало до четырех человек в команде, и мы использовали сверло размером с бюст Годрика Гриффиндора в общей комнате. Я лично несу ответственность за тот факт, что его левое ухо было приклеено. Не знаю, почему заклинание Репаро не подействовало, и нам пришлось починить его так.

К тому времени, когда поезд мягко подошел к платформе Девять и Три Четверти, сумерки окрасили небо в дивный сиреневый цвет. Джеймс, Тед и Ральф терпеливо подождали, пока поезд не остановится полностью, затем поднялись, потягиваясь, и вышли на платформу.

Носильщик забрал их билеты, применил на чемоданы заклинание Акцио, довольно грубо вытащив каждый чемодан из багажного отделения и с грохотом бросив к ногам владельцев. Виктория присоединилась к ним, как только они погрузили багаж на тележку.

— Я провожу всех вас к старой штаб-квартире, — важно сказал Тед, выпрямляясь во весь рост. — Это довольно близко и твои родители, Джеймс, очень заняты сегодня со всеми, кто еще приезжает. Ну а Лили и Альбус вернутся из школы сегодня, как всегда.

Они прошли гуськом через скрытый портал, отделяющий платформу Девять и Три Четверти от платформы магглов на железнодорожной станции Кинг'о Кросс.

— Ты не умеешь водить, Тед, — сказала Виктория с укором. — И едва ли мы сможем поместиться вчетвером на твою метлу. Что ты собираешься делать?

— Полагаю, ты права, Виктория, — сказал Тед, останавливаясь в центре главного зала вокзала и оглядываясь по сторонам. Путешественники-магглы двигались вокруг них, торопясь сюда и туда, большинство были закутаны в тяжелые пальто и шляпы. Огромный зал заполнял шум, состоящий из объявлений поездов и звонких записей Рождественских мелодий.

— Похоже мы застряли, — сказал Тед мягко. — Я бы сказал, что это чрезвычайная ситуация, не так ли?

— Тед, нет! — вскрикнула Виктория, когда Тед поднял правую

руку, сжимая волшебную палочку.

В вестибюле раздался раскатистый грохот, впрочем, не услышанный никем из бродящих вокруг магглов. Огромный фиолетовый предмет прямоугольной формы просочился сквозь двери, расположенные под стеклянной аркой в конце вокзала. Это был, конечно же, автобус Ночной Рыцарь. Джеймс понял, чего ожидать сразу, как только Тед подал знак, но не знал, что тот умеет двигаться вне дорог. Гигантский двухэтажный автобус сжимался и разжимался, уворачиваясь от толпы и не меняя скорости, пока не остановился, скрипнув тормозами перед Тедом. Двери раскрылись, и оттуда высунулся человек в аккуратной фиолетовой униформе.

— Добро пожаловать в автобус Ночной Рыцарь, — сказал он немного раздраженно. — Чрезвычайный транспорт для волшебников и волшебниц, находящихся в стесненных обстоятельствах. Вы в курсе, что мы в центре мерзкой железнодорожной станции Кинг'с Кросс, не так ли? Кажется, вы могли бы, по крайней мере, выйти отсюда.

— Привет, Фрэнк, — беззаботно сказал Тед, передавая чемодан Виктории кондуктору. — Это все моя больная нога. Старая травма в Квиддиче. Дело было в худшие времена.

— Старая травма в Квиддиче, ну конечно. Бабушкины сказки, — пробормотал Фрэнк, нагромождая чемоданы на полку прямо позади двери. — Попробуйте всучить мне эту небылицу еще раз, и я возьму с вас по галлеону, просто чтобы досадить.

Ральф замешкался возле автобусных дверей.

— Ты же сказал, что она близко? Эта самая штаб-квартира? Может, лучше стоит, ну, знаешь, пойти пешком?

— По такому холоду? — искренне удивился Тед.

— И с его больной ногой? — кисло прибавил Фрэнк.

Ральф поднялся в автобус, и не успел он переступить порог, как двери захлопнулись.

— Угол Панкрас и святого Чеда, Эрни — назвал Тед, схватившись за ближайшую медную ручку.

Водитель кивнул, придал лицу свирепое выражение, схватился за руль, словно хотел вырвать его, и ударил кулаком по ускорителю. Ральф, несмотря на совет Джеймса, забыл ухватиться за что-нибудь. Автобус Ночной рыцарь полетел вперед, бросив его на одну из медных

кроватей, которые, как ни странно, располагались на нижнем уровне автобуса вместо сидений.

— Хмммпф? — пробормотал спящий волшебник, на которого приземлился Ральф, приподнимая голову над подушкой — Уже сквер Гросвенор?

Автобус совершил непостижимо крутой поворот вокруг группы туристов, которые изучали расписание отправления поездов, пронесся через зал вокзала, виляя между бизнесменами и старыми леди, как сильный порыв ветра. Стеклянная арка нависла над ними, и Джеймс был уверен, что автобус Ночной Рыцарь не сможет пройти через дверной проем, каким бы большим он ни был. Но потом он вспомнил, что автобус, на самом деле, уже проходил через эти двери. Он подбодрил сам себя. Без промедлений автобус протиснулся через двери как водяной шар через мышиную нору, выехал на многолюдную улицу и резко повернул.

— Я слышал, у нас сегодня будет гусь на обед! — крикнул Тед Джеймсу, в то время как автобус протекал через оживленный перекресток.

— Ага — откликнулся Джеймс. — Кикимер настаивал на полном комплекте блюд в наш первый обед дома!

— Обожаю этого злобного маленького зверька! — счастливо воскликнул Тед. — Что это Ральф делает?

Джеймс обернулся. Ральф спокойно растянулся на кровати вместе со спящим волшебником.

— Все в порядке, — прокричал он, хватаясь за кровать обеими руками. — Я выбросил сувенирный ночной колпак, который они мне дали.

Автобус Ночной Рыцарь проскрежетал за угол, где улица святого Чеда встречалась со сквером Ардиле, затем сжался в два раза. Внезапно он резко остановился, вернувшись в прежнее состояние. Огромный фиолетовый автобус стоял тихо и ровно, выпуская изящные клубы выхлопных газов. Двери распахнулись, и Тед, Виктория, Джеймс и Ральф выбрались наружу, немного пошатываясь, словно пьяные. Фрэнк, несмотря на брошенный в сторону Теда злобный взгляд, осторожно выгрузил их чемоданы на тротуар и пожелал счастливого Рождества. Двери проворно захлопнулись, и мгновение спустя, автобус Ночной

Рыцарь покатился вниз по улице, обогнул грузовик и выполнил что-то типа пируэта на перекрестке. Три секунды спустя он исчез из виду.

— Отлично сработано, как и ожидалось, — довольно сказал Тед, взял свой чемодан и чемодан Виктории и потащил их к линии полуразрушенных рядных домов.

— Какой номер? — спросил Ральф, который отдуваясь тащил свой свой огромный чемодан.

— Номер двенадцать. Прямо здесь, — ответил Джеймс. Он бывал в старой штаб-квартире столько раз, что уже забыл, что она невидима для большинства людей. Ральф остановился у основания ступеней, нахмурившись.

— Ах, да, — сказал Джеймс, поворачиваясь. — Хорошо, Ральф. Ты пока не можешь видеть дом, но на самом-деле он здесь. Номер 12 на площади Гриммо действительно здесь, между одиннадцатым и тринадцатым. Он принадлежал крестному моего отца, Сириусу Блэку, но тот завещал его папе. Здесь была штаб-квартира Ордена Феникса в те дни, когда они сражались с Волан-де-мортом. Они охраняли ее с помощью Заклятия Доверия и чар Дезиллюминации, наложенными сильнейшими на тот момент добрыми волшебниками. Это было наиболее хорошо охраняемое секретное место Ордена до тех пор, пока в конце концов пожиратели смерти не выследили здесь моего дядю, используя чары одностороннего видения. Во всяком случае, сейчас она официально принадлежит папе, но мы не живем здесь постоянно. Кикимер следит за домом, когда нас здесь нет.

— Из всего сказанного я понял максимум каждое третье слово, — вздохнул Ральф. — Но не важно, мне уже холодно стоять здесь, как мы попадем вовнутрь?

Джеймс взял руку Ральфа и втянул его на первую ступеньку крыльца дома номер двенадцать. Ральф споткнулся, вернул себе точку опоры и огляделся. Его глаза расширились, а довольная ухмылка растянулась на лице. Джеймс не помнил свой первый визит в старую штаб-квартиру, но знал как реагируют другие люди, внезапно обнаруживая перед собой дверной проем, когда дом номер двенадцать просто расталкивает дома номер одиннадцать и тринадцать в стороны, как человек распихивающий толпу плечами. Джеймс не удержался от улыбки в ответ на удивление Ральфа.

— Хорошо быть волшебником, — многозначительно сказал Ральф. Едва Джеймс захлопнул дверь, его мама быстро прошагала к нему через холл, вытирая руки о полотенце.

— Джеймс! — воскликнула она, заключая его в объятия и почти отрывая его от пола.

— Мам, — сказал Джеймс смущенно и весело. — Прекрати, ты сейчас расплавишь Шоколадную Лягушку у меня в кармане.

— Ты не настолько старый, чтобы не поцеловать маму после четырехмесячного отсутствия, знаешь ли, — проворчала она.

— Ты знаешь, каково это, — печально воскликнул Тед. — В один момент они дергают завязки вашего передника, а в следующий уже просят занять метлу, что бы пойти пообниматься с какой-то сумасбродкой. Куда уходит время?

Мама Джеймса улыбнулась, повернулась к Теду и хорошенько обняла его.

— Тед, ты никогда не изменишься. И не пытайся. Добро пожаловать. И тебе тоже, Виктория. Восхитительная шляпка, кстати, — Ральф тяжело вздохнул, но мама Джеймса подошла прежде, чем Виктория смогла покритиковать его. — А ты, конечно же, Ральф. Гарри упоминал о тебе и, естественно, Джеймс много рассказывал о тебе в своих письмах. Меня зовут Джинни. Я слышала, ты в совершенстве владеешь волшебной палочкой.

— Кстати, а где папа? — быстро спросил Джеймс, не давая времени Виктории разразиться тирадой по этому поводу.

— Он подберет Андромеду сегодня после работы. Они скоро должны быть дома. Все остальные придут завтра.

— Джеймс! — воскликнули в унисон два детских голоса, сопровождаемые оглушительным топотом. — Тед! Виктория!

Лили и Альбус протолкались мимо своей мамы.

— Что вы нам принесли? — требовательно спросил Альбус, останавливаясь перед Джеймсом.

— По приказу из школы чародейства и волшебства Хогвартс, — важно произнес Джеймс, — я принес вам обоим... крепкие объятия!

Он сгреб Альбуса в медвежьи объятия. Альбус отталкивал его и вырывался, одновременно смеясь и досадуя.

— Нет! Я хочу «Друбблс» лучшую надувную жевательную резинку

от леди с тележкой! Я говорил тебе!

Тед присел на корточки и обнял Лили:

— У меня есть кое-что, что тебе понравится, моя дорогая.

— Что это? — спросила она подозрительно.

— Ты ведь подождешь до Рождества, так ведь? Ваша мама запаслась драконьим кормом, верно?

— Тед Люпин! — набросилась на него Джинни. — Не давай ей несбыточных надежд, негодяй. А теперь, вы все, пойдете. Кикимер в подвале после обеда все готовит то, что он называет «примерным и пристойным чайным сервисом». Не объедайтесь, иначе в вас не влезет гусь, которого он приготовил. Эльф тогда целую неделю дуться будет.

Гарри и бабушка Теда, Андромеда Тонкс, приехали на полчаса позже, и остаток вечера прошел в вихре еды, счастливого смеха и болтовни. Гарри и Джинни, как оказалось, не слушали дебаты в Хогвартсе, как Джеймс и полагал. Андромеда Тонкс, однако слушала, и без конца язвила относительно Табиты Корсики и ее команды. К счастью, она не подозревала, что Ральф тоже был в той команде, и парень был так-же счастлив, продолжая оставлять ее в неведении.

— Не беспокойся, — прошептал Тед Ральфу через тарелку с десертом, — если кто-нибудь проболтается, то я скажу ей, что ты находился там под прикрытием. Она обожает шпионские штучки, как в старые добрые времена.

Кикимер не изменился ни на йоту. Он низко поклонился Джеймсу, прижав одну руку к сердцу, а другой широко взмахнув.

— Мастер Джеймс вернулся после своего первого года обучения, — проворковал он своим булькающим голосом. — Кикимер подготовил комнату мастера так, как он любит. Желают ли мастер и его друзья сэндвичей с кресс-салатом?

Кикимер, как обычно, сохранял в доме исключительный порядок и даже позаботился об украшениях для праздника. К сожалению, понятия Кикимера о хорошем настроении были слегка грубоваты, и результат мог забавлять Зейна бесконечно. Отрубленные головы предыдущих домашних эльфов, которые до сих пор висели в прихожей как свидетельство оригинальности чистокровных владельцев имения, были одеты в фальшивые белые бороды и конусообразные зеленые шапки с позвякивающими колокольчиками на концах.

— Кикимер заколдовал их, чтобы они пели праздничные песни, — сказал Кикимер Джеймсу и Ральфу немного обиженным тоном. — Но миссис решила, что это будет, возможно, слишком... слишком... празднично. Кикимеру нравилось, хотя это не важно.

Казалось, он закидывал удочку на то, чтобы получить разрешение восстановить поющие головы. Джеймс уверил Кикимера, что это была удивительно изобретательная идея, и он сообщит об этом маме. На самом деле ему было ужасно любопытно увидеть и услышать поющие головы в действии.

Лили и Альбус преследовали Джеймса и Ральфа по пятам большую часть ночи, умоляя продемонстрировать недавно изученное волшебство.

— Давай, Джеймс! — требовал Альбус. — Покажи левитацию! Левитируй Лили!

— Нет! — плакала Лили. — Левитируй Альбуса! Отправь его летать в окно!

— Вы оба знаете, что мне нельзя заниматься магией с того момента, как я сошел с поезда и официально покинул Хогвартс, — устало отвечал Джеймс. — Иначе у меня будут проблемы.

— Папа — глава Мракоборцев, ты, плут. Скорее всего, ты даже не получишь предупреждение.

— Это невозможно, — серьезно сказал Джеймс. — Когда вы подрастаете — то узнаете, что это значит.

— Ты не просто не умеешь, так ведь? — засмеялся Альбус. — Джеймс не умеет левитировать! Что ты за волшебник. Первый сквиб в семье Поттеров. Мама умрет от стыда.

— Ты просто какой-то Альбус-блаббус, ты маленький соплохвост.

— Не называй меня так!

— Как — соплохвост или Альбус-блаббус? — улыбнулся Джеймс. — Ты знаешь, что Альбус-блаббус — это твое настоящее имя? Оно записано в свидетельстве о рождении. Я видел.

— Альбус-блаббус! — запела Лили, танцуя вокруг старшего брата.

Альбус прыгнул на Джеймса, повалив его на пол.

Позже, когда Джеймс и Ральф поднимались на ночь в спальню Джеймса, они проходили мимо занавеса, который, казалось, занимал весь отрезок стены. Из-за него доносилось сонное бормотание. — Старая миссис Блэк, — объяснил Джеймс. — Безумная старая

психопатка. Верещит о людях, оскверняющих дом ее предков и вещи каждый раз, как видит кого-то из нас. Папа и Невилл сделали все, что только можно было придумать, чтобы убрать старую летучую мышь со стены, но она крепко держится. Даже хотели вырезать часть стены с портретом, но это несущая стена. Если ее вырезать, верхний этаж может обрушиться прямо на нас. Кроме того, как ни странно, Кикимер очень привязан к ней, ведь она была его старой хозяйкой. Так что, я предполагаю, что она останется частью семьи навечно.

Ральф попытался украдкой заглянуть за занавесь. Он наморщил лоб.

— Она что... смотрит телевизор?

Джеймс пожал плечами.

— Мы обнаружили это несколько лет назад. Мы оставили переднюю дверь открытой, пока заносили новый диван. Она увидела телик в окне через улицу и заткнулась впервые за недели. Так что мы наняли волшебного художника, он пришел и нарисовал телевизор прямо в ее портрете. Сумасшедшая старая летучая мышь любит разговорные шоу. С тех пор она стала, ну, более терпимой.

Ральф медленно отпустил занавес над портретом. Мужской голос позади него с кем-то беседовал: «А когда вы впервые заметили, что у вашей собаки синдром Туретта, миссис Дрейкман?»

Кикимор поставил раскладушку для Ральфа в комнате Джеймса, его чемодан стоял здесь же, а на каждой подушке лежала перевязанная ленточкой шишка, по-видимому, соответствующая представлениям Кикимера о рождественской мяте.

— Когда-то здесь была комната крестного моего отца, — полусонно сказал Джеймс, пока они устраивались.

— Круто, — пробормотал Ральф. — Он был хорошим парнем? Или психом, как та старая ведьма на портрете? — Одним из самых лучших парней, как утверждает отец. Мы расскажем тебе о нем когда-нибудь. Он находился в розыске за убийство более десяти лет.

Наступила минутная тишина, а затем голос Ральфа произнес в темноте:

— Вы, волшебники, можете чертовски озадачить, ты знаешь об этом?

Джеймс улыбнулся. Минуту спустя они оба уже спали.

Глава 11. Три реликвии

После первого волнительного путешествия и прибытия рождественские приготовления на Площади Гриммо стали довольно нудными. Джеймс представил всем Ральфа, который довольно быстро стал частью толпы из друзей и семьи, которая переполнила дом. В среду перед Рождеством, Дядя Рон и Тетя Гермиона прибыли вместе со своими детьми — Хьюго и Роуз. Вскоре ко всем присоединились Дядя Билл с Тетей Флер, родители Мари-Виктуар. Джеймс очень любил их всех, и даже при том, что дом был переполнен до отказа, мальчик волновался насчет того, что они останутся на все каникулы.

— На самом деле, даже хорошо, что ма и па в этом году остались у Чарли, — прокомментировал Рон, затаскивая багаж (свой и Гермионы) по лестнице на третий этаж в предназначенную для них спальню. — Это место кажется уменьшилось с тех пор, как мы были детьми.

— Это потому, что мы выросли, Рон, — пожурела его Гермиона, ласково ткнув локтем в область желудка. — У тебя нет причин для нытья и жалоб.

— Я не жалуясь. Ведь если бы Перси был здесь, нас бы подселили к Кикимеру.

Джеймс и Ральф, как и прочие братья и сестры, Джеймса, родные и двоюродные, проводили дни играя в волшебные шахматы у камина с дядей Роном, бродя по окрестностям или совершая последние рождественские покупки с Джинни или тетей Гермионой. Флер и Билл воспользовались помощью Джеймса и Ральфа, чтобы срубить и привезти Рождественскую елку, которая выглядела просто очаровательной, будучи снаружи, но, занесенная в дом, заняла не менее двух третей от главного зала.

— Немного стыдно делать это, честно говоря, — признал Билл, все-таки направляя волшебную палочку на дерево.

— Редукто!

Дерево сжалось втрое, но ухитрилось сохранить свою густоту, так что в конце концов стало больше похоже на рождественский куст, чем на дерево. Ральф, Джеймс, Роуз и Виктуар потратили последние дни накануне Рождественского сочельника нанизывая на нитки воздушную кукурузу, украшая дерево и упаковывая подарки. В тот вечер Гермиона собрала всю семью, желая, чтобы они отправились петь рождественские гимны все вместе. Тем не менее ни Рон ни Гарри не проявили особой радости по поводу этой затеи.

— Дай нам передохнуть, Гермиона, — сказал Гарри, опускаясь в уютное кресло у камина. — Мы весь день на ногах.

— Да, — воодушевленно поддержал Рон, — это только начало праздников. Можем мы присесть ненадолго?

— Рональд Уизли, ты возьмешь свой зад и запихнешь его в пальто и шляпу, — ответила Гермиона, бросая вещи Рона ему на колени. — Мы собираемся всей семьей раз в году, если повезет, и я не позволю тебе просидеть весь вечер бездельничая только потому, что ты дома. Кроме того, — добавила она немного жестче, — по пути сюда ты говорил, что рождественские гимны — это весело.

— Это было до того, как я узнал, что ты серьезно, — пробормотал Рон, вставая и натягивая пальто.

— Ты тоже, — улыбнулась Джинни, хватая Гарри за руку и вытаскивая его из кресла. — Ты сможешь бездельничать все рождественские дни, если захочешь, но сегодня мы идем веселиться,

нравится тебе это или нет.

Гарри тяжело вздохнул, но позволил Джинни надеть на него пальто. Она игриво ткнула его в живот, а он улыбнулся, беря свой шарф. К очевидному огорчению Рона и Гарри, Билл избежал похода, пообещав, приложив руку к груди, повеситься в прихожей. Флер, одетая так же блистательно, как и ее дочь, с обожанием улыбнулась ему. Когда они подходили к двери, Джеймс услышал, как дядя Рон шепнул его отцу:

— Клянусь, он ведет себя так не столько назло нам, сколько для того, чтобы произвести на нее впечатление.

Ночь получилась такой замечательной и рождественской, что Джеймс задумался, не наколдовали ли ее мама и тетя Гермиона? Крупные хлопья снега начали бесшумно падать, приглушая далекие городские звуки и покрывая грязные стены и тротуар сверкающей белизной. Гермиона раздала листы с текстом гимнов, а затем расставила всех так, чтобы самые юные оказались впереди, а взрослые и высокие — сзади.

— Если бы мама была поблизости, — сказал Рон Гарри, понизив голос. — Я бы поклялся, что Гермиона подражает ей.

После пробного пения Гермиона рассердилась на Теда, который во время пения выдавал различные вариации от лирических до басовых, особенно восхищавших Альбуса и Хьюго. Наконец, удовлетворившись, она повела труппу по улицам окружавшим площадь Гриммо, звоня в двери и собственно распевая гимны. Большинство магглов, которые открывали двери, стояли и слушали с чем-то вроде натянутого удовольствия на лицах. Один раз старик с большим слуховым аппаратом проорал им, что он не поддерживает никаких благотворительных организаций за исключением Дома Гортензии для Одичавших Кошек и захлопнул дверь.

— В таком случае МакГонагалл должна ему рождественскую открытку, — сказал Тед, едва стих стук.

Джеймс махнул Ральфу рукой прежде, чем тот успел спросить.

— Анимаг. Позже объясню.

Рождественское утро началось с ослепительного сияния, солнце превратило покрытые изморозью окна в ослепляющие картины. Ральф и Джеймс встретили Альбуса и Роуз, когда те спускались на завтрак.

— Это бесполезно, — сказала Роуз скорбно. — Мама поклялась, что применит Круцио к любому, кто попытается открыть подарки до завтрака.

Джеймс моргнул.

— Тетя Гермиона так сказала?

— Ну, — ответил Альбус, — не так многословно, но она действительно в гневе с тех пор, как застала нас за попыткой посмотреть на подарки с помощью просвечивающих очков дяди Джорджа, чтобы узнать что в них. Она набросилась на него как дементор. Это было жутко!

— Дядя Джордж здесь? — спросил Джеймс, сбегая вниз по лестнице и направляясь к кухне. — Великолепно!

— Да, но он привез Кэти Белл с собой, — сказал Альбус, произнося имя самым старательно-ворчливым своим голосом. Альбус не одобрял Кэти Белл, как он не одобрял любого, кто мог угрожать изменить проказливую холостяцкую жизнь Джорджа Уизли.

Завернув за угол в старую кухню, Джеймс и Ральф услышали голос Джорджа, говорящий:

— Это такой сорт рекламы, который позволит «Тройному В» вырасти до двух точек и стать ведущим магазином шуток в мире волшебства, понимаете. Вы не сможете остановить первоклассный шедевр во время радиовещания, как случилось на дебатах. Это все очень зрелищно.

Кети Белл, привлекательная женщина с длинными каштановыми волосами, размешивала чай.

— Вы бы слышали, как Майрон Мадригал описывал его по радио, — сказала она, подавляя улыбку.

Тед нахмурился, но его любопытство взяло над ним верх.

— Что он сказал?

— Он назвал это «ребяческой показухой с монументально плохим вкусом», — гордо заявил Джордж, поднимая стакан с соком для тоста.

— Это прекрасно! — ухмыльнулся Тед, чокаясь своим стаканом со стаканом Джорджа.

— Джеймс, рад тебя видеть! — сказал Джордж, ставя сок на стол и похлопывая по стулу рядом с собой. — Садись и рассказывай, как обходится с тобой старая альма матер.

— Замечательно, — ответил Джеймс, садясь и беря кусок тоста. — Джордж, это мой друг Ральф.

— О, мы все о тебе знаем, верно? — сказал Джордж, склоняясь к Ральфу и постукивая его по носу. — Наш человек на другой стороне, э? Просочился в грязное брюхо Слизеринской военной машины. Шпионит и саботажит направо и налево, без сомнений.

Ральф покосился на Теда.

— Я ничего не говорил, — официально заявил Тед. — Я случайно упомянул при нем, что ты был в команде Б, на обратном пути, когда мы приводили в порядок пакет с нашим маленьким сюрпризом. Все остальное он выяснил самостоятельно, когда узнал, что вы здесь.

Ральф скривился.

— Ну, это не совсем так, вы же знаете. Я просто ребенок.

— Никогда не недооценивай того, что может сделать ребенок, Ральф, — серьезно сказал Джордж.

— Верно, — кивнула Кэти, — Джордж и его брат Фред устроили лучшее разрушение в классе за всю историю Хогвартса в самом центре правления Амбридж Ужасной.

— Как я и сказал, все это просто представление, — сказал Джордж.

— А так же маленькая месть, — улыбнулась Кэти.

— Как смеешь ты предполагать такие вещи?

Ральф и Джеймс обменялись недоуменными взглядами.

Джеймс, Ральф, Тед и Джордж завтракали последними. Младшие братья, сестры и кузены с кузинами деловито вытащили их из-за стола, чтобы наконец собрать всю семью вместе и открыть подарки.

— Разве ты не сделал так, как я тебе сказал? — спросил Джордж, смеясь, пока Альбус тащил его в общую комнату. — Открыть подарки в середине ночи, а потом переупаковать их снова с помощью чар Репаро?

— Я пытался! — серьезно ответил Альбус. — Я стащил палочку Джеймса и практиковался на коробке с бисквитами. Это не работает! В конце концов получился только беспорядок. Мама меня отлупит.

— Ты стащил мою палочку! — воскликнул Джеймс, устремляясь за Альбусом. — Я сам тебя отлуплю! Верни немедленно!

Альбус с криком убежал, преследуемый Джеймсом.

Было много визга с обрывками бумаги, и Джеймс не мог не подумать, что Рождество на площади Гриммо мало чем отличается от

того, что описывал Зейн, про его семейное рождество в Штатах, болотные огоньки и все такое. Когда юные Поттеры и Уизли открыли все подарки и убежали радоваться им, оставшиеся подарки были открыты немного более сдержано. Гарри подарил Джинни необычный новый котел, который она развернула и осмотрела без особого интереса.

— Это Колдовской Котел, — объяснил он, защищаясь. — Он готовит обед по щелчку! Тебе достаточно загружать в него все ингредиенты каждое утро, все что валяется в буфете. Не важно что. Колдовской Котел подбирает лучшее блюдо, которое можно сделать из них, подготавливает их и готовит в течение дня. Мы все возвращаемся домой поздно и, вуаля, волшебный ужин. Отличное решение для работающей мамы, которая всегда в движении.

— На самом деле это было написано на вывеске Тристана и Таппервольфа, — с ухмылкой заметил Рон. Гарри отвесил ему подзатыльник.

Флер фыркнула.

— Там, откуда я родом, неприлично для мужчины покупать посуду в качестве подарка.

— Это потому, моя дорогая, что там, откуда ты родом, — мягко сказал Билл. — мужчины готовят сами.

— Ох, просто открой следующий, — сказал Гарри с досадой.

Следующий подарок, открытый Джинни, оказался парой сережек с русалочьим жемчугом и был принят остальными гораздо лучше. Джинни казалась одновременно смущенной и очень довольной.

— Гарри! Не представляю, откуда ты взял деньги на это! Русалочий жемчуг! Вот уж не ожидала... — ее глаза заблестели от сдерживаемых слез.

— Просто надень, — улыбнулся Гарри. — Если это заставит тебя почувствовать себя лучше, то они не настоящие. Жемчуг лепреконов. Это просто дополнение к Волшебному котлу.

— Они чудесны, — она просияла, поцеловав его.

Рон подарил Гермione маленький, но, по-видимому, дорогой флакончик духов, по названию «Причудливое очарование», которому Гермione очень обрадовалась. Джинни и Гермione объединились, что бы купить Гарри и Рону билеты на Мировой кубок по квиддичу.

— Мы знаем, что вы оба уже много лет хотите пойти туда, —

пояснила Гермиона, пока Гарри и Рон поздравляли друг друга, — но вы никогда не думали купить расширенные билеты. Мы взяли восемь общих билетов, так что вы сможете взять с собой детей, если захотите. Им понравится. И ваших жен, конечно, если пожелаете. Все зависит от вас.

Но Гарри и Рон уже погрузились в обсуждение того, какие команды будут участвовать в Кубке, и едва ли расслышали последнюю фразу.

Джеймс открыл свой подарок и был очень удивлен, увидев, что родители подарили ему новую метлу.

— Вау, — выдохнул он — Молниеносная! Мам, Пап, вы подарили мне Молниеносную?

— Ну, — медленно сказал Гарри. — Я знаю, поначалу у тебя были проблемы с метлой, но я поговорил с твоим другом Зейном, и он сказал, что теперь ты летаешь действительно хорошо. Я подумал, тебе будет приятно тренироваться на своей собственной метле. Школьные метлы слишком старые. Медленные, громоздкие и в управлении не слишком послушные. Попробуй эту и, думаю, ты сразу ощутишь разницу.

— Конечно, если ты не хочешь, — предложил Джордж, — то ты всегда можешь сторговаться с Тедом. Его старый Нимбус, может, и медленный как флоббер-червь, зато обладает антикварной ценностью.

Тед запустил в Джорджа комком оберточной бумаги, угодив ему прямо в лицо.

Джеймс чувствовал себя немного виноватым перед Ральфом, который не слышал о своем отце с тех пор как уехал на каникулы. Ральф только пожимал плечами, говоря, что его отец скорее всего прислал рождественский подарок в школу. Джеймс и Ральф оба были удивлены, когда Джинни вручила Ральфу небольшой сверток.

— Он не очень большой, — улыбнулась Джинни, — но мы думаем, тебе понравится.

Ральф развернул подарок и взглянул на него. Это оказалась потрепанная книжка с загнутыми страницами, слова на обложке стерлись со временем. Она называлась «Продвинутый курс зельеварения».

— Она принадлежала великому слизеринцу, каким и ты однажды станешь, без сомнений, — сказал Гарри мрачно. — Честно говоря, я думал, что потерял ее, но она вернулась несколько недель назад. Я не

знал, что с ней делать, пока ты не приехал к нам на каникулы. Есть такое чувство, что она должна быть у тебя. Просто не позволяй профессору Слизнорту увидеть ее и пользуйся ей как... справочником.

Ральф осторожно открыл ветхую книжку. Ее поля заполняли написанные от руки заметки и рисунки.

— Кто написал все эти вещи внутри?

— На самом деле не важно, — загадочно ответил Гарри. — Ты его все равно не знаешь. Просто береги ее и будь осторожен с использованием некоторых заметок. Они могут быть немного... хитрыми, иногда. Тем не менее, это просто означает, что она должна быть в руках хорошего слизеринца. С Рождеством, Ральф.

Ральф поблагодарил Гарри и Джинни, слегка недоумевая из-за серьезного отношения к нему и подаренной книге. Он признался, что таинственная книга, по-видимому, и правда важна. Он завернул ее в кусок ткани, который дала ему Джинни, и положил на дно своего чемодана.

Джеймс обрадовался, когда вечером приехали Невилл и Луна Лавгуд. Эти двое встречались в течение последних нескольких месяцев, но Джеймс слышал, как его мама говорила Андромеде Тонкс, что они с виду нисколько не изменили свои отношения. Джеймс не догадывался, откуда его мама знает такие вещи, но не сомневался, что та права. Для Джеймса Невилл и Луна выглядели слишком... братом и сестрой, чтобы пожениться.

После обеда бабушка Уизли вышла на связь через камин, чтобы пожелать всем счастливого Рождества.

— Мы совершенно очаровательно проводим здесь время с Чарли, — сказала она из-за каминной решетки. — И Прага просто прелестна. Я думаю, вам, мальчики, необходимо поговорить с вашим отцом. Он в полном восторге от здешней маггловской архитектуры и хочет остаться еще на несколько недель. Он стал настолько непредсказуем, что, наверно, способен уйти в отставку из Министерства. Ох, это так трудно, когда ваши дети разбросаны по всему миру. Как же мне уследить за моими взрослыми детишками?

— Как там Чарли и Клэр с детишками, Молли? — спросила Гермиона, переводя разговор в более безопасное русло.

— Прекрасно, хотя Чарли настаивает на том, чтобы взять

маленьких Харольда и Джульса с собой на работу при удобном случае. Как эти бедные дети смогут вынести вид этих тварей и избежать ночных кошмаров выше моего понимания.

Джеймс, который несколько раз встречался со своими юными кузенами Харольдом и Джульсом знал, что такие как они скорее сами вызовут ночные кошмары у драконов, чем наоборот.

Позже, этим же вечером, когда члены семьи начали расходиться по кроватям, Джеймс и Ральф нашли себе местечко у камина, рядом с Луной Лавгуд, которая рассказала им о своей последней экспедиции в Высокие горы на поиски Умгубуляря Слешкиллера.

— Пока что не удалось точно определить местонахождение, — сказала она, — но недавно я обнаружила обширную сеть тропинок и остатки жизнедеятельности. Похоже, основу его диеты составляют бешеные вермпы и плоды фигового дерева, так что его помет довольно легко отличить от прочих по одному только запаху. Он слегка похож на мятный. Не то чтобы неприятный.

— Унглубулоус... слэшкиллер? — переспросил Ральф.

— Довольно похоже, — мягко сказала Луна. — Это разновидность нелетающих ящеров, связанных дальним родством с гиппогрифами и октогаторами. Я отметила форму их троп и взяла образец навоза. Хотите узнать, как он пахнет?

— Луна, — сказал Джеймс, наклоняясь вперед и понижая голос, — можешь ответить мне на один вопрос? Я бы предпочел, чтобы никто об этом не знал.

— Я специализируюсь на вещах, которые никто не знает, — мягко сказала Луна.

— Я имею в виду, это что-то вроде секрета.

— О, — только и сказала Луна, ее лицо оставалось спокойным. Джеймс подождал немного, но она просто наблюдала за ним, вежливо улыбаясь. Луна, вспомнил он, обладала довольно уникальным понятием о беседе. Он решил ковать железо, пока горячо.

— Речь не о Слешкиллерах или Вракспуртах, или чем-нибудь подобном. На самом деле, такой вопрос, скорее, стоило бы задать твоему отцу, будь он все еще при делах, но я надеюсь, ты тоже сможешь помочь. Что тебе известно о... о Астрамаддуксе и Мерлине Амброзиусе?

Луна была самым непоколебимым человеком, которого Джеймс знал. Она только посмотрела в огонь и сказала:

— Ааа, да, не совсем моя специальность. Однако, увлечение всей жизни моего отца. Астрададукс был историком, который записывал последние дни Мерлина и его обещание вернуться, конечно. Объект множества спекуляций и интриг на протяжении веков, как ты знаешь.

— Да, — сказал Джеймс, — мы знаем. Мы читали о нем и о предсказанном возвращении. Что нам любопытно, так как это должно произойти? Что для этого нужно сделать?

Луна задумалась.

— Жаль, что отца здесь нет. Он может говорить на эту тему днями. На самом деле, он так и сделал на встрече альтернативных магических изданий и радиовещателей в Бельфасте. Толкнул речь о последствиях заговора Мерлина и их гипотетических вероятностях, если мне не изменяет память. Она длилась три с половиной дня, пока он не уснул на сцене. На самом деле, я думаю, он уснул задолго до того, как кто-то это заметил. Он известный соновещатель. Большинство своих речей он произнес в ночной рубашке. Большинство людей думают, что это эксцентричность, но я считаю, он просто делал много дел одновременно, — она нежно вздохнула.

Джеймс понимал, что у него не очень много времени до того, как кто-нибудь, Джордж, или хуже того, папа или мама, войдут в комнату.

— Луна, что он говорил об этом? Считал ли он возвращение Мерлина возможным?

— О, конечно, он считал. У него были сотни теорий касательно этого. На самом деле, он жил надеждой увидеть этот день, несмотря на то, что даже он не был уверен, что когда Мерлин вернется, он будет тем, кого мы называем добрым волшебником. Он написал целую серию статей в «Придире», объясняющих о трех реликвиях и содержащих предложение в сотню галлеонов в награду любому за правильный ключ к местонахождению.

Джеймс старался не мешать Луне.

— Что за три реликвии?

— О, — сказала Луна, посмотрев на него. — Я думала, вы читали об этом?

— Это так, но там ничего не было сказано ни про какие реликвии.

Там было сказано только, что Мерлин жил в мире людей и вернется, когда придет его время, или что-то в этом роде, — вмешался Ральф.

— Ох, хорошо, тогда это ключ, не правда ли? — безмятежно ответила Луна. — Реликвии появятся, когда придет время. Три необходимых Мерлину элемента — его трон, его мантия и его посох. Он оставил их на хранение Астремаддуксу. Согласно предсказанию, однажды все три реликвии соберутся вместе снова в месте под названием «Перекресток Старейших», Мерлин вновь появится, чтобы потребовать их.

Джеймс разинул рот от удивления. «Перекресток Старейших...» — подумал он, вспоминая надпись, высеченную на воротах таинственного острова. Он чувствовал как колотится его сердце и был уверен, что Луна слышит это в его голосе. Он постарался отразить в голосе только любопытство.

— Так что же случилось с тремя реликвиями Мерлина потом?

— Никто точно не знает, — беззаботно ответила Луна, — но мой отец разработал несколько довольно сильных теорий. Согласно легенде, церемониальная черная мантия Мерлина была создана из нетленной ткани, позволяющей ей сохраняться неизменной. Она предположительно была использована как саван для тела Кригла, первого короля волшебного мира, в надежде, что она будет препятствовать гниению. Увы, никто не знает, где находится могила Кригла, она была под защитным заклинанием, а всех Хранителей тайны погребли в ней же, чтобы сохранить секрет навсегда, — Ральф содрогнулся, а Луна продолжала: — Трон Мерлина передавался в королевстве магглов как реликвия от поколения к поколению, всегда готовый к возвращению волшебника, пока не затерялся в дымке времен. Кто-то верит, что он был восстановлен королем волшебников в шестнадцатом столетии и по сей день хранится в Министерстве магии, забытый в подвалах Отдела тайн.

— Наконец, — сказала она, прищурившись, словно просматривая воспоминания, — величайшая из реликвий Мерлина, его посох. Тогда маги использовали посохи чаще, чем палочки, знаете ли. Длинные палки, часто высотой с самого волшебника.

Мерлинов был вырезан из ствола редкого говорящего драчливого дерева. Говорят, он мог заставить свой посох говорить голосом дриады,

которая дала ему его. Астрамаддукс хранил посох сам, единолично до дня возвращения Мерлина. Он спрятал его и секрет его местонахождение, говорят, и умер вместе с ним.

— Вау, — сдавленно промычал Ральф.

— Но допустим, — сказал Джеймс, — кто-нибудь соберет все реликвии снова вместе. Где ему искать этот Зал...Перекресток Старейших?

— Опять-таки никто не знает, — ответила Луна, — Астрамаддукс упоминал о нем так, словно его читатели должны знать, где это, возможно, в то время это было известное место, утерянное для нас сейчас.

— Но твой отец верил, что это возможно — вернуть Мерлина обратно? Он думал, что это случится? — подтолкнул Джеймс.

В первый раз за все время разговора лицо Луны стало серьезным. Она посмотрела на Джеймса.

— Мой отец верил в великое множество разных вещей, Джеймс, далеко не все из них были приближены к реальности. Да, он верил в возвращение Мерлина. Также он верил в целительную силу Наргловских бородавок, фонтан чарующего дыхания и существование подземной цивилизации полугуманоидных существ Мордмунков. Иными словами, если мой папа во что-то верил, это не обязательно было реальным.

— Да, я понимаю, — сказал Джеймс довольно смущенно.

Луна продолжала:

— Нет волшебника, преодолевшего смерть. Многие обманывали ее на время, используя различные искусства, начиная от творческого подхода к проблеме и кончая откровенным злом. Но нет ни одного волшебника за всю историю, испытавшего смерть и вернувшегося рассказать об этом. Таков закон смертности. Одна жизнь, одна смерть.

Джеймс кивнул, но он уже не слушал. Голова у него шла кругом. Наконец, заглянула Джинни и отправила обоих мальчиков в постель.

— Так что ты думаешь? — спросил Ральф, когда они миновали завешенный портрет старой миссис Блэк и поднялись по лестнице. — Все еще считаешь, что все это большой заговор Мерлина?

Джеймс кивнул.

— Наверняка. Помнишь наше первое занятие по защите от темных

искусств? Когда профессор Джексон пришел поговорить о чем-то с профессором Франклином? Они оба стояли посреди прихожей, когда королева вуду прибежала сообщить Джексону, что его класс ждет его. Помнишь?

— Да, конечно.

— Ну, ты же знаешь кейс, который Джексон носит с собой повсюду? Я заглянул в него. Он был приоткрыт и стоял всего в футе от меня. Там был большой сверток из какой-то черной ткани внутри. Джексон увидел, что я смотрю, и взглянул на меня так, что смог бы взглядом расплавить свинец!

Джеймс открыл дверь в свою комнату, и Ральф упал на свою раскладушку.

— И что? Я ничего не понимаю.

— Помнишь, что я рассказывал тебе про ночь, когда я спрятался под мантией-невидимкой и проследил за папой и профессором Франклином? Франклин говорил папе, что он должен приглядывать за профессором Джексонем. Он сказал, что Джексон был вовлечен в пропаганду движения против мракоборцев. Разве не понимаешь?

Ральф опять нахмурился, задумавшись.

— Я не знаю. Не могу поверить, что профессор Джексон может быть частью заговора по началу войны с магглами. Он бескомпромиссный, но, кажется, спокойный.

— Я тоже так считаю, но Ральф, знаешь, что за вещь, я думаю, была у него в кейсе? Я думаю, это была одна из реликвий! Я думаю, это — мантия Мерлина! Он хранит ее в сохранности до тех пор, пока не сможет собрать вместе все реликвии.

Глаза Ральфа расширились.

— Нет! — сказал он, понизив голос. — Не может быть! Я имею в виду, профессор Джексон...!

— Это еще не все, — сказал Джеймс, роясь в рюкзаке. — Взгляни на это.

Он вытащил номер «Ежедневного Пророка», который ему дал Зейн, со статьей о демонстрации против визита Гарри Поттера на обложке.

— Это было на дне моего чемодана все это время. Я забыл, зачем сохранил его, но взгляни на заголовок сзади.

Джеймс постучал по статье о взломе в Министерстве магии и

чертовски странных ворах, которые, по-видимому, не удосужились ничего украсть. Ральф медленно прочитал статью и посмотрел на Джеймса. Его глаза стали еще больше.

— Здесь сказано, что одним из мест, подвергшихся взлому, был Отдел Тайн, — сказал он. — Думаешь, эти парни искали трон Мерлина?

— Возможно, — произнес Джеймс, напряженно размышляя. — Но я так не думаю. Я думаю, их наняли для диверсии. Там сказано, никто из них раньше не привлекался, так? Они же не сумели бы попасть в Министерство самостоятельно. Я думаю, может, они были просто отвлекающим маневром, раскидывали вещи и создавали небольшой хаос, пока кто-то другой нашел трон и забрал его.

— Но здесь сказано, что ничего не украдено, — сказал Ральф, заглядывая обратно в статью.

— Они же не могут объявить, что трон Мерлина пропал, так ведь? — ответил Джеймс. — Я имею в виду, это немного до жути страшно, что кусочек темной магии пропал без вести, со всеми этими историями о злых волшебниках, пытающихся использовать реликвии, чтобы вернуть Мерлина на протяжении веков. И опять-таки, — он вспомнил то, что говорила им Луна, — если он хранился в запасниках Отдела тайн с шестнадцатого века, может, они даже не знали, что он там. Откуда им знать, что отдельный предмет пропал со своего места? Луна назвала их «бесконечными подвалами», так ведь?

— Итак, — сказал Ральф, снова изучая новостную статью, — кто-то нанял этих трех головорезов ворваться туда и устроить беспорядок, пока настоящие воры скроются с тронном Мерлина. Затем настоящие воры прокляли этих ребят, чтобы они не проболтались, и бросили там, чтобы все свалить на них. Верно? Звучит довольно подло. Но, все же, где бы ты спрятал что-то наподобие трона Мерлина? Даже не мощные магические объекты, особенно темные оставляют заметный отпечаток? Я имею в виду, твой отец и его мракоборцы почувствовали бы его как-нибудь, разве не так?

— Да, — с сомнением согласился Джеймс, — они бы поместили его вдали от цивилизации или скрыли под Дезиллюминистентными чарами и Заклятием Доверия, так, что никто не смог бы завладеть тронном. Джексону и остальным нужно место совершенно защищенное и абсолютно секретное, чтобы трон Мерлина никто не нашел, как... — он

остановился, осененный внезапной догадкой. Его рот открылся, а глаза расширились.

— Что? — наконец спросил Ральф. Джеймс глянул на него и выхватил газету, перевернул ее, продемонстрировав первую страницу.

— Вот что! — напряженно прошептал он. — Смотри! Взлом случился в ночь накануне нашего приезда в школу! Помнишь, как мы пересекали озеро на лодках первый раз? Я видел кого-то в лодке на другом конце озера!

— Да, — медленно сказал Ральф, прищурившись. — Я догадываюсь. На следующий день приехали американцы, ты увидел старую мадам Делакура и решил, что это была она. Я подумал тогда, что ты немного свихнулся.

Джеймс проигнорировал его и продолжил:

— Я решил, что это была не она, потому что женщина, которую я видел на озере, была гораздо моложе. Но, все же сходство было поразительное. Знаешь, где я видел лодку позже? Она была там, где мы с Зейном нашли остров! Хранитель пещеры! Я думаю, в конце концов это была мадам Делакура!

— Как? — просто спросил Ральф. — Она же приехала на следующий день.

Джеймс объяснил Ральфу про то, что профессор Франклин рассказывал о мадам Делакура за обедом в палатке Альма Алерон.

— Это был ее дух, — предположил он. — Она спроектировала сама себя на озере и на острове, используя способности, о которых нам рассказывал Франклин. Неудивительно, что она так разозлилась, когда он объяснил, что она может проектировать более молодую версию себя, такую, какую захочет!

Ральф все же сомневался.

— Но зачем? Что она собиралась сделать, плавая на лодке по озеру?

— Ты что, не понимаешь? — воскликнул Джеймс, стараясь особо не повышать голос. — Тот, кто украл трон Мерлина, должен спрятать его в месте по-настоящему защищенном и секретном, чтобы никто не почувствовал его. Какое место подойдет лучше, чем территория Хогвартса? Зачем создавать ультра-защищенный тайник, когда он уже существует и можно воспользоваться им? Мадам Делакура отправила

свой дух на остров в ту ночь, чтобы доставить украденный трон. Он спрятала его прямо на территории Хогвартса, на острове. Запретный лес настолько полон магии, что трон, должно быть, просто теряется на ее фоне для волшебников из школы. Хранитель пещеры, должно быть, охраняет это место!

Ральф уставился на Джеймса, кусая губы и широко распахнув глаза. Наконец, он сказал:

— Вау, это так жутко, но, похоже, имеет смысл. Так ты думаешь, она работает с Джексоном?

— Так или иначе, они вместе, — кивнул Джеймс.

— Вот чертовщина! — откровенно заявил Ральф. — Мне действительно начинал нравиться профессор Джексон. Но что в этом такого, на самом деле? Я имею в виду, Луна сказала, что вернуть Мерлина невозможно. Она довольно ясно объяснила, что думает, что те кто попытается это сделать, — просто психи. Умер один раз — умер навсегда. Почему бы не позволить Делакруа и Джексону предаваться их фантазиям?

Но Джеймс не мог оставить это просто так. Он покачал головой.

— Я не знаю как Делакруа, но профессор Джексон поумнее многих. Он преподает техномантию, так ведь? Он не будет заниматься какой-то безумной схемой, если не уверен, что она действительно работает. Кроме того, все постоянно говорят, что Мерлин умер, но Астрададукс не говорил, что он умер, верно? Он просто покинул мир людей.

Ральф пожал плечами.

— Все равно, это слишком запутанно для меня, — и плюхнулся обратно на раскладушку.

— Давай же, Ральф! — воскликнул Джеймс, кинув в него старой газетой, — Они пытаются вернуть Мерлина, они могут начать войну с магглами! Мы должны остановить их!

Ральф перевернулся на другой бок и хмуро взглянул на Джеймса.

— Что ты имеешь в виду? Твой отец глава мракоборцев. Если ты действительно переживаешь из-за этого, расскажи ему обо всем. Этого его работа — предотвращать такие вещи, верно? В конце концов, что мы можем сделать?

Джеймс рассердился.

— Мы можем попытаться остановить их! Никто нам не поверит, если рассказать сейчас. Мы можем попытаться сами захватить реликвии. Если мы это сделаем, у нас будут доказательства!

Ральф продолжал смотреть на Джеймса. Через минуту он заговорил.

— Тебе не кажется, что ты хочешь сделать слишком много? Я имею в виду, я понимаю, ты пытаешься следовать по стопам отца и прочих, стараешься спасти мир и стать героем...

— Заткнись, Ральф, — неожиданно зло воскликнул Джеймс. — Ты не знаешь, о чем говоришь.

Ральф перекатился на спину.

— Да, ты прав, извини.

Джеймс знал, что после их недавней ссоры Ральф старался не спорить.

— Хорошо, — признал Джеймс. — Я знаю, почему ты так сказал. Но это другое. Я действительно не стараюсь быть как отец, ясно? Может, и не существует способа вернуть Мерлина, но все равно вещи типа Прогрессивного Элемента до добра не доведут. Если мы докажем, что они пытаются начать войну, мы можем хотя бы задержать их, так ведь? Если мы можем это сделать, я думаю, мы должны попытаться. Ты со мной?

Ральф улыбнулся Джеймсу.

— Естественно. Что веселого в том, чтобы быть волшебником, если перед тобой не стоит задача, как спасти мир?

Джеймс закатил глаза.

— Заткнись и спи, Ральфинатор.

Но сам Джеймс еще долго не мог уснуть. Он думал и думал обо всем, что узнал этой ночью, о сомнениях: своих и Ральфа. Слишком много совпадений. Это должно быть правдой. И как бы он ни доверял Луне, он не мог согласиться с тем, что так уж невозможно вернуть Мерлина в мир. Он был величайшим волшебником, так ведь? Он уверенно проделывал такие вещи, которые даже самые могущественные колдуны считали невозможными. Джеймс ощутил сильное нежелание оставлять все это просто так. Тем не менее, часть его задело предположение Ральфа, что Джеймс просто ищет способ стать героем как его отец. Не потому, что он знал, что это неправда, а потому, что

боялся, что это возможно. Наконец, через несколько часов после того как дом затих, чувствуя себя сбитым с толку и опустошенным, Джеймс провалился в сон.

За день до отъезда обратно в школу Джеймс бродил по верхним комнатам на площади Гриммо, скучая и беспокоясь. Последние гости уехали еще вчера, а Ральф ушел вместе с Тедом и Виктуар посмотреть на офис Гарри в Министерстве. Джеймс был там сотни раз, но главной причиной, по которой он не захотел их сопровождать, была необходимость подумать.

Спустя полчаса лежания на кровати и царапания бессмысленных заметок и рисунков на куске пергамента он прекратил это и поднялся по лестнице на четвертый этаж. Верхние этажи были тихими и сонными, с пылинками, плавающими в лучах солнца, падающих сквозь замерзшие окна. Все кровати были заправлены, чемоданы упакованы. Все покидали площадь Гриммо в течение последующих дней, снова временно сжав ее. Даже Кикимер был вынужден сопровождать семью в большой дом в Годриковой Впадине на несколько месяцев. Время и тишина, казалось, заполняли комнаты дома словно туман. Джеймс чувствовал себя привидением.

Проходя мимо двери в спальню родителей, он остановился. Сделал шаг назад и всмотрелся в темноту. Шторы были открыты, и яркий солнечный луч прорезал воздух, осветив чемодан Гарри Поттера. Джеймс посмотрел вниз по лестнице, чтобы убедиться, что никто не идет, и на цыпочках вошел в комнату. Чемодан был закрыт не до конца. У него даже не было замка. Джеймс медленно поднял крышку, заглянул внутрь. Там, там же, где и в последний раз, лежала мантия-невидимка его отца. Она была крепко свернута, засунута в угол и почти скрылась под грудой носков. Джеймс, снова взглянул на дверь, уже чувствуя себя виноватым. Конечно, он не должен этого делать. Точно нет. Когда отец узнает, быть беде. Но опять-таки он мог и не заметить. Кажется, Гарри Поттер носит легендарную мантию с собой просто по привычке.

Джеймс не помнил, когда его отец действительно пользовался мантией в последний раз. Это казалось неправильным, что такое полезное сокровище никто не использует. Джеймс протянул руку и прикоснулся к ней, а затем, не позволяя себе задуматься об этом, он накинул мантию на себя. Он собрался развернуться и бежать к себе в

спальню, когда кое-что еще в чемодане привлекло его внимание. У него перехватило дыхание от увиденного, он не поверил сам себе, что видел это. Оно было завернуто в мантию-невидимку и открылось только тогда, когда Джеймс вытащил ее. Большинство даже не признавали существование подобной вещи. На первый взгляд, она была похожа на кусок старого пергамента, сложенный много раз. Как карта. Джеймс рассматривал ее. В конце концов, к решению его подтолкнула мысль о том, что бы сказал Тед Люпин, узнай он, как Джеймс упустил такую блестящую возможность.

Джеймс схватил карту мародеров и бережно прижал к груди вместе с мантией-невидимкой, затем осторожно закрыл отцовский чемодан. Он сбежал по ступеням и вернулся в свою комнату. Он спрятал похищенное на самом дне своего чемодана, чувствуя себя взволнованным и напуганным в равной степени. Нет сомнений, что будет скандал, когда все обнаружат, и не вопрос, что все будет обнаружено. Все же он знал, что отец не сможет отрицать, что сделал бы то же самое на месте Джеймса. Он рассчитывал на то, что гнев стихнет, когда пройдет время. А до тех пор он использует обе вещи для великих дел. Он не знал, как именно, но не сомневался, что с мантией-невидимкой и картой мародеров в личном пользовании он гораздо лучше оснащен для любых приключений, какими бы они ни были.

Возвращение в школу было как-то всегда тоскливым и тихим. Вернувшись в Хогвартс на следующей неделе, Джеймс и Ральф пересказали Зейну все, что им рассказала Луна и свои последующие выводы. Джеймс с удовольствием отметил, что Зейн тут же ухватил суть.

— Может, Мадам Делакура держит Джексона под Империсом? — предположил он, понизив голос, когда три мальчика сгруппировались вокруг стола в углу библиотеки.

— Да, — согласился Ральф, — это имело бы смысл. Она могла использовать его в качестве инструмента.

Джеймс покачал головой.

— Папа говорил, что Заклятие Империс довольно легко наложить, но нужна просто прорва энергии, чтобы поддерживать его в течение длительного времени. А год обучения — это длительное время. К тому же достаточно сильный волшебник способен сбросить его или

сопротивляться иным способом. Джексон — слишком крупная рыба, чтобы так легко попасться на крючок.

Ральф пожал плечами, наклонился и понизил голос, поскольку мимо проходила группа студентов.

— В любом случае я по-прежнему считаю, что все это ерунда. Я имею в виду, волшебники пытались вернуть Мерлина веками, так ведь? Лучшие волшебники современности считают все это сказкой. Профессор Франклин сказал на Защите от Темных Искусств, что лучшее доказательство смерти Мерлина получено от кого-то по имени «Леди озера», которая забрала его силу и пленила его. Это может быть просто частью легенды, но все равно он умер около двенадцати веков назад и похоронен как любой другой.

Зейн, который всегда был склонен к болезненным фантазиям, распахнул глаза.

— А что если план в том, что бы вернуть его в-виде инфернала? Может, они хотят поднять его тело как зомби или что-то вроде того!

Джеймс округлил глаза.

— Инферналы это просто ожившие трупы. Никто не может назвать их «возвращенными к жизни». С тем же успехом можно просто привязать веревочки к черепу Мерлина и устроить шоу марионеток.

Зейн поднял руку, изображая пальцами рот.

— Хей, чуваки, я Мерлин. Я только что восстал из мертвых и, парни, почему мои руки висят?

Джеймс сдержал смех.

— Хорошо, давайте серьезно, может, возвращение Мерлина — просто сумасшедшая легенда. Джексон, Делакура и те, кто работает с ними в Прогрессивном Элементе, верят в нее, и пока они действуют, они будут держаться ее. Даже если план с возвращением Мерлина не сработает, они просто придумают что-нибудь еще. Если мы сможем доказать, что они пытаются сделать, тогда...

— Мы можем хотя бы помешать им, — кивнул Ральф. — Верно? Опорочить их в волшебном мире?

— Да, и если мы сможем сделать это, то они не смогут достичь своей цели.

Зейн сплел руки за головой и откинулся назад.

— Похоже мы должны наложить руки на эти реликвии. Трон

слишком хорошо защищен от нас, если он на острове. Мы также не знаем, где находится посох Мерлина, или кого-то, кто знает об этом. Остается мантия. По крайней мере, мы знаем, где она, и мы также знаем, что кейс Джексона не оторвет нам ноги, если мы откроем его.

— Насколько мы знаем, — мрачно заметил Ральф.

— Мы должны быть готовы забрать ее так, чтобы Джексон ничего не заподозрил. Если он нас поймает, у них будет время отступить и замести следы, — сказал Джеймс, напряженно размышляя. — Я бы хотел, чтобы мы знали, когда они планируют собрать все реликвии вместе, мы должны опередить их.

— И где этот Перекресток, или как его называть-то правильно, Зал Пересечения Старейших? — добавил Ральф.

— Я предполагаю, он на острове, — ответил Джеймс, приподнимая брови.

Зейн в свою очередь покачал головой.

— Не. Не может быть. На вывеске над воротами было сказано, что это Пещерная цитадель. В конце было сказано так о Зале Пересечения Старейших, словно он был где-то еще.

Джеймс покопался в своем рюкзаке, нашел кусок пергамента, на котором они с Зейном воссоздали стихотворение с ворот. Он развернул его перед ними. В свете того, что Луна рассказала им о реликвиях, поэма обретала больше смысла. Они прочитали ее еще раз, со всеми своими пометками.

Когда свет Сульвы засияет

сульва=луна

Найду Пещеры Цитадель

значит, цитадель можно найти только при лунном свете.

Пока отмщенья ночь не грянет,

время отомстить? определенная дата?

Прерву я сон творца теней.

Мерлин; спит? Рип Ван Винкль

Пока луч солнца не пронзит
случится в ночное время?
На свет явившийся реликт;

три реликвии! Собранные вместе

Новой жизнью напоенный
Обломок Вечности нетленный,
жизнь из прошлого в новом времени, исток легенды?
Старейших Пресеченья Зал.

Зал Пересечения Старейших, здесь? где?

— Да, — неохотно согласился Джеймс. — Это звучит так, словно
Перекресток Старейших находится в совершенно другом месте. Может,
Пещерная Цитадель каким-то образом им становится?

Зейн неопределенно пожал плечами.

— На самом деле, без разницы, — сказал Ральф после минутного
раздумья. — Это просто старая поэма. Часть легенды.

— Ты не видел остров, — с чувством сказал Зейн, затем повернулся
к Джеймсу. — Думаешь, Пещерная Цитадель появилась на острове из-за
того, что трон там?

— Возможно, — кивнул Джеймс. — Правдивы легенды или нет, но
эта штука должна обладать серьезной магией. Вероятно, мадам Делакура
добавила еще и свои собственные защитные чары и амулеты.

— Так или иначе, — подытожил Ральф, — мы должны заполучить
мантию из портфеля Джексона. Идеи?

Все три мальчика уставились друг на друга. Наконец, Джеймс
сказал:

— Я разработаю план. Нам нужно что-то, чтобы подменить
мантию.

— Ты сказал это просто кусок черной ткани? — сказал Ральф. —
Мы можем использовать мою парадную мантию. Мой отец купил мне
выходную парадную одежду в Косой аллее до начала занятий на случай,
если я пойду на чью-то свадьбу или похороны, не могу представить,
зачем мне эта штукovina. Она больше моего одеяла.

Джеймс согласился с этим.

— Конечно, я считаю, это сгодится, не хуже чего-то еще. Хотя, — добавил он, серьезно глядя на Ральфа, — если они отследят тебя по ней...

Ральф замолчал на минуту, а потом пожал плечами.

— Ну и ладно. У меня нет недостатка во врагах. Одним-двумя больше — большого вреда не будет.

«Учитывая калибр врагов в этой истории Ральфа», подумал Джеймс, «это может быть действительно опасно», но он не стал этого говорить. Он был горд тем, что Ральф вызвался добровольцем и чувствовал, что тот верит в него. Джеймс надеялся, что достоин этого.

В течение недели у Джеймса было очень мало времени, чтобы подумать о портфеле Джеймса и мантии-реликвии. Словно зная, что они замышляют, профессор Джексон задавал больше домашней работы, чем обычно, по пять глав и эссе на пять сотен слов по закону Гектора о перемещении инерции. В то же время профессор Франклин запланировал практическую работу на вечер пятницы, оставив лишь один день Джеймсу, Зейну и Ральфу на отработку разоружающего и блокирующего заклинания.

Ральф был вынужден тренироваться на манекене. Спустя два часа он наконец смог произнести Экспеллиармус без результата в виде горящей дыры в манекене. К счастью, Франклин лично выступил в качестве партнера Ральфа во время практической работы. Ральф чувствовал себя более уверенно, зная, что Франклин сможет отбить любое его блуждающее заклинание лучше, чем любой из его одноклассников, и потому мог сконцентрироваться на работе палочкой. Никто так не удивился более, чем он сам, когда его Экспеллиармус выбило палочку из руки Франклина. Она выскочила в потолок, как стрела.

— Очень хорошо, мистер Дидл, — сказал Франклин слабым голосом, глядя снизу вверх на свою палочку. — Мистер Поттер, не будете ли вы так добры и не вернете ли мне мою палочку? Там есть лестница в гардеробе. Вот молодец.

Когда Джеймс и Ральф возвращались практики по защите от темных искусств, Джеймс заметил, что на него снова пристально смотрит уса́тый человек с картины с волшебниками, собравшимися

вокруг большого глобуса. В последнюю неделю он начал замечать взгляды с картин по всему холлу. Не со всех картин, но достаточно часто, чтобы привлечь его внимание. Толстый волшебник в углу стола на картине с отравлением Перакла, казалось, подслушивал их, когда они с Ральфом и Зейном обсуждали портфель Джексона в библиотеке. Всадник на картине «Битва при Боргеноигне» направил свою лошадь в угол картины, чтобы не упустить из виду Джеймса, когда он шел на Маггловедение. Пожалуй, самым странным был портрет на портрете на картине с коронацией короля Цицифуса, невозмутимо изучающий Джеймса в Большом Зале, когда они с Зейном завтракали.

Джеймс остановился на пути в общую комнату и подошел к картине с волшебниками, собравшимися вокруг глобуса. Волшебник с темными усами и в очках грубо уставился на него с непонимающим выражением.

— В чем дело? — возмутился Джеймс. — У меня горчица на галстук или что?

Выражение лица нарисованного волшебника не изменилось, и в очередной раз Джеймс обратил внимание на то, что есть в том что-то безумно знакомое.

— Твое лицо мне откуда-то знакомо, — сказал он. — Кто ты?

— Ты разговариваешь с картиной, — заметил Ральф.

— Я каждый день разговариваю с картиной, чтобы попасть в общую гостиную, — не оборачиваясь, ответил Джеймс.

— Ага, — кивнул Ральф. — Но все равно немного странновато вступать в беседы со всеми картинами, развешанными в этих залах.

— Откуда я тебя знаю? — раздраженно спросил Джеймс у картины.

— Молодой человек, — заговорил другой волшебник на картине, — мы не привыкли к столь грубому обращению. Уважительнее и почтительнее будьте добры. Мы старше вас.

Джеймс проигнорировал его, продолжая изучать усатого волшебника в очках, который просто молча на него смотрел. Джеймса пришло в голову, что волшебник только кажется ему знакомым, потому что похож на все остальные картины, наблюдающие за ним. Но это же нелепо, так ведь? Те были толстый лысый мужчина и тощий волшебник с другого портрета, у которого была большая, окладистая, белая борода.

Все картины, которые он поймал на слезке за собой, были совершенно разные. На некоторых были изображены даже довольно некрасивые женщины. Хотя было что-то в глазах и лицах. Джеймс покачал головой. Он чувствовал, что близок к правде, но она ускользала от его понимания.

— Пойдем, — наконец позвал Ральф, беря Джеймса за руку. — Пospоришь с картинами потом. Сегодня на ужин бифштекс и почки.

В выходные Джеймс опробовал свою Молниеносную на поле для квиддича. Она и правда превосходила любую местную метлу. Молниеносная была значительно быстрее, и, что более важно, она откликалась на команды Джеймса так точно и легко, что это граничило с предвидением. Джеймс только думал о том, что неплохо бы снизиться или повернуть, и вдруг обнаруживал, что это уже происходит. Тед объяснил с придыханием, что Молниеносная оснащена функцией под названием «Расширенная экстра-жестикуляция».

— В принципе, — восхищенно сказал Тед, — метла может читать твои намерения и достаточно легкого прикосновения, чтобы она начала делать то, что ты хочешь. Она уже знает, чего ты хочешь, так что в тот момент, когда ты даешь команду, она уже выполняется.

Джеймс предложил Теду покататься на метле, но тот печально покачал головой.

— Она связана с тобой. Ты — ее хозяин. Если кто-нибудь еще попытается полететь на ней, она пустится во все тяжкие. Это недостаток функции РЭЖ. Или плюс, если ты боишься, что метлу могут украсть.

— Мне любопытно, — тихо сказал Зейн. — Сколько такая стоит?

— А сколько у тебя есть? — спросил Тед.

Зейн задумался на мгновение.

— Ну, я отдал последнюю пятерку эльфу-домовику, швейцару, э-э, так что ничего.

— Она стоит больше, чем это, — сказал Тед, кивнув.

На обратном пути в замок Зейн рассказал Джеймсу, что у него появилась идея, как заменить реликтовую мантию на парадное одеяние Ральфа.

— Встретимся сегодня вечером в общей комнате Когтеврана, — сказал он. — Передай Ральфу, чтобы тоже пришел, когда его встретишь. Я буду ждать вас у дверей в девять.

В тот вечер в общей комнате Когтеврана было необычно пусто. Зейн объяснил, что в большом зале проходит турнир по волшебным шахматам.

— Гораций Бирч играет с профессором Франклиным за титул величайшего чемпиона волшебных шахмат во вселенной или типа того. Неофициально, я думаю. В любом случае, все там поддерживают его. Итак, кто-нибудь из вас придумал, как стащить реликтовую мантию у Джексона?

— Я думал, ты сказал, у тебя есть план? — сказал Джеймс.

— Да, но он довольно ненадежный. Я хотел сначала послушать ваши идеи на случай, если они окажутся лучше.

Джеймс пожал плечами. Ральф сказал:

— Я видел профессора Джексона. Он всегда держит портфель при себе.

— На самом деле, — сказал Зейн, опускаясь в кресло у огня, — это не совсем так.

Ральф и Джеймс сели на диван. Джеймс сказал:

— Ральф прав. Он брал его даже на матч по квиддичу. Он ставит его между ног во время еды. Он носит его с собой постоянно.

— Он носит его с собой постоянно, — согласился Зейн, — но есть одна ситуация, в которой он не может постоянно приглядывать за ним.

— Что? — воскликнул Джеймс — Где?

— Занятия по техномантии, — просто ответил Зейн. — Подумайте об этом. Что он делает на протяжении всего урока?

Джеймс замер на минуту, а потом его глаза расширились.

— Он ходит.

— Бинго, — сказал Зейн, указывая на Джеймса. — Он опускает портфель рядом со своим столом, осторожно, как и всегда, а потом он ходит. Он обходит комнату раз десять за урок, я думаю. Я следил. Даем ему примерно минуту чтобы обойти комнату, что означает, что около двадцати секунд он будет спиной к портфелю.

— Подожди, — вставил Ральф. — Ты думаешь, мы должны попытаться совершить подмену прямо посреди занятия?

Зейн пожал плечами.

— Как я сказал, это не лучшая идея.

— Как? Два десятка человек будут в классе во время занятия. Мы

не можем привлечь их всех.

— Нет, — согласился Джеймс. — Филия Гойл будет на уроке. Она тесно общается с Табитой Корсикой и, возможно, даже вероятно, она в курсе заговора Мерлина. Филия тоже может знать, в чем дело. Никто не должен знать, что мы хотим сделать.

— Это не значит, что это невозможно, — сказал Зейн.

Ральф задумался.

— Ты думаешь, мы сможем залезть в портфель Джексона, подменить мантию и закрыть его, и все это, пока Джексон отвернется на двадцать секунд, да так, чтобы никто в классе этого не заметил?

— Хмм, — сказал Джеймс, хмуря брови. — Может, нам не надо влезать в портфель? Может, мы сможем найти другой портфель? Мы можем положить мантию Ральфа в него и как-нибудь заменим портфели, пока Джексон отвернется.

Ральф засомневался.

— Джексон сможет понять. Он постоянно таскает эту штуку с собой. Он наверняка запомнил каждую царапину и потертость на нем.

— На самом деле, — задумчиво сказал Зейн, — это довольно обычный кожаный портфель. Я видел другие точно такие же здесь в Хогвартсе. Если бы смогли найти что-то достаточно похожее... — Зейн вдруг вскочил и щелкнул пальцами. — Гораций!

— Гораций? — моргнул Джеймс. — Гораций Бирч? Гремлин, играющий в волшебные шахматы? При чем тут он?

Зейн взволнованно покачал головой.

— Помните Старелку? Гораций использовал заклинание Визиум инептио, чтобы сделать ее похожей на летающую тарелку. Это чары Обманного зрения! Он сказал, они просто заставляют людей видеть то, что они хотят видеть. Если мы найдем портфель, достаточно похожий на портфель Джексона, применим к нему Визиум инептио, я уверен, этого будет достаточно, чтобы обмануть старину Камнелица! Я имею в виду, он не ожидает, что что-то может случиться во время урока, чары помогут ему увидеть другой чемодан, как-будто это его собственный. Верно?

Ральф подумал об этом и, кажется, оживился.

— Это настолько безумно, что даже может сработать.

— Да, — заметил Зейн, — но все же, как мы провернем все это во

время урока так, чтобы никто не заметил?

— Нам нужна диверсия, — твердо сказал Зейн.

— Ты слишком много смотришь телевизор, — скривился Ральф.

Джеймс нахмурился, размышляя о мантии-невидимке.

— Знаете, — сказал он. — Кажется, у меня есть идея, — он рассказал Зейну и Ральфу о найденных им мантии-невидимке и карте мародеров.

— Ты стянул их из чемодана собственного отца! — Зейн улыбнулся, сияя от радости. — Ты маленький злодей! Тед захочет расцеловать тебя.

— Он не знает, и я хочу, чтобы все так и оставалось, пока, по крайней мере, — сурово произнес Джеймс. — Но благодаря этому, думаю, мы сможем использовать мантию-невидимку, чтобы незаметно совершить подмену. Полагаю, нужны будем мы все.

— Меня не будет на уроке, — сказал Ральф.

Джеймс кивнул.

— Я знаю. Какой урок у тебя в это время? Первая пара, в среду?

Ральф задумался.

— Ум. Арифметика. Угх.

— Сможешь пропустить?

— Попробую. Зачем?

Джеймс объяснил свой план. Зейн начал улыбаться, но Ральф чувствовал себя неуверенно.

— Я ужасный лгун. Меня сразу поймают, — простонал он. — Может, Зейн выполнит мою часть? Он естественный.

Джеймс покачал головой.

— У него урок вместе со мной. Не выйдет.

— Ты сможешь, Ральф, — от души сказал Зейн. — Трюк в том, чтобы смотреть прямо в глаза и не моргать. Я научу тебя всему, что знаю. Мы сделаем из тебя лжеца.

Этой ночью, пока Джеймс готовился ко сну, он прокручивал план у себя в голове. Теперь, когда он позволил себе допустить невозможность возвращения Мерлина, он почувствовал себя глупо из-за того, что раньше был так уверен в этом. Очевидно, это и правда было безумное заблуждение безумно сильных темных волшебников. Однако, очевидно, что Джексон и Делакура верят в это настолько, чтобы, по крайней мере,

попытаться. Если Джеймс, Ральф и Зейн смогут достать реликтовую мантию, это будет достаточным доказательством для его отца и мракоборцев, чтобы разыскать остров с Пещерной Цитаделью. Они найдут трон Мерлина, и заговор будет раскрыт. Это будет новость для передовицы «Ежедневного пророка», и Табита Корсика со своим Прогрессивным Элементом, которые, без сомнения, являются частью заговора, будут раскрыты как ведущие кампанию лжи и пропаганды, жаждущие только войны и господства. Ясно увидев такую перспективу, Джеймс почувствовал решимость сделать все возможное, чтобы заполучить мантию.

Как бы он ни продумал план, тем не менее, он чувствовал сомнение. Это, конечно, была сложная схема, со множеством возможных исходов. Многое будет зависеть целиком и полностью от удачи. Сейчас Джеймс думал, что это сработает безупречно, а в следующее мгновение был уверен, что будет абсолютный провал, и его с Ральфом и Зейном поймают. Что бы они сказали? Джексон знает, что они в курсе его плана. Будет ли этого достаточно, чтобы остановить заговор? Джеймс был, кроме всего прочего, сыном главы мракоборцев. Он не думал, что это поможет. Если Джеймс и его друзья попытаются украсть реликвию, Джексон поймет, что они ничего не сказали Гарри Поттеру. Пойдут ли Джексон и его сообщники на убийство, чтобы сохранить свой план в секрете? Он едва мог поверить в это, но с другой стороны, он не мог поверить и в то, что Джексон может участвовать в таком ужасном плане. Тем не менее, Джеймс был уверен, наверно, больше, чем Зейн или Ральф, что они трое окажутся в большой опасности, если их план не удастся.

Впервые он захотел рассказать обо всем отцу. Он может послать письмо с Нобби, объясняя все, до чего они дошли. Если они трое преуспеют в том, чтобы заполучить реликтовую мантию, у него будут доказательства к письму. Если они провалятся, и их поймают, тогда хотя бы еще кто-нибудь будет знать про заговор Мерлина. Этой ночью уже поздно писать письмо, но он чувствовал убежденность в том, что это хорошая идея, и он решил сделать это первым делом на следующее утро. Думая так, он уснул. На следующее утро, пока он собирался на завтрак, он забыл про все вчерашние мысли. В свете нового дня и новой недели, он был совершенно уверен, что план сработает. Неудача просто

немыслима. Он был в таком приподнятом настроении, что не заметил бледного волшебника на картине с монастырем святого Мунго, с каменным лицом пристально наблюдавшего за ним.

Глава 12. Визиум-Инептио

Первым препятствием, с которым столкнулись Джеймс, Ральф и Зейн, пытаясь заполучить портфель Джексона, стал поиск похожего чемоданчика. Как полагал Зейн, это должна быть абсолютно черная кожаная сумка, скорее докторский чемоданчик, чем портфель. За ужином, в понедельник вечером, они тщательно его изучили, пока чемодан стоял под преподавательским столом, зажатый между ботинками профессора.

Сверху были две деревянные ручки, латунная защелка. Он был очень потрепанным и изношенным. Они встревожились, обнаружив маленькую, потускневшую медную табличку, прикрепленную с одной стороны, на которой было выгравировано «Т.Х. Джексон». И хотя, казалось, это был ничем не примечательный чемоданчик, мальчики вскоре поняли, что на самом деле не так-то просто найти похожий портфель. У многих студентов и преподавателей были кожаные сумки и

портфели, но они были или слишком узкими, или неправильного цвета, или вообще другого размера и формы. К вечеру вторника они так и не нашли чемоданчик для подмены. По мнению Ральфа, им, возможно, следовало отложить подмену до следующей недели, но Джеймс настаивал на продолжении попыток.

— Мы не знаем, когда они собираются объединить реликвии, — объяснил он. — Если мы будем ждать слишком долго, они испытают их, и тогда у нас вообще не будет доступа ни к одной из них. Они поймут, что реликвии не работают, и после спрячут или уничтожат их.

Ральф и Зейн согласились, хотя они так и не нашли подходящий чемоданчик, который можно было подкинуть. Затем в среду утром, в день урока по Техномантии Ральф подошел к факультетскому столу с маниакальным блеском в глазах. Плюхнувшись напротив Зейна и Джеймса, он уставился на них.

— Что? — спросил Джеймс.

— Кажется, я нашел подходящий портфель.

Пока Джеймс ловил упавшую челюсть, Зейн с шумом отхлюпнул кофе, который он ранее меланхолично потягивал.

— Что? Где? — хрипло прошептал Джеймс. Он решил, что, в конце концов, им придется подождать, из-за чего испытывал беспокойство и облегчение одновременно. Сейчас он чувствовал выброс адреналина. Широко раскрытые глаза и бледное лицо Ральфа указывали, что тот ощущает то же самое.

— Знаете моего друга, Руфуса Бёртона?

Джеймс кивнул:

— Еще один первокурсник со Слизерина. Парнишка с сальными волосами, верно?

— Ну да. Он коллекционирует камни и все в этом роде. Зовет себя «геологом». На полке у его кровати имеется куча отполированных камешков: алмазы, кварцы, лунные камни и все такое. Прошлой ночью я слышал, как он рассказывал о них целый час. Конечно, он привез в школу все инструменты для работы с камнями. У него есть маленький молоток, заостренный с одной стороны, куча скребков, щеток, разных тряпок и растворов для полировки.

— Ладно, ладно, — прервал Зейн. — Мы поняли. Парень помешан на инструментах. Я впечатлен. В чем суть?

— Так вот, — невозмутимо продолжил Ральф. — Он везде таскает свои инструменты и приспособления в чемоданчике. Прошлой ночью он оставил его на кровати...

— И тот подходит по форме и размеру, — закончил Джеймс.

Ральф кивнул: его глаза по-прежнему были широко раскрыты.

— Почти идеально. Даже табличка с именем есть. Там название производителя, но на том же месте, что и на портфеле Джексона. Другого цвета, и ручки цвета слоновой кости, но в остальном...

— Как нам его заполучить? — Джеймс затаил дыхание.

— Он уже у меня, — кажется, Ральф сам был удивлен. — Сказал ему, что мне нужна сумка для учебников и пергамента. Сказал, что мой рюкзак не слишком, знаете, слизеринский. Он ответил, что понимает, о чем я. Сказал, что на Рождество ему подарили новую сумку для инструментов, так что я могу взять старую. Вот почему он вытащил её: перекладывал вещи из старой сумки в новую, которая больше и сверху покрыта шкурой дракона. Водонепроницаемая, по его словам, — Ральф вдруг перескочил на другую тему.

— Так просто сказал, что ты можешь взять её? — недоверчиво спросил Зейн.

— Да! Должен признаться, это несколько сбивает с толку. Знаете, не слишком ли это... Даже не знаю...

— Слишком удачное совпадение, — согласился Зейн.

Решимость Джеймса возрастала:

— Где сейчас чемодан?

Ральф выглядел встревоженным.

— Я принес его с собой, но спрятал в каморке под лестницей. Не хотел, чтобы кто-нибудь увидел меня здесь с ним. На всякий случай.

— Отличная мысль. Пошли, — Джеймс встал.

— Всё ещё уверен, что хочешь это сделать? — Ральф неохотно последовал за ним. — То есть, мы же собирались дожидаться следующей недели...

— Только потому, что у нас не было выбора.

— Вообще-то, — пробормотал Ральф, — выбор есть всегда. В смысле, мы не обязаны делать все именно так, верно? Разве не может кто-то из нас, спрятавшись под мантией-невидимкой, подменить портфель, когда Джексон не смотрит?

Зейн покачал головой.

— Ни в коем случае. Класс слишком маленький. Джексон просто наскочит на тебя, проходя в очередной раз по комнате. Раз уж мы собрались это сделать, это единственный способ.

— Слушай, думаю, мы обязаны это сделать, — Джеймс обернулся к Ральфу и Зейну, когда они подошли к дверям. — Если судьба существует, то именно она вложила чемоданчик в твои руки прошлой ночью, Ральф. Мы не можем упустить такой шанс. Это как... как плюнуть в лицо судьбе.

Ральф моргнул, пытаясь себе это представить. Зейн, задумавшись, нахмурился:

— Звучит убедительно.

— Вы, двое, по-прежнему со мной? — спросил Джеймс. Два других мальчика кивнули.

Портфель лежал в каморке под главной лестницей. Он был похож на сумку Джексона, как и описывал Ральф. Только ярко-красного цвета, более потертый от того, что его таскали по грязи и камням, но он был абсолютно того же размера и формы, а посередине — такая же латунная защелка. Ральф уже запихнул в него свою мантию, и, когда Джеймс открыл его, проверяя, он выглядел точно так же, как портфель Джексона, открывшийся в тот день в классе Франклина.

— Давайте отнесем его в душевую мальчиков в подzemелье, — предложил Джеймс, спускавшийся по лестнице первым. — Она как раз под кабинетом Техномантии. Тебе что-нибудь нужно, Зейн?

— Только палочка и конспекты, — ответил Зейн. Гораций Бёрч был невероятно рад объяснить Зейну заклинание Визиум Инептио, но у него не было возможности для практики. К тому же чары подействуют — если они вообще подействуют — только на того, кто не знает о том, что их применили. Значит, ни Джеймс, ни Ральф, ни Зейн не смогут узнать, сработало ли заклинание. Им придется положиться на колдовство Зейна, пока не произойдет обмен и Джексон не возьмет фальшивый портфель. Только тогда, так или иначе, будет ясна эффективность чар.

В душевой мальчиков Джеймс кинул чемоданчик на край раковины. Зейн в поисках палочки и куска пергамента, на котором он нацарапал Визиум Инептио, рылся в рюкзаке. Пергамент он отдал Ральфу.

— Держи так, чтобы я мог его видеть, — нервничая, распорядился он. Когда Зейн направил палочку на портфель, его рука заметно дрожала. Через мгновение он опустил руку. — Это неправильно. Ральф — мастер заклинаний. Почему он не может сделать это?

— Гораций учил тебя, — нетерпеливо объяснил Джеймс. — Слишком поздно показывать Ральфу движения палочки. Занятие начнется через 15 минут.

— Да, — запротестовал Зейн, — но вдруг я не смогу заставить его работать? Если Ральф сделает все правильно, сам знаешь, оно одурачит кого угодно.

— А если неправильно, — настаивал Джеймс, — в течение часа мы будем собирать обрывки кожи со стен.

— Я все еще здесь, не забыл? — сказал Ральф.

Джеймс не обратил на него внимания.

— Ты должен, Зейн. Ты сможешь. Просто попробуй.

Зейн глубоко вздохнул и вновь поднял палочку, направленную на сумку. Он взглянул на пергамент, который держал Ральф. Затем низким голосом, нараспев, произнес:

Вечный свет достигнет глаз,
То, что ждешь, увидишь враз.
Для глупца сей маскарад —
Сам обманываться рад.

Зейн сделал три круговых движения палочкой, а после постучал ею по портфелю. Раздался хлопок, и из кончика палочки появилось бледное кольцо света. Кольцо росло, скользя вниз по сумке. Оно становилось едва заметным, пока не исчезло. Зейн выдохнул.

— Сработало? — спросил Ральф.

— Вроде бы, — ответил Джеймс. — Для нас он выглядит так же, но что-то произошло, ведь так? Эти чары должны сработать.

— Надеюсь, — сказал Зейн. — Пошли, мы должны попасть в класс раньше остальных.

Пока они бежали по коридору, Зейн и Джеймс высматривали профессора Джексона, а Ральф нес фальшивый портфель, прикрытый

зимним пальто.

— Смотрится глупо, — произнес Ральф. — Со стороны выгляжу так же обычно, как Грохх в балетной пачке.

Джеймс шикнул на него:

— Не важно, мы почти пришли.

Они остановились у двери, ведущей в класс Техномантии. Зейн заглянул внутрь, после чего повернулся к Джеймсу и Ральфу.

— План «Б», — прошептал он. — Там кто-то есть. Пуффендуец. Не помню его имя.

Джеймс выглянул из-за двери. Он с трудом вспомнил мальчика, знакомого по маггловедению. Его звали Терренс, он поднял глаза, когда Джеймс смотрел на него.

— Эй, Терренс, — ухмыляясь, позвал Джеймс. Затем неторопливо вошел в класс. Он слышал, как Ральф и Зейн шепчутся за его спиной, и пытался заглушить их голоса:

— Как провел каникулы? Много путешествовал?

— Полагаю, — пробормотал Терренс.

Это будет сложнее, чем я ожидал, подумал Джеймс.

— Так куда ездили? Я ездил в Лондон. Повидаться с семьей. Отлично повеселился. Куда-нибудь ездил, чтобы повеселиться?

Терренс повернулся на стуле:

— Ездил в Корк с мамой. Большую часть времени шел дождь. Посетил концерт флейтистов.

Джеймс поощряющее кивнул. К счастью, Терренс сидел в середине класса, полуобернувшись к Джеймсу. Краем глаза Джеймс видел, как Зейн возле стола Джексона устанавливает поддельный портфель. Терренс снова начал поворачиваться по направлению к доске.

— Концерт флейтистов! — выпалил Джеймс. — Круто!

Терренс снова обернулся к нему.

— Нет, — сказал он, — это вовсе не так.

Зейн поднялся, подав Джеймсу сигнал «все чисто». Джеймс заметил это и вздохнул с облегчением.

— Ох, ну что сказать, жаль слышать это, — сказал он, отодвигаясь от Терренса. — Ладно, потом еще поболтаем.

Зейн и Джеймс сели за первую парту, как и планировалось. Класс был маленьким, и до стола Джексона оставалась всего пара футов.

Джеймс, внимательно изучив кабинет, с удовольствием отметил, что ничего, казалось, не изменилось. Дождавшись, пока в класс, смеясь и болтая, вошли еще несколько студентов, он прошептал Зейну:

— Где он?

— Он в том маленьком углу позади доски. Я оставил мантию немного сложенной, чтобы она не свешивалась на пол. Я лишь надеюсь, что старина Камнелиц не споткнется о нее, когда зайдет за свой стол.

Джеймс посмотрел в угол, на который указал Зейн. Это была лишь неглубокая ниша, образовавшаяся в месте, где чулан по соседству упирался в комнату. Вряд ли Джексон завернул бы туда, однако это не было невозможным.

— Иногда он не заходит за свой стол в течение всего занятия, — прошептал Джеймс. Зейн слегка пожал плечами, как бы говоря, что он на это надеется.

Несколько минут спустя профессор Джексон шагнул в комнату, неся свою вездесущую кожаную сумку. Джеймс и Зейн не могли оторвать взгляды, когда он вешал мантию над столом и ставил свой чемодан на привычное место на полу рядом со своим столом.

— Приветствую, класс, — сказал Джексон бодрым тоном. — Я уверен, что вы провели выходные с пользой. Также надеюсь, что вы не успели позабыть все, что я успел вдолбить в ваши головы до начала каникул. О, кстати, вспомнил. Прошу передать ваши эссе по рядам — сначала на левую сторону, затем вперед. Мистер Уолкер, я возьму их, когда они все окажутся возле вас.

Зейн кивнул, слегка выпучив глаза. И у Джеймса, и у Зейна палочки выглядывали из рукавов. Если бы Джексон заметил, они бы просто сказали, что носят их так в честь своего любимого преподавателя Техномантии, так как Джексон сам носил свою палочку в маленьком чехле, вшитом в рукав. К счастью, Джексон казался немного поглощенным своими мыслями.

— Я оценю ваши эссе сегодня как обычно. А пока, давайте украдкой взглянем, так сказать, на ваше совокупное понимание предмета. Мистер Холлис, пожалуйста, окажите нам услугу и дайте краткое описание Закона Гектора о перемещенной инерции, если знаете.

Холлис, краснощекий первокурсник из Когтеврана, прочистив горло, начал предлагать свое объяснение. Джеймс едва слушал его. Он

смотрел вниз на портфель Джексона, мучительно сидя лишь в нескольких футах от него. Джеймс отметил про себя, что мог бы пнуть его, если захотел. Сердце заколотилось, его наполняла ужасная холодная уверенность в том, что план не может сработать. Было до смешного безрассудно полагать, что они смогут повернуть такую аферу прямо под носом у профессора Джексона. И даже несмотря на это понимание, они должны были попробовать. Джеймс почти почувствовал недомогание из-за тревоги. Джексон начал расхаживать по комнате.

— Излишне многословно, Мистер Холлис, но относительно правильно. Мисс Моргенштерн, не могли бы Вы немного дополнить о перемещении инерции между объектами с различными плотностями?

— Что ж, различные плотности реагируют на инерцию по-разному, базируясь на близости атомов, — ответила Петра. — Шар свинца будет запущен в единственном направлении. А шар, скажем, зефира — просто взорвётся.

Джексон кивнул.

— Существует ли техноматическое объяснение этому? Кто-нибудь? Мисс Гойл?

Филия Гойл опустила руку.

— Заклинание привязки в сочетании с Заклинанием переноса инерции оставят даже субстанции с малой плотностью целыми, сэр. Дополнительное преимущество в том, что снаряды малой плотности будут перемещаться гораздо дальше и быстрее за счет фактора инерции по сравнению со снарядами большой плотности, такими как шар свинца мисс Моргенштерн.

— Верно, мисс Гойл, но не всегда выгодно, — безрадостно улыбнулся Джексон. — Выстрелом пера из пушки всё равно никому не навредишь.

Класс немного посмеялся над этим. Джексон только начал свой второй круг по комнате. Затем, внезапно, в дверях появился Ральф.

— Извидиде, — сказал он странным гундосим голосом. Все в классе повернулись, кроме Джеймса и Зейна.

— Броздиде, кажедзя, у бедя идёд досом кровь.

И действительно, нос Ральфа пузырился кровью с угрожающей скоростью. Он держал под ним палец, который покрылся кровью и стал

скользким. Из класса донёсся хор «ахов» и «охов», часть из них были удивленными, а часть — брезгливыми.

Зейн не тратил времени зря. Как только он услышал Ральфа и увидел, что Джексон отвернулся по направлению к правой стороне класса, он вытащил палочку из рукава.

— Вингардиум Левиоса! — прошептал он так тихо и яростно, как мог. Мантия-невидимка стала видимой в тот момент, когда она поднялась вверх, и из-под нее показался портфель, тихо выплывший со своего места в углу. Зейн держал его там до тех пор, пока Джеймс рылся в рукаве в поисках своей палочки. Позади себя они слышали, как Джексон говорил Ральфу:

— Черт побери, мальчик, прекрати вертеться.

— Извидиде, — пробормотал Ральф. — Я намеревался придать таблетку от кашля, до съел одид из Кровобролидных бадончиков Уизли. Дубаю, бде дужно в больдичное крыло.

Джеймс направил свою палочку на фальшивый портфель и прошептал Левитирующее заклинание. Портфель был гораздо больше всего, что Джеймс поднимал в воздух ранее, и у него не очень хорошо получалось, учитывая обстоятельства. Он протащил его по полу за угол, пододвинув как можно ближе к настоящему портфелю, насколько это возможно, сбив настоящий портфель в сторону и частично под стол. Он охнул, у него перехватило дыхание. Сзади ученики смеялись и недовольно шумели.

— Боже мой, вы не нуждаетесь в помощи больничного крыла, — сказал Джексон, начиная раздражаться. — Просто стойте спокойно и уберите ваш палец.

Ральф начал покачиваться.

— Я думаю, я — кемофилик! — выкрикнул он. Это было идеей Зейна.

— Вы не гемофилик, — проворчал Джексон. — А теперь в последний раз говорю, замрите!

Джеймс взмахнул волшебной палочкой, стараясь протащить настоящий портфель вокруг поддельного, это было необходимо для того, что бы передвинуть его в угол и накрыть мантией-невидимкой, которую Зейн все еще левитировал. Однако, настоящий портфель застрял, зацепившись за край стола. Джеймс сосредоточился сильнее.

Портфель взлетел под столом, приподняв угол. Джеймс скривился, опустил палочку, и оба портфеля вместе со столом глухо ударились о пол. Никто, кажется, ничего не заметил.

Зейн дико уставился на Джеймса. Джеймс скорчил умоляющую гримасу. Отчаявшись, Зейн направил мантию-невидимку на настоящий портфель, прямо туда, где он был, зажатый под столом. Каким-то образом, однако, мантия тоже зацепилась за крючок рядом с доской. Ничто не шло по плану. Не было ни малейшей надежды скрыть их трюки, если бы кто-нибудь сейчас повернулся. Джеймс не удержался и обернулся. Нос Ральфа по-прежнему кровоточил. Джексон полу-присел перед ним, одной рукой пытаясь убрать пальцы Ральфа от его носа, а другой держа палочку наготове. Весь класс следил за этим с различной степенью интереса и отвращения.

— Пропади ты пропадом, мальчик, от тебя сплошной беспорядок. Убери палец, говорю тебе! — воскликнул Джексон.

Джеймс попытался освободить настоящий портфель, подвигав его назад и вперед с помощью палочки. Он вспотел, и палочка скользила в руке. Портфель наконец освободился, когда Джеймс услышал, как Джексон сказал:

— Артемиза.

— Ох! — сказал Ральф излишне громко. — Да, так гораздо лучше.

— Стало бы лучше гораздо раньше, если бы вы слушались меня, — сердито сказал Джексон, убирая палочку обратно в рукав. Представление закончилось. Зейн последний раз взмахнул своей волшебной палочкой. Мантия-невидимка сорвалась с крючка и, упав на пол кучей, быстро исчезла. Джеймс не успел спрятать портфель. Он чувствовал, как класс поворачивается обратно.

— Пожалуйста, идите и умойтесь, молодой человек, — сказал Джексон, его голос становился все громче по мере того, как он отходил от Ральфа и приближался к началу комнаты. — Вы выглядите ужасно. Люди решат, что вас потоптал квинтолап, — вздохнув, он добавил: — Кровопролитные батончики...

Отчаявшись, Джеймс спрятал палочку обратно в рукав. Зейн же, повинувшись возникшему на доли секунды вдохновению, сделал попытку протянуть свои ноги во всю длину из-под стола. Он зажал настоящий портфель между лодыжками, затем утянул его обратно под свой стол.

Джеймс услышал, как Зейн завозился, стараясь спрятать портфель под стулом с помощью одних только ног. Джексон остановился за спиной Зейна, и в классе стало очень тихо.

Джеймс старался не поднимать глаз. У него было сильное ощущение, что профессор смотрит прямо на него. Наконец, он беспомощно поднял взгляд. Джексон действительно смотрел на него вплотную, его задумчивый взгляд переходил от Джеймса к Зейну. Наконец, спустя, казалось, вечность, Джексон прошел вперед комнаты.

— Честно, — сказал он всему классу, — на что только не пойдут некоторые из вас, чтобы пропустить занятие. Это поразительно даже для такого циничного человека, как я. Так или иначе, на чем мы остановились? Ах да...

Урок продолжался. Джеймс старался не встречаться с Джексоном взглядом. Его единственной надеждой было как можно быстрее ускользнуть из класса при первой же возможности. Пока Джексон находился здесь, не было ни малейшего шанса забрать настоящий портфель или мантию-невидимку. Возможно, только возможно, что Джексон не заметил свой портфель, перекочевавший под стул Зейна. Все зависело от эффективности наложенного Зейном заклинания Визум-Инептио. Время от времени Джеймс поглядывал на фальшивый портфель, стоявший точно там, где он и должен был находиться. Для него тот выглядел совершенной подделкой — кожаная обивка была другого цвета, а на медной табличке вместо «Т. Х. Джексон» было написано «Кожаные изделия Хирам и Блэттвоттс, Косая Аллея, Лондон». Джексон наверняка что-то заподозрил. Но если заклинание сработало, то еще оставался небольшой шанс, что все получится.

Наконец, урок закончился. Джеймс вскочил, выталкивая Зейна впереди себя. Зейн с ужасом посмотрел на него, его взгляд устремился к его стулу, но Джеймс толкал его вперед, ежеминутно качая головой. Класс ринулся к двери, и Джеймс с Зейном застряли позади небольшой группы. Джеймс в ужасе оглянулся. Наконец стена из плеч и рюкзаков расступилась, и Джеймс с Зейном вывалились в коридор.

— Что же нам делать? — лихорадочно прошептал Зейн, когда они рысцой бежали по коридору.

— Мы вернемся позже, — сказал Джеймс, изо всех сил стараясь говорить спокойным и тихим голосом. — Может, он ничего не заметит.

Он складывал эссе, когда мы уходили. Если мы просто поболтаемся здесь за углом, мы сможем увидеть...

— Мистер Поттер? — раздался властный голос позади них. — Мистер Уолкер?

Мальчики замерли на середине шага. Затем медленно обернулись. Профессор Джексон показался из-за дверей кабинета Техномантии.

— Мне кажется, вы забыли кое-что из своих вещей в моей аудитории. Не могли бы вы вернуться и забрать это?

Не отвечая, они тяжело вернулись обратно. Джексон снова исчез в классе и ждал их перед столом, когда они зашли туда.

— Подойдите ближе, мальчики, — сказал Джексон прохладно. — Прямо сюда, к столу.

На столе прямо перед Джексонном стояли оба портфеля, настоящий и поддельный. Когда Джеймс и Зейн подошли, Джексон заговорил снова, теперь его голос был ледяным.

— Я не знаю, кто рассказал вам о том, что я храню в своем портфеле, но я могу заверить вас обоих, что вы не первые и не самые изобретательные в попытках выяснить это наверняка, — Джеймс удивлено вскинул брови, а Джексон кивнул ему. — Да, я слышал истории, выдуманные некоторыми из моих студентов. Истории об ужасных спящих чудовищах, или оружии Судного дня, или ключах к другим мирам, каждая более ужасающая и ошеломляющая, чем предыдущая. Тем не менее, позвольте заверить вас, мои смертельно любопытные маленькие друзья... — Здесь Джексон наклонился вперед так, что его нос оказался менее чем в футе от лиц мальчиков. Он говорил все тише и четче. — То, что я храню в своем портфеле, намного, намного хуже, чем то, что может исторгнуть ваше воспаленное воображение. Это не шутка и не пустые угрозы. Если вы снова будете вмешиваться в мои дела, вероятно, вы не проживете достаточно долго, чтобы пожалеть об этом. Я достаточно ясно выразился?

Джеймс и Зейн молча кивнули. Джексон продолжал пристально смотреть на них, дыша через нос, очевидно, от ярости.

— Пятьдесят баллов с Гриффиндора и пятьдесят баллов с Когтеврана. Я бы подверг вас наказанию, но это может вызвать вопросы ко мне по поводу данного инцидента, на которые я не хочу отвечать. Поэтому, позвольте мне закончить, мои юные друзья, сказав, что если

вы еще раз хотя бы взглянете на мой портфель, я все еще могу решить сделать вашу жизнь особенно... интересной. Пожалуйста, имейте это в виду. Теперь, — он отступил и опустил глаза, — берите свою маленькую жалкую шутиху и уходите.

С превеликим отвращением Джексон сунул им в руки свой портфель. Поддельный портфель остался лежать перед ним. Он пропустил пальцы под ручкой из слоновой кости и встряхнул его. Табличка с надписью «Кожаные изделия Хирам и Блаттвоттс, Косая аллея, Лондон» тускло блеснула, когда Джексон обошел стол. Ни Джеймс, ни Зейн не могли заставить себя прикоснуться к портфелю, стоящему перед ними.

— Ну? — спросил Джексон, повышая голос. — Берите эту вещь и уходите!

— Д-да, сэр, — заикаясь, сказал Зейн, хватая профессорский портфель и стягивая его со стола. Они с Джеймсом развернулись и убежали.

Остановиться они сумели только через три коридора от кабинета. Там они просто встали посреди холла и уставились на портфель Джексона, который по-прежнему несли с собой. Факт оставался фактом — это был действительно обитый черной кожей профессорский чемоданчик. На табличке с именем четко значилось «Г. Х. Джексон». Джеймс начал постепенно понимать, что, как это ни поразительно, но они преуспели. Они сумели украсть мантию Мерлина.

— Все дело в заклинании Визум-Инептио, — выдохнул Зейн, глянув на Джеймса. — Иначе и быть не может. Джексон знал, что мы что-то замысливаем, но не понял, что именно!

Джеймс был полностью сбит с толку.

— Каким образом? Ведь обе сумки стояли прямо перед ним!

— О, это довольно просто на самом деле. Джексон предположил, что мы собирались подменить портфель, но не успели это сделать. Обнаружив сумку под моим стулом, он решил, что это поддельная. Заклятие Визум-Инептио подействовало на оба портфеля, позволив ему увидеть то, что он ожидал. Таким образом, создалась иллюзия, что фальшивый портфель это и есть настоящий!

На Джеймса, наконец, снизошло понимание.

— Магия Дурацкого Глаза распространилась на настоящий портфель, заставив его выглядеть как подделка, как и ожидал Джексон! Это гениально! — Джеймс хлопнул Зейна по плечу. — Отлично проделано, ты, тупица! А ты еще сомневался!

Зейн выглядел необычно скромным. Он улыбнулся:

— Ладно, пойдем отыщем Ральфа и убедимся, что с ним все в порядке. Ты правда думаешь, что ему требовалось съесть целых два Кровопролитных Батончика?

— Ты был среди тех, кто убеждал в необходимости диверсии.

Джеймс спрятал портфель Джексона под мантию, зажав его подмышкой, и оба мальчика побежали искать Ральфа, остановившись только один раз, чтобы забрать мантию-невидимку, по-прежнему лежавшую на полу опустевшего кабинета Техномантии.

Пять минут спустя все трое вскарабкались в общую гостиную Гриффиндора, чтобы успеть спрятать портфель Джексона до начала следующего урока. Джеймс затолкал его на дно своего дорожного чемодана, затем Зейн извлек палочку.

— Только что узнал это новое заклинание от Дженнифер, — пояснил он. — Это особая разновидность Запирающего Заклятия.

— погоди, — остановил Зейна Джеймс прежде, чем тот произнес заклинание. — Как я смогу его открыть?

— О. Ну, по правде, я не знаю. Это контр-заклинание для Алохомора. Я не думаю, что оно будет действовать против владельца чемодана. Только против чужих. Заклинания ведь умны, верно?

— Вот, — сказал Ральф, пересекая комнату. Он открыл и закрыл окно, затем вернулся обратно. — Попробуем его на защелке окна. Тебе ни к чему его открывать, на улице смертельно холодно.

Зейн пожал плечами и направил свою палочку на окно.

— Коллопортус.

Оконный замок, щелкнув, закрылся.

— Что ж, работает нормально, — отметил Ральф, — теперь попробуй открыть его.

Зейн, просто взмахнул палочкой, сказав «Алохомора». Замок вздрогнул, но остался закрытым. Зейн убрал палочку.

— Попробуй ты, Джеймс. Это же твое окно, так?

Джеймс использовал то же заклинание на замке. Замок аккуратно открылся, и окно распахнулось.

— Видишь? — улыбнулся Зейн. — Заклинания умные. Я уверен, старина Камнелиц смог бы рассказать нам, как это работает, но я не собираюсь у него ничего спрашивать, говорю вам.

Джеймс закрыл портфель Джексона в своем чемодане, и Зейн применил Запирающие чары.

По дороге обратно к классу Ральф спросил:

— А может кто-нибудь другой заметить, что Джексон ходит с другим портфелем? Что, если кто-то из учителей спросит его об этом?

— Ничего не случится, Ральфинатор, — уверенно сказал Зейн. — Он носит с собой эту вещь достаточно долго, чтобы все ожидали увидеть его с ней. Настолько сильно все ожидают увидеть тот портфель у него в руках, что чары Визум-Инептио заставят их увидеть то, что они ожидают. Только мы будем видеть старую сумку нашего друга-геолога.

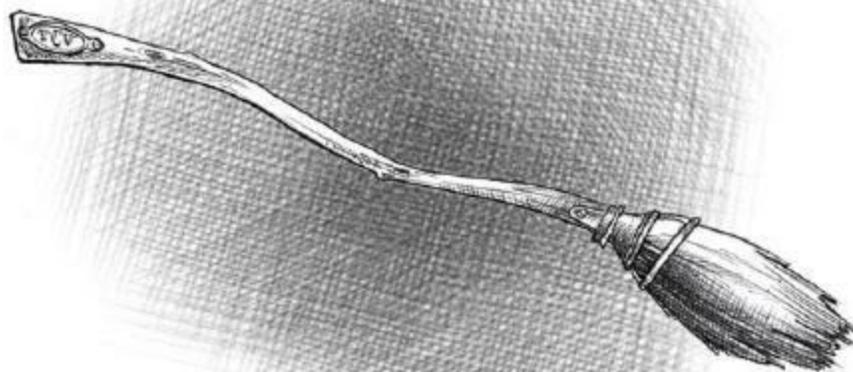
Но Ральф продолжал беспокоиться.

— А чары не выветрятся со временем? Или они будут работать столько, сколько люди будут думать, что фальшивый портфель настоящий?

Ни Джеймс, ни Зейн не знали ответа на этот вопрос.

— Мы можем только надеяться, что они проработают достаточно долго, — сказал Джеймс.

Глава 13. Скрытая сила мантии

Тем же вечером после ужина мальчики снова побежали в гостиную Гриффиндора, притормозив только когда Джеймс заметил слезку со стороны нарисованной дамы, изображенной в компании нескольких девиц, доящих до смехотворного толстых коров. Он начал было ругаться на высокую некрасивую женщину, которая была одета как монахиня, требуя объяснить, на что она уставилась. Спустя полминуты Зейн и Ральф потеряли терпение и, подхватив Джеймса под локоть, поволокли его дальше к спальням. Там они все собрались вокруг чемодана Джеймса, пока тот открывал его и извлекал наружу портфель Джексона. Он поставил его на край кровати, и все трое выжидающе уставились на него.

— Мы собираемся открыть его? — спросил Ральф.

Джеймс кивнул:

— Нам надо убедиться, что это мантия, верно? Эта мысль не дает мне покоя целый день. Что, если я ошибался, и там лежит просто коллекция нижнего белья Джексона? Я не думаю, что он стал бы носить

с собой портфель с ненужными вещами просто для того, чтобы заставить всех вокруг говорить об этом. Ты бы видел его сегодня утром, когда он сцапал нас с Зейном. Он вел себя точно сумасшедший.

Зейн плюхнулся на кровать.

— Что, если мы вообще не сможем открыть его?

— Это вряд ли, портфель ведь сразу открылся тогда, на Защите от Темных Искусств, — решил Джеймс.

Ральф отошел, чтобы дать Джеймсу больше места.

— Тогда давайте покончим с этим. Попробуй открыть его.

Джеймс приблизился к портфелю и попытался открыть его. Он был уверен, что ничего не выйдет, и уже держал наготове целый ассортимент Отпирателей и Размыкающих Заклинаний, которые они успели собрать к этому времени. Но застежка в верхней части просто щелкнула и разомкнулась. Настолько легко и быстро, что Джеймс не был уверен, не произошло ли это за секунду до того, как он прикоснулся к ней. Он замер было, но никто из остальных мальчиков, похоже, ничего не заметил.

— Ну? — прошептал Ральф. Зейн наклонился к портфелю, отверстие которого слегка приоткрылось.

— Ничего не разглядеть, — сказал Зейн. — Слишком темно. Открой эту проклятую штуку, Джеймс. Она более твоя, чем кого-либо из нас.

Джеймс дотронулся до портфеля, затем схватился за обе ручки и распахнул его. Он смог разглядеть черную ткань, сложенную внутри. Из глубин портфеля доносился слабый запах затхлости. Джеймс подумал, что именно так должно пахнуть внутри фонаря из тыквы через неделю после Хэллоуина. Он вздрогнул, вспомнив слова Луны о том, что это использовалось для покрытия тел умерших королей.

Голос Зейна звучал приглушенно и немного хрипло:

— Это она? Я не могу определить, что это.

— Не стоит, — предупредил Ральф, но Джеймс уже потянулся к портфелю. Он вытянул мантию. Ткань медленно развернулась, безупречно черная и чистая. Казалось, она длиннее в акры. Ральф попятился, когда Джеймс вытащил мантию, и она опустилась на пол к их ногам. Она окончательно высвободилась из портфеля, и Джеймс понял, что держит ее за капюшон. Это был большой капюшон с золотой

тесью у горловины.

Зейн кивнул, он был бледен и серьезен.

— Это она, без сомнений. Что будем с ней делать?

— Ничего, — твердо ответил Ральф. — Засунь ее обратно, Джеймс. Эта вещь пугает. Вы чувствуете ее магию? Могу поспорить, что Джексон наложил что-то вроде Щитовых чар на портфель, чтобы спрятать ее. Иначе кто-нибудь бы это почувствовал. Давай, убери ее. Я не хочу к ней прикасаться.

— Погоди, — сказал Джеймс рассеянно. Он действительно ощущал магию, исходящую от мантии, как и сказал Ральф, но не чувствовал страха. Она была могущественной, но любопытной. Запах мантии изменился после того, как Джеймс достал ее. Сначала она пахла гнилью, но теперь это был просто запах земли, как опавшие листья и влажный мох, дикий, даже увлекательный. Сжимая мантию в руках, Джеймс испытал очень необычное чувство. Словно он был в глубочайшей яме, весь воздух в комнате заполнил пространство как вода, просачивающаяся сквозь оконные щели, как льдисто-синий пар.

Границы его восприятия расширились, теперь он мог ощутить движение воздуха вокруг башни, в которой располагались спальни. Ветер был полон жизни, закручиваясь вокруг конической крыши, он изменял направление, соприкасаясь с отсутствующими черепицами и деревянными стропилами. Джеймсу вспомнились детские истории о том, что Мерлин был волшебником, способным повелевать силами природы, тонко чувствовать их и использовать в своих целях. Джеймс понял, что ему удалось ощутить отголоски этой силы, сокрытой в складках древней мантии. Чувство росло, разворачиваясь подобно спирали. Теперь Джеймс ощущал движения различных созданий, живущих своей жизнью в этих сгущающихся сумерках: легкое постукивание сердечка мыши, пробежавшей по чердаку, фиолетово-красный мир летучих мышей в лесу, смутные сны медведя, пребывающего в зимней спячке, даже безмятежно-спокойный рост деревьев и травы, вцепившихся корнями в землю, источник их жизни в разгар зимы.

Джеймс чувствовал, что он делает, но руки не повиновались ему. Он развернул мантию и завернулся в нее. Мантия, шурша, опустилась ему на плечи, он поднял капюшон и накинул его себе на голову,

скрывая лицо. Джеймс мог слышать обеспокоенные возгласы Зейна и Ральфа, но они таяли, словно исчезая в конце туннеля из сна, пока не пропали совсем.

Он шел. Листья похрустывали под его большими босыми ногами с мозолистыми пятками. Он вздохнул, наполняя легкие, которые располагались в грудной клетке шириной с бочку. О, он был большим. Длинные мускулистые руки напоминали сытых питонов, ноги же были толстыми и крепкими, словно древесные стволы. Земля была тихой и неподвижной, но он мог ощутить биение жизни в ней. Он чувствовал это подошвами ног, пока шел. Лес пульсировал вокруг, проникая в него и наполняя своей силой. Так, как и должно было быть. Мир изменился и продолжал меняться.

Он был приручен, потерял свою первозданную дикость и мощь. Его власть поблекла. Он по-прежнему не имел себе равных, в связи его с землей возникли пробелы, они ширились, шаг за шагом истощая его. Царство людей расширилось, очищая землю, разделяя ее на бессмысленные участки и поля, разрушая магические полюса дикой местности. Это вызывало в нем гнев. Когда-то он ходил между царствами людей, давал им советы и помогал, не бесплатно, конечно, но все равно не мог предвидеть подобного итога.

Его волшебные братья и сестры ничем не могли помочь. Их магия отличалась от его. То, что делало его столь могущественным, его связь с землей, было и его слабостью. Он шел, пребывая в холодной ярости. Проходя мимо, он слышал, как деревья заговаривали с ним, но даже древесные голоса наяд и дриад были еле различимы. Их эхо звучало смущенно и надтреснуто, противоречиво.

Впереди показалось открытое пространство, поблескивающее в свете луны, на поляне было углубление в земле, окруженное камнями. Он ступил в центр и поднял глаза к небу. Свет, льющийся с ночного купола, заполнял поляну, окрашивая все вокруг в белый. Его тень спряталась под ним, словно в полдень. В этом мире для него более не было места. Он оставит общество людей. Но он вернется, когда все изменится, когда сменятся обстоятельства, когда мир снова будет готов принять его власть. Тогда он пробудит землю, снова вдохнет жизнь в деревья и их духом, с возрождением их сил возродятся и его. Тогда настанет время платить по счетам. Возможно, пройдут десятилетия,

возможно, века. Или даже целая вечность. Не имеет значения. Он не может оставаться здесь более.

Поблизости раздался какой-то шум, чьи-то шаркающие шаги приближались. Кто-то еще был здесь, на этой поляне: кто-то, кого он ненавидел, но в ком нуждался. Когда он заговорил с этим, мир вокруг потускнел, потемнел, начал постепенно исчезать.

— Следуй моим поручениям. Сохрани мое облачение, место и талисман в готовности. Я буду ждать в Зале Пересечения Старейших, когда время моего возвращения придет, собери их вместе, и я узнаю об этом. Я избрал тебя для охраны этой миссии, Астрададукс, как моего последнего ученика, твоя душа в моих руках. Ты скован этим заданием до тех пор, пока оно не будет завершено. Клятвой, данной мне.

Голос произнес из надвигающейся тьмы:

— Ваше желание — закон для меня, хозяин.

Ответа не последовало. Он ушел. Его мантия опустилась на землю, пустая. Его посох балансировал мгновение, а затем стал падать вперед, но был пойман неестественно бледной рукой, рукой Астрададукса, до того, как коснулся каменистой земли. Затем все исчезло. Тьма сжалась в точку. Вселенная вздрогнула, жутко и закрученно, а затем осталось только забвение.

Джеймс заставил себя открыть глаза и ахнул. Его легкие сжались, словно он не дышал несколько минут. Чьи-то руки схватили его, стянули с него капюшон и стащили с его плеч мантию. Усталость навалилась на Джеймса, и он начал заваливаться наземь. Зейн и Ральф поймали его и положили на кровать.

— Что случилось? — спросил Джеймс, хватая ртом воздух.

— Ты нам скажи! — воскликнул Ральф, его голос звучал высоко и испуганно.

Зейн грубо заталкивал мантию обратно в портфель.

— Ты напялил эту безумную штуку, а потом хлоп! Тебя как не бывало. Я бы не назвал это разумным решением, знаешь ли.

— Я отключился? — спросил Джеймс, восстановив сознание настолько, чтобы суметь ощутить под собой свои локти.

— «Отключился» — не то слово, — ответил Ральф. — Ты поднялся и исчез. Пух! И все!

— Так и было, — Зейн кивнул, увидев потрясенное выражение

лица Джеймса. — Тебя не было где-то три или четыре минуты. Затем появился он, — Зейн махнул головой в стороны углу за кроватью Джеймса. Джеймс обернулся и увидел полупрозрачное тело Седрика Диггори. Призрак посмотрел на него, затем улыбнулся и пожал плечами. В этот раз Седрик было более реальным, чем тогда, когда Джеймс в последний раз его видел.

Зейн продолжил:

— Он просто прошел сквозь стену так, словно искал тебя. Ральф взвизгнул, как будто — ну, я бы сказал, как будто привидение увидел, но учитывая то, что он завтракает с привидениями каждое утро и занимается историей с одним из них каждый вторник, эта фраза теряет смысл.

Заговорил Ральф:

— Он посмотрел на нас, потом на портфель, а потом он просто как бы растворился. Следующее, что мы знаем, ты вернулся оттуда, где бы ты ни был, белый как статуя.

Джеймс повернулся к призраку Седрика.

— Что ты сделал?

Седрик открыл рот, чтобы заговорить, неуверенно и осторожно. Его голос проникал в комнату словно издалека. Джеймс не мог сказать, слышит ли он его ушами или разумом.

— Ты был в опасности. Я был послан. Я увидел, что случилось, когда пришел сюда.

— Что это было? — спросил Джеймс. Случившееся померкло в его памяти, но он чувствовал, что вспомнит больше, когда магия испарится.

— Отметка Врат. Сильнейшая частица магии. Она открывает пространственный шлюз, предназначенную для передачи сообщения или секрета сквозь время или на больших расстояниях. Но его сила непредсказуема. Он почти поглотил тебя.

Джеймс знал, что это правда. Он чувствовал это. В конце тьма была всепоглощающей, сплошной. Он сглотнул комок в горле и спросил:

— Как же я вернулся?

— Я нашел тебя, — просто ответил Седрик. — Я погрузился в эфир, где провел очень много времени после того, как умер. Ты был там, но ты был слишком далеко. Ты уходил. Я догнал тебя и вернулся вместе с тобой.

— Седрик, — сказал Джеймс, чувствуя себя идиотом из-за того, что надел мантию, и переживая из-за того, что могло случиться. — Спасибо, что вернул меня обратно.

— Я обязан тебе. Я обязан твоему отцу. Однажды он вернул меня обратно.

— Эй, — вдруг осенило Джеймса. — Ты теперь можешь говорить!

Седрик улыбнулся, и это была первая настоящая улыбка, которую Джеймс видел на призрачном лице.

— Я чувствую... изменения. Сильнее. Намного... здесь, почему-то.

— Погоди, — сказал Ральф, поднимая руку. — Так это и есть тот призрак, о котором ты нам рассказывал? Тот самый, что прогнал нарушителя несколько месяцев назад?

— Ах, да, — спохватился Джеймс. — Зейн и Ральф, это Седрик Диггори. Седрик, это мои друзья. Так что с тобой случилось, как ты думаешь? Что делает тебя сильнее здесь?

Седрик пожал плечами.

— Похоже, что долгое время я чувствовал себя словно во сне. Я бродил по замку, но он был пуст. Я не чувствовал голода, или жажды, или холода, не нуждался в отдыхе. Я знал, что умер, но не более. Все было темным и тихим, не было разделения на дни или сезоны. Вообще не было течения времени. А потом начали происходить эти вещи.

Седрик повернулся и сел на кровать, не смяв одеял. Джеймс, который был ближе всех, ощутил холодок, исходящий от него. Призрак продолжил:

— Со временем я начал чувствовать больше. Я начал видеть людей в залах, но они были как дым. Я не мог слышать их. Я пришел к выводу, что эти периоды активности происходят в часы, следующие сразу за моментом моей смерти. Каждую ночь я чувствовал, как пробуждаюсь. Я наблюдал за временем, потому что это было важнее всего — чувствовать проходящие минуты и часы. Я искал часы, одни есть сразу за выходом из Большого зала и я наблюдал, как идет время. Я мог бодрствовать всю ночь, но каждое утро я начинал исчезать. Затем, однажды утром, когда я уже растворялся, теряя связь, я увидел его.

Джеймс выпрямился.

— Нарушителя?

Седрик кивнул.

— Я знал, он не должен находиться здесь, и откуда-то я знал, что, если постараюсь, я смогу заставить его увидеть себя. Я прогнал его.

Седрик снова улыбнулся, и Джеймс подумал, что в этой улыбке можно увидеть сильного и симпатичного мальчика, которого знал его отец.

— Но он вернулся, — сказал Джеймс. Улыбка Седрика превратилась в гримасу разочарования.

— Он вернулся, да. Я видел его и снова спугнул. Я стал высматривать его по утрам и тогда, однажды ночью, он проник через окно. Я был силен тогда, но я решил, что кто-то еще должен знать, что он в замке. Поэтому я пришел к тебе, Джеймс. Я видел меня, и я знал, кто ты. Я знал, что ты сможешь.

— Это в ту ночь, когда ты разбил витраж, — улыбнулся Зейн. — Вышвырнул того парня сквозь него, словно Брюс Ли. Круто.

— Кто он такой? — спросил Джеймс, но Седрик только пожал плечами. Он не знал.

— Сейчас еще только семь часов, — заметил Ральф. — Почему мы тебя видим? Разве в это время ты не слабее всего?

Седрик, похоже, задумался.

— Я становлюсь более реальным. Я по-прежнему просто призрак, но я чувствую, что становлюсь таким, как большинство призраков. Теперь я могу больше говорить. И все меньше и меньше пребываю в странном безвременье. Я думаю, так и становятся призраками.

— Но почему? — не смог удержаться от вопроса Джеймс. — Что происходит, когда становишься призраком? Почему ты просто, ты знаешь, не двигаешься дальше?

Седрик пристально посмотрел на него, и Джеймс почувствовал, что Седрик сам не знает ответа на этот вопрос, или, по крайней мере, не очень уверен. Он слегка встряхнул головой.

— Я пока не все сделал. Во мне было столько жизни. Это случилось так быстро, так внезапно. Я просто... не успел.

Ральф поднял портфель профессора Джексона и запихнул его обратно в чемодан Джеймса.

— Так где ты был, когда исчез, Джеймс? — спросил он, наваливаясь на край кровати.

Джеймс глубоко вдохнул, собирая свои воспоминания о странном

путешествии. Он описал первоначальные ощущения от прикосновения к мантии, как она позволяла ему чувствовать воздух и ветер, и даже животных и деревья. Затем он рассказал им о видении, о том, как он был в теле Мерлина, в его самых сокровенных мыслях. Он вздрогнул, вспомнив гнев и горечь, и голос слуги, Астрададукса, приносящий свою клятву служить до тех пор, пока не придет время. Он живо вспомнил, как тот говорил, закончив рассказ тем, как тьма ночи обернулась вокруг него как кокон, сжимая и превращая в ничто.

Зейн слушал с напряженным интересом.

— Это имеет смысл, — сказал он в конце тихим благоговейным голосом.

— Что? — спросил Джеймс.

— Как Мерлин может сделать это. Разве вы не видите? Профессор Джексон сам сказал нам об этом на первом уроке!

Он разволновался, его широко распахнутые глаза перебежали с Джеймса на Ральфа и на призрак Седрика, который по-прежнему сидел на краю кровати.

Ральф покачал головой.

— Я не знаю. У меня нет Техномантии в этом году.

— Мерлин не умер, — решительно заявил Зейн. — Он трансгрессировал!

Джеймс был озадачен.

— Это не имеет смысла. Любой волшебник может трансгрессировать. Что в этом особенного?

— Помните, что Джексон сказал нам в первый день? Трансгрессия мгновенна только для волшебника, который ее совершает, даже если это займет немного времени, чтобы кусочки волшебника переместились и собрались в новом месте. Если волшебник перемещается, не определив новую центральную точку, он никогда не восстановится, так? Он просто застревает в небытие навсегда!

— Ну конечно, — согласился Джеймс, вспоминая лекцию, но по-прежнему не видя смысла.

Зейн почти вибрировал от волнения.

— Мерлин трансгрессировал не к месту, — сказал он многозначительно. — Он трансгрессировал к времени и обстоятельствам!

Ральф и Джеймс колебались, учитывая последствия. Зейн продолжал:

— Ты говорил, что под конец видения Мерлин велел Астрададуксу беречь реликвии и следить, чтобы время было верным. Затем, когда придет время, реликвии должны быть снова собраны в Зале Пересечения Старейших. Понимаете? Мерлин выбрал время и обстоятельства своего воскрешения. То, что ты описал в самом конце, Джеймс, было телепортацией Мерлина в небытие, — Зейн помолчал, задумавшись. — Все эти столетия он провел, просто застыв во времени, был нигде и повсюду, ожидая правильных обстоятельств для своего возвращения. Для него время не двигалось вовсе!

Ральф посмотрел на чемодан на кровати Джеймса.

— Тогда это возможно, — сказал он. — Они действительно могут это сделать. Могут вернуть его обратно.

— Больше нет, — невесело улыбнулся Джеймс. — Мантия у нас. Без всех реликвий обстоятельства будут неправильными. Они ничего не смогут сделать.

После того как Джеймс услышал объяснение Зейна, все обрело смысл, особенно на фоне видения Отметки врат. Внезапно, то, что мантия у него, стало гораздо более важным, и он не мог не удивляться невероятной серии удачных совпадений, которые привели их к обладанию ею. Начиная с портфеля, найденного Ральфом в последний момент, и до невероятно эффективных чар Визиум-инептио, наложенных Зейном, Джеймс не мог отделаться от мысли, что им, Зейном и Ральфом кто-то руководил с целью сорвать план Мерлина. Но кто помогал им?

— Кстати, — спросил Джеймс у призрака Седрика, пока Ральф и Зейн погрузились в оживленную дискуссию о трансгрессии Мерлина. — Ты сказал, что тебя прислали помочь мне. Кто тебя прислал?

Седрик встал и стал немного прозрачнее, но не очень сильно. Он улыбнулся Джеймсу и сказал: «Кто-то, кого я не должен упоминать, хотя я думаю, ты сможешь догадаться. Кто-то, кто наблюдает».

Снейп, подумал Джеймс. Портрет Снейпа прислал Седрика на помощь, когда его засосало в Отметку Врат. Но как он узнал? Джеймс еще долго размышлял об этом после того, как Зейн и Ральф ушли в свои комнаты, долго после того, как другие гриффиндорцы поднялись по

лестнице и улеглись в свои кровати. Ответ так и не пришел в ту ночь, и в конце концов Джеймс уснул.

В течение следующих нескольких дней трое мальчиков вели обычную школьную жизнь, слегка затуманенную триумфом. Джеймс оставил сумку Джексона с реликтовой мантией в своем чемодане, под защитой замка и Запирающего заклинания Зейна. Уверенные в эффективности Визиум-инептио, наложенных на фальшивый портфель, они не опасались всерьез, что кто-то начнет искать настоящий портфель. Джексон продолжал беречь старую красную сумку геолога с табличкой «Кожаные изделия Хирам и Блаттвотт» и носил ее на занятия и обеды, не показывая, что происходит что-то необычное. Более того, никто другой не бросал на портфель повторно взгляд, даже когда Джексон проходил с черным портфелем с именной табличкой все эти месяцы. Наконец, в субботу вечером Джеймс, Ральф и Зейн встретились в гостиной Гриффиндора, чтобы обсудить свои дальнейшие действия.

— На самом деле у нас сейчас только два вопроса, — начал Зейн, склонившись над столом, за которым они якобы делали домашнюю работу. — где Зал Пересечения Старейших? И где третья реликвия, посох Мерлина?

Джеймс кивнул.

— Я тоже об этом думал. Трон под защитой мадам Делакура. Мантия была под защитой профессора Джексона. Третья реликвия должна быть под защитой третьего заговорщика. Я думаю, это кто-то еще здесь, на территории, местный. Что если это кто-то со Слизерина, тот, кто назвался Астрададуксом в игре Ральфа? Он должен быть в курсе заговора, если использовал это имя, и если он в курсе, он в этом участвует.

— Но кто? — спросил Ральф. — Я не видел, кто ее брал. Она просто пропала. Кроме того, посох Мерлина будет довольно сложно скрыть, не так ли? Если он такой большой, как в твоём видении, Джеймс, он должен быть футов шесть в высоту. Как можно спрятать шестифутовый молниеотвод?

Джеймс покачал головой.

— Без понятия. Похоже, это придется выяснять именно тебе, Ральф. Как сказал Тед, ты — наш человек в стане врага.

Ральф упал в кресло. Зейн чиркал на куске пергамента.

— А что насчет нашего первого вопроса? — спросил он, не поднимая глаз. — Где Перекресток Старейших?

Джеймс и Ральф обменялись озадаченными взглядами. Джеймс сказал:

— Без понятия, снова. Но, я думаю, есть еще и третий вопрос, о котором мы должны подумать.

— Как будто первые два недостаточно мудреные, — проворчал Ральф.

Зейн поднял глаза, и Джеймс увидел, что он рисовал ворота Пещерной Цитадели.

— Какой еще третий вопрос?

— Почему они до сих пор этого не сделали? — прошептал Джеймс — Если они верили, что все три реликвии у них, почему они просто не пошли в этот Зал Пересечения Старейших и не попытались призвать Мерлина обратно из его тысячелетней трансгрессии?

Ни у кого из них не было ответа, но все согласились, что это важный вопрос. Зейн перевернул свои каракули, продемонстрировав заляпанные небрежные записи и диаграммы по арифметике.

— Я просмотрел библиотеку Когтеврана, но из-за домашней работы, уроков, квиддича, дебатов и астрономического клуба у меня не было и двух минут, чтобы собрать все вместе.

Ральф бросил перо на стол и откинулся на спинку стула, потянувшись.

— Кстати, что там происходит? Ты единственный, у кого есть связь с мадам Делакура. Как она?

— Как цыганская мумия, у которой есть пульс, — ответил Зейн. — Они с Трелони делят астрономический клуб, как и класс предсказаний, но они постоянно спорят вместо того, чтобы преподавать вместе. Работа шла бы намного лучше, если бы они как-то уравнивали друг друга. Трелони заставляет нас просто чертить астрономические символы и смотреть на планеты в телескоп для «выяснения настроения и манер планетарных братьев».

Джеймс, который знал Севиллу Трелони как дальнего друга семьи, усмехнулся от нежных отзывов Зейна о ней. Зейн продолжал:

— Делакура, напротив, показывает нам как составлять звездные

карты и измерять цвет длин волн звездного света, высчитывать точные сроки некоторых значимых астрономических явлений.

— Точно, — вспомнил Джеймс. — Выравнивание планет. Петра и Тед рассказывали мне про это. Они занимаются у нее предсказанием. Похоже, что королева вуду действительно знает толк в таких вещах.

— Она анти-Трелони, это точно. У нее сплошная математика и вычисления. Мы знаем дату, когда это произойдет, но она хочет, чтобы мы вычислили вплоть до минуты. Пустая трата времени, скажу я тебе. Она слегка помешана на всем этом.

— Она помешана сильно, если спросите меня, — заметил Ральф.

— Я думаю, она подозревает нас, — понизив голос сказал Джеймс. — Я замечаю, как она смотрит на меня иногда.

Зейн поднял брови и указал на свои глаза:

— Она слепа, если ты помнишь. Она не может ни на что смотреть, приятель.

— Я знаю, — сказал Джеймс, смутившись. — Но я готов поклясться, что у нее есть способ видеть, не имеющий ничего общего с глазами.

— Давайте не будем сходить с ума, — быстро проговорил Ральф. — Все это и без того достаточно странно. Ничего она не может подозревать. Если бы так было, она бы уже вмешалась, не так ли? Так что забудем о ней.

На следующий день Джеймс и Ральф отправились навестить Хагрида в его хижине, якобы поинтересоваться о Гроххе и Пречке. Хагрид восстанавливал тележку, которую Пречка случайно уничтожила, и был рад небольшому отдыху. Он предложил им войти и подал чаю с булочками, пока согревал себя у огня. Пес Триф лежал у него в ногах и иногда облизывал опущенную руку Хагрида.

— О, они переживают свои взлеты и подъемы, — произнес Хагрид таким тоном, словно хитросплетения великанских отношений представляли одну большую загадку. — Они поссорились незадолго до начала каникул. Размолвка вышла по поводу лосиного скелета. Грохх хотел сохранить голову целиком, в то время как Пречка желала использовать рога для изготовления из них некоего рода украшений.

Ральф на секунду перестал дуть на чай.

— Она хотела сделать украшения из лосиных рогов?

— Окей, это я сказал, что украшения, — Хагрид развел ручищами. — Это довольно сложно объяснить. В великанском языке один и тот же звук обозначает как украшения, так и оружие. Что может быть одним и тем же у того, в ком росту двадцать футов. Так или иначе, они пришли к какому-то решению, и между ними снова тишь да гладь.

— Она по-прежнему живет в предгорьях? — поинтересовался Джеймс.

— Уверен, что так, — сказал Хагрид слегка укоризненно. — Она — девочка гордая, наша Пречка. А Грохх проводит дни и ночи в своей хижине. Подготавливает самый лучший очаг и березовый навес. Все это займет немало времени. Великанская любовь... это штука тонкая, знаете ли.

Ральф поперхнулся чаем.

— Эй, Хагрид, — сказал Джеймс, решив сменить тему. — Ты в Хогвартсе уже довольно давно. Ты, наверное, знаешь много всяких тайных вещей о школе и замке, не так ли?

Хагрид устроился поудобнее на своем стуле.

— Ну да, вроде того. Никто не знает окрестности лучше меня. За исключением разве что Аргуса Филча. Началось все со студенческих времен. Я вернулся где-то за год до рождения твоего отца.

Джеймс знал, что он должен быть очень осторожным со словами.

— Да, именно об этом я и думал. Скажи-ка мне, Хагрид если бы у кого-нибудь было нечто волшебное, что они хотели бы спрятать где-нибудь в замке...

Хагрид перестал чесать Трифа. Он медленно повернул большую косматую голову в сторону Джеймса.

— И что же необходимо спрятать первогодку, такому как ты, могу я спросить?

— О, не мне, Хагрид, — быстро сказал Джеймс. — Кому-нибудь еще. Я просто из любопытства.

Черные жучиные глаза Хагрида сверкнули.

— Вижу. И этот кто-то другой, я имею в виду, кем бы он мог быть, ему нужно спрятать таинственные магические предметы здесь или там...

Ральф отхлебнул чая. Джеймс смотрел в окно, избегая неожиданно пронизательного взгляда Хагрида.

— Ну, ты знаешь, ничего определенного. Мне просто любопытно...

— А, — сказал Хагрид, слегка улыбаясь и кивая. — Ты, должно быть, слышал множество историй про старину Хагрида от твоего отца, тети Гермионы и дяди Рона, я угадал? Хагрид выбалтывает разные детали, которые должен держать в секрете. Тоже верно. Я могу быть слегка туповат иногда, забыть, что можно, а что нельзя говорить. Они, должно быть, рассказывали истории о собаке по кличке Пушок и другие, да? — Хагрид пристально изучал Джеймса несколько мгновений, а затем испустил протяжный вздох. — Джеймс, мальчик мой, я не намного старше, чем был тогда, но я старше. Старые хранители ключей учатся не много, но мы учимся. Кроме того, твой отец предупредил меня, что вы могли ввязаться черт знает во что, и попросил приглядывать за тобой. Он заметил, что ты стащил его мантию-невидимку и карту мародеров.

— Что? — выпалил Джеймс, повернувшись так быстро, что чуть не пролил чай.

Хагрид сдвинул брови, покраснев.

— О, ну это, того. Я не уверен, что должен был вам это говорить — он задумчиво нахмурился, а потом кажется выбросил это из головы — Ну на самом деле, может он и не это имел в виду...

Джеймс поперхнулся.

— Он знает? Уже?

— Джеймс, — рассмеялся Хагрид, — твой отец — глава мракоборцев, на случай, если ты забыл. Он говорил об этом на прошлой неделе, когда мы беседовали через камин, здесь. Что его больше всего волнует, так это пригодна ли еще карта к работе или нет, ведь в замке многое перестроили. Он забыл проверить ее, когда был здесь. Так как?

Увлечшись захватом мантии Мерлина, Джеймс совсем забыл про карту мародеров. Надувшись, он сказал Хагриду, что еще не пробовал.

— Может, и к лучшему, знаешь ли, — ответил Хагрид. — Только из того, что твой отец знает об этом, еще не следует вывод, что он от этого в восторге. И насколько я понял, твоя мама не знает об этом и, если тебе повезет, не узнает. Насколько я понял, твой отец будет хранить этот секрет достаточно долго. Лучше держись от всякой контрабанды подальше, а не прячь их повсюду на территории. Поверь мне, Джеймс, подозрительные магические предметы вокруг школы

могут наделать очень много бед, больше, чем они стоят.

На обратном пути в замок, продираясь сквозь холодный ветер. Ральф спросил Джеймса:

— Что он имел в виду, когда спрашивал, работает ли карта? Что она делает?

Джеймс объяснил Ральфу про карту мародеров, чувствуя смутное беспокойство и раздражение из-за того, что его отец уже знал, что он взял ее и мантию-невидимку. Конечно, он понимал, что рано или поздно его поймут, но предпочел бы получить Громовещатель об этом, а не в ребра от Хагрида.

Ральф заинтересовался картой.

— Она действительно показывает всех, кто находится в замке, и где они находятся? Это действительно полезно! Как она работает?

— Нужно сказать специальную фразу. Отец говорил мне давно, но сейчас она совершенно вылетела из головы. Мы испытаем ее как-нибудь ночью. Но сейчас я не хочу думать об этом.

Ральф кивнул и оставил тему. Они вошли в замок через главную арку и расстались у лестницы, ведущей в подвалы и к комнатам Слизерина.

Было уже довольно поздно, так что Джеймс оказался совершенно один в пустынном коридоре. Зимняя ночь была облачной и беззвездной. Она прижималась к окнам и, казалось, высасывала свет из факелов. Джеймс вздрогнул, частично от холода, частично от пробравшего его чувства леденящего ужаса, казалось, просачивающегося между плитами пола подобно туману. Он зашагал быстрее, поражаясь, насколько эти вечерние коридоры темны и безлюдны. На самом деле, еще не было слишком уж поздно, но воздух застыл в неподвижности, словно в предутренние часы или в могильном склепе. Неожиданно он осознал, что идет несколько дольше, нежели позволяла длина коридора.

К этому времени он уже должен был дойти до пересечения коридоров, украшенного статуей одноглазой ведьмы, откуда надо было повернуть налево, чтобы добраться до приемной залы, ведущей к лестницам. Джеймс остановился и оглянулся. Коридор выглядел точно так же, но что-то неуловимо изменилось. Он явно стал длиннее. На стенах отсутствовали факелы. Невозможно было определить источник слабого рассеянного света, постоянно меняющего свой цвет от

мерцающего желтого до серебристого, а когда на нем фокусировали взгляд, свет бледнел и растворялся.

Ледяные щупальца страха заползли под одежду Джеймса. Он снова повернулся в прежнем направлении, готовый сорваться с места, но ноги приросли к полу, стоило ему увидеть творившееся впереди. Коридор по-прежнему был здесь, но подпирающие колонны сменились стволами деревьев. На месте сводчатых потолков возникли ветви и виноградные лозы, ничем не ограниченные в пустоте ночного неба. Даже мозаичный пол растворился в кружеве корней и сухой листвы. А потом и та малая сохранившаяся иллюзия школьного коридора исчезла, остался только окружающий его лес. В спину дунул холодный ветер, раздувший полы его плаща и взъерошивший волосы призрачными пальцами. Джеймс осознал, где он оказался, хотя, когда он был здесь в последний раз, листья все еще были на деревьях, и в ночи звучал неумолчный хор сверчков. Это был лес, окружавший озеро неподалеку от острова с Пещерной Цитаделью.

Деревья застонали, скрипя ветвями на ветру, звук был негромким, словно тихий хрип задремавшего больного, мечущегося в лихорадке. Джеймс осознал, что он снова может двигаться и направляется туда, где заканчиваются деревья, где шуршит камыш, покачиваясь на краю озера. Огромная темная масса выросла впереди, заслоняя вид. Луна показалась из-за туч, когда Джеймс приблизился, по-прежнему неспособный управлять движением своих ног. Остров Пещерной Цитадели проявился в лунном свете, и у Джеймса замерло дыхание в груди. Остров рос. Таинственная крепость выглядела сейчас реальной как никогда.

Это был готический монстр, украшенный мрачными статуями и кособокими горгульями, непонятно как возникшими из лиан и деревьев острова. Драконья пасть моста легла перед ним, и Джеймс едва успел остановиться, не поставив на нее ногу. Он припомнил скрежет деревянных зубов, когда те пытались сожрать их с Зейном. В серебряном лунном свете ворота на другом конце моста были хорошо видны, как и слова стихотворения на них — «Когда свет Сульвы засияет, найду Пещеры Цитадель» Ворота вдруг вздрогнули и раскрылись, обнажив свою черную глотку. И из нее пришел голос, четкий и красивый, чистый, как перезвон колокольчиков.

— Хранитель реликвии, — произнес голос. — Твой долг уплачен.

Джеймс стоял и смотрел через мост во тьму открытых врат, где замерцал свет. Он конденсировался, твердел и обретал форму. Джеймс понял, что это были мягкие очертания дриады, лесной женщины, духа дерева. Хотя это была не та дриада, которую он встречал раньше. От той исходило зеленое сияние, а от этой бледно-голубое. Она слегка пульсировала. Ее волосы струились вокруг головы как текущая вода. Скромная, почти нежная улыбка была на ее губах, и ее огромные влажные глаза слегка мерцали.

— Исполнил роль свою уже ты, — произнесла дриада столь же чудесным и обволакивающим голосом, как и предыдущая. — Нужды нет более реликвию таить. Не для тебя се бремя. Нам принеси ее, отдай. Хранителями мы назначены ей быть с времен давешних. Сбрось эту ношу, нам реликвию отдав.

Джеймс взглянул вниз и увидел, что вопреки собственному желанию, все-таки ступил на мост. Драконья пасть не сомкнулась над ним. Он взглянул вверх и увидел, что она, как ни странно, тянется немного вверх, словно приглашая его. Упавшие деревья, образовавшие челюсть, тихо скрипнули.

— Принеси нам реликвию, — снова произнесла дриада и протянула руки к Джеймсу, словно приветствовала его с распростертыми объятиями. Ее руки были неестественно длинными и словно протянулись через весь мост. Ее ногти были такого глубокого голубого цвета, что он казался почти фиолетовым. Они были длинными и удивительно неровными. Джеймс отступил на шаг, сходя с моста. Глаза дриады изменились. Они засияли и ожесточились.

— Реликвию нам принеси ты, — повторила она еще раз, и ее голос снова изменился. Он зазвучал, словно песня. — Не для тебя она. Сильней ее могущество, чем у тебя, чем у любого, кто с тобой. Ее нам принеси, пока ты не разрушен ею будешь. Иначе уничтожит реликвия тебя, как и любого, в чьих руках она пробудет долго, кто овладеть ей неспособен. Доставь ее сюда, пока не попадет она еще к кому-нибудь, использует его... Отдай ее, пока еще ты можешь.

Её длинные руки протянулись через мост и Джеймс понял, что сможет дотронуться до них, если протянет свою руку. Он попятился дальше, зацепился пяткой за корень и споткнулся. Он повернулся, взмахнул руками и упал на что-то широкое и жесткое. Он оттолкнулся

от этого и выпрямился. Это была каменная стена. В пяти футах дальше потрескивали факелы в подставках. Джеймс огляделся.

Коридор Хогвартса тянулся вперед, теплый и обыденный, словно он никуда и не исчезал. Возможно, так и было. Джеймс посмотрел в другую сторону. Там был перекресток со статуей одноглазой ведьмы. Чувство страха ушло, и теперь Джеймс почувствовал уверенность в том, что случившееся не было простым видением. Он по-прежнему чувствовал холод ночного ветра в складках своей мантии. Затем он посмотрел вниз, с его ботинок осыпалась сухая речная грязь. Он вздрогнул, потом взял себя в руки и пробежал остаток пути до лестницы, где в два счета добрался до гостиной.

Единственное, в чем Джеймс был уверен, так это в том, что кто-то хочет отобрать у него мантию Мерлина. Он просто не был уверен, что это было правильно. К счастью, мантия по-прежнему была заперта в портфеле Джексона в чемодане Джеймса. После того, как уже попробовал прикоснуться к мантии, Джеймс не планировал более доставать мантию из чемодана до тех пор, пока не придет время вручить ее отцу и департаменту мракоборцев. Пока время еще не пришло, но оно придет. Позже. Тем не менее, он не собирается отдавать ее какому-то мистическому существу, не важно дух оно дерева, или нет.

Уверенный в этом, Джеймс дошел до гостиной Гриффиндора и отправился в постель. Но еще долго после того, как улегся под одеяло, ему казалось, что он слышит шепчущий голос в ветре за окном, бесконечно и однообразно умоляющий его: «Принеси нам реликвию... Принеси нам реликвию, пока можешь...» Он убаюкал его, и он уснул, думая об этих следящих прекрасных глазах и этих длинных, длинных руках с тонкими кистями и неровными фиолетовыми ногтями.

В следующую пятницу на уроке травологии Джеймс был удивлен, увидев, что Невилл Долгопупс перенес персиковое деревце Ральфа из класса Трансфигурации, где оно перестало помещаться, в одну из теплиц.

— Все это из банана, — уточнил Невилл у Джеймса после урока.

— Да. Держу пари, у Ральфа больше сюрпризов, чем у кого-либо. Он удивительный, но не думаю, что он на самом деле осознает всю свою силу. Некоторые слизеринцы думают, что он принадлежит к

какой-нибудь старой могущественной семье волшебников. Все может быть, я думаю, ведь он никогда не знал свою мать.

— Это в их духе, — сказал Невил с необычной откровенностью. — Магглорожденные могут быть так же могущественны, как и рожденные в старых, чистокровных семьях. Некоторые предрассудки никогда не меняются.

Джеймс посмотрел на персиковое дерево, которое стало довольно большим, несмотря на тот факт, что его корни по-прежнему обвивались вокруг одной из парт из класса трансфигурации. Он знал, что Невилл прав, но он не мог забыть лица Ральфа в тот день, когда он трансфигурировал банан. Ральф никогда не говорил об этом, но Джеймс чувствовал, что такая сила немного его пугала.

На следующий день день был запланирован матч между командами по квиддичу Гриффиндора и Слизерина. Джеймс сидел на трибуне Гриффиндора вместе с Зейном и Сабриной Хильдегард. Ральф, чтобы поддержать нескольких своих слизеринских друзей, сел в зеленом секторе с другой стороны поля. Джеймс встретился глазами с Ральфом и помахал ему. Ральф помахал в ответ, но осторожно, убедившись, что его не видит никто из старших товарищей.

Внизу, на поле капитаны команд вышли на центральную линию, чтобы встретиться с Габриэлем Ридкулли, что бы ознакомиться с правилами и пожать друг другу руки, традиция, на которую в действительности никто не обращал внимания. Джеймс смотрел как Джастин Кеннели небрежно пожимает руку Табиты Корсики. Даже с высоты своего места на вышке-трибуне Джеймс мог видеть вкрадчивую вежливую улыбку на действительно красивом лице Табиты. Затем оба капитана развернулись и пошли в противоположные стороны обратно к своим метлам, оставив Ридкулли с чемоданом с мячами для квиддича.

Зейн радостно чавкал попкорном, который для него приготовил один из домовых эльфов с кухни.

— Это будет замечательный матч, — заметил он, разделяя жизнерадостность толпы.

— Гриффиндор против Слизерина — это всегда бойня, — сказала Сабрина, перекрикивая толпу. — Во времена моей мамы все ненавидели слизеринцев, потому что они были нечестными игроками. Парень по имени Майлс Блетчли был капитаном команды тогда и еще играл за

Забияк Зонделера несколько лет, пока его не выгнали из лиги за использование закупоривающей метлы.

— Э... что? — вставил Зейн — Как можно закупорить метлу?

Джеймс пояснил:

— Это такой тип мошенничества, когда в рукоятке метлы просверливают отверстие и вставляют туда какой-нибудь магический предмет, например, кусочек драконьего ребра или клык василиска. Таким образом, вся метла превращается в волшебную палочку. Он использовал Защитные чары и модифицированное заклинание Экспеллиармус, не позволяющие команде соперника завладеть квофлом. Нечестный старый жулик, вот он кто.

Пока он говорил, команда Слизерина вылетела на поле под крики «Ура!» со стороны трибун их болельщиков. Дамьян, находящийся в радэфире, прижав палочку к горлу, представлял команду, его голос эхом отдавался в холодном январском воздухе.

— Ну, — сказал Зейн после приветственных криков, — не похоже, чтобы кто-то ненавидел Слизерин теперь.

Действительно, аплодировали со всех трибун. Только Гриффиндорцы свистели и шипели. Джеймс пожал плечами.

— Похоже они играют уже не так грязно, как раньше. Но они по-прежнему остаются необычайно сильной командой. В этом есть какая-то хитрость, просто она не так очевидна.

— Я и говорю, — согласился Зейн. — Когда мы играли со Слизерином до перерыва, это был самый чистый матч, который я играл за весь год. Ридкулли назначил всего один фол. Но все равно, было что-то слишком гладкое в этом. Либо они удачливая кучка скунсов, летающая на метлах, либо они заключили сделку с дьяволом.

Джеймс стиснул зубы.

Через поле Гораций Слизнорт, краснощекий, закутанный в пальто с меховым воротником и такую же шляпу, махал маленьким слизеринским флагом на палочке и выкрикивал поощрения команде своего факультета. Ральф сидел на два ряда ниже него и покорно аплодировал. Джеймс знал, что Ральф не большой фанат квиддича, несмотря на это он внимательно следил за матчем, Джеймс полагал, что это потому, что Ральф не мог на самом деле выбрать команду, за которую он хотел бы болеть. Его друзья, включая Руфуса Бартон,

одобрительно загудели.

Гриффиндорская команда вылетела на поле следующей, держась вдоль трибун, и зрители вокруг Джеймса закричали и вскочили как один. Джеймс вскочил вместе с ними, улыбаясь и исступленно крича, уверенный в победе Гриффиндора. Он топал ногами и кричал до хрипоты, пока команда облетала поле, улыбаясь и маша руками.

Команды вылетели на позиции. После инструктажа команд по честной игре, все игроки заняли свои места, а Ридкулли выпустил бланджеры и снитч и подбросил в воздух квофл. Игроки зароились в воздухе в погоне за бланджерами и снитчем и борьбе за квофл. Ной и Том Скваллус — два ловца — кинулись за снитчем, промелькнувшим у плакатов Когтеврана и снова исчезнувшем.

Почти сразу разница между командами стала очевидной. Гриффиндор вел игру как по учебнику, основываясь на тщательно оттренированных стратегиях. Джастина Кеннели было не слышно из-за ликующей толпы, поэтому он давал указания своим игрокам с помощью знаков. Слизерин с другой стороны, казалось, имел изящный, почти жуткий стиль игры, они двигались над полем как косяк рыбы. Табита Корсика не давала никаких указаний со своей метлы, но все же ее игроки разделялись и перегруппировывались с танцевальной точностью. Однажды Табита нырнула под бланджер и одновременно швырнула квофл через плечо.

Мяч взвился в воздух и был ловко пойман ее товарищем по команде, который летел перпендикулярно под ней. Игрок забил гол в центральный круг до того, как вратарь Гриффиндора успел осознать, что у Табиты больше нет мяча. Джеймс застонал, в то время как слизеринцы вскочили и закричали. Джастин Кеннели осмотрелся так, словно хотел сброситься со своей метлы от расстройства. Спустя час от начала матча счет был сто тридцать против сто сорока в пользу Гриффиндора, хотя лидер сменился уже пять раз.

— В таких матчах, как этот, все зависит от ловца, — жизнерадостно прокричала Сабрина, не отводя глаз от игроков. — И Скваллус новенький в этом деле, поскольку Гноффтон закончил в прошлом году. Ной способен размазать его по стенке вместе с метлой.

Внезапно толпа взревела и Джеймс увидел, что Ной преследует снитч. На другой стороне поля Том Скваллус прижался к метле, оскалив

зубы на холодном ветру, и бросился наперерез Ною. Он пронесся сквозь игроков, едва не угодив под бладжер, посланный Джестином Кеннели. Несмотря на его скорость, Джеймс понимал, что у Скваллуса нет шансов перехватить приз у Ноя. Золотая полоска и гудение тоненьких крылышек пронеслись вдоль трибун Гриффиндора, а несколько секунд спустя за ним — Ной.

На задних рядах пригнулись, затем вскочили, крича, когда Ной тяжело накренился, едва не касаясь трибун, и рванулся вперед на своей метле, вытянув руку. Это был долгий момент, когда все затаили дыхание, а Ной почти дотянулся до крошечного золотого мячика с тонкими крылышками, расстояние сокращалось, сокращалось, рука Ноя дрожала. Затем в вихре из метлы и мантии что-то изменилось. Ной был вынужден прижаться к своей метле, чтобы не остановиться и не потерять контроль, облако из слизеринцев во главе с Табитой Корсикой окружило его, вычерчивая в воздухе виртуальные стены. Ной столкнулся с мускулистым слизеринцем и отскочил в сторону, потеряв контроль над метлой. Он завалился на бок, размахивая одной рукой и хватаясь другой. Толпа взревела.

Табита Корсика пролетела сквозь стену слизеринцев, которая открылась для нее как радуга. Ее плащ развивался за спиной, и Джеймс с удивлением обнаружил, что снитч порхает рядом с ней, в тени ее мантии. Он метнулся вверх, но Табита среагировала почти мгновенно, пригнувшись к своей метле. Каким-то образом, даже не глядя на него, она вела снитч прямо к Тому Скваллусу. Он увидел ее, тяжело наклонился и пролетел мимо нее. Когда он оказался с другой стороны, он протянул руку и снитч скользнул в нее. Слизеринские трибуны необычайно бурно приветствовали его. Игра была окончена.

Ной повис на метле, зацепившись за нее одной ногой. Он попытался вернуться в вертикальное положение, когда к нему подлетели Тед и Джастин Кеннели, разговаривая и жестикулируя. Джеймс понимал, о чем они говорят, хоть и не слышал слов из-за криков поддержки и порицания. Случилось что-то очень странное, но все же на самом деле Слизерин не нарушал правил. На траве поля Петра Моргенштерн, которая играла как загонщик, что-то оживлено втолковывала Габриэль Ридкулли, указывая на Табиту Корсику, которая, по-прежнему оставаясь на метле, принимала поздравления от

своей команды вместе с Томом Сквайлусом. Ридкулли покачал головой, не имея возможности или не желая согласиться с аргументами Петры. Не было никаких обращений от Гриффиндора, поскольку они не могли доказать, что было нарушение.

— Что во имя одутловато-белого зада Волди это было? — спросил Дамьян Дамаскус, оставив радиовещание и присоединившись к Джеймсу, Зейну и Сабрине.

Сабрина покачала головой.

— Это было действительно жутко. Ты же видел то же, что и я? Корсика заблокировала снитч! Она не прикасалась к нему, но летела прямо рядом с ним, пока не подлетел Сквайлус на своей метле.

— Это ведь не запрещено правилами? — спросил Зейн, присоединившись к толпе, покидающей трибуны.

— Нет смысла составлять правила, запрещающие вещи, которые невозможны, — сердито сказал Дамьян. — До тех пор, пока она не прикасалась к нему, она чиста. Она даже не смотрела на снитч. Я клянусь.

Ральф обежал вокруг поля, когда Джеймс и Зейн спускались по последним нескольким ступенькам. Тяжело дыша, он утянул их от Сабрины и Дамьяна, чье настроение совсем испортилось.

— Вы видели это? — спросил Ральф, пытаясь отдышаться. Он был чрезвычайно возбужден.

— Мы видели что-то, — сказал Джеймс, — хотя я не уверен, что могу верить своим глазам.

Зейн был менее дипломатичен.

— Гриффиндорцы думают, что твои приятели сжульничали. Это отразится на итоговой турнирной таблице. Похоже, теперь Когтевран будет играть со Слизерином. Я надеялся на матч между Когтевраном и Гриффиндором.

— Можете вы оба хоть на минуту забыть о проклятом турнире по квиддичу? — спросил Ральф, поворачивая их лицами к трибунам. — Кажется, вы забыли, что у нас есть более важные вещи для раздумий!

— Хорошо, выкладывай, Ральф, — сказал Джеймс, стараясь не показывать раздражения.

Ральф глубоко вздохнул.

— Вы говорили мне, что я ваш человек в стане врага, так ведь?

Поэтому я пристально наблюдал, ища подсказки и признаки того, кто может быть причастен к заговору Мерлина, правильно?

— И ты считаешь, сейчас подходящее время, чтобы говорить об этом? — спросил Зейн, вскинув брови.

— Нет, нет, все верно, — вставил Джеймс. — Что ты видел, Ральф? Что-то случилось на слизеринской стороне?

— Нет! — нетерпеливо ответил Ральф. — Не в общей комнате или где-то еще. Прямо здесь, несколько минут назад! Помните, что мы должны были высматривать?

— Да, — сказал Зейн, заинтересовавшись, — посох Мерлина.

Ральф многозначительно кивнул. Послышались веселые крики. Трое мальчиков повернулись, чтобы увидеть, как слизеринцы покидают поле в толпе студентов, с зелеными шарфами. Табита шла во главе группы, ее метла триумфально возлежала на ее плече.

— Шесть футов или около того необычного магического дерева, — сказал Ральф, понизив голос, продолжая смотреть, как Табита покидает поле. — Происхождение неизвестно.

— Верно! — воскликнул Джеймс, понимая что к чему. — Табита говорила что у ее метлы необычная модель, созданная каким-то маггловским художником или что-то вроде того! Она зарегистрировала ее как маггловский артефакт, потому что это нестандартная модель!

— И нет никаких сомнений, что это что-то необычно-магическое, — добавил Ральф. Джеймс кивнул.

— Вы говорите о том, о чем я думаю, вы говорите? — недоверчиво спросил Зейн. Ральф взглянул на него.

— Имеет смысл, не так ли? Это прекрасное секретное место! Вот почему я побежал сюда сразу после окончания матча. Я хотел, чтобы вы двое тоже это увидели и решили, правда ли это.

Зейн присвистнул от восхищения.

— А мы рассуждаем о закупоренных метлах! Когда тут Табита все это время рассекала на посохе Мерлина!

Джеймс не мог отвести глаз от Табиты, которая достигла вершины холма, направляясь к замку. Зимний солнечный свет сверкал на прутьях ее метлы. Это действительно была идеальная маскировка для шестифутовой магической деревяшки. И они не знали точно, кто является третьим заговорщиком в мерлиновском плане, слизеринец,

который назвался именем Астрададукса. Сердце Джеймса заколотилось от волнения и предвкушения.

— Итак, — сказал он, когда все трое последовали в замок, держась на расстоянии от слизеринской команды, — как мы стащим посох Мерлина у Табиты Корсики?

Глава 14. Зал Пересечения Старейших

— Что? С чего бы нам красть её метлу? — воскликнул Ральф за завтраком следующим утром. Он потянулся через стол за тарелкой с сосисками. — Это будет посложнее, чем с Джексоном. Мальчикам ведь нельзя в девчоночьи спальни. Даже близко не подобраться! К тому же, у нас уже есть мантия. Они не смогут сделать ничего, не имея всех предметов.

— Потому что это тоже часть барахла Мерлина, вот почему! — воскликнул Джеймс. — Даже просто сам по себе он является одним из могущественнейших артефактов в мире. Ты видел, что Табита Корсика проделывала с его помощью на матче. Если даже не упоминать о воздействии на снитч без малейшего взгляда на него. Вся ее команда

действовала как одно целое, или, по крайней мере, их метлы действовали. Они точно знали, где когда и надо оказаться. Это действительно мощная магия. Пока что она пользовалась этой силой только для достижения побед на матчах по квиддичу, но неужели вам хотелось бы оставлять эту штуку в руках кого-нибудь наподобие ее или Прогрессивного Элемента?

Ральф явно не был впечатлен его речью. Зейн опустил чашу с кофе обратно и принялся внимательно разглядывать поверхность стола.

— Я не знаю... — пробормотал он.

— Что такое? — спросил Джеймс нетерпеливо.

Зейн поднял взгляд.

— Кажется, все удастся слишком легко. Нет, ну правда. Я имею в виду, сначала у приятеля Ральфа оказывается эта его сумка для камней — в правильное время в правильном месте. Затем, не важно, что вы об этом думаете, но нам реально повезло с заклятием Визиум-Инептио. Еще до этого была куча совпадений — ты сумел найти место, где был спрятан трон Мерлина, заметив королеву вуду на берегу озера в ту ночь и сопоставив это с удачно вышедшей в тот же день статьей в «Ежедневном Пророке» о краже из Министерства. А теперь мы выясняем, что Табита рассекает на посохе Мерлина. Неприятно это говорить, но что это за темный заговор, который так легко может быть раскрыт тремя недотепами-первокурсниками вроде нас?

Джеймс рассердился.

— Да, ты прав, мы просто невероятные везунчики. Учитывая, сколько пришлось потрудиться и необходимость соблюдать крайнюю осторожность. И кроме того, все ведь сходится, верно? То, что участники заговора Мерлина высокомерно полагают, что никто не способен надуть их, вовсе не означает, что все это не по-настоящему. Помните, что случилось, когда мы открыли портфель Джексона? А ведь я еще не успел рассказать вам, что со мной случилось на прошлой неделе!

Ральф подскочил, чуть не сбив на пол стакан с тыквенным соком. Он смотрел на Джеймса около секунды диким взглядом, затем успокоился.

— На прошлой неделе? Когда?

— Той ночью, когда мы ходили к Хагрдиду, после того, как мы

разделились, — ответил Джеймс. Он описал, как коридоры Хогвартса вокруг него превратились в лесную чащу, его странный путь к острову Пещерной Цитадели и таинственную призрачную фигуру, приказавшую ему принести реликтовую мантию ей. Зейн слушал с явным интересом, в то время как лицо Ральфа было белее мела, на нем ничего не отражалось.

Когда Джеймс закончил, Зейн спросил:

— Ты думаешь, что это и правда была дриада?

Джеймс пожал плечами.

— Не знаю. Она была похожа на ту, что мы повстречали в лесу, но в то же время отличалась. Она пульсировала и мерцала, если вы понимаете, о чем я. Я ощущал это буквально у себя в голове.

— Может, это был просто сон, — осторожно заметил Зейн. — Ведь звучит очень похоже.

— Это не могло быть сном. Я в это время находился в коридоре, ведущем к общей гостиной. Я не имею привычки ходить во сне.

— Я просто спросил, — мягко сказал Зейн, опуская глаза.

— Что?! — вскинулся Джеймс. — Может, ты считаешь, что и Мерлин — просто сон тоже? Когда я растворился в воздухе прямо перед твоим носом той ночью, и только призрак Седрика смог вернуть меня обратно?

— Ну, конечно же, не считаю. Просто этот рассказ выглядит странноватым. Был ли ты в лесу или все-таки в коридоре? Что из этого было реальностью? Я имею в виду, понятно, что тебе это все показалось ужасным видением. Но, возможно...

Ральф продолжал изучать свою пустую тарелку.

— Это не было сном.

Джеймс и Зейн уставились на Ральфа.

— Тебе что-то известно, Ральф? — спросил Зейн.

Ральф вздохнул.

— То же самое случилось и со мной.

Глаза Джеймс расширились, у него отвисла челюсть.

— Ты видел Пещерную Цитадель? И дриаду? Ральф, почему же ты молчал?

— Я и не знал, что это были они! — сказал Ральф, поднимая взгляд. — Меня ведь не было с вами в ту ночь в лесу, когда вы видели

остров и повстречались с дриадой, помните? Так вот, на прошлой неделе я направлялся через подземелья к комнатам Слизерина, и тут-то оно и произошло: коридор сменился на лес точно так же, как ты, Джеймс, описывал. Я видел остров и леди — древесного духа — но не понял, что это. Я тогда решил, что она была привидением или чем-нибудь в этом духе. Она сказала, чтобы я принес ей реликвию, но я струсил. У меня не было опыта относительно странных волшебных путешествий-вне-тела и тому подобного. Я попытался убежать прочь и внезапно очутился перед входом в общую гостиную Слизерина, где и должен был быть. Я беспокоился, не спятил ли я, потому и не рассказал. Я подумал, что вся эта магия отрицательно подействовала на мой разум. Честно говоря, я не уверен, не случилось ли того же и с тобой.

— Я даже догадываюсь о причинах, — закивал Зейн.

— Но почему и ты тоже? — спросил Джеймс. — Ведь у тебя нет реликвии. Она хранится у меня.

Зейн склонил голову и оттянул уголок рта в комичном выражении предельной концентрации, возникающем у него, когда он серьезно задумывался.

— Может, это случилось просто потому, что Ральф в Слизерине. Я имею в виду, он участвовал в дебатах против Петры и меня. Таким образом та штука, чем бы она ни являлась, посчитала его чем-то вроде слабого звена. Она могла решить, что сможет заставить Ральфа предать тебя и, выкрыв мантию, принести ее на остров. Я не имею в виду, что ты мог бы, Ральф, — добавил Зейн, покосившись на Ральфа.

— Да все равно. Я в любом случае никогда не притрагивался к этой вещи, — миролюбиво ответил Ральф.

— Полагаю, в этом есть смысл, — признал Джеймс. — Тогда почему подобного не случилось и с тобой тоже, Зейн?

Зейн поднял взгляд к потолку с блаженной улыбкой.

— Потому что я чист как свежесвыпавший снег, конечно же. И к тому же я никогда не возвращался к тому острову. Слишком уж все это странно для меня.

— В любом случае я не смог бы украсть мантию, даже если и захотел бы, — сказал Ральф, наморщив лоб. — На ней ведь Запирающее Заклятие Зейна. Джеймс — единственный, кто может открыть чемодан.

— Думаю, ты мог бы утащить ее вместе с чемоданом, — хмыкнул

Джеймс. — Кто хочет, тот сможет.

— К счастью, этого не будет, — серьезно сказал Ральф.

Зейн отодвинул от себя пустую чашку из-под кофе.

— Дриада, или кто она там, вовсе не обязательно должна знать об особом запирающем заклятье на чемодане, что бы там ни было. Но тот факт, что это случилось с вами обоими, доказывает, что кто-то хочет заполучить мантию и знает, что она у нас. Если это не Джексон и не кто-то из его шайки, то кто тогда?

— Помните, что нам говорила зеленая дриада? — сказал Джеймс. — Она сказала, что деревья проснулись, но многие из них... как она выразилась?

Зейн кивнул, припоминая.

— Она сказала, что они «переменились», как молоко, когда истекает срок его годности или как-то так. Другими словами, некоторые деревья стали плохими. Они на стороне хаоса и войны. Думаете, ваша с Ральфом голубая дриада — одна из этих плохишей, пытающаяся выглядеть хорошей?

— Возможно, — сказал Ральф — Она была красивой и улыбалась, и все такое, но у меня было сильное чувство, что если я не принесу ей мантию, эта улыбка очень быстро обернется голодным оскалом. Вот что напугало меня. Это и ее ногти.

Он вздрогнул.

— Тут нечто большее, чем просто мы и заговорщики Мерлина, — серьезно сказал Зейн. — С этим связаны древесные духи и кто знает что еще. Все, что нам известно, это что каждый в волшебном мире должен выбрать, на чьей он стороне.

— Так или иначе, — убежденно сказал Джеймс, — это доказывает, что эти реликвии невероятно сильны. В неправильных руках, кто знает, какой вред они смогут причинить? Вот почему мы должны выкрасть посох у Табиты.

— Я не понимаю, почему мы просто не можем позвать сюда твоего отца, — вставил Ральф. — Это же его работа — управляться с подобными вещами, разве не так?

— Потому что есть правила, которым он должен следовать, — устало ответил Джеймс. — Он должен привести сюда команду мракоборцев, чтобы обыскать земли. Они не смогут забрать метлу

Табиты просто потому, что мы сказали, что это посох Мерлина, даже если мы предъявим мантию. Они будут измерять уровень магии, выявляя все необычные источники силы. Это затянется на дни. Пока они будут толпиться вокруг, проверяя Табиту, она уберет отсюда свою метлу. Джексон и Делакура тоже пронюхают, что что-то неладно и смоются. Они могут даже попытаться воплотить заговор в жизнь, собраться в Перекрестке Старейших и попытаться призвать Мерлина. Это не сработает без мантии, разумеется, но тогда трон и посох будут потеряны, скрыты, и их будут контролировать темные маги.

Ральф вздохнул.

— Хорошо, хорошо. Ты меня убедил. Мы попытаемся стащить посох Мерлина у Корсики. Но это точно он, так ведь? Затем мы все это отдаем твоему папе и его профи. Они все подчищают, и мы становимся героями. Как бы то ни было. Верно?

Зейн кивнул.

— Да, я с вами. Хватаем метлу и дело сделано. Согласны?

Джеймс согласился.

— Итак, нам нужен план. Идеи?

— Это будет не просто, — решительно сказал Ральф. — Если нам повезло с портфелем Джексона, здесь понадобится вмешательство Бога, чтобы все получилось. В Слизерине такая мощная защита и столько заклинаний против шпионажа, что он почти гудит от них. Они самые недоверчивые ребята, которых я когда-либо встречал.

— Обманщики всегда ожидают обмана, — мудро изрек Зейн. — Но мы забыли одну вещь, и это может быть важнее добычи посоха Мерлина.

— Что может быть важнее этого? — спросил Джеймс.

— Сбереечь реликвию, которая у нас уже есть, — просто ответил Зейн, встретившись глазами с Джеймсом. — Кто-то знает, что мантия у нас, и может снова попытаться заполучить ее. Я не знаю, что это была за магия, но вы двое убеждены, что вас перенесли на остров прямо из залов Хогвартса, верно?

Джеймс и Ральф обменялись взглядами и кивнули Зейну.

— Итак, — продолжил Зейн, — если трансгрессия невозможна на территории Хогвартса, тогда они использовали какую-то другую форму магии, чтобы вытащить вас. Какое-то могущественное заклятие. Кто

сказал, что они не попытаются снова?

Ральф побледнел.

— Я даже не думал об этом.

— Может, она истратила всю свою силу в первый раз, — с сомнением предположил Джеймс.

— Вам двоим лучше надеяться на это, — сказал Зейн, переводя взгляд с одного на другого. — Потому что они уже пытались просить по-хорошему. В следующий раз они не будут столь учтивы.

Тут к Джеймсу пришла такая мысль, что он аж вздрогнул.

— Что? — спросил Ральф, увидев, что Джеймс изменился в лице.

— Удаленная проекция, — сказал Джеймс понизив голос. — Так профессор Франклин назвал способность Делакруа создавать свой двойник. Это не то же самое, что и обычная трансгрессия, потому что она просто посылает нечто вроде своего привидения, но проекция может выглядеть плотнее и влиять на вещи. Я видел это. Призрак создает плотную версию себя из любого доступного материала и затем управляет им как марионеткой. Каким-то образом она использовала его, чтобы перенести трон Мерлина сюда и спрятать его на остров, не будучи обнаруженной.

Зейн нахмурился.

— Ну, и?

— Что, если мы с Ральфом оказались в Пещерной Цитадели именно так? Ральф, ты сказал, что почувствовал, будто вылетел из тела. Что, если это действительно было так? Что, если нас принудили создать удаленную проекцию! Только наши проекции переместились к пещере, а наши тела остались в коридоре как бы... замороженными.

Ральф пришел в ужас от этой мысли. Зейн выглядел задумчивым.

— Это выглядит реальным. Вы оба говорите, что это случилось в коридоре, когда вы были одни. Никто не видел, как ваши тела оставались там в режиме автопилота, пока ваши души или что-то в этом роде выдернули и отправили в Пещерную Цитадель.

— Но это же специализация Делакруа, — сказал Ральф, вздрогнув. — Думаете, она каким-то образом узнала, что мантия у нас?

Джеймс ответил:

— Возможно. Она скользкая, как угорь. Она могла все узнать и не сказать Джексону. Может, она хочет, чтобы вся слава досталась ей.

— Одна вещь мне совершенно ясна, — подытожил Зейн. — Мы не должны оставлять вас двоих в одиночестве. Я думаю, что тот или то, что делает это, не хочет, чтобы секрет выплыл наружу. Вот почему они ждали, пока вы двое останетесь одни на несколько минут. Если вокруг вас будут люди, вероятно, они не смогут повторить попытку.

Ральф был бледен как статуя.

— Если все это правда, это действительно ужасно.

— Что ж, да, — согласился Зейн. — Всегда есть такая возможность. Но мы ничего не можем сделать в этом случае, давайте просто надеяться, что они не будут этого делать.

— Теперь мне гораздо легче, — простонал Ральф.

— Да, ладно, — сказал Джеймс, вставая из-за стола. — Уже поздно, и домовые эльфы начинают коситься на нас. Пора убраться отсюда, пока нас не заподозрили в заговоре.

Трое мальчиков побрели в прохладный сад, болтая о прочих вещах, а затем, связанные обязательствами перед своими факультетами, разошлись по своим делам на весь день.

Вся следующая неделя, к сожалению, была занята. Невилл Долгопупс задал написать одно из своих очень необычных, но требующих кропотливой работы эссе. Джеймс вынужден был проводить огромное количество времени в библиотеке, изучая бесконечные способы использования спинусворта, что осложнялось еще и тем, что каждая часть этого растения от листьев до стебля с корнями и даже его семян использовалась с различными целями — от исцеления болезней кожи до полировки ручек метел. Джеймс как раз дописывал семьдесят девятый пункт в свои записи, когда Морган Патония села за стол напротив него с тяжелым вздохом. Морган, первогодка с Пуффендуя, тоже занималась травологией и тоже работала над этим эссе.

— Ты должен найти всего пять методов использования, — заметила Морган, увидев лист Джеймса. — Ты же знаешь об этом, верно?

— Пять? — переспросил Джеймс слабо.

Морган с радостным презрением дала Джеймсу посмотреть свой лист.

— Профессор Долгопупс задал нам написать про спинусворт потому, что это растение наиболее часто используется в волшебном

мире. Если бы мы писали обо всех способах его использования, мы бы создали энциклопедию, глупый мальчишка.

Джеймс покраснел.

— Я знал это! — сказал он, стараясь казаться высокомерным и скрыть свое раздражение. — Я просто забыл. Ты же не можешь винить меня за тщательно выполненную работу?

Морган захихикала, явно в восторге от того, что Джеймс потратил впустую столько времени. Спустя пару минут Джеймс собрал вещи и отправился в гостиную Гриффиндора с раздражением и облегчением одновременно. Наконец-то его эссе было завершено. На самом деле, поскольку он написал около двадцати трех способов использования спинусворта, он наверняка заслужил множество дополнительных очков. Главное, чтобы Невилл не догадался, что старательность Джеймса при выполнении задания была вызвана невнимательностью на уроке.

Дважды Джеймс видел профессора Делакруа в коридоре и четко ощущал, что она наблюдает за ним. Он никогда на самом деле не видел, чтобы ее глаза были обращены к нему, но поскольку она была слепа, это вряд ли имело значение. Джеймс помнил, как Делакруа управляла супницей с гумбо своей уродливой палочкой из виноградного корня во время ужина с Альма Алерон, не пролив ни капли. Он подозревал, что у Делакруа есть способ видеть, не полагаясь на свои бесполезные глаза. На самом деле, это объясняло, как она могла заметить, что портфель Джексона изменился. Ведь заклятие Визиум-Инептио действует так, что изменяет только то, что люди видят, верно? Тем не менее, она ничего не сказала и даже не замедлила шаг, проходя мимо него. Джеймс решил, что он просто параноик. Кроме того, как заметил Зейн, что это меняет?

Она могла быть одной из тех, кто пытался обмануть Ральфа и Джеймса и забрать реликтовую мантию в Пещерную Цитадель, или это мог быть кто-то другой. В любом случае, они должны быть настороже и не оставаться в одиночестве вне зависимости от того, кто на самом деле является источником опасности.

Джеймс начал понимать, как это на самом деле трудно — не оставаться в одиночестве. Они никогда не задумывался об этом, считая, что в школе размеров Хогвартса такое может случиться крайне редко. Теперь же, когда он стал обращать на это внимание, он осознал, что остается один снаружи или в залах множество раз каждый день, когда

пересекает их по пути на травологию к Невиллу Долгопупсу после трансфигурации или просто идет в туалет посреди ночи. Не оставаться одному в подобных обстоятельствах было довольно сложно, но Зейн, к удивлению Джеймса, был совершенно непреклонен.

— Даже если мы и заполучили мантию с помощью цепочки совершенно невероятных совпадений, я не собираюсь упускать ее из рук только потому, что мы не были достаточно осторожны, — сказал он однажды Джеймсу, провожая его на травологию к теплицам. — Беспечность мерлиновых заговорщиков сработала на нас. Я не собираюсь предоставлять им подарки вроде этого.

Как-то раз Джеймс объяснял Ральфу и Зейну как использовать Заменяющий Заговор в качестве способа сообщения в какой-либо чрезвычайной ситуации. Джеймс заказал три Инновационные Резиновые Утки в магазине Всевозможные Волшебные Вредилки и раздал Зейну и Ральфу по одной.

— Заменяющий Заговор означает, что если я нажимаю на свою утку, обе ваши тоже крякнут, — объяснил Джеймс, ущипнув свою утку.

— Отвали! — хором крякнули все утки.

— Отлично, — сказал Зейн, от души сжимая свою утку, что вызвало хор радостных ругательств. — Итак, если кто-то из вас обнаруживает себя в одиночестве или нуждается в том, чтобы я проводил его в туалет, вы просто крякаете этим, и я прибегу, да?

— Угх, — фыркнул Ральф, стараясь держаться от своей утки на расстоянии. — Ненавижу это. Словно мне снова три года.

— Ну, если ты хочешь снова вылететь из тела, что бы встретиться с несчастным древесным духом, — сказал Зейн, пожимая плечами.

— Я не сказал, что не буду этого делать, — раздраженно ответил Ральф. — Я просто ненавижу это, вот и все.

Зейн повернулся к Джеймсу.

— Итак, как же я узнаю, кто из вас двоих мне крякает?

Джеймс достал черный маркер и нарисовал маленькое «Д» на дне своей утки.

— Теперь посмотрите на своих. Все, что мы делаем с одной уткой, отражается на всех остальных. Когда вы слышите кряк, просто проверьте дно утки и увидите, чьи инициалы там появились.

— Сильно, — сказал Зейн одобрительно. Он поднял свою утку и

сжал ее, словно поздоровался.

— Ешь как в котелке! — весело крикнули утки.

— Хорошо, — сказал Джеймс, пряча свою утку в рюкзак. — Но это будет работать только когда мы будем использовать их исключительно в чрезвычайных ситуациях. Уяснили?

— Почему они просто не пицат? — спросил Ральф, убирая свою.

— Спроси Уизли, — пренебрежительно ответил Джеймс.

Поначалу постоянное общество Зейна или кого-то еще раздражало Джеймса так же, как и Ральфа, но со временем Джеймс привык к этому, и ему даже начало нравиться. Зейн сидел на стуле в углу ванной комнаты, пока Джеймс мылся, тестируя его по защитным заклинаниям или терминологии и ограничениям трансфигурации. Джеймс узнал, что у многих из его одноклассников, включая Морган Патонию, идут занятия Чарами перед Травологией.

Запомнив это, Джеймс торопился после своей трансфигурации к кабинету Заклинаний, а затем в компании Патонии и ее друзей шел к теплицам, избегая таким образом одинокого похода через сад. Постоянно находиться рядом с людьми стало привычным для Джеймса, и в конце концов он почти забыл, для чего это делает. Тем временем прошло несколько недель. Сырость зимы сменилась хрупким весенним теплом, но ни Джеймс, ни Ральф, ни Зейн так и не придумали как заполучить метлу Табиты Корсики. В конце концов, они неохотно признали, что требуется разведка.

— Мне это не нравится, — признался Ральф, подведя двоих друзей к дверям общей комнаты Слизерина. — Я не видел никого кроме слизеринцев здесь уже несколько месяцев.

— Не волнуйся об этом, Ральф, — сказал Зейн, но его голос был менее уверенным, чем обычно. — У нас есть волшебная карта Джеймса. Мы можем еще раз ее проверить, но, как мы знаем, большинство твоих приятелей наблюдают за тренировкой слизеринцев перед турниром. Верно, Джеймс?

Джеймс держал в руках развернутую карту мародеров. Он изучал ее на ходу.

— Насколько я могу судить, в комнатах Слизерина сейчас всего несколько человек, и никто из них не относится к людям, из-за которых мы должны беспокоиться.

— Ты уверен, что правильно читаешь эту штуку? — спросил Ральф, прижимая свое кольцо к глазнице высеченной фигуры змеи на гигантской деревянной двери. — Последнее, что я слышал от тебя по ее поводу, это то, что ты не помнишь, как с ней обращаться.

— Ну, она же работает, не так ли? — раздраженно ответил Джеймс. На самом деле, он волновался по поводу точности карты. Он вспомнил фразу, которая заставляла карту открываться и показывать территорию, но, как заметил его отец, замок сильно изменился с тех пор, как Лунатик, Бродяга, Сохатый и Хвост создали ее. Неправильные куски карты были пусты, за исключением уведомления о необходимости перерисовки, «пожалуйста, попросите помощи у господ Сохатого и Бродяги». Джеймс мог только догадываться о том, что его дед и Сириус Блэк были главными художниками, создавшими карту, но так как они оба были давно мертвы, перерисовать перестроенные части замка было невозможно.

Крошечные имена, отмечающие местоположение людей в замке, передвигались здесь и там, но едва они входили в перестроенную область, они выделялись и начинали мерцать. К счастью, комнаты Слизерина находились под озером и крайне мало пострадали в битве за Хогвартс (Ральф узнал, что только главный вход был уничтожен при осаде). Джеймс мог видеть все участки комнат и залов Слизерина на карте мародеров.

Скульптура змеи задала свой вопрос. Ральф представил себя и объяснил, кто-такие Джеймс и Зейн, и что они его друзья. Светящиеся зеленые глаза внимательно изучили Зейна и Джеймса, а затем сложная система болтов и барьеров, защищающих дверь, открылась.

Ничто не скрывало троих мальчиков, когда они прошли через очевидно пустынную общую комнату Слизерина. Неприятный зеленый солнечный свет, отфильтрованный озерной водой, проникал сквозь витражные потолки, наполняя комнату мутными тенями. Огонь тускло мерцал в огромном камине, напоминающем распахнутую пасть змеи.

— Что может быть лучше, чем почитать книжку перед зияющим роком? — пробормотал Зейн, проходя мимо камина. — Так где они держат свои метлы, Ральф?

Ральф покачал головой.

— Я же уже говорил тебе, что не знаю. Я знаю только, что они не в

общем шкафчике или чем-то подобном, как в Гриффиндоре или Когтеварне. Большинство из этих парней не доверяют друг другу. Каждый имеет личный гардероб со специальным магическим ключом. Все равно их метел здесь сейчас нет, вы в курсе? Они все забрали их на поле для квиддича.

— Мы здесь не для того, что бы стащить ее сейчас, — ответил Зейн, осматривая общую комнату. — Мы здесь просто, чтобы выяснить, где они могут их прятать.

Даже в такой солнечный весенний полдень в комнатах Слизерина царил зеленоватый полумрак.

— Люмос, — сказал Джеймс, вызвав огонек на кончике своей палочки и подняв ее повыше. — Этот коридор ведет к спальням мальчиков, так, Ральф?

— Ага. Комнаты девочек располагаются с другой стороны, наверху тех лестниц.

Зейн двинулся вдоль комнаты по направлению к лестницам.

— Давайте-ка проведем «трусячье сафари» в комнатах девочек. Я в деле!

— Подожди, — решительно остановил его Джеймс. — Здесь наверняка чары. Мальчикам не разрешено входить в спальни девочек. Стоит тебе только приблизиться, как сто процентов поднимется тревога.

Зейн замер, посмотрев на Джеймса, затем вернулся обратно.

— Проклятье! Они все предусмотрели, верно?

— Кроме того, — заметил Ральф через комнату, — здесь они называют это «панталоны».

— Ты сказал «картофель», я сказал «картошка», — пробормотал Зейн.

— Может, вернемся к тому из-за чего мы здесь, в конце концов? — сказал Джеймс настолько громко, насколько осмелился. — Мы должны найти способ украсть метлу Табиты. Даже если все, что мы сможем сделать, это просто выяснить, где она ее хранит.

— Верите или нет, — чопорно сказал Зейн, — я только об этом и думал. Как мы знаем, она спит с этой вещью. И даже если не так, держу пари, что она держит ее достаточно близко, чтобы постоянно приглядывать. Это означает поход на девчачью территорию, так ведь?

Джеймс покачал головой.

— Теперь понимаю, как повезло папе, что у него в команде была тетя Гермiona. У него была бы возможность послать ее в разведку. А вот для нас это реальная проблема.

Едва Джеймс закончил говорить, как с лестницы раздался шум. Мальчики виновато замерли, глядя в сторону лестницы. Послышалось шарканье маленьких ножек, а затем крохотный домовый эльф спустился вниз, балансируя корзиной с грязным бельем на голове. Эльф остановился, увидев троих мальчишек, глядящих на него.

— Мои извинения, господа, — сказал эльф, и Джеймс понял по тембру его голоса, что он женского пола. — Просто собираю стирку, если вы позволите.

Ее глаза-луковички метались между ними тремя. Она, кажется, смутилась, вызвав такой живой интерес. Джеймс понял, что обычно ее игнорировали, даже если она была на виду у всех.

— Без проблем, мисс... — сказал Зейн, слегка кивая и отступая от лестницы.

Эльфийка не двигалась. Ее глаза следили за движениями Зейна с возрастающим ужасом.

— Простите, хозяин?

— Ваше имя, мисс? — повторил Зейн.

— А... Э... Фиггл, хозяин. Простите, хозяин. Фиггл не привыкла, чтобы хозяева и хозяйки говорили с ней, хозяин.

Эльфийка, казалось, дрожала от нервного напряжения.

— Уверен, что это так, Фиггл, — понимающе сказал Зейн. — Видишь ли, я член организации, о которой ты, возможно, слышала. Мы зовемся... э... — Зейн взглянул на Джеймса, вытаращив глаза. Джеймс припомнил, как рассказывал Зейну и Ральфу о том, как тетя Гермiona боролась за равноправие домовых эльфов.

— О... А... Г. А. В. Н. Э. Гражданская Ассоциация Восстановления... э... Независимости Эльфов?

— Да, как он сказал, — кивнул Зейн, поворачиваясь обратно к дрожащей Фиггл. — Г.А.В.Н.Э. Ты о нас, без сомнений, слышала. Мы помогаем эльфам, которые не могут помочь себе сами.

— Фиггл не надо, хозяин. Ни капельки. У Фиггл много работы, хозяин.

— Вот именно, моя дорогая Фиггл. Мы в Г.А.В.Н.Э., работаем над

тем, чтобы уменьшить объем работы. На самом деле, в качестве акта доброй воли, я мог бы помочь тебе прямо сейчас. Пожалуйста, могу я помочь тебе отнести это?

Фиггл была в полном ужасе.

— О, нет, хозяин. Фиггл не может! Хозяин не должен насмехаться над Фиггл, сэр!

Джеймс не представлял, как Зейн разрешит эту шараду, но было сомнительно, что это как-то рассосется. Домашние эльфы, особенно те, кто работал в Слизерине, часто подвергались издевательствам и насмешкам со стороны своих хозяев. Фиггл выглядела так, словно готова была расплакаться от ужаса.

Зейн встал на колени так, чтобы его глаза были на уровне глаз Фиггл, стоящей на второй ступеньке лестницы.

— Фиггл, я не собираюсь обижать тебя или втравливать в неприятности. Я обещаю. Я не слизеринец. Я из Когтеврана. Ты знаешь Когтевран?

— Фиггл знает, хозяин. Фиггл собирает стирку в Когтевране по вторникам и пятницам. В Когтевране пахнет намного меньше, чем в Слизерине, хозяин, — пролепетала эльфийка, кажется, немного успокоившись.

— Я буду рад помочь тебе, Фиггл. Это слишком много, чтобы нести. Могу я отнести это для тебя?

Фиггл плотно сжала губы, балансируя на лезвии ножа: между тем, чтобы счесть это шуткой и необходимостью делать то, что ей говорят. Ее глаза, размером с теннисные мячики, изучали Зейна, затем, наконец, она один раз быстро кивнула.

— Отлично, Фиггл. Ты хороший эльф, — успокаивающе сказал Зейн. — Есть еще белье для прачечной наверху, так ведь? Я вижу, ты складываешь все около двери. Я соберу за тебя все остальное, — он сделал шаг вверх по лестнице.

— О, нет, хозяин! Подождите! — закричала Фиггл, вскидывая руки. Корзина на ее голове слегка накренилась, и она легко ее уравнивала. — Хозяин нарушит границу. Фиггл не может позволить, чтобы другие видели, что ей помогают.

Фиггл прыжком преодолела последние две ступени и повернулась к лестнице. Она вскинула руки и щелкнула пальцами. Что-то изменилось

в дверном проеме. Джеймс мог поклясться, что кто-то выключил свет, хотя освещение в комнате не изменилось.

— Теперь хозяин может подняться. Но, пожалуйста, хозяин... — снова Фиггл, казалось, мучилась между страхом и повинованием. — Пожалуйста, хозяин, не трогайте ничего, кроме корзины. Потом Фиггл помоем все подвалы. Хорошо? — Она, похоже, мечтала о том, чтобы поскорее закончить с этим и уйти.

— Конечно, — ответил Зейн, улыбаясь. Поколебавшись, он поставил ногу на первую ступеньку. Ничего не случилось.

— Я скоро вернусь, парни, — сказал Зейн через плечо и побежал вверх по лестнице.

Джеймс сдержал вздох и услышал, что Ральф сделал то же самое. Фиггл наблюдала, как Зейн поднимался по лестнице, затем взволнованно оглянулась на Джеймса и Ральфа. Ральф пожал плечами и улыбнулся ей. Это была довольно жутковатая улыбка, подумал Джеймс. Фиггл, казалось, этого не заметила. Она прошла мимо мебели, легко балансируя огромной корзиной на голове и сгрузила ее на большую кучу около двери.

— Джеймс, — тихо сказал Ральф, — карта.

Джеймс кивнул и снова развернул карту мародеров. Для начала он посмотрел в верхний правый угол карты, где было показано поле для квиддича и трибуны. Множество имен теснилось там, большинство на трибунах, но несколько летало по полю. Тренировка слизеринцев еще не закончилось, хотя, похоже, там стало меньше людей на метлах. Вероятно, они были где-то поблизости на земле, обсуждали стратегию или что-нибудь в этом роде. Он осмотрел имена на трибунах и на поле. Там были Скваллус, Норберт, Битлбрик и множество других, которых Джеймс не знал.

Джеймс заметил, что Фиггл подняла руки, так же, как домовые эльфы делали в Большом зале, чтобы собрать скатерти. Куча белья сгрудилась в большой шар, простыня обернулась вокруг него, создавая кокон, и связала свои кончики. Фиггл бросила небольшое количество розового порошка на огромный шар из грязного белья и снова щелкнула пальцами. Шар исчез, предположительно, для того, чтобы вновь появиться в прачечной. Она нервно бросила взгляд на лестницу.

— Ну? — спросил Ральф Джеймса сдавленным, обеспокоенным

ГОЛОСОМ.

— Я не вижу Табиту, — ответил Джеймс, стараясь, что бы его голос звучал спокойно. — Или Филию Гойл. Их больше нет на поле, насколько я вижу.

— Что? И где же они?

— Не знаю. Кажется они просто исчезли с карты в данный момент.

Фиггл смотрела на них с тревогой, широко распахнув глаза. Она чувствовала, что что-то стало намного хуже, чем было минуту назад. Джеймс внимательно следил за каждым белым пятном, чтобы не пропустить, если Гойл и Корсика появятся из них. Он не спускал глаз с пятна перед дверью в комнаты Слизерина.

— О, нет, — сказал он, широко распахнув глаза. — Они идут сюда! Что они собираются здесь делать сейчас?

— Спрячь карту! — сказал Ральф, его лицо было пепельно-белым. — Выходи! Зейн! — крикнул он вверх по лестнице. Ответа не последовало.

Выражение лица Фиггл сменилось от тревожного до панического.

— Госпожа Корсика идет! Фиггл сделала ужасную вещь! Фиггл будет наказана!

Она кинулась к лестнице, щелкая пальцами на бегу. Снова возникло ощущение перемены, как будто включили свет, и Джеймс понял, что Зачарованная граница вернулась. Послышался топот шагов и голоса от входной двери в общую комнату. Джеймс свернул Карту Мародеров и запихнул ее в свой открытый рюкзак. Ральф бросился на ближайшую кушетку в попытке создать впечатление полного безделья. Дверь распахнулась в тот момент, когда Джеймс забросил на плечо свой рюкзак и повернулся.

Табита Корсика и Филия Гойл шагнули в дверной проем. Их взгляд упал на Джеймса, и они смолкли. Табита была одета в спортивную мантию и черные капри, она держала метлу на плече. Ее волосы были собраны в «конский хвост» и хотя она всего пару минут назад летала над полем для квиддича на своей невероятной волшебной метле, она выглядела свежей и легкой как тюльпан. Она заговорила первой.

— Джеймс Поттер, — сказала она мягко, мгновенно оправившись от удивления от встречи с ним, — какой сюрприз.

— Что ты тут делаешь? — спросила Филия более зло.

— Филия, не будь грубой, — сказала Табита, беззаботно проходя вглубь комнаты и мимо Джеймса. — Мистеру Поттеру так же рады у нас, как, я уверена, были бы рады нам в Гриффиндоре. Если у нас не будет доброй воли в эти трудные времена, то что у нас останется? День добрый, мистер Дидл.

Ральф что-то прохрипел с кушетки, выглядя при этом на редкость неловко и некомфортно. Филия продолжала тяжело сверлить Джеймса взглядом с враждебным выражением лица, но промолчала.

— Это позор для команды Гриффиндора по квидичу — сказала Табита из угла комнаты, где она повесила свою мантию. — Мы всегда любили играть против Гриффиндора во время турнира, верно, Ральф? Я уверена, это болезненно для твоих друзей — не иметь возможности сразиться с нами, как мы говорим, Джеймс. Пожалуйста, вырази им наши симпатии. Кстати... — Табита пересекла комнату, направляясь к лестнице, ведущей в спальню девочек. — Я видела нескольких игроков Когтеврана на поле, изучающих наши приемы. Интересно, почему вашего друга Зейна не было среди них. Вы его не видели? — она уперлась метлой в пол, наблюдая за лицом Джеймса.

Джеймс покачал головой, не решаясь заговорить.

— Хм, — задумчиво протянула Табита. — Это любопытно. Однако. Пойдем, Филия.

Джеймс в ужасе смотрел, как Табита и Филия начинают подниматься по лестнице. Он отчаянно пытался придумать хоть какой-нибудь способ их отвлечь, но ничего не приходило в голову.

— Заткнись! — неожиданно раздался хор приглушенных кричающих голосов.

Табита и Филия замерли на полушаге. Филия, стоящая на нижней ступеньке, гневно обернулась. Табита повернулась к ним несколько медленнее, сохраняя выражение вежливого удивления на своем лице.

— Ты что-то сказал? — спокойно спросила она у Джеймса.

Джеймс кашлянул.

— Эм, нет. Прошу меня извинить. Я просто подавился.

Табита некоторое время сверлила его взглядом, затем слегка повернула голову и сузила глаза в сторону Ральфа. Наконец она все-таки снова двинулась вверх по лестнице и исчезла за дверью вместе со следующей за ней Филией, продолжавшей время от времени

оглядываться на них с злобным выражением лица. Еще несколько секунд были слышны их шаги наверху. Но не раздавалось ничего, похожего на гневные вопли или звуки борьбы.

— Чертов уродец! — снова крикнуло несколько голосов.

— Этот ненормальный! — воскликнул Ральф, подпрыгивая и сгребая свою сумку. — Что он творит?!

— Ладно, пойдем, — сказал Джеймс, направляясь к двери. — Если он по-прежнему там, то мы все равно ничем не можем помочь.

Они выбежали в коридор и несколько раз свернули в случайно выбранные проходы прежде, чем, наконец, остановиться. Тяжело дыша, с колотящимися сердцами они достали резиновых уток из рюкзаков, и каждый начал изучать свою собственную, хотя обе они были совершенно одинаковыми. Одно слово было нацарапано на дне уток черными чернилами: «Прачечная!»

— Вот ведь чокнутый негодяй! — повторял Ральф, смеясь от облегчения. — Фиггл просто спустила его вниз, в подвалы, вместе с остальным грязным бельем! Давай оставим его там.

Джеймс ухмыльнулся:

— Нет, давай заберем его, пока он не оказался в машине для отжимания белья. Может, он и заслужил это, но сначала я хочу узнать, что он смог найти.

Мальчики побежали искать прачечную в подвалах. Джеймс остановился только раз, чтобы спросить дорогу у крайне наблюдательного слуги с картины, изображающей толпу обедающих рыцарей.

— У меня было едва ли пара минут для того, чтобы осмотреться до того, как Фиггл взлетела по лестнице как пушечное ядро, — рассказал Зейн Джеймсу и Ральфу, когда они отыскали его в прачечной. — Она швырнула в меня пригоршню розового порошка и пуф! — я здесь.

Ральф с трепетом взглянул на огромные медные валики и лязгающие механизмы, предназначенные для стирки. Эльфы хлопотали вокруг них, полностью игнорируя троих мальчишек, в подвале кипела работа, как в улье, пока те проходили через него. Двое эльфов опрокинули в чаны тачку сухого мыла. Белые хлопья заполнили все вокруг и как снег опустились на волосы мальчиков.

— Поверьте, через пару минут это не будет казаться вам таким уж

интересным, — сказал Зейн напряженно, — особенно, когда леденцовая гильдия не позволит вам уйти.

Трое эльфов столпились вокруг Зейна, глядя на него с явной враждебностью.

— Фиггл привела сюда, в прачечную, человека, мы не отпустим его, пока кто-нибудь не объяснит зачем? — сказал самый старый и сварливый эльф скрипучим голосом. — Согласно кодексу Хогвартса по поведению и правилам, люди не должны мешать эльфам работать, раздел тридцать, пункт шесть. Итак, кто вы двое такие?

Джеймс и Ральф озадаченно переглянулись. Ральф сказал:

— Мы его... ну, мы его друзья, так ведь? Мы пришли, чтобы вернуть его обратно наверх.

— Вы? — сказал эльф, сердито глядя на них. — Фиггл сказала, что этот человек пытался сделать ее работу за нее, так она сказала. Сказала, он говорил о благополучии эльфов и прочую чушь. Она была справедливо обижена. Нельзя допускать определенные вещи, вы понимаете. У нас есть соглашение о сотрудничестве со школой.

— Он так больше не будет, — попытался смягчить Джеймс. — Он плохо разбирается в таких вещах. Простите. Он ускользнул от нашего надзора на минутку. Это больше не повторится.

Зейн выглядел обиженным, но благоразумно промолчал. Глава эльфов хмуро глядел на Джеймса. Джеймс постарался выглядеть в глазах эльфа смиренно и кротко, или хотя бы угрюмо вежливым. Здесь, на их рабочей территории, правила были совершенно другими. У эльфов было соглашение о сотрудничестве со школой, как сказал глава эльфов. Это звучало почти как если бы они были объединены в профсоюзы, и одним из основных правил эльфийского договора было то, что только эльфы делают работу эльфов. Возможно они считают это охраной труда. Джеймс не знал, как тетя Гермиона это воспринял: как повышение или как понижение.

Наконец глава эльфов проворчал.

— Я пойду против наилучшего решения, знаете. Вы трое теперь на испытательном сроке. Малейшее нарушение эльфийского протокола — и вы отправитесь к Директрисе. У нас соглашение о сотрудничестве, знаете ли.

— Да, я слышал, — пробормотал Зейн, закатив глаза.

— Но вы даже не знаете наших имен, — заметил Ральф. — Как вы можете следить за нами, если даже не знаете, кто мы такие?

Джеймс ткнул его под ребра.

Глава эльфов ухмыльнулся, глядя на своих товарищей, которые улыбались немного смущенно.

— Мы эльфы, — просто сказал он, — а теперь убирайтесь и, надеюсь, мы больше не увидимся.

Коридоры, ведущие к прачечной были, что неудивительно, узкими и низкими, Джеймс, Зейн и Ральф вынуждены были семенить в полушаге друг от друга, чтобы выбраться из них.

— Не знаю, поздравить тебя или дать пинка, — сказал Ральф Зейну. — Из-за тебя нас чуть не поймали Корсика и Гойл.

— Зато мне удалось побывать в женской спальне Слизерина, — с усмешкой заметил Зейн. — Скольким еще довелось повидать такое?

— Или хотелось этого? — добавил Джеймс.

— Будь вежлив или я не стану рассказывать тебе, что я там нашел.

— Есть что-то хорошее? — сказал Ральф.

— Не совсем, — вздохнул Зейн. — В девчачьей спальне около каждой кровати есть деревянный шкаф, только один из них был открыт, и я заглянул в него. В общем, можно сказать просто, я больше не удивлен тем, что Табита хранит там свою метлу.

Они дошли до большой двери в конце пролета небольшой лестницы. Джеймс толкнул ее, открывая, обрадованный тем, что оказался вдали от жара и шума прачечной.

— Что ты имеешь в виду?

— Ну, это волшебные шкафы, конечно же, хотя они не ведут в какую-либо волшебную страну. Тот в который я заглянул, выглядел как помесь косметички и гардеробной. Сказать по правде, это выглядело так, словно там взорвался бутик. Один из тех, действительно крутых, но с налетом вампирской готики. Там была бутылка с невидимым кремом и, судя по всему, я не думаю, что слово «невидимый» было метафорой.

— У всех девочек есть такие шкафы? — спросил Ральф.

— Точно такие же.

Джеймс нахмурился.

— Наши шансы снова попасть в спальню для девочек Слизерина нулевые. И даже если бы мы смогли, как мы узнаем, который из шкафов

принадлежит Корсике, не говоря уж о том, как мы его откроем?

— Я говорил тебе, что это просто невозможно, — напомнил Джеймсу Ральф.

— А еще там пахнет как от комода моей бабушки, — сказал Зейн.

— Можешь обойтись без подробностей? — воскликнул Джеймс. — Это серьезно. Мы по-прежнему не знаем, где Зал Пересечения Старейших или где Джексон и Делакура планируют собрать все элементы вместе. Все, что нам известно, это что все случится сегодня ночью.

— Что? — сказал Ральф. — Ты же говорил, что они не могут ничего сделать без всех реликвий.

Зейн серьезно вздохнул.

— Да, но если они попытаются сделать это, и ничего не выйдет, они скроются с остальными реликвиями, и мы никогда их не найдем.

Ральф вскинул руки.

— Ладно. Должен быть другой путь. Я имею в виду, она же вынимает метлу из шкафа время от времени, так ведь? Мы видели ее с ней сегодня. Что, если мы стащим ее во время матча по квиддичу?

Зейн ухмыльнулся.

— Мне это нравится. Особенно, если мы сделаем это, когда она будет футах в ста над землей.

— Снова невозможно, — сказал Джеймс в отчаянии. — Еще со времен моего отца вокруг поля устанавливают защитные заклинания, чтобы защитить людей от вмешательства в матч. Было несколько случаев, когда темные маги пытались проклясть его или сбросить с метлы. Однажды куча дементоров заявила прямо на поле. После этого была установлена официальная граница. Ни одно заклинание не может проникнуть за нее или выйти наружу.

— Что такое дементор? — спросил Ральф, расширив глаза.

— Лучше тебе не знать, Ральф, поверь мне.

— Ну, тогда, похоже на то, что нам придется вернуться к первому образцу, — двояко заметил Зейн. — У меня из идей — всё.

Ральф внезапно остановился посреди коридора. Зейн врезался в него, отлетел назад, но Ральф ничего не заметил. Он пристально смотрел на одну из картин, висящих в коридоре. Джеймс заметил, что это была та картина, у которой они останавливались, чтобы спросить

дорогу в прачечную. Очень наблюдательный слуга в заднем углу картины привлек внимание Джеймса на пути вниз, но только как человек, способный указать дорогу. Джеймс уже почти привык к случайным наблюдающим персонажем на картинах по всему Хогвартсу. Слуга угрюмо уставился на Ральфа, пока рыцари на картине поднимали свои пивные кружки и индюшачьи ножки, счастливо похлопывая друг друга по частично закованным в броню спинам.

— Ну прекрасно, — сказал Зейн, потирая ушибленное о Ральфа плечо. — Посмотри, что ты наделал, Джеймс. Теперь Ральф тоже будет останавливаться возле каждой пятнадцатой картины. И это не самое лучшее, что могло случиться, если ты спросишь меня. Вы двое — самые странные поклонники искусства, которых я когда-либо встречал.

Джеймс сделал шаг, приблизившись к картине вплотную, чтобы изучить слугу, стоявшего в полутени с полотенцем, переброшенным через плечо. Фигура отступила назад, и Джеймс был уверен, что она пытается скрыться в темном углу нарисованной залы.

— В чем дело, Ральф? — спросил он.

— Я уже видел это раньше, — ответил Ральф довольно смущенно.

— Ну да, мы же останавливались возле этой картины минут десять назад, не так ли?

— Да, точно. Он и тогда показался мне знакомым, но я не стал заострять на этом внимание. А теперь он стоит по-другому...

Ральф внезапно опустился на одно колено, бросив перед собой портфель на пол, быстро открыл его и начал что-то искать внутри, почти безумно, словно боялся, что озарение, посетившее его, упорхнет до того, как он успеет его подтвердить. Наконец он торжественно извлек книгу и снова встал, шурша чем-то перед собой. Зейн и Джеймс столпились за ним, стараясь разглядеть хоть что-то за широкими плечами Ральфа. Джеймс узнал книгу. Это был антикварный учебник зельеварения, который его мама и папа подарили Ральфу на Рождество. Пока Ральф листал страницы, Джеймс мог видеть примечания и формулы, которые теснились на полях, втиснутые между чертежами от руки и диаграммами. Вдруг Ральф прекратил листать. Он сжал открытую книгу двумя руками и медленно поднял так, чтобы она была на уровне наблюдательного слуги с заднего плана картины. Джеймс открыл рот от удивления.

— Это тот же чувак! — порывисто сказал Зейн.

Действительно, справа, на полях одной из последних страниц книги зелий, был старый карандашный эскиз наблюдательного слуги. Это, несомненно, была та же фигура, вплоть до крючковатого носа и угрюмой, ссутуленной позы. Слуга с картины слегка отпрянул от книги и затем пересек зал настолько быстро, насколько это можно было сделать не переходя на бег. Он остановился за одной из колонн, поддерживающей нарисованный зал. Рыцари за столом проигнорировали его. Джеймс внимательно следил за ним, прищурив глаза.

— Я знал, что они похожи, — гордо сказал Ральф. — Он стоял по-другому, когда мы в первый раз проходили мимо, так что я сразу не понял. Только сейчас, когда он встал в точно такую же позу, как нарисовано в книге. Это странно.

— Можно посмотреть? — спросил Джеймс.

Ральф пожал плечами и передал книгу Джеймсу. Джеймс склонился над ней и пролистал к началу. Поля первой сотни страниц были заполнены в основном пометками и заклинаниями, многие части были замазаны и переписаны другими чернилами, как если бы автор пометок улучшил свою работу. К середине книги, однако, рисунки и чертежи начали преобладать над пометками. Они были схематичными, но очень хорошими. Джеймс узнал многие из них. Здесь был набросок женщины с заднего плана картины, изображавшей королевский двор. Несколько страниц спустя он нашел два детальных изображения толстого лысого волшебника с картины, изображающей отравление Перакла. Снова и снова он узнавал эскизы и героев с картин по всему Хогвартсу, второстепенные фигуры, которые наблюдали за Джеймсом и его друзьями с алчным, нескрываемым интересом.

— Поразительно, — сказал Джеймс тихим благоговейным голосом. — Все эти рисунки с картин по всей школе, видите?

Ральф бегло просмотрел рисунки в книге, а затем снова взглянул на картину. Он пожал плечами.

— Это странно, но не удивительно. Я имею в виду, этот парень, которому принадлежала эта книга, скорее всего, тоже был студентом здесь, верно? Кажется, он был слизеринцем, как и я. Поэтому твой отец и отдал мне эту книгу. Вероятно, он любил искусство. Многим

любителям искусства нравится делать наброски с картин. Большое дело.

Джеймс наморщив лоб переводил взгляд с эскиза наблюдательного слуги на его эквивалент с картины, который по-прежнему скрывался за колонной на заднем плане.

— Нет, это не просто наброски, — сказал он, медленно качая головой. — Это оригиналы или настолько близко к ним, что невозможно найти отличий. Не спрашивайте, откуда я знаю. Я просто знаю. Тот, кто сделал эти наброски, был настоящим мастером подделок... или это был сам художник.

Ральф задумался на мгновение, а затем покачал головой.

— В этом нет никакого смысла. Эти картины были написаны в разное время, невозможно, чтобы один и тот же парень написал их всех. Кроме того, многие из этих картин старые. Гораздо старше этой книги.

— О, в этом есть замечательный смысл, — сказал Джеймс, закрывая книгу зелий и глядя на ее обложку. — Тот, кто нарисовал это, не рисовал картины целиком. Подумайте об этом: ни один героев с этих набросков не является доминирующим ни на одной из картин. Каждый из них нарисован как совершенно незначительный персонаж второго плана. Тот, кто их нарисовал, просто вписал персонажей в уже готовые картины.

Зейн вытянул уголок рта и наморщил лоб.

— Зачем кому-то делать подобное? Это как граффити, но никто их не заметит, кроме парня, который это нарисовал. Какой в этом интерес?

Джеймс напряженно думал. Он кивнул сам себе и снова взглянул на старую книгу у себя в руках.

— Кажется, у меня есть идея, — сказал он, задумчиво сузив глаза. — Мы выясним это точно. Сегодня вечером.

— Прекрати, Ральф! — взмолился шепотом Джеймс. — Ты опять тянешь! Вот она снова задралась. Мои ноги у всех на виду!

— Ничего не могу поделать! — застонал Ральф, нагибаясь так низко, как мог. — Я знаю, ты говорил, что твой отец и его друзья постоянно так делали, но одной из них была девушка, помнишь?

— Да, и она не ела по семь раз на день, наверняка, — заметил Зейн.

Троица шла по темному коридору, скрючившись под мантией-невидимкой. Они встретились у основания лестницы и, за исключением одного напряженного момента, когда Стивен Метцкер, старшекурсник с

Гриффиндора, брат Ноя, миновал их в коридоре, тихо напевая, они никого не встретили. Когда они дошли до статуи одноглазой ведьмы, Джеймс велел им остановиться. Троица неуклюже отманеврировала в угол, и Джеймс раскрыл Карту Мародеров.

— Не понимаю, почему мы должны заниматься этим втроем, — пожаловался Ральф. — Я доверяю вам обоим. Вы могли бы просто рассказать мне все завтра за завтраком.

— Ты был явно обеспокоен, когда мы планировали это, Ральфинатор, — прошептал Зейн. — Так что держи свои нервы при себе теперь.

— Это было днем. И я родился вообще без нервов, чтоб ты знал.

— Шшш, — зашипел Джеймс.

Зейн склонился над картой.

— Кто-то идет?

Джеймс покачал головой.

— Нет, все тихо. Филч в своем кабинете внизу. Не знаю, спит ли он когда-нибудь, но сейчас, вроде бы, замок чист.

Ральф выпрямился, поднимая мантию-невидимку на фут от пола.

— Тогда почему мы вообще под этой штукой?

— Это традиция, — ответил Джеймс, не отрывая глаз от карты.

— Кроме того, — добавил Зейн, — что прикольного в том, чтобы иметь мантию-невидимку и не слоняться в ней по залам невидимыми там и тут?

— Здесь нет никого, чтобы увидеть нас, — заметил Ральф.

Джеймс велел им переместиться в правый угол перекрестка. Вскоре они подошли к горгулье, охранявшей лестницу, ведущую в кабинет Директрисы. Джеймс мог поклясться, что она наблюдает за их ногами под мантией, хотя она оставалась совершенно неподвижной. Джеймс надеялся, что пароль не изменился с тех пор, как он сопровождал Невилла в кабинет Директрисы несколько месяцев назад.

Он прочистил горло и тихо произнес:

— Ээ... водяной петух?

Горгулья, которая была сравнительно новой, пришедшей на замену поврежденной во время битвы за Хогвартс, слегка сдвинулась с места со скрежещущим звуком открывающихся мавзольных дверей.

— Это что-то как лесо-зеленое поле, или голубое небо, или

красный узор? — спросила она неторопливо. — Никак не могу запомнить.

Джеймс обратился к Ральфу и Зейну резким шепотом.

— Лесо-зеленое поле? Я не знаю, что это такое! Это было слово, которое Невилл использовал, чтобы войти!

— Как он ответил на вопрос потом? — спросил Зейн.

— Она не задавала ему никаких вопросов!

— Это шотландская модель, я думаю, — просипел Ральф. — Моя бабушка помешана на них. Просто скажи «да».

— Ты уверен?

— Конечно, я не уверен! Ну, скажи «нет»! Откуда мне знать?

Джеймс повернулся обратно к горгулье, которая, похоже, пристально разглядывала его ботинки.

— Э, да, конечно.

Горгулья закатила глаза.

— Повезло, наверно.

Она выпрямилась и отошла в сторону, открывая проход на винтовую лестницу. Трое мальчиков протиснулись мимо нее и встали на первые ступеньки, лестница тут же стала подниматься вверх, прихватив их с собой. Коридор перед кабинетом директрисы открылся перед ними, и они вывалились в него, ругаясь и толкаясь под мантией.

— Вот и он, — раздраженно сказал Ральф, сдергивая с себя мантию и тут же испуская сдавленный крик. Джеймс и Зейн скинули мантию и нервно огляделись, ища то, что напугало Ральфа. Призрак Седрика Диггори стоял перед ними с озорной улыбкой.

— Тебе действительно не стоит так делать, — сказал Ральф, переводя дыхание.

— Простите, — сказал Седрик своим далеким голосом. — Меня попросили быть здесь.

— Кто просил тебя? — спросил Джеймс, стараясь скрыть раздражение в голосе. Волоски у него на шее все еще стояли дыбом. — Как кто-то мог узнать, что мы собираемся сюда сегодня?

Седрик просто улыбнулся, а потом ткнул пальцем в сторону тяжелой двери, ведущей в кабинет Директрисы. Она была заперта.

— Как вы собираетесь пройти через это?

Джеймс почувствовал, что его щеки запылали от смущения.

— Я забыл про это, — признался он. — Она закрыта, да?
Седрик кивнул.

— Не волнуйтесь об этом. Вот почему я здесь, я полагаю.

Призрак повернулся и легко прошел сквозь дверь. Спустя мгновение мальчики услышали звуки отпираемого замка. Дверь бесшумно распахнулась, и Седрик улыбнулся, приглашая их. Джеймс вошел первым. Зейн и Ральф удивились, когда он сразу отвернулся от массивного директорского стола. В комнате царил полумрак, разгоняемый красноватым светом, шедшим от камина. Джеймс зажег огонек на конце своей палочки и поднял ее.

— Уберите эту штуку от моего лица, Поттер, — произнес тихий голос, растягивая слова. — Вы разбудите остальных, а я подозреваю, это должен быть приватный разговор.

Джеймс пригасил свою палочку и посмотрел на стену с портретами. Все ее обитатели спали в различных позах, тихонько похрапывая.

— Да, вы правы, — согласился Джеймс. — Извините.

— Как я погляжу, вы все-таки пришли к верному заключению, — сказал портрет Северуса Снейпа, взгляд его пронизательных черных глаз пригвоздил Джеймса к месту. — Теперь расскажите мне, что, как вы считаете, вам известно.

— На самом деле, это нельзя называть «пришли», здесь не было особых логических размышлений, — признался Джеймс, поглядывая на Ральфа. — Он обнаружил это. У него есть та книга. Снейп закатил глаза.

— Эта проклятая книга принесла больше проблем, чем она заслуживала. Нужно было уничтожить ее, пока я еще мог. Продолжай. Джеймс глубоко вдохнул.

— Ну, я знал, что что-то происходит, когда заметил, что все эти герои с картин следят за нами. Я также заметил, что все они выглядят немного похожими, хотя все они совершенно разные. Не думаю, что свел бы все воедино, если бы Ральф не показал мне рисунки в книге зелий. Я знал, что книга принадлежала слизеринцу, которого мой отец уважал, так что я подумал про вас, и мы все просто пришли сюда. Вы нарисовали всех этих героев на картинах по всей школе, и каждый из них является вашим портретом, но измененным. Вот как вы следили за нами. Вы распространили сами себя через все эти картины. И поскольку

вы настоящий художник, никто другой не может их уничтожить. Это ваш способ подстраховки, вы можете следить за всем, даже после смерти.

Снейп хмуро изучал Джеймса. Наконец, он слегка кивнул.

— Да, Поттер, совершенно верно. Немногие знают об этом, но у меня были некоторые естественные склонности к подобному. Будучи адептом зельеварения, смешивать необходимые зачарованные краски было несложно. Потребовалось некоторое время, чтобы отточить мои навыки в достаточной мере для того, чтобы изменить картины, но, как и любое другое искусство, живопись, в основном, дело практики и обучения. Я согласен с вами в том, что вы никогда не смогли бы свести все воедино, если бы не мое собственное слепое высокомерие, позволившее этой книге продолжить свое существование. Может, я и гений, но гордость стала причиной падения больших гениев, чем я. Тем не менее, это было очень успешной задумкой. Я мог наблюдать за вами и остальными во время школьных проделок вполне свободно. А теперь скажите мне: зачем вы пришли ко мне сейчас? Позлорадствовать из-за вашей удачи?

— Нет, — решительно сказал Джеймс и умолк. Он не хотел говорить то, что собирался сказать. Он боялся, что Снейп посмеется над ним или хуже того, откажет в просьбе. — Мы пришли... мы пришли просить вас о помощи.

Выражение лица Снейпа не изменилось. Он серьезно изучал Джеймса в течение долгого мгновения.

— Вы пришли просить о помощи, — сказал он, словно желая убедиться, что правильно расслышал Джеймса. Джеймс кивнул. Снейп слегка прищурил глаза. — Джеймс Поттер, я никогда не предполагал, что скажу подобное, но вы, наконец, сумели произвести на меня впечатление. Величайшей слабостью вашего отца было то, что он отказывался обращаться за помощью к тем, кто знал больше и лучше него. Ему всегда требовалась их помощь в конце, но обычно после огромного, а иногда и непоправимого ущерба. Вы, похоже, избавились от этой слабости, хоть и неохотно. Если бы вы пришли к осознанию этого пару недель назад, мы бы могли не полагаться на чистую удачу и хорошей расклад, чтобы спасти вас от участи худшей, чем смерть.

Джеймс снова кивнул:

— Да, спасибо вам за это. Я знаю, это вы послали Седрика чтобы помочь нам, когда мы открыли портфель Джексона.

— Что было безрассудно и невежественно с вашей стороны, Поттер. Вы должны были быть лучше осведомлены, хотя я удивился бы, будь оно так. Мантия невероятно опасна, и вы совершаете колоссальную глупость, храня ее здесь. Как бы мне ни не хотелось это признавать, вы должны передать ее вашему отцу.

— Что еще вы знаете о заговоре Мерлина? — взволнованно спросил Джеймс, проигнорировав упрек.

— Я знаю немногим больше, чем вы, к сожалению, большая часть знаний, которые я накопил, взяты мной из легенд и множества предыдущих попыток вернуть Мерлина Амброзия. Исследования, я вас уверяю, были бы вам гораздо полезнее, чем ваши нынешние нелепые попытки похитить посох Мерлина.

— Почему это они нелепые? — спросил Зейн, подходя ближе.

— А, шут заговорил, — фыркнул Снейп приглушенно, — мистер Уолкер, я полагаю.

— Это справедливый вопрос, — заметил Джеймс, взглянув на Зейна. — Посох наверняка гораздо опаснее мантии. Мы не можем оставить его в руках людей, которые верят, что Волан-де-Морта просто неправильно поняли, и на самом деле он был милым парнем, который хотел со всеми дружить.

— И кто же эти люди, Поттер? — спросил Снейп спокойно.

— Ну, Табита Корсика, для начала.

Снейп взглянул на Джеймса с откровенным презрением.

— Типичные гриффиндорские предрассудки.

— Предрассудки! — воскликнул Джеймс. — Какой факультет считает, что все магглорожденные волшебники слабее чистокровных? Какой факультет придумал термин «грязнокровка»?

— Никогда не произносите этого слова при мне, Поттер, — опасно сказал Снейп. — Вам кажется, что вы знаете, о чем говорите, но позвольте мне спасти вас от вашего невежества и напомнить вам, что то, что вы знаете, так же ограничено, как и односторонне. Легко судить о людях, основываясь на их принадлежности к факультету, это еще одна величайшая ошибка вашего отца. Я надеялся, что вы выше этого, основываясь на вашем выборе компании, — черные глаза Снейпа

обратились к Ральфу, который попятился, молча наблюдая.

— Ну, Ральф совсем другой, так ведь? — слабо возразил Джеймс.

Снейп среагировал быстро, его глаза снова обратились к большому мальчику.

— Он? Другой в чем, мистер Поттер? Что именно, как вы верите, вы знаете о членах факультета мистера Дидла? Или, осмелюсь спросить, что знает он сам?

— Я знаю, что сказал нам древесный дух, — сказал Джеймс, повернувшись к портрету, его голос поднялся от гнева. — Я знаю, что род Волан-де-Морта не прервался и находится в этих залах сейчас. Его кровь бьется в другом сердце. Наследник Волан-де-Морта жив и находится среди нас.

— И почему вы так уверены, — резко сказал Снейп, — что этот наследник со Слизерина? Или что это мужчина?

Джеймс открыл рот, чтобы ответить, но снова закрыл его. Он осознал, что дриада на самом деле ничего подобного не говорила.

— Ну, просто... такое чувство...

Снейп кинул, улыбка снова скользнула на его лицо.

— В самом деле? Возможно, вы все-таки ничему не научились, — Снейп вздохнул, кажется он был искренне разочарован. — Что вы хотите спросить, Поттер? Я вижу, вы будете гнуть свою линию независимо от того, что я говорю, так что давайте покончим с этим.

Джеймс почувствовал себя малышом перед портретом бывшего директора школы. Зейн и Ральф стояли у него за спиной, и Джеймс знал, какой вопрос он задаст. Это была больше его битва, чем их. Его битва против заговора Мерлина, да, но более важно, его битва против самого себя и тени его отца.

Он встретился взглядом с черными глазами Снейпа.

— Если мы не сможем получить посох Мерлина, я хочу пробраться в в Перекресток Старейших. Я хочу остановить их до того, как они навсегда скроются вместе с посохом и тронном.

Джеймс уловил движение Зейна и Ральфа у себя за спиной. Он повернулся к ним.

— Я не могу просить вас двоих идти со мной, но сам я обязан. Я должен попытаться остановить их.

Снейп громко вздохнул.

— Поттер, вы действительно так же глупо и нелепо погружены в себя, как и ваш отец. Избавьтесь от мантии. Отдайте ее вашему отцу или Директрисе. Они поймут, что надо делать. Я объясню им. Вы не можете надеяться на то, что управитесь с этим самостоятельно. Вы произвели на меня впечатление один раз. Постарайтесь и сделайте это еще раз.

— Нет, — сказал Джеймс решительно. — Если я скажу им, Джексон, и Делакруа, и все остальные исчезнут. Вы знаете это так же хорошо, как и я. Две реликвии будут утрачены навсегда.

— Без объединения всех трех их сила не работает.

— Но, не исчезает, — настаивал Джеймс. — Они по-прежнему остаются могущественными. Мы не можем допустить, чтобы они были использованы для продолжения дела Волан-де-Морта. Мы не можем рисковать тем, что они попадут в руки наследника Волан-де-Морта.

Снейп нахмурился.

— Если он вообще существует.

— Рискованно не верить в это, — возразил Джеймс. — Где Перекресток Старейших?

— Вы не знаете, о чем спрашиваете, Поттер, — пренебрежительно сказал Снейп.

— Мы сами найдем его, Джеймс, — сказал Зейн, снова подходя ближе. — Нам не нужны советы этой старой мазни. Мы уже зашли так далеко. И это тоже выясним.

— Вы живы только благодаря подозрительной удаче и моему личному вмешательству, — рявкнул Снейп. — Не забывайся, парень.

— Это правда, — заметил Ральф.

Джеймс и Зейн повернулись к нему, удивленные, что он заговорил. Ральф сглотнул и продолжил: — Нам действительно везло до сих пор. Я на самом деле не очень знаю, кто вы такой, мистер Снейп, но благодарен вам за помощь в тот раз, когда Джеймс надел мантию. Я думаю, Джеймс прав. Мы должны попытаться остановить их и добыть оставшиеся реликвии. Вы слизеринец, и вы сказали, что вещи, которые говорят о Слизерине, не всегда верны. Ну, одна из вещей, которые говорят о слизеринцах, заключается в том, что мы всегда думаем только о себе. Я не хочу, чтобы это было правдой. Я с Джеймсом и Зейном, даже если мы провалимся. Несмотря ни на что.

Снейп выслушал неожиданное выступление Ральфа, сурово глядя и продолжая хмуриться. Когда Ральф закончил, он осмотрел всех трех мальчиков по очереди и снова вздохнул.

— Вы все совершенно сумасшедшие, — отрезал он. — Это бессмысленная и опасная фантазия.

— Где Зал Пересечения Старейших? — снова спросил Джеймс.

Снейп смотрел на него, ежеминутно качая головой.

— Как я уже сказал, Поттер, вы не знаете, о чем спрашиваете.

— Почему не знаем? — заговорил Зейн.

— Потому что Зал Пересечения Старейших это не место, мистер Уолкер. Вы, как и любой из вас, должны были понять это. Если бы любой из вас был бы достаточно внимателен в последние месяцы, вы бы поняли это. Зал Пересечения Старейшин — это событие. Подумайте об этом немного, мистер Уолкер. Пересечение старейшин.

Зейн моргнул.

— Старейших... — начал он задумчиво. — Подождите минутку. Так астрологи Средневековья называли астрологические знаки. Планеты. Они называли их «старшие».

— Перекресток Старейших... — Джеймс сосредоточился, а потом расширил глаза, догадавшись. — Встреча, выравнивание планет! Зал Пересечения Старейших — это когда пути всех планет пересекаются. Когда они... образуют зал, проход!

— Выравнивание планет, — согласился Ральф с восторгом в голосе. — Это не место, а время!

Снейп тяжело смотрел на троих мальчиков.

— Не только, — сказал он покорно, — это момент, когда планеты встанут в ряд и все три реликвии Мерлина Амброзия будут собраны вместе. Вот где и когда возвращение Мерлина станет возможным. Таковы были его условия. И если я не сильно ошибаюсь, на ваш безумный план у вас есть меньше недели.

Зейн щелкнул пальцами.

— Вот почему королева вуду заставляла нас так точно вычислить момент выравнивания! Она сказала, это будет ночь, которую мы никогда не забудем, и она не шутила! Вот когда они планируют собрать все реликвии вместе.

— Пещерная цитадель, — прошептал Джеймс. — Вот где они это

сделают. Трон уже там, — два других мальчика кивнули. Джеймс почувствовал, что покраснел от страха и волнения. Он посмотрел на портрет Северуса Снейпа.

— Спасибо.

— Не благодарите меня. Послушайтесь моего совета. Если вы планируете пройти через это, я не смогу вам помочь. Никто не сможет. Не будьте дураками.

Джеймс попятился, гася свою палочку и пряча ее в карман.

— Пошли, вы двое. Пора возвращаться.

Снейп смотрел, как Джеймс сверяется с Картой Мародеров. Это была не первая встреча Снейпа с картой. Однажды карта обошлась с ним довольно нахально. Убедившись, что Филч по-прежнему в своем кабинете, троица укрылась под мантией-невидимкой и прошла обратно через дверь кабинета директрисы в холл. Снейп продолжал следить за Филчем, который, как он знал, спал в своем кабинете с полупустой бутылкой огненного виски на столе. Один из автопортретов Снейпа был вписан в картину со сценой охоты в кабинете Филча, и Снейп мог бы легко использовать его, чтобы предупредить завхоза, и тот сцапал бы троих мальчишек. Нехотя он решил этого не делать. Хорошо это или нет, такие мелкие гадости не доставляли ему больше удовольствия. Призрак Седрика Диггори, с которым Снейп успел познакомиться раньше кого бы то ни было, закрыл дверь за мальчиками и задвинул засов.

— Благодарю вас, мистер Диггори, — тихо сказал Снейп, перебивая храп, доносящийся с других картин. — Вы свободны проводить их до спален. Или нет. Мне все равно.

Седрик кивнул Снейпу. Снейп знал, что призрак не любит говорить с ним. Что-то в разговоре призрака с картиной вызывало беспокойство у мальчика. Ничего формально человеческого в конечном итоге, понял Снейп. Седрик отпустил сам себя и ушел сквозь деревянную дверь.

Одна из картин рядом со Снейпом перестала храпеть.

— Разве он не копия своего отца? — задумчиво произнес старческий голос.

Снейп откинулся обратно в свой портрет.

— Он похож на него только с худших сторон. Он — Поттер.

— Ну и кто теперь легко судит? — поддразнил другой голос.

— Это не легкое суждение. Я следил за ним. Он так же высокомерен и глуп, как и другие, что носили эту фамилию. Не притворяйся, что не видишь этого.

— Я вижу, что он пришел просить твоей помощи.

Снейп неохотно кивнул.

— Остается надеяться, что у этого порыва будет шанс созреть. Он обратился за помощью, только когда исчерпал все другие варианты. И, как ты заметил, он на самом деле не принял ни один из моих советов.

Старческий голос умолк на мгновение, а затем спросил:

— Ты скажешь Минерве?

— Возможно, — сказал Снейп, размышляя. — Возможно, нет. Пока я буду делать то, что я делаю всегда. Я буду наблюдать.

— Ты думаешь, есть шанс, что он и его друзья смогут преуспеть?

Снейп не ответил. Минуту спустя старческий голос продолжил:

— Им манипулируют. Он не знает об этом.

Снейп кивнул.

— Я полагаю, нет никакого смысла говорить ему об этом.

— Ты, вероятно, прав, Северус. У тебя инстинкт в подобных вещах.

Снейп многозначительно ответил:

— Я научился помалкивать от хозяина, Альбус.

— Несомненно, ты прав, Северус. Несомненно, ты прав.

Глава 15. Шпион из мира маглов

Мартин Джон Прескотт был Репортером. Он всегда думал о слове как о чем-то, полностью капитализированном. Для Мартина профессия Репортера была большим, чем просто работой. Он был с ней единым целым, не просто еще одним чтецом новостей с экрана или очередным именем под статьей в газете. Он был тем, кого продюсеры в эпоху постоянного круглосуточного потока новостей называли «личностью». Он подчеркивал собой новости. Он обрамлял их. Он окрашивал их. Не то чтобы в негативном ключе, по крайней мере, он в это твердо верил. Он просто добавлял ту самую щепотку таланта, которая превращала новости в Новости, иными словами, в нечто, что другие люди могут захотеть посмотреть или почитать.

С одной стороны, Мартин Джон Прескотт имел запоминающуюся внешность. Он носил белые рубашки на пуговицах с джинсами, рукава обычно были слегка закатаны. Если ему случалось надевать галстук, то тот был безупречного стиля, хотя и немного ослаблен, как бы говоря зрителям «Да, я очень много работаю, но уважаю своих зрителей достаточно, чтобы не терять уровень своего профессионализма».

Мартин был строен, нестар и хорош собой, его очень темные волосы всегда, казалось, развевались на ветру, что создавало сказочное впечатление.

Но, как Мартин с гордостью говорил присутствующим на завтраке Пресс-Клуба, его внешний вид не имел никакого отношения к профессии Репортера. Он обладал чутьем на людей, а также на новости.

Он знал, как соединить одно с другим так, чтобы результат вызвал наибольший эмоциональный отклик.

Но самым главным, что делало Мартина Джона Прескотта Репортером с большой буквы, было то, что он любил истории. Там, где иные высокооплачиваемые, ведущие новостей давным-давно собрали команду прислужников, мечущихся туда и сюда, собирая ценные кадры и интервью, в то время как сами они спокойно посиживали в раздевалках, изучая свои рейтинги, Мартин гордился тем, что своих результатов он добился сам, путешествуя и проводя расследования.

Правда же состояла в том, что Мартин обожал свое ремесло, «погоня» была его страстью. Быть корреспондентом для него было равнозначно тому, чтобы быть охотником с камерой вместо ружья. Мартину нравилось самому выслеживать свою добычу.

Он наслаждался погоней, размытыми снимками, сделанными на ходу карманным фотоаппаратом, задаванием идеально подобранных вопросов, длительным ожиданием за дверями суда или подозрительного гостиничного номера. Мартин занимался всем этим сам, зачастую в одиночестве, временами снимал сам себя в процессе, поддерживая своих зрителей в напряжении в ожидании развязки. Никто другой не сумел бы проделать все так, как он, и в этом был секрет его славы.

У Мартина был, как говорят о самых лучших Репортерах, нюх на новости. И его нюх говорил, что история, которую он раскручивал сейчас, если она удастся, если он сможет предоставить реальные, неподдельные кадры, это будет история всей его жизни. Даже сейчас, скорчившись в кустах, грязный и потный, с грязными и спутанными волосами, в которые набились прутики и листья, после всех неудач и провалов, он по-прежнему чувствовал, что эта история укрепит его карьеру. На самом деле, чем труднее ему становилось, тем упорнее он расследовал. Даже после привидения. Даже после того, как его вышвырнул в окно ребенок-убийца. Даже после ужасного столкновения

с гигантским пауком. Мартин считал неудачи как доказательство значимости.

Чем тяжелее расследование, тем оно ценнее. Он испытывал мрачное удовлетворение от осознания того, что если бы он просто нанял команду исследователей, чтобы все здесь проверить, они бы сбежали отсюда еще несколько месяцев назад, едва встретив первые признаки магического сопротивления этого места, без самого крошечного рассказа. Это такая история, которая может быть рассказана только им. Это, говорил он себе с удовольствием, особый материал. Больше никаких полевых репортажей. Никаких специальных отчетов. Если все удастся, Мартин Джон Прескотт сможет выбрать свой собственный путь в любом из крупнейших новостных агентств в стране. Но зачем останавливаться на этом? С такой историей в кармане он мог бросить якорь в любой точке мира, не так ли?

Но нет, сказал он сам себе. Не стоит думать об этом сейчас. Он должен выполнить работу. Сложную и чрезвычайно ответственную работу, но Мартину доставляло удовольствие исполнять самую тяжелую ее часть. После месяцев разведки и организации, планирования и наблюдения, пришло время грандиозной награды, ставки сделаны.

Если последняя часть расследования пойдет не по плану, он уйдет ни с чем. Он не смог заполучить хороших, четких кадров, кроме видео на карманной камере с того соревнования на метлах, несколько месяцев назад. Этого могло бы хватить, но они были утеряны, принесены в жертву — неохотно! — гигантскому пауку, во время его бегства через лес. Тем не менее, он не заикливался на неудачах. Нет, это сработает. Все пройдет по плану. Так и будет. Он же Мартин Джон Прескотт.

По-прежнему скорчившись за опушкой леса, Мартин проверил, ловит ли сотовый. Большая часть его полевого снаряжения была потеряна в лесу. Его мобильный вообще едва работал и вел себя крайне странно. Прошлой ночью он пытался с помощью своего планшета связаться со своим офисным компьютером, как вдруг экран стал весь розовый и начал транслировать текст довольно грубой песни про ежей*. К счастью, его камера и мобильный неплохо работали до инцидента с пауком. Теперь же, телефон был практически всем, что у него осталось, и несмотря на то, что экран отображал странную смесь цифр, восклицательных знаков и иероглифов, он, похоже, мог поддерживать

связь. Удовлетворенный, Мартин заговорил.

— Прямо сейчас, я затаился за замком, укрывшись в объятиях леса, который был моим домом время от времени в течение последних изнурительных месяцев. До сих пор я просто наблюдал, стараясь не беспокоить то, что может оказаться простой сельской школой или интернатом, несмотря на сообщения моих источников. Теперь, я уверен, что пришло время мне приблизиться. Если мои источники не правы, я просто столкнусь с недоумением и тем сортом юмора, который встречается в провинциальной Шотландии. Но если, тем не менее, мои источники верны, как я предполагаю, основываясь на моих собственных наблюдениях до этого момента, возможно, я отправляюсь в лапы своей судьбе. Я встаю. Сейчас середина утра, около девяти часов, но я никого не вижу. Я осторожно покидаю свое укрытие и ступаю на территорию школы. Мартин осторожно пополз вокруг полуразвалившегося домика на окраине леса. Огромного, лохматого человека, за которым он часто шпионил, нигде не было видно. Мартин выпрямился, уверенный в смелости своего первоначального подхода. Он начал пересекать аккуратно подстриженное поле между хижинкой и замком. По правде, он не верил, что ему угрожает серьезная опасность. У него было инстинктивное чувство, что более серьезная опасность находится позади него, в этом жутком, мистическом лесу. Он действительно разбил лагерь на окраине леса, с другой стороны, подальше от замка, там где деревья выглядели более нормально, и где было меньше тревожных звуков по ночам. Тем не менее, его походы туда и обратно через густые участки леса были довольно странными, мягко говоря.

Но на самом деле, после паука, от которого он спасся только благодаря удаче, он больше ничего такого не встречал. В смысле, он считал, что возможно, было бы лучше, если бы встретил. Знакомое чудовище, как паук, например, гораздо лучше, чем те неизвестные фантомы, которые создавало воображение Мартина в ответ на странные звуки, которые он слышал во время долгих лесных прогулок. За ним шпионили, он знал. Большие фигуры, тяжелые фигуры преследовали его всегда, слева или справа, скрываясь за деревьями. Он знал, что они наблюдают за ним, и он так же чувствовал, что, в отличие от паука, они разумны. Возможно, они были враждебны, но, в первую очередь, они были любопытны. Мартин даже почти решился окликнуть их,

потребовать, чтобы они показались. Но, вспомнив паука, он решил, что невидимый монстр, которому любопытно, лучше видимого спровоцированного монстра.

— Замок, как я уже упоминал, действительно огромен, — прошептал Мартин в маленький микрофон, прикрепленный к воротнику. Микрофон соединялся с телефоном на поясе. — Мне довелось немало попутешествовать, но до сих пор не приходилось видеть столь древнего замка в столь безукоризненном состоянии.

Окна, за исключением того, через которое я вылетел несколько месяцев назад, украшены витражами, рамы довольно прочные. На каменной кладке не видно трещин... — Это было не совсем так, но в основном соответствовало действительности. — Сегодня замечательный весенний денек. Небо ясное и очень тепло. Сейчас я, не скрываясь, пересекаю огромные ворота, открытые нараспашку. Справа... справа собралась большая компания, похоже, они заняты игрой в футбол на чем-то вроде поля. Я... я не могу сказать, что ожидал этого. Они явно не обращают на меня внимание. Я продолжаю свой путь.

Мартина заметили только тогда, когда он прошел в ворота. Он замедлил шаг, продолжая уверенно двигаться вперед. Его целью было просто проникнуть вглубь замка настолько, насколько это возможно. Он преднамеренно не взял с собой камеру. Камеры и фотоаппараты практически всегда вызывали неприязнь. Людей с камерами обычно вышвыривали отовсюду. Кто-то же, просто прогуливающийся, идущий уверенно и целенаправленно, может вызвать любопытство, но редко бывает остановлен. По крайней мере, до того, как станет слишком поздно. Во внутреннем дворе множество молодых людей, передвигающихся тут и там небольшими группами. У многих из них были с собой сумки и книги. Ближайшие к Мартину оборачивались ему вслед, в основном, с выражением любопытства на лицах.

— Это же... похоже, как и во всем мире... школьники, — тихо сказал Мартин в свой микрофон, проходя мимо студентов через двор. — Молодые люди в мантиях, все школьного возраста. Они кажутся удивленными моим присутствием, но не враждебны. На самом деле, пока я приближался ко входу в замок, кажется, я привлек внимание

практически всех. Извините.

Последнее было сказано Теду Люпину, который только что показался из прохода вместе с Ноем Мецкером и Сабриной Хильдегард. Все трое сразу же умолкли, как только странный мужчина в белой рубашке и незавязанном галстуке проскользнул между ними. Перо в волосах Сабрины качнулось, когда она обернулась, чтобы посмотреть на него.

— С кем он говорит? — спросил Тед.

— И кто, чертова преисподняя, это такой? — добавила Сабрина. Троица повернулась к открытым дверям замка, чтобы посмотреть, как мужчина осторожно прокладывает свой путь через вестибюль. Ученики расступались перед ним, с первого взгляда признавая, что этот человек здесь не к месту. По-прежнему, никто, казалось, особо не беспокоился. Некоторые даже озадаченно улыбались.

Мартин продолжал говорить в свой микрофон:

— Все больше и больше тех, кого я временно называю учениками. Сейчас их вокруг меня десятки. Я двигаюсь по чему-то вроде большого зала. Здесь есть... подсвечники, огромный дверной проем. Статуи. Картины. Картины... картины... картины... — впервые Мартин лишился дара речи. Он забыл про учеников, столпившихся вокруг него, разглядывавших его, пока он делал пару шагов к самой большой из картин, украшавших вестибюль. На картине группа пожилых волшебников собралась вокруг большого хрустального шара, их белые бороды отражали его сияние. Один из волшебников заметил смотрящего человека в белой рубашке и галстуке. Он выпрямился и нахмурился.

— Вы одеты не по форме, молодой человек, — сурово воскликнул волшебник. — Вы выглядите как пугало. Осмелюсь сказать, у вас листья в волосах.

— Картины... картины, они... — сказал Мартин, его голос стал на октаву выше, чем обычно. Он откашлялся и взял себя в руки — Картины двигаются. Они, за неимением лучшего определения, как нарисованные фильмы, но живые. Они... обращаются ко мне.

— Я обращаюсь к равным, молодой человек, — сказал волшебник. — А такими как вы, я повелеваю. Прочь, хулиган!

Несколько смешков раздалось из толпы учеников, но было так же и

растущее чувство беспокойства. Никого раньше не удивляли движущиеся картины. Этот человек был либо психом-волшебником, либо он был... ну, это было немыслимо. Магл не может попасть в Хогвартс. Ученики образовали большой круг него, как если бы он был тихим, но опасным животным.

— Ученики окружили меня, — сказал Мартин, оборачиваясь, его глаза были дикими. — Я попытаюсь прорваться, я должен двигаться дальше.

Мартин двинулся вперед, и периметр из учеников легко распался, они последовали за ним. Теперь они перешептывались. Нервная болтовня преследовала мужчину, и он начал повышать голос.

— Я вхожу в большой зал. С высоким потолком. Я уже был здесь, но поздно ночью, в темноте. Да, это зал с движущимися лестницами. Очень коварными. Здесь работают поразительные механизмы, но они совершенно бесшумны.

— Что он сказал про механизмы? — спросил кто-то из толпы студентов. — Кто этот парень вообще такой? Что он здесь делает?

Последовал хор озадаченных ответов.

Мартин убыстрил шаг, прошел мимо лестниц, уже крича во весь голос.

— Мое присутствие начинает вызывать некоторое сопротивление. Меня могут остановить в любой момент. Я... я миновал лестницы.

Мартин завернул за угол и оказался в центре группы учеников, играющих в «Складки и сверла» в светлой нише. Он резко остановился и отпрянул, когда сверло, старый квофл, остановился в трех дюймах от его лица, плавая и медленно вращаясь.

— Оу, о чем ты думал, просто заходя прямо в середину чертова матча? — спросил один из игроков, поводя своей палочкой и поднимая квофл. — Это же опасно. Ты должен следить за собой.

— Летающие... вещи! — пискнул Мартин, выпрямляясь и судорожно расправляя рубашку. — Я... палочки. Настоящие волшебные палочки и левитирующие предметы! Это просто замечательно! Я никогда не видел...!

— Эй, — резко сказал другой игрок в «Складки и сверла». — Кто это такой? Что он несет?

Кто-то выкрикнул:

— Кто его пустил? Он же маг! Наверняка!

— Это же человек с поля для квиддича! Нарушитель!

Толпа начала кричать и толкаться. Мартин проскользнул мимо игроков в «Складки и сверла», потеряв часть преследовавшей его толпы.

— Я по-прежнему спешу дальше. Коридоры ведут во всех направлениях. Здесь... э, насколько я понимаю, это учебные комнаты. Вхожу в первую попавшуюся...

Он ворвался в первую учебную комнату справа от него, преследуемый вереницей озадаченных кричащих учеников. Комната была длинной и глубокой. Ученики, занимающиеся здесь, повернулись на своих стульях, ища источник беспорядка.

— На первый взгляд, все кажется относительно нормальным, — попытался перекричать растущий шум Мартин, осматривая комнату. — Ученики, учебники, какой-то учитель, который... который, который, кооторый...

Снова голос Мартина ослаб, и он, казалось, потерял над ним контроль. Он выпучил глаза и начал задыхаться. Его рот продолжал работать, издавая сиплые дребезжащие звуки. В начале класса призрачный профессор Биннс, который не всегда хорошо осознавал время, еще не заметил заминки. Он бубнил, его голос был высок и спокоен, как ветер в бутылке. Наконец, профессор заметил задыхающегося Мартина Дж. Прескотта и прервался, нахмурившись.

— Кто этот человек, могу я поинтересоваться? — спросил Биннс, глядя сквозь свои призрачные очки.

Мартин, наконец, втянул достаточное количество воздуха.

— Призрааааак! — испуганно заорал он, указывая на Биннса. Он задрожал. Когда студентов, загородивших проход, грубо оттолкнули в сторону вошедшие профессор Долгопупс и директриса МакГонагалл в сопровождении Теда и Сабрины, Мартин упал в обморок. Он тяжело приземлился между двумя столами в задней части комнаты. Ученики, сидевшие за столами, шарахнулись в стороны. Бутылочка с чернилами упала на пол и разбилась.

Директриса МакГонагалл быстро подошла к мужчине и остановилась в нескольких футах от него.

— Может, кто-нибудь будет так любезен и объяснит мне кто этот

человек, — грозно спросила она, — и почему он лежит в обмороке в моей школе?

Джеймс Поттер проложил себе путь через толпу. Взглянув на мужчину, растянувшегося между столов, он глубоко вздохнул и сказал:

— Думаю, я могу, мэ.

Пятнадцать минут спустя Джеймс, МакГонагалл, Невилл Долгопупс и Бенджамин Франклин суетились в кабинете директора, а Мартин Прескотт был зажат между ними. Мартин пришел в себя на полпути к кабинету и сразу же закричал от ужаса, осознав, что Невилл левитирует его по коридору. Невилл, в свою очередь, так испугался его крика, что едва не уронил Мартина, но вовремя оправился и довольно осторожно опустил его на пол. Кроме объяснения Джеймса, что это тот же человек, который вылетел в витражное окно, а затем был замечен на поле для квиддича, разговор в кабинете директора продвигался очень медленно. Едва дверь в кабинет закрылась за ними, МакГонагалл заговорила.

— Я только хочу узнать, кто вы, почему вы здесь и самое главное, как вам удалось проникнуть сюда, — порывисто сказала она, стоя за своим столом. — Как только мы выясним это, вы будете удалены отсюда немедленно и ни следа каких-либо воспоминаний о том, что вы здесь видели, не останется, это я могу вам обещать. Теперь говорите.

Мартин сглотнул и оглядел собравшихся. Увидев Джеймса, он скривился, вспомнив столкновение со стеклом, и потом болезненное падение. Он сделал глубокий вдох.

— Во-первых, мое имя Мартин Джон Прескотт. Я работаю на новостную программу, которая называется «Взгляд изнутри». И во — вторых, — сказал он пристально глядя на директрису, — я был ранен на этой земле. Я не хочу придавать этому официальную огласку, но вы должны понимать, что я вправе требовать компенсации за эти травмы. И как бы то ни было, у меня не сложилось впечатления, что это здание застраховано.

— Как вы смеете? — воскликнула МакГонагалл, склоняясь над столом и встречаясь взглядом с Мартином. — Вы вероломно проникли в замок, где у вас нет ни права находиться, ни понимания, как вести себя... — она покачала головой, а затем продолжила, понизив голос. — Я не буду изводить вас угрозами. Очевидно, что вы магловского

происхождения, так что я проявлю капельку терпения с вами. Отвечайте на мои вопросы добровольно или я буду более чем счастлива прибегнуть к более простому способу допроса.

— Ах, — сказал Мартин, пытаясь придать голосу уверенности, хотя на самом деле он заметно дрожал. — Вы, должно быть, имеете в виду что-то вроде этого.

Он залез в карман рубашки и достал маленький флакон. Джеймс понял, что видел его в руках человека, когда встретил его в кабинете зельеварения.

— Да, я вижу по вашему лицу, что вы знаете, что это такое. Взял некоторое время назад, чтобы проверить. Действительно, сыворотка правды. Я капнул две капли в чай коллеги и не мог заткнуть его в течение часа. Я узнал про него такие вещи, которые, наверно, не забуду до конца жизни, говорю вам.

— Вы тестировали неизвестное зелье на ничего не подозревающим человеке? — прервал его Франклин.

— Ну, я же не знал, что оно делает, так ведь? Я думал, от двух капель не будет никакого вреда, — он снова поднял бутылку, разглядывая ее на свет. — Сыворотка правды. Если бы она была опасна, вы бы, пожалуй, не стали ее хранить прямо там, на полке, где до нее кто угодно может добраться.

Лицо МакГонагалл стало белым от ярости.

— В этих залах мы полагаемся больше на дисциплину и уважение, чем на решетки и запоры. Вашему другу удивительно повезло, что вы не стащили флакон с шипом наргла или соком тарффа.

— Не пытайтесь запугать меня, — сказал Мартин, конечно, очень запуганный и злой сам на себя. — Я просто хочу показать вам, что знаю ваши трюки. Я следил за вами и изучал вас некоторое время. Вы не сможете заставить меня выпить ни одно из ваших зелий или использовать на мне трюки для промывания мозгов. Я отвечу на ваши вопросы, но только потому, что хочу, чтобы вы ответили на мои.

Невил сжал свою палочку.

— И почему же, скажите на милость, вы верите, что мы не сможем просто применить к вам заклятие забвения, которое очистит вашу память от всех воспоминаний об этом месте, и не выбросим вас у ближайшей автострады?

Мартин постучал по крошечному микрофону, закрепленному в петлице.

— Вот почему. Мой голос и все, что говорили вы, были отосланы через мой телефон на компьютер в моем офисе. Все записано. В маленьком городке меньше чем в трех километрах отсюда находится съемочная группа и группа экспертов в различных областях, которых я просил помочь мне в расследовании...

— Расследование! — недоверчиво повторила Директриса. — Абсолютно и однозначно об этом не может быть и речи!

Мартин перебил ее:

— Один из тех людей является агентом специальной полиции Британии.

Джеймс буквально кожей ощутил тишину, повисшую в кабинете при упоминании полиции маглов. Из разговоров между его отцом и другими должностными лицами Министерства он знал, что одно дело — наложить Забвение на одного человека или даже конкретную группу, и совсем другое — когда в этом замешан кто-то из магловских бюро расследований.

— Эта местность должна быть интересна высшим инстанциям, — продолжал Мартин. — Они наверняка захотят разместить здесь агента, но я уверен, что это одна из тех историй, которые оказываются уникальными, вызывают большой интерес. Это пока не официальные требования, конечно. Просто удивительно, поскольку нет никаких документов о постройках такого масштаба на этой территории. Суть такова: если я не позвоню им в течение двух часов с указаниями, как им попасть сюда, они немедленно вернуться в офис, получат запись этого разговора и всего того, что произошло со мной здесь, и распространят эту информацию, как посчитают нужным. Это может показаться невероятным многим людям, я полагаю.

Школа в замке, где мертвец из ниоткуда учит детей как работать с настоящей магией, палочки и все такое. Но ваш секрет, тем не менее, может выйти наружу. Ваши ученики защищены здесь, в этом секретном месте, но они должны когда-нибудь пойти домой, так ведь? И я готов поспорить, что те дома не так хорошо защищены, как это место. Будет следствие. Вам выбирать. Один путь или другой.

Лицо директрисы МакГонагалл стало жестким и белым, как

могильная плита. Она просто смотрела на худого мужчину в белой рубашке. Франклин нарушил молчание.

— Мой дорогой сэръ, вы не понимаете, о чем просите, — он снял очки и шагнул к Мартину. — Ваш план, несомненно, приведет к закрытию этой школы и, возможно, многих других подобных ей. Все присутствующие и многие, многие другие потеряют средства к существованию и возможность получить образование. Более важно то, что вы настойчиво требуете возвращения магического мира в мир маглов независимо от того, готовы они к этому или нет. И что тогда? Это не пойдет на благо человечества, я полагаю. Нет, я подозреваю, ваши стремления гораздо более... ограничены. Пожалуйста, подумайте прежде, чем продолжить. Здесь замешаны силы, в которых вы не компетентны, хотя, возможно, вы действуете от лица одной из них. Я чувствую, что вы не плохой человек, или по крайней мере, не очень плохой человек. Подумайте, мой друг, прежде, чем вы сделаете выбор, который обречет вас на порицание поколений.

Мартин слушал слова Франклина, но, казалось, на самом деле не замечал их. Затем, словно выйдя из оцепенения, он сказал:

— Ты же Бенджамин Франклин, верно? — он ухмыльнулся и помахал пальцем перед Франклином. — Ты сразу показался мне знакомым! Это удивительно. Послушай, я знаю, что ты не расположен обсуждать это прямо сейчас, но у меня есть два слова для тебя: эксклюзивное интервью... Подумай об этом, ладно?

— Мистер Прескотт, — сказала Директриса, и голос ее был подобен камню. — Вы не можете требовать от нас принять решение немедленно. Мы должны обсудить это.

— Верно, — добавил Невилл. — Даже если мы согласимся на ваши условия, вы должны работать на наших условиях. Может быть, в этом какая-то польза для нас, учитывая абсолютную значимость того, что вы собираетесь предпринять, я даже не знаю. Но, тем не менее, нам нужно какое-то время.

— Как я сказал, — ответил Мартин, чувствуя себя гораздо комфортнее теперь, когда он поверил, что взял верх, — у вас есть два часа. Ну, девяносто четыре минуты, на самом деле.

— Ответьте мне, мистер Прескотт, — сказал Франклин, вздохнув. — Как вы проникли на территорию школы? Прежде чем мы

продвинемся дальше в этой шараде, мы должны узнать это.

Мартин ответил:

— У вас есть кресло? Это замечательная история.

Невилл демонстративно достал свою палочку. Не спуская глаз с Мартина, он указал палочкой на деревянный стул в углу и довольно грубо левитировал его. Стул метнулся вперед, почти сбив Мартина с ног. Мужчина некрасиво плюхнулся на сиденье, и стул опустился на пол.

— Продолжайте, — сказал Невилл, присев на угол стола директрисы. МакГонагалл опустилась в свое кресло, но по-прежнему была натянута как струна. Франклин и Джеймс остались стоять.

— Впервые я получил письмо, в котором рассказывалось об этом месте, в сентябре прошлого года, — начал Мартин, подавшись вперед и потирая зад, злобно посматривая на Невилла. — «Взгляд» предлагает вознаграждение в сто тысяч фунтов за доказательство паранормального явления, и джентельмен, написавший письмо, казалось, думал, что Хогвартс может предоставить подобные доказательства в избытке. Честно говоря, мы получаем тысячи писем за год от людей, мечтающих получить вознаграждение. Они включают все от смазанных фотографий с летающими тарелками, которые на самом деле представляют собой ломтики поджаренного хлеба с лицами святых, вырезанными на них. «Взгляд» никогда на самом деле не собирался отдавать деньги. Они неплохо продают необъяснимые новости время от времени, но когда дело доходит до веры, большинство из них — самое циничное и расчетливое стадо, какое только можно представить.

Я — другое дело, я из тех парней, кто хочет верить. Не тон письма привлек мое внимание, а небольшой предмет, который отправитель вложил в послание. Маленькая коробочка содержала нечто под названием «Шоколадная лягушка». Я ожидал, что это может быть очередная змейка на пружинке, в лучшем случае, какая-то шутка, я приготовился к последствиям и открыл ее. Как ни странно, внутри оказалась прелестная маленькая шоколадная лягушка. Только я собрался взять ее и откусить кусочек, как она подняла голову и посмотрела прямо на меня. Я выронил коробку от неожиданности.

Следующее, что я знаю, лягушка выпрыгнула из коробки и оказалась у меня на столе. Был жаркий день, и почта только что пришла.

Это хорошо, потому что маленькая негодница начала слегка таять, оставляя повсюду маленькие шоколадные лягушачьи следы. Три хороших прыжка — и лягушка просто обмякла. Я боялся к ней прикоснуться, но спустя пять минут она по-прежнему не шевелилась. Сначала я решил, что это обычная лягушка, обмазанная шоколадом. Какая-то шутка. Она, должно быть, задохнулась от тесноты и жары, находясь в коробке. Поэтому я пошел и взял ее, и убедился, что это был просто шоколад. Хороший шоколад, могу добавить.

Я мог бы забыть обо всем этом, сказать вам по правде. Не важно, насколько человек считается себя открытым, столкновение с чем-то действительно необъяснимым обычно запускает старые установки недоверия. Если бы не эти крошечные шоколадные лягушачьи следы на моих бумагах, я бы никогда не решился приехать сюда. Я держал их в ящичке стола и каждый раз, когда я смотрел на них, я вспоминал, как эта маленькая негодница скачет по моему столу. Я не мог выбросить это из головы. Так что я написал парню, который прислал это. Классный трюк, сказал я ему. Есть еще?

Он написал мне на следующий день и ответил, что, если я действительно хочу увидеть трюки, я просто должен следовать за знаками, которые он посылает мне. Вскоре, через день после этого, пришел другой пакет. Всего один, содержащий все, что мне нужно было, чтобы расшифровать сигналы. Не было никакой возможности того, что эти неверящие ублюдки в администрации предоставят мне команду для расследования происхождения прыгающей шоколадной лягушки, даже если бы я показал им лягушачьи следы. К счастью, подошло время моего отпуска, так что я решил справиться самостоятельно. Небольшой поход пошел бы мне на пользу. Так что я собрал свои собственные камеры и сел в поезд.

Подобраться достаточно близко было довольно легко, конечно же. Первую ночь я провел на другой стороне леса, зная, благодаря сигналам, что я всего в нескольких километрах от цели. На следующий день я пошел пешком. Я следовал направлению, я знал это, но, конечно, каждый раз я оказывался там, откуда пришел. Я никогда не замечал, как поворачивал или сбивался с курса. Все выглядело так, словно я достиг противоположного конца леса, но планета повернулась подо мной. Я пытался использовать компас, и он говорил мне, что иду прямо, пока я

не выходил обратно в свой лагерь, и стрелка не поворачивалась обратно, словно забывая, для чего она предназначена.

Это длилось три долгих дня. Я был растерян, говорю вам. Но так же я был настроен решительно, потому что знал, что что-то не хочет пускать меня, и хотел знать, что именно. На следующий день я достал свое маленькое послание и сверил координаты. На этот раз я держал его перед собой все время, глядя на маленькую мигающую точку. Вскоре земля, казалось, оттолкнула меня. Я вбежал в старое устье ручья, слишком крутое, чтобы подняться. Я побежал вперед, стараясь не запутаться в деревьях или не упасть с откоса.

Что-то по-прежнему пыталось сбить меня с курса. Я сопротивлялся. Я карабкался и несся стремглав. Я протискивался через терновник и самый густой подлесок, который когда-либо видел. Но, казалось, даже гравитация работает против меня. Я чувствовал, что даже земля пытается наклониться подо мной и выбросить меня обратно.

Ничего подобного, конечно, не случилось, но это было ужасающее ощущение. Меня тошнило и кружилась голова, но я чувствовал, что мое путешествие подходит к концу.

А затем эти ощущения пропали. Лес вернулся к норме или, по крайней мере, к тому, что называется нормой в здешнем лесном перешейке. Я это сделал. Десять минут спустя я впервые вышел на поляну, с которой открывался вид на этот замок. Я был поражен. Но что поразило меня сильнее, чем замок, так это окружающий пейзаж.

Менее чем в двадцати футах от меня был крупнейший человек, которого я когда-либо видел, он выглядел, как медведь гризли, научившийся ходить на двух ногах, но рядом с ним, — впервые за время рассказа Мартин прервался. Он сглотнул, явно потрясенный воспоминаниями. — Там было нечто такой чудовищной высоты, что сперва я решил, что это динозавр. У него было четыре ноги, каждая размером с колонну. Я поднял глаза и увидел, что на самом деле, это два существа, стоящие рядом друг с другом и по форме напоминающие людей.

Голова самого высокого из них была над верхушками деревьев, и я не мог видеть его лицо. Я пробрался назад и спрятался, уверенный, что они слышали меня, но оказалось что это не так. Самый маленький, тот, что походил на медведя, разговаривал с двумя другими, и они вроде как

отвечали. От их голосов дрожала земля. Затем, к моему ужасу, они повернулись и направились ко мне, в лес. Одна из громадных ног опустилась прямо рядом со мной, сотрясая землю, как бомба и оставив след три дюйма глубиной. Затем они ушли.

Мартин выдохнул, явно довольный рассказанной им историей.

— И тогда я понял, что нашел то, что искал. Величайшую историю в моей жизни. Возможно, величайшую историю этого столетия. — Он огляделся, словно ожидая аплодисментов.

— Есть одна маленькая деталь, которую вы упустили, к моему сожалению, — холодно сказала директриса МакГонагалл. — Это устройство, которое вы упомянули, которое позволило вам пройти в школу. Я должна знать, что это и как оно работает.

Мартин вскинул брови, а затем усмехнулся и сел.

— О, да. Это. Оно довольно плохо работает с тех пор, как я сюда попал, но хотя бы ловит сигнал. Обычный ДжПиЭС навигатор. Э, простите, вы, наверно, не знакомы с этим термином. Глобальная система ориентирования. Оно дает мне возможность найти любую точку на земле в радиусе метра или около того. Очень полезная вещица. Магия маглов, если позволите.

Джеймс заговорил в первый раз, как вошел в комнату.

— Но как вы нацелились на школу? Как это устройство узнало, где ее искать? Она ненаходимая. Ее нет ни на одной карте.

Мартин обернулся, чтобы посмотреть на него, он нахмурился, словно размышляя, стоит ли отвечать Джеймсу вообще. Наконец, видя, что все остальные тоже ждут от него ответа, он встал.

— Как я сказал, у меня были координаты. Они были предоставлены кем-то изнутри. Действительно, очень просто.

Мартин залез в карман джинсов и что-то извлек оттуда. Джеймс знал, что это, до того, как увидел. Он знал еще до того, как задал вопрос. Его сердце ухнуло вниз, до самого пола.

Мартин сжимал игровую приставку. Она отличалась по цвету от приставки Ральфа, но в целом была точно такой же. Он бесцеремонно кинул ее на стол директрисы.

— Беспроводная спутниковая приставка для онлайн-соревнований, включает возможность чатиться. Довольно стандартная. Кто-нибудь здесь использует ник «Астрамаддукс»?

— Вы не можете так поступить со мной! — кричал Мартин, когда Невилл довольно бесцеремонно затолкал его в Выручай-комнату, которая превратилась в тюремную камеру, включающую в себя зарешеченное окно, койку, чашу с водой и кусок хлеба на тарелке. — Это незаконное заключение! Это просто безобразия!

— Считай это полевым исследованием, — нейтрально-вежливым тоном посоветовал ему Невилл. — А нам сейчас есть, о чем поговорить, ну и к тому же после всего пережитого тобой в лесу ты наверняка нуждаешься в отдыхе. Передохни, приятель.

Джеймс, стоящий в коридоре за спиной Невилла, не сумел скрыть улыбку. Мартин заметил это, нахмурился и попытался проскочить мимо Невилла. Невилл выхватил палочку так быстро, что Джеймс успел заметить только колыхание мантии.

— Я сказал, — с упором повторил Невилл, практически направляя палочку на Мартина, — расслабься. Приятель.

Улыбка Джеймса дрогнула. Он никогда раньше не видел Невилла Долгопупса настолько напряженным. Конечно, Джеймс раньше слышал истории о том, как Невилл отрубил голову змее Волан-де-Морта, Нагайне, но это произошло еще до рождения Джеймса. Сам же он знал Невилла только как мягкосердечного человека с тихим голосом, несколько неуклюжего временами. Сейчас палочка в руке Невилла была столь же неподвижна и направлена в цель, как если бы она был выточена из мрамора. Мартин заморгал, глядя на Невилла, затем разглядел в положении тела и выражении лица мужчины что-то, что ему совсем не понравилось, и вернулся обратно. Задняя часть его коленей коснулась койки, на которую он тяжело опустился. Невилл спрятал палочку и, развернувшись, вышел в коридор, захлопнув дверь Выручай-Комнаты за собой. Мартин, заметив, что палочка исчезла в кармане, вскочил и снова принялся вопить, но из-за закрытой двери его голос был едва различим.

— Знаете, у нас ведь есть подземелья, госпожа директриса, — сказал Невилл своим обычным голосом.

Проследив за тем, как закрылась дверь, директриса МакГонагалл повернулась на каблуках и быстро пошла по коридору, остальные последовали за ней.

— Наши устройства для пыток сильно устарели, профессор Долгопупс, но думаю, на данный момент этого будет достаточно. Нам надо лишь задержать его до тех пор, пока не придут указания из Министерства Магии с тем, что нам стоит или не стоит делать с дилеммой, навязанной нам мистером Прескоттом. Мистер Поттер, я должна спросить вас: знаете ли вы что-нибудь о том игровом устройстве, которое, по-видимому, и привело этого... человека в наши края?

Джеймс сглотнул, он изо всех сил старался не отстать от Директрисы. Он открыл рот, чтобы ответить, но ничего не вышло.

— Э, ну...

Невилл дотронулся до плеча Джеймса, пока они шли.

— Мы все видели, как твое лицо стало бледным словно луна, когда Прескотт достал игровую приставку. Ты выглядел так, словно ожидал этого. Ты знаешь что-нибудь, что может помочь нам, Джеймс?

Джеймс понял, что нет смысла пытаться защитить Ральфа. Ведь это была не его вина.

— У моего друга есть такая. Он первогодка, как я, но он маглорожденный. Он не знал, что может быть опасно привозить ее сюда. Никто из нас не знал, на самом деле. Я был удивлен, что она здесь работает.

— Он использовал ее, чтобы связаться с кем-то из маглов? — быстро спросил Невилл.

— Нет! Насколько я знаю, он вообще ей не пользовался! Как только он достал ее здесь, ученики с его факультета увидели ее и обеспечили ему кучу проблем из-за этого. Он слизеринец, так что все они начали зудеть насчет поддельных магических устройств, и как это оскорбительно для чистокровных и все такое.

Директриса завернула за угол, направляясь обратно в свой кабинет.

— Полагаю, вы говорите о мистере Дидле? Да. Я уверена, что он не стоит во главе этого заговора, но устройство может быть его. Оно может посылать сигналы?

Джеймс пожал плечами.

— Лучше спросите про это Ральфа или другого моего друга, Зейна. Он много знает про то, как работают такие штуки. Но я не думаю, что он сам посылал информацию. Ральф говорил, что кто-то брал его

игровую приставку и использовал ее. Мы решили, что это другой слизеринец. Зейн смог сказать, что кто-то провел какое-то время под ником Астрададукс, хоть и не играл в игру. Должно быть, он использовал ее, чтобы отослать информацию. Возможно, координаты, которые, как сказал этот парень, он использовал, чтобы найти школу с помощью этого... ДжиПиЭс.

— Ты совершенно в этом уверен, Джеймс? — сказал Невилл после того, как Директриса вернулась в свой кабинет. — Ты не думал, что мистер Дидл мог пользоваться устройством на территории школы и невольно выдать информацию, которую не должен был выдавать? Возможно, история о похищении игровой приставки просто уловка.

Джеймс уверенно покачал головой.

— Никогда. Не Ральф. Никогда никому из нас не приходило в голову, что с помощью этого устройства можно привести сюда людей. Он просто знает, что это кто-то из слизеринских плохих парней.

— Мы все забываем одну простую вещь, — сказала МакГонагалл, устало опускаясь в свое кресло. — Даже если мистер Дидл или этот неизвестный похититель его устройства попытался поделиться информацией о школе с маглом, обет секретности не позволил бы ему это сделать.

Профессор Франклин, который оставался в кабинете Директрисы, вертя в руках игровую приставку, положил устройство на стол и уставился на него, по-видимому не способный с ним что-либо сделать.

— А как в точности работает этот обет, госпожа Директриса?

— Он довольно прост, профессор. Каждый ученик должен дать обет, провозглашающий, что он не будет распространять любую информацию, касающуюся Хогвартса, конкретным маглам или их учреждениям. Если они попытаются, магическая защита обета им помешает, предотвратив любое общение... Это может быть склеивающее язык проклятие или любое другое, которое исключит индивидуальную способность передавать информацию. В данном случае, мы можем предположить, что у пользователя устройства срослись бы пальцы или парализовало руки — что-нибудь, что не допустило бы попадания опасной информации в устройство.

Франклин задумался.

— Мы используем нечто подобное в Альма Алерон. Формулировка

обета должна быть очень точной, естественно. Никаких лазеек. Хотя кажется очевидным, что кто-то использовал это устройство, чтобы сообщить весьма конкретную информацию о школе. Я думаю, каждое из таких устройств оснащено датчиком, подключенным к глобальной ориентировочной системе механизма, о котором говорил мистер Прескотт. Тот, кто использовал игровую приставку мистера Дидла, очевидно просто отправил географические координаты одного устройства другому. Мистеру Прескотту оставалось только ввести эти координаты в его GPS и тщательно следовать за ними.

Несмотря на то, что мистер Прескотт очевидный магл, это каким-то образом случайно сделало его Хранителем тайны. Он может, если захочет, передать секрет о расположении школы любому, кому пожелает. Могут ли они пройти в школу через неопределяемую зону, это другой вопрос. Не все столь настойчивы, как он. Это объясняет, почему ему нужна наша помощь, чтобы привести сюда его сопровождающих.

— Конечно, мы не можем этого допустить, — сказал Невилл, глядя на директрису.

— Я не уверена, что мы в силах предотвратить это, — невесело сказала она. — Наш мистер Прескотт кажется довольно цепким индивидом. Ему уже известно достаточно, чтобы суметь изрядно навредить нам. Даже если бы мы сумели обнаружить местонахождение остальных его людей, наложить на них Забвение и отослать обратно, они наверняка сумеют обнаружить записи, уже сделанные мистером Прескоттом. Он неизбежно вернется и, возможно, в следующий раз возьмет с собой не только телефон, но и камеру. Я не вижу иного пути, кроме как позволить ему продолжать его расследование и постараться отговорить его от распространения данной информации.

Невилл покачал головой.

— Мне кажется более вероятным уговорить водяных переселиться из озера на сушу, нежели убедить этого чертова придурка отказаться от трансляции самого важного репортажа в его жизни.

Франклин поправил свои крошечные очки и посмотрел на потолок.

— Конечно, есть более, э-э, полные методы борьбы с подобного рода вещами, Госпожа Директриса. Мы может просто наложить на мистера Прескотта Проклятие Империи. Таким образом мы сможем

организовать его отозвать свою команду и даже сопровождать его обратно в офис, где он с нашей помощью сможет уничтожить все записи, касающиеся его визита. После этого мы можем спокойно наложить на него Забвение, не опасаясь повторного вторжения.

МакГонагалл вздохнула.

— Это не то решение, которое мы уполномочены принимать самостоятельно, и, честно говоря, я рада этому. Министерство Магии было уведомлено о сложившейся ситуации, и, я уверена, мы получим инструкции в течение часа. Я ожидаю услышать их от вашего отца в любой момент, мистер Поттер.

Как по команде, из камина заговорил женский голос.

— Приветствую. Это официальное сообщение Министерства Магии. Можем ли мы быть уверены, что это безопасное общество?

МакГонагалл встала и развернулась от стола, чтобы встать лицом к камину.

— Да. Здесь со мной лишь те, кто присутствует на основании полной осведомленности о происходящем в настоящее время, хотя на данный момент вся школа наверняка в курсе, что среди нас находится представитель маглов. Его появление было едва ли незаметным.

Лицо из россыпи углей в камине Директрисы поочередно оглядело Невилла, Джеймса и профессора Франклина.

— Я — заместитель секретаря мисс Бренда Сакарина, сопредседатель Совета Внешних Отношений. Пожалуйста, оставайтесь на связи, — лицо исчезло.

Джеймс видел, что лицо МакГонагалл стало чуточку напряженней, когда заместитель упомянула мисс Сакарину. Прошло всего несколько секунд, прежде чем в камине появилось лицо чопорной женщины.

— Мадам МакГонагалл, Профессоры Франклин и Долгопупс, приветствую. И молодого мистера Поттера, конечно. — На губах Сакаринины появилась льстивая улыбка, когда она обращалась к Джеймсу. Затем улыбка исчезла также внезапно, как и появилась, как будто это что-то, что можно включать и выключать, как свет. — Мы обсудили ситуацию, которая свалилась на вас, и пришли к выводу. Как вы можете догадаться, мы подготовлены к непредвиденным потерям как раз в таких случаях. Пожалуйста, передайте мистеру Прескотту, что он может связаться со своими коллегами.

— Мы находим, что нет иного выхода, как позволить ему продолжить свое расследование, однако, никто, кроме мистера Прескотта не может быть допущен на земли Хогвартса до тех пор, пока не прибудет делегация из Министерства Магии для наблюдения за ними. Мы прибудем не позднее завтрашнего вечера, и в это время мы возьмем на себя все переговоры с мистером Прескоттом и его командой.

— Мисс Сакарина, — сказала МакГонагалл, — вы хотите сказать, что Министерство вполне может позволить этому человеку выполнить свое расследование и распространить его в мире маглов?

— Простите, Мадам МакГонагалл, — сладко сказала Сакарина, — я не собиралась подразумевать это или что-то в этом роде. Вы можете отдыхать и быть уверены, что мы готовы разобраться с этой ситуацией, невзирая на выбранный нами метод. Не смею обременять Вас еще какими-либо деталями, помимо тех, с которыми Вам уже и так пришлось иметь дело.

Лицо Директрисы порозовело.

— Обременяйте, Мисс Сакарина, ведь я могу обещать Вам, что будущее этой школы и ее учеников едва ли может быть деталями, которые я хотела бы опустить.

Сакарина легко рассмеялась.

— Моя дорогая Минерва, Я считаю, что будущее Хогвартса, студентов и Вы сами в безопасности как никогда. Как я упоминала, у нас есть средства для таких непредвиденных событий как это. Министерство подготовлено.

— Простите меня, Мисс Сакарина, — вмешался Франклин, делая полушаг вперед. — Но вы хотите, чтобы мы поверили, что у вас есть средства на непредвиденный случай проникновения магловского репортера-исследователя в школу Хогвартс со съемочной группой на подхвате, готовой транслировать секреты магического сообщества для маглов по всему миру?

Снисходительная улыбка Сакарины сжалась.

— Поверьте, мистер Франклин, Министерство Магии подготовило методы реагирования на чрезвычайные ситуации для борьбы с широким спектром конфронтаций. Специфика не имеет значения.

— Позвольте не согласиться, Мисс. Специфика этого отдельного случая обнаружила довольно обширную брешь в безопасности, которая

может, на данный момент, быть использована практически кем угодно. Эта школа больше не может считаться защищенной до тех пор, пока эта брешь не будет устранена.

— Всеу свое время, профессор. Мы ценим Вашу обеспокоенность, но я могу Вас заверить, что мы полностью вооружены для борьбы с делом в полном объеме. Если, однако, Вы чувствуете, что безопасность Ваша и Вашего штата под угрозой, мы, вероятно, сумеем организовать для Вас ранний отъезд. Это будет для нас большим разочарованием и достаточным подрывом для репутации школы...

— Мои опасения, Мисс Сакарина, — холодно ответил Франклин, снимая свои очки, — касаются безопасности всех, находящихся в этих стенах, и безопасности магического и маггловского миров в целом.

— Опять эти преувеличения, — улыбнулась Сакарина. — Пожалуйста, все вы, расслабьте ваши умы. Мы вместе с мистером Рекрентом прибудем завтра вечером. Мы встретимся с этим мистером Прескоттом, и я достаточно положительно уверена, что мы достигнем взаимно-мирного соглашения. Вам об этом более не стоит беспокоиться.

— Что насчет моего папы? — спросил Джеймс.

Сакарина моргнула, очевидно в недоумении.

— Твой отец, Джеймс? Что ты имеешь в виду?

— Ну, Вы не думаете, что он должен быть здесь вместе с Вами и мистером Рекрентом?

Сакарина снова улыбнулась своей снисходительной улыбкой.

— Твой отец — глава Департамента Мракоборцев, Джеймс. Как нам известно, в этом неудачном стечении обстоятельств не замешана темная магия. Нет причины беспокоить его этим.

— Но он уже имел дело с этим человеком, — сказал Невилл. — Он и Джеймс были свидетелями его присутствия на поле для Квиддича, и он руководил поиском и попыткой поймать магла.

— О, он отлично справился, — сказала Сакарина, ее улыбка слегка померкла. — Тогда это был его долг. Сейчас же, и вы это не можете не осознавать, это дело касается Внешних Отношений. Мы можем долго обсуждать умения Гарри Поттера, но послон он в любом случае не является. К тому же, мистер Поттер сейчас на задании, которое не может быть прервано. У нас же имеются специалисты как раз по

подобного рода переговорам. К нам с мистером Рекрентом присоединится еще один посол. Он является экспертом в волшебном-магловских отношениях. Так что мы ожидаем, что он возглавит нашу с мистером Рекрентом команду, пребывая в уверенности, что под его руководством все закончится удачно для обеих сторон.

МакГонагалл приподняла руку, привлекая внимание.

— Так что нам делать с мистером Прескоттом до вашего прибытия, мисс Сакарина?

— Предоставьте ему комфортные условия, позвольте сделать телефонный звонок, помимо этого, ничего не делайте.

— Вы, конечно же, не требуете от нас обеспечить ему свободу передвижения по школе, — сказала директриса, скорее утверждая, чем спрашивая.

Сакарина, кажется, пожала плечами в камине:

— Какой еще урон он может нанести, наблюдая, исключая, конечно, тот урон, который он может нанести, если он выдвинет маглам официальные обвинения против нас. Мы должны, в данный момент, обращаться с ним как с гостем. Кроме того, все звучит так, словно он уже видел вполне достаточно.

Лицо МакГонагалл было непроницаемо.

— Замечательно, что ж. До свиданья, мисс Сакарина. Мы увидимся завтра вечером, когда вы прибудете.

Сакарина снова улыбнулась:

— Верно. До скорого.

Лицо исчезло в огне. Директриса потянулась к кочерге и тщательно тыкала ею в угли несколько секунд, пока не убедилась, что никаких признаков лица не осталось. Она вернула кочергу на место, отвернулась от огня и сказала:

— Эта бюрократическая чепуха как кость в горле.

— Я буду счастлив приютить мистера Прескотта в помещениях Альма Алерон, — сказал Франклин, водружая свои очки на место. — Я предпочитаю, чтобы его глаза оставались закрытыми. Я уверен, мы сможем занять его, чтобы он не доставил новых проблем.

— Мне это совсем не нравится, — сказал Невилл, по-прежнему глядя в огонь. — Здесь должен быть Гарри. Конечно, Прескотт сам по себе не темный волшебник, но есть что-то очень нечестное в том, как он

вообще сюда попал. Кто-то провел его сюда, и эта личность каким-то образом обошла обет секретности. Меня не волнует то, что говорит Сакарина, я чувствую, что будет гораздо лучше, если профессиональный мракоборец взглянет на это.

Директриса открыла дверь.

— Сейчас все в наших руках. Профессор Франклин, ваша идея так же хороша как и любая другая. Позвольте нам сопровождать мистера Прескотта в помещения Альма Алерон, и, вопреки тому, во что верит мисс Сакарина, я бы предпочла, чтобы мистер Прескотт был очень занят в ближайшие двадцать четыре часа. Чем меньше времени у него будет, чтобы исследовать школу, тем лучше. Мистер Поттер, пожалуйста, не стесняйтесь вернуться к своим урокам, и, хотя я не могу просить вас не рассказывать обо всем мистеру Уолкеру и мистеру Дидлу, я буду невероятно счастлива, если вы постараетесь не говорить об этом с кем-нибудь еще. Особенно с Тедом Люпином и Ноем Мецкером.

Когда Джеймс оставил взрослых в кабинете, тихий голос со стены окликнул его:

— Завтра будет тяжелый день, Поттер.

Джеймс остановился и взглянул на портрет Северуса Снейпа, не совсем уверенный в том, что он имел в виду:

— Я тоже так думаю. Особенно для Директрисы и других.

Черные глаза Снейпа буравили его:

— Ответьте мне правдиво, Поттер, вы по-прежнему ошибочно полагаете, что посох Мерлина находится у Табиты Корсики?

— О, — сказал Джеймс, — знаете, говорите, что хотите, но в этом есть смысл. Мы заберем его у нее, так или иначе.

Снейп быстро заговорил:

— Не будьте дураком, Поттер. Избавьтесь от того, что имеешь. Отдайте ее Директрисе. Уверен, вы понимаете, как опасно хранить мантию, особенно сейчас.

Джеймс моргнул.

— Почему? Что сейчас происходит? Что-то собираются сделать с этим парнем, Прескоттом?

Снейп безнадежно уставился на Джеймса.

— Вы ничего не замечаете, — вздохнул он. — Есть очень веская причина, почему вашего отца и глупцов вроде него держат подальше от

завтрашней делегации. Члены Прогрессивного элемента есть даже в министерстве, хотя, конечно, они сами себя так не называют. Сакарина — одна из них. Рекрент, возможно, тоже, хотя, возможно, на самом деле он не в обществе. Либо она в полной мере воспользуется очень сомнительными совпадениями, либо все это ее план с самого начала.

— Что? Что за план? — спросил Джеймс, понизив голос и шагнув ближе к портрету.

— Детали не важны. Важно лишь то, что если вы не сможете сберечь мантию Мерлина завтра ночью, все будет потеряно.

— Но она в безопасности, — ответил Джеймс. — Она у нас, вы это знаете. Теперь нам нужен посох Мерлина.

— Забудьте про посох! — злобно прошипел Снейп. — Вы позволяете манипулировать собой! Если бы у меня была хоть малейшая надежда, что вы будете в этом лучше, чем ваш отец, я бы научил вас окклюменции прямо сейчас. Когда я говорю, что вы должны беречь мантию Мерлина, я имею в виду то, что вы должны передать ее тому, кто знает, как овладеть ею, а не просто скрыть ее. У врага есть две другие реликвии. Мантия желает воссоединиться с ними. Вы не способны предотвратить это, Поттер. Не будьте таким же высокомерным глупцом, как ваш отец!

Джеймс нахмурился:

— Мой отец никогда не был высокомерным глупцом, каким вы его считаете, и я не такой. Я не буду вас слушать. Кроме того, завтра еще не парад планет, он на следующую ночь, Зейн сам мне сказал.

Снейп ехидно ухмыльнулся:

— Вы оба так доверчивы. Откуда, скажите на милость, мистер Уолкер черпает свою информацию?

— Он в астрологическом клубе, — сердито ответил Джеймс. — Мадам Делакура заставила каждого в клубе помочь ей определить точные сроки парада.

— И вам никогда не приходило в голову, что она намеренно изменила информацию так, чтобы ввести в заблуждение тех, кто слишком невежественен, чтобы заметить это? Она знает дату парада уже год. Ей нужна была помощь, только чтобы рассчитать час. Даже вы догадались, что она участвует в заговоре Мерлина. Неужели вы думаете, что она захочет доверить дату той самой ночи, когда она

планирует вернуть самого могущественного волшебника всех времен, десятку учеников?

Джеймс почувствовал себя глуповато. Конечно, она не захочет. Он просто не думал об этом. Он открыл рот, чтобы заговорить, но так и не придумал, что спросить. Снейп продолжал:

— Она обманула всех вас ровно на один день. Зал Пересечения Старейших появится не в ночь на четверг, а в ночь на среду. Завтра, Поттер. Вас обманывали и продолжают обманывать. Больше нет времени для мании величия. Вы должны отдать мантию. Если вы этого не сделаете, вы проиграете, а наши враги осуществят свой план.

— Джеймс? — это был Невилл, он просунул голову в двери кабинета Директрисы. — Кажется, мы тебя отпустили. Забыл что-нибудь?

Мозг Джеймса работал на полной скорости. Он тупо смотрел на Невилла несколько секунд и, наконец, собрался с мыслями.

— Э, нет. Нет, простите, я просто... задумался.

Невилл посмотрел на портрет Снейпа. Снейп вздохнул, скрестив руки на груди.

— Иди, Долгопупс, и заberi мальчика с собой. Мне он не нужен.

Невилл кивнул.

— Пойдем, Джеймс, ты еще успеешь на вечерние уроки, если поторопишься. Я пойду с тобой и объясню твою задержку.

Джеймс вышел из комнаты вслед за Невиллом, размышляя о том, что рассказал ему Снейп. У них остался только один день, один день на то, чтобы заполучить мантию Мерлина из рук Табиты. Один день до встречи Старейших, и это должно случиться именно тогда, когда Сакаринна прибудет, чтобы разобраться с Прескоттом. Спускаясь по медленно движущейся спиральной лестнице и входя в коридор, Джеймс подумал, что Снейп прав только в одном: завтра будет очень тяжелый день.

Глава 16. Разрушительный посох Мерлина

На следующее утро Джеймс, Ральф и Зейн вошли в Большой зал, чтобы позавтракать, и устремились к дальнему концу стола факультета Гриффиндор.

— Ты точно в этом уверен? — спросил Ральф, пока они пересекали зал. — Мы не сможем повернуть назад после этого, знаешь ли.

Джеймс плотно сжал губы, но ничего не ответил. Они встретились с Ноем, Тедом и другими гремлинами, которые сгрудились тесной кучкой.

— А, тот самый человек, — провозгласил Тед, когда Джеймс протиснулся между ним и Сабриной. — Мы как раз делали ставки на то, зачем ты позвал нас всех собраться за завтраком. Ной считает, что ты хочешь официально вступить в ряды Гремлинов, в таком случае у нас заготовлена серия изнурительных заданий для тебя. Мое любимое —

это когда ты надеваешь старую рождественскую мантию Сабрины и бегаешь по школе, распевая гимн Хогвартса во весь голос. Есть еще много других, хотя в заданиях Дамьяна слишком много слизи и горчицы, на мой взгляд.

Джеймс состроил гримасу.

— Сказать по правде, причина, по которой я просил о разговоре с вами в том, что Ральф, Зейн и я должны вас кое о чем попросить.

Надо отдать им должное, ведь никто из Гремлинов не казался удивленным. Они просто наклонились чуть вперед, продолжая есть. Джеймс точно не знал, с чего начать. Этим утром он проснулся, четко осознавая, что самим им — ему, Ральфу и Зейну — не справиться с захватом Посоха Мерлина за один день. У них не было плана. Портрет Снейпа немного помог, но Снейп даже не верил, что посох находится у Табиты Корсики. Так к кому же им было обратиться?

Он действовал при первом порыве. Он мог попросить лишь одну группу людей во всей школе, которые были экспертами в изящном искусстве хаоса и проделок. Объяснить все Теду и его товарищам-Гремлинам было бы слишком долго, и даже если он и мог, они все равно возможно не согласились бы помочь, но это была его последняя лучшая надежда. Джеймс глубоко вздохнул и отхлебнул из своего стакана с тыквенным соком.

— Нам нужна ваша помощь, чтобы... позаимствовать кое-что.

— Позаимствовать кое-что? — повторил Ной с полным ртом тостов. — Что? Деньги? Чашку сахара? Приличную стрижку? Не похоже, что мы тебе нужны в этом.

— Тихо, Мецкер. — мягко сказал Тед, — Что вы хотите позаимствовать, Джеймс?

Джеймс глубоко вздохнул и просто сказал это.

— Метлу Табиты Корсики.

Дамьян подавился своим соком. Все остальные Гремлины взглянули на Джеймса, расширив глаза. Все, кроме Теда.

— Для чего? — спросила Сабрина, понизив голос. — Сегодня матч между Когтевраном и Слизерином. В этом причина? Вы пытаетесь лишить Слизерин шансов? Я признаю, что в ее метле есть что-то весьма подозрительное, но жульничество не совсем в твоём стиле, Джеймс.

— Нет! Это не имеет никакого отношения к матчу, — сказал

Джеймс и потом замялся. — Слишком много объяснять. И мне даже не обо всем из этого разрешено говорить. МакГонагалл попросила.

— Тогда расскажи нам столько, сколько можешь, — сказала Петра.

— Хорошо. Зейн, Ральф, помогите мне. Дополните кусочки, которые я пропущу. Всё это прозвучит довольно безумно, но начнем.

Втроем они объяснили всю историю о заговоре Мерлина, начиная с первого проблеска тени мадам Делакруа на озере до приключения возле Пещерной Цитадели и таинственных столкновений Ральфа и Джеймса с жуткой дриадой, требующей мантию Мерлина.

Здесь им пришлось вернуться, чтобы объяснить, как они пришли к тому, чтобы захватить мантию у профессора Джексона. Джеймс волновался, что история стала слишком фрагментированной, и Гремлины не смогут отследить ее. Тед слушал внимательно всё время, просто ел и смотрел на того, кто говорил. Остальные Гремлины задавали уточняющие вопросы и реагировали со смесью скептицизма, трепета и волнения.

— Вы прорабатывали весь этот план в течение года и говорите нам о нем только сейчас? — спросил Дамьян, сузив глаза.

— Как я и сказал, МакГонагалл предупредила нас, чтобы мы никому не говорили о Пещерной Цитадели, — сказал Джеймс искренне. — И мы беспокоились, что вы все равно не поверите. Нам и самим было сложно поверить во многое. По крайней мере, некоторое время. Ну так что вы думаете?

— Я запуталась, — сказала Сабрина, хмурясь. — Всё это кажется притянутым за уши. Одно дело запускать фейерверки Уизли во время дебатов, но совсем другое — пойти и украсть метлу у одной из самых видных и, прямо скажем, пугающих ведьм школы. Это воровство, вот это что.

— Это воровство, только если сказанное нами неправда, — урезонил Зейн. — Если метла Табиты — это Посох Мерлина, то она не принадлежит ей по-настоящему. Я не знаю, чья она, но несмотря ни на что, она, должно быть, сама украла её.

Дамьян не казался убежденным.

— Даже если она сделала это, мы — единственные, кто знал бы об этом. Если она затащит нас всех в кабинет Директрисы, обвиняя, что мы

украли ее метлу, что мы на это скажем? Все в порядке, ведь она сама ukrала метлу у кого-то, хотя мы не знаем у кого, и к тому же, метла — это на самом деле магический посох одного из самых могущественных волшебников всех времен, и поэтому мы просто делаем миру одолжение, забирая её из рук Корсики? Такая версия пролетит, как мертвая сова.

— Ну, а почему бы и нет? — заметил Ральф — Это же правда.

— Не ожидал услышать это от слизеринца, — сказал Ной с кривой усмешкой.

— Что бы это значило? — поинтересовался Ральф сквозь стиснутые зубы.

Джеймс покачал головой.

— Все в порядке, Ральф. Он просто подшучивает над тобой. Дело в том, что, будь это сто раз правдой, у нас нет никаких доказательств. Я не могу пообещать вам, что не возникнет проблем. Я могу вам сказать, что если все это правда, то вызов к МакГонагалл в кабинет по обвинению в воровстве будет наименьшей из наших проблем. Я не могу просить никого из вас участвовать в этом против своего желания. Это сопряжено с большим риском. Мы можем попасть в переделку. Мы можем даже потерпеть неудачу, несмотря на все наши усилия.

— Погоди-ка минутку, — сказал Ной, — Гремлины, что вы на все это скажете?

Петра выпрямилась и обвела взглядом остальных.

— Я думаю, если Джеймс, Зейн и Ральф ошибаются, то завтра мы в любом случае об этом узнаем. Если мы «позаемствуем» метлу Корсики, то мы всегда сможем ее вернуть. Возможно, тайком. Никакого вреда, никаких потерь. Все решат, что это просто выходка из-за Квиддича, верно? Но если все сказанное — правда, и метла — это в самом деле посох Мерлина, то никто из нас тем более не окажется в кабинете Директрисы.

— Почему бы и нет? — спросила заинтересованно Сабрина.

— Потому что у Табиты будет проблема поважнее, — ответил Ной глубокомысленно. — Если она состоит в каком-то тайном заговоре Мерлина и она проваливает дело с посохом, у нее появятся серьезные проблемы с ее приспешниками. Знаете, такие люди не имеют склонности быть великодушными. Да мы можем её больше никогда не

увидеть.

— Остается только надеяться, — пробормотала Петра.

Вмешался Тед.

— Слушайте все. Это все хорошо и прекрасно, но насколько я могу судить, решить нужно только одну вещь. Можем ли мы доверять Джеймсу? Я не знаю Зейна и Ральфа так хорошо, но с Джеймсом я вырос. Да, иногда он бывает несносным маленьким паршивцем, но он всегда был честным. И к тому же, он сын моего крестного. Вы же помните этого парня, верно? Я бы хотел немного рискнуть ради него. И не только потому, что он из семьи, но и потому, что он Поттер. И если он говорит, что есть битва, достойная сражения, то я склонен ему верить.

— Хорошо сказано, приятель, — сказал Ной серьезно, хлопая Теда по плечу. — И к тому же, не забудьте, что есть дополнительная польза — отыграться на Табите Корсике.

— И возможно, сравнять силы в сегодняшнем матче по Квиддичу, — добавила Сабрина.

— А может быть, мы могли бы каким-то образом вырвать ее метлу, когда она будет хорошенько высоко в воздухе! — злобно усмехнулся Дамиян.

— А я что говорю! — воскликнул Зейн.

— Вы оба сошли с ума, — укоризненно сказала Петра. — Вы такие же плохие, как и она.

— Мы не хотим ее убивать, — ответил Зейн оскорбленно. — Мы просто хотим увидеть, как она в ужасе падает с нескольких сотен футов. Ридкулли слевитирует ее в последний момент так же, как Ральфинатор сделал с Джеймсом. Честно, ты, должно быть, считаешь нас монстрами.

— Ну что, тогда все согласны? — обратился Тед к группе. Все кивнули и утвердительно забормотали.

— Это замечательно и все же, — сказал Ральф, — как мы собираемся это сделать?

Тед откинулся назад и уставился в зачарованный потолок Большого Зала, поглаживая подбородок. На его лице начала медленно появляться улыбка:

— Кто-нибудь знает, что погода будет такой же, как и сегодня?

Группе совсем немного нужно было подготовить. После ланча Сабрина и Ной направились в подвальные помещения, чтобы поговорить с домовыми эльфами. Джеймс и Тед, у которых обоих было полуденное свободное время, провели его в библиотеке, изучая коллекцию гигантских книг об Атмосферных и Погодных Заклинаниях.

— Это скорее дело для Петры, — посетовал Тед. — Если бы она не была занята весь полдень с Предсказаниями и Рунами, то мы бы справились гораздо лучше.

Джеймс просмотрел записи:

— Кажется, у нас есть все, что нам нужно, так?

— Кажется, да, — беззаботно ответил Тед, переворачивая несколько огромных страниц. Минуту спустя он поднял взгляд на Джеймса. — Тебе было очень нелегко попросить о помощи, не так ли?

Джеймс посмотрел на Теда и, встретившись с ним глазами, перевел взгляд на ближайшее окно.

Тед нахмурился.

— И это всё? — подтолкнул он.

— Что ж... — начал Джеймс, затем остановился. Он повожился со своим пером. — Нет, я думаю, нет. Просто это казалось чем-то... чем-то, что я должен был сделать в одиночку. Я имею в виду, с помощью Зейна и Ральфа, конечно. Они присутствовали при всем этом с самого начала. Но все равно. Я вроде как представлял, что мы втроем смогли бы. Мы бы справились с этим. Это было немного как... — Он остановился, понимая, что собирался сказать, удивленный этим.

— Как что? — спросил Тед.

Джеймс вздохнул.

— Как провал. Как будто, если бы мы сами не справились втроем, то мы бы потерпели неудачу, как бы то ни было.

— Втроем. Ты имеешь в виду, как твой папа, Рон и Гермiona.

Джеймс быстро взглянул на Теда.

— Что? Нет... нет, — сказал он, но вдруг понял, что не уверен в этом.

— Я просто имею в виду, — ответил Тед, — что в этом есть смысл. Как обычно поступал твой отец? Он считал себя способным нести ответственность за весь мир и не делил этот груз ни с кем другим. Он, Рон и Гермiona. Вокруг всегда было много людей готовых и желающих

помочь, и иногда они помогали, но не раньше, чем они сами не навязывали себя, — пожал плечами Тед.

— Ты говоришь прямо как Снейп, — сказал Джеймс, сдерживая голос. Внезапно он почувствовал себя уязвленным.

— Ну, возможно, Снейп иногда бывает прав, — спокойно сказал Тед, — даже если большую часть времени он просто сальный старый обманщик.

— Да, ну, будь он проклят, — ответил Джеймс, с удивлением чувствуя выступающие слезы. Он сморгнул их. — Возможно, его помощь была бы в тягость? Он шнырял повсюду, работал на две стороны, никогда не давая четко понять, на какой именно он, пока не становилось слишком поздно. Можно ли винить отца, что он никогда ему не доверял? Я тоже ему не доверяю. Возможно, мой отец и делал все только с тетей Гермионой и дядей Роном. Но может, только они и были ему нужны? Они побеждали. Он нашел двух людей, которым мог доверять во всем. Что ж, я тоже нашел таких людей. У меня есть Ральф и Зейн. Возможно, я думал, что смогу быть так же хорош, как и отец. Я не смог, похоже. Мне нужна помощь, — Джеймс хотел сказать больше, но остановился, не уверенный, что стоит продолжать.

Тед задумчиво посмотрел на Джеймса, а затем наклонился вперед, уперев локти в стол.

— Жесть — жить в тени своего отца, правда?

Джеймс не ответил, мгновение спустя Тед продолжил:

— Я никогда не знал своего отца. Он умер прямо здесь, на территории школы. Он и мама, оба, во время битвы за Хогвартс, ты знаешь. Думаешь, тяжело почувствовать обиду на людей, которых никогда не знал, но это возможно. Я обижен на них за их смерть. Иногда я обижен на них за то, что они вообще были здесь. В смысле, о чем они думали? Оба умчались на серьезную битву, бросив ребенка дома. Назовешь это ответственностью? Я не уверен, — Тед посмотрел в окно, как Джеймс минутой ранее.

Потом он вздохнул.

— На самом деле, большую часть времени я горжусь ими. Кто-то однажды сказал, если тебе не за что умирать, значит ты не жил по-настоящему. У мамы с папой было за что умирать, и они сделали это. Я потерял их, но у меня осталось их наследие. Наследие — это уже что-то,

правда? — он посмотрел Джеймсу в лицо через стол. Джеймс кивнул, не зная, что сказать. Наконец, Тед слегка пожал плечами. — Причина, по которой я рассказываю тебе это — мой отец, на самом деле он оставил мне кое-что еще.

Тед умолк почти на минуту, по-видимому, мысленно споря с самим собой. Наконец, он снова заговорил:

— Отец был оборотнем. Думаю, это так же просто. Ты ведь не знал?

Джеймс постарался сохранить выражение лица неизменным, но он был слишком шокирован. Он знал, что существовал какой-то секрет, касающийся Ремуса Люпина, что-то, что никогда не обсуждалось при нем и даже никогда не упоминалось вскользь. Все, что Джеймс знал точно, так это то, что Люпин был близким другом Сириуса Блэка, Джеймса Поттера-старшего и человека по имени Питер Петтигрю, который в конечном итоге предал их всех. Джеймс знал, что Люпин преподавал в Хогвартсе, когда его отец учился там, и что Люпин научил его отца вызывать Патронуса. Джеймс думал, что тайна прошлого Ремуса Люпина не могла быть особо ужасной. Он думал, что, возможно, отец Теда отсидел в Азкабанае, или что он был связан с темными искусствами в молодости. Джеймс никогда не предполагал, что Ремус Люпин мог быть оборотнем.

Несмотря на то, что Джеймс пытался скрыть свой шок, Тед увидел его лицо и кивнул.

— Да, секрет так секрет. Твой отец сам рассказал мне всю историю несколько лет назад, когда я стал достаточно взрослым, чтобы понять. Бабушка никогда не говорит об этом, даже теперь. Я думаю, она боится. Не столько того, что было, сколько того... того, что может быть.

Джеймс немного боялся, задавая вопрос:

— Что может быть, Тед?

Тед пожал плечами:

— Знаешь как это бывает у оборотней. Есть только два пути стать одним из них. Либо тебя укусит один из них, либо ты одним из них родишься. Конечно, никто на самом деле не знает, что будет, если только один из родителей был оборотнем. Твой отец сказал, что папа был очень расстроен, когда узнал, что мама ждет ребенка. Он был напуган, понимаешь? Он не хотел, чтобы ребенок был таким как он, рос

изгоем, проклинаемый и ненавидимый. Он думал, что никогда не сможет жениться на маме, потому что она хотела детей, но он боялся передать им проклятие. Так что, когда я родился, полагаю, все с облегчением вздохнули. Я был нормальным.

Но я получил способности моей матери-метаморфа. Мне говорили, я часто менял цвет волос, когда был ребенком. Не было конца шуткам по этому поводу, говорит бабушка. Я до сих пор могу это делать, и еще пару вещей тоже. Но обычно не делаю. Как только ты становишься известным из-за чего-то подобного, трудно прославиться чем-нибудь другим, если ты понимаешь о чем я. В общем, я думаю, отец умер, чувствуя себя немного лучше из-за того, что у него был я. Он умер, зная, что я нормальный, более или менее. Я рад этому, — Тед опять повернулся к окну. Он глубоко вздохнул и снова посмотрел на Джеймса.

— Гарри рассказал мне, как твой дедушка Джеймс, Сириус Блэк и Петтигрю следовали за моим отцом, когда он менялся, как они превращались в животных и сопровождали его в окрестностях во время полнолуния, защищая его от мира и мир от него. Я даже начал думать, что это было нечто вроде приключений и романтики, как у тех туповатых маглов, которые читают истории про оборотней, где все оборотни красивые, загадочные и мистические. Я почти хотел стать оборотнем, а затем... — Тед остановился и, казалось, боролся сам с собой мгновение, затем он понизил голос и продолжил:

— Ну, никто ведь не знает как работают все эти оборотнические штуки, так ведь? Я никогда не допускал такой мысли, но в прошлом году... в прошлом году у меня началась бессонница. Ничего страшного, верно? Только это не обычная бессонница. Я не могу спать, но не потому, что я не устал. Я... я... — он снова прервался и откинулся на спинку стула, пристально глядя на стену рядом с окном.

— Эй, — сказал Джеймс, нервничая и смущаясь непонятно почему, — ты не обязан мне говорить. Забудь. Нет проблем.

— Нет, — сказал Тед, переводя взгляд на Джеймса. — Я должен сказать тебе, не столько для тебя, сколько для себя. Потому что я никому еще не говорил, даже бабушке. Я думаю, если я никому не скажу, я сойду с ума. Понимаешь, я не мог спать, потому что я был голоден. Я умирал с голода! Я лежал в постели, когда это случилось в

первый раз, и говорил себе, что это просто безумие. У меня был прекрасный сытный ужин и вообще я нормальный. Но пока я говорил себе это, мой желудок требовал еды. И не просто чего-нибудь. Он желал мяса. Сырого мяса. Свежего мяса на костях. Чуешь, к чему я клоню?

Джеймс понял.

— Это... — начал он и закашлялся. — Это было в полнолуние?

Тед медленно мрачно кивнул.

— В конце концов я уснул, но с тех пор это стало хуже. Под конец прошлого учебного года я стал пробираться на кухню под большим залом, где работают домовые эльфы. У них там есть большие куски мяса. Я начал... ну, ты понимаешь. Я ел. Это приводило к небольшому беспорядку, — Тед вздрогнул, а затем, кажется, пришел в себя. — Но, похоже, я не полностью унаследовал все эти оборотнические штучки. Мой отец оставил мне свою тень на всю жизнь. Я не виню его за это. Я знаю, что хуже уже не будет. И это совсем не так уж плохо. Помогает мне расти в квиддиче, по крайней мере. Но... это жутко, немного. Я не знаю, как этим управлять, и я боюсь говорить об этом с кем-либо. Люди... — Тед сглотнул и тяжело посмотрел на Джеймса, — люди не особенно жалуют оборотней.

Джеймс не знал, нужно ли согласиться с этим или нет. Не потому, что это было неправдой, а потому, что он не был уверен, что Тед нуждается в подтверждении этого.

— Мой отец сможет помочь тебе, я уверен, — сказал Джеймс, — и я тоже. Я не боюсь тебя, Тед, даже если ты оборотень. Я знаю тебя всю мою жизнь. Может быть, мы будем, знаешь, как твой отец и его друзья. У него был свой Джеймс Поттер, который ему помогал, а у тебя будет свой.

Тед улыбнулся и это была открытая, искренняя улыбка.

— Ты славный парень, Джеймс. Я не хочу тебя есть. Научись превращаться в огромного пса, как Сириус и, возможно, быть оборотнем будет не так уж плохо, если ты будешь бежать рядом со мной. Но я почти забыл, зачем вообще все это начал, — Тед посерьезнел и снова наклонился вперед. — У тебя есть тень твоего отца, чтобы расти в ней, совсем как у меня. Но я не могу изменить то, стану я таким как отец или нет. Ты можешь. Это не проклятие, Джеймс. Твой отец — великий человек.

Есть небольшая разница между тем, чтобы ценить то, каким он был, и тем, чтобы быть как он, если хочешь. С другой стороны, ну, это же твой выбор, не так ли? Все зависит от тебя. Это то место, где ты сможешь стать гораздо лучше. Твой отец никогда не просил помощи, так ведь? Но не потому, что он в ней не нуждался. Тот факт, что ты попросил о помощи, не говорит мне, что ты хуже него, он говорит мне, что ты узнал кое-что, что он никогда не знал. Ты — это ты, а не копия твоего отца. Я думаю, это здорово, если тебя интересует мое мнение. И это не только потому, что я буду помогать быстро стащить что-то у Табиты Корсики.

Джеймс не находил слов. Он просто смотрел на Теда, не уверенный в том, что чувствует или думает, не уверенный в том, что Тед сказал правду или нет. Он знал только, что это удивляет и смущает его, в хорошем смысле, слышать то, что сказал Тед. Тот закрыл огромную книгу, лежащую перед ним с глухим стуком.

— Пошли — сказал он, вставая и сгребая книги вместе — Помоги мне отнести это в общую комнату, что бы Петра смогла просмотреть их перед матчем. Она должна помочь мне проверить это или у нас ничего не выйдет. Ужин через час и после него мы будем очень заняты всю ночь, если ты понимаешь о чем я.

Полдень, когда должен был проходить последний матч по Квиддичу в этом сезоне, был прохладным и туманным, по небу быстро бежали серые тучи. Тихие и необычно мрачные Гремлины прошли через туннель за статуей Святого Локимагуса Постоянно Продуктивного. Когда они достигли лестницы, ведущей внутрь сарая с оборудованием, Тед замедлил шаг и дальше пошел на цыпочках. К настоящему времени Ридкулли уже должен был забрать чемоданчик с принадлежностями для Квиддича, но все же стоило быть осторожными. Тед осмотрелся в узком пространстве, но увидел только пыльные полки и несколько сломанных метел, тогда он подозвал остальных, следовавших за ним.

— Все чисто. Здесь должно быть безопасно сейчас, потому что Ридкулли уже ушел. Он — единственный, кто пользуется этим сараем.

Ральф поднялся по ступенькам и осторожно огляделся. Джеймс помнил, что, когда он и Гремлины пользовались секретным туннелем,

чтобы запустить Старелку, Ральфа с ними не было.

— Это магический туннель. Он работает только в одну сторону, — прошептал он Ральфу. — Мы можем вернуться через него, потому что это путь, которым мы прошли, но кто-нибудь другой найдет внутри оборудованный сарай.

— Круто, — выдохнул Ральф понимающе. — Это хорошо.

Джеймс, Ральф и Сабрина прижались к задней стене сарая, чтобы выглянуть в единственное грязное окошко. Поле для Квиддича находилось за сараем и они могли четко видеть три трибуны, практически заполненные учениками с баннерами в руках и преподавателями, все были одеты легко, не по сезону. Команды Когтеврана и Слизерина выстроились вдоль противоположных сторон поля, ожидая, пока их капитаны пожмут руки и выслушают традиционные наставления Ридкулли по основным правилам игры.

— Совсем забыла, — прошептала Сабрина, — такую очевидную вещь. Зейн здорово придумал.

Джеймс кивнул. Это была идея Зейна — осуществить кражу метлы в тот единственный открытый момент матча, в те несколько минут, когда обе команды выходят из раздевалок к трибунам, чтобы посмотреть церемонию открытия. Это была гениальная идея, потому что только в это время метлы находятся отдельно от своих хозяев, ждут в раздевалках, пока команды не заберут их для торжественного вылета.

— Пора, — сказал Тед, дотронувшись до плеча Джеймса, — Корсика уже там.

Джеймс сглотнул комок в горле, который больше походил на мраморный шар. Его сердце колотилось. Он достал мантию-невидимку из рюкзака, расправил ее и набросил на себя и Ральфа. Когда они подходили к двери сарая, Петра резко прошептала:

— Я вижу твои ноги, Ральф, пригнись еще.

Ральф присел, и Джеймс заметил, как концы мантии коснулись земли вокруг его ног.

— Не разгибайтесь и двигайтесь быстро, — проинструктировал Тед. Он повернулся и взглянул сквозь доски двери. Сарай был расположен на углу поля, просто внутри магической границы, воздвигаемой на время матча. Дверь была обращена в сторону от поля, к трибуне Слизерина, рядом с ним.

— Вроде все чисто, — сказал Тед, прижав лицо к трещине в двери. — Будем надеяться, что все смотрят на поле, а не на этот сарай, — с этими словами он толкнул дверь, открывая ее, и отступил в сторону. Джеймс и Ральф протиснулись мимо него, и Джеймс услышал стук двери, закрывшейся за ними.

Ветер был переменчивым и непредсказуемым. Он дул через поле, хлопая и теребя мантию-невидимку, развевая ее вокруг ног мальчиков.

— Кто-нибудь увидит мои ноги, — простонал Ральф.

— Мы почти дошли, — сказал Джеймс сквозь шум толпы. — Просто держись ближе и не разгибайся.

Сквозь прозрачную ткань мантии-невидимки Джеймс мог видеть темную пасть прохода в раздевалку слизеринцев. Массивные двери были широко распахнуты и зафиксированы защелками на стенах трибуны, чтобы ветер их не захлопнул. Игроки Слизерина выстроились в линию вдоль поля с другой стороны от дверного проема, достаточно близко, чтобы заметить неосторожное слово или мелькание их ботинок. Джеймс задержал дыхание, сдерживая желание побежать. Двое мальчиков медленно, бочком прокрались мимо ближайшего игрока Слизерина, Тома Скваллуса, и скользнули в тень дверного проема. Внутри ветра не было, и мантия повисла неподвижно. Джеймс осторожно выдохнул.

— Пошли, — прошептал он как можно тише. — У нас мало времени.

Джеймс знал, что планируют Гремлины, хотя сам ничего не видел. Зейн, который следил за всем, стоя на другой стороне поля вместе с командой Когтеврана, рассказал ему обо всем позже. Когда Табита и Дженнифер Теллус, капитан Когтеврана, направились в центр поля, чтобы встретиться с Ридкулли, странный звук возник в воздухе над их головами. Весь день небо было низким и пасмурным, затянутым серыми облаками, но сейчас зрители и игроки увидели как облака начали кружиться, спускаясь к земле.

Прямо над полем образовалась облачная выпуклость, закручивающаяся сама на себя и темнеющая, пока толпа смотрела. Шум на стадионе стих, и облака в этой тишине издали глубокий, вибрирующий стон, протяжный и зловещий. Только Зейн смотрел на сарай в дальнем углу поля. Он мог видеть только фигуры Теда и Петры,

низко свесившиеся из узкого окна, их палочки были подняты, размешивая облака. Он улыбнулся, а затем, когда настало подходящее время и весь стадион смолк, крикнул через все поле:

— Квиддич никогда не зависел от погоды, верно, Дженнифер?

По трибунам прошла рябь нервного смеха. Дженнифер быстро глянула на Зейна, а затем посмотрела на снижающуюся над ней воронку. Как Гремлину, Тед рассказал ей о плане, но Зейн решил, что ей было не так уж сложно изобразить нервозность. Ни Ридкулли, ни Табита Корсика, казалось, не были готовы двигаться. Корсика взглянула вверх на облака, ее волосы дико развевались вокруг лица. На лице Ридкулли отражалась мрачная решимость.

— Дамы и господа, — голос Дамьяна эхом отразился от трибун с его места в комментаторской кабинки, — кажется, мы переживаем ограниченный высотный природный феномен. Пожалуйста, оставайтесь на своих местах. Скорее всего, там вы в безопасности. Те кто на поле, пожалуйста, оставайтесь там, где вы есть. Ураган не сможет вас увидеть, если вы не будете двигаться.

В толпе кто-то крикнул:

— Это динозавр, ты, сумасшедший крылан!

— Тоже вариант, — ответил Дамьян усиленным магией голосом.

Сабрина и Ной выскочили из сарая и, сопротивляясь порывам ветра, метнулись к крохотной площадке, пристроенной к трибуне Пуффендуя. Палатка была подготовлена учениками Пуффендуя, но саму еду приготовили эльфы на кухне позади нее. Ной и Сабрина направились вдоль стены трибуны и остановились у открытых дверей.

— Эй, ребята, гляньте, что тут творится! — закричала Сабрина под нарастающий шум урагана. — Погода становится довольно скверной!

Сердитый эльф в глубине кухни опустил свою трубку.

— И что вы хотите, что бы мы с этим сделали, э? Может быть вы хотите, чтобы мы выстрелили волшебной пылью, успокаивающей шторм, из наших ушей?

— Я просто подумал о пятом пункте в пятьдесят пятом разделе Соглашения Коалиции Эльфов Хогвартса, — крикнул Ной, слегка присев в дверях, — где сказано, что эльфы отвечают за сохранность территории во время ненастной погоды. И я бы сказал, что погода снаружи действительно ненастная. Может, вы хотите, чтобы мы с

Сабриной закрыли двери и подождали, пока все само собой не утихнет? Ладно, тогда пойдём, Сабрина.

Эльф спрятал трубку в узел своей набедренной повязки и прыгнул вперед.

— Теперь это не проблема! — он повернулся и крикнул в глубины кухни. — Эй! Пекл! Крунг! Сид! Нам есть, чем заняться! Давайте-ка приступим.

Четверка эльфов потрусил за Сабриной и Ноем. Когда они пришли, сердитый эльф сказал через плечо:

— Премного благодарен, господин и госпожа. Теперь можете продолжать наслаждаться матчем.

Пока эльфы спешили сквозь ветер к дверям раздевалок, ураган, наконец, достиг поля. Он бушевал вдоль центральной линии, в двадцати футах правее от Табиты Корсика, и на несколько мгновений она была очарована им. Позже многие говорили, что это был самый маленький ураган, который они когда-либо видели. Трава в том месте, где он касался ее, дико колыхалась, но сила урагана значительно снижалась через сто футов или около того, так что на трибунах почти ничего не чувствовали. Дженнифер Теллус развернулась и побежала к боковой линии, чтобы присоединиться к своей команде. Ридкулли, казалось, ничего не заметил. В центре поля рядом с ним осталась стоять только Табита Корсика, она прикоснулась к своей палочке и огляделась, игнорируя завихрения урагана, казалось, что она ищет что-то.

В глубине раздевалки под трибуной Слизерина Джеймс и Ральф слышали шум урагана и скрип трибун под порывами ветра.

— Которая из них? — спросил Ральф, пока Джеймс стягивал с них мантию. — Их так много!

Джеймс направился мимо ряда метел, прислоненных к шкафчикам. В самом дальнем от двери углу одна из метел зависла в воздухе, словно в ожидании седока.

— Должно быть, это она, — сказал он, спеша к метле. Они остановились по обе стороны от нее. Вблизи казалось, что метла вибрирует или очень тихо жужжит. Низкий, тревожный звук шел от нее, слышный даже сквозь стон ветра и скрип трибун.

— Хватай ее, Джеймс. Пора убираться отсюда.

Джеймс потянулся и схватил метлу, но она не сдвинулась с места.

Он потянул ее, затем обхватил обеими руками и дернул. Метла была неподвижна, как будто была погребена в камне.

— В чем проблема? — протянул Ральф, оглядываясь на дверь. — Если мы еще будем здесь, когда они вернутся...

— У нас есть мантия-невидимка, Ральф. Мы можем спрятаться, — ответил Джеймс, но он знал, что Ральф прав. Раздевалка небольшая, и они не смогут убраться отсюда, даже если будут невидимы. — Метлу что-то удерживает. Я не могу ее сдвинуть.

— Ну, — ответил Ральф, неопределенно взмахнув рукой, — это же метла. Может, тебе стоит полететь на ней?

Джеймс почувствовал как его желудок упал.

— Я не могу полететь на ней, даже если бы я смог ее сдвинуть.

— Почему нет?

— Она не моя! Я не был особо хорош на метле, пока не получил мою Молниеносную, если ты помнишь. Мы хотим заполучить эту вещь, а не раздробить ее о стену вместе со мной.

— Ты стал гораздо лучше за это время! — настаивал на своем Ральф. — Даже до того, как ты получил свою Молниеносную, ты лучше справлялся с нагрузкой. Почти так же хорошо, как Зейн. Давай! Я... я запрыгну тебе на спину и наброшу мантию на нас обоих!

Джеймс уронил руки и вытаращил глаза.

— Ральф, это же полное безумие.

Вдруг оглушительный грохот эхом прокатился по коридору, ведущему на поле. Он сотряс стропила, обсыпав все вокруг пылью. Ральф и Джеймс вздрогнули.

— Что это было? — взвизгнул со страху Ральф.

— Я не знаю, — быстро ответил Джеймс, — но думаю, у нас не осталось вариантов побега. Ральф, будь готов прыгать.

Джеймс перекинул ногу через парящую, мягко урчащую метлу и крепко ухватился за ее ручку обеими руками. Медленно он перенес свой вес на метлу, позволяя ей держать себя.

Минутой ранее, снаружи, Табита Корсика что-то заметила. Зейн видел, как ее взгляд остановился на сарае. Каким-то образом она сочла этот ураган подозрительным и обнаружила единственное место, где кто-то может прятаться и творить заклинание под защитным барьером поля для игры в квиддич. Зейн был готов броситься на поле, чтобы отвлечь

ее, пока она не подошла к сараю. Он уже почти состряпал бестолковый план, собираясь притвориться, что перетаскивает ее в безопасное место. Она не пошла к сараю, она сделала всего один шаг в этом направлении, а потом увидела, как эльфы закрывают и блокируют двери в командные раздевалки. Табита развернулась на каблуках и специально пошла в сторону трибуны Слизерина. Даже если бы Зейн побежал изо всех сил, он не успел бы не пустить ее туда. Ему оставалось только надеяться, что эльфы будут выполнять свои обязанности независимо от того, что скажет Табита.

Ной и Сабрина следовали за эльфами к дверям раздевалки слизеринцев, издали наблюдая за тем, как они закрыли их и положили перекладину на место. Сабрина увидела Табиту, шедшую через поле, ее лицо помрачнело, и она достала свою волшебную палочку.

— Откройте эти двери! — крикнула Табита, ее голос был спокойным, но твердым. Она подняла палочку и указала ею на закрытые двери.

— Сильно извиняюсь, мисс, — ответил сварливый эльф, слегка хмурясь. — Требования Коалиции. Эти двери должны оставаться закрытыми до тех пор, пока их нельзя будет открыть, не опасаясь причинения ущерба.

— Откройте дверь сейчас же или отойдите в сторону, — приказала Табита. Сейчас она была всего в тридцати футах от дверей, и Сабрина видела по ее лицу, что Табита готова убивать. Она могла взорвать эти двери и, скорее всего, раздавила бы бедных эльфов, по долгу службы обязанных встать между ней и стеной. Очевидно, Табита догадалась, что происходит и знала, что ее метла в опасности.

— Эй, Корсика! — крикнула Сабрина, выступая вперед так, чтобы оказаться между Табитой и дверями. — Ты вызвала этот шторм, потому что слишком горда, чтобы проиграть Когтевану?

Табита уставилась на Сабрину, но продолжала идти в том же направлении. Ее волшебная палочка быстро качнулась и уперлась в Сабрину, которая остановилась на полпути. Ной прыгнул вперед, чтобы оттащить Сабрину назад, но он опоздал. Никто не услышал какое именно проклятие произнесла Табита, но оба увидели вспышку красного света, соскочившую с ее палочки. Оно ударило Сабрину в лицо и она отлетела назад, на Ноя. Они оба повалились на землю, их крики

потонули в вое ветра и шуме озадаченной толпы.

— Дамы и господа, — голос Дамьяна перекрыл шум, — давайте поддержим мистера Габриэля Ридкулли, нашего любимого судью квиддича, который в настоящее время пытается усмирить ураган чем-то вроде... ну, ритуального танца, я полагаю, — действительно, казалось, что Ридкулли танцует вокруг торнадо, кружащего по полю, создавая густые облака песка и пыли. Он тыкал волшебной палочкой в воронку, но каждый раз, когда он, казалось, как следует прицеливался, воронка перемещалась, рвалась навстречу ему и заставляла его танцевать в сторону. Толпа действительно начала поддерживать его, так что лишь немногие заметили то, что происходит у трибуны Слизерина.

— Последний шанс, — сказала Табита эльфам, охранявшим двери. Они взглянули на Сабрину, которая по-прежнему прижималась к Нюю, закрыв руками лицо.

— А теперь послушайте меня, мисс, — начал сварливый эльф, но его прервала вспышка красного света, попавшая в закрытые двери. Эльфы отлетели в стороны, как и огромная деревянная перекладина, перекрывающая дверь, которая взорвалась с оглушительным грохотом и осыпалась дождем обломков. Табита не остановилась в дверях. Она вскинула руку с палочкой снова, готовая послать заклинание сквозь открытые двери. Затем, она все же остановилась. Она склонила голову, прислушиваясь. Ной, пытающийся выбраться из-под ошеломленной Сабрины, тоже услышал это. Сквозь рев урагана и крики трибун прорвался звук, похожий на крик одного человека, и он быстро нарастал.

Двери в раздевалку слизеринцев, их практически сорвало с петель, словно кто-то вылетел изнутри. Ной заметил, как промелькнул кто-то пролетевший на метле мимо Табиты Корсики так быстро, что ее сбило с ног. Она упала в кучу земли в десяти футах оттуда. Голос кричащего наездника стих на расстоянии, пронесся через поле, через ураган и вылетел с другой стороны.

Джеймс прильнул к метле Табиты так плотно, как только мог. Он оставил Ральфа где-то позади в момент дикого ускорения, он сидел на метле. Он почувствовал оглушающий удар, когда метла пролетала через ураган, затем он открыл глаза и попытался взять контроль над бешено несущейся метлой. Поле для квиддича закружилось под ним, вызывая

тошноту, пока метла отвечала, сопротивляясь ему, но неспособная справиться с ним. Трибуна Когтеврана замаячила впереди, и Джеймс с трудом потянул вверх. Он пронесся над толпой, срывая с голов шапки, плакаты летели за ним.

Дамьян кричал что-то из комментаторской кабинки, но Джеймс не слышал его из-за свиста ветра в ушах. Он рискнул взглянуть вниз, опасаясь, что мог кого-то сбить. Никаких серьезных травм не наблюдалось, насколько он мог видеть. Развернувшись, он снова направился к трибуне Слизерина тем же путем, который уже проделал. Он наклонился в противоположном направлении и изо всех сил потянул метлу, пытаясь направить ее в дикий, невысказанный вираж. Трибуна Слизерина ушла в сторону. С чувством дикого торжества Джеймс осознал, что получил некоторый контроль над метлой. Он посмотрел вперед, чтобы узнать, куда летит, и ахнул. Он едва успел пригнуть голову прежде, чем влетел в открытую дверь сарая.

Метла, казалось, обладала собственным разумом. Она пролетела через туннель под сараем, и воздух в замкнутом пространстве с силой сдавил барабанные перепонки Джеймса. Когда они долетели до открытого выхода в пьедестале Святого Локимагуса, метла повернула так резко, что чуть не сбросила Джеймса.

Ощущение скорости потрясало, когда метла проносилась через залы. К счастью, большинство учеников ушли смотреть матч на Квиддичное Поле, и коридоры были по большей части пусты. Метла накренилась и ухнула в бездну лестничного пролета. Она пролетала над и под лестницами, когда они перемещались, чудом не задевая их, заставляя Джеймса нагибаться и прижиматься к метле все плотнее, настолько, насколько можно. Внизу промелькнул Пивз, пририсовывавший статуям усы. Джеймс заметил его краем глаза, а через мгновение, к его удивлению, Пивз сидел перед ним на ручке метлы.

— Рискованный трюк, крошка Поттер! — ликующе крикнул Пивз, пока метла проносилась по узкому коридору между аудиториями. — Не пытаешься ли ты по-дружески посоперничать со стариной Пивзом? Хи-хи!

Пивз схватился за канделябр, мимо которого они проносились, и повис на нем, оставив Джеймса и метлу, ныряющую под ним. Джеймс

пытался управлять ей, но это было бесполезно. Метла маниакально следовала своему маршруту. Она накренилась и нырнула вниз, влетев на каменную лестницу, ведущую на кухню эльфов. В отличие от остальной школы, на кухне былолюдно и суетно, эльфы убирались после ужина.

Метла пронеслась между гигантскими кастрюлями, заставляя эльфов разлетаться как кегли. Грохот посуды и столового серебра слился в жуткую какофонию на огромной скорости. Следующей была прачечная, жаркая и шумная. Метла пронеслась мимо стиральных машин, проскользнула под гигантские шестеренки и между чудовищных ручек урчащих поршней. Джеймс с ужасом увидел, что метла, очевидно, ища смерти, на полной скорости несется прямо к каменной стене в конце комнаты. Он уже хотел спрыгнуть с метлы, надеясь приземлиться в один из чанов с пенной водой, когда метла свернула немного влево и вверх под углом. Там в стене была дверь, и Джеймс понял, что это спусковой желоб для белья. Он стиснул зубы и снова вцепился в ручку метлы. Метла нырнула в желоб так стремительно, что Джеймс едва успел поджать ноги, а затем были только проносящаяся мимо тьма и давление.

Куча белья встретила его на полпути по желобу, и Джеймс задохнулся от кучи тряпок, навалившихся на него. Он старался освободиться от белья, но не мог рисковать и выпускать из рук ручку метлы. Метла снова нырнула, и по изменившемуся давлению и наличию свежего воздуха, Джеймс понял, что каким-то образом снова оказался на улице. Все, что он мог видеть из-за кучи белья, это слабый узор мерцающего света, когда метла наклонилась и спикировала. Джеймс рискнул отпустить одну руку. Он сгреб белье, развевавшееся вокруг него, столько сколько мог, и потянул изо всех сил. Ткань высвободилась, и он увидел размытый свет и почувствовал дуновение ветра. Он успел только понять, что, по одной ей известным причинам, метла везет его обратно на поле для квиддича.

Впереди замаячили трибуны. У основания ближайшей из них толпились люди, многие следили за ним, показывали и кричали. Затем, в какое-то мгновение метла просто перестала двигаться. Джеймс цеплялся за метлу до конца и казалось, что долгое время он просто рванулся сквозь воздух, ничем не поддерживаемый. Наконец, он врезался в землю с раскатистым стуком. Что-то в левой руке Джеймса

неприятно щелкнуло, и он, наконец, остановился и обнаружил себя глядящим в дюжину смазанных лиц.

— Похоже, он цел, — сказал один из них кому-то другому, стоящему неподалеку.

— Лучше, чем он заслуживает, — сердито ответил другой, хмурясь на него сверху вниз. — Пытаться сорвать матч, украв метлу капитана команды, никогда бы не подумала!

— Все в порядке, правда, — еще один голос, дальше. Джеймс застонал и попытался опереться на левый локоть. Его правая рука ужасно пульсировала. Табита Корсика стояла в двадцати футах, окруженная толпой благоговеющих зрителей. Ее метла неподвижно зависла рядом с ней, там, где она и остановилась. Она положила одну руку на нее, слегка придерживая метлу. — Мы можем простить детский энтузиазм первогодке, хотя я поражена тем, на что некоторые могут пойти ради квиддича. Правда, Джеймс. Это же всего лишь игра, — она улыбнулась ему, продемонстрировав все свои зубы.

Джеймс плюхнулся обратно на траву, прижимая к себе правую руку. Толпа расступилась, пропуская Ридкулли, Директриса, профессор Франклин и Джексон следовали за ним. Джеймс услышал, как Табита громко говорит членам своей команды, направляясь обратно на поле:

— Люди думают, что раз она сделана маглами, она должна быть слабой метлой, но ее магия сильнее, чем все, что вы сможете найти в стандартной Молниеносной, даже в тех, в которых есть функция расширенной экстра-жестикоуляции. Эта метла знает, кто ее хозяйка. Все что мне нужно сделать, это позвать ее. Мистеру Поттеру вряд ли было известно об этом. Вообще-то мне жаль его, он просто делал то, что считал нужным.

МакГонагалл присела на корточки рядом с Джеймсом, ее лицо было серьезно и полно ужаса.

— Правда, Поттер, я даже не знаю, что сказать.

— Локтевая кость сломана, мадам, — сказал Франклин, глядя на руку Джеймса сквозь странное устройство, состоящее из линз разных размеров и медных колец. Он аккуратно сложил его и спрятал во внутренний карман мантии. — Я предлагаю немедленно отвести его в больничное крыло, а вопросы можно задать и позже. У нас есть о чем заботиться в данный момент.

— Верно, — согласилась директриса, не сводя взгляда с Джеймса — Особенно когда мисс Сакарина и мистер Рекрент придут сюда в течение нескольких следующих часов. Я должна сказать, Поттер, я крайне удивлена. Вытворить нечто настолько легкомысленное в такое время, — она встала, отряхиваясь. — Хорошо, что ж. Мистер Джексон, не могли бы вы проводить мистера Поттера в больничное крыло, будьте добры? И, пожалуйста, предупредите мадам Карри о том, что мистер Поттер останется там на всю ночь, — она одарила Джеймса жестким взглядом, пока Джексон ставил его на ноги. — Я хочу точно знать, где искать его, когда я захочу задать ему вопросы. И никаких посетителей.

— Не волнуйтесь, мадам Директриса, — ответил Джексон, ведя Джеймса обратно к замку.

Первые пять минут они шли молча, затем, уже во дворе, куда не доносился шум со стороны поля, Джексон сказал:

— Я не сразу понял, что вы за фрукт, Поттер.

Боль в руке Джеймса превратилась в тупую пульсацию, хотя отвлечься от нее было все еще сложно.

— Простите, сэр?

— Я имею в виду, что раньше не сумел раскусить вас, — сказал Джексон располагающим голосом. — Очевидно, что вы знаете гораздо больше, чем мальчик вашего возраста должен знать, и я думаю, это не только потому, что вы — сын главы мракоборцев. Сначала вы пытаетесь украсть мой портфель, а затем сегодня вы занимаетесь этим нелепым фарсом, чтобы стащить метлу мисс Корсики. И несмотря на то, что другие могут подумать, Поттер, — он взглянул на Джеймса, пока они проходили через большой зал, его темные брови сдвинулись. — Я знаю, что пытался украсть ее не для того, чтобы предоставить Когтеврану лучший шанс на победу.

Джеймс прочистил горло:

— Я не понимаю, о чем вы говорите.

Джексон не обратил на него никакого внимания:

— Это не важно, Поттер. Что бы вы ни думали, что вы знаете, что бы вы ни делали, после сегодняшнего вечера не будет иметь никакого значения.

Сердце Джеймса пропустило удар, а затем начало тяжело биться в груди.

— Почему? — спросил он онемевшими губами. — Что случится сегодня вечером?

Джексон не обратил на него внимания. Он открыл одну из оцинкованных стеклянных дверей в больничном крыле и придержал ее для Джеймса. Комната была длинной и высокой, с ровными рядами кроватей. Мадам Карри, которая по очевидным причинам не была фанаткой квиддича, сидела за столом в дальнем углу, слушая классическую музыку на своем радиоприемнике.

— Мадам Карри, вы, должно быть, знаете мистера Поттера, — сказал Джексон, подталкивая Джеймса к ней. — Он каким-то образом умудрился сломать себе руку во время матча по квиддичу, несмотря на тот факт, что сам он не входил ни в одну из команд.

Мадам Карри встала и подошла к Джеймсу, качая головой.

— Хулиганы. Никогда не пойму, что это за спорт такой, который превращает в другом случае приличных людей в неандертальцев. Что же у нас тут такое? — она приподняла руку Джеймса, осторожно ощупывая перелом. Он зашипел сквозь зубы, когда она нашла его. Она поцокала языком. — Неприятный перелом, конечно, но могло быть и хуже. Что ж, приведем вас в порядок в мгновение ока.

— Кроме того, — сказал Джексон. — Директриса просила вас оставить мистера Поттера здесь на вечер, мадам.

Карри продолжала осматривать руку Джеймса.

— Костеросту понадобится время до завтрашнего утра, чтобы выполнить свою работу, по меньшей мере. Но все равно этого мало. Я могла бы отправить его в свою комнату, наложив шину.

— Директриса хочет задать мистеру Поттеру несколько вопросов, мадам. Она хочет, чтобы до тех пор он находился под наблюдением. Я боюсь, что это означает, что мистер Поттер подозревается в серьезном заговоре, способном подставить под удар всю школу. Я не могу сказать большего, но если вы поставите часовых у дверей, чтобы не пустить посетителей и не выпустить мистера Поттера до завтрашнего утра, не думаю, что вы переусердствуете.

— Она не говорила ничего подобного! — воскликнул Джеймс, но он понимал, что его возражения не помогут. На самом деле, чем громче он будет протестовать, тем хуже это будет выглядеть.

Карри ахнула и выпрямилась.

— Это имеет какое-то отношение к тому ужасному человеку, пробравшемуся сюда вчера? Я слышала, что он кто-то вроде магловского репортера и что он до сих пор здесь! Это так? — она прикрыла рот ладонью и перевела взгляд с Джексона на Джеймса.

— Я действительно не могу сказать вам большего, мадам, — ответил Джексон. — Кроме того, в конце мистер Поттер может быть полностью реабилитирован. Время покажет. В любом случае, — Джексон посмотрел на Джеймса и слабый намек на улыбку промелькнул в одном из уголков его губ. — До завтрашнего утра, Джеймс.

Он развернулся и покинул комнату, осторожно прикрыв за собой дверь.

Глава 17. Ночь возвращения

К ее чести, мадам Курио не позволила обвинениям профессора Джексона повлиять на лечение Джеймса. Несколько минут она изучала место перелома, ощупывая и надавливая, затем осторожно наложила шину. Она разразилась довольно суровой обличительной речью по поводу травм, получаемых во время игры в Квиддич, но ее голос звучал для Джеймса так, словно она просто повторяла то же, что и сотню раз. Ее мысли явно витали где-то далеко, и Джеймсу не нужно было обладать пророческим талантом, чтобы догадаться, что именно занимало ее разум.

Вторжение Мартина Прескотта вызвало волну догадок и тревог. Его признание в том, что он является представителем магловской прессы и тот факт, что его держали под замком в комнатах Альмы Алерона, только увеличивали количество разнообразных слухов и версий. На всю школу опустилась тень беспокойства, которую не

сумело развеять объявление Директрисы о скором прибытии официальных представителей Министерства, чтобы заключить с мистером Прескоттом некую сделку. Пока мадам Курио отмеряла дозировку Костероста, Джеймс заметил осторожные подозрительные взгляды, бросаемые на него. Кто-то ведь должен был пропустить сюда нарушителя. Так почему бы и не этот первокурсник, сын Главы Мракоборцев?

Джеймс знал, что некоторые люди — те, кто верил в рассказы Прогрессивного Элемента, могли бы ожидать, что он провернет такой трюк. Этим днем он слышал голос в группе учеников, говоривший: «Это похоже на правду, не так ли?» Вся суть Мракоборцев в том, что Статус о Секретности — это наша единственная защита от предполагаемых магловских охотников на ведьм. И что же они делают? Они позволяют этому парню пробраться внутрь и напугать нас всех мыслью о том, что маглы прячутся там, в лесу, за каждым кустом с факелами, готовые сжечь нас всех на костре. Это абсурд. Я думаю, пусть делает свой репортаж. Это покажет этим жадным до власти министерским что почем.

- Вот так, — сказала мадам Курио, выпрямляясь. — Все готово. В течение ночи ты почувствуешь небольшое покалывание и зуд, пока отрастает кость. Это абсолютно нормально. Шину не трогай. Последнее, чего бы тебе хотелось — это чтобы кость отросла криво. Чтобы это исправить, мне придется снова сломать кость и начать все заново, а мы бы этого, конечно, не хотели. А теперь, — она указала жестом на ряд кроватей, — выбирай любую, какая нравится. Я прослежу, чтобы утром тебе принесли сюда завтрак. Можешь устраиваться поудобнее.

Джеймс бросил свой рюкзак на одну из прикроватных тумбочек и забрался на необычайно высокую кровать. Это была очень удобная кровать, и на то была хорошая причина, ведь на все матрацы были наложены Чары Релаксирования. Однако, эти Чары не действовали на мысли Джеймса, которые были темны от разочарования и беспокойства. Профессор Джексон признал, что сегодня — ночь предельной важности.

Все перестало быть простыми догадками. А Джеймс здесь, застрял на всю ночь в больничном крыле, попавшись в ловушку профессора Джексона, хитроумно извратившего указания Директрисы МакГонагалл. Впервые оставшись один после неудачного похищения метлы, Джеймс в полной мере ощутил все синяки, полученные на поле для квиддича. План казался безумным с самого начала, но не более безумным, чем план по похищению портфеля профессора Джексона, но тот план ведь сработал? Все шло успешно до этого момента. Это напоминало невидимую кирпичную стену, которая вдруг накрыла их, остановив все в последний момент. Возможно, посох Мерлина — сильнейшая из трех реликвий. Сейчас Корсика, Джексон и Делакура наверняка готовятся объединить все реликвии вместе, не подозревая, что у них нет мантии, но обладая двумя наиболее важными реликвиями.

Несмотря на свое беспокойство, Джеймс уже начал засыпать под влиянием зачарованного матраса. Тут он выпрямился, сердце тяжело забилось в его груди. Что произойдет, когда Джексон откроет свой портфель и найдет в нем парадную мантию Ральфа вместо мантии-реликвии Мерлина? Чары Визиум Инептио падут и что потом? Джексон увидит портфель таким, какой он есть.

Он все поймет и вспомнит тот день в классе Техномантии, когда Джеймс, Ральф и Зейн использовали фальшивый портфель, чтобы обмануть его. Он решил, что они провалились, даже упомянул это, пока провожал Джеймса в больничное крыло. Он, конечно, поймет, что у них все получилось. Джексон умен. Он узнает у кого из мальчиков настоящая мантия. Не у Зейна, не у Ральфа, у Джеймса.

У мальчика, к которому он не особо «привязан». Придет ли Джексон в больничное крыло, чтобы потребовать вернуть мантию? Нет, что бы Джеймс ни думал, он знал, что Джексон не станет этого делать. Он направится прямо в гриффиндорские комнаты для мальчиков, к чемодану Джеймса. Возможно, он скажет, что ищет улики, обличающие Джеймса в заговоре против Хогвартса.

Конечно, Джексон сумеет открыть чемодан Джеймса и забрать мантию. Все, ради чего рисковали Джеймс, Ральф, Зейн, а теперь еще и Гремлины, оказалось бесполезным. Все было кончено, и Джеймс ничего

не мог с этим поделаться. Он в отчаянии стукнул кулаком по тумбочке. Мадам Курио, сидевшая за своим столом в углу, ахнула и прижала руку к груди. Она взглянула на Джеймса, но ничего не сказала. Джеймс притворился, что не замечает ее.

Его рюкзак соскользнул в сторону, когда он ударил кулаком по тумбочке. Решившись, он схватил его и открыл. Джейсон достал пергамент, чернила и перо. Он знал, что при обычных обстоятельствах мадам Курио никогда не позволила бы пациенту открыть бутылочку с чернилами над своими белоснежными простынями, но пока она встревожена, будет держаться подальше от потенциально опасной личности, чтобы не провоцировать его. Джеймс склонился над пергаментом и стал быстро, неуклюже писать рукой, заключенной в шину, не обращая внимания на то, что она стала влажной и иссиня-черной от чернил.

Дорогой Папа,

прости, что я взял Карту М. и Мантию-Н. Я знаю, что не должен был, но они были нужны мне, и я подумал, что ты поступишь так же. Я надеюсь, что ты не слишком сердишься. Знаю, что мне предстоит нелегкий разговор с мамой, но ты жезамолвишь за меня словечко, верно? Причиной, по которой я взял эти вещи, было то, что я обнаружил нечто действительно хорошо спрятанное и опасное здесь, в школе. Некоторые из преподавателей из Америки вовлечены в это, хотя вряд ли Франклин. Он классный. Так же в этом замешан П. Э. Я не хотел бы рассказывать тебе об этом в письме, но, пусть у меня и будут проблемы с тобой и мамой, мне все же очень нужно, чтобы ты приехал. Ты не мог бы тоже прибыть завтра? Мисс Сакаринаговорила, что у тебя важное задание, которое не может быть прервано, так что, возможно, у тебя не получится, но все же постарайся, ладно? Это действительно важно и мне нужна твоя помощь.

С любовью, Джеймс.

Джеймс свернул пергамент и связал его кусочком бечевки. Он не знал, как отправить его, но почувствовал себя гораздо лучше просто от того, что оно написано. Он вспомнил, что собирался написать отцу про заговор Мерлина перед тем, как они украли мантию и сам себя ругал за это. Тогда он думал, что причины, по которым он не хотел ничего говорить отцу, были хороши, но теперь, запертый в больничном крыле в главную ночь заговора Мерлина и зная, что несмотря ни на что, Джексон, возможно, уже заполучил реликтовую мантию, было глупо и самонадеянно не написать обо всем отцу раньше.

Новая идея пришла в голову Джеймсу, и он снова залез в свой рюкзак. Секунду спустя он извлек из него резиновую уточку Уизли, снизу на ней по-прежнему было написано почерком Зейна: «Прачечная»! Джеймс обмакнул перо в чернила и зачеркнул эту надпись, а затем под ней написал: «больничное крыло, пришлите Нобби к восточному окну». Закончив, он резко сжал утку. «Грязный пивной горшок!» — крикнула она.

В углу мадам Курио снова вздрогнула и осуждающе посмотрела на Джеймса. Возможный он преступник или нет, она явно считала его поведение необъяснимо грубым.

- Простите, мадам, — сказал Джеймс, демонстрируя резиновую утку. — Это не я, это моя уточка.

- Вижу, — сказала она с неодобрением. — Кажется, мне пора пойти передохнуть. Вам что-нибудь ээ... нужно?

Джеймс покачал головой.

- Нет, мадам, спасибо. Моя рука чувствует себя гораздо лучше.

- Не трогайте ее, как я уже говорила и к утру вы будете в порядке, — она встала и прошла мимо Джеймса к витражной двери. За молочного-белым стеклом виднелись две фигуры, Джеймс знал, что это Филия Гойл и Кевин Мердок, любезно присланный профессором Джексоном, чтобы следить за дверями. Мадам Курио отперла дверь и

вышла, пожелав часовым хорошего вечера. Дверь захлопнулась за ее спиной, и Джеймс услышал, как замок встал на место. Он разочарованно вздохнул и тут же подпрыгнул, когда его резиновая утка крякнула ругательство рядом с ним. Он перевернул ее и посмотрел на дно. Под его надписью была новая: «Открой окно, десять минут».

Он почувствовал себя немного получше. Он не был уверен, что Ральф или Зейн услышат своих уток и смогут ответить. На самом деле, он понятия не имел, что случилось с Гремлинами. Он чувствовал некоторую уверенность в том, что никто из них не был пойман, несмотря на то, что положение Ральфа чуть левее центра слизеринской раздевалки, пожалуй, было более шатким, чем у кого-либо еще. Несмотря на это, он надеялся, что даже Ральф смог сбежать, пока все следили за тем, как Джеймс вылетает из раздевалки на метле Табиты, и их внимание было приковано на его дикой гонке, а потом на том, как Табита позвала свою метлу обратно, и Джеймс вернулся на поле. Скорее всего, Ральф смог ускользнуть и вернуться в сарай, к Гремлинам.

Джеймс смотрел, как проходят минуты на часах над столом мадам Курио. Он подавил желание встать и открыть окно до того, как пройдет десять минут. Если мадам Курио вернется и увидит его стоящим перед открытым окном, она обвинит его в попытке побега, несмотря на то, что окно находится в тридцати футах над землей. Наконец, минутная стрелка показала пятнадцать минут девятого, Джеймс спрыгнул с кровати. Он схватил письмо с прикроватной тумбочке и побежал к крайнему окну справа. Задвижка легко повернулась, и Джеймс распахнул окно в прохладную туманную ночь. Небо прояснилось, открыв россыпь серебряных звезд, но никаких признаков Нобби не было. Джеймс облокотился о подоконник, глядя вдоль карниза, и тут чудовищная молчаливая фигура выплыла на него из темноты, закрыв звезды. Она тяжело упала на него, дернула и вытащила через окно прежде, чем он успел позвать на помощь.

Фигура сжала Джеймса так, что дыхание вырывалось из него со свистом. Далеко внизу голос громко прошептал:

- Не так сильно! Ты перемелешь ему все кости!

Джеймс с удивлением узнал голос Зейна. Гигантская рука слегка

расслабилась, и Джеймс увидел как мимо проплывают ярды великанши, пока его опускали на землю.

- Отличная работа, Пречка! — крикнул Зейн, похлопав великаншу по голени. Она радостно хрюкнула и уронила Джеймса на землю между своих массивных ног.

- Я думал, вы просто принесете Нобби! — пропыхтел Джеймс, вставая.

- Это была идея Теда, — сказал Ральф, выходя из тени ближайшего кустарника. — Он знал, что ты захочешь выбраться и посмотреть на все эту заваруху с Мерлином, особенно сейчас. Он пошел искать Грохха сразу, как только тебя забрал Джексон. Грохх нашел Пречку, которая достаточно высока для госпитального крыла, и мы как раз решали, как вытащить тебя из окна, когда ты крякнул нам. Мы подумали, удачно вышло.

- Да уж, — сказал Джеймс, потирая ребра тыльной стороной левой руки. — Хорошо, что она левша, или мне понадобилась бы новая порция костероста для руки. Она так схватила! Так где сейчас Тед, говорите?

- Под домашним арестом, так же как и все Гремлины, — ответил Зейн, пожимая плечами. — МакГонагалл знает, что они участвовали в похищении метлы, даже если пока не может это доказать. Она могла бы позволить им ускользнуть — но Джексон предложил изолировать всех Гремлинов до завтра, пока вся эта история с этим Прескотом не разрешится. Теда отправили в гостиную Гриффиндора как только он вернулся из леса с Гроххом. Всех, кроме Сабрины, которая получила от Корсики проклятие Гигантизма. Ее нос размером с футбольный мяч. С этим ничего нельзя сделать, только выспаться. Я думаю, мы тоже были бы под конвоем, если бы Джексон не считал Ральфа слишком тупым, чтобы участвовать в похищении метлы, а у меня не было бы замечательного алиби, ведь я был на поле все время. Итак, мы здесь. Каков план, Джеймс?

Джеймс перевел взгляд с Зейна на Ральфа, а потом на Пречку и глубоко вздохнул.

- Такой же как и всегда. Нам надо в Пещерную Цитадель, остановить Джексона, Делакруа и остальных. Нам по-прежнему надо завладеть посохом Мерлина, если сможем и более важно, мы должны сбежать с доказательствами того, что происходит.

- Верно-верно, — согласился Ральф.

- Но сначала, — сказал Джеймс, демонстрируя письмо, которое он написал отцу, — я должен отправить это. Я должен был отправить его недели назад, но лучше поздно, чем никогда. Тед был прав, если бы мы не попросили помощи Гремлинов, я бы по-прежнему торчал в больничном крыле.

- Если бы мы не попросили помощи Гремлинов, возможно, ты бы вообще туда не попал, — проворчал Ральф не без особых чувств.

- Зейн, — сказал Джеймс, поворачиваясь к нему и пряча письмо в карман, — а во сколько именно должно произойти выравнивание?

- В девять пятьдесят пять, — ответил Зейн. — У нас в запасе всего полтора часа.

Джеймс кивнул.

- Встретимся на краю леса рядом с озером через пятнадцать минут. Прихватите Пречку, если она пойдет.

Зейн взглянул на темную тушу великанши.

- Не думаю, что мы сможем избавиться от нее, даже если захотим. Кажется, ей нравится помогать.

- Отлично. Ральф, палочка при тебе?

Ральф извлек свою нелепую огромную палочку из заднего кармана.

Ее кончик угрожающе сверкнул лимонно-зеленым в темное.

- Не выхожу из дома без нее, — ответил он.

- Хорошо, держи ее под рукой. Будь начеку. Постарайся вспомнить все, что учил на ЗОТИ и будь готов применить эти знания. Что ж, пора идти.

Джеймс крался по полутемным коридорам, стараясь двигаться одновременно быстро и незаметно, что было непростой задачей. Он достиг отверстия за портретом как раз тогда, когда оттуда выходил Стивен Мецкер.

- Джеймс! — Стивен заморгал, удивленный. — Что ты здесь делаешь? Разве ты не должен быть... — Он запнулся, затем огляделся, изучая темные коридоры. — Быстрее входи, пока тебя не увидели.

- Спасибо, Стивен, — сказал Джеймс, ныряя за портрет.

- Даже не упоминай об этом, — отозвался Стивен. — И я говорю абсолютно серьезно. Я не видел тебя, ты не видел меня. Не заставляй меня пожалеть об этом.

- Пожалеть о чем? Ничего не было.

Стивен вышел в коридор, и портрет Полной Дамы захлопнулся перед Джеймсом.

Гремлины, за исключением Сабрины, собрались у камина, выглядели они угрюмыми и взволнованными. Увидев Джеймса, Ной оживился.

- Вижу, Пречка нашла своего мужчину.

Остальные развернулись, озорно улыбаясь.

- Что ты здесь делаешь? — спросил Тед, становясь серьезным. — Ральф и Зейн ушли вызволять тебя. У нас ушло полночи на то, чтобы уладить все после происшествия на поле для квиддича, и уже довольно

поздно. Тебе следует отправиться на остров. Или ты хочешь, чтобы мы пошли с тобой?

- Нет, у вас и так уже достаточно проблем. Я только хочу отправить это, — он продемонстрировал письмо. Тед одобряюще кивнул, понимая, кому оно предназначено. — Через десять минут мы с Ральфом и Зейном встречаемся в лесу.

- Я тоже пойду, — сказал Ной, вставая. — Корсика прокляла Сабрину. Хочу вернуть ей должок.

Джеймс покачал головой.

- Для вас троих сегодня ночью есть другая работенка, и она подразумевает проклятие, а то и два. Если Ральф, Зейн и я провалимся, Джексон или кто-то еще, возможно, явится сюда в поисках мантии Мерлина. Вы должны защитить ее. Если кто-нибудь придет за ней, вы должны остановить его, несмотря ни на что. Мне очень трудно говорить вам это, но... вы все сделаете?

Петра кивнула и посмотрела на Ноя и Теда.

- Нет проблем. Но как бы нам всем не хотелось наподдать одному из этих парней, все же постарайтесь не провалиться, хорошо?

Джеймс кивнул и, развернувшись, побежал по лестнице в комнаты мальчиков. В комнате было темно и пусто, но одна свеча все же горела рядом со входом в крошечную ванную. Нобби, который принципиально не жил в совятне и предпочитал оставаться на подоконнике Джеймса, спал в своей клетке.

- Нобби, — прошептал Джеймс, — нужно доставить папе сообщение. Я знаю, уже поздно, но это действительно важно.

Большая птица вытащила голову из-под крыла и сонно прищелкнула клювом. Джеймс открыл дверцу клетки, позволяя Нобби выбраться на стол. Когда письмо было привязано к протянутой лапе Нобби, Джеймс распахнул окно.

- В этот раз, когда вернешься, отправляйся в совятник. Как бы ни было хорошо иметь тебя под рукой, ты можешь втянуть меня в еще большую беду. Хорошо?

Филин взглянул на Джеймса большими непроницаемыми глазами и вскочил на подоконник. Громко хлопая крыльями, Нобби скрылся в темноте.

Джеймс уже собирался спуститься по лестнице, когда его взгляд упал на темную массу своего чемодана. Не изменил ли он слегка свое положение? Внезапно его поразил ледяной ужас. Возможно, Джексон уже приходил за мантией? Возможно, он проверил свой портфель, прежде чем идти в Пещерную Цитадель, просто, чтобы убедиться, и обнаружил обман. Конечно, Гремлины заметили бы, если бы Джексон пришел и ушел, но с другой стороны, могли и не заметить. Пока Джеймс все обдумывал, Джексон оказался умнее.

Возможно, он замаскировался сам, а может, попросил мадам Делакруа использовать свои Удаленные Фантомы, чтобы просто появиться в спальне мальчиков и спокойно забрать мантию. Опять-таки, Тед упоминал, что Ральф и Зейн были здесь, разбирали вещи после неудачи на квиддиче. Джеймс должен был узнать. Он присел на корточки перед чемоданом и достал волшебную палочку. Чемодан открылся по его команде, и мальчик перебирал его содержимое, пока не добрался до портфеля на дне. Он по-прежнему был там, но был слегка приоткрыт. Джеймс задохнулся от страха, а затем потянулся внутрь. Его пальцы нашли мягкие складки ткани. Он уловил запах листьев и земли, жизни и дыхания ветра. Он издал громкий вздох облегчения.

Открыв чемодан, Джеймс задумался, нужно ли ему что-нибудь для его приключений на острове. Он оглядел беспорядочные кучи одежды и всевозможных вещей на своей кровати и через пару секунд остановился на Карте Мародеров и мантии-невидимке. Он захлопнул чемодан, заперев его палочкой, а затем, поскольку рюкзак он забыл на столе в больничном крыле, он сгреб карту и мантию в кожаную сумку для книг, которую дала ему мама в начале года. Он развернулся и быстро сбежал

по лестнице, остановившись только для того, что бы предупредить Ноя, Петру и Теда о способностях Делакура.

- Не волнуйся, — ответил Ной, подпрыгивая и взбегая вверх по лестнице. — Мы глаз не спустим с твоего чемодана. Смена часовых каждый час, верно, Тед?

Тед кивнул. Успокоившись, Джеймс нырнул через проем портрета и поспешил на встречу с Ральфом и Зейном.

Пять минут спустя, когда он вышел во внутренний двор и в сад, в глазах Джеймса рябило от освещения в помещениях, поэтому он плохо видел в темноте. Он нащупывал путь вниз к озеру, пока не услышал свист Зейна, тщательно старавшегося изобразить птичку. Звук шел слева, и когда Джеймс повернул туда, он наконец разглядел тушу великанши, стоявшей на опушке леса. Зейн и Ральф стояли неподалеку.

- Неплохо вышло, верно? — сказал Зейн, ухмыляясь. — Видел такое в фильме про Джеймса Бонда, думал, вы оцените.

- Круто, — кивнул Джеймс. Прохладный ночной воздух окутал его, и Джеймс почувствовал дикое волнение и страх. Вот оно. Пути назад нет. Скорее всего, его исчезновение из больничного крыла уже заметили. Завтра будут проблемы, но если у них ничего не выйдет сейчас, появятся проблемы похуже. Джеймс посмотрел на Пречку.

- Она позволит нам ехать у нее на плечах? Только так мы попадем на место вовремя.

Пречка услышала его. В ответ она она опустилась вниз, земля содрогнулась, когда ее колени ударились о склон холма.

- Пречка поможет, — сказала она, стараясь сдерживать свой голос. — Пречка заботится о малышах.

Она улыбнулась Джеймсу, ее опущенная голова была высотой с него. Зейн, Ральф и Джеймс взобрались по рукам на покатые плечи великанши. Джеймсу понадобилась помощь Ральфа и Зейна, поскольку он не мог пользоваться своей сломанной правой рукой. Когда она

встала, это было подобно подъему на грузовом лифте к верхушкам деревьев. Без предупреждения она тяжело двинулась в лес. Ветви деревьев проносились мимо, изредка ломаясь, когда Пречка отодвигала их в сторону как тростинки.

- Откуда она знает, куда идти? — тихо спросил Джеймс.

Ральф пожал плечами.

- Грохх рассказал ей, не знаю как, наверно какие-то великанские штучки. Они просто помнят, где они были, и как попасть туда снова. Наверно, так они находят хижины друг друга в горах. Я совершенно не понимаю их язык, но она выглядит совершенно уверенной в себе.

Ехать на Пречке было не так как на Гроххе. Великан был осторожен и деликатен, а великанша качалась и двигалась шумно, ее тело вздрагивало от каждого шага, сотрясая мальчиков. Джеймс решил, что это все равно что ехать на гигантском шагающем метрономе. Лес проплывал мимо, жуткий с такого странного высокого угла зрения, словно он цеплялся за небо. Через некоторое время Джеймс потянул великаншу за неряшливую тунику.

- Остановись здесь, Пречка. Мы уже близко, и я не хочу, чтобы они услышали, как мы подходим, если этого можно избежать.

Пречка протянула руку, остановившись рядом с огромным корявым дубом. Осторожно она опустилась, и мальчики соскользнули с ее плеч по опущенной руке на землю.

- Жди здесь, Пречка, — сказал Джеймс в огромное бугристое лицо великанши. Она медленно, серьезно кивнула и снова встала. Ему осталось только надеяться, что она поняла его лучше, чем Грохх, который сбежал в поисках еды через пару минут после того, как они оставили его в прошлом году.

- Сюда, — сказал Зейн, указывая направление. Джеймс увидел отблеск лунного света на воде. Настолько тихо, насколько возможно, три мальчика пробирались между стволов деревьев и через подлесок.

Спустя пару минут они вышли на берег озера. Остров Пещерной Цитадели виднелся впереди, неподалеку от края воды. Его чудовищные очертания вырисовывались словно гигантский кафедральный собор, порожденный ночью. Мост к драконьей голове четко виднелся, открытый, гостеприимный и угрожающий одновременно. Джеймс услышал, как Ральф сглотнул. Молча они направились вперед.

Когда они подошли к открытому мосту, луна вышла из-за кучки похожих на дымку облаков. Остров Пещерной Цитадели предстал в серебряном свете. В нем не осталось почти ничего дикого и деревянного. Мост к драконьей голове выглядел как ужасная, но аккуратная скульптура, откровенно зевающая перед ними. В его глотке ворота инкрустировала не лоза, а солидное и витиеватое кованое железо. Джеймс мог спокойно прочитать стихотворение, выгравированное на дверях.

- Закрыто, — прошептал Зейн с надеждой. — Это что-нибудь значит?

Джеймс покачал головой.

- Не знаю. Пойдем посмотрим, сможем ли мы попасть внутрь.

Трое мальчиков на цыпочках перешли мост. Джеймс, шедший впереди, увидел, что верхняя челюсть моста открывается по мере того, как они приближаются к воротам. Движение было тихим и вкрадчивым, почти незаметным. Ворота, тем не менее, по-прежнему оставались плотно закрытыми. Джеймс попытался было достать свою волшебную палочку, но замер, зашипев от боли. Он забыл про шину на сломанной правой руке.

- Ральф, придется тебе это сделать, — сказал Джеймс, отходя вправо, чтобы пропустить вперед Ральфа. — Моя рука для палочки не работает. Кроме того, ты же гений заклинаний.

- Ч-что я должен сделать? — пробормотал Ральф, вытаскивая свою палочку.

- Просто используй отпирающее заклятье.

- Эй, подожди! — вскинул руку Зейн. — Когда мы это пробовали в прошлый раз, то чуть не стали закуской для деревьев, помнишь?

- Это было тогда, — рассудительно заметил Джеймс. — Остров не был готов. А сейчас, я думаю, ночь особая. Он пропустит нас в этот раз. Кроме того, это же Ральф. Если кто-то и может сделать это, то только он.

Зейн скривился, но не нашел других аргументов. Он отступил на шаг, давая Ральфу место. Ральф нервно направил свою палочку на ворота, его рука дрожала. Он откашлялся.

- Как оно звучит? Я все забыл!

- Алохомора, — ободряюще прошептал Джеймс. — Ударение на второй и четвертый слог. Ты делал это множество раз. Не волнуйся.

Ральф застыл, пытаясь остановить дрожь в руках. Он сделал глубокий вдох и дрожащим голосом произнес заклинание.

Лианы, обвивающие ворота, сразу же ослабли. Строки стихотворения распались на завитки и усики, контрастируя с деревянной дверью. Спустя пару минут двери тихо распахнулись.

Ральф взглянул на Джеймса и Зейна, его глаза были дикими и обеспокоенными.

- Ну, это сработало, я полагаю.

- Я тоже так думаю, Ральф, — сказал Зейн, двигаясь вперед. Все трое осторожно шагнули во тьму за воротами.

Внутри Пещерная Цитадель была круглой и практически пустой, за исключением деревьев, растущих в виде столбов, поддерживающих

куполообразный потолок ветвями и упругими листьями. Пол пещеры был каменным, ступени вели в середину. Там, в самом центре, в круглой чаше с землей, в луче яркого лунного света, исходящего из центра купола, стоял трон Мерлина, а перед ним, на фоне лунного луча, спиной к ним, стояла мадам Делакура.

Джеймс почувствовал себя слабым от страха. Он замер на месте и едва ощутил руку Ральфа, тянущую его назад, в тень одного из деревьев-колонн. Он споткнулся и упал за деревом рядом с Ральфом и Зейном. Осторожно и медленно Джеймс выглянул из-за дерева-колонны, он вытаращил глаза, его сердце бешено колотилось.

Делакура не шевелилась. Она по-прежнему стояла спиной к ним, неподвижно уставившись на трон. Трон Мерлина был высок, с прямой спинкой и узок. Он был сделан из полированного дерева, но было в нем что-то более изысканное, чего Джеймс не мог объяснить. Он был сформирован из виноградных лоз и листьев, скручивающихся и запутанных. Единственной сплошной частью было сиденье и центр спинки. Трон выглядел так, словно он вырос прямо в этой чаше, так же, как и Пещерная Цитадель, поддерживающая сама себя. Больше никого не было видно. Очевидно, Делакура пришла раньше всех. Джеймс удивился, как долго она стоит неподвижно, глядя на трон, когда послышался звук чьих-то шагов позади них, со стороны моста в драконьей голове. Джеймс задержал дыхание и почувствовал, что Ральф и Зейн присели так низко, как смогли, позади него, скрываясь между низких кустов облицовки пещеры.

Раздался мужской голос, тихо произнесший некую команду на незнакомом Джеймсу языке. Он звучал одновременно пугающе и притягательно. Когда затихли его отзвуки, лозы ворот снова расплелись, со стороны каменных ступеней послушались шаги. В поле зрения показался профессор Джексон, двинувшийся к центру Пещерной Цитадели за спиной мадам Делакура.

- Профессор Джексон, — произнесла мадам Делакура, ее голос с сильным акцентом отдался эхом в каменной чаше пещеры, — вы

никогда не обманывали моих ожиданий.

Она так и не обернулась.

- Как и вы моих, мадам. Вы рано.

- Я наслаждаюсь моментом, Теодор. Прошло столько времени. Я бы сказала «слишком много», если бы верила в случайности. Конечно же, я не верю. Все так, как должно быть. Я делаю то, что должна делать. Даже вы сыграли роль, которую вам суждено было сыграть.

- Вы действительно верите в это, мадам? — спросил Джексон, останавливаясь в нескольких футах позади Делакура. Джеймс заметил, что Джексон сжимает свою ореховую волшебную палочку в руке. — Интересно. Как вы знаете, я не верю в шанс или судьбу, я верю в выбор.

- Не важно, во что вы верите, Теодор, если ваш выбор приведет к верному финалу.

- Мантия у меня, — решительно заявил Джексон, отбросив в сторону вежливость. — Она всегда была у меня. Вы не сможете ее забрать. Я здесь, чтобы посмотреть на это. Я здесь, чтобы остановить вас, мадам, несмотря на все ваши старания не пустить меня сюда.

Джеймс открыл было рот и тут же прикрыл его рукой. Джексон здесь, чтобы остановить ее! Но как? Джеймс почувствовал ледяной ужас. Рядом с ним Ральф прошептал почти беззвучно:

- Он сказал...

- Шшшш! — прошипел Зейн — Слушайте!

Делакура издала странный, ритмичный звук. Ее плечи слегка вздрагивали вместе с ним, и Джеймс понял, что она смеется.

- Мой милый, милый Теодор, я никогда не пыталась с вами спорить. Почему, если я не подавала никаких признаков сопротивления относительно вашего присутствия во время этой поездки, вы не выбрали не приходить сюда вообще. Я нуждаюсь в вас, профессор. Я нуждаюсь в

том, что у вас есть, в том, что, как вы горячо верите, вы будете защищать.

Джексон замер.

- Вы думаете я настолько глуп, чтобы принести сюда мантию сегодня ночью? Тогда вы еще более самонадеянны, чем я думал. Нет, мантия в безопасности. Она охраняется лучшими чарами и противоотпирными заклинаниями из когда-либо созданных. Я уверен в этом, потому что они были созданы мной лично. Вы не сможете найти ее, в этом я тоже уверен.

Но Делакура холодно рассмеялась. Она по прежнему не поворачивалась. Столб света освещающий трон, казалось, стал ярче, и Джеймс понял, что это отраженный свет планет. Время Пересечения Старейших почти наступило.

- О, профессор, ваша самоуверенность поражает меня. С такими врагами как вы, мой успех становится все более очевидным. Неужели вы думаете, я не знала, что все это время вы хранили мантию Мерлина в своем портфеле? Неужели вы думаете, я не готовилась к тому, чтобы заполучить мантию с того момента, как впервые попала сюда? Мне достаточно шевельнуть пальцем и мантия сама прилетит ко мне этой ночью.

Джеймса поразила ужасная мысль. Он вспомнил день, когда во время защиты от темных искусств Джексон и профессор Франклин разговаривали на пониженных тонах. Мадам Делакура подошла к двери, чтобы сказать, что его класс ждет. Джеймс оглянулся на мгновение, и портфель таинственным образом раскрылся. Возможно ли, что мадам Делакура подстроила это, чтобы Джеймс увидел, что там внутри. Пыталась ли она использовать его каким-то образом? Он вспомнил, что Зейн и Ральф говорили, что кража мантии прошла легко. Как-то слишком легко. Он вздрогнул.

- Джеймс, — прошептал Ральф, — ты же не притащил сюда мантию в эту ночь, правда?

- Конечно, нет! — ответил Джеймс. — Я же не псих!

Зейн старался говорить настолько тихо, насколько возможно:

- А что тогда в сумке для книг?

Джеймс ощутил как ужас и гнев смешиваются внутри него.

- Карта Мародеров и Мантия-невидимка!

Ральф протянул руку и, схватив Джеймса за плечо, развернул его лицом к себе. На его лице был ужас.

- Джеймс, у тебя не было Мантии-невидимки! — выдохнул он надтреснутым голосом. — Она у меня! Ты оставил ее мне в раздевалке Слизерина, помнишь? Я использовал ее, чтобы сбежать! Она у меня в чемодане в слизеринской спальне для мальчиков!

Джеймс, окаменев, смотрел на Ральфа. Внизу, в центре Пещерной цитадели, продолжала хохотать мадам Делакруа.

- Мистер Джеймс Поттер, — позвала она сквозь смех. — Пожалуйста, не стесняйтесь, присоединяйтесь к нам. И друзей своих приводите, если желаете.

Джеймс словно прирос к месту. Конечно же, он не пойдет туда. Он убежит. Теперь он понял, что в его сумке для книг мантия Мерлина, которую его обманом заставили принести сюда, заставили думать, что он берет мантию-невидимку. Самое время было бежать, но он этого не сделал. Ральф толкнул его, призывая идти, но Зейн, с другой стороны от Джеймса, медленно встал и вытащил свою палочку.

- Королева вуду думает, что она очень умная, — громко сказал он, обходя вокруг колонны и направляя палочку на нее. — Ты настолько же зла, насколько уродлива. **Оцепеней!**

Джеймс затаил дыхание, когда луч красного света выстрелил из палочки Зейна. Проклятие ударило мадам Делакруа прямо в спину и

Джеймс почти увидел, как она упала без сознания. Она не двинулась, однако, Джеймс разочарованно увидел, как луч красного света проходит сквозь нее. Он ударил в землю возле трона и исчез. Делакруа, по-прежнему смеясь, повернулась лицом к Зейну.

- Уродлива? Я? — ее смех иссяк, когда она встретилась взглядом с Зейном. Она больше не была слепой и старой. На самом деле, это был ее фантом, спроецированная версия ее самой. — Злая? Возможно, но только для развлечения.

Фантом мадам Делакруа протянул руку, и Зейна грубо сбило с ног. Палочка вылетела из его руки, и он врезался прямо в дерево-колонну в трех футах над землей. Казалось, что он висит там на крючке.

- Если я действительно злая, я должна убить тебя сейчас, не так ли? — она улыбнулась ему, а затем взмахнула рукой в сторону того места, где прятался Джеймс. — Мистер Поттер, пожалуйста, это глупо с вашей стороны — противиться мне. В конце концов, вы всего лишь ученик. Приведите мистера Дидла с собой. Пусть все наслаждаются зрелищем.

Джексон развернулся, когда Зейн вышел вперед, наблюдая за происходящим без особого удивления, он по-прежнему сжимал палочку, но она была опущена. Теперь он смотрел, как Джеймс и Ральф торопливо встали, словно против воли, и направились к центру пещеры. Его глаза встретились с глазами Джеймса, его темные брови опустились, он нахмурился.

- Остановитесь, Поттер, — тихо произнес он, поднимая палочку и направляя ее на пол перед Джеймсом и Ральфом. Они замерли, словно наступили в клей.

- Ох, Теодор, тебе обязательно продолжать? — вздохнула Делакруа. Она взмахнула рукой в его сторону, сложив пальцы в сложный жест. Палочка вылетела из рук Джексона, словно ее выдернули за веревочку. Он схватился за нее, но она взлетела вверх и в сторону. Делакруа сделала другой жест руками, и палочка хрустнула в воздухе, будто ее переломили о колено. Лицо Джексона не изменилось, он медленно опустил руку, пристально глядя на обломки своей

ореховой палочки. Когда он снова повернулся к Делакруа, его лицо было белым от ярости, он двинулся к ней. Рука Делакруа словно молния метнулась к складкам одежды и извлекла ее ужасную палочку из виноградного корня.

- Может быть только одно представление о реальности вещей, — сказала она игриво, — магия земли в этом месте, словно мой фантом, но я уверяю тебя, Теодор, она действительно настолько сильна, насколько я считаю. Не заставляй меня уничтожать тебя.

Джексон остановился, но выражение его лица не изменилось.

- Я не могу позволить тебе сделать это, Делакруа. Ты знаешь это.

- О, но ты уже позволил! — злорадно захихикала она. Она направила палочку на Джексона и взмахнула ей. Луч уродливого оранжевого света вырвался из нее, отбросив Джексона назад. Он тяжело упал на верхние ступени каменной лестницы, стеная от боли. Он попытался встать, Делакруа закатила глаза.

- Герои, — сказала она презрительно и снова взмахнула своей палочкой. Джексон взлетел с земли и врезался в одно из деревьев-колонн, поддерживающих пещеру. Он повис там, очевидно, потеряв сознание.

- А теперь, — сказала она, лениво указав палочкой в сторону Джеймса и Ральфа, — пожалуйста, подойдите ко мне.

Мальчиков оторвало от земли и перенесло вниз над ступенями. Они неуклюже приземлились на ноги в траву на дне пещеры прямо перед фантомом мадам Делакруа. Ее глаза были изумрудно-зелеными, колючими.

- Дайте мне мантию. И, пожалуйста, не заставляйте меня причинять вам вред. Я прошу лишь однажды.

Сумка для книг соскользнула с плеча Джеймса и упала на землю к его ногам. Джеймс взглянул на нее, чувствуя потрясение и безнадежность.

- Пожалуйста, — сказала Делакруа и взмахнула своей палочкой. Джеймс рухнул на колени, словно что-то тяжелое упало ему на плечи. Его руки проникли в сумку, нащупали мантию и достали ее. Ральф попытался схватить ее, но, казалось, его пригвоздили к месту, он не мог сдвинуться с места больше чем на несколько дюймов.

- Не делай этого, Джеймс!

- Я не делаю, — ответил он безнадежно.

Глаза Делакруа жадно сверкнули. Она протянула руку и осторожно приняла мантию из рук Джеймса.

- Свободу сильно переоценивают, — беззаботно заметила она.

- Ты не победила, — сердито сказал Джеймс. — У тебя нет всех реликвий.

Делакруа оторвала взгляд от мантии и взглянула на Джеймса с вежливым любопытством.

- Вы так думаете, мистер Поттер?

- Нет! — крикнул Джеймс, стиснув зубы. — Мы не заполучили метлу. Она по-прежнему у Табиты. Я даже не уверен, что она знает, что это такое, но я не вижу, чтобы она несла ее сейчас к вам, — он надеялся, что был прав, говоря это. Он нигде не видел метлы, и Табиты тоже, если, конечно, она не пряталась, как и они ранее.

Делакруа тихо засмеялась, словно Джеймс выдал отличную шутку на вечеринке.

- Это прекрасное место, чтобы что-то спрятать, так ведь, мистер Поттер? А мисс Корсика — замечательная кандидатура, чтобы хранить его для меня. Это такая замечательная мысль, что вы на самом деле даже ни разу не задумались, о том, что на деле это может оказаться умной ложью. Интересно, что метла мисс Корсики не более чем подходящая хитрость. Не так как мантия, но посох Мерлина тоже нашел путь ко мне в эту ночь независимо от того, что вы могли подумать. На самом деле, он прекрасно охранялся.

Красивый фантом мадам Делакура повернулся к Ральфу и протянул к нему руку.

- Вашу палочку, мистер Дидл.

- Н-нет, — запротестовал Ральф, его голос был жалобным. Он попытался попятиться.

- Не заставляйте меня настаивать, Ральф, — сказала Делакура, направляя на него свою палочку.

Рука Ральфа дернулась и направилась к его заднему карману. Дрожа, он достал свою смехотворно огромную палочку. Впервые Джеймс понял что это такое. Это была не просто толстая палка, заостренная на одном конце. Это была часть чего-то большего, износившаяся со временем, но по-прежнему, как было продемонстрировано, чрезвычайно и необъяснимо мощная. Делакура протянула руку и почти изящно вырвала посох Мерлина из рук Ральфа.

- Не было необходимости мне самой рисковать, провозя такую вещь в эти земли. Кто-нибудь мог засечь ее, если бы она была у меня. Так что я продала ее вам и вашему очаровательному отцу, мистер Дидл. Я была вашим продавцом на самом деле, в другом обличье. Я надеюсь, вам понравилось пользоваться посохом. Такое могущество, не так ли? О, кажется, — добавила она, поворачиваясь, — вы думали, это только ваше могущество? Простите, мистер Дидл. Неужели вы и правда думали, что смогли бы пройти в Цитадель, если бы у вас не было посоха Мерлина? Вам не кажется это смешным? Вы ведь маглорожденный. Прошу, извините меня, — она снова зло рассмеялась.

Она развернулась и стала аккуратно размещать реликвии на троне. Джеймс и Ральф посмотрели друг на друга, затем Джеймс попытался обернуться и разглядеть Зейна, который по-прежнему висел на дереве-колонне, но тьма была слишком густой.

Мадам Делакура отступила от трона, сделав глубокий вдох в

предвкушении. Она встала между Ральфом и Джеймсом, словно они были ее компанией.

- Ну вот. О, я так рада. Не хочу хвастать, но все вышло так, как я и планировала. Наслаждайтесь зрелищем, мои юные друзья. Я не могу гарантировать, что Мерлин не уничтожит вас, когда вернется, но, думаю, это не высокая цена за подобные вещи, согласны?

- Будет лучше, если он уничтожит тебя, — сказал Джеймс сквозь стиснутые зубы.

- Какой ядовитый ответ, — ответила Делакура, улыбаясь. — Интересно, где вы такому научились.

Мантия Мерлина тряпкой висела на спинке трона, словно Мерлин просто нырнет в нее, когда появится. Посох Мерлина был прислонен к трону спереди. Луч, сотканный из лунного и звездного света, стал очень ярким, прочертив тусклую линию во тьме сквозь отверстие купола в центр лужайки. Три реликвии сияли в серебряном свете. Время Пересечения Старейших пришло.

Джеймс что-то услышал. Он знал, что мадам Делакура и Ральф тоже это слышат. Все трое повернули головы, стараясь найти источник звука. Он был низкий и тихий, идущий со всех сторон одновременно. Он был робким и далеким, словно низкая нота сотни флейт, но он нарастал. Мадам Делакура огляделась, на ее лице было ликование, и, Джеймс был уверен в этом, призрак она или нет, но страх на ее лице тоже был. Вдруг она схватила обоих мальчиков за руки и выдохнула:

- Смотрите!

Щупальца тумана вползали между колонн в пещеру, неся с собой звук. Джеймс огляделся. Щупальца просачивались между ветвями, составлявшими куполообразный потолок. Они были легкими, как туман, но двигались целенаправленно и быстро. Они как змеи ползли к трону и там начали сливаться. Сливаясь, они сплетались и стягивались, образуя поначалу всего лишь туманные очертания, а затем твердея и входя в фокус. Слегка изогнутые, горизонтальные линии объединились

в центре трона. Невольно вздрогнув, Джеймс понял, что это ребра скелета.

Позвоночник вырос из них вверх и вниз, объединяясь с еще двумя фигурами, черепом и тазом. Джеймс понял, что это трансгрессия в сильно замедленном виде. Атомы Мерлина стремились друг к другу, преодолевая вековое бездействие. Звук, сопровождавший трансгрессию, возростал в объеме и адаптировался, поднялся на октаву и стал почти человеческим.

- Эй, королева вуду, — произнес голос прямо за Джеймсом, заставив всех троих подпрыгнуть. — Это уловка.

Длинная дубинка упала на голову Делакруа, разбив ее на сотню комков влажной грязи. В то же мгновение связывающее тело проклятие отпустило Джеймса и Ральфа. Джеймс повернулся и увидел Зейна, держащего конец дубинки, снова опускающего ее на то, что осталось от фантома Делакруа, поскольку он пытался восстановиться. Выше плеч Делакруа, казалось, была сделана из комков грязи, извивающихся корней и червей. Руки фантома скребли разрушенную шею, пытаясь снова придать ошметкам форму.

- Она забыла про меня, когда начал проявляться Мерлин! — сообщил Зейн, вытягивая дубинку и забрасывая ее себе на плечо. — Я отлепился от колонны и схватил ближайший тяжелый предмет, какой смог найти. Хватайте мантию и посох!

Зейн взмахнул дубиной как бейсбольной битой, сбивая одну из рук Делакруа от плеча. Она ударилась о землю и рассыпалась кучкой грязи и червей.

Джеймс прыгнул вперед и сгреб мантию Мерлина, просунув левую руку прямо сквозь формирующуюся фигуру волшебника. Он потянул, но мантия осталась на спинке, стараясь сохранить свое положение. Джеймс уперся каблуками в мягкую землю и потянул так сильно, как только мог. Мантия оторвалась от спинки трона, прошла сквозь скелетообразную фигуру, сидящую на нем. Фигура вцепилась руками в

трон и, казалось закричала, подняв гул на октаву. Ральф рванулся и схватил посох, который вырос и так же, как и фигура на троне, обрел прочность. Ральф отпрыгнул назад вместе с ним, подняв его высоко над головой.

Фантом мадам Делакура, казалось, разрывался между попытками восстановить себя и вернуть мантию и посох на место. Он дико замахал своей оставшейся рукой на Ральфа, затем попытался вырвать мантию из рук Джеймса. Зейн пританцовывал перед фантомом, высоко поднимая дубинку прежде чем опустить ее снова, погрузив ее почти до пояса в распадающуюся фигуру. Джеймс взглянул на трон Мерлина и увидел, что фигура, сложившаяся в целый скелет с прозрачной мускулатурой, облегающей его как мох, ужасно извиваясь, снова начала превращаться в туман. Звук мерлиновой трансгрессии стал похож на протяжный крик.

Но тут словно из ниоткуда среди них возникла другая фигура. Она появилась из темноты Пещерной Цитадели и двигалась со страшной скоростью. Это была дриада с ужасно длинными голубыми ногтями, но она была не одна. Кто-то еще двигался в тени, словно дриада была всего лишь костюмом. Новый крик присоединился к пронзительному вою наполовину сформировавшегося Мерлина.

- Хозяин! Нет! Я не подведу вас! Ваше время, наконец, пришло!

Фигура раскололась, полностью утратив форму дриады. Она стала просто двумя огромными черными когтями. Они одновременно набросились на Джеймса и Ральфа, схватив мантию и посох и отбросив мальчиков на каменные ступени. Когти повернулись, возвращая реликвии на их места, а затем рассыпались, упав в пыль, словно обессилели.

Фигура на троне втянула обратно в себя туманные щупальца и начала укрепляться со страшной скоростью. Кости обрастали мышцами слой за слоем. Органы проявились внутри грудной и брюшной полости, формируясь из вен. Тело заполняло мантию и мантия окутывало его. Кожа собиралась на теле каплями, поначалу походя на мембрану, но

потом уплотнилась, становясь розовой и плотной. Пальцы судорожно сжали посох, который вырос до шести футов, оканчиваясь мягким конусом внизу и тяжелым набалдашником сверху. Руны, сияющие зеленым светом, побежали вверх и вниз по посоху. Звук возвращения Мерлина перешел в долгий крик, и у волшебника наконец закончилось дыхание, его голова откинулась назад, связки шеи были напряжены как проволока. Спустя долгое мгновение он сделал свой первый вдох за тысячу лет, наполнивший его широкую грудь, и опустил голову.

- Хозяин! — воскликнул призрачный голос. Джеймс перевел взгляд с фигуры на троне на тень, что вызвала ужасные когти. Это был маленький человечек, почти невидимый. Он задышался, его лысая голова блестела в неясно лунном свете. — Вы вернулись! Моя работа завершена! Я свободен!

- Я вернулся, — согласился Мерлин. Его лицо было бесстрастным, глаза пристально смотрели на призрака. — Но в какое время ты вернул меня, Астрамаддукс?

- М-Мир готов принять вас, хозяин! — запнулся призрак, его голос был высоким и испуганным. — Я... Я ждал, пока наступит подходящее время! Баланс между магией и ее отсутствием должен быть в ваших руках, хозяин! Время... время пришло!

Мерлин смотрел на призрака, по-прежнему не двигаясь.

- Умоляю, хозяин! — воскликнул Астрамаддукс, падая на свои призрачные колени. — Я наблюдал за веками! Мой долг... мой долг был больше, чем я мог вынести! Я ждал так долго, как мог. Я только немножко помог! Я нашел женщину, хозяин! Ее сердце было открыто мне! Она разделяла наши цели, так что я... я поддержал ее! Я помог, но немножко! Чуть-чуть!

Взгляд Мерлина переместился с Астрамаддукса на фантом мадам Делакура, который почти восстановил себя. Она тоже бросилась на колени, и когда она заговорила ее голос звучал так, словно рот был

полон грязи.

- Я твоя слуга, Мерлин. Я призвала вас, что бы выполнили свое предназначение, повели нас против этих червей-маглов. Мы нуждаемся в вас. Мир нуждается в вас.

- Эта кукла из грязи должна быть моей музой? — сказал Мерлин, его голос был низким, но почти оглушал своей силой. — Давай посмотрим, как она выглядит на самом деле, а не как ей хочется, чтобы она выглядела.

Делакруа выпрямилась и попыталась заговорить, но ничего не вышло. Ее челюсти работали словно механические, а затем жуткий глубокий хрип вырвался из ее глотки. Фантом вскинул руки, схватился за шею, царапая ее, разрывая длинными ногтями, так что полоски грязной плоти отлетали прочь. Глотка раздулось, как у лягушки-быка, и фантом вдруг согнулся в талии, словно от боли. Мерлин смотрел на фантом, и на его посохе мягко светились руны, пульсируя внутренним светом.

Наконец, фантом мадам Делакруа с усилием поднялся, ее челюсть широко распахнулась, дальше любого логического предела. Что-то порвалось там, в раскрытом ужасном рте. Он излился на землю впереди. Тело фантома уменьшалось по мере того, как оно изливалось изо рта. Это было похоже, словно фантома вывернули наизнанку через его собственный рот, то, что осталось ничком лежало на земле, корчащееся и отвратительное. Это была мадам Делакруа, какая она есть на самом деле, каким-то образом перенесенная сюда из ее удаленного безопасного места и извергнутая из ее куклы. Она распласталась на полу, словно испытывая сильную боль, ее фигура была изможденной и костлявой, ее глаза — пустые серые шары — слепо уставились в потолок.

- Атрамаддукс, ты призвал меня в смертоносное время, — сказал Мерлин, его низкий голос наполнил пещеру как шум тысячи морей. Он отвернулся от жалкой фигуры мадам Делакруа, снова взглянув на съездившегося призрака. — Деревья проснулись для меня, но они почти

немы. Даже земля спит, спит века. Ты вернул меня для себя и только для себя. Ты был негодным слугой, когда я согласился учить тебя и только вернувшись я осознал глубину своей ошибки. Я освобождаю тебя от служения мне. Уходи.

Мерлин поднял свободную руку и повернул ее ладонью в сторону призрака Астрамаддукса. Призрак побледнел еще больше и отшатнулся, вскинув руки, словно желая защититься.

- Нет! Нет! Я был предан! Пожалуйста! Не изгоняйте меня! Я выполнил свой долг! Я был верен! Нееееееет!

Последнее слово растянулось и поднялось до визга, в то время как призрак, казалось, съежился. На мгновение он принял форму голубой дриады, преклоненной и отчаявшейся, но затем потерял всякую форму вообще. Он уменьшился, и Джеймс увидел, что он сжимается с той же скоростью, с какой Мерлин закрывал свою ладонь, словно волшебник сжимал Астрамаддукса в своей протянутой ладони. Последнее слово призрака перешло в вопль ужаса, убывающий, как будто призрак уменьшился до яркой мерцающей точки света. Призрак растворился, исчез, оставив только эхо своего последнего крика.

Наконец, словно впервые заметив их, Мерлин повернулся к Джеймсу, Ральфу и Зейну. Джеймс двинулся вперед, не зная, что он будет делать, но чувствуя сердцем, что что-то надо сделать. Мерлин снова протянул свою руку, на этот раз в сторону Джеймса. Он почувствовал как мир смягчается вокруг него, темнеет. Он боролся с этим, пытался кричать, чтобы не забыться. Он мог противиться силам Мерлина не больше чем комар, который противится шторму. Мир устремился прочь, утекая в точку и в ее центре была рука Мерлина, направленная на Джеймса. В центре руки были глаза, голубые как лед. Глаза закрылись и голос Мерлина произнес одно слово, слово, которое, казалось, заполнило тьмой весь мир, это слово было — «спать».

Глава 18. Башня Ассамблея

Рассвет прорезал горизонт тонкой розовой полоской, когда Джеймс открыл глаза. Он лежал в неудобной позе на траве посреди Пещерной цитадели и промерз до костей. Постанывая, он принял сидячее положение и огляделся вокруг. Первым, что бросилось ему в глаза, было отсутствие трона Мерлина. От него остались только вмятины на траве. Вторым отмеченным им фактом было то, что Пещерная Цитадель перестала быть магическим местом. Без трона Мерлина остров быстро вернулся в свой первозданный дикий вид. Пропало ощущение заброшенного готического строения. В ветвях над головой звонко пели птицы.

— О-ох, — простонал поблизости чей-то голос. — Где это я? У

меня отчетливое ощущение того, что поблизости не найдется ничего, напоминающего камин и чашечку кофе.

— Зейн, — сказал Джеймс, поднимаясь на дрожащие ноги. — С тобой все в порядке? А где Ральф?

— Я здесь, — отозвался Ральф, — провожу ревизию своих костей и проверку основных функций тела. Похоже, ничего не пострадало, за исключением того, что ванна мне сейчас нужна даже больше, чем Святому Локимагусу.

Джеймс вскарабкался по ступеням к темному потолку пещеры. Слабый сероватый утренний свет с трудом пробивался сквозь ветви деревьев, растущих на острове. Зейн и Ральф не без усилий поднялись на ватные ноги.

— Никаких следов Мерлина, — сказал Джеймс, осматриваясь вокруг, — равно как и Джексона или Делакура.

Он переступил через обломки палочки Джексона и вздрогнул.

— Похоже, мы ошибались насчет него, не так ли? — сказал Ральф.

— Мы ошибались относительно множества вещей, — тихо согласился Джеймс.

Зейн осторожно помассировал нижнюю часть своей спины и тихонько застонал.

— Эй, учитывая все обстоятельства, мы были не так уж плохи. Нам почти удалось остановить возвращение Мерлина благодаря моим длинным рукам и кошачьим рефлексам, — его голос раскатился эхом под сводами пещеры, и он замолчал. Мальчики нашли проход, ведущий к голове дракона, продрались сквозь густую растительность, успевшую там вырасти, и вышли в рассветное утро. Мост был частично разрушен и больше не имел почти никакого сходства с драконьей головой. Берег со стороны леса был грязным и мокрым, покрытый утренней росой.

— Смотрите-ка, — сказал Ральф, указывая пальцем на следы в свежей липкой глине.

— Похоже, здесь прошло два человека. По направлению прочь от школы, — заметил Зейн, наклоняясь, чтобы внимательнее изучить грязные отпечатки. — Думаете, одним из них был Мерлин?

Джеймс покачал головой.

— Нет. Мерлин не носил обуви. Я полагаю, это были Делакура и Джексон. Скорее всего, она ушла первой, а он последовал за ней, когда

пришел в себя. К тому же что-то подсказывает мне, что Мерлин не оставил бы никаких следов, не пожелай он этого специально сделать.

— Надеюсь, Джексон сломает ей хребет, когда догонит, — сказал Зейн, хотя и без особого воодушевления.

— Я скорее надеюсь, что она не проделает это с ним, — печально отозвался Ральф. — Вы же видели, как она расправилась с его палочкой.

— Не напоминай мне, — пробормотал Джеймс. — Не хочу думать об этом.

Он пошел вперед примерно в том направлении, в котором они оставили Пречку, но голова его была занята другим. У него было ужасное предчувствие насчет того, куда именно ушел Мерлин, и он, Джеймс, был виновен в этом. Дважды Делакура назвала его своим учеником. Она повлияла на него, и он это допустил. Он прекрасно сыграл в ее плане свою роль, принеся мантию. Она была права. Ей было достаточно щелкнуть пальцами. Правда, в конечном итоге все обернулось против нее, но это не столь важно. Мерлин, блуждающий в одиночку, может быть гораздо более опасен, чем Мерлин в союзе с людьми, подобными Прогрессивному Элементу. Они хотя бы пытались работать под благопристойной маской. Мерлин из другого времени, более прямолинейного и смертоносного времени. Чувство вины и безнадежности давило на Джеймса неподъемным грузом, пока он брел вперед. Зейн и Ральф следовали за ним.

Пречка ушла. На самом деле Джеймс не удивился. Ее следы отпечатались во влажной земле, как следы динозавра. Мальчики молча пошли по ним, дрожащие и мокрые от росы. Туман заполнил лес, сужая мир до горстки черных деревьев и покрытого каплями кустарника. Пока они шли, туман становился все прозрачнее, растворяясь на солнце, и наконец исчез. Лес наполнился птичьими трелями и невидимыми существами, шныряющими в кустах. Вдруг они услышали далекие голоса, зовущие их.

— Эй! — сказал Зейн, останавливаясь и прислушиваясь. — Это Тед!

— И Сабрина! — добавил Ральф. — Что они тут делают? Эй! Сюда!

Мальчики остановились, зовя Гремлинов, которые отозвались гиканьем и воплями. Огромная фигура выплыла из тумана, почти

грациозно двигаясь между деревьев.

— Грохх! — засмеялся Зейн и побежал навстречу великану.

— Парни, вы выглядите, как объедки мертвецов, — крикнул Тед вниз с плеча Грохха. — Вы всю ночь провели здесь?

— Да, но это долгая история, — ответил Зейн. — Если коротко: Мерлин вернулся, королева вуду сбежала, а Джексон оказался хорошим парнем. Он ушел за ней, как говорится, с неизвестным результатом.

— Унесешь еще троих, Грохх? — спросил Ральф, дрожа от холода. — Думаю, если мне придется сделать еще хоть шаг, я упаду замертво.

Грохх опустился на колени, и трое мальчиков вскарабкались к нему на спину, потеснив Сабрину и Теда. Прежде чем лезть, Джеймс согнул пальцы и запястье правой руки. Боли не было, и кости выглядели крепкими и прямыми. Он снял шину и небрежно сунул ее в карман.

— Как вы здесь оказались? — спросил Джеймс Теда, устраиваясь рядом с ним и хватаясь за похожие на солому волосы Грохха. — Я думал, вы все под домашним арестом.

— Что было прошлой ночью! — просто сказал Тед. — С тех пор в школе просто сумасшедший дом. Мерлин появился в середине ночи и, скажу тебе, парень знает, как эффектно появиться.

— Он въехал на Пречке прямо во внутренний двор, заставив ее выбить пинком главные ворота, — объяснила Сабрина, — он, похоже, говорит по-великаньи, и это было действительно дико. Затем он спустился и просто приказал ей спать. Она по-прежнему там, храпит у главного входа, похожая на самую большую в мире кучу белья.

— Мы проснулись, услышав грохот выбиваемых дверей, — продолжил Тед. — Затем начался ад кромешный. Ученики бегали повсюду в ночнушках, пытаюсь выяснить, что происходит. Люди и так были взволнованы из-за того, что Прескотт все еще здесь и непонятно чем занят, а тут является этот парень, сложенный как валун и одетый как нечто среднее между друидом и Санта-Клаусом, шествует через школу, усыпляя людей одним своим взглядом, стуча огромным посохом по полу при ходьбе, и эхо от ударов разносится повсюду. Затем он увидел Пивза и тут случилось самое странное!

— Что? — спросил с надеждой Зейн. — Пивз дунул-фыркнул на него и превратил в торшер или что?

— Нет, — сказала Сабрина, — Пивз присоединился к нему. Он, кажется, не хотел, но у него не было выбора. Мерлин остановился, когда увидел Пивза, и заговорил с ним. Никто из нас не знает, что он сказал. Это был действительно странный, цветистый язык. Мы боялись, что Пивз выкинет какую-нибудь глупость и нас всех уколошат этим жутким посохом, но Пивз только улыбнулся, и это не была одна из его обычных ухмылок. Это была одна из тех улыбок, какими улыбаются домашние эльфы, когда хозяин расположен отлупить этого эльфа сковородкой. Во все зубы, но без радости, понимаешь? А затем Пивз спикировал вниз к этому парню, они переговорили несколько секунд тихими голосами, а затем Пивз двинулся вперед так, чтобы Мерлин мог следовать за ним. Думаю, Мерлин понял, куда ему надо идти, и Пивз показывал ему дорогу.

— Пивз? — недоверчиво переспросил Ральф.

— Знаю, — ответил Тед. — Это невероятно. Вот когда мы поняли, что столкнулись с чем-то действительно страшным. Большинство Гремлинов и так знали, что это Мерлин, но это все подтвердило.

— И куда они отправились? — тихо спросил Джеймс.

— В Лесную башню, — ответила Сабрина. — По крайней мере, так ее называли. Никто особо ею не пользовался. Последние слова, которые мы услышали, когда уходили, были «переговорю с Пендрагоном», что бы это ни значило.

— Мне не нравится как это звучит, — сказал Зейн.

— Как и всем, — согласился Тед. — Видимо, он считает, что этот «Пендрагон» кто-то вроде короля или лидера. Что-то типа средневековой клички или типа того. Тем не менее, МакГонагалл собрала профессорско-преподавательский состав, чтобы пойти и разобраться с ним, тогда-то она и поняла, что профессора Джексона и Делакура нет. Затем сообщили, что ты сбежал из больничного крыла, Джеймс. Следующее, что мы знаем, МакГонагалл выпустила нас, чтобы мы отыскиали вас троих. Она была слишком занята, чтобы идти самой, но знала, если кто и может отыскать вас, то только мы. Она надеялась, что ваша троица знает хоть что-нибудь про этот «адский беспредел», как она выразилась. Недоверчивая пожилая девчонка.

Пока Тед заканчивал свой рассказ, Грохх подошел к опушке леса. Замок сиял в бриллиантовом утреннем свете, его окна весело блестели,

несмотря на то, что происходило внутри. В гараже Альма Алерон было тихо, двери были закрыты и заперты на замок. Джеймс вспомнил о разнице во времени между Хогвартсом и филадельфийской частью гаража и понял, что на той стороне еще крепко спят. Когда Грохх свернул во внутренний двор, Тед попросил его спустить их на землю.

— Отличная работа, Грохх! — тепло сказала Сабрина, похлопав великана по огромным плечам. — Иди, отдохни с Пречкой.

Грохх согласно хрюкнул и плюхнулся рядом с великаншей, которая действительно громко храпела рядом с лестницей, ведущей в замок. Массивные деревянные двери висели на одной петле каждая, выбитые и широко распахнутые. В прихожей было подозрительно пусто и тихо. Когда они вошли, Ральф ахнул и схватил Джеймса за руку, указывая на что-то. Там около двери на полу неловко лежали мистер Рекрент и мисс Сакарина. У обоих глаза были открыты, и оба неестественно улыбались в потолок. Рука Сакарины была вытянута, поднята и выглядела белой в утреннем свете.

— Они... м-мертвы? — заикнулся Ральф.

Тед слегка пнул Ральфа в ногу.

— Нет, конечно. Они по-прежнему теплые и дышат, просто очень-очень медленно. Видно, они были здесь, когда явился Мерлин. Выглядит так, словно они пытались поприветствовать его, а он просто оглушил их. Он усыпил многих студентов, но эти получили особое замораживающее заклятье. Ну, мы убрали их в сторонку, чтобы люди не спотыкались, — он пожал плечами и повел всех мимо двух скрюченных фигур в коридор выше по лестнице.

— А где эта Лесная башня? — спросил Джеймс, пока они спешили по коридорам.

— Это самая высокая и узкая башня в старой части замка, — ответил Тед, его голос был непривычно мрачен. — Не использовалась особо, разве что для астрономии иногда. Она слишком высокая и непрочная, чтобы взбираться на нее. Петра говорила, что она была важной частью замка долгое, долгое время. У каждого замка была такая, и она считалась нейтральной территорией, что-то типа универсального посольства или типа того. Там проходили встречи между враждующими народами и королевствами, одного короля с одной стороны и вражеского короля с другой. Их сопровождали четверо советников, но

остальные ждали внизу. Иногда войны разрешались и заканчивались прямо там, иногда один король убивал другого и сбрасывал тело с башни, чтобы все видели.

Джеймс почувствовал, как его сердце упало еще ниже.

— Так кто там наверху, с ним?

Тед пожал плечами.

— Не знаю. Мы отправились на ваши поиски, когда МакГонагалл собирала всех вместе. Я думаю, она планировала сама отправиться к нему. Она выглядела довольно решительной, если спросишь меня.

Пятеро учеников прошли сквозь широкую низкую арку, ведущую в старейшую и наименее используемую часть замка. Спустя несколько изогнутых узких коридоров они наконец встретили людей. Ученики собрались в коридорах вдоль стен, разговаривая тихими голосами. Наконец, Тед провел их в круглую комнату с очень высоким потолком, таким высоким, что он терялся во тьме туманной высоты башни. Комната была переполнена учениками, бормотавшими в нервном ожидании. Бросив взгляд вверх, Тед начал подниматься по лестнице. Джеймс, Зейн, Ральф и Сабрина последовали за ним.

— МакГонагалл там с... ним? — спросил Ральф. — Она ээ... в порядке?

— Она Директриса, — серьезно ответила Сабрина. — Она в порядке.

— Надеюсь, — тихо ответил Джеймс.

Остаток пути они проделали в молчании. Это заняло довольно много времени, и Джеймс чувствовал себя ужасно усталым и разбитым, когда добрался до вершины. Ральф пыхтел позади него, держась обеими руками за перила. Наконец, лестница уперлась в комнату, расположенную на вершине башни. Она представляла собой невысокую узкую площадку с тяжелыми балками, заполненную пылью веков и пометом сов и голубей. В узких окнах, расположенных по периметру комнаты, виднелись кусочки утреннего солнца. Там находилось несколько людей, но никто из них не был директрисой или Мерлином.

— Джеймс, — произнес хриплый голос, и на его плечо опустилась рука. — Что ты здесь делаешь? Боюсь, это место не для тебя.

— Его попросили прийти, профессор Слизнорт, — сказала вошедшая вслед за остальными Сабрина. — Директриса лично желала

его видеть, а также Ральфа и Зейна. Они все должны подняться наверх.

— Наверх? — проскрипел Ральф. — Еще выше? Так мы не на вершине?

— Ах, мистер Дидл, — сказал Слизнорт, глядя на Ральфа. — Боюсь, что так, но осталось немного. Это прямо над нами. Вы вполне уверены в этом, мисс Хильдегард? Это неподходящее место для детей.

Джеймс подумал, что Слизнорт выглядит немного раздраженным из-за того, что ему, Ральфу и Зейну позволено пройти туда, куда самому Слизнорту нельзя.

— Вы были в комнате, когда директриса послала нас за ними, — сказал Тед, вкладывая в свой голос чуть-чуть суровости.

— Ну, я был там, — подтвердил Слизнорт так, словно этот факт мало что доказывал.

— Пропусти их, Гораций, — сказал профессор Флитвик со скамьи у окна. — Если их позвали, значит, они приглашены. Едва ли они будут в безопасности с нами здесь, если этот дикарь победит.

Слизнорт посмотрел на Джеймса, а затем его лицо смягчилось. Он повернулся к Ральфу и неуклюже хлопнул его по плечу.

— Представьте нас как следует, мистер Дидл.

Тед кивнул в сторону короткой каменной лесенки, выступающей из деревянного пола и идущей к люку в потолке. Джеймс, Ральф и Зейн подошли к ней и медленно поднялись по изношенным ступеням. Люк был не заперт, Джеймс откинул его, и солнечный свет на мгновение ослепил Поттера, когда тот выбрался наружу.

Комната была почти такой же формы и размера как и Пещерная Цитадель, почти целиком сделанная из камня, за исключением деревянного пола в центре, в котором и открывался люк. Вокруг были расположены мраморные колонны, но крыши не было. Солнечный свет сиял на белом мраморе и камне террасы. Мерлин сидел всего в нескольких футах впереди, лицом к трем мальчикам, когда они шагнули в мягкий ветер и теплый солнечный свет. Его лицо было окаменевшим, неподвижным, только его глаза повернулись, чтобы взглянуть на них.

— Мистер Поттер, — раздался голос Директрисы в тишине, — мистер Уолкер и мистер Дидл. Спасибо, что присоединились к нам. Пожалуйста, располагайтесь слева от меня, мы вскоре перейдем к вашей истории.

Джеймс повернулся, пока Зейн закрывал люк и увидел МакГонагалл, сидящую позади них, напротив Мерлина. Она была одета в огненно-красную мантию, выглядя в ней гораздо серьезней и представительней, чем Джеймс привык ее видеть. Также она выглядела моложе и опаснее, словно какая-нибудь деспотичная королева. Кресла, на которых они с Мерлином сидели, вырастали прямо из камня, оба смотрели друг на друга через деревянный пол в центре. Слева от МакГонагалл по краю террасы находилось еще четыре не столь впечатляющих кресла. На них расположились Невилл Долгопупс, профессор Франклин и Гарри Поттер.

— Папа! — выдохнул Джеймс, и улыбка облегчения и радости расплылась по его лицу. Он бросился вверх по ступеням к отцу.

— Джеймс, — тихо сказал Гарри, лицо его было мрачным. — Мне сказали, что ты пропал. Ты заставил нас волноваться. Я бы сам пошел за вами троими, если бы известие о том, что вы нашлись, не пришло в тот самый момент, когда я приехал.

— Как вы узнали об этом? — спросил Ральф, морща лоб.

Гарри выдавил кривую улыбку и продемонстрировал резиновую уточку Уизли. На ее дне почерком Теда было нацарапано: «Нашли их! Скоро будем!»

— Это Петры Моргенштерн, но она сказала, идея принадлежит вашей троице. Очень удобно.

— Прости я взял карту и твою мантию, пап, — быстро сказал Джеймс — Я знаю, я не должен был. Я действительно устроил неразбериху. Мерлин вернулся, и это моя вина.

Гарри перевел взгляд на кресла, стоящие в центре.

— Не будь столь строг к себе, мой мальчик. У нас будет много времени, чтобы обсудить все это позже, а сейчас думаю, у нас были другие причины, чтобы собраться здесь.

Джеймс повернулся обратно к Директрисе и Мерлину. Он почти забыл о них от восторга и облегчения при виде своего отца..

— Конечно, прости.

Трое мальчиков встали вдоль террасы позади Гарри, Невилла и Франклина. Джеймс только сейчас заметил, что на другой стороне террасы собралось удивительно много птиц и животных, пристально глядящих на Мерлина. Там были совы, голуби, вороны и даже

несколько соколов. Все они расположились на перилах, на четырех креслах и на верхних ярусах террасы. Среди них неуместными казались домашние животные, которых разглядел Джеймс. Они так же глядели на бородатого мужчину. Лягушки и крысы тихо теснились среди птиц. Даже кот Зейна, Пальчик, был там, сидел впереди, и его черно-белый нос, слегка подергивался.

— Вы что-то сказали, профессор Долгопупс? — сказала МакГонагалл, она по-прежнему не сводила взгляда с огромной неподвижной фигуры Мерлина.

Невилл дернулся и встал.

— Я просто хочу выразить свои возражения по поводу ваших переговоров с этим... этим незванным гостем, который ворвался в школу с неизвестно какой гнусной целью, на языке, который мы, ваши давние партнеры и друзья, не можем понять. Кроме того, ваш удивительный наряд, я должен заметить... ну, уверен, вы должны понимать, как это выглядит для нас.

— Простите меня, мистер Долгопупс и все остальные, — сказала МакГонагалл, наконец, отводя взгляд от Мерлина и глядя на тех, кто собрался справа от нее. — Я забылась. Этот джентльмен пришел из времени формальностей и ритуалов. Я приму его, как он и ожидает, в церемониальной мантии, соответствующей моей должности. Боюсь, что когда он нашел нас, он решил, что все мы, включая меня и профессорско-преподавательский состав, это крестьяне, которые каким-то образом захватили замок. Во времена Пендрагона было крайне неприлично носить какие-то бесцветные мешки, за которые он принял наши мантии. Что до языка...

— Я могу говорить на языке ваших слуг, если вы пожелаете, мадам Пендрагон, — прервал Мерлин своим низким, громким голосом. — Хотя почему вы разговариваете с ними, как с равными, когда их стоит заковать за такую наглость, я не могу понять.

МакГонагалл вздохнула и закрыла глаза. Джеймс понял, что подобное недопонимание длится уже некоторое время.

— Это мои коллеги, а не мои слуги, сэр. Это другое время, как я вынуждена вам постоянно напоминать. Я не Пендрагон королевства. Я Пендрагон лишь крошечного кусочка земли, который вы полностью можете обозреть с этой башни. Но, да, пожалуйста говорите так, чтобы

все вас понимали.

— Как пожелаете, мадам, — ответил Мерлин. — Я полагаю, теперь ваш совет полностью в сборе?

— Это так. Джеймс Поттер, Ральф Дидл, Зейн Уолкер, — сказала Директриса, поворачиваясь по очереди к каждому из мальчиков, — этот человек утверждает, что является Мерлином Амброзиусом, вернувшийся в мир сквозь время из небытия благодаря совместным усилиям призрачного ученика и еще пятерых человек. Что вы можете сказать по этому поводу?

Джеймс ответил настолько четко и честно, насколько мог, как получилось так, что три реликвии Мерлина оказались вместе на острове Пещерной Цитадели. Он был осторожен, рассказывая, к своему стыду, как профессор Джексон пытался защитить мантию и уберечь ее от попадания в пещеру, сорвать план Делакура, но Джеймс невольно помешал его намерениям.

— Это была моя ошибка, — печально пояснил он. — Ральф и Зейн только помогали мне, потому что я рассказал им обо всем. Я хотел... — он умолк и сглотнул. — Я хотел спасти положение, я думаю. Но я все разрушил. Простите.

Лицо МакГонагалл было спокойным, но непроницаемым, пока Джеймс не закончил. Он повесил голову, но секунду спустя почувствовал отцовскую ладонь на своем плече, теплую и тяжелую. Он вздохнул.

Мерлин окинул взглядом собравшихся на и позади скамей, затем он глубоко вздохнул.

— Вижу план Астрададукса включал много намерений, хороших и плохих. Однако, я предполагаю, что после свидетельства этого мальчика больше нет сомнений в моей личности. Позвольте мне повторить, тем не менее, что я, по-видимому, стал предметом весьма мерзкой кампании, оболгавшей меня и опорочившей мою репутацию. Похоже, сейчас распространено мнение, что я был когда-то раздражительной и подлой личностью, человеком эгоистичных союзов и бесконечного лукавства.

Это не более правдиво, чем длинный скучный перечень приукрашенных качеств в истории про этого злодея Волан-де-Морта, которого вы описали мне. Я не большее зло, чем шторм. Я убиваю лишь

тогда, когда нет надежды на раскаяние или плен. Я собирал дань только с тех, кто заслужил эту плату и даже тогда треть моих сборов шла бедным и церкви. Я не ужас, к которому обращаются презренные существа, которых вы беспричинно зовете «злом», чье единственное злодеяние это несправедливо запаленные факелы, которые я наблюдал в свое время.

— Я не сомневаюсь, что вы верите в это, — заявила МакГонагалл, — но уверена, вы в курсе того, что легенды о самом могущественном в мире волшебнике с темным сердцем появились еще до того, как вы покинули свое время, когда вы еще ходили по земле. Многие жили в страхе перед вами.

— Только те, чьи злоба или невежество прощали им эту ошибку, — проворчал Мерлин. — И даже в этом случае я бы скорее подошел к ним с розгой, чем с мечом.

— Может быть и так, Мерлин, но вы и сами знаете, что вы пробовали себя в искусствах, которые, хоть и были технически дозволены в ваше время, не особо дозволены сейчас. Вы подвергались магическим воздействиям, которые отделили вас от всего человечества, силам, к которым, на самом деле, большинство людей не могут прикоснуться и остаться в здравом уме. Вы изменились под этим воздействием. Возможно, это даже извратило вас. Даже вы, должно быть, сомневаетесь в ваших собственных суждениях в этом времени. Сомнительная мораль Мерлина Амброзиуса была хорошо известна, как и его легкое отношение к жизни не-волшебников. Подозрение, что вы можете быть на стороне тех, кто хочет уничтожить и поработить мир маглов, было обосновано. Я не могу говорить за ваше время, но в нашем все, кто хочет пойти войной на мир маглов — это наше заклятые враги. Ваша лояльность должна быть доказана, прежде, чем мы позволим вам остаться в этих залах.

— Ты смеешь оспаривать мое великодушие? — спросил Мерлин, и голос его был ровным и спокойным. — И говорить, я не могу просто стереть всех вас с земли одним взмахом руки, если захочу?

— Я смею и то и другое не без оснований, — твердо сказала МакГонагалл. — Ваши мотивы были сомнительны в ваше время, на этом сходятся даже лучшие историки. Вы прибыли в это время. И вид вашей мощи может быть грозным, но даже в ваше время источник, из

которого вы черпали ваши силы, уже иссякал, поскольку земля уже была окультурена. Не притворяйтесь, что это не было важнейшей причиной путешествия во времени. Вы надеялись вернуться во время, когда источник в земле восстановится, когда ваша сила снова станет безграничной и полной. Но это не то время. Источник еще больше истощился, чем тогда. Ваша сила, возможно, по-прежнему велика, и вы все еще можете победить всех в этой комнате, но это не значит, что вас не остановят. Осторожнее выбирайте союзников в этом времени, Мерлин.

Лицо Мерлина оставалось неподвижным как камень, когда он взглянул на Директрису.

— Я действительно вернулся в темное время, если Пендрагон считает, что лишь угроза гибели может поколебать намерения благородного волшебника. Но я вижу, что вы честны в ваших речах, даже если вы имеете в виду определенные методы. Я никогда не клялся в верности кому-либо, чье сердце было бы направлено против не-магов. Я работал, чтобы сохранить баланс между магическим миром и миром маглов, чтобы ни одна из чаш не перевешивала другую, хотя никто и не догадывался о моих истинных мотивах. Я служил всем, но всегда с этой целью в сердце. Справедливость — это миф, распространенный в разрозненном роде человеческом, но равноправие в битве может быть сохранено, даже если это лишь слабый призрак истинной справедливости.

— Вы хорошо говорите, Мерлин, — сказала Директриса, — но вы не обозначили четко ваши намерения. Вы здесь, чтобы сотрудничать с нами или чтобы уничтожить нас?

Впервые на лице Мерлина отразились эмоции. Он закрыл глаза и сжал губы. Его борода лоснилась от чего-то, что Джеймс посчитал чем-то вроде масла. Изредка запах этого, дикий и пряный, доносился ветром через вершину башни.

— Астраматдукс заслужил судьбу, которую я предназначил ему, и, пожалуй, даже во сто крат хуже за то, что вернул меня в это время, — он снова открыл глаза и оглядел собравшихся. — Я подхожу к замку, самому солидному строению, какое я когда-либо видел, заполненному сверкающими глазами застывшего солнечного света, но не нахожу ни охраны, ни передового отряда, ни даже слуги, чтобы он наполнил мне

ванну или поприветствовал согласно правилам.

Вы встретили меня без признания моего статуса, с непокрытой головой, в одежде шута и кучей мальчишек и тем не менее ваши столы ломаются от явств, лежащих на посуде круглой и гладкой, как планеты. Сама Пендрагон не почтительна и не преклоняется, но одевается как и ее слуги в бесформенные мешки-палатки. А затем, ко всему прочему, моя честь и лояльность подвергаются сомнению, в то время как я сам только воздерживаюсь от требования положенной дани из уважения к нынешнему времени. Воистину, моя миссия превратилась в пыль. Этот век еще не готов для меня.

— Возможно Астрамаддук и был себялюбив — согласилась МакГонагл, слегка наклонившись вперед — но то что вы вернулись именно в это время не может быть ошибкой, Мерлин. Он думал, что вы возглавите восстание против мира маглов, но если ваши утверждения верны, то вас могло привести сюда само провидение, вы сможете помочь нам предотвратить трагедию. Даже сейчас, силы хаоса поставлены в основе событий, которые в конце могут быть решающими. Прямо сейчас, человек находится среди нас, магл.

Он проник сюда, как нарушитель, преодолев наши сильнейшие заграждения с помощью некоего не магического приспособления называемое «технология». У него есть доступ к орудию называемому «пресса», с помощью которого он может раскрыть тайны магического мира всему человечеству. Только благодаря сохранности секрета, на протяжении прошедшего тысячелетия сохранялся баланс сил. Если этот человек и его тайные сообщники преуспеют, они будут злоупотреблять воссоединением магического мира и мира маглов. Они будут плодить заговоры, стремиться к власти и в конечном итоге развяжут войну. Вы, более, чем кто либо, знаете что бывает в таких случаях. Вы должны помочь нам. Те, кто устраивает этот хаос, ждут вас. Заставьте их пожалеть то, что они хотели посеять в мире, Мерлин. Помогите нам.

Мерлин сидел совершенно неподвижно почти минуту, его борода блестела на солнце. Животные немного беспокоились, поводили носами, ерошили перья. Наконец, Мерлин встал, и это выглядело так, словно гора встала со своего основания. Он двигался медленно, с массивной грацией, пока полностью не поднялся, его посох стоял рядом с ним, его голубые глаза обратились к директорисе.

— Вы правы, мадам, — сказал Мерлин, его голос был ровным и не вызывающим сомнений. — Таково было мое эгоистичное желание: покинуть мой век, только ради того, чтобы найти время, где моя сила восстановится в полной мере. Самонадеянность была моим злом, и это уничтожило меня. Вернувшись сейчас, я нашел свою силу еще более ущербной, чем прежде. Я прошу прощения как человек чести, но я не могу и не хочу браться за дело, которое вы мне описали. Это больше не мой мир. Возможно, вы одержите победу и без меня. Возможно, нет. Я не вижу иного будущего в этом времени, помимо того, что солнце взойдет завтра и будет путешествовать по небесам так же, как это было тысячу лет, пока меня не было. Будет ли оно освещать войну или мир, правду или ложь, не знаю, знаю лишь, что оно будет освещать мир, который мне незнаком, и который не знает меня. А теперь я покину вас, мадам. Желаю всем вам удачи.

Мерлин поднял руку с посохом. Как одна, птицы на перилах и скамьях сорвались со своих насестов. Сотни крыльев, бьющих по воздуху, были подобны грому. Когда птицы разлетелись в разные стороны, освободив площадку на вершине башни, не осталось никаких признаков Мерлина.

Джеймс пристально смотрел на то место, где только что стоял великий волшебник. Все закончилось. Там ничего не было. Гарри повернул Джеймса и обнял его.

— Все в порядке, сынок, — сказал он. Но Джеймс не верил, что все в порядке, хотя и был рад услышать эти слова. Он обнял отца в ответ.

— Я буду удивлен, если он и вправду ушел навсегда, — вслух подумал Невилл.

— Я не сомневаюсь в том, что он хотел, чтобы мы поверили в это, — ответила Директриса, вставая с кресла на вершине башни. — Но на самом-то деле, ему ведь некуда идти. Его слуга, Астрададукс, по-видимому был отправлен в загробный мир, значит у Мерлина больше нет ученика в этом мире, который мог бы организовать его возвращение, он должен выбрать, если хочет снова вернуться за границы времени. Я боюсь, Мерлин по-прежнему среди нас, хорошо это или плохо. Мистер Поттер, можем ли мы проследить его путь?

Гарри задумался на мгновение.

— Трудно, но не невозможно. Скорее всего он вернется под защиту леса, где его способности сильнее. Без сомнений, ему известно множество способов защиты и укрытия, но волшебник такого уровня всегда оставляет магический след. Я уверен, мы смогли найти его с командой мракоборцев через какое-то время. Вопрос в том, что нам делать с ним, когда найдем?

— Мы должны выяснить его намерения, — мрачно сказал Франклин, медленно подходя к креслу, на котором сидел Мерлин. — Мерлин — это мистическое и запутанное существо. Несмотря на его слова, я чувствую, что он сам не уверен в своих предпочтениях. В его время все было проще. Вы тоже это почувствовали? Он не уверен во времени. Он не знает, кто прав, чьи намерения больше совпадают с его собственными. Это усугубляется тем, что, как вы верно отметили, Директриса, мораль Мерлина в лучшем случае неоднозначна. Он отступил, чтобы разобраться в себе и узнать о разногласиях этого времени.

— Вы правда в это верите, профессор? — спросил Гарри.

Франклин извлек то же самое медное устройство, с помощью которого осматривал руку Джеймса тогда, на Квиддичном Поле. Некоторое время он изучал сквозь него стул, на котором ранее восседал Мерлин. Затем медленно кивнул.

— Верю. Мерлин признал, что гордыня является самой большой его слабостью. Он ни за что не позволил бы нам увидеть его в неуверенности. Однако здесь нет ни малейшего сомнения. Он не знает, на чью сторону встать в этом времени, поскольку не знает, к чему стремится его сердце, но осознал он это только сейчас.

— Сомнения не будут длиться вечно, я считаю, — сказал Невилл, направляясь в сторону деревянной части пола. — Мы не можем позволить себе сидеть сложа руки и ждать, пока он определится, к какой из сторон примкнуть. Может, его сила и уменьшилась, но, готов поспорить, он по-прежнему является могущественнейшим волшебником на данный момент. Нам было бы разумнее считать его своим врагом, поскольку мы не можем с уверенностью утверждать, что он решит быть нашим союзником.

Гарри покачал головой.

— Я согласен, что сейчас он не может определиться с выбором, но

я не думаю, что он злой. По крайней мере, он не является сознательно злым.

— Что вы имеете в виду? — встрял Зейн. — Разве он не был одним из самых известных злых волшебников за последние пару столетий или вроде того?

— Не самым злым, — многозначительно сказала МакГонагалл.

— Так и есть, — подтвердил Гарри. — Только лишь одним из тех, кто запутался или же так или иначе отклонился от изначально намеченного доброго пути. Те, кто не сомневался в порочности своих сердец, кто был способен ощутить всю глубину своих злодеяний, они никогда не принимали его за своего. По крайней мере, насколько нам известно.

— Давайте уже отправимся поближе к нашим кабинетам, — сказала МакГонагалл со вздохом. — День только начался, а у нас уже больше забот, чем мы можем справиться. Кроме того, я мечтаю избавиться от этой невыносимой одежды как можно скорее.

Франклин открыл люк, и вся группа двинулась вниз по лестнице. Животные, ранее собравшиеся на вершине башни, теперь бежали и прыгали возле их ног. Слизнорт и остальные преподаватели поприветствовали их обеспокоенными выражениями лиц и шквалом вопросов. Джеймс проигнорировал их и последовал за своим отцом вниз по спиральной лестнице к нижнему этажу.

— Как ты добрался сюда так быстро, пап? — спросил он. — Мерлин ведь появился только в полночь. Как МакГонагалл сумела доставить тебя сюда так скоро?

— Джеймс, меня привела сюда вовсе не Директриса, — ответил Гарри, обернувшись через плечо, — а твое письмо. Нобби доставил его мне этим утром, и, прочитав его, я тут же отправился в путь. Директриса была весьма поражена, когда я объявился в камине ее кабинета.

— Но Сакарина сказала, что ты занят на особом задании, и тебя нельзя беспокоить!

Гарри от души рассмеялся.

— Эту деталь твоего письма я хотел бы уточнить прямо сейчас, Джеймс. На этой неделе я не занимался ничем, кроме бумажной работы. Если же Сакарина сказала, что я в командировке, то это только потому,

что она хотела быть абсолютно уверена, что меня здесь не будет.

— Угу, — кивнул Джеймс. — Портрет Снейпа говорил мне, что Сакарина и Рекрент не относятся к хорошим ребятам. Оба они на стороне Прогрессивного Элемента.

Гарри остановился, обернувшись к Джеймсу, Ральфу и Зейну.

— Будьте осторожнее, выбирая, кому говорить об этом, — сказал он, понизив голос. — В наши дни Министерство кишмя кишит людьми, подобными Рекренту и Сакарине, для большинства из них это просто способ покрасоваться и отдать дань моде. Тетя Гермиона делает все возможное, чтобы найти зачинщиков и прекратить пропаганду, но это действительно непросто. Рекрент — всего лишь инструмент, но Сакарина и в самом деле опасна. Не удивлюсь, если именно ей пришла в голову мысль возродить Мерлина.

— Что? — выдохнул Джеймс, понизив голос точно так же, как и его отец. — Это невозможно! Прошлой ночью в пещере была мадам Делакура!

— Верно, Сакарины здесь даже не было до вчерашнего вечера, — добавил Зейн.

Выражение лица Гарри было серьезным.

— Сакарина — это не тот человек, который будет пачкать свои руки настоящей работой. Для этого ей нужна была Делакура, а сама Делакура не смогла бы украсть трон Мерлина из Министерства без помощи Сакарины. Рекрент и Сакарина прибыли сюда как «эксперты в отношениях волшебников и маглов», чтобы разобраться с этим Прескоттом. Но таких специалистов не существует. Они здесь для того, чтобы лично проконтролировать возвращение Мерлина и переговорить с ним.

— Так они никогда и не собирались помешать Прескотту раскрыть тайны магического мира в магловкой прессе! — сказал Ральф, лицо его было белым как снег. — Предполагалось, что Сакарина и Мерлин будут работать вместе и убедятся, что Прескотт получит свою историю, так?

Гарри кивнул.

— Я так думаю. Это все не просто совпадение. Это то, на что люди вроде Сакарины всегда надеялись. Воссоединение мира магии и мира маглов очень важно для их финального плана всеобщей войны.

— Но вернувшись, Мерлин не принял ничью сторону, по его

утверждениям, — сказал Джеймс. — Значит, их план рухнул?

— Я не знаю, — вздохнул Гарри. — Все уже запущено и не может быть остановлено. Сакарина еще долго может не нуждаться в Мерлине для осуществления своего плана.

— Так как вы планируете остановить Прескотта? — спросил Зейн.

— Остановить его? Предполагается, что меня вообще здесь не должно быть, помнишь? Сакарина за это отвечает.

— Но она же враг! — воскликнул Джеймс. — Ты не можешь просто позволить ей продолжать шоу!

— Мы не будем этого делать, Джеймс, — сказал Гарри, опуская руку на плечо Джеймс, но голос его был тверд, — но мы будем очень осторожны. Сакарина имеет немалое влияние в Министерстве. Я не могу просто игнорировать ее. Она надеется, что я сделаю что-то импульсивное, что-то, что можно будет использовать против меня. Она хочет, чтобы Отдел по борьбе с темными искусствами полностью закрыли. Недопущение подобной ситуации крайне важно. Даже важнее, чем сохранность секрета магического мира.

— Значит Сакарина и Делакруа победили? — спросил Джеймс, глядя отцу в глаза.

— Сейчас, возможно, но не теряйте надежду, никто из вас. У Невилла, Директрисы и меня еще припрятано несколько тузов в рукавах. Мы переживем этот день независимо от того, что случится с Прескоттом. Сейчас важен лишь один вопрос, кто впустил сюда Прескотта?

— Ну, это могла быть Сакарина? — предположил Зейн.

— Нет, не могла быть, — вздохнул Джеймс. — Она так же связана обетом секретности, как и любая другая ведьма или колдун. Если она попытается что-то сказать Прескотту, даже в письме, обет остановит ее как-нибудь. Кроме того, она не знает, как работает игровая приставка или как ей воспользоваться, чтобы провести кого-нибудь в Хогвартс.

Голоса и шаги эхом отдавались на спиральной лестнице. Директриса и преподаватели спускались вслед за ними. Гарри жестом попросил мальчиков следовать за ним остаток пути.

— Вот это действительно сбивает меня с толку, — сказал Гарри, топя вниз по лестнице. — Каждая ведьма и волшебник связаны обетом секретности. У каждого родителя-магла учеников есть свой договор о

неразглашении. Это означает, что никто из тех, кто знает о магическом мире, не способен раскрыть секрет. И если кто-то сумел это сделать, я должен его найти.

К тому времени, когда они достигли последнего оборота лестницы, Директриса, Невилл и другие профессора нагнали их. МакГонагалл обратилась к студентам, ждущим внизу. — Леди и джентльмены, как вы видите, мы все вернулись к вам целыми и невредимыми, — она остановилась и оглядела собравшихся сверху. — Для того, чтобы развеять слухи и предотвратить любые страхи, я намерена быть вполне откровенной, рассказав о том, что происходило и продолжает происходить здесь сегодня. Двое мужчин появились здесь весьма необычными способами за последние два дня. Первый из них по-прежнему здесь. Его имя Мартин Прескотт и он — маг. Его намерения весьма сомнительны, но я могу заверить вас, что мы, ваши преподаватели, готовы к...

— Спасибо, Минерва, — прервал ее высокий, звонкий голос. — Но я, на самом деле, уже изложила ученикам события сегодняшнего дня. Тем не менее, я ценю твою скрупулезность. Присоединишься к нам?

Сакарина и Рекрент вышли из толпы учеников и подошли к лестнице. Улыбка Сакарины была широка и сияла в неверном пыльном свете башни. МакГонагалл пристально смотрела на нее какое-то время, а затем снова повернулась к ученикам.

— В таком случае, я полагаю, у всех вас есть уроки. Ваши преподаватели, должно быть, ожидают вас в классных комнатах. Давайте сделаем то, что успеем за остаток дня?

— Ты действительно думаешь, что сегодня есть необходимость в уроках, Минерва? — сказала Сакарина, когда Директриса и остальные спустились по оставшимся ступеням. — Ведь сегодня не совсем обычный день.

— Не совсем обычные дни — лучшие дни для занятий, мисс Сакарина, — ответила МакГонагалл, проходя мимо женщины. — Напоминают всем, для чего мы здесь в первую очередь собрались. Прошу извинить меня.

— Гарри, — сказал мистер Рекрент, улыбаясь даже слишком воодушевленно. — Признаю, Бренда и я не ожидали увидеть тебя здесь сегодня. Семейные обстоятельства? — он повернулся к Джеймсу, а

затем перевел взгляд на Ральфа и Зейна.

Гарри натянуто улыбнулся.

— Я так же удивлен, увидев здесь вас двоих. Я не видел никаких документов о делегации для встречи с Альма Алерон, а я очень много занимался бумажной работой в последнее время, как вы знаете.

Сакарина взяла Гарри за руку, и он позволил ей вывести себя из башни вслед за оставшимися студентами.

— Это очень неожиданно, — сказала она доверительным тоном. — Ужасная ситуация. Уверена, Минерва рассказала тебе обо всем? Мартин Прескотт, репортер-магл, прямо здесь. Министерство чувствует, что это действительно неизбежно.

— Так ли это? — сказал Гарри, останавливаясь возле двери и повернулся лицом к Сакарине. — А Локватиус Капп знает об этом?

— Министр знает общую картину событий, — мимоходом заметил Рекрент. — Мы не утруждали его частностями как таковыми.

— Так фактически он не знает, что вы здесь? — сказал Гарри, позволив себе тонкую улыбку.

— Гарри, — гладко сказала Сакарина, — на самом деле эта программа полностью принадлежит Департаменту Иностранных дел. Ты, конечно, не просишь позволения у министра на каждый шаг Департамента по борьбе с темными искусствами. Нам не требуется его разрешение для исполнения наших повседневных обязанностей. Ты намерен остаться на весь день?

— Думаю, да, Бренда, — спокойно ответил Гарри. — Мне любопытно взглянуть, каким образом Департамент иностранных дел будет выполнять свои повседневные обязанности в подобной ситуации. К тому же, вы наверняка согласитесь, что посторонний беспристрастный свидетель может быть полезен в случае... расследования?

— Дело ваше, мистер Поттер, — сказала Сакарина, ее улыбка схлопнулась, как шкатулка с драгоценностями. — Все случится примерно в четыре часа этим вечером. Команда Прескотта прибудет, и они получат свою экскурсию. Вряд ли существует способ предотвратить это, учитывая весьма изобретательное устройство-хранилище Прескотта. Вы можете сопровождать нас, но, пожалуйста, не вмешивайтесь. Это не пойдет вам на пользу. Хотя я уверена, мне нет

необходимости вам это говорить, не так ли?

— Вы неплохо выпались у парадного входа? — небрежно сказал Зейн, когда Сакарина отвернулась. Она остановилась, а затем очень медленно повернулась назад, к Зейну.

— Что вы имеете в виду, молодой человек? — спросила она. Гарри посмотрел на Зейна со смесью удивления и веселья.

Зейн продолжил:

— Вы ведь те двое, что встретили Мерлина, когда он заявился сюда прошлой ночью, но он, очевидно, искал более крупную рыбу, чем вы, верно? Он глянул на вас двоих большим злым глазом, и вы замерли на месте. Да, ладно, это, должно быть, было больно.

Улыбка Сакарины осторожно вернулась на ее лицо, так, словно это было выражение лица по умолчанию, пока ее мозг напряженно работает над чем-то еще. Ее глаза снова обратились к Гарри.

— Просто не представляю, чем вы заполнили головы этих бедных детей, мистер Поттер, но это действительно не к лицу Министерству — рассказывать подобные истории. Мерлин и тому подобные вещи.

Она покачала головой, развернулась и прошла через арку с мистером Рекрентом, который казался довольно нервным.

— Ты умеешь находить подход к людям, Зейн, — сказал Гарри, улыбаясь, и взъерошил мальчику волосы.

— Мой отец называет это даром, — согласился Зейн. — А мама говорит, что это проклятие. Кто знает?

— Похоже на то, что Сакарина была больше растеряна, чем зла, — предположил Ральф, когда они прошли через арку, покидая Лесную башню.

— Возможно, — ответил Гарри. — Возможно, все, кого Мерлин усыпил, совершенно о нем забыли. Она может не помнить, что он приходил прошлой ночью.

— То есть она по-прежнему ждет, что он покажется, когда она будет принимать Прескотта и его команду во время экскурсии?

— Возможно. Хотя ее ненадолго смутит, если он не появится. Мерлин сейчас, скорее всего, в Запретном лесу, раздает указания древесным духам, они наверняка уже проснулись.

Джеймс резко остановился посреди коридора. Пару шагов спустя Гарри тоже остановился и, повернувшись, посмотрел на сына. Лицо

Джеймса было удивленным и задумчивым. Наконец, он моргнул и взглянул на своего отца.

— Я должен попасть в Запретный лес, — сказал он. — Еще не поздно. Пап, ты пойдешь со мной? Зейн, Ральф и вы тоже?

Гарри не стал задавать своему сыну никаких вопросов. Он несколько секунд изучал его лицо, а потом перевел взгляд на Зейна и Ральфа.

— А вы двое что об этом думаете? Хотите прогуляться немного?

Джеймс целеустремленно шагал через лес, немного опережая Гарри, Зейна и Ральфа. Он продирался через небольшие деревья на опушке леса, направляясь вглубь, туда, где деревья были огромными и древними, а солнце с трудом пробивалось сквозь густую листву. В течение нескольких минут все четверо шли молча, а затем Джеймс, наконец, остановился. Он повернулся в тени, глядя в шуршащие листья и мягко поскрипывающие ветви. Не было никаких других звуков. Гарри, Зейн и Ральф стояли в двадцати шагах от него, молча наблюдая. Джеймс закрыл глаза на секунду, подумал, а затем распахнул их и заговорил.

— Я знаю, многие из вас еще не проснулись, — начал он, глядя на смутные очертания верхушек деревьев, — и знаю, что некоторые из вас, из тех, кто очнулся, не на нашей стороне. Но некоторые меня услышат, и я надеюсь, помогут. Мерлин где-то здесь. Он может быть далеко-далеко отсюда сейчас. Думаю, вы знаете, где он. Он говорит с вами, и я бьюсь об заклад, вы тоже говорите с ним. Я знаю, древесные духи могут говорить, потому что уже встречал одного из вас. У меня есть послание для Мерлина.

Джеймс остановился и сделал глубокий вдох, не совсем уверенный в том, что стоит сказать. Ему просто пришло в голову, что он должен попытаться. Делакруа использовала его, чтобы вернуть Мерлина в мир, несмотря на все усилия тех, кто хотел ее остановить. Осознание того, что им манипулировали, ужасало его. Все это время он верил, что он поступает хорошо, спасает мир от зла, идет по стопам своего героического отца. А его лучшие намерения обернулись против него, против всего мира, который он надеялся защитить. Он попытался сделать это в одиночку, как его отец, но он провалился. Он помогал злу. И теперь зло ожидало, что он сдастся. Джеймс не собирался сдаваться. Возможно, теперь ему удастся помочь другим путем. Возможно, это

был холостой выстрел, совершенно безнадежный, но он должен был попытаться. Возможно, это был его путь, после всего.

— Мерлин, — неуверенно начал Джеймс, — вы сказали, что Астрададукс сделал ошибку, вернув вас в это время. Вы сказали, он был эгоистом, он просто хотел избавиться от обязанностей перед вами. Но директриса МакГонагалл думает, что вы ошибаетесь. Она думает, что сейчас самое время для вашего возвращения, потому что мир нуждается в вашей помощи, чтобы остановить войну, способную уничтожить всех нас. Ну... Я знаю, я всего лишь ребенок, но я думаю, вы оба ошибаетесь.

Джеймс оглянулся на отца. Гарри слегка пожал плечами и кивнул.

— Я слышал все, что вы говорили и все, что говорили после вашего ухода, и я думаю, что вы вернулись в это время потому, что вы нуждаетесь в чем-то. Вы не знаете точно, верно ли то, что вы делаете или нет. Вы не уверены, контролируете вы ваши силы, или они контролируют вас. Думаю, правда в том, что не только мир нуждается в вас сейчас, но и вы нуждаетесь в мире тоже. Это ваш шанс, возможно, ваш последний шанс, доказать, что вы хороший волшебник, после всего. Люди веками гадали, хороший вы или плохой, но вас волновало, что историки говорят о вас, верно? Если вы знаете в глубине своего сердца, что делаете действительно правильные вещи, то не важно, что говорят другие. Я не скажу этого потому, что я пока сам это не понял, но я пытаюсь это уяснить. Вы Мерлин несмотря ни на что. Что-то привело вас сюда, чтобы спасти мир, но... я думаю, вам так же стоит позаботиться и о себе самом.

Джеймс закончил и вздохнул. Он всмотрелся ввысь, вытянув шею и прищурившись, словно ища какой-то знак среди деревьев, что его сообщение услышали, и оно будет доставлено. Листья просто продолжали качаться и шуршать на ветру. Ветви — тихо скрипеть друг о друга. Спустя минуту Джеймс сунул руки в карманы и уныло поплелся обратно к отцу, Ральфу и Зейну.

Зейн хлопнул Джеймса по плечу и они развернулись, чтоб уйти.

— Это была самая унылая речь, которую я когда либо слышал, — сказал он весело. — Но я думаю, ты был прав. Мне это понравилось, даже если оно никогда не достигнет ушей Мерлина.

— Ты сам до всего этого дошел? — спросил Ральф. Джеймс пожал

плечами и скромно улыбнулся.

Гарри ничего не сказал, пока они шли, но он полюбнял Джеймса за плечи и шел так весь путь назад. Джеймс подумал, это значит, что его отец одобряет его, даже если сам он выбрал когда-то другой путь. И Джеймс понял с некоторым удовлетворением, что его отец одобряет его именно потому, что это был не тот путь, который выбрал он сам. Джеймс улыбнулся и наслаждался этим моментом в молчании. Возможно, осознание этой истины, одной из тех истин, которую можно узнать только самостоятельно, несмотря на всех людей, которые пытались научить его этому множеством слов — стоит всего, что случилось с ним в последнее время. Он только надеялся, что это стоит всего, что еще случится с ним после.

Глава 19. Тайна раскрыта

Гарри присоединился к Джеймсу, Зейну и Ральфу за очень поздним завтраком в кухнях домовых эльфов под Большим Залом. Джеймс обратил внимание, что эльф, работающий с мехами возле огромной печи, был тем самым сердитым эльфом, который ранее сказал им троим, что они на испытательном сроке. Тот бросил на них подозрительный взгляд, но ничего не сказал. Они столпились у крошечного столика возле не менее крошечного оконца и ели с тарелок тосты с копченой рыбой, запивая их тыквенным соком и черным чаем. В итоге Гарри предложил им сделать перерыв и привести себя в порядок — все трое до сих пор были одеты в те же самые одежды, которые были на них еще до начала приключений с метлой, теперь изрядно запаханные после ночи, проведенной в лесу. Джеймс устал до чертиков, так что понимал, что ему крайне необходимо добраться до кровати и рухнуть в нее в течение ближайших десяти минут, и ему все равно, раздирает ли школу кризис или нет.

По пути в общую гостиную Джеймс решил сделать крюк и

заглянуть в больничное крыло, чтобы забрать свой рюкзак. Филия Гойл и Мердок, естественно, уже не дежурили у дверей, но для Джеймса оказалось сюрпризом, когда он обнаружил там Хагрида, удобно расположившегося на скамье, листая толстый журнал с интригующим названием «Животные и дебри». Тот поднял взгляд и аккуратно закрыл журнал.

- Приятно вновь увидеть тебя, Джеймс, — тепло сказал он, пытаясь приглушить голос. — Слышал, ты вернулся целым и невредимым. Готов поспорить, уже видел своего отца?

- Да, я только что от него, — ответил Джеймс, заглядывая в слегка приоткрытые двери больничного крыла. — А ты что тут делаешь, Хагрид?

- Неужели непонятно? Я стою на часах. Никто не войдет и не выйдет без разрешения Директрисы. Он нуждается в отдыхе и, хм, исцелении после всего, что с ним произошло.

- Кто? — спросил Джеймс с внезапно пробудившимся интересом. Он еще внимательнее всмотрелся в щель между дверями. Одна из кроватей была занята, но Джеймс не мог разглядеть подробностей.

- Ты чего, конечно, профессор Джексон! — ответил Хагрид, вставая и подходя к Джеймсу. Он заглянул поверх головы Джеймса одним из своих черных круглых глаз. — Разве ты не слышал? Он появился на дворе час с половиной тому назад и выглядел несколько потрепанным, — прошептал он. — Вызвал изрядный переполох среди студентов, когда они увидели его. Мы принесли его сюда и меня сразу поставили охранять двери, пока мадам Курио его обихаживала.

Джеймс поднял взгляд на Хагрида.

— Он ранен?

- Этой было нашей первой мыслью, — ответил Хагрид, отступая немного назад. — Но мадам Курио сказала, что с ним все в порядке за исключением нескольких сломанных ребер, ожогов на руках, довольно неприятного синяка на черепушке и примерно миллиона порезов и царапин. Она сказала, он подрался на дуэли, довольно долго продолжавшейся, вероятно, вот так. Это случилось этой ночью, в лесу. Вот и все, что мы успели получить от него до того, как Теодор отключился.

- Дуэли? — недоверчиво повторил Джеймс, нахмутив брови. — Но ведь Делакура сломала его палочку!

- Правда? — спросил Хагрид с интересом. — Но с чего бы ей идти и заниматься такими вещами, а?

- Она была одной из тех, с кем он сражался, Хагрид, — сказал Джеймс устало. — Они с ней... окей, я объясню позже. Но я своими глазами видел, как она переломила его палочку надвое. И видел обломки. Он оставил их, уходя.

- Ыыыыхмм... — пробурчал Хагрид, снова возвращаясь на скамейку, которая застонала под его весом. — Он ведь американец, знаешь ли. Они имеют обыкновение носить с собой не одну палочку. Это пришло еще во времена старого доброго Дикого Запада, вот так вот. Они прячут палочки в рукавах и сапогах, маскируют их под трости и тому подобное. Разве это не общеизвестно?

Джеймс снова заглянул в щель между дверями, но по-прежнему не мог ничего разглядеть, кроме распростертой фигуры на кровати.

— Мне жаль, профессор, — тихо произнес он, — но я все же надеюсь, вы задали ей королевскую трепку.

- В чем дело, Джеймс? — спросил Хагрид, поднимая глаза.

- Я только хотел забрать свой рюкзак, — быстро ответил Джеймс. — Он остался там прошлой ночью.

- Ээ. Мог бы ты зайти за ним позже? — настоятельно спросил Хагрид. — У меня распоряжение никого не впускать и не выпускать. Директриса думает, что тот, кто напал на Джексона, может прийти за ним. Не исключено, что это тот псих, возомнивший себя Мерлином.

- Это была Делакура, Хагрид, но, конечно, я могу зайти и позже. Удачи.

Хагрид кивнул и снова развернул журнал у себя на коленях. Джеймс развернулся и пошел обратно.

Гостиная Гриффиндора была пуста. Огонь в камине прогорел до красных угольков, но было достаточно тепло, так что в нем не было нужды. Поднимаясь вверх по лестнице в спальню, Джеймс почувствовал порыв прохладного свежего воздуха. Должно быть, кто-то оставил окно открытым наверху. Он как раз размышлял, стоит ли его закрывать или нет, когда поднялся наверх и увидел Мерлина, удобно

устроившегося на его кровати.

- А вот и мой маленький советник, наконец-то, — сказал Мерлин, глядя поверх учебника Джеймса по Техномантии.

Джеймс посмотрел на открытое окно рядом с его кроватью, затем опять на Мерлина.

— Вы, — сказал он с сомнением. — Вы... — он неуверенно указал на окно.

- Влетел ли я через него? — спросил Мерлин, откладывая книгу в сторону чуть ли не с благоговением. — Вознесся сюда на крыльях моих небесно-рожденных братьев? Ты так считаешь, Джеймс Поттер?

Джеймс закрыл рот, понимая, что это своего рода проверка. Он отбросил свои изначальные предположения в сторону и огляделся вокруг.

- Нет, — ответил он. — На самом деле, нет. Я думаю, вы просто открыли окно, потому что любите воздух.

- Мне нравятся запахи в воздухе, особенно в это время года, — ответил великий волшебник, глядя в открытое окно. — Сама суть возрождения и жизни, идущая сейчас от земли, наполняет небо. Даже не-маги чувствуют это. Они говорят: «Весной в воздухе витает любовь». Это довольно близко к истине, но это не любовь мужчины и женщины. Это любовь корня к почве, листвы к солнечному свету и, да, крыльев к воздуху.

- Но вы хотели, чтобы я поверил, что вы влетели через окно, не так ли? — сказал Джеймс, немного осмелев.

Мерлин слегка улыбнулся, изучая Джеймса.

— Девять из десяти в магии происходит в уме, Джеймс Поттер. Главная хитрость в том, чтобы знать, что ваши зрители хотят увидеть, и убедиться, что они видят это.

Джеймс подошел к другой кровати и сел на нее.

— Вы пришли поговорить об этом? Или вы здесь потому, что получили мое послание?

- Я успел многое сделать с тех пор, как мы встречались в последний раз, — ответил волшебник. — Я побывал тут и там, там и сям. Я

беседовал со многими старыми друзьями, заново познавал себя на земле и тварей в небе. Я встречал очень странные вещи в лесу, созданные за века, и узнал многое о мире этого времени. Я изучал тебя самого и твоих знакомых.

Джеймс медленно улыбнулся, осознав кое-что.

— Вы никогда не покидали нас! Вы исчезли с вершины башни, заставив нас думать, что вы улетели с птицами, но на самом деле никуда не ушли, верно? Вы просто стали невидимым!

- Ты обладаешь редким талантом заглядывать за плоскость зеркала, Джеймс Поттер, — сказал Мерлин низким голосом, его лицо было невозмутимо. — Но должен признаться, что слышал все, что твои профессора Франклин и Долгопупс, и Пендрагон, и да, твой отец, говорили обо мне. Я был поражен и возмущен тем, что они предполагали, что знают обо мне. И все же я не раб гордыни. Я спросил себя, что, если то что они предполагают — правда? Я покинул их и отправился к моим старым землям. Я ходил тут и там, там и сям. Я изучал глубины своей души, как и предполагал Франклин. И я нашел там тень, тень истины была в их словах. Тень...

Мерлин умолк. Джеймс решил ничего не говорить, но продолжал смотреть на волшебника. Его лицо оставалось совершенно неподвижным, но по глазам было видно, что мысленно он далеко отсюда. Спустя не менее чем две минуты Мерлин снова заговорил.

- Но тени было бы недостаточно, что бы привести меня обратно в грязь пышных туманных речей и запутанной лояльности, которые словно пропуск через линию фронта в невежественные времена. Я был далеко, изучал, искал пространства и земли, и нетронутые земли, уже погружался в глубокий язык ветра и дождя, когда в песне деревьев появилась новая нота. Твое послание, Джеймс Поттер.

Джеймс был поражен, наконец, увидев эмоции на широком лице мужчины. Он смотрел на Джеймса открыто, его глаза вдруг увлажнились. Джеймс почувствовал стыд за такое выражение страдания этого человека. Он так же почувствовал себя немного виноватым за свои собственные слова, слова, которые, видимо, потрясли, пронзили его большое скрытое сердце. Затем, словно страдания никогда и не проступали на нем, лицо снова окаменело. Это была не маскировка

эмоций, понял Джеймс. Он просто наблюдал за эмоциями человека, чья культура была совершенно чуждой ему, у которого сердце было так близко к поверхности, что глубокие эмоции могли отразиться на лице без стыда и всецело, как облака, на мгновение закрывшие солнце.

- Таким образом, Джеймс Поттер, — сказал волшебник, медленно вставая, так что он, казалось, заполнял всю комнату. — Я вернулся. Я в твоём распоряжении. Моей душе это действительно нужно. Я узнал больше об этом мире, пока путешествовал сегодня, и я немного полюбил его, сейчас существует зло, даже если оно маскируется под двуличием и этикетом. Возможно, победить это зло не столь важно, как разоблачить его респектабельный фасад.

Джеймс улыбнулся и вскочил, не совсем уверенный, что стоит делать — пожать Мерлину руку, обнять его или поклониться. Он остановился на том, что выбросил в воздух кулак и воскликнул:

— Да! Э... спасибо, Мерлин. Э... Мерлинос. Э... Мистер Амброзиус?

Волшебник только улыбнулся на это, его льдисто-голубые глаза блеснули.

- Итак, — сказал Джеймс. — С чего мы начнем? Я имею в виду, у нас всего несколько часов до того, как Прескотт и его команда снимут фильм о школе и обо всем остальном. Я, наверно, должен все вам объяснить. Хех, это займет какое-то время.

- Я — Мерлин, Джеймс Поттер, — вздохнув, сказал волшебник. — Я уже узнал столько, сколько мне необходимо знать об этом мире и о том, как он работает. Ты будешь очень удивлен, полагаю, узнав, сколько деревья знают о твоей культуре. Мистер Прескотт — не твоя проблема. Нам просто нужно посоветоваться с союзниками, которые нам помогут.

- Хорошо, — сказал Джеймс, плюхаясь обратно на кровать. — Какие союзники нам нужны?

Глаза Мерлина сузились.

— Нам требуются герои умные и ловкие, не боящиеся нарушить традиции, чтобы защитить высшую приверженность. Боевые навыки не важны. Что нам нужно сейчас, Джеймс Поттер, это негодяи с честью.

Джеймс коротко кивнул.

— Я знаю таких. Негодяи с честью. Возьмем их.

- Тогда давай отправимся к ним, мой юный советник, — сказал Мерлин, улыбаясь немного пугающе. — Веди.

- Так вы думаете, мы победим? — спросил Джеймс, ведя Мерлина вниз, к проходу за портретом.

- Мистер Поттер, — беззаботно сказал Мерлин, выходя на лестничную площадку и упирая кулаки в бока, — вы выиграли в тот момент, когда я решил к вам присоединиться.

- Это говорит прославленная гордость Мерлина? — с сомнением спросил Джеймс.

- Как я уже говорил, — ответил Мерлин, следуя за Джеймсом длинными, медленными шагами, — девять из десяти в магии происходит в голове. Оставшееся, мистер Поттер, чистое и неподдельное бахвальство. Примите это к сведению, и все у вас выйдет прекрасно.

После яркого мглистого утра день прогрессировал в туманную тишину, не по сезону жаркую. Директриса МакГонагалл настояла на том, чтобы занятия продолжались даже во время экскурсии Мартина Дж Прескотта и его команды, но несмотря на ее приказ десятки студентов собрались во дворе, чтобы взглянуть на прибытие репортерской команды маглов. Перед группой плечом к плечу стояли Джеймс и Гарри. Всего в нескольких шагах от них — Табита Корсика и ее поддержка из Слизерина, они были возбуждены, их глаза блестели. На верхней ступени Директриса МакГонагалл стояла в окружении мисс Сакарины и мистера Рекрента. Мартин Прескотт на нижней ступени взглянул на часы.

- Вы уверены, что они смогут добраться на автомобилях по указанному вами пути, мисс Сакарина? — спросил он, прищурившись от солнечного света, когда посмотрел вверх, где она стояла. — Это ведь транспорт, передвигающийся на колесах, знаете ли. На колесах. Там ведь нет никаких зачарованных трясин и мостов с троллями или чего-то в этом роде, верно?

Сакарина собралась было ответить, но тут тишину нарушил звук двигателей приближающихся автомобилей. Прескотт подпрыгнул и

повернулся, вытягивая шею, чтобы разглядеть свою команду. Джеймс, стоящий в первом ряду собравшихся возле своего папы, подумал, что Директриса отлично держится, учитывая все обстоятельства. Ее губы только слегка сжались, когда первый автомобиль въезжал во двор. Их было всего два, в которых Джеймс распознал огромные внедорожники, которые Зейн называл «Лендрроверы». Первый из них остановился вплотную возле ступеней летницы. Все четыре дверцы распахнулись, и из них показалось несколько мужчин, щурящихся от солнечного света, в руках у них были плотно набитые кожаные сумки с множеством карманов. Прескотт прыгал между мужчинами, называл их имена, тыкал пальцем и давал указания.

- Я хочу, чтобы были прожекторы и отражатели слева от лестницы, под углом к дверям. Именно здесь я скажу свои последние комментарии и проведу интервью. Эдди, ты не прихватил стульев? Нет? Ну ладно, окей, мы постоим. Сидение может показаться слишком, знаешь, наигранным в любом случае. Мы ведь хотим все время поддерживать постоянное впечатление живой съемки. Винс, какие камеры ты прихватил с собой? Мне нужна тридцатипятимиллиметровая Handycam для всего этого. Продублируй каждый кадр, понял? Потом отредактируем отснятый материал для создания впечатления тайной съемки. Где Грета с макияжем?

Бригада совершенно проигнорировала собравшихся учеников и директрису с представителями министерства на ступенях. Все слаженно суетились вокруг машин, монтировали камеры, выставляли свет, нанизывали микрофоны на длинные шести и говорили «Тест» и «Проверка» в более мелкие микрофоны, прикрепленные к рубашке Прескотта. Джеймс заметил двоих, перемещавшихся в группе, но, казалось, не принадлежавших к техническому персоналу. Они были одеты гораздо лучше и, похоже, интересовались замком и садом. Один из них, пожилой, лысоватый, выглядящий дружелюбным человек в светло сером костюме, направился по лестнице к Директрисе.

- Довольно волнующе, не так ли? — провозгласил он, оглядываясь в сторону внедорожников. Он слегка поклонился в сторону директрисы — Рэндольф Финней, детектив Специальной полиции Британии. Еще не в отставке, но уже почти, впрочем не важно. Возможно мистер Прескотт упоминал обо мне? Он переживал по поводу моего пребывания здесь,

как показалось. Между мной и вами, я полагаю, он надеялся на что-то немного более ээ вдохновляющее, если вы понимаете о чем я. Так это что-то вроде... школы, как я понимаю?

- Действительно, это так, мистер Финней, — сказала Сакарина, протягивая руку. — Меня зовут Бренда Сакарина, глава Департамента Иностраных дел Министерства Магии. Сегодня будет очень интересный день для вас, я полагаю.

- Министерство Магии. Как замечательно причудливо, — сказал Финней, пожимая руку Сакарини с небольшого расстояния. Он не отводил взгляд от Директрисы. — А кто же вы, Мадам?

- Это... — начала было отвечать Сакарина, но МакГонагалл, давно привыкшая к преобладающим нежелательным шумам, легко перекрыла ее голос своим:

- Минерва МакГонагалл, мистер Финней. Рада вас видеть. Я — Директриса этой школы.

- Очаровательно, очаровательно! — сказал Финней, с благоговением беря руку МакГонагалл и снова кланяясь. — Директриса МакГонагалл, я счастлив встретиться с вами.

- Можете называть меня Минервой, — сказала МакГонагалл, и Джеймс заметил болезненную гримасу, промелькнувшую на ее лице.

- Конечно. И зовите меня Рэндольфом, я настаиваю, — Финней улыбался Директрисе в течение нескольких секунд, зачем прочистил горло и поправил свои очки. Он развернулся к замку и саду. — Я и не подозревал, что здесь есть школа, сказать по правде. Особенно такая великолепная, как эта. Почему, ей бы стоило быть в реестре исторических мест, будьте уверены, Минерва. Как вы ее называете?

Сакарина начала отвечать, но ничего не вышло. Она издала тонкий писк, слегка кашлянула, а затем элегантно прикрыла рот рукой, на ее лице отразилось смущение.

- Хогвартс, Рэндольф, — ответила МакГонагалл, осторожно улыбаясь, — Хогвартс, Школа Магии и Чародейства.

- Что вы говорите? — ответил Финней, глядя на нее. — Как чудесно и необыкновенно.

- Хотелось бы верить.

- Детектив Финней! — неожиданно позвал Прескотт, взбежав по ступеням, его лицо было покрыто слоем грима, а за воротник рубашки

была заправлена бумажная салфетка. — Я вижу, вы уже встретились с Директрисой. Мисс Сакарина и мистер Рекрент здесь, чтобы провести экскурсию, конечно. А Директриса рядом просто для эээ... колорита, так сказать.

- И она прекрасно справляется со своей ролью, не так ли? — сказал Финней, снова поворачиваясь к МакГонагалл с улыбкой. Джеймс заметил, что Директрисе героическим усилием удалось не закатить глаза.

- Вы уже познакомились с мисс Сакариной и мистером Рекрентом? — спросил Прескотт, вставая между Финнеем и МакГонагалл. — Мисс Сакарина, возможно, вы уже рассказали детективу Финнею немного о том, что вы здесь делаете?

Сакарина очаровательно улыбнулась и пошла вперед, беря Финнея под руку и пытаясь увести его подальше от директрисы МакГонагалл.

Сакарина пыталась что-то сказать. Она остановилась, закрыла рот и попыталась взглянуть на него, что со стороны выглядело довольно странно. Финней посмотрел на нее, слегка нахмурившись.

- С вами все в порядке, мисс?

- Мисс Сакарина просто чувствует себя немного подавленной из-за погоды, детектив Финней, — сказал Рекрент, попытавшись изобразить обворожительную улыбку Сакарины, но без особого успеха. — Позвольте мне. Это школа Магии, как Директриса уже упомянула. Это, на самом деле, школа волшебниц и волшебников. Мы... — следующее слово Рекрента застряло у него в горле. Он остановился с открытым ртом, уставившись на Финнея, он выглядел как задыхающаяся рыба. Спустя долгий неловкий момент, он закрыл рот. Он попытался снова улыбнуться, показав крупные неровные зубы.

Брови Финнея по-прежнему были нахмурены. Он забрал свою руку у Сакарины и взглянул на нее и Рекрента.

— Да? Почему вы не говорите? Вы оба больны?

Прескотт практически подпрыгивал от нетерпения.

— Может, мы просто начнем экскурсию? Конечно, я знаю, что мой путь вокруг замка не долог. Мы можем начать как только... как только... — он понял, что салфетка по-прежнему заправлена за

воротник его рубашки. Он сгреб ее и сунул в карман брюк. — Мисс Сакарина, вы упоминали, что будет кто-то еще? Эксперт, способный объяснить все непосвященным? Возможно, сейчас самое время познакомиться с этим человеком?

Сакарина вытянула шею вперед, ее глаза слегка выпучились, а рот открылся. После нескольких минут напряженного молчания Директриса откашлялась и указала в сторону внутреннего двора.

— Он сейчас там, я уверена. Вы знаете, мистер Хьюберт часто приходит с опозданием. Бедняга однажды забудет собственную голову. И все же он гений в своем роде, верно, Бренда?

Сакарина все так же с открытым ртом, повернулась, чтобы посмотреть, куда указывает МакГонагалл. Во двор въезжала еще одна машина. Она была древней, ее двигатель тарахтел и выбрасывал клубы голубого дыма. Финней нахмурился, когда она с пыхтением двигалась через двор. Сакарина и Рекрент уставились на машину с выражением чистого недоумения и брезгливости. Толпа студентов, столпившихся у степеней, отхлынула, когда машина, скрипя, остановилась перед первым Лендрровером, оперевшись в него. Двигатель кашлянул, поперхнулся и медленно умер.

- Это Форд Англия? — спросил Финней. — Я не видел таких уже лет десять. Удивительно, как он вообще ездит.

- О, наш мистер Хьюберт очень хорош с двигателями, Рэндольф, — твердо сказала МакГонагалл. — Поэтому он действительно практически волшебник.

Водительская дверь скрипнула, открываясь, и водитель выбрался наружу. Он был очень велик, так что машина ощутимо качнулась, когда он вылез из нее. Мужчина искоса взглянул на лестницу, улыбаясь слегка рассеянно. У него были длинные серебристо-светлые волосы и соответствующая борода, которые компенсировала пара огромных черных очков в роговой оправе. Волосы мужчины были собраны в аккуратный, почти строгий хвост.

- Мистер Терренс Хьюберт, — сказала МакГонагалл, представляя его. — Канцлер Хогвартса, Школы Чародейства и Волшебства. Добро пожаловать, сэр. Подходите и познакомьтесь с нашими гостями.

Мистер Хьюберт улыбнулся и взглянул в сторону, пассажирская

дверь Англии, скрипнув, открылась.

- Надеюсь, вы не имеете в виду всех, — сказал мистер Хьюберт, поправляя очки. — Я привез с собой мою жену. Поздоровайся с людьми, дорогая.

Джеймс открыл рот от удивления, когда мадам Делакруа выбралась из машины. Он улыбнулась медленно и осторожно.

— Привет, — сказала она странным монотонным голосом. Хьюберт расплылся в улыбке.

— Она прелестна, не правда ли? Ну-с, начнем?

Сакарина кашлянула, ее глаза тревожно распахнулись, когда она увидела Делакруа вместе с мистером Хьюбертом перед Англией. Он ткнула Рекрента локтем, но он был так же нем, как и она.

- Канцлер^[6]? — спросил Прескотт, переводя взгляд с Хьюберта на МакГонагалл. — Это не канцлер! С каких это пор здесь есть канцлер?

— Я прошу прощения, сэр, — сказал Хьюберт, поднимаясь по ступеням вместе с Делакруа, которая улыбалась немного дико. — Меня не было в течение последней недели. Бизнес в Монреале, в Канаде, повсюду. Небольшой оптовый склад там. Знаете, мы используем только высококачественные магические приспособления здесь, конечно же. Я сам осматривая все вручную, прежде чем использовать что-то. Ох, но я не должен говорить большего, конечно же. Хе, хе! — Хьюберт постучал указательным пальцем по кончику своего носа и заговорчески улыбнулся Прескотту.

На лице Прескотта отразилось напряженное сомнение. Он уставился на Хьюберта, затем на мадам Делакруа. Затем он поднял руки и закрыл глаза.

— Хорошо, кого это волнует? Мистер Хьюберт, если вы наш гид, давайте начнем, — он бросил взгляд через плечо на съемочную группу, дико «жестикулируя» бровями и повел Хьюберта к огромным

распахнутым дверям.

— Канцлер Хьюберт, не могли бы вы рассказать нам и нашим зрителям, чем вы занимаетесь здесь в Хогвартсе, Школе Чародейства и Волшебства?

- Что ж, конечно, — сказал Хьюберт, разворачиваясь, когда они достигли центра прихожей. — Мы учим магии! На самом деле, мы — ведущая в Европе школа магического искусства, — Хьюберт, казалось, впервые заметил камеру, он улыбнулся в нее слегка нервно.

- Ученики, э, приезжают с самых дальних уголков страны и даже из-за ее пределов, чтобы изучать древнее искусство от таинственных мастеров этого ремесла. Овладевать, впитывать, ээ, пропитываться, как бы, секретными искусствами гадания, иллюминации и жонглирования и ээ... так далее, и так далее. Прескотт тяжело уставился на Хьюберта, его щеки покраснели.

— Прекрасно. Так вы признаете, что обучаете настоящей магии в этих стенах?

- Ну конечно, молодой человек. С чего бы мне это отрицать? — Тогда вы не будете отрицать, — сказал Прескотт, бросаясь «в атаку», — что эти картины, развешанные по всей комнате, это магические движущиеся картины? — он величественно кивнул в сторону стены. Оператор развернулся и пошел так быстро и плавно, как мог, к группе картин у дверей. Звукооператор опустил свой микрофон, чтобы быть уверенным, что не упустит ответ Хьюберта.

- Д-движущиеся картины? — смущенно сказал Хьюберт. — О-ох, да. Ну, я полагаю, их можно назвать движущимися. Не важно, где эти картины, и где именно вы находитесь в комнате, глаза на картинах следят за вами, — Хьюберт таинственно развел руки, нагнетая обстановку. — Кажется, что они преследуют тебя, куда бы ты ни пошел.

Оператор оторвал глаз от видеоискателя и хмуро взглянул на Прескотта. Лицо Прескотта помрачнело.

— Это не то, что я имел в виду. Заставьте их двигаться! Вы знаете, что они могут! Вы! — он развернулся на каблуках и указал на МакГонагалл — Вы разговаривали с портретом в своем кабинете только

вчера! Я видел! Я слышал, как портрет отвечал!

МакГонагалл изобразила на лице изумление так комично, что Джеймс, который стоял с остальными студентами у дверного проема, с трудом сдержал смех.

— Не представляю, что вы имеете в виду, сэр, — ответила Директриса.

- Теперь вы впутаете в это леди, почему бы и нет? — сказал Финней насмешливо, выступая на полшага вперед Директрисы, которая была на голову выше него. — Просто проведите уже ваше великое расследование, Прескотт, и покончим с этим.

Прескотт колебался несколько секунд, а затем взял себя в руки.

— Ну ладно. Забудем о движущихся картинах. Глупости, — он повернулся обратно к Хьюберту. — Я полагаю, что сейчас проходят уроки, мистер Хьюберт?

- Хм? — сказал Хьюберт, словно удивившись. — Проходят? Ну, я... Я полагаю так. Я не ожидал...

- Вы не ожидали, что мы захотим посмотреть? — прервал его Прескотт. — Ну а мы хотим. Наши зрители имеют право знать, что происходит здесь, прямо... под... нашими... носами.

- Зрители? — повторил Хьюберт, глядя в камеру. — Это, э, реально? Да?

Прескотт опустил голову и немного обмяк.

— Нет, мистер Хьюберт. Это не так. Разве никто не сказал ему, как это работает? Мы записываем это, мы это редактируем, мы выдаем это в эфир. Мисс Сакаринна, вы ведь понимаете все это, я не ошибаюсь? — он взглянул на Сакаринну, которая улыбнулась и развела руками. Она попыталась произнести несколько слов, но они застряли в ее горле смутными звуками. Рекрент улыбался все сильнее. На его лбу выступили капли пота.

— Отлично, — пробормотал Прескотт. — Вижу. Чудесно. Продолжим. — Он выпрямился и снова взглянул на Хьюберта. — Да, наши зрители хотят видеть, что происходит в этих, так называемых

«классах», мистер Канцлер. Пожалуйста, проводите нас.

Хьюберт повернулся к Делакруа.

— Что думаешь, дорогая? Предсказания или левитация?

- И то и то одинаково впечатляюще, дорогой, — сказала Делакруа, довольно неуклюже выговаривая слова. Казалось, что она хочет сказать больше, но несмотря на то, что ее челюсти продолжали работать, губы плотно сжались.

- Моя жена иностранка, как видите, — извиняющимся тоном сказал Хьюберт. — Но она старается, как может.

- В классы, пожалуйста, мистер Хьюберт, — настаивал Прескотт. — Вы не можете задерживать прессу, сэр.

- Нет, нет, конечно, нет. Мы на самом деле высоко ценим прессу, — сказал Хьюберт, поворачиваясь и ведя группу вперед. — Хоть мы и престижное заведение, иногда довольно тяжело оставаться на плаву. Магия — это, ээ, специфическая наука, сказать откровенно. Только особый тип людей обладает терпением и изяществом, чтобы изучать ее. О, вот мы и пришли. Предсказания.

Прескотт бодро шагнул в открытые двери классной комнаты, за ним следовали оператор с камерой и звукооператор с микрофоном, стараясь не отставать. Финней держался позади группы настолько близко к Директрисе МакГонагалл, насколько мог. Гарри и Джеймс во главе толпы любопытных студентов, прошли через двери, чтобы взглянуть.

- Здесь наши студенты изучают древнее искусство предсказания будущего, — величественно сказал Хьюберт. С десятков студентов рассеялся по комнате, они мрачно таращились на предметы, расставленные на столе перед ними. В начале класса, словно по команде, профессор Трелони вскинула руки, музыкально звеня своими браслетами.

- Ищите, ученики! — закричала она таинственным голосом. — Пристально взгляните глубоко-глубоко в лицо всезнающего космоса, отраженно в завихренях моделей и шаблонов бесконечности! Отыщите свою судьбу!

- Чайнки! — радостно сказал Финней. — Моя мама читала судьбу по чайнкам для туристов! Провела нас через тяжелые времена в прежние дни. Как приятно видеть, что старые традиции живы.

- Традиции, тьфу! — сказала Трелони, поднимаясь со своего сидения, ее тонкая мантия драматично закружилась вокруг нее. — Мы отыскиваем совершенную истину, вложенную в эти чайники, сэр. Прошлое, настоящее, будущее, все связано для тех, кто имеет глаза, чтобы видеть!

- Моя мама говорила то же самое! — хихикнул Финней.

- И так вы узнаете будущее? — спросил Прескотт, с отвращением уставившись в чашку одного из учеников. — Это нелепо. Где хрустальные шары? Где клубы дыма и призрачные видения?

- Ну, ээ, все это у нас тоже имеется, мистер Прескотт, — сказал Хьюберт. — Верно, дорогая?

- Прогрессивные гадания. Второй семестр. Две сотни фунтов лабораторная комиссия, — механически ответила Делакура.

- Включает хрустальные шары, — сказал Хьюберт, подняв руку. — Эти вещи не из дешевых. Мы специально производим их в Китае. Красные кристаллы и тому подобное. Конечно, ученики могут забрать их домой по окончании учебного года. Как памятный сувенир.

- По-моему, вы упоминали левитацию! — сказал Прескотт, выходя из комнаты. Его сопровождающие последовали за ним, лязгая и разматывая больше электрического шнура.

- Да, конечно. Одно из основных магических искусств, — ответил Хьюберт, следуя за Прескоттом по коридору в другой класс. — Мы объединили эту дисциплину с базовым жонглированием. Да, прямо здесь.

Зейн стоял в центре учебной комнаты с палочкой в руке. Десяток других студентов сидел вдоль стены и с изумлением наблюдал за тем, как летает и кувыркается по комнате бюст Годрика Гриффиндора, несомненно, следуя за движениями палочки Зейна. Команда Прескотта изумленно вздохнула при виде этого. Оператор присел на корточки, приблизив происходящее.

- Ага! — возбужденно воскликнул Прескотт. — Настоящая магия! В исполнении детей!

- Как и было обещано, — гордо заявил Хьюберт. — Мистер Уолкер здесь один из лучших в классе. Мистер Уолкер, какого вы года, кстати говоря?

- Я на первом курсе, сэр, — ответил Зейн, довольно улыбнувшись.

- Замечательно, мой мальчик, — ответил Хьюберт. — Почему вы не пробуете петлю?

Студенты важно похлопали, когда бюст взлетел и медленно повернулся в воздухе. А затем он вдруг упал, шлепнувшись на матрас, который был расстелен в центре комнаты на полу.

- О, жаль, мистер Уолкер. Так близко, — пожурил Хьюберт.

- Это не моя вина! — крикнул Зейн. — Это мой закулисный ассистент! Тед, ты — болван, ты дернул, когда должен был потянуть! Сколько раз я должен объяснять!

- Эй! — запротестовал Тед, с шумом выбираясь из-за шкафа в дальнем краю комнаты. Он держал в руках горсть проводов, которые змеились к группе блоков прикрепленных к потолку над шкафом. — Может, ты хочешь сам забраться сюда и попытаться управиться со всем этим в темноте? А? Кроме того, это Ной напортачил. Он тормозил с перекрестами блоков.

Голос из глубины шкафа возмущенно заорал:

— Что? Вот как! Я хочу быть на сцене в следующий раз. Мне уже надоела роль ассистента. Я хочу носить шляпу!

- Никто не носит шляпу, Ной, — закатил глаза Зейн.

- Ну, кто-то же должен носить шляпу! — воскликнул Ной, его лицо появилось в открытых дверях шкафа. — Как тогда узнать кто волшебник, а кто ассистент?

- Мальчики, мальчики, — примиряюще поднял руки Хьюберт. — У нас есть только одна шляпа в классной комнате, и мисс Моргенштерн использует ее, чтобы попрактиковаться в трюке с кроликом. Мистер Прескотт, мистер Финней, хотите увидеть трюк с кроликом?

- Почему бы нет, — весело согласился Финней.

- Нет, — воскликнул Прескотт.

Табита Корсика протолкалась к переднему ряду в толпе студентов в дверях. Ее лицо было красным от злости.

— Мистер Прескотт, — начала она, — вы...

Хьюберт медленно повернулся лицом к Табите.

— Это неподходящее время для автографов, мисс Корсика.

- Я здесь не для того, чтобы просить его автограф, Канцлер... — заспорила Табита, вытягивая руку, чтобы указать на Хьюберта. В руке оказались зажаты маленький блокнот и ручка. Она замерла, уставившись на эти два предмета. Обложка блокнота была розовой с напечатанным на ней белым шрифтом словом «автографы»

- Для подобных вещей будет время позже, мисс Корсика. Но, я уверен, мистер Прескотт польщен вашим, ээ, вниманием.

- Канцлер Хьюберт? — вставила Петра, всматриваясь в черный цилиндр, стоящий на нелепом сверкающем столе. — Кажется, что-то плохое случилось с мистером Виффлсом. Кролики часто лежат на спине так, как он сейчас?

- Не сейчас, мисс Моргенштерн, — отмахнулся от нее Хьюберт. — Мистер Прескотт, полагаю, вы хотите увидеть номер с распиливанием пополам?

Но Прескотт уже ушел, проскочив мимо потрясенно молчавшей Табиты Корсики, и устремился по коридору, расположенному за ней. Его команда пыталась нагнать его, пока он заглядывал в каждую комнату. В конце коридора он испустил протяжный триумфальный крик и помахал своей команде, чтобы они присоединились к нему в последней учебной комнате.

- Здесь! — закричал Прескотт, дико жестикулируя правой рукой. Команда бросилась в комнату в сопровождении глазающих учеников, которые начали ухмыляться. — Прямо у вас перед глазами! Призрачный профессор! Убедитесь, что у вас получится достаточно кадров, Винс! Доказательство загробной жизни!

На этот раз вдоха облегчения не последовало. Винс придвинулся ближе, аккуратно устанавливая фокус одной рукой.

- Ах, да. Профессор Биннс, — радостно сказал Хьюберт. — Поздоровайтесь с этими прекрасными людьми.

Профессор Биннс моргнул за очками и перевел свой взгляд на толпу.

— Приветствую, — ответил он своим тонким далеким голосом.

- Это всего лишь проекция на дыме, — объявил оператор Винс.

- Ну, — сказал Хьюберт, немного защищаясь, — это не так бросается в глаза, если смотреть издали. Ученики, обычно, довольно

далеко от него. Создается ощущение таинственности и сверхъестественного, правда.

Ральф был в числе студентов, сидящих в классе. Он обратился к оператору с ноткой раздражения в голосе:

— Вы убиваете весь эффект, знаете ли. Вы не можете ходить тут и портить его для всех.

- Приветствую, — повторил Биннс, глядя на толпу.

- Невозможно! — сердито выкрикнул Прескотт, идя к передней части комнаты. — Это призрак! Я знаю это!

- Это всего лишь проекция, Мартин, — сказал Винс, опуская камеру. — Я уже видел такое раньше. Она даже не очень хорошая. Слышно, как проектор жужжит. Он здесь, под столом. Видишь? Машина с сухим льдом. Делает дым.

Финней откашлялся возле дверей.

— Все это становится довольно неловким, мистер Прескотт.

- Приветствую, — сказал профессор Биннс.

Прескотт бешено обернулся. Он, видимо, нашел разгадку.

— Нет! — заорал он. — Это все подстава! Это он, он виноват! Он пытается повернуть с нами какой-то трюк! — Тут он обвиняюще ткнул пальцем в сторону Хьюберта.

- Ну да, именно этим мы тут и занимаемся, — сказал Хьюберт с мягкой улыбкой. — Трюками. Хотя слово «иллюзии» является для нас более предпочтительным, если вы не возражаете.

- Это маааааааагия, — несколько глуповатым тоном протянула Делакура. На лице ее появилась жутковатая гримаса.

- Я прекрасно вижу, чем вы тут занимаетесь! — заявил Прескотт, продолжая обвиняюще тыкать пальцем в сторону Хьюберта, а затем и МакГонагалл, и даже Сакарины с Рекрентом, которые энергично замотали головами. — Вы пытаетесь выставить меня психопатом! Но ничего, общественности известно больше, чем это, равно как и моим спутникам. Вы не можете скрыть всю правду! Что насчет движущихся лестниц? Или великанов?! А? А?! Или... — Прескотт запнулся, его палец продолжал покачиваться в воздухе. Глаза его на какую-то секунду

расфокусировались, затем он злобно ухмыльнулся. — Я знаю, было еще что-то. Что-то такое здесь. Винс, Эдди, все вы, пошли со мной.

Хьюберт последовал за бренчащей командой, расталкивая собравшихся студентов.

— Куда это вы, мистер Прескотт? Это ведь я ваш гид, помните? Я могу показать вам все, что пожелаете.

- Да? — спросил Прескотт, поворачиваясь обратно к Хьюберту. Любопытные студенты разошлись в стороны, образовав свободное пространство для него и его команды, так что Прескотт пришлось смотреть между ними. — А можете ли вы показать мне... — тут он выдержал драматическую паузу и склонил голову в сторону, — гараж?

- Э? Г... — начал недоуменно Хьюберт. Он моргнул, затем перевел взгляд на МакГонагалл. Джеймс ощутил, как сжалась ладонь Гарри, лежащая на его плече. Что-то не так.

— Гараж? — Хьюберт повторил это слово так, словно впервые его слышал.

Ухмылка Прескотта стала действительно демонической.

— Ага! К такому повороту дел вы не были готовы, не так ли? Да, я успел осмотреть все вокруг, пока вы были заняты этим утром. Заглянул и туда и сюда, и нашел немало интересного! Здесь есть гараж, — сказал он, поворачиваясь к камере, — который проникает в саму ткань пространства и времени, создавая магический портал между этим местом и другим, за тысячи километров отсюда! Могу предположить, что Америкой! Я видел это собственными глазами. Я побывал внутри этой штуки и ощутил запах далеких мест. Я видел рассвет на той земле, когда здесь солнце уже висело высоко в небе. И это не был трюк или иллюзия.

Эти люди могут пытаться заставить нас поверить, что они — всего лишь фокусники, но я утверждаю, и я видел это своими глазами, что они занимаются чистой магией, по-настоящему сверхъестественной. И теперь я докажу это! — Прескотт размашисто повернулся и зашагал прочь, направляясь обратно к вестибюлю. Гарри следовал по пятам за Хьюбертом, но не сумел привлечь его внимание.

- Мистер Прескотт! — Хьюберт сумел перекрыть шум заволновавшейся толпы. — Я действительно должен настаивать, чтобы вы позволили мне... Мистер Прескотт! Это неправильно!

Прескотт вывел свою команду через главный вход во двор. Толпа студентов изрядно увеличилась, так что шум при их приближении было слышно издали. Каждый видел, как Гараж Альма Алерон выглядит снаружи, но мало кому довелось побывать там внутри или хотя бы заглянуть, чтобы узнать, как там все устроено. Беспоконная и любопытная болтовня сменилась настоящим рокотом.

- Это не очень хорошо, Джеймс, — сказал Гарри достаточно тихо, чтобы его голоса не было слышно за шумом толпы.

- Но что мы можем сделать?

Гарри только покачал головой, наблюдая за тем, как Прескотт заворачивает за угол, ведя толпу за собой к шатру, стоящему на берегу озера. Он повернулся, остановившись на фоне брезентовых стен. Его команда заняла позиции, опуская над ним микрофон и регулируя огромные белые зонтики, чтобы отразить солнечный свет на затененную сторону. Прескотт медленно повернулся, чтобы продемонстрировать камере свой лучший бок, а Винс, сидя на корточках, медленно настраивал фокус. Это был, как признал Джеймс, очень драматичный момент.

- Дамы и господа — начал Прескотт, используя свой природный ораторский дар — моя команда и я, и все вы стали жертвами тщательно продуманной мистификации. Это вовсе не обычная школа ловкости рук и карточных трюков. Нет, я был свидетелем реальной магии в этих стенах, поразительная и леденящая кровь зрелище. Я видел призраков и настоящую левитацию. Я наблюдал, как двери магическим образом появляются в сплошных каменных стенах. Я видел чудовищ и великанов, таких, что диву даешься. Сегодня, нас разыграли как дурачков, обманули волшебники и ведьмы — да, настоящие магические люди — которые думают, что смогут обдурить нас общими трюками.

Но сейчас я раскрою правду этого места... За этим брезентом скрывается необъяснимая магия, которая шокирует и поражает вас. Когда правда будет открыта, мистер Рудольф Финней, детектив Специальной полиции Британии, будет уполномочен начать полномасштабное официальное расследование в этом учреждении, с помощью агентов со

всей Европы. После сегодняшнего дня, дамы и господа, ваша жизнь никогда не будет прежней. После сегодняшнего дня, мы будем жить в мире, где, мы будем знать без сомнений, обитают маги и ведьмы, и они ходят среди нас.

Прескотт сделал паузу, позволяя своим словам эхом отдаваться в гробовой тишине. Затем он повернулся туда, где стояли МакГонаггл, Хьюбер, Сакарина и Рекрент. Финней стоял рядом с директрисой, слегка нахмурившись, глаза его были настороженными.

Выражение лица Хьюберт было серьезным. Он уставился прямо на Прескотта.

— Я бы посоветовал вам не делать этого, мистер Прескотт.

-Вы откроете или я?

- Вы все разрушите, сэр — сказал Хьюберт, Делакура рядом с ним улыбалась еще более маниакально.

-Я не разрушу ничего кроме вашего секрета, мистер Хьюберт. Мир должен знать, что находится за этим брезентом.

Хьюберт замер на месте. Это выглядело так, словно он не хотел этого делать, а затем он двинулся вперед, опустив голову. Со стороны толпы послышался длинный, глубокий вдох. Прескотт шагнул в сторону, с триумфом глядя в камеру. Хьюберт подошел к шатру и встал перед ним. Он глубоко вздохнул и протянул руку и взялся за завязанные полоски брезента, держащие занавес на входе в палатке закрытым. Он повернул голову и посмотрел на Прескотта. После ужасной паузы, он дернул. Узел развязался и занавеси разошлись, трепыхаясь и хлопая как флаги с двух сторон от открытого широкого тента. Толпа вздохнула, а затем наступило долгое недоумевающее молчание.

Джеймс заглянул внутрь. Он не сразу понял, что это такое. Внутри было довольно темно, но он смог разглядеть, что летающие машины исчезли. Почти весь шатер занимала огромная продолговатая штукавина. Несколько человек из толпы начали хихикать, а затем волна смеха захлестнула всю толпу. — Что ж, вы сделали это — сказал Хьюберт, по-прежнему глядя на Прескотта — Вы разрушили секрет. А ведь это должно было стать нашим грандиозным финалом. Должен сказать, сэр, вы совершенно не веселый — Хьюберт наконец отошел, давая дорогу в шатер съемочной группе. Маленькие, цветные

рождественские огоньки последовательно мерцали по периметру огромной «летающей тарелки» из папье-маше. На ее боку были черные буквы, четко видимые в мерцающем свете.

-Мне неприятно говорить это, мистер Люпин — сказал Хьюберт, поворачиваясь к Теду — но у вас ошибка в слове «ракета». Это так неловко.

Глава 20. Рассказ о предателе

— Но я и правда видел их! — настойчиво повторял Прескотт, его голос становился все более хриплым по мере того, как он следовал за Винсом между Лэндроверами. — Великаны! Один из них был ростом выше деревьев! И они оставляли следы размером с... размером с... — он в отчаянии взмахнул руками. Винс не обращал на него ни малейшего внимания, продолжая упаковывать камеру в чехол.

— Вы потерпели грандиозное фиаско, мистер Прескотт, — сказал детектив Финней, протирая очки на шнурке. — Не делайте еще хуже.

Прескотт повернулся к пожилому человеку, его глаза сверкали.

— Вы должны расследовать происходящее в этом заведении, детектив! Это не правильно! Они обманывают вас всех!

— Если я и возглавлю какое-либо расследование, мистер Прескотт, — спокойно сказал Финней, — то это будет расследование относительно вас и ваших методов. Для начала, было ли у вас разрешение для вторжения на эти земли в первый раз?

— Что? Вы чокнутый? — фыркнул Прескотт. Он остановился и взял себя в руки. — Конечно. Как я уже говорил, я был проинформирован о том, что здесь происходит. Кто-то изнутри провел меня сюда.

— И вы проверили происхождение этого человека?

— Ну, — сказал Прескотт, — шоколадная лягушка была достаточным доказательством. Я действительно не...

— Простите. Вы сказали «шоколадная лягушка»? — переспросил Финней, его глаза сузились.

— Я...эээ, ну. Суть в том, что, да, мой источник был довольно убедителен в том, что здесь происходит что-то странное...

— То, что они, по сути, обучались магии?

— Да. Э, нет! Не трюки! Настоящая магия! С монстрами и великанами и... и... исчезающими дверями и летающими машинами!

— И все это доказывает шоколадная лягушка?

Прескотт открыл было рот для ответа и остановился. Он выпрямился во весь рост, злой, возмущенный.

— Вы делаете из меня посмешище.

— Это не так уж сложно, сэр. Что вы хотите, чтобы я сказал об этом вашем источнике?

Прескотт просиял.

— Да! На самом, я могу! Я договаривался с мисс Сакариной, чтобы он пришел. Он прямо... — он огляделся вокруг, его лоб наморщился.

— Вы договаривались с мисс Сакариной? — спросил Финней, взглянув вверх, на верхние ступени. Большинство из персонала школы, так же как и студенты, с интересом наблюдали, как съемочная группа пакует свою аппаратуру. Никаких признаков мисс Сакарины или мистера Рекрента не было. — Она знает этот ваш источник?

— Она знает его, верно, — ответил Прескотт, продолжая осматривать толпу. — Где же он?

— Он ходил вместе с командой? — спросил Финней, оглядываясь. — Не припомню, чтобы встречал его.

— Он был там. Тихий парень, со странностями. У него еще правая бровь дергалась.

— А, он, — кивнул Финней. — Я думаю, он был немного странный. Я бы очень хотел поговорить с ним.

— Я тоже, — мрачно согласился Прескотт.

На верхних ступенях мистер Хьюберт повернулся к директрисе МакГонагалл, Невиллу и Гарри Поттеру.

— Я думаю, мы можем доверить нашим друзьям их отъезд отсюда. Госпожа Директриса, полагаю, у нас есть еще несколько неоконченных дел, требующих присутствия?

МакГонагалл кивнула, затем развернулась и повела группу внутрь. Гарри улыбнулся Джеймсу:

— Пойдем, Джеймс. Ральф и Зейн, вы тоже.

— Вы уверены? — спросил Ральф, наблюдая за Директрисой, пока она уверенно входила в холл.

— Мистер Хьюберт особо просил, чтобы вы трое сопровождали нас, — ответил Гарри.

— Здорово иметь друзей в верхах, правда? — радостно заявил Зейн.

— Что ж, — сказала Директриса, когда они вошли в пустой тихий Большой Зал, — все прошло лучше, чем ожидалось, хотя мистер Амброзиус, пожалуй, слегка переборщил с этими Любовными чарами. Мистер Финней настоял на том, чтобы я присоединилась к нему за ужином, кода в следующий раз окажусь в Лондоне.

— Полагаю, вам стоит принять его предложение, мадам, — ответил Мерлин, снимая огромные очки в черепаховой оправе и распуская волосы из хвоста «мистера Хьюберта». — Я наложил на него самые слабые чары, какие только можно. Откуда я мог знать, что у мистера Финнея естественная склонность к высоким, сильным, красивым женщинам?

— Да что вы, — ответила МакГонагалл. — Уверена, вы шутите, сэр.

— Но как вы узнали про гараж, Мерлин! Я был уверен, что мы провалимся! — заговорил Джеймс.

Мерлин взглянул на него через плечо.

— Я не знал про гараж, Джеймс Поттер. Это не относилось к знаниям деревьев, в отличие от Форда Англия и мадам Делакура. Тем не менее, импровизация всегда была одним из моих сильнейших талантов.

— Но как вы поместили туда Старелку? — спросил Ральф. — Это же абсолютно гениально!

— Деревья знали об этом, следовательно, и я знал, — ответил Мерлин. — Вопрос состоял в том, чтобы просто поменять объекты местами.

— Значит, машины Альмы Алерона сейчас в старом сарае на поле? — ухмыльнулся Зейн.

— Полагаю, им там неплохо, — кивнул Мерлин.

Группа целенаправленно пересекла Большой Зал и поднялась по лестнице к небольшой площадке. МакГонагалл открыла дверь в задней стене и провела остальных в большой вестибюль с каменным полом и потухшим камином. Там уже находились Сакарина и Рекрент, между ними сидел еще один человек, лицо которого было Джеймсу незнакомо.

— Это возмутительно, Директриса! — сказал Рекрент, вскакивая на ноги. — Для начала, вы приводите этого... человека, присвоившего себе наши права и посягнувшего на авторитет, а затем у вас хватает наглости наложить на нас проклятие Онемения! Министр будет...

— Ох, замолчи, Трентон, — сказала Сакарина, закатывая глаза. Рекрент моргнул, уязвленный, но закрыл рот. Его взгляд забегал между Сакариной и Директрисой.

— Самый мудрый совет, который я от тебя услышал в данной ситуации, — согласился Гарри, выступая вперед. — И я подозреваю, что Министр действительно об этом услышит.

— Мы поступали совершенно правильно, мистер Поттер, и вам это прекрасно известно, — сказала Сакарина, внимательно рассматривая свои ногти. — Благодаря появлению мистера Амброзиуса мир волшебства сохранил свою секретность. Все хорошо.

Гарри кивнул.

— Я рад, что ты так думаешь, Бренда, хотя и нахожу интересным тот факт, что вам, кажется, уже известно настоящее имя «мистера Хьюберта». Без сомнения, не найдется никаких доказательств связи между ним, тобой и несчастной мадам Делакура. А также вашим другом, который тоже здесь присутствует?

Все внимание обратилось на мужчину, сидящего на стуле между Сакариной и Рекрентом. Это был невысокий пухлый человечек с редующими черными волосами и подергивающейся бровью. Он, казалось, сжался под всеобщими взглядами.

Ральф, последним поднявшийся в комнату, протиснулся между

Мерлином и профессором Долгопупсом, он наморщил лоб в недоумении.

— Папа? — спросил он, нахмурился. — Что ты здесь делаешь?

Мужчина скривился с несчастным видом и закрыл лицо руками. Мерлин посмотрел вниз, на Ральфа, его неподвижное лицо было мрачным. Он положил ладонь на плечо мальчика.

— Этот человек сказал, что его имя Деннис Дидл. Я боялся, что ты узнаешь его.

— Что он здесь делает? — спросил Невилл.

— Я полагаю, его роль в случившейся катастрофе очевидна, — вздохнув, ответила Директриса. — Этот человек в ответе за проникновение мистера Прескотта в нашу среду.

— Что?! — вскричал Ральф, резко поворачиваясь к МакГонагалл. — Как вы можете так говорить? Это ужасно!

— Он пришел вместе с людьми мистера Прескотта, — тихо сказал Гари, — хотя и явно пытался остаться незаметным. Возможно, он боялся, что ты его узнаешь, Ральф. Предполагалось, что позже это уже не будет иметь никакого значения. Но все пошло совсем не так, как он ожидал.

— Это просто смешно, — настаивал Ральф. — Папа — маггл! Он подписал маггловскую клятву о неразглашении, разве не так? Он не смог бы сделать это, даже если бы захотел! Я не знаю, что он здесь делает, но явно не то, о чем вы все подумали!

Мерлин продолжал держать руку на плече Ральфа. Он легонько похлопал его по плечу.

— Возможно, вам стоит самому спросить его об этом, мистер Дидл.

Ральф посмотрел на огромного волшебника, на его лице отражались гнев и беспокойство. Он оглядел все присутствующих в комнате, переводил взгляд с лица на лицо и, наконец, остановился на своем отце.

— Хорошо. Папа, почему ты здесь?

Дэннис Дидл продолжал держать руки у лица. Несколько секунд он не двигался. Наконец, он сделал глубокий вдох и откинулся назад, опустив руки. Он одарил Ральфа долгим взглядом, а потом осмотрел всех собравшихся.

— Хорошо. Да, — сказал он, взяв себя в руки. — Я сказал

Прескотту. Я послал ему шоколадную лягушку и игровую приставку. Я использовал ее для связи с кем-то на территории школы, кем-то под ником Астрададукс. Делая это, я знал, что Прескотт сможет отследить школу по ДжПиэС.

Лицо Ральфа застыло в неверии и горе.

— Но почему, пап? Зачем ты сделал все это?

— Ох, Ральф, прости. Я знаю, тебе кажется, что это плохо, — сказал Дэннис. — Но это все очень... очень запутанно. Шоу Прескотта, «Взгляд изнутри», они предлагали деньги за доказательство сверхъестественного. Ну, дела наши не очень хороши, сын. Я искал работу с тех пор, как попал под сокращение, но это было очень тяжело. Мы нуждались в деньгах. Я думал, что шоколадной лягушки будет достаточно. Правда! Но Прескотт захотел большего. Я знал, что должен показать ему что-то действительно впечатляющее, и... — он запнулся, снова нервно оглядев комнату.

— Но деньги вы так и не получили, — сказал Мерлин низким, рокоочущим голосом. — И это не было настоящей причиной, так ведь?

Брови Дэнниса лихорадочно двигались, пока он смотрел на Мерлина, очевидно, решая, что сказать. Рядом с ним Сакарина многозначительно прочистила горло. Дэннис взглянул на нее и перевел взгляд на Мерлина.

— Деньги, — сказал он неуверенно. — Прескотт сказал, мы получим их, когда передача выйдет. Он обещал.

— Но теперь никакой программы не будет, — спокойно заметил Мерлин.

— Ты думал, что продать весь волшебный мир ради того, чтобы мы продержались на плаву какое-то время, это неплохая идея, пап? — спросил Ральф, в его голосе не было осуждения, но он был действительно вопрошающим. Сердце Джеймса сжалось, когда он услышал разочарование в голосе мальчика.

— Нет, сын! — ответил Дэннис, но смотрел в сторону. — Я не думал, что это угрожает всему миру магии. Я имею в виду, это же просто глупое телешоу. Кроме того... — он умолк, проглотив свои слова, борясь с самим собой.

— Кроме того... что? — спокойно спросил Мерлин.

Дэннис снова посмотрел на Мерлина, его лицо было напряженно,

правая бровь дергалась.

— Кроме того, что такое магический мир для меня? — он сплюнул и снова закрыл лицо руками. Он сделал глубокий, прерывистый вдох. — Бросил меня совсем одного, вот что. Избегаемый и заброшенный, как какой-то... как какой-то никчемный мутант! Лишенный имени и семьи, покинутый своими родными родителями потому, что я был не таким, как они! Мне запретили когда-либо видаться или говорить с ними снова. Они сказали, я должен адаптироваться в мире маглов, потому что принадлежу к нему. Они сказали, там я буду счастливее. Я считал, что покажу им, так ведь? Они не хотели, чтобы я портил их репутацию в мире магии. Так почему я должен заботиться о секретности всего мира магии в целом?

Лицо Ральфа напоминало маску непередаваемого ужаса.

— О чем ты говоришь, пап? Ты не волшебник. Бабушка и дед умерли до моего рождения. Ты был так же удивлен, как и я, когда мы получили письмо из Хогвартса.

Дэннис попытался улыбнуться сыну.

— Я почти забыл о своем прошлом, Ральф. Это было так давно, и я приложил столько усилий, чтобы похоронить его. Я — сквиб, сынок. Твоя бабушка и дедушка, и твой дядя были волшебниками, но я родился без их способностей. Они терпели меня так долго, как могли, но они ненавидели мою природу. Когда я вырос, и они убедились, что у меня нет способностей к магии, они перестали сдерживаться. Они укрыли меня от магического мира. Я был их уродливым маленьким секретом. Но они не могли скрывать меня вечно. Наконец, когда мне было двенадцать, они отослали меня прочь. Я пошел в магловский детский дом, под предлогом того, что мои родители умерли в результате несчастного случая. Они заставили меня обещать никогда не упоминать о них и никогда не пытаться их разыскать.

Моя мать была... она грустила. Она плакала и прятала свое лицо от меня. Но мой отец был тверд. Она не могла поколебать его. Он нанял магловского шофера, чтобы тот довез нас до детского дома. Мама осталась в машине, когда отец повел меня внутрь. Она пыталась обнять меня, попрощаться, но отец не позволил ей. Он сказал, так будет лучше для нас обоих. Он изменил память работников детского дома. Он заставил их верить, что меня доставили государственные служащие

после смерти родителей. Мне дали постель и одежду, а затем отец ушел. Я больше никогда не видел родителей.

Глаза Дэнниса Дидла не отрывались от лица сына, когда заговорил Мерлин.

— Вам пришлось очень трудно, мистер Дидл. Полагаю, Дидл — это не ваше имя по рождению?

— Нет. Мой отец придумал это имя для меня, — бесцветно ответил Дэннис. — Ненавижу его.

— Каково же ваше настоящее имя, сэр?

— Долохов, — ответил отец Ральфа, его голос был далеким, почти мертвым. — Мое имя Дэннистон Джиллес Долохов. Сын Максимилиана и Вильгельмины Долоховых. Младший сводный брат Антонина.

Наступил момент ледяного молчания, а затем МакГонагалл заговорила:

— Мистер Долохов, вы осознаете, что то, что вы сделали, может привести вас в Азкабан?

Дэннис моргнул и словно вышел из транса.

— Что? Нет, нет, конечно нет. Я уверен, что ничего противоречащего закону не сделал.

Сакарина слегка кашлянула.

— Возможно, мистер Дидл, вы предпочтете воздержаться от ответов на прочие вопросы, пока не появится ваш официальный представитель.

— В чем дело? — спросил Дэннис, обеспокоенно глядя на нее. — У меня какие-то проблемы? Ведь вы утверждали, что...

— Это будет в ваших интересах, сэр, — прервала Сакарина.

— Вы сказали, я делаю миру одолжение! — воскликнул Дэннис, вскакивая на ноги. Он посмотрел на Гарри. — Она обещала, что обо мне позаботятся, даже если Прескотт и его люди обманут с деньгами! Она сказала, это более важно, чем деньги, во всяком случае! Когда я пришел к ним...

— Сядьте, мистер Дидл! — сказала Сакарина ледяным тоном.

— Не называй меня так! Ненавижу это имя! — отвернувшись от нее, Дэннис снова обратился к Гарри. — Они сказали мне, что это нормально — рассказать все Прескотту! Я сказал им, что подумаю. Я знал, что нужно проверить в Министерстве. Они сказали, что контракт,

который я подписал, был не обязательным, потому, что я не маг. И я покинул мир волшебства до того, как повзрослел достаточно, чтобы вступить в волшебный обет молчания, так что я не нарушаю никаких законов. Она обещала мне, что все будет в порядке! Она сказала, что всем так будет лучше, и что я стану героем!

— Мисс Сакарина, — сказал Гарри, доставая палочку, но пока не направляя ее, — что вы можете сказать в ответ на обвинения этого человека?

— Я не собираюсь ничего говорить, — легко ответила она. — Он явно ненормальный. Никто не поверит словам подобной персоны.

— Мистер Рекрент? — обратился Гарри к ошеломленному мужчине. — Вы присоединяетесь к заявлению мисс Сакарины?

Глаза Рекрента бегали как мухи, метаясь между Сакариной и Гарри.

— Я... — начал он, а затем опустил глаза и тихо произнес. — Я бы хотел обсудить это без мисс Сакарины.

— Мистер Рекрент, как ваш начальник, я запрещаю...

— Вы ничего не можете запретить, мадам, — сурово сказал Невилл, доставая свою палочку из мантии.

— Во имя посольской неприкосновенности я вынуждена настаивать... — начала Сакарина, но умолкла, когда Гарри направил на нее свою палочку.

— Властью Министерства магии и Департамента по Борьбе с Темными Искусствами, — сказал он, — я беру вас под арест, мисс Сакарина, за попытку нарушения части второй международного Кодекса по секретности волшебства и за хищение собственности Министерства Магии.

— Вы ничего не сможете доказать, мистер Поттер. Вы играете в глупую и опасную игру. Я просто предупреждаю вас, отступитесь.

— Вам стоило дважды подумать, прежде чем вступать в сговор с людьми, которые презирают вас, мисс Сакарина, — с сожалением улыбнулся Мерлин. — У меня состоялась прелестная разъяснительная беседа с мадам Делакура, когда я повстречал ее в лесу. Она много говорила о вас, и боюсь, мало что из этого было лестным.

Невилл вывел из комнаты мистера Рекрента, Директриса последовала за ними. Гарри взмахнул палочкой.

— Пойдемте, мисс Сакарина. Титус Хардкасл ждет, чтобы проводить вас обратно в Министерство, и, боюсь, терпение не является одной из сильных его сторон.

Лицо Сакарины потемнело, когда она поняла, что у нее нет иного выбора, кроме как следовать за ними. Несомненно, она неплохо подготовилась к защите, подумал Джеймс, пока она гордо выходила из комнаты перед его отцом. Люди наподобие нее всегда найдут множество путей, чтобы скрыть свои следы. В любом случае, все это не было хорошо для Бренды Сакарины. Когда дверь в Большой Зал запахнулась, Джеймс увидел Титуса Хардкастла, который мрачно ухмылялся, направив палочку в пол.

Джеймс понял, что остался в комнате вместе с Мерлином, Зейном, Ральфом и Дэннисом Долоховым.

Дэннис посмотрел на сына и дотронулся до его плеча.

— Прости, Ральф. Правда. Я... запутался.

— Тебе надо было сказать мне, пап, — сказал Ральф, опустив глаза.

Дэннис кивнул. Спустя пару секунд он поднял глаза на Мерлина.

— Я должен пойти в тюрьму для волшебников? — спросил он, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я... Я отправлюсь добровольно, обещаю.

— Так или иначе, я полагаю, нет, мистер Долохов, — сказал Мерлин, поворачиваясь к нему. Он открыл двери, ведущие в Большой зал. — Но результаты ваших действий привели к довольно парадоксальному эффекту. Они показали, что защита этой школы сильна настолько, насколько это возможно, но недостаточно подготовлена к встрече с современными технологиями маглов. Может быть, у вас есть какие-нибудь идеи по поводу того, как это исправить?

Дэннис нахмурился:

— О чем вы говорите? Вам нужна моя помощь?

Мерлин пожал плечами:

— Я просто отметил довольно интересное совпадение. Вы нуждаетесь в работе, а мы нуждаемся в пересмотре системы безопасности. Как волшебник, также являющийся экспертом в технологиях маглов, вы являетесь уникальным в этом отношении.

Дэннис улыбнулся с облегчением.

— Я подумаю об этом, сэр.

— Я конечно, не уполномочен делать каких-либо предложений от имени этой школы, — сказал Мерлин, пересекая Большой зал длинными, внушительными шагами. — Но я знаю Директрису. Посмотрим, что я смогу сделать.

— Итак, — сказал Зейн, следуя за Ральфом и Джеймсом в вестибюль, — в конечном счете ты вышел из солидного магического рода, Ральф, даже если они были кучкой жестоких бессердечных чистокровок. Это неважно, правда, но это своего рода объяснение, почему ты оказался на Слизерине.

— Возможно, — тихо сказал Ральф. — Все это слишком для меня. В любом случае, ничего из той магии не было моим. Это все посох.

Мерлин остановился у ступеней и медленно повернулся. Он задумчиво посмотрел на Ральфа.

— Ты был хранителем моего посоха?

— Да, — уныло ответил Ральф. — Полагаю, я не позволил ему убить кого-нибудь, только и всего.

— Не слушайте его, — сказал Зейн. — Он управлял им. Однажды спас Джеймсу жизнь. Вырастил персиковое дерево из банана! Ну, правда, он однажды выжег лысые полосы на голове Виктуар на ЗОТИ. Многие из нас подумывали сделать с ней что-то такое время от времени, просто чтобы заткнуть ее.

Мерлин подошел к Ральфу. Джеймс был уверен, что у волшебника не было его посоха минуту назад, но когда он опустился перед Ральфом на одно колено, он сжимал его в правой руке. Руны вдоль посоха были темными, но Джеймс помнил, как они пульсировали зеленым светом прошлой ночью.

— Мистер Дидл... или мне стоит называть вас мистер Долохов? — сказал Мерлин.

— Я, в некотором роде, прикипел к Дидлу, — ответил Ральф, бросив взгляд на отца. — Не уверен, готов ли я быть Долоховым. Прости, пап.

Дэннис понимающе улыбнулся.

— Мистер Дидл, в таком случае, — сказал Мерлин. — Не каждый обычный волшебник рожден, чтобы быть ответственным за посох. Ты, должно быть, слышал, что палочка выбирает волшебника, и это правда. Мадам Делакура верила, что вы просто сосуд для того, чтобы принести

посох ей, но она ошибалась. Посох выбрал тебя. Меньший волшебник не смог бы даже удержать его, не говоря уж о том, чтобы использовать. Но ты, сам того не зная, удерживал посох своей собственной силой. Ты не подозревал об этой силе и все же управлял ею. Он подчинился тебе, а это признак волшебника с очень, очень большим потенциалом. Часть этого посоха теперь принадлежит вам, мистер Дидл. Я чувствую это. Я знал, что часть его больше не принадлежит мне, но я не знал, чья она. Теперь я знаю.

Мерлин положил посох поперек своего колена. Он закрыл глаза и провел ладонью вдоль него, бережно касаясь древесины. Слабый зеленый свет пробежал по рунам, мерцая. Мерлин обхватил руками вокруг нижнего конического конца своего посоха, а затем, с трудом согнув, отломал последние сантиметров тридцать от его длины. Он снова открыл глаза и протянул Ральфу отломанную деревяшку.

— Полагаю, вы нуждаетесь в новой палочке, мистер Дидл.

Ральф взял отломанную деревяшку у Мерлина. Когда он сделал это, деревяшка снова стала его палочкой, нелепо толстой и короткой, с лимонно-зеленым кончиком. Ральф улыбнулся, вертя ее в руках.

— Нельзя рассчитывать, что она будет так же могущественна, как и раньше, конечно, — сказал Мерлин, ставя свой посох прямо и вставая с его помощью. Посох теперь был заметно короче. — Но подозреваю, вы по-прежнему будете делать потрясающие вещи с его помощью.

— Спасибо, — серьезно сказал Ральф.

— Не благодарите меня, — сказал Мерлин, вскинув брови. — Она ваша, мистер Дидл. Вы сами это сделали.

— Итак, волшебник дал трусливому льву его храбрость, — сказал Зейн, ухмыляясь. — Когда же Джеймс получит хоть какие-то мозги?

Мерлин приподнял брови еще выше, переводя взгляд с Зейна на Джеймса.

— Не обращайтесь на него внимания, — сказал Джеймс, усмехнувшись и ведя всех к лестнице. — Это магловские штучки. Нам не понять.

— Пойдемте! — позвал Ральф, взбегая по лестнице. — Я хочу показать Теду и остальным Гремлинам, что вернул свою палочку обратно! Табита Корсика может и дальше сторожить свою тупую метлу.

Трое мальчиков устремились вверх по движущимся лестницам,

более спокойно за ними последовали Мерлин и вновь рожденный Дэннис Долохов.

— С ним все будет хорошо с этой штукой? — слегка нахмурившись, спросил Мерлина Дэннис.

Мерлин только улыбнулся, стуча посохом по ступеням, пока они поднимались. Незаметные лимонно-зеленые искорки вылетали из-под его конца, кружась и сверкая, как светлячки, если их разбудить.

Глава 21. Дар зеленого ларца

Последние недели учебного года промелькнули для Джеймса, как в тумане, хотя они и были свободны от смертельных опасностей и приключений, но зато заполнены до отказа стрессом от учебы, итоговыми эссе и практической работой с палочкой, все это было относительно приятно после всех этих заморочек с Перекрестком Старейшин. Ни для кого не стало сюрпризом, что школьный кубок достался Пуффендую — единственному из всех факультетов, не замешанному в афере с возвращением Мерлина. Один только достопамятный полет на метле стоил Когтеврану и Гриффиндору по пятьдесят очков каждому.

Утром последнего учебного дня Джеймс паковал свои книги и школьные мантии в чемодан, когда по лестнице взбежал Ной, зовя его.

— Рон Уизли в камине. Он хочет поговорить с тобой.

Джеймс улыбнулся.

— Отлично! Скажи ему, что я сейчас буду!

— Джеймс, посмотри на себя! — воскликнул дядя Рон, когда Джеймс спустился по лестнице минутой спустя, завязывая галстук.

— Прямо респектабельный, и все такое. Хороший был год?

Джеймс кивнул.

— Полагаю, да. Кажется, я справлюсь, после всего этого. Провел всю ночь понедельника, готовясь к защите от Темных Искусств Франклина, а потом было такое ужасное чувство за пять минут до теста, что я все забыл.

— Я не о твоих успехах в школе толкую, балбес, — ответило лицо в углях, криво усмехаясь. — Твой отец рассказал мне все про заговор Мерлина, который ты разоблачил. Гениально и безошибочно.

— Ну да... — застенчиво сказал Джеймс, — все это было довольно увлекательно, но странно. Пять недель учебы и уже такое ощущение, что все это происходило с кем-то другим.

— Так всегда и бывает, — кивнул Рон. — Скучные жизненные моменты заполняют твою память и вытесняют яркие моменты, которые остаются просто как небольшие вспышки. Должно быть, так мозг справляется со всем этим, я полагаю. Кстати говоря, что подельывает профессор Джексон?

Джеймс закатил глаза.

— Ничто не может удержать старину Камнелица надолго. Он не слишком серьезно пострадал в дуэли с Делакруа, хотя его запасная палочка и не была такой же сильной, как та, которую она сломала. Видимо, он преследовал ее по лесу несколько часов и, наконец, нагнал на поляне. Он говорит, что схватил бы ее, если бы она не сжульничала, призвав злых наяд и дриад сражаться вместе с ней. Деревья набросились на него сзади и повалили. Так он и получил огромную шишку на лбу. Так или иначе, он вернулся к занятиям сразу после того как Прескотт уехал, и каждый раз он испепеляет меня и Зейна взглядом.

Рон вскинул брови:

— Ну, полагаю, сложно его за это винить.

— Мы вернули ему портфель, извинились и все такое. Ну, в смысле, я понимаю, что мы разрушили цель его жизни: защищать реликтовую мантию и не допустить возвращения самого опасного волшебника всех времен, но на самом деле, Мерлин, как оказалось, вполне нормальный. Делакруа отослали в Штаты, чтобы предать американскому волшебному правосудию. В конце концов, все образовалось, верно?

— Все что я могу сказать, это: если бы я был на его месте, я бы

подкладывал пауков в ваши подштанники до конца вашей жизни, — проворчал Рон. — Но это я. Я склоняюсь к такому пути.

— Честно говоря, дядя Рон, я бы тоже так сделал. Поначалу профессор Джексон мне даже нравился.

— Рискуя показаться ответственным взрослым человеком, Джеймс, замечу, что все действия имеют последствия. Извинения — это здорово, но «простите» — это не магическое слово. Вы не только разрушили планы Джексона, вы растоптали его гордость. Вы успешно обдурили его. В его понимании, вы выставили его дураком. Тяжело парню вроде него преодолеть все это. Откровенно говоря, вы не можете винить его, верно?

— Полагаю, нет, — насупившись согласился Джеймс. — В конце концов, он не завалил нас на Техномантии, хотя был близок к этому.

— Святой человек. Все же, не заморачивайся особо учебой. У тебя и так достойная репутация.

— Или не особо, — послышался голос Ноя поблизости.

— Я это слышал, Метцкер, — сурово сказал Рон. — Это гордая традиция Поттеров, едва сводить концы с концами в школе, начатая Джеймсом Поттером. Кроме того, не вам говорить, мистер Гремлин.

— У меня высокие оценки по всем предметам в этом году, — чопорно сказал Ной.

Рон снова улыбнулся.

— Спасибо вашей подруге, Петре, без сомнений. Она для Гремлинов то же, что и Гермиона для нас с Гарри. Подождите минутку, она хочет поздороваться с Джеймсом.

Лицо в углях исчезло, а мгновение спустя появились веселая улыбка Гермионы и ее вечно всклокоченные волосы.

— Джеймс, прекрасно выглядишь, — гордо сказала она. — Не слушай своего дядю. Он много учился и волновался об оценках так же, как и все.

— Это не правда! — раздался приглушенный возглас из глубины камина. Гермиона поморщилась.

— Ну, или почти как все, — уступила она. — В любом случае, твои родители будут очень гордиться тобой и мы с дядей тоже. Ох, не могу поверить, как быстро летит время. Кажется, только вчера все мы были еще там, — она вздохнула, осматривая общую комнату. — Все

выглядит почти так же. Мы, пожалуй, приедем в следующем году. Здорово будет снова побывать в старых местах, — даже в тлеющих углях глаза Гермионы слегка заблестели. Она сморгнула и снова взглянула на Джеймса. — В общем, Джеймс, Рон разговаривал с твоим отцом, и они оба хотят кое-что у тебя спросить. Я подумала, что будет лучше, если кто-нибудь другой задаст этот вопрос, потому что, честно говоря, они настолько глупы в этом, что могут повлиять на твой ответ.

— Что за вопрос? — спросил Джеймс, сидя на корточках перед камином.

— Не вставай на колени, — автоматически пожурела Гермиона. — Ты испачкаешь штаны золой. Это касается Директрисы. Она собирается уйти в отставку, ты знаешь.

Джеймс не знал.

— Она? Но... с чего бы ей это делать?

Гермиона взглянула на Джеймса, словно вспомнив, сколько ему лет.

— Минерва МакГонагалл просто хочет пожить вне стен Хогвартса, Джеймс, как ни трудно тебе в это поверить. Она даже, как я поняла, приняла приглашение мистера Финнея на ужин в Лондоне.

— Она приняла? — воскликнул Джеймс.

— Она приняла? — подскочил на диване Ной, отрываясь от книги.

Гермиона закатила глаза.

— Это была чисто профессиональная встреча. Она немного подкорректировала воспоминания мистера Финнея, не настолько, чтобы он забыл визит сюда, но изменила. Все это часть программы мистера Долохова по «зачистке» — как он это называет — для достижения безопасности школы. Кроме того, — добавила Гермиона, немного понизив голос, — она стала неплохо отзываться о мистере Финнее. Думаю, будет просто прекрасно, если она найдет, э-э, спутника для себя. После всего...

— Гермиона! — снова рявкнул голос Рона из глубины камина.

— В любом случае, — вернулась к деловому тону Гермиона. — Да, Директриса планирует уйти в отставку, возможно, уже этим летом, при условии, что найдется подходящая замена. Скорее всего, она останется преподавателем трансфигурации и будет помогать новому директору, кем бы он или она ни оказались. Предлагали Невилла Долгопупса, но

Министр решил, что он слишком молод для этого поста, что довольно глупо, но политика есть политика...

— Мерлин! — воскликнул Джеймс. — Вы все хотите попросить его стать новым директором!

Из глубин камина донесся счастливый торжествующий возглас. Гермиона нахмурилась.

— Ты не мог бы оставить это мне, спасибо большое. Все это целиком идея твоих отца и дяди. Но я вижу, что ты такой же ненормальный, как и они.

— Но как он может быть директором? — спросил Ной, соскочив с дивана и присаживаясь перед камином. — Извините, — быстро добавил он. — Невольно подслушал и все такое.

— В самом деле? — немного насмешливо ответила Гермиона. — А я-то полагала, что ты полностью погрузился в учебник Астрологии, как глупо с моей стороны. Пожалуйста, храните это в секрете, вы оба. Ох, так что я говорила? Рон, ты сможешь лучше объяснить, — она вздохнула и убрала челку с лица жестом, который был одним из ранних воспоминаний Джеймса о тетушке Гермионе. Она озадачено улыбнулась. — Удачи, Джеймс, увидимся через неделю. Роуз и Хьюго передают привет, и просили купить им Сладкие котелки в поезде. Доброго дня, Ной.

Она исчезла, а в углях снова появилось лицо дяди Рона.

— Отличная идея, да? — объявил он, глядя на Ноя и Джеймса с энтузиазмом.

— Но как? — снова спросил Ной. — Я имею в виду, что всего пару недель назад парень считался потенциально самым опасным волшебником в истории планеты, а теперь вы хотите, чтобы Министерство поручило ему кучу детей?

— Не без присмотра, — быстро сказал Рон. Очевидно, он много об этом думал. — Вот где пригодятся МакГонагалл и Невилл. Они будут присматривать за ним и помогать, что-то вроде совета директоров. МакГонагалл уже согласилась, хотя нам пришлось ее немного подтолкнуть. Она боялась, что по-прежнему по сути будет делать всю работу, но Мерлин заслужил доверие. Хотя это все же может случиться, но я и твой отец так не думаем. Мерлин похож на парня, рожденного руководить, понимаешь?

— Да, — согласился Джеймс, — Но все же он пришел из времен, когда руководить означало указывать людям их место в очереди к гильотине. Не могу представить как Министерство согласилось поставить его во главу Хогвартса.

— Твой Мерлин удивительно быстро учится, Джеймс, — серьезно сказал Рон. — Он уже побывал в Министерстве, встретился с необходимыми людьми и имел продолжительную дискуссию о том, как работают вещи сейчас и раньше. Он располагает к себе, должен сказать.

— Так почему бы им не оставить его у себя? — спросил Ной. — В смысле, самый знаменитый волшебник в мире и все такое. Кажется, что он предназначен стать Министром Магии, не меньше.

Рон усмехнулся немного ехидно:

— Полагаю, вы оба слишком молоды, чтобы понять смысл фразы: «сверхопытный и подопытный». В принципе, Департаменты не хотят его видеть. Парень типа Мерлина не сможет работать за письменным столом. И тяжело представить, что любой из руководителей, который бы его нанял, надолго бы задержался на своем посту.

— Ты думаешь его хотят «отодвинуть», верно? — предположил Джеймс.

— Подальше от себя, по крайней мере. Он немного свободный художник. Конечно, он, возможно, самый могущественный волшебник на сегодняшний день, но все же тысячелетний перерыв в практике... Как бы быстро он все ни постигал, он не будет соответствовать бюрократизму Министерства. Твой отец с трудом это выдерживает, Джеймс. Подумай, каково это будет для парня, который привык изгонять врагов в потусторонний мир одним взглядом. Дело в том, что Министерство искало место где-нибудь подальше, чтобы пристроить старика. Достаточно выдающееся, чтобы соответствовало статусу волшебника, но так же достаточно удаленное, чтобы он никому не навредил, фигурально выражаясь. А может и не фигурально. Кто знает.

— А Хогвартсу случайно понадобился новый директор? — ухмыляясь, спросил Ной.

— Ну, — сказал Рон, отвечая на улыбку Ноя. — Это кажется просто замечательным, разве нет?

— Даже если Министерство согласится, думаешь, он пойдет на это? — спросил Джеймс.

Похоже, там, с другой стороны камина Рон пожал плечами.

— Кто знает? Его пока что ни о чем не спрашивали. Но сначала самое важное, — тут Рон посерьезнел и изучающе посмотрел на Джеймса: — Ты знаешь его лучше, чем мы, племянничек. Ты был там, когда он восстал из прошлого. Ты был тем, кто уговорил его вернуться и помочь Хогвартсу и всему волшебному миру. Каково твоё мнение? Как ты думаешь, из него выйдет хороший директор? Должны ли мы спросить его об этом?

Ной прислонился к спинке дивана, он не сводил глаз с Джеймса, ожидая его ответа. Джеймс знал, что стоило бы поразмышлять над ответом, но в душе уже знал его. Мерлин был непростым человеком, и он не был тем, кого можно с уверенностью назвать «хорошим», как, например, Альбуса Дамблдора или даже Минерву МакГонагалл. Но в одном Джеймс был стопроцентно уверен: Мерлин хотел стать хорошим. Было трудно сказать, кто лучше: директор, хороший по своей природе, или директор, каждодневно старающийся стать хорошим, но Джеймс был достаточно взрослым, чтобы понимать, что риск стоит того. К тому же, «Гремлинская» часть натуры Джеймса шептала ему, что будет забавно, если у них появится директор, способный взмахом ресницы отправить кого-нибудь вроде Табиты Корсики на дно преисподней.

— Спросите его, — решительно кивнул Джеймс. — Если Министерство идет на это, то спросите у него. Я надеюсь, что он согласится.

— Йухуууу! — завопил Ной, размахивая поднятыми руками.

— Но до тех пор держите это при себе, — строго сказал Рон. — Если у вас хоть слово вылетит пока твой папа и Гермiona не уладят все дела в Министерстве, это может испортить дело. Усекли?

Ной кивнул. Джеймс согласно улыбнулся.

— Твой папа уже получил обратно мантию и карту, не так ли? — спросил Рон у Джеймса, меняя тему разговора.

— Угу. И мне, по-видимому, придется побыть пешеходом, когда я вернусь. Две недели без метлы.

Рон сочувственно прищелкнул языком.

— И как раз тогда, когда у тебя начало что-то отлично получаться, насколько я слышал. Ну ладно. Знаешь, твой папа вынужден сыграть на публику, принять меры и все такое, но на самом деле он гордится тобой.

Уж поверь мне.

Улыбка Джеймса расширилась, а щеки порозовели.

— Не то чтобы мне хотелось пережить это снова, — сказал Рон, его улыбка исчезла. — Но в таком единичном случае есть свое очарование. Хотя если ты решишь снова выкинуть что-нибудь эдакое, Джинни может решить, что тебе будет лучше на домашнем обучении запертым в подвале. Поверь мне, она шутить не будет, Джеймс.

Позже, после обеда Джеймс встретился с Зейном и Ральфом снаружи, поскольку Алья Алеронцы собирались в путь. Мальчики наблюдали, как автомобили выкатились из гаража, как затем гараж был разобран и аккуратно упакован в багажник Доджа Шершня.

— Есть во всем этом что-то глубокое и таинственное, не не могу точно сказать, что именно, — задумчиво произнес Зейн.

— Что? То, что гараж был упакован внутрь чего-то, минуту назад располагавшегося внутри него самого?

— Нет. Я про то, что популярность профессора Франклина среди девочек все возрастает по мере приближения его отъезда.

Это было правдой. Франклин пользовался поразительной популярностью у женского пола, начиная с престарелых матрон и заканчивая девочками-первокурсницами, которые глупо хихикали, когда он проходил мимо, легонько похлопывая каждую из них по голове. Похоже, единственными женщинами, не попавшими под влияние его очарования, были Директриса и Виктуар, которые считали его просто напыщенным старым хвастуном. Тед объяснил, что одним из преимуществ старости является возможность флиртовать с любой девушкой без опасения, что это сочтут достаточно серьезным, чтобы обидеться. Зейн нашел это замечание довольно поучительным.

— Когда я буду старым, я тоже буду так флиртовать, — мечтательно вздохнул он.

— Он даже не флиртует, — заметил Джеймс, прищурившись, — он просто улыбается им и ведет себя так же скромно, как и всегда.

— Твои слова отражают степень твоих познаний во флирте.

Ральф закатил глаза.

— Я удивлен, что вы не делаете замечок.

— Ему стоило бы давать уроки, — серьезно сказал Зейн, наблюдая,

как Франклин с легким поклоном поцеловал руку Петры Моргенштерн на прощание. Петра заулыбалась и слегка покраснела. Когда Франклин выпрямился, она подалась вперед и чмокнула его в щеку.

— Дамы и господа Хогвартса, — сказал он, поворачиваясь и обращаясь к толпе, — было особым удовольствием служить вам в этом году. Это был, насколько я знаю, удивительно поучительный год для всех нас. Мы укрепились в нашей решимости работать с европейским магическим сообществом над поддержанием честности и справедливости по всему миру, не только магическому, но и всего человечества, — он оглядел толпу, улыбаясь, а затем снял очки и вздохнул. — Я подозреваю, что впереди тяжелые времена.

Дуют ветра перемен. По обе стороны океана мы сталкиваемся с силами, сотрясающими сами основы наших культур. Но мы подружились, мы и вы, и выстоим, что бы ни случилось. Я живу уже очень долго и могу сказать с известной долей уверенности, что перемены всегда как ветер. Испытание для хороших людей состоит не в том, чтобы помешать изменениям, а в том, чтобы придать им форму, когда они придут, так, чтобы они принесли пользу, а не разрушения. По прошествии этого года я уверен, что мы можем преуспеть в этом начинании.

Раздались аплодисменты, хотя Джеймс почувствовал, что они были немного формальными. Не все в толпе были согласны с Франклином, и не у всех несогласных были одинаковые причины. Тем не менее, это была хорошая речь, и Джеймс был рад, что Франклин произнес ее. Толпа продолжала аплодировать, пока Франклин забирался в Фольксваген «Жук». Он помахал из-за приоткрытой дверцы.

Кто-то похлопал Джеймса по плечу. Он обернулся и посмотрел вверх. Перед ним стоял профессор Джексон. Высокий, одетый в черное, Джексон выглядел еще более внушительно, чем обычно. Он смотрел вниз на Джеймса, нахмутив брови.

— Думаю тебе бы хотелось иметь это при себе, — сказал Джексон. Джеймс заметил, что он держит маленький деревянный ларец. Джексон взглянул на предмет в своих руках, а затем протянул его Джеймсу. — Это было найдено в комнатах мадам Делакруа. Думаю, это принадлежит тебе больше, чем кому бы то ни было. Распоряжайся им, как считаешь нужным.

Джеймс принял этот ящичек, который оказался удивительно легким. Он был странного зеленого цвета и покрыт глубоко вырезанным орнаментом из значков. Это напомнило ему лозы на дверях в Пещерную Цитадель. Он хотел спросить профессора Джексона, что там такое, но тот уже шел через двор к «Стрекозе». Он остановился, дойдя до машины, а затем повернулся и поднял одну руку, прощаясь, его лицо было каменным, как и его прозвище. Толпа аплодировала ему дольше и громче, чем даже Франклину. Удивительно, но Джексон стал любимцем Хогвартса не столько вопреки своей манере поведения, а, скорее, благодаря ей.

После того как Джексон сел в машину, оставшиеся члены делегации быстро распределились по автомобилям. Неофициальная делегация из американского департамента административной магии прибыла из Лондона днем ранее, чтобы присоединиться к своим соотечественникам во время обратной поездки в Штаты. Они забрались в машины, кивнув на прощание собравшимся. Последними были носильщики, которые упаковали кучу багажа в видимо бездонные багажники автомобилей, а затем сели за руль.

Крылья автомобилей плавно развернулись и начали рассекать воздух. Додж «Хорнет» взлетел первым. Скрипя рессорами и металлом, он поднялся в воздух и медленно развернулся. Статц «Стрекоза» и Фольксваген «Жук» последовали за ним, их низко гудящие крылья били воздух и колыхали траву на внутреннем дворе. Затем с неожиданной грацией и скоростью они умчались, их носы были наклонены к земле. Спустя меньше минуты шум их полета потерялся в весеннем ветре, дуящем из-за холмов.

Ральф, Зейн и Джеймс плюхнулись на скамейку рядом со входом во двор.

— Так что в коробке, которую дал Джеймс? — спросил Ральф, глядя на нее с любопытством.

— На твоем месте я бы даже открывать ее не стал, — предупредил Зейн. — Помните, что он говорил насчет того, чтобы сделать нашу жизнь «интересной»? Он такой парень, что мог дожидаться собственного отъезда, а потом отомстить нам. Таким образом, неприятности начнутся после его ухода, — он постучал себя по голове с умным видом.

Джеймс нахмурился и медленно покачал головой. Он смотрел на

ларец у себя на коленях. Крышку удерживала закрытой медная защелка на передней панели. Не говоря ни слова, он повернул ее и поднял крышку. Зейн и Ральф наклонились вперед, чтобы посмотреть. Внутри этот ящичек был выстлан фиолетовым бархатом. Лишь одна вещь лежала внутри, поверх сложенного кусочка пергамента.

— Я не понимаю, — сказал Ральф, снова садясь назад. — Это кукла.

Джеймс взял ее и поднял. Это действительно была маленькая фигурка, грубо сделанная из мешковины и шпагата с разными пуговицами вместо глаз.

Зейн пристально смотрел на нее, лицо его было серьезно.

— Это же... это же ты, Джеймс.

Конечно, фигурка не имела портретного сходства. Черные нитки на голове представляли хорошо известные непослушные волосы Джеймса. Даже форма головы, линия ниточного рта и расположение пуговичных глаз дополняли жуткий портрет.

Джеймс вздрогнул.

— Это кукла вуду, — сказал он. Вспомнив о записке в ящичке, мальчики достали ее и, развернув, стали читать.

Мистер Поттер,

Вы, безусловно, поняли, что это такое. На этом семестре во время курса Техномантии у нас не было достаточно времени, чтобы обсудить древнее искусство Репрезентационной Гармонии, но я подозреваю, что последствия вам ясны. Это было найдено в покоях мадам Делакура.

После небольшой дискуссии с Директрисой и портретами Северуса Снейпа и Альбуса Дамблдора — о чем интересе к вам давно известно — было решено, что вам будет полезно знать, как мадам Делакура пользовалась этим предметом, чтобы навредить вам. Элегантность ее методов восхищает. Эта фигурка была помещена рядом с более крупной по размерам фигуркой вашего отца, Гарри Поттера. С другой стороны находилась свеча. Похоже, она все время следила, чтобы свеча не потухла. Результатом, естественно, мистер

Поттер, стало то, что ваша фигурка всегда была в тени вашего отца.

В искусстве вуду всегда есть некое зерно истины.

Делакруа знала, что вы вполне оправданно боретесь с тем, что от вас ожидают славы, сравнимой с овевшей вашего легендарного отца.

Урок, который вы должны извлечь из этого, мистер Поттер, состоит в том, что эти чувства не являются плохими по сути, но нуждаются в некотором обдумывании. Поразмышляйте над тем, кто вы есть. Эмоции кажутся правильными, но они могут сбить с верного пути. И они могут быть, как вы уже поняли, использованы против вас самих. Я повторю, как ваш учитель и старший, что вам стоит поразмышлять над чувствами, которые вы испытываете.

Подчините их, или они подчинят вас себе.

Теодор Хиршалл Джексон.

— Вау! — выдохнул Ральф. — Неспроста ее прозвали «королевой вуду!»

— Что собираешь с ней делать, Джеймс? — спросил Зейн. — В смысле, уничтожив ее, ты, в какой-то мере, уничтожишь себя.

Джеймс уставился на свою уменьшенную, непривлекательную копию.

— Я так не думаю, — задумчиво ответил он. — Не думаю, что тогда Джексон отдал бы ее мне. Полагаю, он просто хотел, чтобы я помнил о случившемся. И приложил усилия, чтобы это не повторилось.

— Ну? — повторил Зейн. — Что собираешься с ней делать?

Джеймс стоял, засовывая куклу в карман джинсов:

— Не знаю. Думаю, оставлю себе. На время.

С этим, трое мальчиков направились в школу, собираясь делать настолько мало, насколько возможно в свой последний учебный день в этом году.

Той же ночью, не сумев заснуть от волнения перед предстоящим отъездом, Джеймс встал с кровати. Он прокрался по лестнице в гостиную, надеясь застать кого-нибудь за игрой в шахматы или даже в «Складки и сверла». Тускло освещенная комната оказалась пуста. Он

уже повернул обратно, когда что-то привлекло его внимание. Возле камина сидел призрак Седрика Диггори. Его серебристая фигура была по-прежнему прозрачной, но гораздо более плотной, чем в последний раз, когда Джеймс видел его.

— Я пытался придумать себе имя, — улыбнувшись, произнес Седрик. Джеймс, тем временем, уселся на соседний диван.

— Но у вас уже есть имя, разве не так? — спросил Джеймс.

— Да, но не подходящее для призрака. Не то что «Почти Безголовый Ник» или «Кровавый Барон». Нужно нечто особенное.

Джеймс задумался:

— Как насчет «Охотника за Надоедливými Маглами»?

— Несколько длинное.

— Можете предложить получше?

— Я думал... Только не смейся, — привидение строго посмотрело на Джеймса. — Я думал о чем-то вроде «Молчаливого Призрака».

— Хммм, — осторожно ответил Джеймс. — Но ты же не молчишь. По сути, теперь тебя слышно намного лучше. Твой голос больше не звучит так, словно доносится из-за Великой Грани.

— Да, — согласился Седрик, — теперь меня стало немного больше... если можно так выразиться. Я стал настолько же прозрачным, как и большинство прочих школьных привидений. Но меня не было слышно в течение долгого-долгого времени, разве нет?

— Да, это так. Но все же с именем, подобным «Молчаливому Призраку», — с сомнением произнес Джеймс, — будет сложновато бродить туда-сюда и болтать со всеми.

— Может, у меня получится быть все время задумчивым и тихим, — размышлял Седрик, — просто плавать в воздухе, смотреть суровым взглядом и все такое. А затем, когда я прохожу мимо, люди будут шептаться между собой: «Вот он идет! Молчаливый Призрак!»

Джеймс пожал плечами:

— Можно попробовать. Полагаю, у тебя будет целое лето на то, чтобы потренироваться бродить в задумчивом молчании.

— Я тоже так считаю.

Джеймс неожиданно поднялся.

— Так ты думаешь, что станешь новым призраком Гриффиндора? — спросил он. — Я имею в виду, с тех пор, как Почти

Безголовый Ник нас покинул, у нашего факультета нет собственного призрака.

Седрик на секунду задумался.

— Нет, я так не думаю. Правда. Извини. Я ведь был пуффендуйцем, помнишь?

Джеймс плюхнулся обратно.

— Точно. Я и забыл.

Несколько минут прошло в молчании, затем Седрик снова заговорил:

— Ты поступил действительно круто, когда пошел в лес и позвал Мерлина, чтобы он вернулся и помог всем нам, когда, казалось, тот уже покинул нас навсегда.

Джеймс поднял взгляд и внимательно посмотрел на привидение. Он слегка нахмурился.

— Правда? Ну, это была просто отчаянная попытка. Ведь в том, что Мерлин вернулся, виноват только я один. Я думал, что окажу миру действительно огромную услугу, встав на пути зловещего заговора Делакура и Джексона. В итоге это обернулось тем, что она просто-напросто обвела меня вокруг пальца, а Джексон оказался хорошим парнем.

— Ну и? — парировал Седрик. — Ты ведь научился чему-то новому, разве не так?

— Я не знаю, — автоматически ответил Джеймс. На секунду он задумался, затем добавил: — Вообще, да, я думаю, это так.

— В одном вы с отцом похожи, Джеймс, — произнес Седрик.

Джеймс невесело рассмеялся.

— Не вижу в чем. Вот, что я уяснил: мой способ решать проблемы не похож на отцовский. Попытаюсь следовать его методу — и все испорчу. Буду использовать свой — смогу помочь, полагаясь на чистую удачу. Метод отца — метод героя. Мой же — метод руководителя. Мой главный талант — просить о помощи.

— Нет, Джеймс, — Седрик подался вперед, чтобы заглянуть Джеймсу в глаза. — Твой главный талант — вдохновить людей на помощь. Думаешь, это не важно? Миру нужны такие, как ты, потому что большинству не хватает смелости, или энтузиазма, или руководства, чтобы стать героями. Они хотят этого, но ими нужен тот, кто скажет им,

зачем, или покажет, как это сделать. У тебя есть дар, Джеймс. Твой отец был героем, потому что был Мальчиком, Который Выжил. Такова его судьба. Путь этот нелегкий, но очевидный. Был Гарри и был Волан-де-деморт. Он знал, что должен сделать, даже если это убьет его. Ты же... ты герой, потому что решил быть им, каждый день. У тебя талант вдохновлять других на тот же выбор.

Джеймс уставился на камин:

— Я не герой.

Улыбнувшись, Седрик снова сел.

— Ты так думаешь, потому что уверен — герои всегда побеждают. Поверь мне, Джеймс. Не победа определяет героя. Очень многие из них погибли в борьбе. Большинство никогда не получит признания. Нет, герой тот, кто поступает правильно тогда, когда гораздо, гораздо легче ничего не делать.

Криво улыбаясь, Джеймс повернулся к призраку:

— Может, нам стоит звать тебя «Призрак Дрянных Советов»?

— Ха-ха-ха, — ответил призрак.

Джеймс снова вскочил:

— Спасибо, Седрик. Это... на самом деле помогает.

Седрик кивнул. Джеймс направился к лестнице, но, поставив ногу на первую ступеньку, замер.

— Кое-что по-прежнему меня беспокоит, Седрик. Возможно, будучи призраком, ты знаешь ответ.

— Возможно. Спрашивай.

— В лесу дриада упомянула о наследнике Волан-де-Морта. Она сказала, что он жив и где-то рядом, прямо здесь, в школе.

Седрик медленно кивнул:

— Я был там, когда вы рассказывали об этом Снейпу.

— Ну, кто бы это ни был, думаю, это он взял игровую приставку Ральфа и воспользовался именем Астрададукс. Если бы не это, вообще бы ничего не случилось. Кто бы это ни был, он работал с мисс Сакариной с самого начала.

Седрик перевел взгляд на ближайшее окно.

— Думаешь, что знаешь, кто это?

— Табита Корсика, — решительно сказал Джеймс. — Я думал, что это может быть она, даже после разговора со Снейпом, я по-прежнему

так думаю. Да, ее метла не посох Мерлина, но в ней есть что-то пугающее. Как и в Табите в целом.

Седрик встал и прошел сквозь стул, видимо, не заметив его.

— Я чувствую что-то, Джеймс. Признаюсь тебе. Такое ощущение, словно Тот-Кого-Нельзя-Называть все еще здесь. Витает в залах. Это как запах, как что-то протухшее и вязкое и... кровавое. Возможно, я более чувствителен, чем другие призраки. В конце концов, он виновен в моей смерти.

— Да, — сказал тихо Джеймс. — Я не забыл.

— Но, Джеймс, редко все так очевидно, как хотелось бы. В реальном мире, во всяком случае в наши дни, не во времена Мерлина, у зла много масок. Это сбивает с толку. Ты должен быть очень осторожным. Иногда даже хорошие люди могут быть плохими. Многие из нас, и твой отец не исключение, совершали эту ошибку, например, в отношении профессора Снейпа.

— То же сделал и я, — признал Джеймс. — С профессором Джексоном.

Седрик кивнул.

— Но я готов поклясться, что Табита участвовала в заговоре Мерлина. Какова по-твоему настоящая история ее метлы и ее самой?

Несколько секунд Седрик внимательно смотрел на Джеймса.

— А ты не думал, что метла может быть именно тем, что она и говорила?

— Чем? — усмехнулся Джеймс — «Магловским артефактом»? Это же просто хитрость, которую она придумала, разве нет?

Седрик пожал плечами, но это больше походило на такое пожатие плечами, когда кто-то знает больше, чем собирается говорить.

— Самые ужасные в мире люди не те, кто склонны ко злу, Джеймс. Иногда самые ужасные люди — те, кто ошибочно принимает собственную ложь за правду.

Джеймс моргнул.

— Ты хочешь сказать... Табита Корсика верит во всю ту чушь, которую она говорила на дебатах? О том, что Волан-де-Морт на деле был неплохим парнем? Что Министерство и магический правящий класс раздавили его потому, что не позволили ему изменить существующий порядок вещей? Она же не может в это верить, правда?

Седрик посмотрел на Джеймса и вздохнул.

— Честно говоря, я не знаю. Но я знаю, что многие люди верят в это. И она выглядит довольно искренней. В ее метлу, может, и встроен некий жуткий амулет, но это ничто по сравнению с темной магией, которую некоторые могут творить, когда их сердца достаточно извращенны, чтобы повернуться ко лжи, которую они считают правдой.

Размышляя, Джеймс тихо поднялся и вернулся обратно в свою постель. Он никогда раньше не предполагал, что Табита Корсика может верить в вещи, которые говорит. Он предполагал, что она поддерживает пропаганду Прогрессивного Элемента, потому что полностью одобряет и поддерживает их основные темные цели. На мгновение он почувствовал жалость к ней. Ужасно подумать, что кто-то вроде нее может верить, что она на правильной стороне, а он, Джеймс Поттер, и его отец — злые. Это было почти невыносимо, но не совсем. Снаружи луна была полной и яркой. Джеймс уснул, ощущая ее свет на своем лице, бледный и холодный, его брови по-прежнему были слегка нахмурены.

На следующий день Джеймс, Зейн и Ральф приехали на Хогвартс-Экспрессе обратно на платформу девять и три четверти. Родители Зейна были там, вместе с его младшей сестренкой, Грир, которая смотрела на огромный красный поезд с откровенным благоговением. Рядом с ними Джеймс увидел своих родителей, с ними были Альбус и Лили. Он улыбнулся и помахал им рукой. Казалось, и недели не прошло с тех пор, как он смотрел на них из поезда, отъезжающего от станции, волнуясь о том, как пройдет первый год обучения в Хогвартсе.

Теперь он снова дома. Хогвартс, конечно замечательный, подумал Джеймс, но он был рад вернуться после всего. В следующем году он будет сопровождать Альбуса в поезде на его первый год обучения. Он будет дразнить Альбуса по поводу того, на каком факультете тот окажется, до самого конца. Это будет его летним проектом, на самом деле. Но он не волновался об этом. Даже если Альбус не попадет в Гриффиндор, это не страшно. Джеймс знал, что если Альбус действительно попадет на другой факультет, какая-то часть его, Джеймса, даже будет немного ему завидовать. Но только чуть-чуть.

Джеймс присоединился к толпе, выходящей из поезда и столкнулся с Тедом. Тед, как заметил Джеймс, держал за руку Виктуар.

— Вы нарываетесь на неприятности, знаете ли, — сказал Джеймс, ухмыляясь.

— Это сложный вопрос, являющийся спорным, — смиренно сказал Тед, — но все мы несем наше бремя.

— Мои родители не должны видеть нас вместе, — скомандовала Виктуар. — Тед Люпин, не вздумай все испортить. Ты знаешь, они это не одобряют. Ты должен держать рот закрытым. И ты тоже, Джеймс.

— Ее акцент гораздо более заметен, когда она занудствует, не правда ли? — спросил Тед Джеймса.

Джеймс улыбнулся. Это было так.

Он остановился в открытых дверях поезда, глядя на платформу. Сквозь толпу вернувшихся учеников, шумных носильщиков и кричащих членов семьи он увидел Зейна, обнимающегося со своей мамой, симпатичной блондинкой и отцами — высоким, гордым мужчиной. Его сестра участвовала в объятиях, словно против воли, счастливая от встречи с братом, но по-прежнему замороженная красным поездом. Встреча Ральфа с отцом на платформе была более сдержанной, оба смущенно улыбались. Ральф оглянулся и помахал Джеймсу.

— Папа сказал, мы проведем лето в Лондоне! Я смогу приехать в гости!

— Здорово! — радостно крикнул Джеймс в ответ.

И вот, спустившись вниз, Джеймс увидел членов своей семьи, высматривающих его. За момент до того как они заметили его, Джеймс наслаждался своим собственным счастьем. Это действительно был дом. Он побежал к ним, проверяя карман джинсов, чтобы убедиться, что куколка мадам Делакура, сделанная по его подобию, по-прежнему там. Может, она ничего и не значила, но не повредит. Совсем не повредит.

— Джеймс! — закричал Альбус, увидев его первым. — Ты нам что-нибудь привез? Ты обещал!

— Кто я тебе? Санта-Клаус? — спросил Джеймс, засмеявшись, когда Альбус и Лили чуть не опрокинули его.

— Ты обещал! Ты обещал лакричные палочки от леди с тележкой!

— И Пирожные-котелки для Розы и Хьюго, — добавил Гарри, ухмыляясь.

— Вау, как быстро распространяются слухи. Хорошо, хорошо. У меня есть обещанное для всех! — признался Джеймс. Он опустошил

свои карманы, наполнив руки Альбуса и Лили сладостями. Последней он достал куклу вуду и неуверенно посмотрел на нее.

— Что это такое, Джеймс? — спросила Джинни, обнимая его и глядя на вещь в руках сына. — Оно выглядит, как... ну, как ты!

Лицо Джеймса скривилось в усмешке.

— Это для тебя, мам. Я думаю, ты захочешь сохранить это, когда я отправлюсь в школу в следующем году. Ну, знаешь, чтобы вспоминать обо мне.

Джинни взглянула на нее с недоумением, а затем перевела взгляд на Гарри. Тот пожал плечами и улыбнулся.

— Ну, это немного странно, но хорошо, — сказала она, забирая у него куклу. — Если я обниму ее, ты почувствуешь это?

Джеймс равнодушно пожал плечами, пока семья начала прокладывать путь к главному терминалу.

— Я не знаю. Вообще, не важно. Это... Хотя знаешь, полагаю, стоит попробовать.

Джинни кивнула, улыбнулась и взглянула на Гарри, обняв куклу своего сына.

---

notes

Примечания

1

Прим. ред. Grey (Грей) — серый, Pink (Пинк) — розовый.

Прим. ред. Purple — фиолетовый

Rocket — ракета, а Старелка — Wocket (Прим. редакт.)

Прим. ред. Бенджамины — сленговое название 100\$. Так же тут отсылка к синглу «Puff Daddy «It» s All About the Benjamins»

гикори — род североамериканского орешника

Канцлер — это ректор в Великобритании, эта должность носит церемониальный характер и фактически роли не играет. В Америке наоборот, канцлер равен ректору и руководит учебным заведением. (прим. перев.)